UNIVERSITY OF ARIZONA
39001019512048

Digitized by the Internet Archive
in 2023 with funding from
Kahle/Austin Foundation

https://archive.org/details/ocherkizamietkip0000npko

N. P. KONDAKOV

PŘÍSPĚVKY

K DĚJINÁM STŘEDOVĚKÉHO UMĚNÍ

A KULTURY

OCHERKI I ZAMIETKI PO
ISTORII SREDNEVIEKOVAGO
ISSKUSTVA I KULTURY.

PRAHA 1929

VYDALA ČESKÁ AKADEMIE VĚD
A UMĚNÍ

N
5970
K6

Н. П. КОНДАКОВЪ

ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ

ПО ИСТОРІИ СРЕДНЕВѢКОВАГО ИСКУССТВА

И КУЛЬТУРЫ

ПРАГА 1929

ИЗДАНІЕ ЧЕШСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

И ИСКУССТВЪ

Типографія „Политика“, Прага.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Когда мы здѣсь, въ Чехіи, узнали въ концѣ 1921-го года, что академикъ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ живетъ въ Софіи, гдѣ не имѣетъ возможности работать такъ, какъ бы ему хотѣлось, мы въ Прагѣ стали обсуждать, чѣмъ можно помочь этому великому русскому ученому. Послѣдствіемъ этого было согласіе Министерства Народнаго Просвѣщенія на предложеніе Философскаго факультета пригласить Н. П. Кондакова сверхштатнымъ профессоромъ въ Карловъ Университетъ. Н. П. Кондаковъ принялъ это предложеніе и вступилъ въ новую должность 1-го мая 1922 года.

Чтеніе его лекцій и занятія его семинарія происходили сначала въ помѣщеніи „Клементинума", а затѣмъ въ новомъ помѣщеніи Института Исторіи Искусствъ. Къ сожалѣнію, это продолжалось очень недолгое время, отъ 1922/3 до 1925 г.[1]

31-го октября 1924 г. Н. П. Кондаковъ, еще полный силъ, праздновалъ свой 80-тилѣтній юбилей (род. 1 ноября 1844 г. въ с. Халань Курск. губ.), горячо привѣтствуемый чешскими и русскими научными учрежденіями, но уже вскорѣ послѣ этого, 17 февраля 1925 г., онъ скоропостижно скончался.

Мы любили Н. П. Кондакова за его золотое русское сердце и за симпатіи, пробужденныя въ немъ Бодянскимъ, которыя онъ питалъ къ чехамъ еще съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда встрѣчался въ Прагѣ съ Палацкимъ. Ко всему этому нужно добавить то чувство восхищенія, которое вызывали въ насъ его обширныя и глубокія знанія, импонировавшія всѣмъ, интересовавшимся искусствомъ и древностями. Поэтому-то Чешская Академія Наукъ и Искусствъ, членомъ которой Н. П. Кондаковъ былъ съ 1898 г., сочла своей обязанностью почтить память великаго ученаго изданіемъ курса, который онъ читалъ въ Карловомъ Университетѣ. Среди литературнаго наслѣдія Никодима Павловича была найдена рукопись очерковъ, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ частямъ этого курса.

---

[1]) По оффиціальнымъ обозрѣніямъ преподаванія Н. П. Кондаковъ читалъ въ 1922/3 г. о средневѣковомъ искусствѣ (3 часа въ недѣлю), съ 1923/4 г., въ зимнемъ семестрѣ о томъ же предметѣ, въ лѣтнемъ — исторію византійскаго искусства (3 часа въ недѣлю), которую продолжалъ и въ зимнемъ семестрѣ 1924/5 г. Кромѣ того, разъ въ недѣлю велъ занятія семинарія по христіанской иконографіи.

Чешская Академія, по своему уставу, издаетъ работы своихъ членовъ на чешскомъ языкѣ. Но изъ почтенія къ Н. П. Кондакову было постановлено издать рукопись на языкѣ оригинала — русскомъ. Академія поручила нижеподписавшемуся редактированіе труда, которому, согласно его разнородному содержанію, дали мы заглавіе: „Очерки и замѣтки по исторіи средневѣковаго искусства и культуры“, и раздѣлили его на 6 главъ.

Какъ извѣстно, всякое посмертное изданіе требуетъ спеціальной обработки. Такъ и въ данномъ случаѣ явилась необходимость нѣкотораго пересмотра неоконченнаго труда въ видѣ „Очерковъ“, соотвѣтствующихъ цикламъ лекцій, прочтенныхъ и записанныхъ или продиктованныхъ авторомъ въ разное время. За переписку рукописи и первую общую провѣрку мы должны быть благодарны сыну Никодима Павловича, С. Н. Кондакову. Однако, при детальномъ разсмотрѣніи оригинала выяснилось, что необходима болѣе глубокая и проницательная обработка, т. к. въ оригинальномъ текстѣ нашлось достаточно лакунъ, неясностей, неполныхъ и неточныхъ цитатъ, а также приписокъ на поляхъ и т. п. Со всѣмъ этимъ не представлялось возможнымъ издать книгу. Желая все-таки, чтобы и при посмертной, авторомъ неоконченной, формѣ новая книга Н. П. Кондакова выглядѣла какъ можно лучше и отвѣчала какъ можно болѣе намѣреніямъ своего великаго автора, я попросилъ одного изъ его послѣднихъ учениковъ, Д-ра Н. М. Бѣляева, который слушалъ лекціи Н. П. Кондакова до конца его жизни, предпринять новую окончательную провѣрку труда и взять на себя корректуры. Н. М. Бѣляевъ исполнилъ мою просьбу не только съ большой охотой и любовью къ своему учителю, но и съ большимъ знаніемъ дѣла, за что приношу ему здѣсь искреннюю благодарность.

Основной текстъ Н. П. Кондакова остался вполнѣ безъ существенныхъ измѣненій, но былъ обработанъ, гдѣ было нужно, стилистически и дополненъ тамъ, гдѣ были очевидные пропуски, или гдѣ были неполныя цитаты и примѣчанія, наконецъ, гдѣ неясный текстъ требовалъ болѣе точнаго разъясненія. Всѣ дополненія, какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ, обозначены прямыми скобками. Изъ почтенія къ автору всюду сохранено его правописаніе.

Мы старались дать какъ можно болѣе иллюстрацій къ тексту. Соображенія матеріальнаго характера принудили насъ ограничить ихъ число и въ особенности выпустить цвѣтныя репродукціи изъ-за ихъ непомѣрной дороговизны. Часть клише для V-го очерка намъ любезно предоставила редакція журнала »Byzantion« въ Брюсселѣ, для I-го очерка — Національный Музей въ Будапештѣ и для другихъ — Семинарій имени Н. П. Кондакова въ Прагѣ. За предоставленіе клише приношу свою благодарность Prof. Henri Grégoire, Dr. Nandor Fettich и Проф. А. П. Калитинскому.

Такимъ образомъ, очерки были приготовлены къ печати и въ теченіе 1928 г. отпечатаны. Чешская Академія Наукъ и Искусствъ представляетъ ихъ общественности славянской и русской съ надеждой, что, выполнивъ

долгъ свой передъ Н. П. Кондаковымъ, она сдѣлала тѣмъ самымъ дѣло цѣнности всеобщей и непреходящей. Имя Н. П. Кондакова пользуется славой во всемъ ученомъ мірѣ; его работы долгіе годы сохранятъ свою цѣну, и болѣе того — время ее еще увеличитъ. Какъ и другія его работы, „Очерки" останутся незамѣнимымъ пособіемъ при изученіи исторіи искусствъ и древностей, даже и тогда, когда въ частностяхъ придутъ къ инымъ выводамъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ пришелъ Никодимъ Павловичъ.

Л. Г. Нидерле.

Іюнь. 1929.
Прага.

I

ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНЫХЪ КОЧЕВНИКОВЪ И ЮЖНОЙ РОССІИ (СКИѲО-САРМАТСКІЯ)

ВВЕДЕНІЕ[1]

Общій взглядъ на научную постановку исторіи искусствъ.

Въ своемъ краткомъ предисловіи мы встрѣчаемъ нужду высказать свой общій взглядъ на научную постановку исторіи искусства. Хотя избранная для настоящаго сочиненія задача относится цѣликомъ къ области археологіи быта и искусства, тѣмъ не менѣе тѣсная связь самой археологіи искусства съ его исторіей требуетъ опредѣлить ихъ взаимное отношеніе.

Въ современной литературѣ исторія искусства опредѣляется обычно, какъ исторія художественной формы, принимая эту послѣднюю въ широкомъ смыслѣ историческаго развитія формъ архитектуры, скульптуры, живописи и всѣхъ прикладныхъ искусствъ, и всякаго промышленнаго мастерства, связаннаго съ вещественной матеріей. Исторія формы во всѣхъ этихъ видахъ и областяхъ производитъ свои наблюденія надъ поступательнымъ движеніемъ формы, ея перемѣнами, традиціями, разносторонними вліяніями въ ней появившимися, упадкомъ и стаціонарнымъ повтореніемъ, разложеніемъ и исчезновеніемъ. Основная задача науки заключается въ историческомъ построеніи матеріала, и его сравнительной оцѣнкѣ, опредѣленіи времени каждаго памятника и отношеніи къ общей художественной дѣятельности опредѣленной эпохи. Историкъ искусства обязанъ при этомъ кратко обозначить содержаніе даннаго памятника, но не имѣетъ обязанности и нужды входить въ историческій анализъ этого содержанія, такъ какъ этимъ сложнымъ дѣломъ должна заниматься археологія искусства, построяя въ своей области весь содержательный матеріалъ памятниковъ въ особыхъ группахъ, имѣющихъ свою исторію.

Уже на первый, общій, даже посторонній взглядъ, такое раздѣленіе формы и содержанія представляется не только безсмысленнымъ, но и, явно, вреднымъ для самого предмета. Современная литература исторіи искусства открыто направляется по такому одностороннему и ненормальному пути. Вполнѣ понятно, что такого рода крайность научнаго взгляда должна имѣть свои источники въ самой литературѣ предмета, о чемъ и приходится

---

[1]) [Всѣ подраздѣленія въ очеркахъ, равно и указанія на содержаніе на поляхъ, сдѣланы для удобства читателя и автору не принадлежатъ. Примѣчанія редакціи всюду обозначены прямыми скобками.]

сказать предварительно. Врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что основной причиной такого формальнаго построенія нашей дисциплины является, именно, тотъ громадный научный успѣхъ, котораго достигла въ теченіе всего XIX столѣтія классическая археологія. Продолжительное сосредоточеніе нашей науки именно на этомъ отдѣлѣ имѣло въ результатѣ такую многостороннюю разработку, что не только вся художественная древность греко-римскаго міра была разсмотрѣна, опредѣлена, разсортирована и истолкована по группамъ и отдѣльнымъ памятникамъ, но даже вся ея терминологія стала, своего рода, азбучнымъ знаніемъ образованнаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи древняго искусства достаточно назвать статую Зевса, Аполлона, Діониса, чтобы всѣмъ грамотнымъ людямъ было понятно значеніе и содержаніе такого имени. Иного рода дѣло имѣло мѣсто въ средѣ восточныхъ отдѣловъ исторіи древняго искусства, и понятно — тамъ и доселѣ занятія художественными памятниками Египта, Ассиріи, Персіи тѣсно связаны съ занятіями обще-археологическими по египтологіи, ассиріологіи и пр. И, нельзя не сказать, что даже, напримѣръ, сочиненіе столь знаменитаго египтолога, какъ Масперо, по общей исторіи искусства въ Египтѣ, предполагающее, какъ будто предварительное и достаточное знакомство съ египетской миѳологіей и археологіей вообще, также даетъ чувствовать недостатокъ миѳологическихъ и историко-бытовыхъ разъясненій по памятникамъ. Какъ извѣстно, далѣе, на широкомъ археологическомъ принципѣ была построена исторія искусства въ древности — Жоржа Перро, но такъ понимали задачу нашей науки ученые прошлаго вѣка, и уже въ концѣ его использованіе полученныхъ другими научныхъ результатовъ приняло совершенно иной оборотъ, прежде всего въ общихъ руководствахъ по такъ называемой исторіи искусства. Съ того времени и доселѣ появились десятки, такъ называемыхъ, популяризаторовъ и руководителей въ области исторіи искусства вообще. Сначала за это дѣло брались сами ученые изслѣдователи, пытаясь дополнять по работамъ другихъ ученыхъ свои собственныя, а затѣмъ, какъ то имѣетъ мѣсто въ настоящее время и во всѣхъ другихъ наукахъ, легкая задача резюмированія чужихъ работъ стала исполняться лицами, совершенно непричастными къ научному изслѣдованію и даже къ его результатамъ, и большинство подобныхъ общихъ обзоровъ выполняется лицами, едва заявившими себя въ литературѣ предмета. Вполнѣ понятно, что для такого рода спѣшныхъ поѣздокъ излишней помѣхой является тяжелый багажъ археологіи, и общее обозрѣніе становится голой статистической номенклатурой и изобилуетъ легковѣрными, или вовсе легкомысленными, заключеніями по памятникамъ и предметамъ. Историкъ отечественной или иностранной литературы въ своихъ обозрѣніяхъ даетъ краткое изложеніе содержанія и фабулы литературнаго произведенія, тогда какъ историкъ искусства считаетъ себя въ правѣ судить о достоинствахъ и недостаткахъ эпохи или знаменитаго мастера, познакомившись въ снимкѣ съ нѣсколькими произведеніями, ставшими ему доступными.

Древности Восточной Европы.

Предлагаемые вниманію читателей эпизодическіе очерки культуры и искусства Восточной Европы, не претендуя на опытъ всесторонняго изслѣдованія данной области, имѣютъ, однако, своею задачею направить археологическую науку въ ту сторону средневѣковья, которая наименѣе доселѣ подвергалась изученію. Духовное отчужденіе историческихъ изслѣдователей отъ средневѣковья, порожденное эпохою Возрожденія и философски поддержанное XVIII вѣкомъ, продолжалось такъ упорно, что само по себѣ способствовало развитію и превосходству классической археологіи Греціи и Рима съ примкнувшими къ ней отдѣлами египтологіи и ассиріологіи. Въ то же время услужливая теорія, вышедшая изъ классической школы, съумѣла почти сомкнуть упадочный періодъ класической литературы и культуры греко-римскаго міра въ романизованныхъ странахъ съ начальною эпохою Возрожденія. Промежуточная эпоха трехъ, четырехъ столѣтій средневѣковаго мрака, разсѣиваемаго временемъ Карла Великаго, оказывалась, такимъ образомъ, столь незначительною, что не требовала особыхъ усилій науки для ея заранѣе условленной характеристики. Руководясь исключительно исторіею средневѣковаго Рима, историческая наука опредѣлила, что исторія этого періода (IV-X вѣка) прошла „подъ знаменемъ церкви“, борьба съ которою начинается съ XI вѣка. Исторія средневѣковаго искусства ограничивалась исключительно „исторіею христіанскаго искусства“, и потому для народностей, принявшихъ христіанство только въ IX—X вѣкахъ, средневѣковой художественной жизни какъ бы не существовало.

Между тѣмъ, для той же Восточной Европы и политическая исторія и археологія древняго искусства и культуры знаетъ продолжительный и сравнительно богатый памятниками отдѣлъ древностей Босфора Киммерійскаго и скиѳо-сарматскихъ народовъ, который, начинаясь почти одновременно съ нарожденіемъ переднеазіатской культуры, какъ бы прерывается въ III вѣкѣ по Р. Х. и не имѣетъ, будто бы, дальнѣйшаго хода въ исторіи.

Подобныя историческія несообразности понятны въ европейскихъ построеніяхъ Всеобщей Исторіи, которыя пока руководятся различными политическими взглядами и направленіями, но, очевидно, должны подчиниться прежде всего научнымъ требованіямъ полноты и связи, а затѣмъ естественному историческому интересу къ мало разработанной научной области средневѣковыхъ древностей.

Древности средневѣковья Восточной Европы тѣсно связаны съ древностями скиѳо-сарматскими, подобно тому, какъ древности Западной Европы съ греко-римскимъ міромъ, а сами скиѳо-сарматскія древности, въ свою очередь, связаны съ міромъ древняго Востока и съ тѣмъ же греко-римскимъ міромъ.

Изученіе скиѳо-сарматскихъ древностей.

Отчасти въ силу послѣдней связи древностей скиѳо-сарматскихъ съ памятниками классическаго искусства и передней Азіи, Ассиріи и Персіи, также разработанныхъ, эти древности подверглись глубокой научной разработкѣ (преимущественно академика Л. Стефани), главнымъ образомъ, на основѣ

изученія стилей и иконографическихъ типовъ греко-римскаго искусства по времени поступленія находокъ отъ ежегодныхъ раскопокъ.

Въ результатѣ такой разработки стали возможны и такія систематическія обозрѣнія всего накопленнаго матеріала, которыя сами по себѣ закрѣпляютъ глубокую важность и характерность вѣковыхъ историческихъ процессовъ, залегшихъ, какъ широкая база и неотъемлемый фундаментъ быта и культуры, на обширной территоріи степей Восточной Европы и прилегающихъ къ ней степей азіатскихъ. Таково обозрѣніе всего историческаго и археологическаго матеріала, составленное Кембриджскимъ профессоромъ Е. Г. Миннсомъ.[1]

Въ послѣднее время эти древности явились предметомъ замѣчательнаго опыта исторіи Южной Россіи,[2] начиная съ такъ называемаго доисторическаго и протоисторическаго періода и кончая періодомъ классическимъ вплоть до эпохи переселенія народовъ, т. е. до средневѣковья: этотъ научный опытъ, основанный на стилистическомъ анализѣ памятниковъ искусства и историческихъ данныхъ, на изученіи надписей и монетъ и въ то же время на основѣ общей науки классической археологіи и древней исторіи, принадлежитъ извѣстному академику М. И. Ростовцеву. Ежегодныя обозрѣнія поступающаго вновь скиѳскаго археологическаго матеріала, исполняемыя русскимъ спеціалистомъ по греческому искусству Б. В. Фармаковскимъ, завершаются систематическимъ изслѣдованіемъ архаическаго періода скиѳскихъ древностей и обѣщаютъ дальнѣйшее его продолженіе.[3]

Итакъ, литература скиѳо-сарматской археологіи представляетъ настолько высокій уровень въ изученіи ея матеріаловъ, что даетъ уже достаточный базисъ, дабы строить на немъ разслѣдованіе средневѣковой исторіи народнаго искусства восточныхъ территорій Европы. Въ то же время архео-

---

[1]) Древности Босфора Киммерійскаго. СПБ., 1854, въ листъ. Переиздано С. Рейнакомъ въ 1892 г. въ 8-ую. Древности Геродотовой Скифіи. 1866 и 1873 въ 4-ую и въ листъ. Отчеты Имп. Археологической Комиссіи, 1859—1881 гг., 1882—8 г. въ 4-ую и въ листъ, 1889—1898 въ четвертую. Извѣстія Имп. Археологической Комиссіи съ 1901 — въ 8-ую. [Матеріалы по археологіи Россіи, тт. 13, 31, 34, 37 и др.] А. Лаппо-Данилевскій. Скиѳскія древности. Записки Имп. Арх. О-ва. 1887. Н. П. Кондаковъ и графъ И. И. Толстой. — Русскія древности въ памятникахъ искусства. 1889—1890 г. вып. I, II и III, и на франц. яз. „Antiquités de la Russie méridionale“ въ 1891 г., въ сотруднич. съ С. Рейнакомъ. В. В. Латышевъ. Scythica et Caucasica. Ellis H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

[2]) M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford. 1922. Краткое предварительное изложеніе этого сочиненія на русск. яз. изд. въ Петроградѣ въ 1918 г., и статьи того же автора въ Journal des Savants 1920, въ American Historical Review 1921 и Revue des études Grecques 1921. [Также: М. И. Ростовцевъ: Скиѳія и Боспоръ. 1925, гдѣ стр. IV см. списокъ отдѣльныхъ статей того же автора за 1918—25; Сарматскія и индо-скиѳскія древности въ Recueil — Kondakov, стр. 239—258; Богъ-всадникъ на югѣ Россіи, въ Индо-Скиѳіи и Китаѣ въ Seminarium Kondakovianum, I, стр. 141—6].

[3]) Б. В. Фармаковскій. Архаическій періодъ въ Россіи. Матер. по археологіи Россіи n⁰ 34. 1914 г.

логъ, построяющій свою науку на изученіи памятниковъ, имѣетъ передъ собою почву историческаго періода и притомъ разрабатываетъ матеріалъ исключительно объективный. Отсюда единственное условіе изслѣдованія — не терять связи съ древними источниками. Художественныя формы средневѣковыхъ памятниковъ будутъ измѣняться во времени, по территоріямъ, по народностямъ, но основа явленій останется непосредственно близкою къ древности, ея наслѣдіемъ. Показать историческія формы этой основы, суммировать культурное наслѣдіе древности, — такова задача краткаго введенія, намъ предстоящаго.

1.

Связь кочевниковъ Азіи и Восточной Европы.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на источникахъ и критическимъ анализомъ текстовъ Геродота усиливаться. Историческій взглядъ, установившійся какъ на текстахъ Геродотовой Скиѳіи, такъ и на отрывочныхъ свѣдѣніяхъ китайскихъ хроникъ, окончательно выяснилъ племенную и бытовую связь кочевниковъ Азіи и Восточной Европы. Кратко говоря, можно считать утвержденнымъ, что большинство Скиѳскихъ племенъ, помимо финно-угорскихъ народовъ, было тюркской расы, но также большинство Сарматовъ, если не цѣликомъ было иранцами, то относилось все-таки къ индоевропейской расѣ. Возможно, далѣе, что пришедшая позднѣе племенная дифференціація еще не имѣла мѣста, и тюркская раса не знала еще подраздѣленій на монголовъ, турокъ и татаръ, когда уже сложился вполнѣ бытъ азіатскаго кочевья. Вообще всякіе опыты анализа извѣстій о кочевникахъ должны оставаться въ предѣлахъ предположеній, такъ какъ вполнѣ ясно само по себѣ смѣшеніе расъ у кочевниковъ, и названія Монголовъ, Турокъ, Татаръ, какъ и древнихъ Аланъ, Аваровъ, Гунновъ, указываютъ вовсе не на расы, но на исторически соединившіяся или смѣшавшіяся племена, выдѣлявшіяся изъ другихъ своимъ господствомъ въ послѣдовательно сформировавшихся группахъ племенъ, а не національнымъ сплоченіемъ и размноженіемъ, которое наблюдается у земледѣльцевъ. Если Геродотъ зналъ въ Скифіи десятки племенъ, то и современная Сибирь насчитываетъ у себя 32 племени, и между ними главныя племена, напримѣръ, татаръ, оказываются также смѣшанными, какъ Турки и др. Несравненно важнѣе для опредѣленія подобныхъ племенъ ихъ образъ жизни, обычно наиболѣе консервативный, по сравненію съ языкомъ и даже религіею. Всѣ эти племена и нынѣ представляютъ частью почти примитивныя формы быта, какъ напримѣръ, оленеводы, звѣроловы и рыболовы, частью же достигли высокой культуры. Однако, эта самая примитивность есть ни что иное, какъ переживаніе примитивнаго быта племени, имѣвшаго ранѣе высокую культуру и постигнутаго упадкомъ ея, вслѣдствіе размноженія кочевниковъ и утѣсненія отъ земледѣльцевъ, а также собственнаго вырожденія. Идиллическія формы быта разныхъ Геродотовскихъ

Галактофаговъ, питающихся молокомъ, и Авіевъ, не знающихъ жизни, возможно, также были уже явленіемъ упадка и разложенія бывшей культуры. Возможно, далѣе, что формы быта кочевниковъ уживались въ примитивномъ видѣ рядомъ съ развитою культурою, промыслами и торговлею, и что въ степяхъ Европейской Сарматіи и въ равнинахъ Сибири существовали одновременно переходы отъ первобытнаго звѣроловства къ широкому скотоводству, коневодству и овцеводству, а равно и обратно, и притомъ съ переходами отъ земледѣлія къ кочевью. Точнѣе говоря, нѣтъ основаній представлять себѣ кочевниковъ Азіи и Южной Россіи, живущихъ собственно пастушескимъ бытомъ подобно ли библейскимъ праотцамъ или современнымъ Бедуинамъ. Въ самомъ дѣлѣ, азіатское кочевье и доселѣ происходитъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ такъ называемый пастушескій бытъ, и, напримѣръ, точные свидѣтели сообщаютъ, что въ громадной Монголіи каждая кочевая семья владѣетъ, по крайней мѣрѣ, 20—25 конями, 50 баранами, 15 штуками рогатаго скота, 10 верблюдами и проч.

Бытъ кочевниковъ.

Вотъ какими яркими чертами набрасываетъ монгольскій эпосъ[1] идеальную картину кочевого хозяйства на территоріи Алтая и его отроговъ въ тѣ счастливыя времена кочевья, когда тамъ „господствовалъ миръ и всюду разливалось его благополучіе“, „вожди народа обладали неистощими добродѣтелями“, во времена богатырей. „Возвышается пятидесятиголовый, сокровенный Хангай, выросшій сразу безъ скатовъ-уваловъ; подымаются нагроможденныя алтайскія горы, выросшія безъ переваловъ, возвышаются глухіе бѣлые утесы, темнѣютъ непроходимыя заросли, чащи лѣса услаждаютъ глазъ, бѣлѣютъ снѣговые хребты, возвышаются ледяныя вершины. Вотъ радостная, прекрасная отчизна. Наполняя отроги Алтая и Хангая выросъ и завладѣлъ тою мѣстностью табунъ пестрыхъ и вороныхъ съ гнѣдыми коней, имѣли они видъ знаменитыхъ скакуновъ, много разъ теряли имъ счетъ. Красные и желтые верблюды выросли, наполнивъ Гоби на склонахъ Хангая; имъ товарищами черные верблюды; кладеные верблюды ходятъ отдѣльно табуномъ сотни тысячъ, трехъ-годовалые табунами въ десять тысячъ, однолѣтки, двухлѣтки ревутъ табунками на мѣстахъ съ дикимъ чеснокомъ, кормятся и жирѣютъ. Красныя коровы, которымъ счетъ много разъ теряли, и безрогіе красные быки заполнили ширину степныхъ равнинъ и рѣчныя ущелья. Черные быки, куцые волы съ намордниками и безъ нихъ, бычки и телята бѣгаютъ по горнымъ те-

---

[1]) Монголо-Ойратскій героическій эпосъ. Переводъ и вступленіе проф. Б. Я. Владимірцова, Петроградъ, 1923 г. Конечно, такія лирико-эпическія вступленія въ народномъ эпосѣ, былинахъ и пѣсняхъ повсюду не чужды подражательныхъ перепѣвовъ искусственной и письменной лирики, и въ данномъ случаѣ полезно было бы отъ знатоковъ слышать детальныя указанія отношеній монгольскаго эпоса къ литературамъ культурной Азіи. Любопытна, напримѣръ, близость этихъ вступленій къ китайской лирикѣ VII в. по Р. Х. отрывки которой изданы въ переводахъ въ журналѣ „Востокъ“, 1923 г., кн. I, стр. 39—45.

рассамъ. Трехлѣтніе прыгаютъ по балкамъ, двухлѣтки и малые телята скачутъ и трусятъ на сырыхъ лукорѣчьяхъ. Красный рогатый скотъ завладѣлъ всею тою стороною. Овцы бѣлыя какъ раковина выросли, наполнивъ подъемы тринадцати алтайскихъ переваловъ; цѣлая область народа наблюдала за ними, бараны и козлы ходятъ отдѣльно, давно потеряли имъ счетъ, и невозможно сказать, какъ много этого скота.

Посреди Алтая и Хангая дымятся десять широкихъ равнинъ, синѣютъ разныя травы, плодовыя и сандаловыя деревья качаются, птицы летаютъ стаями. Степная полынь и ковыль поднимаются вмѣстѣ, всюду повыросли разные цвѣты, тѣснятся, переплетаются корнями. Бѣлыя антилопы кружатся, широко разбредаются и пасутся; бѣгаютъ, играя, тигры и медвѣди, шумятъ лебеди и разныя птицы, дикіе кони скачутъ съ грохотомъ. Черные беркуты стенаютъ, подстерегая добычу. По склонамъ горъ колышутся развѣсистыя деревья, щебечутъ пестрыя птицы, таетъ съ шипѣньемъ снѣгъ на высотахъ, густая трава колышется стѣною."

Культурный уровень кочевниковъ.

Далѣе знаемъ, что кочевники Средней Азіи, Алтая и Западной Сибири издревле жили рядомъ съ высококультурными странами: Согдіаною, Бактріею, Парѳіею, Персіею, Индіею и Китаемъ, и находились съ ними въ постоянномъ общеніи и равно въ непрестанной войнѣ. Равно и кочевники Южной Россіи близко знакомы или даже связаны были съ культурою Греціи, Іоніи, Сиріи и Арменіи. Кочевники развили у себя въ колоссальныхъ размѣрахъ коневодство, излюбивъ и самого коня, лучшія верховыя породы котораго (аргамаки) поставляли они на древній міръ, а его мясо предпочитали всякой иной пищѣ, равно какъ и кумысъ изъ молока кобылицъ. Алтай, Монголія, равнины Средней Азіи кормятъ и нынѣ колоссальное овцеводство, не требуя заготовки корма на зиму, когда стада переходятъ на горы. Окрестные лѣса дѣлали кочевника звѣроловомъ или страстнымъ охотникомъ, и понятно, что именно кочевники издревле поставляли для культурныхъ странъ мѣха. Какъ скотоводы, кочевники стали поставщиками кожъ, заведя у себя мастерскія для ихъ дубленія и выдѣлки конской упряжи, ремней, сапогъ (по сіе время племена Кавказа, Лезгины и др.). Овцеводы стали шерстобитами, сосредоточиваясь въ кустарныхъ мастерскихъ на выдѣлкѣ войлока для палатокъ, кошмъ для половъ, мягкихъ шляпъ, затѣмъ грубыхъ видовъ сукна и т. д. Именно у нихъ развилось производство ковровъ, также сначала ограничивавшееся п а л а с а м и (ковры безъ мохнатаго верха), а въ Средней Азіи и обработка хлопка, выдѣлка пряжи и тканей бумажныхъ и вышивки, вмѣстѣ съ шитьемъ шелками, золотомъ и серебромъ, украшенія одеждъ, столовыхъ приборовъ и пр. Кочевники же, удаленные отъ городовъ, какъ напримѣръ, въ Западной Сибири и на Сѣверѣ, занялись рано выдѣлкою мѣдной посуды (доселѣ этимъ мастерствомъ славятся задвинутыя въ предгорья Кавказа народности, таково извѣстное село Кубечи и др. въ Дагестанѣ). Такимъ образомъ, совершенно ясно, что культура приходила къ кочевникамъ ранѣе, чѣмъ къ земледѣльцамъ, и таково

должно быть историческое положеніе. Но, въ противность этого очевиднаго вывода по историческому наведенію, въ современномъ обиходѣ доселѣ остается индуктивнымъ путемъ полученное (см., напр. въ соч. Вундта о „Народной психологіи“, томъ X) соображеніе, что культура и государственная жизнь создаются ранѣе у земледѣльца, какъ у осѣдлаго труженика. Впослѣдствіи мы увидимъ ясно ходъ нарощенія культуры у Славянъ земледѣльцевъ въ результатѣ общенія съ кочевымъ бытомъ, а также появленія у нихъ же государственныхъ формъ, въ видѣ прикрѣпленія къ власти кочевой орды.

Государственность у кочевниковъ.

Основная причина такого историческаго факта заключается въ основномъ явленіи кочевого быта, подмѣченномъ еще Библіею въ пастушескомъ быту Востока: именно въ естественномъ наростаніи кочевого богатства, о которомъ въ идиллической формѣ повѣствуютъ первыя книги Бытія въ исторіи Авраама и Іакова. Шах-Наме разсказываетъ, какъ разъ богатырь Персіи Рустемъ съ семью товарищами задумали потѣшиться охотою въ „ловахъ“ Афрасіаба (у Турокъ или Туркменъ) и нашли такой парадизъ, окруженный горами и рѣкою, что семь дней били тамъ всякую запасенную дичь: львовъ, оленей, козъ, зайцевъ, фазановъ и пировали, и только тогда стали уходить оттуда, когда дошелъ слухъ, что узналъ Афрасіабъ о появленіи смѣльчаковъ и высылаетъ засаду на перерѣзъ имъ — сто тысячъ всадниковъ на панцырныхъ коняхъ. Богатства Турана и арабскихъ кочевниковъ воспѣваются поэмою Фирдуси въ рядѣ эпизодовъ, правда, также въ идиллической картинѣ кочевья: у мудраго мужа, всадника, изъ пустыни, могучаго владыки и благочестиваго человѣка, владѣльца дойныхъ стадъ, стояло на готовѣ десять тысячъ коней въ золотой упряжи, и сынъ молодой уже мечталъ о міровомъ завоеваніи. Но тѣ же самыя богатства вызвали рано постановку кочевья на военную ногу, ради охраненія занятой территоріи и еще болѣе ради пріобрѣтенія новой.

Азіатскіе кочевники, захватившіе колоссальныя территоріи для своихъ пастбищъ, уже въ глубокой древности, какъ напримѣръ, Гунны,[1] по свидѣтельству китайскихъ лѣтописей, еще во II тысячелѣтіи до Р. X. перешли изъ мирнаго, но разрозненнаго быта, на военное положеніе, создавъ орду, а въ ней учредивъ ханство или царство, простиравшееся сначала отъ Урала до Китая, а затѣмъ раздѣлившееся на два: восточное и западное, и послѣ того дробившееся, въ силу формировки крупныхъ и мелкихъ ордъ. Орда представляетъ по существу сборъ кочевниковъ, ихъ кругъ, и въ то же время составляетъ ихъ лагерь, военую стоянку, съ которой весь кругъ, готовый къ походу, т. е. — точнѣе — набѣгу, по близости или даже за предѣлами Азіи, обязанъ идти за воеводою, какъ его свита (орда), или какъ вся военная сила народа, племени, или всего ханства. Остановившись, орда разомъ об-

---

[1]) См. указ. соч. Minns p. 35—50, 91—130 и др., равно Rostovtzeff, p. 35—61, далѣе статьи и изложенія мнѣній де Гиня, Друэна въ Grande Encyclopédie, v. Huns.

разуетъ собою движущійся городъ, съ мечетями и рынками, а черезъ нѣкоторое время, формируетъ военный центръ новаго кочевья. Китайцы считали орды, по числу поставляемаго ими коннаго войска — отъ малыхъ чиселъ до ста тысячъ конниковъ и болѣе, съ примѣсью пѣхоты, образующейся уже на мѣстахъ. Раскопки, произведенныя академикомъ В. В. Радловымъ,[1] вполнѣ потверждаютъ наблюденія китайцевъ и представляютъ также часто находку большихъ конскихъ погребеній въ Сибири и на Кубани (въ иныхъ мѣстахъ Европейской Россіи рѣже) отъ 16 до 50 конскихъ скелетовъ въ одномъ курганѣ. Конечно, этою воинственностью отличались не всѣ кочевыя племена, но немногія и достигнувшія господствующаго положенія, какъ напримѣръ, въ древности Гунны, Авары, Аланы, впослѣдствіи Турки, Татары, тогда какъ прочіе уже подчинялись поневолѣ и, въ свою очередь, развивались въ ту же сторону, какъ Печенѣги, Половцы или Куманы, но уже Амміанъ Марцеллинъ знаетъ историческій типъ воинствующаго кочевника, говоря, напримѣръ, о Сарацынахъ;[2] онъ же сообщаетъ (XXIV, 6, 3), что видѣлъ въ Месопотаміи, среди сада, бесѣдку, украшенную живописью: разныя царскія охоты, и замѣчаетъ, что „тамъ и не рисуютъ впрочемъ ничего кромѣ охотъ и войнъ“ — таковъ общій вкусъ Азіи въ началѣ средневѣковья. Что̀ наиболѣе характерно, такое воинственное построеніе кочевыхъ ордъ, начавшееся за 1500 лѣтъ до Р. Х., удерживалось ими до временъ Аттилы, аварскихъ насилій, болгарскихъ набѣговъ на Византію, угорскихъ передвиженій и т. д., пока не началось вымираніе подъ неблагопріятными условіями или измѣненіе въ культурѣ подъ вліяніемъ христіанства. Какъ изображаетъ Іеремія (VI, 22—5) предстоящій набѣгъ на Сирію народа отъ Сѣвера, жестокаго, безчисленнаго, наполняющаго воздухъ храпомъ лошадей, избивающаго мирныхъ жителей, такъ описываютъ и очевидцы нашествія Чингиса и Тимура, подъ впечатлѣніемъ ужаснаго вида несущейся несмѣтной и озвѣрѣлой орды.

Основною причиною этой воинственности кочевниковъ и ихъ завоевательныхъ плановъ[3] было раннее образованіе въ средѣ кочевья богатой аристократіи, предавшейся охотѣ, звѣроловству, и выдѣлившей изъ себя классъ офицерства, о которомъ, подъ разными названіями, говорятъ китайскіе хроникеры и послы Византіи къ варварамъ позднѣе. Гунны уже въ глубокой древности имѣли ханомъ Сына Неба, то есть также, какъ китайцы и еще ранѣе Египтяне, чтили своего владыку богомъ, приписывая ему божественное или демоническое происхожденіе. У хана по сторонамъ его трона стояли ближайшіе чины, 12 слѣва и 12 справа, изъ нихъ было два хана, два великихъ генерала, два великихъ полковника, итого 24 вождя

---

[1]) W. Radloff. Aus Sibirien, Leipzig, 1884. II, 129 сл.

[2]) XIV, 4. — Saraceni... sunt bellatores seminudi coloratis sagulis pube tenus amicti ... errant semper per spatia longe lateque distenta; ... dotis nomine futura conjunx hastam et tabernaculum offert marito...

[3]) В. В. Григорьевъ: Восточный и Китайскій Туркестанъ; въ: Землевѣдѣніе К. Риттера, изд. Имп. Р. Геогр. О-ва, СПБ. 1873. Herbelot Bibl. or. v. Tou-Kiou.

орды; первые командовали десятью тысячами коней, слѣдующіе тысячами, владѣли царствами и были наслѣдственными.

Извѣстно, что эта форма государственнаго устройства въ видѣ военнаго „круга" или „орды" оставалась навсегда связанной такъ или иначе съ личностью вождя, и орда дѣлилась или даже дробилась между наслѣдниками его или вовсе распадалась. Но существенно, повидимому и не случайно, сходство этой формы съ нѣкоторыми культурными государствами Азіи, какъ напримѣръ, на первомъ мѣстѣ съ Персіею, управлявшеюся при Арсакидахъ и позднѣе при Сассанидахъ черезъ сатраповъ. И потому даже въ этой высшей формѣ у кочевниковъ наблюдается, если не самостоятельность, то своеобразіе, и въ вопросѣ о средневѣковой Персіи возможно, что не ей принадлежалъ починъ къ переходу на эту форму.

Вообще говоря, культура кочевья настолько своеобразна и потому консервативна, какъ то доказывается окончательно его бытовымъ укладомъ, что въ отношеніяхъ культурныхъ странъ: Китая, Индіи и Персіи къ азіатскому кочевью, вліяніе и заимствованіе имѣло мѣсто для обѣихъ сторонъ. Но, конечно, подвижность кочевника и также разбросанность или, точнѣе, отсутствіе отечества для него — не даромъ Скиѳы указывали Дарію на свои некрополи, которые они бы стали защищать — были причиною заимствованій съ его стороны. И въ силу этого кочевье ближе знало Китай, Индію и Персію, чѣмъ люди и правители этихъ странъ знали кочевье.

2.

Религіозныя вѣрованія кочевниковъ.

Важнѣйшею областью заимствованій и наиболѣе прочною была религіозная, что объясняется всего болѣе разрозненностью кочевья и отсюда рѣшительнымъ вліяніемъ его вождей въ дѣлѣ усвоенія вѣры, ея ученія, ея обрядовъ: вмѣстѣ съ вождемъ ее принимала дружина, т. е. высшій классъ, за нимъ все кочевье, поставленное на военную ногу. Понятно, однако же, что только немногіе чины кочевья знакомились съ самымъ ученьемъ и вѣрою, все прочее кочевье довольствовалось усвоеніемъ обрядовъ или культомъ, и скорѣе вѣрованіемъ въ своихъ идоловъ, въ новополученные амулеты, и даже въ своихъ жрецовъ и маговъ, чѣмъ въ новыхъ боговъ. Основная и рѣзкая разница съ новымъ культомъ въ греко-римскомъ мірѣ, особенно въ раннюю его эпоху, гдѣ развивается не столько обрядовая сторона, сколько миѳологическая. Вотъ почему безполезно искать среди кочевниковъ слѣдовъ ученія Зороастра, Будды и Магомета. Идеалъ кочевой вѣры представленъ поэтому въ Тибетѣ, гдѣ семья ставитъ себѣ задачею воспитать одного ламу или духовное лицо. Какъ увидимъ ниже, религія азіатскихъ кочевниковъ отъ первобытнаго анимизма, т. е. исконнаго вѣрованія въ невѣдомую душу всего окружающаго человѣка и въ духовъ, наполняющихъ міръ, но невидимыхъ, какъ невидимъ духъ умершаго, перешла къ магизму, т. е. къ вѣрованію въ маговъ (шамановъ), которые путемъ

сверхестественнаго общенія съ духами, становятся владѣтелями или распорядителями демоническихъ силъ, при помощи заклинаній, обрядовъ и священныхъ предметовъ. Въ то же время маги были и вождями, вѣрнѣе, сами вожди становились магами и, посѣщая культурныя страны, вывѣдывали новые культы, магическія заклятія, формулы гаданій и распространяли все это среди своихъ дружинъ: такъ было у кочевниковъ, какъ у сассанидскихъ царей, у хановъ Индо-Скиѳіи (буддистъ Канишка), такъ будетъ затѣмъ у Хазаръ, Руссовъ, Готѳовъ, Болгаръ и т. д. Но исконные обычаи и формы уцѣлѣютъ до позднѣйшихъ временъ. Такъ, напримѣръ, мы узнаемъ, что гвардія гуннскаго хана называлась хун-ли — волки и главное знамя этой гвардіи была голова волка изъ золота на древкѣ. Но и у Турокъ въ Европѣ были отряды, имѣвшіе на шлемахъ волчьи головы, и отсюда пошли германскіе термины Вольфа-Гвельфа.[1]

Древности восточныхъ кочевниковъ и южной Россіи совмѣстили въ своихъ формахъ всю силу вѣкового уклада жизни и незыблемость исконнаго міровоззрѣнія, не затронутаго, а лишь укрѣпленнаго культурными, но родственными вліяніями. Образъ мирно улегшагося на пастбищѣ оленя[2] представляетъ въ средѣ этихъ древностей и священный „тотемъ“ первобытнаго кочевья, и реальную обстановку быта, и магическую формулу, сопровождающую духъ умершаго въ будущую жизнь, въ среду благихъ боговъ неба и злыхъ демоновъ подземнаго мрака. Такой смыслъ имѣетъ пластина золотого налучья, положенная въ подпольный тайникъ царскаго склепа въ курганѣ Куль-Оба. Примитивный анимизмъ съ его страхомъ злой воли окружающихъ человѣка злыхъ духовъ земли является основою сложной магической системы и изощреннаго культурными доктринами шаманства. Если еще Геродотъ сообщаетъ о поклоненіи Скиѳовъ мечу и торжественныхъ актахъ освященія мечей, то и черезъ тысячу лѣтъ послѣ Прискъ говоритъ о находкѣ чудеснаго меча бога войны Аттиллою передъ его наступленіемъ на Западъ.

Основной анимизмъ не только порождаетъ формальный культъ мертвыхъ, какъ то было у Римлянъ и есть у Китайцевъ, но путемъ усвоенія культурныхъ построеній религіи и ея ученій приводитъ къ выдѣленію касты маговъ, волхвовъ, прорицателей и колдуновъ, заправляющей общеніемъ людей съ духами умершихъ, боговъ и демоновъ. Магъ или шаманъ знаетъ формулы и пріемы „некромантіи“ — вызова духа умершаго родственника ради помощи дому его въ бѣдѣ, болѣзни, защиты отъ злыхъ духовъ, и равно владѣетъ тайнами дѣла погребенія, какъ приготовленія къ встрѣчѣ со стражами загробнаго міра, секретами заклятій, силами молитвъ и обрядами жертвоприношеній. Понятно, что магія въ шаманствѣ

---

[1]) Herbelot, Biblioth. or. v. Tuku. Minns, l. c., p. 94.

[2]) [Памятники сопоставлены: Fettich Nándor: A. Tápiószentmárton aranyszarvas, in Archaeologiai Értesitő, t. XLI, p. p. 138—145.]

не только чрезвычайно осложнилась усвоеніемъ формъ послѣдовательно нароставшаго въ азіатскихъ ученіяхъ ритуала и формъ, но успѣла даже выродиться, породить своеобразныя и дикія формы и обряды. Утрачена, напримѣръ, роль торжественнаго магическаго жезла — барсома или баресмана — связки прутьевъ, которою гадали Персы и, по словамъ Геродота, Скиѳы, но появились идолы боговъ и подражательныя представленія и „ряженіе“.

Кудесничество. Къ этому вырожденію первоначальной магіи, заключавшейся почти исключительно въ обрядовыхъ вызовахъ души умершаго, присоединилось равно колдовство и кудесничество, составившее въ эпоху переселенія народовъ тѣневую сторону формировавшагося шаманства. Это было время внутреннихъ классовыхъ и бытовыхъ переворотовъ, государственныхъ потрясеній, когда взбаламученное море кочевья, сдвинутое съ родныхъ степей, бросилось на поискъ новой родины. То было время, когда самые верхи знати и просвѣщенія были подавляемы ужасами нескончаемыхъ войнъ, рѣзни и грабежей, производимыхъ солдатчиною и пиратами, и сами императоры римскіе, какъ напримѣръ, Констанцій и Юліанъ и персидскій воитель царь Сапоръ культивировали магію и ея artes nefandas,[1] какъ вѣрное средство охранять собственную жизнь, узнавать будущее, и Амміанъ Марцеллинъ думаетъ, что отказъ и отреченіе Юліана отъ христіанства еще въ молодости было вызвано страстью гаданья;[2] Юліанъ изводилъ сотни быковъ и массы бѣлыхъ птицъ для гаданій, поощрялъ дѣла „оракуловъ“ и гадателей. По мнѣнію того же древняго и точнаго автора, родиною магіи и ея вѣтви — астрологіи была Месопотамія; къ тайнамъ Халдеи много прибавилъ Бактріецъ Зороастръ, затѣмъ Гистаспъ царь, проникшій въ секреты верхней Индіи и ученіе Брахмановъ и пр. Такимъ образомъ, азіатское варварство сходилось въ данную эпоху съ утонченною культурою Греціи и Рима въ пристрастіи къ астрологіи и магическимъ формуламъ.

Магія. Персы владѣли наукой магіи и ея пріемами; исторія ихъ миѳическихъ царей въ героической эпопеѣ Фирдоуси знаетъ царя Джемшида, у котораго изъ тѣла выростали змѣи, и Зогака[3] — „драконьяго“ царя (IV, V). Но, ведя вѣковую борьбу съ кочевьемъ и могучею Парѳіею, Персы отождествили „Афрасіабъ“ или „Туранъ“ съ Ариманомъ, богомъ злого начала въ мірѣ и владыкою безчисленныхъ демоновъ. Иранъ одолѣвалъ въ концѣ концовъ, благодаря чудеснымъ богатырямъ, но все время истекалъ кровью отъ набѣговъ и опустошеній и съ ужасомъ относился къ Мазендерану (южному побережью Каспійскаго моря), горному убѣжищу неукротимыхъ Парѳянъ. Эпопея повѣствуетъ, что во время счастливаго начала царствованія Кей-Кауга разъ пѣвецъ воспѣвалъ Мазендеранъ, страну вѣчной весны,

---

[1]) Amm. Marcellini. Rerum gestarum. libr. XIV, 1; XIV, 7; XV, 7; XXI, 1, 3, 13, 15.

[2]) ibid, libr. XXI, 3; XXIII, 6.

[3]) [Въ рукописи имена царей: „Джемшира“ и „Догана“.]

прохлады и цвѣтовъ, моря розъ и тюльпановъ, и воспламененный юноша царь задумалъ тутъ же походъ на завоеваніе дивной земли. Но пришли въ ужасъ князья и совѣтники царства при мысли о войнѣ съ страшнымъ жилищемъ могучихъ дэвовъ, разомъ стали умолять царя не губить себя, войско и царство. Настоялъ на своемъ безуміи царь, пошли всѣ военныя силы, и вотъ началъ главный дэвъ Сипедъ, вызванный на битву шахомъ, свои волшебства: въ глазахъ персидскаго войска онъ выросъ какъ гора, явились черныя тучи, палъ великій мракъ, какъ море черной смолы, войска окуталъ черный дымъ, стали падать песокъ и камни, двѣ трети войска и шахъ ослѣпли, и всѣ ослѣпшіе попали въ плѣнъ.[1] Избавилъ шаха и войско и будто бы возвратилъ имъ зрѣніе герой Рустемъ, совершивъ семь подвиговъ на походѣ и излѣчивъ глаза людей кровью того же волшебника Сипеда, котораго онъ намѣренно разрѣзалъ на мелкія части.

Злостные демоны въ монгольскомъ эпосѣ алтайскихъ Ойратовъ именуются Мангусами, что собственно значитъ: чудовище, пожирающее людей. Былина о богатырѣ Бумъ-Эрдени разсказываетъ о черныхъ мангусахъ, поселившихся въ равнинѣ и ставшихъ предметомъ ужаса въ запретномъ, заповѣдномъ мѣстѣ. Изъ пяти мангусовъ красный съ тьмою головъ, съ краснымъ знаменемъ, конемъ кроваваго цвѣта водитъ за собою тьмы воиновъ. Прочіе имѣютъ множество головъ и также ведутъ за собою тьмы воиновъ. Мать мангусовъ страшная шаманка, живущая у истоковъ рѣкъ, у подножья горы Онгонъ. Чародѣйствомъ матери узнали они о готовящемся нападеніи великаго богатыря и выѣхали навстрѣчу ему и его товарищу, и увидали богатыри, что небо и земля потеряли цвѣтъ, и потянулся туманъ разныхъ цвѣтовъ, и покатилися въ пасть мангусу горки, деревья и камни, но не смогъ красный мангусъ всосать богатырей, и ударилъ Бумъ-Эрдени разомъ краснаго мангуса и его коня. Запылалъ тогда синій огонь, а мангусъ остался цѣлъ, какъ раньше былъ. Бились они и рубились мечами, трескъ и грохотъ стоялъ вокругъ семь сутокъ, ничего не могли другъ съ другомъ подѣлать, и понялъ бѣдовый конь, сѣрый Лыско, что завѣтная душа красного мангуса находится въ красной родинкѣ на головѣ. Бумъ-Эрдени рубанулъ голову мангуса и упалъ тотъ, руша скалы, выворачивая деревья, заваливая текущую воду. И сталъ биться богатырь съ горбатымъ чернымъ мангусомъ пять сутокъ, и понялъ Лыско, что душа мангуса находится въ недоступномъ мѣстѣ, и выскочилъ конь въ широкую бѣлую степь и научилъ богатыря, что душа мангуса находится въ двухъ змѣяхъ, высовывающихся изъ ноздрей коня мангуса, и что надо рубить коня по шеѣ. Мать мангуса шаманка схватилась съ богатыремъ, но по совѣту коня разрубилъ ей грудь богатырь, и изъ нея вылетѣлъ воронъ и понесся къ небу. Бумъ-Эрдени проявилъ свою вол-

[1]) Ясно, что здѣсь изображаются ужасы громадныхъ нефтяныхъ пожаровъ, какъ въ сказаньяхъ о походахъ Александра.

шебную силу, и превратился въ беркута, и погнался за ворономъ, и, наконецъ, превратившись въ хорька, задавилъ сурка, въ котораго обернулась шаманка.

Шаманство. Конечно, доселѣ этнографы, усердно занимающіеся собираніемъ матеріаловъ, остаются совершенно чужды, а потому и враждебны научно-историческому изслѣдованію ихъ, а равно всякій археологъ стѣснится сопоставить свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ, съ данными, почерпаемыми изъ матеріаловъ по восточному шаманству, обслуживающему сибирскія кочевья. Но между тѣмъ и другимъ лежатъ ряды археологическихъ памятниковъ, а они, по своей объективности, могутъ пополнить и связать разрозненные матеріалы, а равно дать явную повѣрку выводовъ. Мало того: та самая краткость и несложность свѣдѣній Геродота можетъ служить порукою вѣрности его сообщеній: кочевники и въ его время и нынѣ не могли сообщить многого по религіи: имъ нечего было разсказать, ибо у нихъ не было этихъ сказаній въ обиходѣ; они держали имя Божіе, или, по ихнему, высшаго бога (въ матеріальномъ смыслѣ — крайняго, отдаленнаго пояса небеснаго) только про себя, изъ страха, неизмѣнно связаннаго съ почитаніемъ, и открыто говорили только о почитаніи солнца и луны, матери земли, богѣ войны, котораго чтили въ образѣ меча. Но они приносили высшему Богу, владыкѣ всѣхъ боговъ, и высшую жертву — коня, какъ единственную достойную жертву, и ставили идолы богинѣ земли и земныхъ благъ, представляя ее самое и ея жрецовъ и поклонниковъ съ сосудомъ-воронкою въ рукѣ, закрывающей воронку снизу, въ свидѣтельство того, что всякій плодъ или пища, или предметъ, упавшій на землю, освящается этимъ прикосновеніемъ, какъ даръ богинѣ. И если богъ солнца былъ богъ небесъ, то богиня земли была богинею нѣдръ земныхъ и всѣхъ преисподнихъ боговъ, тогда какъ богъ небесъ былъ владыкою моря, земного подобія небесамъ, и невѣдомаго края — жилища блаженныхъ духовъ лучшихъ людей. Какъ при Геродотѣ, такъ и во времена Аттиллы скиѳы и гунны не имѣли храмовъ, но чтили горы, какъ мѣста, близкія къ небу, окутанныя небесными облаками, на которыхъ, во мракѣ пещеръ, обитаютъ демоны, подземные и огнедышащіе драконы. Именно на горахъ[1] избираются мѣста погребенія мертвыхъ (позднее толкованіе Иранцевъ, будто бы ради того, чтобы не осквернять земли); на горахъ избираются „парадизы“, т. е. ловы и перевѣсища, заграды для звѣрей; оттуда сходятъ внизъ исполины, великаны и богатыри (Святогоръ), тамъ живутъ горные демоны „пустыни“ (кентавры).

Понятно, что гораздо болѣе умѣли разсказать маги или шаманы, черпавшіе изъ Персіи, Тибета и Средней Азіи свою космогонію и свои обряды, но существенно важно, что ни въ ихъ причитаніяхъ, гаданіяхъ и заклятіяхъ мы не находимъ ни слѣдовъ культа Митры, или богини Ана-

---

[1]) Andrian. Höhencultus asiatischer Völker. 1901.

гиты, или еще болѣе Кибелы (Кубебы, Реи, матери боговъ и Атиса), тогда какъ находимъ рядъ боговъ небесныхъ съ тюркскими именами-эпитетами или прозвищами. Намъ представляется даже вопросомъ, что̀ ранѣе или первичнѣе: тимпанъ Кибелы, какъ музыкальное орудіе ея оргій, а по Варрону — образъ земного диска,[1] или барабанъ шамановъ, котораго ударами вызываются духи мертвыхъ и демоновъ и призываются боги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда кочевники южной Россіи нашли тамъ культъ матери боговъ, владычицы звѣринаго царства и природы, то пополнили значительно свои обряды родственнымъ культомъ и облюбили, видимо, изображенія этой богини для предметовъ убора, утвари и погребальнаго обихода.[2] Но существенно то, что образъ (представленіе) богини былъ извѣстенъ и азіатскому кочевью задолго до того, какъ оно, перейдя на территорію Кубани и Дона, ознакомилось съ культомъ Іонянъ и греческихъ колоній.

Остановимся на время, чтобы дать себѣ отчетъ въ томъ, что принесла кочевникамъ магія. По общему понятію современной Азіи шаманъ[3] можетъ исполнять весьма разнообразныя функціи, но имѣетъ одну основную: посредничество съ духами, что̀ исполняется имъ при каждой, имъ совершаемой жертвѣ, малой или великой, и путемъ заклинаній, призывовъ, звона, мелодическихъ стуковъ и звуковъ, а равно криковъ, стоновъ, моленій, угрозъ; вызывая благихъ, онъ изгоняетъ злого духа, будь то даже духъ умершаго хозяина дома, такъ какъ онъ, оставаясь въ домѣ, сталъ бы безпокоить живыхъ. Такъ какъ шаманами дѣлаются исключительныя особы, прошедшія періодъ болѣзненныхъ трансовъ, то сложное совершеніе высшей жертвы не обходится безъ подобныхъ трансовъ и припадковъ. Въ то же время шаманъ, благодаря духамъ, является отгадчикомъ тайнаго и представляется населенію колдуномъ, кудесникомъ и волшебникомъ. Брахманъ въ идеальномъ представленіи, прежде всего, мудрецъ-учитель, избравшій себѣ служеніе религіознымъ нуждамъ общины, собственную жизнь отдавшій конечной цѣли жизни, т. е. смерти и посвятившій эту жизнь изученію священныхъ формулъ, дающихъ власть надъ стихіями и злыми духами. Шаманъ, прежде всего, совершитель жертвъ и обрядовъ, съ ними сопряженныхъ, и самое его знахарство сопровождается также жертвами, какъ и его гаданія, заклятія. Немногосложная космогонія, съ явными чертами Зороастрова ученія, великими богами небесными, земными и водными, подземными, добрыми и злыми духами, осложняется въ устахъ

---

¹) Farnell. The cults of the Greek States. III, 1907.

²) Б. В. Фармаковскій. Архаическій періодъ въ Россіи. Мат. по арх. Россіи № 34, 1914, стр. 23—24. Основной типъ богини земли передается и каменными бабами: см. статуэтку сидящей женщины, вывезенную Мессершмитомъ изъ Сибири, нынѣ въ Эрмитажѣ. Каменныя бабы, такъ назыв. Куртумъ-тай, стоящія въ Абаканской степи, составляютъ доселѣ предметъ поклоненія татаръ. См. Radloff. Aus Sibirien, II, 91 f. f.

³) W. Radloff. Schamanenthum. Его же. Aus Sibirien. II, 1884.

шамана множествомъ именъ духовъ или демоновъ благихъ и враждебныхъ человѣку, которыхъ шаманъ перебираетъ, смотря по мѣсту дѣйствія, по Алтаю Алтай-Ханъ, по рѣкѣ Яикъ-Ханъ, по источнику и т. д. И небо, и воды, и земля дѣлятся слоями, и каждый слой имѣетъ своего бога и подчиненныхъ ему духовъ, какъ и всѣ стихійныя явленія, какъ и подземное солнце. Есть главенствующіе боги зла, какъ Ерликъ, и есть рядъ злыхъ духовъ на болѣзни, но всѣ боги и духи нуждаются въ жертвахъ и преклоняются на просьбы. За плечами каждаго человѣка стоятъ два духа: благой и злой, и первыя моленія надо направлять къ нимъ, и на помощь звать духовъ умершихъ въ семьѣ, фамиліи всѣхъ ихъ шаманъ вызываетъ стуками по барабану и всѣхъ заключаетъ внутрь барабана. Барабанъ состоитъ изъ широкаго деревяннаго обода (въ 1 арш. въ поперечникѣ), согнутаго въ кругъ, который заклеенъ туго натянутымъ полотномъ съ одной стороны: съ другой стороны имѣется внутри барабана ручка въ видѣ человѣческой фигуры съ протянутыми руками, а снаружи на полотнѣ нарисованы всадники, птицы, деревца, знаки. Иные знаки попадаются изъ числа таинственныхъ эмблемъ тибетскаго буддизма. Для совершенія высшей жертвы верховному богу конемъ шаманъ исполняетъ въ домѣ своего рода сценическое представленіе съ помощью домашнихъ, участвующихъ въ дѣлѣ жертвоприношенія словомъ и дѣломъ, кликами и движеніями, и сопровождающихъ отвѣтными жестами всѣ усилія шамана исполнить сверхестественную задачу. Шаманъ самъ оперируетъ жертву, которую требуется представить богу всецѣло, не проливъ капли крови, и коня привязываютъ къ длинному бревну, и постепенно стягивая къ бревну его ноги, выламываютъ ихъ, не руша кожи, и потрошатъ, не проливая крови, дробя на мелкія части, которыя варятъ и жарятъ для всей общины, оставляя цѣлымъ голову, ноги, хребетъ, какъ жертву богу. Шаманъ совершаетъ затѣмъ какъ бы подъемъ на небеса, летитъ отъ перваго слоя до послѣдняго, сопровождая моленіями и призывами ихъ боговъ, спускается въ подземное царство, устраняетъ съ пути чудовищъ и демоновъ, привлекаетъ къ себѣ духовъ, наполняетъ ими юрту, впадаетъ въ экстазъ, падаетъ на полъ безъ чувствъ, и возвратившись къ окружающимъ, заканчиваетъ жертву пиршествомъ и повальнымъ пьянствомъ мужчинъ дома и общины.

Академикъ В. В. Радловъ попутно сообщаетъ (томъ II) въ заключеніе своихъ сообщеній о шаманахъ, что заступающіе ихъ врачи (б а к с а) также всякую болѣзнь объясняютъ насланіемъ злого духа, лѣчатъ заклятіями и „наговорами“, и указываетъ такую подробность: если больной бѣденъ и принужденъ ограничить свою жертву овцою, то и въ этомъ случаѣ всѣ кости сохраняютъ и чистятъ, и затѣмъ бакса рисуетъ н а ч е р е п ѣ овцы: верблюдовъ, коней, быковъ, овецъ, затѣмъ кости кладутъ въ мѣшокъ и съ церемоніями хоронятъ. Стало быть, считается, что и рисунокъ идетъ къ богу, свидѣтельствуя ему о рвеніи больного принести большія жертвы, и, слѣдовательно, способствуетъ божеской помощи.

Приводимая рядомъ молитва также перечисляетъ пособниковъ и обращается такъ: „Ты чинше-ханъ, святой, что обитаешь (мертвый) на красной горной вершинѣ, вы, святыя дѣвы, вы, святые быки и ты, драконъ, выходящій изъ темной глубины пещеры“ и пр. Въ числѣ замѣчательныхъ находокъ Синявки[1] на Россавѣ, въ Кіевской губерніи, имѣется черепъ, который былъ найденъ покрытымъ 15 золотыми пластинками съ изображеніемъ лежащаго сѣвернаго оленя и своего рода золотымъ очельемъ изъ орнаментированныхъ пластинокъ. Очевидно, что эти украшенія были нашиты на истлѣвшій колпакъ и что ихъ наборъ отвѣчалъ тому же благочестивому подобію приносимой жертвы. Отсюда, далѣе, и своеобразная манера скиѳскихъ древностей изображать на тѣлѣ оленя, рыбы, дракона — разныхъ животныхъ имѣла своимъ источникомъ религіозный смыслъ усердія въ приношеніяхъ богу и только впослѣдствіи обратилась въ наивную декоративную форму.

Кочевникъ, какъ человѣкъ, живущій на волѣ, привычный ко всѣмъ перемѣнамъ погоды, къ невзгодамъ суровой природы, страстный охотникъ, любитель животнаго міра и звѣрей, враждебно относится къ человѣку, какъ къ чужому и врагу, не тѐрпитъ общенія и даже имѣетъ страхъ къ человѣку. Соперничество своихъ, злоба къ чужимъ, соединенная съ презрѣніемъ къ быту земледѣльцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ неутолимая жажда чудеснаго, волшебнаго вызываютъ въ кочевомъ быту основной культъ животныхъ вообще и излюбленныхъ видовъ, владѣющихъ божескими силами, напримѣръ, хищныхъ звѣрей, по преимуществу. Уже впослѣдствіи — въ періодъ магизма сложился культъ предковъ, съ его торжественными продолжительными пиршествами, обрядовымъ размахомъ, переносомъ въ нѣдра могильнаго кургана всей домашней обстановки и почти всего кочевого жилища, съ женою и слугами, конями и оружіемъ, сопровождающими хозяина въ его будущую жизнь...

3.

Погребальные обряды. Могильный инвентарь.

Мы слышимъ отъ историковъ, равно греческихъ, какъ и китайскихъ, что могилы кочевниковъ какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, составляли для нихъ ихъ родину, „отечество“. Жизнь кочевника проходила въ странствованіяхъ, переѣздахъ по дѣлу, ради поисковъ новыхъ и обильныхъ пастбищъ, охоты, набѣговъ и войнъ, и если онъ самъ походилъ на вольную птицу, то все же культъ предковъ и страхъ Божій привязывалъ его къ могиламъ предковъ. Не даромъ наметывались и обкладывались камнями громадные курганы и совершались многолюдныя тризны, какъ ни бѣдна была сначала жизненная обстановка кочевья и войлочной юрты. И чтó наиболѣе замѣчательно въ этой жизни и въ ея пониманіи самимъ номадомъ, это то значеніе ея конца, которое, можно сказать, росло съ самимъ кочевьемъ, порождая своего рода

[1]) Minns, l. c. рис. 84, стр. 58.

культъ могилъ. Чѣмъ болѣе развивалось кочевье, его богатство и мощь, чѣмъ болѣе приходило оно въ связь и единеніе съ культурою сосѣднихъ государствъ, тѣмъ настойчивѣе стремилось кочевье къ запечатлѣнію своихъ силъ и народнаго духа въ могильной обстановкѣ вождя. Устраивался склепъ и даже съ коническимъ верхомъ, какъ юрта, обставлялся всѣмъ обиходомъ хана, его семьи, слугъ и ближайшихъ помощниковъ, его коней и конвоя, его кошевыхъ пировъ и складовъ оружія и утвари. По стѣнамъ склепа развѣшивались самыя драгоцѣнныя одежды, уборы, помимо тѣхъ, въ которыя облачены были останки покойника, провожавшихъ его женъ, рабовъ; разставлялись амфоры, лучшая посуда, котлы, каганы, жаровни, свѣтильники. Многое, въ знакъ горя, разламывалось и складывалось рядомъ, какъ напримѣръ, колесницы, но верховые кони хоронились осѣдланными, тогда какъ въ особой могилѣ, какъ жертва высшимъ богамъ, убивались десятками кони и при нихъ складывались ихъ уборы. Опредѣленною потребностью было снарядить покойнаго для будущей жизни, по образцу прожитой, въ лучшемъ облаченіи, окруживъ его лучшими вещами, по выбору и по смыслу его привязанностей. При немъ долженъ быть его колчанъ со стрѣлами, налучіе, его акинакъ (кинжалъ, короткій и колющій мечъ) въ золотыхъ ножнахъ, и все это главное снаряженіе должно быть снабжено и освящено эмблемами его быта и жизни: оленемъ, какъ тотемомъ кочевья азіатскаго сѣвера и южной Россіи, и львомъ, какъ эмблемою воина, освященною вѣковою борьбою Азіи съ царемъ звѣрей. Большой рельефъ лежащаго оленя на золотой пластинкѣ обычно украшаетъ его налучіе и иногда прячется въ особыя подпольныя помѣщенія, въ свидѣтельство подземнымъ богамъ и демонамъ, какъ и духамъ умершихъ предковъ, о сохраненіи вѣковыхъ обычаевъ ихъ потомкомъ. Башлыкъ хана и вождя и колпакъ его жены украшается образами скиѳовъ, ихъ вѣрной службы, ихъ воинскаго рвенія, братанства. Самый уборъ жены ханской, или царицы,[1] сопровождается или золотыми бляшками на одеждахъ съ такими же темами, или даже такого рода аттрибутами, какъ напримѣръ, золотыя гривны, браслеты, серьги, перстни, пояса и перевязи, ожерелья и діадемы или золотыя повязки вокругъ головы. Любовь и вѣковыя привычки дѣлаютъ то, что у кочевниковъ южной Россіи употреблялись и найдены въ могилахъ тѣ же маленькіе ножи, съ кривыми лезвіями, какіе, по древнимъ бронзовымъ образцамъ, дѣлали изъ древности еще въ Сибири (въ могилѣ Куль-Оба, близъ Керчи). Около покойниковъ складывали предметы, ихъ окружавшіе: мусаты, для точенія ножей и кинжаловъ, изъ шифера въ золотой оправѣ, нагайки, какъ и веретена при женахъ. И чѣмъ болѣе и шире развивались заимствованія при соприкосновеніи съ культурою Ассиріи и Персіи, или древнею Іоніею, а позднѣе Греціею, тѣмъ ярче сказывалась въ варварскихъ заказахъ ихъ національная привязанность къ кочевью (типы скиѳовъ и позднѣе сар-

[1]) [См. Г. И. Боровка. Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана, Изв. Акад. Мат. Культ., I, стр. 169—192, тт. XVII—XIX].

матовъ), его быту (изображенія кочевого обихода съ конскимъ табуномъ на знаменитой серебряной вазѣ Чертомлыцкаго кургана), его охотамъ и на кабана, и на зайца, и стало быть не напрасно коней хозяина клали вмѣстѣ съ нимъ осѣдланными. Къ тому же и весь приборъ воинскій, и бунчуки хозяина, иные древнѣйшаго типа, съ еловыми шишками наверху, обозначавшими плодородіе, точнѣе, распложеніе семьи хозяйской, съ ея многочисленнымъ „племенемъ“, или кланомъ, т. е. родомъ и родовою дружиною хозяина, былъ тутъ же въ могилѣ. И для этого коша наготовѣ были котлы и мелкіе каганцы, и громадныя серебряныя блюда для мяса (Чертомлыкъ), и большіе серебряные ритоны (курганъ „Семи братьевъ“ на Кубани). Для будущаго отряда убивали и клали въ могилу коней, какъ жертвы высшимъ богамъ, которые замѣнятъ ихъ живыми въ будущей жизни, съ ихъ удилами, псаліями въ видѣ конскихъ ногъ, ушей, головъ (образецъ шелъ еще изъ Ассиріи, гдѣ древніе рельефы представляютъ усикъ удила въ видѣ конька), съ нащечниками и налобниками, которые орнаментировались или крыльями и грифами, головами птичьими, козлами, или даже образомъ Персидской Артемиды, держащей двухъ львовъ, двухъ драконовъ. Замѣчательный нащечникъ Краснокутскаго кургана (рис. 1) представляетъ двѣ конскіе головы, шеи которыхъ извиваются узлами и образуютъ разводъ пальметки, напоминая собою позднѣйшія вѣтви этой орнаментики въ народныхъ издѣліяхъ скандинавскаго и русскаго сѣвера.

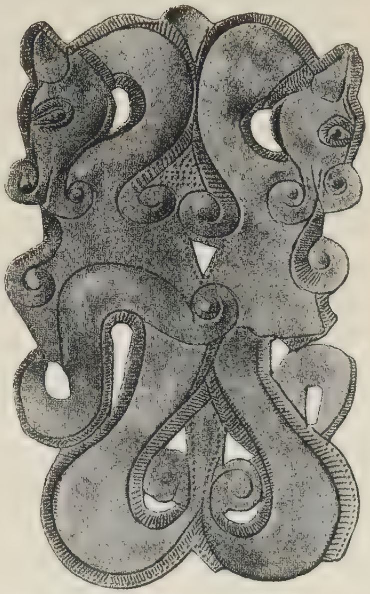


Рис. 1. Нащечникъ Краснокутскаго кургана.

Конскій уборъ.

Любопытны особенно тѣсныя связи конскихъ уборовъ съ личными уборами самихъ кочевниковъ и ихъ женъ и дочерей, тѣмъ болѣе, что эти связи наблюдаются и въ позднѣйшихъ уборахъ Хивы и Бухары. Такъ напримѣръ, обиліе цѣпей и цѣпочекъ, изъ металла, коралловъ и бусъ, всякаго рода кистей на тѣхъ же цѣпочкахъ, цодвѣшивавшихся къ кикѣ и ниспадавшихъ на грудь по обѣ стороны головы. Такого рода уборы на коняхъ мотивируются желаніемъ предохранить верхового коня отъ степныхъ и болотныхъ мухъ, комаровъ, и обезпечить всаднику покой. Именно въ этомъ отношеніи особенно любопытны такъ называемыя въ старой Руси в о р в о р к и и в о т о л к и, золотыя и серебряныя: ворворка есть верхній шарикъ, а вотолка круглая втулка, обѣ служатъ для держанія кистей или цѣпочекъ, при чемъ они могли дѣлаться изъ шелку или шерсти, представляя нитяное сплетеніе, равно съ жемчугомъ, кораллами, но также

изъ листоваго золота и серебра для прочности. Между подобными кистями выдается одна, та, что прикрѣпляется подъ шеею лошади, на особомъ шнурѣ и отличается сравнительно размѣрами:[1] понятно, потому что она имѣетъ назначеніе охранять отъ укусовъ потную шею и грудь коня, чтобы онъ не трясъ, и не дергалъ, и не качалъ ежеминутно головою. Такого рода большія кисти двухъ обычно цвѣтовъ — бѣлыя и красныя, изъ конскихъ волосъ, заправленныя въ шелковую ли, или даже металлическую втулку и затѣмъ связанныя шнуромъ, продернутымъ въ верхнюю ворворку, рано явились принадлежностью воинской знати.[2]

Монгольскій эпосъ много характернаго можетъ сказать о коняхъ Алтая, выроставшихъ нѣкогда на его мѣстности несчетными табунами, пестрыхъ, вороныхъ, гнѣдыхъ дикихъ коней. Хохотъ богатыря сравнивается то съ голосомъ тигра, то дикаго коня, но стоитъ, будто-бы, богатырю, даже трехлѣтку, загремѣть серебряною уздечкой, какъ вѣщій, ему судьбою предопредѣленный товарищъ, разумный и вмѣстѣ бѣдовый и громадный Лыско или Сѣрко слышитъ въ горахъ звонъ уздечки и скачетъ, колыхаясь и поднявъ красивыя уши, рысью, какъ овцы, лисьей скачкой, волчьимъ ходомъ, полной иноходью, къ своему будущему хозяину. Онъ же поможетъ богатырю въ крайней бѣдѣ его схватки съ врагомъ чародѣемъ и откроетъ хозяину, гдѣ скрыта душа его врага. Кони витязей сообщаютъ другъ другу дурныя вѣсти для ихъ хозяевъ, они перегрызаютъ горла конямъ враговъ. Конь богатыря ходитъ въ драгоцѣнныхъ уборахъ: нѣжные, шелковые повода завязаны счастливымъ узломъ, за восемь начальныхъ прядей гривы. Мягкій и широкій бѣлый потникъ положенъ на спину, крѣпкое черное сѣдло, серебряная падфея съ пуговицами поддѣта подъ хвостъ. Подгрудникъ натянутъ на середину груди, къ ней привѣшенъ красный бунчукъ, величиною съ конскую голову, подтянуты подпруги. Голова украшена пушистой челкой.

---

1) Подобныя кисти на парадномъ конскомъ уборѣ ассирійскаго царя Ассурбанипала, Perrot et Chipiez. Hist. de l'art. t. II Assyrie fig. 5, fig. 115, царя Сенахериба f. 211.

2) Слово ворворка происходитъ отъ арабскаго borca, откуда византійцы сдѣлали βορκάδιον. Въ „приложеніи“ къ I кн. Константина Порфиророднаго „О церемоніяхъ“, изд. Бон., стр. 452, 462, 485, въ перечнѣ сборовъ на дорогу въ походъ самого царя читается: περιεπάτουν ἔμπροσθεν τοῦ βασιλέως... ἵπποι μετὰ ἀληθινῶν βορκαδίων διὰ στίχων δύο (p. 452). Эти кони для шествія, два, заготовленные и обряженные, имѣли кисти пурпурныя. Рейске объяснилъ βορκάδιον черезъ stragula, но въ комментаріяхъ указалъ, что borcadium = rica, calyptra capitis. Итакъ, это въ общемъ отличительныя кисти вождей, извѣстныя въ русской старинѣ подъ именемъ наузовъ, о которыхъ см.: у Савваитова въ Описаніи стар. русск. утварей, 1896, также о ворворкахъ, при чемъ происхожденіе этого слова ему неизвѣстно. Ворками или воркадіями назывались также и челки на головахъ лошадей, шарики съ кистями и перьями, также пурпурныя, „червены челки“ Слова о полку Игоревѣ. Какъ головное украшеніе, общее и людямъ (очелье), и конямъ, и у Грековъ называлось κεφαλαρέον. [См. N. P. Kondakov: Un détail des harnachements byzantins, in: Mélanges Schlumberger, t. II, p. p. 399—407].

Когда богатырь ѣдетъ покрасоваться среди кровныхъ и чужихъ, онъ надѣваетъ коню бѣлый подгрудникъ, а на немъ звенятъ пятьдесятъ колокольчиковъ, и навѣситъ красный шаръ большимъ пучкомъ, и звенитъ падфея въ вѣтряный и въ радостный день.

Такая втулка изъ согнутаго листового золота съ орнаментальными пальметками и грифами найдена среди вещей кургана Карагодеуашхъ.[1] Кисть такого рода представлена у бѣлой лошади подъ шеею китайскаго кавалериста XIV вѣка.[2] Важна эта мелочь потому, что она объясняетъ и происхожденіе отъ конскихъ уборовъ особаго знака власти, который состоялъ въ конскомъ хвостѣ (бѣломъ или окрашенномъ въ красный), навѣшенномъ на древко[3] и, подобно значку, бывалъ возимъ передъ воеводою на походѣ. Интересно сопоставить и то, что такіе значки въ старой Руси получили названіе кутаса отъ тур. кутасъ — „воинскій хвостъ", и у казаковъ подъ названіемъ боболевъ кутазъ имѣется знакъ атамана: древко съ золотымъ шаромъ, изъ котораго виситъ бѣлый (бобыль = бѣлый конь) конскій хвостъ.[4]

Фалары.

Наряду съ удилами, псаліями, разными кистями, которыми обвѣшиваются верховые кони, въ конскомъ уборѣ кочевниковъ играютъ большую роль разныя бляшки, укрѣпляющія соединенія ремней, мѣста сшивокъ и пр., въ видѣ фигурныхъ бляшекъ, увеличеннаго размѣра, называемыхъ въ античномъ искусствѣ фаларами. Обычно круглые фалары украшаются рельефными изображеніями охотъ на звѣрей, или погони хищныхъ звѣрей за мирными животными, оленями, быками, козами и т. д. Такіе фалары найдены въ Аму-Дарьинскомъ кладѣ, въ находкахъ мѣстечка Чми на Кавказѣ, Веттерсфельдскомъ кладѣ, въ Пруссіи, Александропольскомъ курганѣ, изъ неизвѣстныхъ находокъ въ Музеяхъ Парижа, Даніи, въ Болгаріи.[5] Характерно особое соціальное (бытовое) значеніе, которое затѣмъ, уже въ европейской средѣ, получили эти фалары, перенесенные съ конской сбруи на грудь конниковъ и ставшіе значками геніоховъ и византійскихъ димотовъ. Древнѣйшимъ образчикомъ такого знака (въ связи съ римскими фаларами — воинскими орденами) являются фалары Чулекскаго клада,[6] въ числѣ семи медальоновъ, по золотымъ листамъ выложенныхъ цвѣтными (гранатовыми)

¹) Minns, рис. 122.

²) Goloubev. Ars Asiatica. La peinture Chinoise au musée Cernuschi 1914, табл. XXIII.

³) Такого рода значекъ см. у воеводы Великаго Могола на индоперсидской миніатюрѣ, Racinet. Costume historique. pl. Inde. [= Mélanges Schlumberger, II, pl. XVIII; Byzantion, I, fig. 12].

⁴) См. у Савваитова: Боболевъ кутазъ.

⁵) Minns, v. phalerae. Р. Древн. II, рис. 87, 110; III, рис. 138 — фаларъ изъ Чми, сибирскаго стиля, позднѣйшаго времени и близкаго къ болгарскимъ фаларамъ, о которыхъ см. ниже.

⁶) Рус. Древн. III, рис. 166. Ср. Рус. Др. IV, рис. Кіевскихъ Фресокъ. Въ историческомъ порядкѣ фалары v. Phalarae разсмотрѣны въ книгѣ М. И. Ростовцева, отъ Ассиріи до Болгаріи. [См. также А. С(пицынъ). Фалары Южной Россіи, въ Изв. Арх. Ком., в. 29, стр. 18—53 и статью М. И. Ростовцева въ Recueil — Kondakov].

стеклами внутри перегородокъ. На фигурахъ димотовъ, представленныхъ въ сценахъ игръ византійскаго ипподрома въ фрескахъ лѣстничныхъ хоръ Кіевскаго Софійскаго собора, [изображено по пяти круглыхъ бляхъ того же типа].[1] Наконецъ, и переходъ фаларовъ къ роли восточныхъ зеркалъ является также характернымъ примѣненіемъ конской сбруи къ женскому убору.[2]

Втулки-наконечники.

Оригинальнымъ бытовымъ предметомъ являются бронзовыя, иногда золоченыя втулки на концахъ дышла, оглоблей, на верху жезловъ, древковъ и угловъ колесницъ и повозокъ, какъ погребальныхъ, такъ и обиходныхъ кочевыхъ, сохранившіяся во множествѣ и составляющія, видимо, подборъ особаго смысла и внутренняго значенія. Нѣкоторыя изъ этихъ бронзовыхъ украшеній могли служить явно воинскими штандартами, другіе просто значками, но большинство относилось вообще къ украшеніямъ повозокъ, подобно тому какъ болѣе широкія и часто золотыя ленты, полоски и пластинки украшали сѣдла, служа обивкою ихъ деревянныхъ передковъ и задковъ.

Характеръ орнаментаціи предметовъ. Значеніе отдѣльныхъ формъ.

Если предметы этого подбора всего болѣе относились къ служебному разряду, то и рельефы, ихъ украшавшіе, въ большинствѣ играли декоративную роль, и лишь нѣкоторые выдавали сами по себѣ символическую мысль. Очевидно, для кочевника олень есть и останется, даже послѣ того какъ онъ покинетъ Сибирь и Азію вообще, священнымъ тотемомъ кочевья; то же самое можно сказать о грифѣ, легендарномъ стражѣ сѣверныхъ горъ и Алтая. Быкъ становится на Кубани и въ Черноморьи замѣстителемъ оленя, и совершенно ясно, почему надгробный балдахинъ Майкопскаго кургана съ останками погребеннаго, покрытыми красною краскою, опирался на металлическія жерди, укрѣпленныя въ четырехъ статуэткахъ быковъ изъ массивнаго золота, просверленныхъ для этой цѣли. Но птицы, сидящія наверху бронзовыхъ втулокъ, явно напоминаютъ окружающимъ ихъ ежегодные перелеты въ теплыя страны по широкому небесному пути и неизвѣстное странствованіе духа умершаго въ невѣдомыя обители. Еще опредѣленнѣе представленіе трехъ птицъ, сидящихъ по верхамъ таинственнаго трезубца, божеской грозы злому духу. Среди ажурныхъ пластинокъ, бывшихъ украшеніемъ деревянныхъ повозокъ и колесницъ, находимъ и священный образъ древа жизни, и богини земли, владычицы звѣрей, и фантастическихъ животныхъ, не то крылатаго быка съ однимъ рогомъ, не то священнаго въ средневѣковой Азіи и Европѣ крылатаго единорога.

Символы, амулеты, талисманы.

Словомъ, въ украшеніяхъ служебныхъ предметовъ мы встрѣчаемъ всюду религіозную мысль и чувство, которыя затѣмъ порождаютъ такое множество жертвъ богамъ конями, дорогими товарищами кочевника, и, наряду съ яркимъ культомъ животныхъ, живымъ поклоненіемъ божескому могуществу, вызываютъ магію, пристрастіе къ символамъ, амулетамъ и талис-

---

[1]) [См. Русск. Др., IV, рис. 135, стр. 149 и 151.]

[2]) Minns, рис. 66.

манамъ, иначе говоря, къ магической обстановкѣ жизни, а потому и могильника. Именно эта сторона является и наиболѣе важною въ исторіи и, къ сожалѣнію, наиболѣе темною, такъ какъ мы не имѣемъ достаточныхъ источниковъ, чтобы понять религіозную мысль мага, содержимую имъ въ тайнѣ отъ самого кліента, какъ своего рода оккультную науку, а потому не можемъ охватить и чувство, руководившее устроителями могилы. Между тѣмъ, именно здѣсь требовалось бы наиболѣе вниманія, такъ какъ именно эта магическая сторона наиболѣе вліяла на племена, подпавшія кочевникамъ „подъ начало" въ Европѣ. Конечно, мы легко понимаемъ общее значеніе амулетовъ или „обереговъ", апотропэевъ и талисмановъ, т. е. всего того сложнаго арсенала, заготовленнаго азіатскими культами для ихъ варварскихъ адептовъ по преимуществу, и равно легко можемъ усвоить себѣ мысль, что именно этимъ путемъ, который выдвинулъ кочевыя массы не только съ ихъ образомъ мыслей, но также ихъ вѣрованіями, обрядами и ихъ обстановкою, организовалось дѣло переноса азіатской культуры и въ среду греко-римскаго міра и въ культурную Византію. Историческій синкретизмъ религій восточныхъ на почвѣ новопринятого христіанства былъ, повидимому, не менѣе широкимъ, чѣмъ то, что творилось въ первые вѣка христіанства и послѣдніе вѣка язычества. Новѣйшая археологія обратилась именно въ эту сторону скиѳскихъ древностей южной Россіи,[1] отыскивая въ украшеніяхъ композиціи съ опредѣленнымъ внутреннимъ смысломъ, и что́ ранѣе представлялось декоративнымъ, получаетъ, благодаря сравнительному изслѣдованію, то религіозное значеніе наглядныхъ образовъ вѣры, которое они имѣли для самого заказчика. Можно, далѣе, вполнѣ точно утверждать, что украшенія скиѳскихъ утварей львиными головами, или бараньими, кабаньими имѣли значеніе религіозныхъ „обереговъ" отъ дурного глаза, нечистой силы, злыхъ и враждебныхъ демоновъ, и вообще бѣды, несчастія. Человѣческая маска въ центрѣ фалара, окруженная со всѣхъ сторонъ направленными къ ней головами быковъ, ясно выражаетъ эту мысль (см. рис. 2, внизу). Точно также фигуры кабана, медвѣдя, ибекса, тигра, должны имѣть свой смыслъ и значеніе, и если оно не указывается іоническими памятниками, то подобный смыслъ могъ быть данъ еще въ глубокой Азіи. Вотъ почему, признавая, что скиѳскія древности южной Россіи получали, видимо, многіе дополнительные образцы изъ Іоніи и Греціи, а можетъ быть, ранѣе еще отъ Ассиріи и Хетовъ, мы не должны забывать исторической связи европейскаго кочевья съ азіатскимъ, а, слѣдовательно, связи древностей этого кочевья, равно и того исконнаго смысла, основаннаго на вѣрованіяхъ. Поэтому, нельзя отождествлять скиѳскій стиль съ іонійскимъ, или хотя бы опредѣлять его іонійскимъ стилемъ изъ Скиѳіи, пока существующій матеріалъ, достаточно

---

[1]) Б. В. Фармаковскій. Архаическій періодъ въ Россіи, стр. 20—26, 36, 42, 64—68, 76—78.

опредѣлившійся для Скифовъ въ южной Россіи, не пополнится научными сибирскими раскопками и изслѣдованіями и мы не будемъ имѣть матеріалъ для сравненія. Но, отлагая частный пунктъ до общаго вопроса объ источникахъ скиѳскаго стиля, укажемъ кратко, что, по раскопкамъ академика

Рис. 2. Фалары Александропольскаго кургана.

В. В. Радлова, ясно удостовѣрено существованіе въ могилахъ Алтая,[1] еще при бронзовыхъ ножахъ и бронзовомъ оружіи, такихъ же бронзовыхъ колокольцевъ съ ибексами, медвѣжьихъ головъ на ручкѣ кинжаловъ и орлиныхъ клювовъ. Все это не могло быть заимствовано Алтаемъ отъ Іоніи, а между тѣмъ та же орнаментика прошла, вмѣстѣ съ переходомъ кочевья, на предгорья Кавказа и составила тамъ оригинальное явленіе бронзовой культуры, представленной могильниками Казбека, Кобани, Ка-

¹) Minns, p. 248—252, fig. 150, 165, 166—171.

мунты и пр., и пробудившей пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ усиленный интересъ доисторической археологіи. Нельзя отрицать также полнаго своеобразія сибирскихъ древностей, которыхъ типъ не можетъ быть указанъ въ памятникахъ передней Азіи и потому требуетъ къ себѣ особаго вниманія и иныхъ путей изслѣдованія. А потому указаніе на скиѳское обиліе фантастическихъ животныхъ не можетъ быть отпарировано перечнемъ многочисленныхъ фантастическихъ формъ въ іонійскомъ стилѣ: многіе типы, какъ: химера, пегасъ, кентавръ, Нерей, Кекропъ, въ древностяхъ скиѳскихъ отсутствуютъ и появились въ звѣриномъ стилѣ средневѣковья черезъ книжную письменность. Скиѳскій типъ фантастическаго звѣря, подобнаго льву, крылатаго и съ человѣческою головою, долженъ быть рѣшительно отличенъ отъ греко-восточнаго сфинкса, равно какъ и другіе типы крылатаго льва, крылатаго единорога и пр.

Рыба.

Остановимся на любопытномъ, явно символическомъ значеніи рыбы въ скиѳскихъ древностяхъ. Оно утверждается, прежде всего, большою (0.41 м.) пластинкою изъ листового золота, оказавшеюся въ такъ называемомъ кладѣ Веттерсфельда,[1] т. е. въ могильной находкѣ въ мѣстечкѣ этого имени въ Нижнемъ Лаузицѣ, у притока Одера. Находка замѣчательна золотыми фигурными ножнами кинжала съ парою глазъ — оберегомъ отъ врага, зерцаломъ изъ четырехъ пластинчатыхъ фаларовъ съ быками, баранами, козлами, собаками, шакалами, пантерами и львами, въ погонѣ другъ за другомъ, но и еще двумя рыбами, плывущими за звѣрями сзади. Какъ ножны меча, такъ и фалары сами по себѣ не представляютъ, помимо эмблематическихъ глазъ, ничего особеннаго и могутъ относиться приблизительно къ III—II в. до Р. Х. Иное дѣло пластинчатая рыба, въ типѣ тунца, съ тупою, почти округлою головою, характерная своимъ тяжелымъ контуромъ, и особенно неуклюжимъ хвостомъ, котораго два развода загнуты и представляютъ на чешуйчатыхъ шеяхъ бараньи головы. Еще своеобразнѣе птица среди этихъ головъ, какъ бы летящая, съ распростертыми крыльями, но, начиная съ хвоста, чеканщикъ принимаетъ все тѣло рыбы за поле изображеній и представляетъ въ двухъ полосахъ: на верхней тигръ рветъ задъ бѣгущаго кабана и левъ оленя; на нижней плывутъ рыбы — тунцы и дельфины рядомъ и впереди нихъ тритонъ. Фуртвенглеръ развилъ здѣсь всѣ тонкости своего формальнаго анализа, чтобы подчеркнуть архаизмъ въ контурѣ головы тритона (Галіоса Герона, чтившагося и въ Византіи) и характерномъ очеркѣ головы тигра (пантеры?), равно въ манерѣ представленія гривы, чешуи, и доказать принадлежность этой работы къ переходному концу V вѣка до Р. Хр. Но если обязательно принять такую древность для этого предмета, то, въ виду почти обычной или, по крайней мѣрѣ, частой смѣси вещей разныхъ эпохъ въ скиѳскихъ могилахъ, намъ нѣтъ надобности при-

[1]) Furtwängler. Goldfund v. Vettersfeld. 1883. Kleine Schriften I, 1912, p. 484, табл. 18—20. См. Миннсъ, рис. 146.

нимать эту дату для фаларовъ, и, слѣдовательно, для всего клада. Затѣмъ, въ виду рыбъ — тунцовъ, имѣющихъ особое значеніе для экономики милетскихъ колоній южной Россіи, естественно принять и южнорусское происхожденіе скиѳа, погребеннаго въ предѣлахъ Лужицкихъ Славянъ. Но появленіе этой рыбы въ могильномъ нарядѣ имѣетъ еще и особое символическое значеніе. Такъ, у правой руки воина, погребеннаго въ курганѣ села Волховцы [1] со своими бронзовыми бунчуками, копіями, колчаномъ, доспѣхомъ, одеждами съ золотыми бляшками, также лежала фигура рыбы (типъ осетра) изъ листового золота. Наконецъ, золотая рыба была найдена въ кладѣ, найденномъ на берегу Аму-Дарьи, древняго Окса, весьма близкомъ къ сибирскимъ древностямъ и положенномъ приблизительно около 200-хъ годовъ до Р. Хр.

Рис. 3. Бронзовая пластинка магическаго содержанія (оборотная сторона).

Припомнимъ кратко, что у Вавилонянъ и затѣмъ у Ассиріянъ былъ богъ Дагонъ = Еа Оаннесъ, котораго человѣческій образъ представлялся покрытымъ сзади, съ головы и до ногъ рыбою,[2] что рыба была, быть можетъ, и въ Месопотаміи „тотемомъ“ и табу въ Сиріи, а затѣмъ также тотемомъ у различныхъ народностей, и отсюда предметомъ благочестивой практики разныхъ сектъ и ученій. Но, помимо, бытовой важности рыбнаго промысла, религіозное почитаніе рыбы могло возникнуть отъ связи съ водою, съ представле-

---

[1]) Миннсъ, рис. 76 — планъ, рис. 77 — рыба. Волховцы, близъ Смѣлы, раскопки и находка описаны графомъ А. А. Бобринскимъ.

[2]) Perrot, l. c. II, fig. 9. Богиня Атергатисъ чтилась въ образѣ жены съ рыбьимъ хвостомъ.

ніями загробной жизни, плаванія на отдаленные острова блаженныхъ, т. е. съ вѣрованіями о переселеніи души умершаго по рѣкѣ на мѣста вѣчнаго успокоенія. Въ связи ли съ идеями, или даже съ примитивными представленіями загробной нильской ладьи, какъ и священной рѣки (Ганга), уносящей пепелъ сожженнаго родича по рѣкѣ на мѣсто вѣчнаго покоя, но въ Азіи вообще уже на первичной религіозной основѣ возникло, въ связи съ загробными вѣрованіями, особое представленіе о плаваніи человѣческой души. Рыба могла представляться въ этой связи, какъ пища блаженныхъ умершихъ, или вообще какъ пища умершихъ, считаться поэтому священною пищею и даже образомъ самого духа умершаго, духа благодѣтельнаго предка, отсюда защитникомъ умершаго, его вождемъ и провожатымъ.[1] Въ самомъ дѣлѣ, счастливый случай сохранилъ для насъ путемъ простой покупки въ Сиріи замѣчательную пластинку[2] рѣзной бронзы (изъ Пальмиры), еще вполнѣ ассирійскаго стиля и ритуально магическаго содержанія (рис. 3 и 4). Рѣдкостная вещь представляетъ, съ одной стороны (рис. 3), въ рельефѣ демона, въ видѣ четырехкрылаго льва, поднявшагося на заднихъ орлиныхъ ногахъ, уцѣпившись передними за бортъ, и глядящаго поверхъ пластинки, какъ бы разсчитывая броситься на перваго, кто явится смотрѣть таинственную ма-

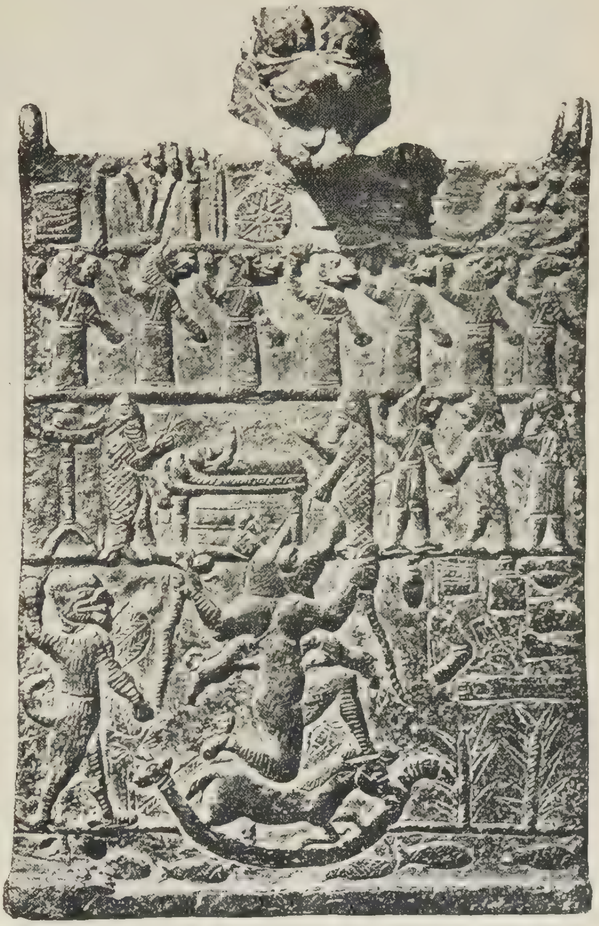


Рис. 4. Бронзовая пластинка магическаго содержанія (лицевая сророна).

[1]) Scheftelowitz. Das Fisch-Symbol in Judenthum und Christenthum. Archiv für Religionswissenschaft, XIV. 1911. Salomon Reinach. Cultes, mythes et religions. t. III. p. 43, 103.

[2]) Perrot et Chipiez. Hist. de l'art. II, fig. 161—2, p. 362—9. [Cp. Ch. Clermont-Ganneau: L'enfer assyrien; in: Revue archéologique, n. s. t. 38, 1879, p. p. 337—349, pl. XXV.]

гическую картину, расположенную въ пяти поясахъ и изображающую въ лицахъ магическое заклятіе противъ подземныхъ демоновъ на случай смерти человѣка. Это древнѣйшій типъ заклинательныхъ формулъ, которыя впослѣдствіи развились въ Азіи (особенно въ Тибетѣ) въ формѣ такъ называемыхъ гадательныхъ таблицъ:[1] такъ и въ позднѣйшихъ тибетскихъ листкахъ изображается сверху голова и шея чудовища съ львиною маскою, и смыслъ этой головы въ наглядномъ представленіи наводящаго страхъ демона. Ассирійская пластинка дѣлится на пять поясовъ (рис. 4): поясъ неба со свѣтилами: солнцемъ, дискомъ Ассура, полулуніемъ, семью планетами. Во второмъ поясѣ семь демоновъ съ головами звѣрей и животныхъ, идущихъ справа налѣво: подобная же вторая полоса въ тибетскихъ гадательныхъ таблицахъ. Третья, касающаяся нашего вопроса, представляетъ похоронную сцену: канделябръ или курильница, мумія, положенная на саркофагъ, и по ея сторонамъ два божества съ тѣломъ рыбы и человѣческою головою, или два Дагона, которые, поднявъ руки надъ мертвымъ, какъ бы привѣтствуютъ его; справа два борющіеся изъ-за мертвеца демона — духъ добрый и злой. Нижняя сцена совершается или въ нѣдрахъ подземнаго царства, или вблизи его, и сцена ограничивается снизу подземною рѣкою и рыбами. По рѣкѣ плыветъ ладья, на ней припавшая на колѣни лошадь, а на ней демонъ земли, жена волосатая со львиною головою, держитъ двухъ змѣй; къ ея сосцамъ устремляются два львенка. Слѣва крылатый и волосатый демонъ, справа растенія на берегу и столъ приношеній. Если мы обратимъ при этомъ вниманіе на то любопытное обстоятельство, что въ самой Ассиріи доселѣ не было открыто древнихъ могилъ, и что большинство археологовъ, производившихъ тамъ раскопки, пришли къ убѣжденію, что Ассирія посылала своихъ мертвыхъ въ Халдею, какъ древнѣйшій некрополь Месопотаміи, роль рѣки, по которой сплавляли останки, станетъ понятною. Если же возвратимся къ кочевникамъ Азіи и Южной Европы, то найдемъ также избранную родину кочевья — некрополь предковъ на лукоморьи Днѣпра, на Кубани и ея притокахъ, притокахъ Иртыша и т. д., и, возможно, что упоминаемые случаи отвода рѣкъ для погребенія вождя въ лонѣ рѣчномъ можно объяснить не однимъ желаніемъ скрыть могилу. Ко всему этому упомянемъ и любопытный, хотя на первый взглядъ странный текстъ поздняго историка Николая Дамасскаго,[2] что Синды, сосѣди Меотовъ, земледѣльцы и рыболовы, имѣвшіе столицею Фанагорію, клали въ могилу умершаго столько штукъ рыбы, сколько онъ убилъ враговъ.[3]

[1]) Schlagentweit E, de. Le Bouddhisme au Tibet. Annales Mus. Guimet III, 1881, p. 166—200, табл. XXIX—XXX, XXXIV—XLI.

[2]) Fragm. hist. gr.; fragm. 121, ed. Didot. II, p. 460.

[3]) [Къ стр. рукописи приклеена слѣдующая выписка: о томъ „... что въ 753 г. пріѣзжалъ ко двору (китайскому) старѣйшина кашгарскій Пейголянь, который и пожалованъ былъ военнымъ чиномъ, краснымъ кафтаномъ и золотою рыбою". Землевѣдѣніе К. Риттера. Григорьевъ В. В. Восточный или Китайскій Туркестанъ. Изд. Имп. Р. Геогр. О-ва, в. II, отд. 1. СПБ. 1873., стр. 177—178.]

Итакъ, относится ли рыба, какъ символъ скиѳскихъ древностей, къ восточнымъ религіознымъ символамъ, или же находимыя въ этихъ древностяхъ золотыя рыбы только эмблема греко-восточныхъ и южнорусскихъ рыболововъ, остается пока неизвѣстнымъ.

Грифъ.

Иное дѣло **грифъ**, который, дѣйствительно, представляетъ собою въ древности эмблему черноморскаго побережья и перешелъ туда еще при ассирійскомъ владычествѣ въ Месопотаміи, съ конца V-го вѣка, является на вещахъ южной Россіи, затѣмъ на монетахъ городовъ и, словомъ, сталъ эмблемою скиѳскаго кочевья. Уже отсюда легенда, что Аримаспы должны биться съ грифами, чтобы гдѣ-то на далекомъ сѣверѣ добывать золото, а затѣмъ грифъ дѣлается эмблемою сѣвера, боевыхъ его воеводъ, и, напримѣръ, особымъ эпитетомъ Варяговъ въ Византіи, и ихъ начальниковъ,[1] чтобы съ началомъ государственныхъ формъ Восточной Европы стать эмблемою княженія и именно „великихъ князей“ — герцоговъ и кесарскаго чина Византіи. Азіатскія формы грифа[2] соединяютъ съ головою орла и рогъ и особо высокія торчащія уши, гребень, широчайшія крылья и львиное тѣло, съ заднею парою орлиныхъ ногъ. Итакъ, на первый взглядъ, сирійское происхожденіе эмблемы, привитой, казалось бы, уже искусствомъ и легендами грековъ варварамъ.[3] Но, даже и въ этомъ пунктѣ мы встрѣчаемъ аналогичный и самостоятельный матеріалъ на Востокѣ, указываемый еще у Марко Поло: любознательный путешественникъ сообщаетъ, что на крайнемъ Востокѣ существуетъ любимая охота съ кречетомъ — тѣло мало, силы много, беретъ лебедей, дикихъ гусей. О томъ же кречетѣ восточные историки сообщаютъ, что ихъ спеціально дарятъ ханамъ, султанамъ, китайскому императору и пр., и средніе вѣка называли кречета[4] — grifaucon.

Если къ этому указанію присоединить обильныя восточныя фантазіи о существованіи гигантскихъ птицъ: **нога** (ногуй), **руха**, **гумая** (гумаюна), **симурга**, **гаруды** и др., которыя въ восточныхъ сказаніяхъ, легендахъ и сказкахъ играютъ видную роль и черезъ книжную литературу переходятъ въ средневѣковое міровоззрѣніе: извѣстны и сказанія о происхожденіи отъ миѳическихъ птицъ народныхъ героевъ и владыкъ, отъ Симурга въ Персіи, японскихъ микадо. Понятна фигура орла или вообще хищной птицы, какъ эмблемы въ сибирскихъ боевыхъ нагрудникахъ, но, чтобы сопоставить съ ними плечевую орлиную фибулу Петросскаго

---

[1]) Эти начальники οἱ ἐπὶ βαρβάρων какъ указываетъ акад. Schlumberger. Sigillographie byzantine p. 451, не всегда были изъ наемниковъ, но также изъ Византійцевъ, и имѣли особую канцелярію или приказъ.

[2]) Подробное изслѣдованіе Фуртвенглера въ Лексиконѣ Рошера: Γρύψ.

[3]) Основное имя Kerûb — откуда γρύψ — имя фантастическаго орла-льва — у Византійцевъ γρυπολάων, др. рус. гарафитъ, у виз. γρυπάριον, γρυπονάγροι.

[4]) Кречетъ наз. sonkor, schonkon у Манджуровъ, schongar, grifalque, gerfaut. Pallas, Voyages. III, p. 16. Makrisi. Hist. des sultans mamel. 1887, I, 91—5. [Ср. Du Cange: Gloss. med. lat., s. v. grifalco, ed. F. Didot, Paris 1844, t. III, p. 567.]

клада, слѣдуетъ имѣть въ виду, что усвоенiе символовъ чужой культуры является часто лишь замѣною своихъ туземныхъ на основанiи родственной ихъ близости.

Символическiе знаки.

Магическая практика еще въ глубокой древности выработала ряды символическихъ знаковъ, которыя способствовали охраненiю человѣческой жизни отъ бѣдъ. А такъ какъ, съ одной стороны, обрядовая сторона религiй и ученiй Азiи находилась въ постоянномъ общенiи,[1] и магiя варваровъ усваивала послѣдовательно чуждые ритуалы, то скиѳосарматскiя древности даютъ намъ въ разные перiоды различные подборы этихъ знаковъ.[2] Проф. М. И. Ростовцевъ въ своей книгѣ (стр. 130—134) остановился спецiально на символико-орнаментальныхъ бляшкахъ сарматскихъ могилъ Кубани, которыя онъ отличаетъ отъ скиѳскихъ и по времени преобладанiя (приблизительно съ третьяго вѣка до Р. Хр. по третiй же по Р. Хр.) сарматскаго кочевья въ южной Россiи и по новымъ формамъ. Въ „скиѳскихъ древностяхъ“ Приднѣпровья и вообще южной Россiи орнаментальныя бляшки были всегда или круглыми или четыреугольными, достаточно широкими, чтобы помѣстить цѣлую композицiю растительнаго или животнаго царства или религiозную и бытовую сцену. Кубанскiя могилы данной эпохи доставили сотни декоративныхъ бляшекъ, но гораздо меньшаго размѣра, изъ тонкихъ золотыхъ листовъ и притомъ или разныхъ геометрическихъ формъ, или въ видѣ лилiй, лунницъ, треугольниковъ, розетокъ и пр. Тѣ же самыя бляшки были находимы въ Ассирiи,[3] и тождественные орнаменты въ сассанидскомъ и арабскомъ искусствѣ. Всѣ эти украшенiя, какъ ассирiйскiя, такъ и сарматскiя относятся къ мелочамъ личнаго убора, а именно къ ожерельямъ съ ихъ подвѣсками, низкамъ къ покрываламъ, наборнымъ цѣпочкамъ разныхъ назначенiй, но большинство ихъ имѣетъ значенiе символическихъ, т. е. религiозныхъ знаковъ, амулетовъ, обереговъ, апотро-

Рус. 5. Магическiй знакъ фурбу (по Schlagentweit'у).

[1]) Schlagentweit, l. c. p. 32 — указываетъ, насколько мистическая система тибетскаго ламаизма близка къ шаманизму Сибири, по обрядамъ и формуламъ, и къ ритуалу Индiи.

[2]) Тотъ же Шлагентвейтъ указываетъ на Hodgson «Notice sur les symboles boudhistes» въ J. R. As. Soc. Vol. XVIII — 110 символовъ; Вильсонъ, Ariana antiqua. pl. XXII — 168 значковъ и пр.

[3]) Perrot, l. c. II, fig. 424—440.

пеевъ противъ злыхъ силъ природы и демоновъ, дурного глаза и волшебства. Отсюда рога тура и быка, рогъ луны концами вверхъ или внизъ или менискъ — „лунница“ и „фенгій“, трезубцы всякаго рода, клыки и зубы и ихъ подобія, „клинцы“ (тибетскій знакъ фурбу — рис. 5)[1] въ видѣ кольца или ручки съ клиномъ внизу, когти, глазъ являются апотропеями или оберегами. Но этому ряду отвѣчаетъ подборъ благихъ знаковъ: кружка, розетки, звѣзды, какъ силъ покровителей человѣка — благостныхъ боговъ, знаки побѣды и торжества, плодородія и обилія, въ видѣ магическихъ круговъ, языка пламени, зигзага молніи, магическаго зеркала, нарождающагося крина, вѣнца, ромба, — знаковъ, повторяющихъ типы лотоса, древа жизни, кедровой шишки. При этомъ обиліи знаковъ, дѣйствительно, они замѣняютъ собою прежніе обереги звѣринаго стиля: передъ (protome) быка, барана, или козла, голову льва или грифа, фигуру кабана, барса и сфинкса.

Рис. 6. Пряжка Александропольскаго кургана.

Композиціи звѣринаго стиля.

Сокращеніе композицій звѣринаго стиля въ геометрическія формы, несомнѣнно, отвѣчаетъ особому орнаментальному теченію съ Востока, задолго опередившему Исламъ съ его направленіемъ, и имѣетъ себѣ аналогію въ появленіи стекольчатыхъ украшеній въ золотомъ мастерствѣ древностей Аланскихъ и Готскихъ того же періода[2]...

Южно-русскіе курганы.

Наиболѣе характернымъ памятникомъ скиѳскаго погребенія является Александропольскій курганъ, иначе Луговая могила Екатеринославскаго уѣзда, въ степи, въ 70 верстахъ отъ Днѣпра, громадныхъ размѣровъ (10 саженей вышины и 150 саж. въ окружности) и обложеннаго огромными камнями, рвомъ и валомъ. Курганъ заключалъ въ себѣ, кромѣ катакомбы въ центрѣ, въ которой былъ погребенъ, повидимому, самъ царь Савроматовъ, вмѣстѣ съ женами, рабами, конскую могилу и рядъ сожженныхъ колесницъ похоронной процессіи.

Особо любопытна масса предметовъ личнаго и погребальнаго убора, также конскаго и колесничнаго, размѣщенныхъ по кургану на разныхъ уровняхъ и въ особыхъ складахъ, среди камней и подъ крышками, при чемъ подобные завалы указываютъ, что колесницы были или сожжены или разобраны и сложены кучами, такъ что, повидимому, похоронная

[1]) Schlagentweit, o. c., p. 166, pl. XXX.
[2]) Русск. Др. III, рис. 149, 166—182.

процессія была оставлена съ покойникомъ, ради созданія полной жизненной обстановки. Масса золотыхъ вещей напоминаетъ сибирскія погребенія, но большинство предметовъ было изготовлено специально по случаю погребенія и по желѣзу украшено листовымъ золотомъ, въ видѣ про-

Рис. 7. Фалары Александропольскаго кургана.

рѣзныхъ пластинокъ, набитыхъ на дерево, на желѣзо, кожаные ремни и т. д. Таковы золотыя бляшки покрововъ и одеждъ, въ большинствѣ греческаго образца, съ изображеніями растительными и орнаментальными, но, главнымъ образомъ, звѣрей и животныхъ, птицъ и фантастическихъ образовъ какъ божествъ: Персидской Артемиды, Аѳины, такъ и сказочныхъ звѣрей. Но, чтó въ этомъ курганѣ характерно — повтореніе излюбленныхъ кочевниками типовъ (см. рис. 6 и 7): оленя, коня, быка, орла, грифа, льва, разсыпанныхъ повсюду: на втулкахъ дышлъ, на уздахъ и ошейникахъ, бокахъ колесницъ, вмѣстѣ съ бубенцами и колокольчиками, какъ и личные

уборы съ бусами, когтями и рогами изъ золота — оберегами, съ лунницами въ видѣ подвѣсокъ, съ образами древа жизни, въ видѣ ажурныхъ пластинокъ, набитыхъ на кузовъ колесницы или повозки. Золотыя бляхи на уздѣ представляли голову варвара, окруженную головами быковъ (см. рис. 2 на стр. 24) — такъ же очевидный талисманъ или оберегъ, какъ и ажурная пластинка съ парою драконовъ. Наконецъ, достаточно сопоставить ажурныя золотыя накладки широкаго конскаго ремня съ изображеніемъ грифовъ, терзающихъ то кабана (рис. 8), то оленя, чтобы утвердить непосредственное преемство стиля сибирскихъ древностей въ нѣкоторой небрежности исполненія, понятной въ средѣ погребальнаго убора, а равно въ безконечныхъ декоративныхъ повтореніяхъ одного подбора типовъ.[1]

Рис. 8. Золотая бляха (накладка на ремень) изъ Александропольскаго кургана.

Того же типа золотыя украшенія звѣринаго стиля съ борьбою звѣрей были встрѣчены въ Геремесовской группѣ кургановъ, въ 50 вер. къ югу отъ Александропольскаго, въ Толстой могилѣ близъ Краснокутска. Особо любопытны и здѣсь новый видъ гравированныхъ, или, точнѣе, рѣзныхъ и вмѣстѣ прорѣзныхъ орнаментальныхъ пластинъ, по преимуществу изъ серебра, съ изображеніемъ или драконьихъ или конскихъ головъ въ декоративномъ соединеніи ихъ, или съ окончаніемъ изогнутыхъ тѣлъ пальметкою (рис. 1 на стр. 19). Въ 20 вер. отъ Никополя, по близости Днѣпра, разслѣдованъ былъ И. Е. Забѣлинымъ огромный Чертомлыцкій курганъ, который далъ еще болѣе пышную и въ то же время характерно-варварскую обстановку погребенія, видимо, царскаго. На этотъ разъ, однако, вся художественная сторона этого погребенія, видимо, была исполнена греческими мастерами или даже мастерскими, устроившимися вдали отъ греческихъ колоній, но на условіяхъ царски щедрыхъ и увлекавшихъ мастера даже вглубь степей. Въ самомъ дѣлѣ, сходство стиля, всей техники и частью даже самого выбора сюжетовъ между Чертомлыцкимъ курганомъ и курганомъ на хребтѣ Куль-Оба, проходящемъ у самой Керчи — древней Пантикапеи, столицы Босфорскаго царства, настолько ярко видно и сильно проведено, что нельзя было даже указать мелкихъ различій въ пóшибахъ.

[1]) [См. статью М. И. Ростовцева въ Recueil-Kondakov, стр. 241—3, табл. XXII.]

Въ то же время, одинаковое для обоихъ смѣшеніе высоко-художественныхъ вещей, какъ напримѣръ Чертомлыцкой вазы съ укрощеніемъ скиѳскихъ коней и Куль-обскихъ вазъ со сценами скиѳской жизни и быта, рядомъ съ кочевническими котлами и ихъ украшеніями и одинаковое, непонятное Греку или Римлянину, пестрое богатство скиѳскихъ похоронъ, выражающееся, прежде всего, въ массахъ вещей; утвари, одеждъ, посуды, оружія и пр. Сила религіозной увѣренности въ реальномъ продолженіи здѣшней жизни и въ загробномъ мірѣ — для однихъ, рабская привычка къ жизненной обстановкѣ — для другихъ, повиновеніе священнымъ обычаямъ — для прочихъ, все соединилось здѣсь, чтобы создать бытовое явленіе, непонятной для позднѣйшихъ временъ силы и невѣроятной, беззавѣтной наивности и простоты пониманія человѣческихъ судебъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ этихъ кургановъ извлекались кучи всевозможныхъ вещей, явно приготовленныхъ для погребенія, не одною семьею или родомъ царскимъ, но и буквально всѣмъ народомъ, подвигавшимся по случаю смерти царя на жертвованіе и своимъ имуществомъ, лишь бы обставить его будущую жизнь по царски. Послѣ ряда совершенныхъ жертвъ, отправленныхъ тризнъ, всѣ участвовавшіе разбирали на части колесницы и повозки, чтобы онѣ не служили больше никому, разбивали посуду, кромѣ той, которая находилась въ склепѣ для покойника, собирали и сваливали все разбитое, разорванное въ кучи, чтобы никому не досталось даже мелочныхъ бляшекъ, ломали свои акинаки, луки и стрѣлы, сѣдла и попоны, узды и конскіе уборы, складывали котлы и жаровни, служившіе для тризны и проч. Отсюда ясно и то смѣшеніе вкусовъ и стилей въ исполненіи убора: при жизни у царя работали греческія мастерскія, дѣлали драгоцѣнные сосуды изъ золота и серебра для пировъ, и, исповѣдуя приказы царскіе, исполняли на нихъ сцены жизни простыхъ кочевниковъ среди кочевья, или въ безконечныхъ походахъ на край свѣта. Но, рядомъ съ этими изящными работами греческихъ мастеровъ, представлявшими уже романтическія картины простого быта и вмѣстѣ образцы чуждыхъ идеаловъ Аѳины, Аполлона (напр. рис. 9), кустарныя мастерскія продолжали изготовлять на погребеніе всю народную, завѣтную обстановку кочевника, невольно впадая въ старое, въ древнюю восточную и варварскую художественную среду. Вотъ почему мы видимъ въ этихъ курганахъ массы бляшекъ съ изображеніями льва, лежащаго, идущаго на охоту, терзающаго жертву, но рядомъ и зайца, и массу оленей, птицъ почти повсюду, какъ украшеніе всего кочевого убора, и баранчиковъ, тельцовъ, козловъ и пр., и мало того, мы почти нигдѣ не встрѣчаемъ растительнаго или геометрическаго орнамента, повсюду изображенія фигуръ или головъ звѣриныхъ или птичьихъ. Что́ особенно слѣдуетъ замѣтить, погребальное убранство варварскихъ царей Босфора Киммерійскаго въ Куль-Оба представило одновременно съ тонкостью изящныхъ греческихъ вкусовъ, на этотъ разъ шедшихъ прямо изъ Аѳинъ, и столь опредѣленный варварскій характеръ, который не только

не ослабѣлъ отъ соприкосновенія съ античною культурою, но выразился какъ бы на показъ и усиленно, отчасти благодаря услугамъ греческихъ мастеровъ, съумѣвшихъ найти въ чуждомъ мірѣ варваровъ жизненныя черты простого быта, создать образъ скиѳа, въ условныхъ эмблемахъ и символахъ выразить любовь кочевника къ своему быту.

Вотъ почему, напримѣръ, около царя Чертомлыцкаго кургана оказались воткнутыми въ землю три меча съ золотыми рукоятями варварской работы, и еще лежали два меча съ золотыми ручками, одинъ варварскаго, другой восточнаго, персидскаго стиля; одинъ изъ акинаковъ имѣлъ ножны высоко художественной работы фриза, представлявшаго битву грековъ со скиѳами; рукоять рядомъ лежавшая, стараго по́шиба, изображала охоту на дикихъ козловъ (Кавказа и средней Азіи). Словомъ, сборный характеръ скиѳскаго художественнаго убора открывается слишкомъ ясно для того, чтобы археологія не отмѣтила этого опредѣленнаго факта, какъ черты подлиннаго кочевья, сохраняющаго вѣками свои драгоцѣнности и, конечно, особенно дорогое оружіе, передаваемое изъ рода въ родъ.

Рис. 9. Фаларъ изъ Янчокракскаго клада.

Несомнѣнно, конечно, что мастера кочевниковъ находили формы, подходящія къ быту, образу его мыслей и его чувствъ, и въ греческомъ, особенно малоазійскомъ искусствѣ, игравшемъ для нихъ роль высшаго художественнаго образца, такъ какъ само это искусство выработалось на типахъ и формахъ древне-восточнаго искусства, въ свою очередь. Но, помимо того, они ясно пользовались своими вѣковыми матрицами для литья и чекана по древнимъ образцамъ: такъ, въ Чертомлыцкомъ курганѣ можно найти самыя разнообразныя издѣлія отъ эпохъ IV до II вѣка до

Р. Хр., и множество звѣриныхъ сценъ по своему бѣшенству ползущихъ, грызущихъ и терзающихъ звѣрей — художественный пріемъ Ассиріи, со своею условною стилистикою волосъ на гривахъ и шерсти на тѣлѣ — не могутъ быть относимы къ греческому искусству, но къ греко-восточному.[1]

Рис. 10. Бляха неизвѣстнаго происхожденія.

Равно ряды другихъ, еще частью помнящихъ сибирскіе образцы по дикому звѣрству, выраженному грубо, но характерно, должны быть относимы прямо къ варварскимъ мастерскимъ и матрицамъ, при чемъ многія вещи идутъ не изъ Александропольскаго кургана (рис. вышеуказ.), но изъ керченскихъ могилъ,[2] даже изъ Чертомлыцкаго Кургана,[3] Куль-Оба,[4] Акме-

[1]) См. Рус.: Др. II, рис. 101, 117—8, 122, 125.
[2]) Тамъ же, рис. 62.
[3]) Тамъ же, рис. 96, 122, 127—129.
[4]) Тамъ же, рис. 130—1.

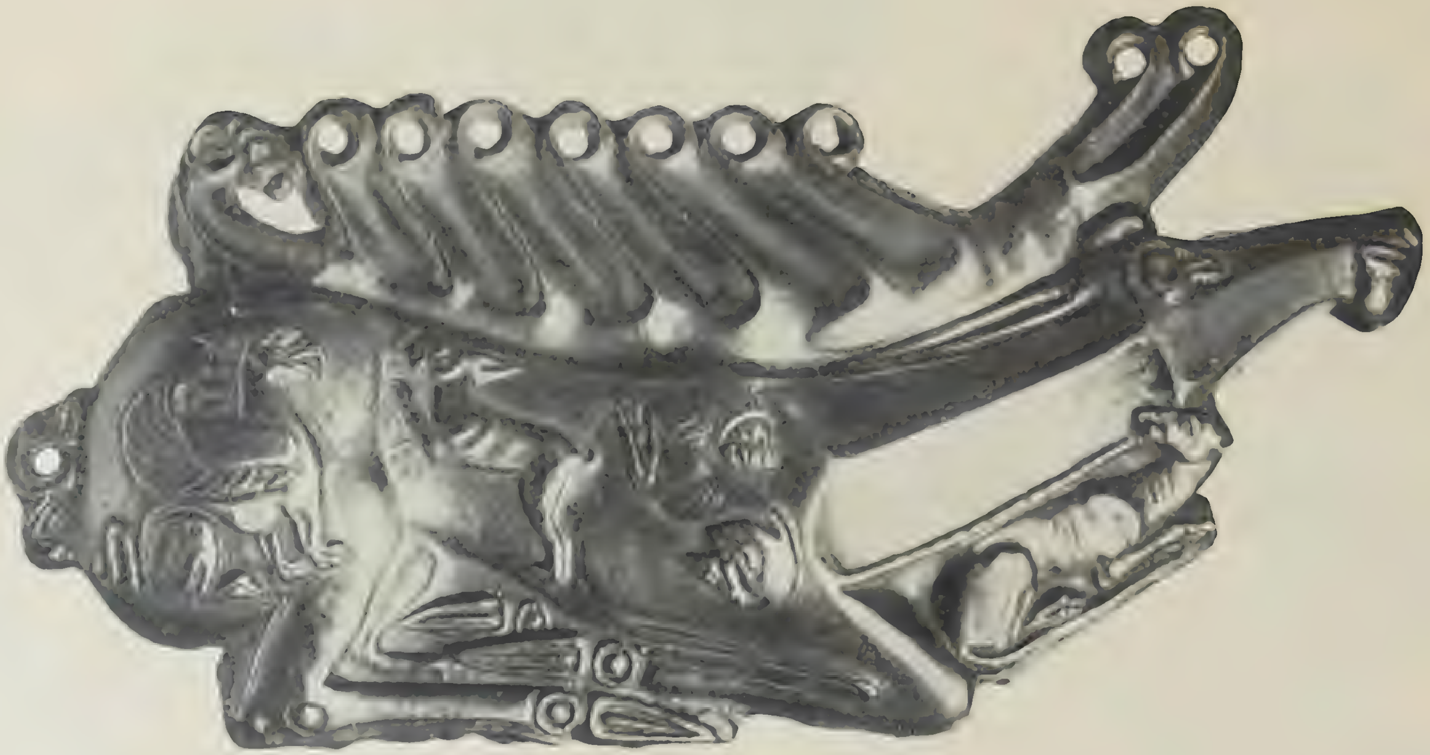


Рис. 11. Золотой олень (накладка налучія) изъ Куль-Оба.

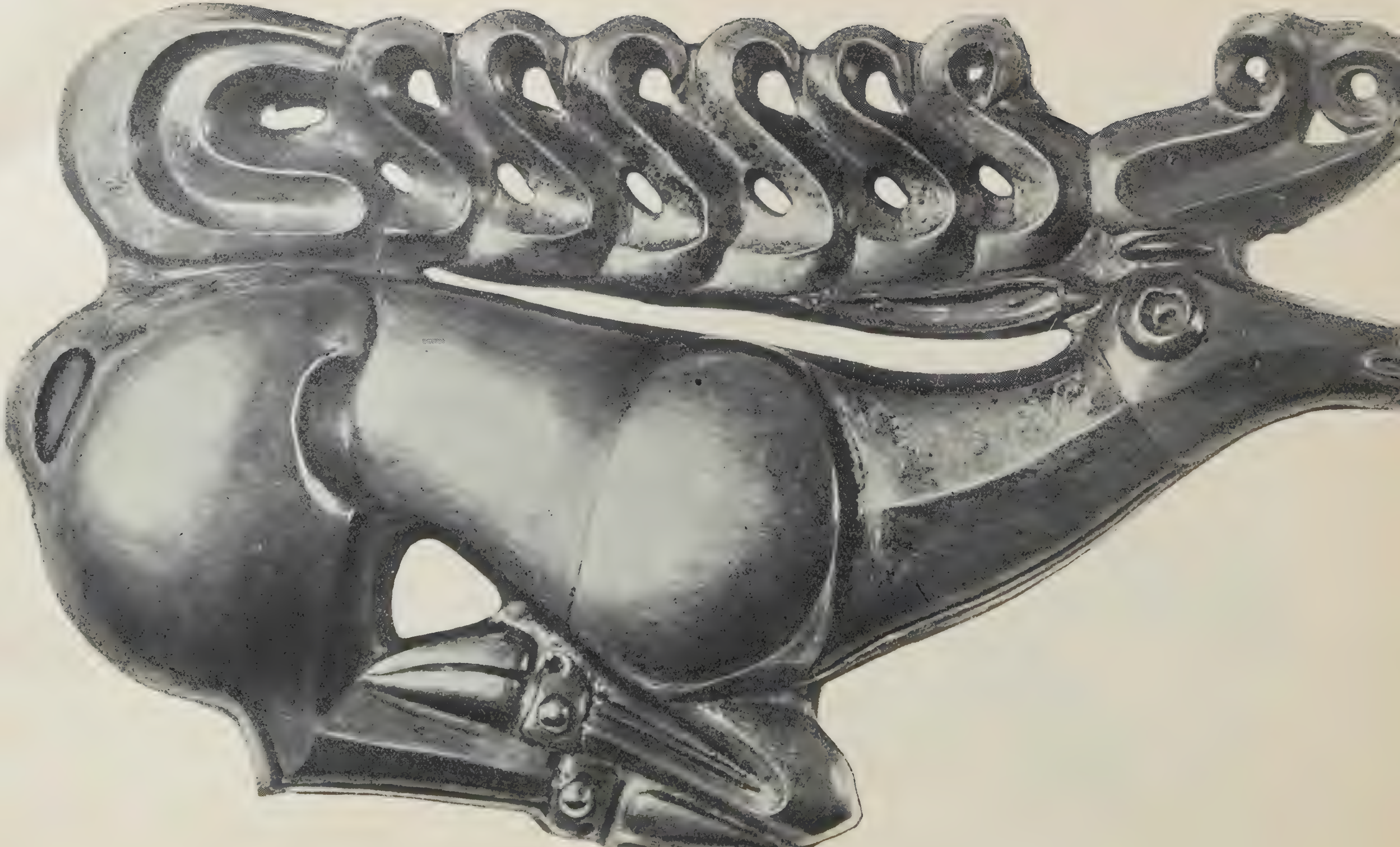


Рис. 12. Золотой олень изъ Костромской станицы.

Рис. 13. Золотой олень, найденный въ Венгріи (Tápiószentmárton).

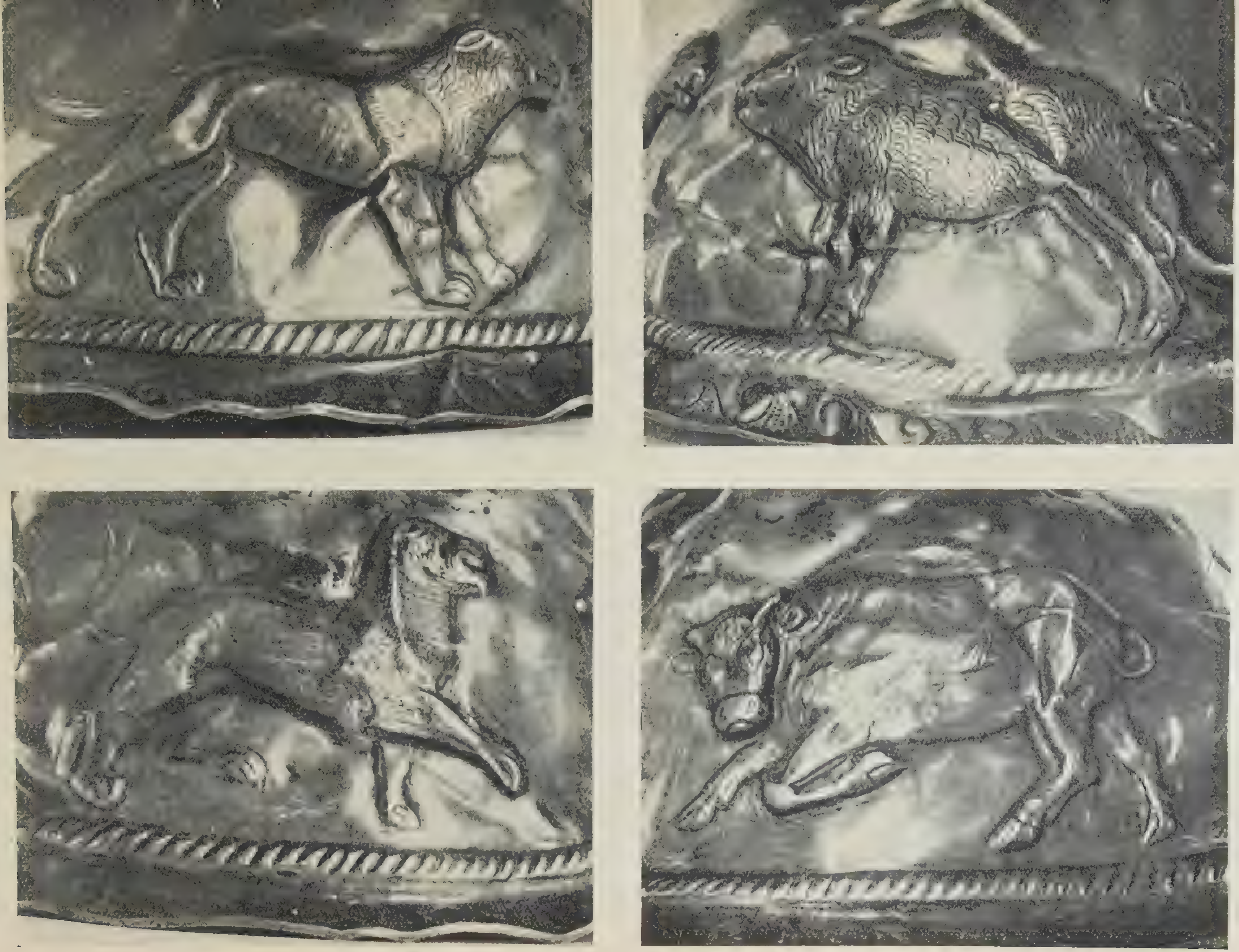


Рис. 14. Фигуры животныхъ изъ фриза Старобѣльскаго фалара (см. стр. 21).

четскаго кургана близъ Керчи,[1] изъ могильника близъ Смѣлы (замѣчательный олень — накладка съ налучія). Характерна золотая накладка налучія изъ Куль-Оба въ видѣ лежащаго оленя, съ вычеканенными на немъ же: собакою, грифомъ, зайцемъ и львомъ (рис. 11).

Типъ витязя-богатыря.

Любопытство историка культуры естественно пробуждается при одномъ имени витязя, вспоминающемъ героическіе типы ранняго средневѣковья въ эпоху сложенія первыхъ государственныхъ формъ среди варварскаго міра. Основнымъ типомъ витязя былъ, конечно, вождь конной дружины, иногда бывшій только кочевымъ родоначальникомъ, иногда владѣльцемъ территоріи съ городами и земледѣльческимъ населеніемъ, но, какъ извѣстно, наиболѣе опредѣленный — это типъ скандинавскаго вождя, отъ котораго пошло, какъ именованіе витязя, такъ и тотъ вольный обликъ, придавшій романическій интересъ самому типу. Норманскій викингъ — витязь былъ, однако, позднѣйшимъ типомъ, а наиболѣе ранній видъ витязя появился, повидимому, именно въ степяхъ Средней Азіи и южной Россіи, почему и русскій „старшій“ богатырь представляется зачастую восточнымъ выходцемъ[2]: Полканомъ, Самсономъ, Сухманомъ и т. д. Для юго-восточнаго угла Россіи и, въ частности, для Тмутараканской Руси, V—VIII столѣтія были временемъ крайнихъ броженій, и устья Волги видали у себя тучи проходящихъ полчищъ и равно бродящихъ по степи дружинниковъ. Памятниками такихъ витязей остались по Кубани и ея притокамъ курганы съ громадными конскими погребеніями.

Рис. 15. Фаларъ изъ Старобѣльскаго клада.

Кубанскіе курганы.

Замѣчательная группа кургановъ на возвышенномъ берегу Кубани въ Темрюкскомъ уѣздѣ, получившая названіе Семи братьевъ дала рядъ богатыхъ конскихъ могилъ, въ центрѣ кургана надъ могилою покойника, иногда крытыхъ бревнами, и даже съ каменными стѣнами. Въ одной изъ конскихъ могилъ найдены были кости тринадцати коней, а владѣлецъ ихъ погребенъ былъ въ особой оградѣ, сбоку, но обычно могила устраивалась внизу, на материкѣ. На конскихъ скелетахъ были бронзовыя бляхи, головки

[1]) Рис. 107—8.

[2]) См. Рус. Др. I. 57—8, 59—62.

оленей на мѣстѣ налобниковъ, псалiи на удилахъ имѣли форму копыта, оленьей ноги, оленьяго уха, сѣкиры. „Наиболѣе замѣчательныпластинк и, прикрѣплявшiяся къ уздамъ, въ видѣ головы фантастической птицы съ дыбящимся хохломъ, свернувшагося въ комокъ оленя, кабаньей головы. Украшенiя личнаго убора отвѣчали также особою характерностью и сюжетовъ и стиля: нагрудное, на панцырѣ, изъ серебра, представляло въ крайне оригинальной формѣ горельефъ оленихи съ дѣтенышемъ, а внизу слетающую птицу, золотыя накладныя пластинки колчана барса, грызущаго тѣло козла, орла, рвущаго шею зайца, барса, схватившагося съ дракономъ, чудище дракона съ орлиною головою на хвостѣ и пр. Особо любопытны фигурныя украшенiя (Гермесъ Крiофоръ, Горгонейонъ) и серебряный ритонъ съ крупною головою крылатаго козла, еще персидскаго типа. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ древностяхъ Семибратскихъ кургановъ своего рода полуархаическiе типы и стиль съ поискомъ художественнаго реализма, чуждый варварской декоративной небрежности“...

4.

Извѣстiя Геородота о массагетахъ.

Геродотъ, изложивъ исторiю похода Кира на Массагетовъ и смерть его, сообщаетъ (1,215) слѣдующiя свѣдѣнiя объ ихъ культурѣ: „По одеждѣ и образу жизни массагеты похожи на скиѳовъ. Сражаются они верхомъ на лошадяхъ и пѣшiе — знаютъ оба способа войны, сражаются луками и копьями, вооружены обыкновенно и сѣкирами. Всѣ предметы у нихъ изъ золота и мѣди: все, что требуется для копiй, стрѣлъ и сѣкиръ, приготовляется изъ мѣди; головные уборы, пояса и эксельбанты украшаются золотомъ. Также изъ мѣди дѣлаютъ они грудные панцыри для лошадей; напротивъ, уздечки, удила и фалары приготовляютъ изъ золота. Желѣза и серебра они вовсе не употребляютъ, потому что этихъ металловъ нѣтъ въ ихъ странѣ, тогда какъ золото и мѣдь у нихъ въ изобилiи.“ „Предѣла жизни (гл. 216) у нихъ не полагается вовсе, но кто очень состарится, къ тому сходятся всѣ родственники, убиваютъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и разный скотъ, варятъ это вмѣстѣ и поѣдаютъ. Такой конецъ жизни они считаютъ счастливѣйшимъ. Умершаго отъ болѣзни они не съѣдаютъ, но хоронятъ, горюя о томъ, что ему не пришлось быть убитымъ. Они ничего не сѣютъ, питаясь домашними животными и рыбою, которую въ изобилiи доставляетъ имъ рѣка Араксъ. Они пьютъ молоко. Изъ боговъ чтутъ только солнце, которому приносятъ въ жертву лошадей. Смыслъ жертвы этой тотъ, что быстрѣйшему изъ всѣхъ боговъ подобаетъ быстрѣйшее животное.“ Въ книгѣ IV, гл. 11 Геродотъ сообщаетъ дополнительно, уже по поводу происхожденiя скиѳовъ припонтiйскихъ, разсказъ, „которому онъ наиболѣе довѣряетъ“. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ: „скиѳы кочевники жили сначала въ Азiи, потомъ они были потѣснены во время войны массагетами и, перешедши рѣку Араксъ, удалились въ Киммерiйскую землю“. Слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ киммерiйцы уступили свою землю скиѳамъ.

Геродотъ говоритъ о массагетахъ по случаю похода на нихъ персидскаго царя Кира (1,201—214): „Народъ этотъ считается многочисленнымъ и воинственнымъ, живетъ на востокъ по ту сторону Аракса, противъ Исседоновъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это скиѳскій народъ. (202). Одни говорятъ, что Араксъ больше Истра, другіе, что меньше. На Араксѣ лежитъ, какъ разсказываютъ, много островов, по величинѣ, подходящихъ къ Лесбосу... Единственный изъ рукавовъ Аракса протекаетъ по открытой мѣстности и впадаетъ въ Каспійское море. (203). Море Каспійское имѣетъ въ длину 15 дней плаванія для весельнаго судна, а въ ширину восемь дней. Вдоль западнаго берега этого моря тянется Кавказъ, обширнѣйшая изъ горъ. (204). Съ запада Каспійское море ограничено Кавказомъ, съ востока къ нему примыкаетъ равнина на необозримомъ пространствѣ. Значительную часть этой обширной равнины занимаютъ массагеты“...

Кочевники Сибири и Средней Азіи.

Кочевыя племена Сибири, высылавшія свои орды въ южную Россію и западную Европу,[1] были сплочены могучею народностью Гунновъ, но объединяли нерѣдко на колоссальномъ пространствѣ земель до предѣловъ Галліи славянскіе и германскіе осѣдлые народы. Народы эти, начиная съ Массагетовъ, заправляли не только торговлею Византіи съ сѣверомъ и Китаемъ, но и болѣе отдаленною отъ нихъ Индіею, Кавказомъ, берегами Дона, Днѣпра и Дуная. Историковъ не даромъ поражаетъ богатство личныхъ уборовъ кочевыхъ вождей, ихъ конскихъ уборовъ, расточающихъ варварскимъ образомъ золото, изъ котораго отливаются фунтовыя пластины сѣдельныхъ украшеній. Мы уже говорили, что богатство, а также пестрота, мишурность цвѣтныхъ одеждъ, оружія и уборовъ, покрываемыхъ камнями или цвѣтными (гранатовыми и краснаго стекла) инкрустаціями, дивящая своимъ варварскимъ вкусомъ въ погребальныхъ уборахъ Сибири, нижней Волги и Дона, предгорьевъ Кавказа, нижняго теченія Дуная и восточной Венгріи, объясняется привычками и образомъ жизни кочевыхъ вождей, бравшихъ за образецъ царей Парѳіи, Сассанидской Персіи, державцевъ культурныхъ частей Средней Азіи, Индо-скиѳскаго царства. Равнымъ образомъ эти древности кочевыхъ народовъ ранняго средневѣковья Восточной Европы и Сибири зависѣли и въ своихъ вкусахъ и по́шибахъ, какъ и въ самомъ выборѣ предметовъ быта и тѣсно съ нимъ связаннаго погребальнаго убора, отъ постояннаго перениманія варварами и ихъ художественными и ремесленными мастерскими всего того, что́ ихъ привлекало

---

[1]) Русскія древности въ памятникахъ искусства. III. Древности временъ переселенія народовъ. 1890 г. Француз. издан. Kondakoff, Tolstoi et S. Reinach. Antiquités de la Russie méridionale. 1892. [Въ рукописи это мѣсто имѣетъ слѣдующій видъ: „...этой культурѣ и принадлежавшее кочевымъ племенамъ Сибири, высылавшимъ свои орды въ южную Россію и западную Европу[1]). Племена эти были сплочены могучею народностью Гунновъ...“ и далѣе какъ въ текстѣ. Эта страница рукописи не сохранилась цѣликомъ, верхняя часть ея (около 6—7 строкъ) обрѣзана].

въ восточномъ быту послѣдовательно смѣнявшихся азіатскихъ державъ. Вожди ордъ Массагетовъ и позднѣйшихъ сплоченій гуннскихъ, или вообще говоря, тюркскихъ племенъ, не только политически распоряжались на громадной территоріи равнинъ отъ Китайской стѣны до Дуная, но и экономически завѣдывали добываніемъ золота и серебра, получая за то хлѣбъ, ткани, шелкъ, жемчугъ, бирюзу и драгоцѣнные камни, оружіе, домашнюю утварь, посуду. Массагеты имѣли личныя украшенія, пояса, наручи, узды и сѣдла съ золотыми наборами и бляхами, Аланы и Авары щеголяли золотою посудою, а любовь къ золоту у Гунновъ вошла въ пословицу, и именно потому Аттила щеголялъ своею умѣренностью и въ пищѣ и въ личномъ уборѣ. Очевидецъ Прискъ нашелъ у Гунновъ временъ Аттилы оригинальную культуру, своеобразный бытъ, привычку къ роскоши, къ коврамъ, къ разноцвѣтнымъ одеждамъ, къ золоту и драгоцѣннымъ камнямъ, къ золотымъ кубкамъ и серебрянымъ блюдамъ. Гунны завели у себя производство шелка, и въ IV—V вѣкахъ подъ именемъ „гуннскихъ завѣсъ, пологовъ и ковровъ“, разумѣлись, повидимому, наиболѣе роскошныя и пестро расцвѣченныя, а также и особенно пышныя и легкія изъ шелковыхъ тканей. Какъ видно изъ разсказа византійца Менандра о посольствѣ Византіи къ Дизовулу хагану въ 569 году, для испрошенія его распоряженій на Дунаѣ, въ Алтай (или Эк-тай — золотыя горы), шатеръ хагана былъ шелковый, самъ онъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, имѣвшемъ колеса; ложе его было также изъ золота, но въ другой палаткѣ, гдѣ стояли идолы, а посреди находились сосуды, бочки, тоже золотыя, столбы даже были обиты золотомъ. Табари[1] передаетъ такое свидѣтельство о богатствахъ, оказавшихся у турецкаго князя изъ Средней Азіи Шава: когда онъ былъ разбитъ и убитъ персидскимъ полководцемъ Бахрамомъ, и взятъ его замокъ, то Бахрамъ долженъ былъ навьючить 250 тысячъ верблюдовъ, чтобы переслать царю Гормизду все золото, драгоцѣнности, сосуды, оружіе и утварь. Арабскіе историки разсказываютъ, конечно, съ извѣстнымъ преувеличеніемъ, что золото, получавшееся отъ переливки женскихъ украшеній, взятыхъ въ городахъ Средней Азіи, нерѣдко вѣсило 50—150 тысячъ фунтовъ.

Сибирскія древности

Но если были богаты золотомъ Парѳія, Бактрія и Согдіана, то можно себѣ представить, насколько были богаче золотомъ племена, заправлявшія добычею золота на самомъ мѣстѣ его древняго добыванія, въ Сибири, на предгорьяхъ и въ долинахъ Алтая или Эк-тая. Суевѣрный страхъ, ожидавшій выхода духовъ умершихъ изъ ихъ могилъ и кургановъ, въ случаѣ ихъ разрытія и наполнявшій еще умы Калмыковъ и другихъ кочевниковъ, препятствовалъ долго разграбленію безчисленныхъ кургановъ Сибири по Иртышу и Енисею. Но, когда въ краѣ появились русскіе и плѣнные шведы, они стали промышлять этою добычею золота изъ кургановъ: даже у вое-

---

[1]) Gesch. d. Persen und Araber zur Zeit d. Sasaniden übers. v. Nöldeke. 1879., 269.

водъ набирались капиталы „отъ бугровщиковъ“. Первыя извѣстія о драгоцѣнныхъ и исторически замѣчательныхъ находкахъ въ Сибири, переданныя намъ добросовѣстными голландскими и нѣмецкими промышленниками и концессіонерами, отчасти по иниціативѣ все того же Петра Великаго, сообщаютъ о находкѣ въ могилахъ покрывалъ изъ листового золота, по 10 фунтовъ вѣсомъ, лицевыхъ масокъ изъ золота (какъ въ могилахъ парѳянскихъ), золотыхъ украшеній съ рубинами и изумрудами, о случаяхъ находокъ, дававшихъ послѣ переливки, десятки фунтовъ чистаго золота и т. д. Понятно, что, когда въ 1730-хъ годахъ и позднѣе прибыли въ Сибирь ученые академики Миллеръ и Палласъ, то они съ горечью писали домой, что „всѣ могилы уже разрыты“, и для научныхъ раскопокъ остались только курганы съ бронзовыми вещами, истощены курганы съ золотомъ на Енисеѣ и притокахъ Оби и оказались съ грубыми издѣліями могилы по Иртышу съ его притоками.

Звѣриный стиль у азіатскихъ кочевниковъ.

Какъ бы то ни разрѣшилось впослѣдствіи, когда Сибирь откроетъ у себя научное разслѣдованіе своихъ историческихъ сокровищъ, однако, и теперь уже можно сказать, что гигантская энергія великаго Петра, по первымъ слухамъ выславшаго своихъ агентовъ и добывшаго сибирскую коллекцію древностей для своей Кунсткамеры, нынѣ въ Эрмитажѣ, спасла для исторической науки рѣдчайшія драгоцѣнности.[1] Кунсткамера имѣла въ 1726 году 250 предметовъ, всѣ изъ золота, вѣсомъ 74 фунта, и обогатилась послѣ пожара 1747 года пріобрѣтеніями акад. Миллера, и были уже заготовлены мѣдныя доски для гравюръ изданія „памятниковъ“, но ни вещей въ цѣломъ, ни изданія не было сохранено и выполнено. Тѣмъ не менѣе замѣчателенъ и тотъ рядъ поразительныхъ, по своей массивности, золотыхъ пластинъ съ прорѣзными рельефами, который наполняетъ нѣсколько шкаповъ Эрмитажа и представляетъ, за исключеніемъ 2—3 предметовъ, изображенія звѣрей и животныхъ.

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ свидѣтельствъ о господствѣ звѣринаго стиля у тюркскихъ народностей Сибири и Средней Азіи является вышеупомянутый извѣстный разсказъ историка Менандра о посольствѣ византійскаго императора Юстина Младшаго въ 569 году къ Дизавулу хагану Турокъ, въ его резиденцію, носившую имя „Золотой горы“ (по китайскимъ источникамъ — Алтая). Посолъ Зимархъ былъ принятъ, вмѣстѣ съ согдаитами, торговцами Самарканда, хаганомъ съ благосклонностью и почтенъ пышными угощеніями въ нѣсколькихъ палаткахъ, пестро изукрашенныхъ коврами, шелковыми пологами, а также разными кумирами (ἀγάλματα διάφορα τῇ μορφῇ), сосудами золотыми, кропильницами, даже золотыми боченками; въ одной палаткѣ столбы были облицованы золотомъ, а золотое ложе или кресло хагана стояло на четырехъ павлинахъ; передъ палаткою стояли повозки, полныя всякаго серебра, блюдъ и ковшей, и множество было

[1]) Русскія Древности, III, 43—66, рис. 43—76.

тамъ (ἰνδάλματα) фигуръ четвероногихъ, тоже выполненныхъ изъ серебра, такъ какъ ни въ чемъ у нихъ тамъ нѣтъ недостатка.[1]

По сообщенію А. А. Ешевскаго, императорская могила близъ Мукдена, въ 5 верстахъ отъ Тай Цу, представляетъ собою, среди громаднаго охотничьяго парка изъ лиственныхъ деревъ, обнесенный стѣнами, съ параднымъ входомъ и боковыми воротами, внутри, длинный паркъ вѣковыхъ сосенъ, прорѣзанный аллеями изъ паръ скульптурныхъ изображеній на постаментахъ — слоновъ, верблюдовъ, лошадей — и дорожками, ведшими къ часовнѣ съ котломъ для всесожженій, къ призмѣ на большой черепахѣ, и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ молитвенныхъ часовенъ, къ холму съ сосною и могилою. Усыпальница была устроена и украшена какъ идеальное „вѣчное“ жилище императора, устроена, какъ „парадизъ“ восточнаго владыки, украшена любимыми звѣрями и животными.

Рис. 16. Бляха изъ Истяцкихъ Юртъ на р. Тоболѣ.

Столь же поучительнымъ показался намъ въ идеѣ исконной привязанности азіатскаго кочевника къ міру звѣрей и животныхъ замѣчательный коверъ, пріобрѣтенный въ 1880-хъ годахъ близъ Кушки, прославленной побоищемъ англичанъ и афганцевъ русскимъ отрядомъ А. В. Комарова, В. В. Верещагинымъ. Этотъ текинскій коверъ изъ разряда тонкихъ „паласовъ“, тканый по синему фону, представлялъ — въ шести фризахъ или полосахъ, охватывавшихъ четыре огражденныхъ парадиза съ могилами и палатками и двумя фигурами людей, и состоявшихъ изъ побѣдныхъ шествій людей съ плѣнниками, рядами верблюдовъ съ идолами, на нихъ стоящими, рядами же слоновъ съ дѣтенышами — изображенія барановъ, свиней, собакъ, павіановъ, козъ и т. д. Все это было уже изображено въ той грубой схемѣ, какую даетъ ремесленная ткань, но все повторяло, явно, излюбленные

[1]) Exc. e Menandri Historia, ed. Bonn. p. 383. [См. также: Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, т. XV, страница 240—1, въ отчетѣ за 1909 г. о докладѣ о. С. Валье: «Projet d'alliance turco-byzantine au VIe s.»]

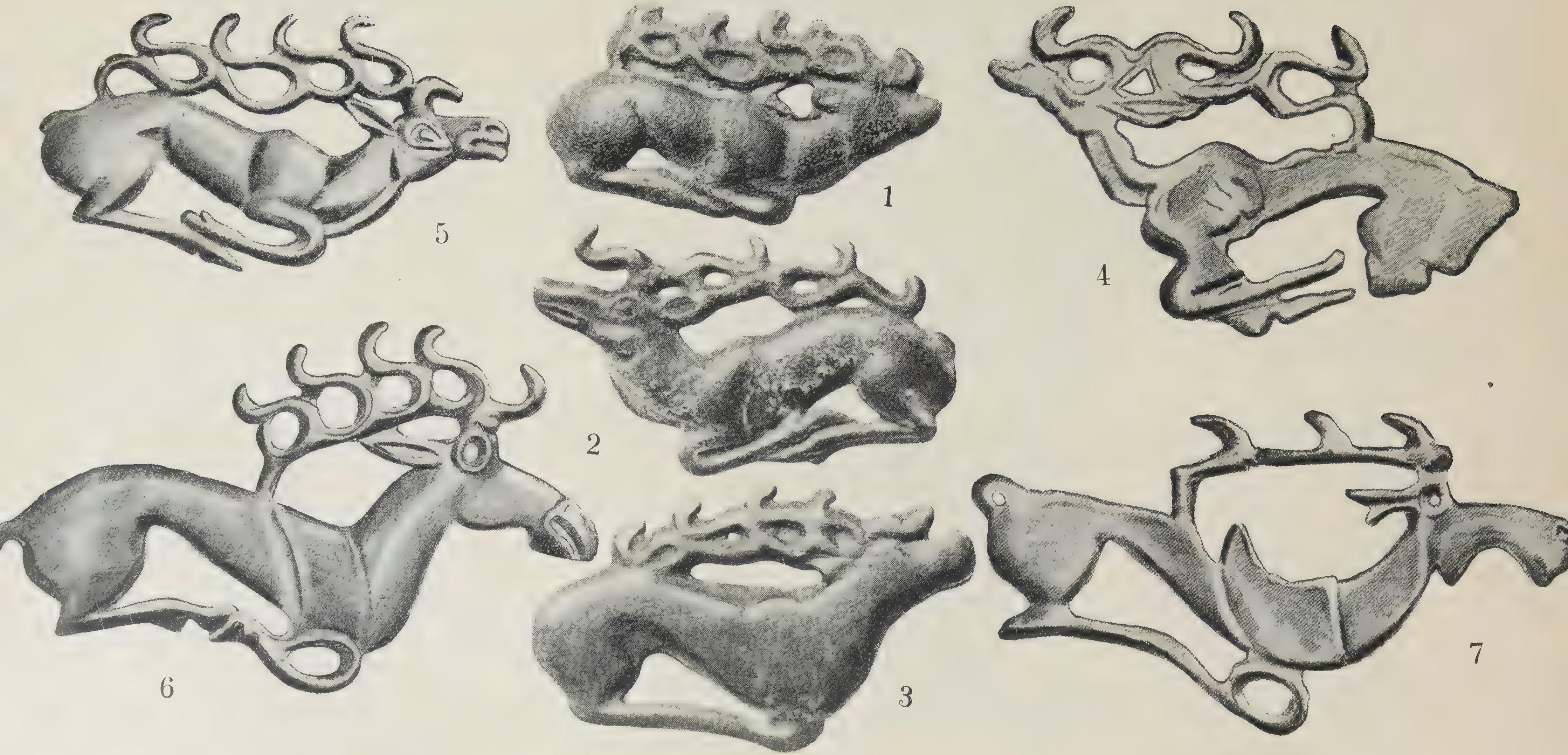


Рис. 17. Бронзовые олени изъ Сибири.
1—3. Будапештъ, Національный Музей. — 4, 6. Эрмитажъ. — 5, 7. Гельсингфорсъ. Національный Музей

образцы погребальныхъ пологовъ, исполненныхъ по темамъ парадныхъ придворныхъ завѣсъ.[1]

Конечно, почти весь этотъ циклъ животныхъ повторяется и въ древностяхъ Босфора, которыя намъ даютъ даже болѣе раннюю по времени смѣсь азіатскихъ исконныхъ темъ съ тонкимъ художественнымъ вкусомъ греческихъ мастеровъ, работавшихъ для босфорскихъ и скиѳскихъ владыкъ. И тамъ мы находимъ лежащихъ оленей (см. рис. 11—12), сидящихъ сфинксовъ, идущихъ львовъ и грифовъ, козловъ, кабановъ, коней, какъ и орнаментированіе вещей конскими, бараньими, львиными, орлиными, бычьими головами, но міръ этихъ представленій нарушенъ тамъ, прежде всего, своею декоративностью, а затѣмъ сліяніемъ съ новымъ міромъ, человѣческимъ, иного быта, иныхъ міровоззрѣній. Тоже должно будетъ утверждать, когда въ обозрѣніи звѣринаго стиля придется перейти и къ знаменитымъ кладамъ Петроссы въ Румыніи и Миклоша въ Венгріи.

Рис. 18. Золотая фигурка лани изъ Аму-Дарьинскаго клада.

Напротивъ того, какой характерный подборъ чрезвычайно стильныхъ изображеній животнаго и звѣринаго міра степей и оазисовъ Средней Азіи и лѣсныхъ равнинъ Сибири даютъ намъ взятыя разомъ сассанидскія и сибирскія древности. Образъ степной жизни — это несущіяся стадами антилопы, лани (рис. 18), куланы, дикіе ослы и онагры; образъ лѣсныхъ зарослей — бродящій въ нихъ тигръ, дикій якъ, великолѣпный баранъ — аргали, съ его громадными и тяжелыми рогами въ причудливыхъ завиткахъ, мощный вепрь, кроющійся въ густыхъ тростникахъ на берегахъ могучихъ и быстрыхъ рѣкъ, табуны дикихъ коней и верблюды, мощный тарандръ и тяжелый медвѣдь.

Несомнѣнно, однако, что сибирскіе рельефы животныхъ отличаются, сравнительно съ сассанидскими изображеніями царскихъ охотъ на львовъ, барсовъ и кабановъ, жизненностью и художественною правдою. Сасса-

---

[1]) [Автору, съ интересомъ слѣдившему за газетными сообщеніями о монгольской экспедиціи П. К. Козлова, не привелось дождаться опубликованія найденныхъ въ Сѣв. Монголіи тканей, являющихся любопытной иллюстраціей высказанныхъ имъ мыслей объ изображеніяхъ „звѣринаго стиля“ въ Сибири и Средней Азіи. См.: „Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова“ Академия Наукъ 1925. W. Perceval Yetts. Discoveries of the Kozlov expedition. The Burlington Magazine, XLVIII, n° CCLXXVII, april 1926, p. p. 168—187. G. Borovka. Die Funde der expedition Kozlow in der Mongolei 1924/25. Archäologischer Anzeiger, Jahrbuch d. D. Arch. Instituts 1926, b. XLI. h. 3—4, s. s. 341—368].

нидскія серебряныя блюда,[1] добываемыя доселѣ исключительно въ Пермскихъ краяхъ, представляютъ схематическое, декоративное повтореніе темъ и рисунковъ, созданныхъ еще древнимъ искусствомъ Востока и частью вліяніемъ Греціи; реализмъ здѣсь, подобно византійскому искусству, ограничивается деталями одеждъ, все же прочее въ рисункѣ оказывается только условною манерою, не исключая фигуръ, пропорцій и условныхъ позъ не только царя охотника, но и звѣрей.

Рис. 19. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

Между тѣмъ, въ сибирскихъ древностяхъ Эрмитажа мы имѣемъ живой, только что выработанный, свѣжій стиль, которымъ порою услаждается самъ мастеръ, выполняющій въ этомъ стилѣ имъ зачастую вновь изобрѣтаемыя темы. Возьмемъ на первый разъ лучшія по отдѣлкѣ пластины:[2] первая схематична, извернувшійся тѣломъ тигръ рветъ и грызетъ шею лошади, упавшей передъ нимъ и тоже съ вывернутымъ задомъ (рис. 19), сухо, условно, но виртуозно въ своемъ мастерствѣ. Въ другой — кабанъ, попавъ въ узлы удава, пытается высвободиться, съеживается и подбирается и какъ то растерянно выжидаетъ, въ то время какъ змѣя вцѣпилась зубами ему въ ногу. При всемъ мастерствѣ исполненія, расчитаннаго на заполненіе прорѣзнымъ рельефомъ точно опредѣленной формы мѣста, къ которому

[1]) Я. И. Смирновъ, Восточное серебро.
[2]) Русск. Др. III, рис. 62 и 68.

рельефная пластинка должна быть прибита (можетъ быть, правая сторона передка или задка сѣдла), мастеръ рѣжетъ всетаки на тѣлѣ звѣрей овальныя ямки (репья по старорусски) для инкрустацій бирюзы.

Наиболѣе характерны, однако, сравнительно грубые рельефы.[1] Эта ихъ характерность заключается въ главной чертѣ стиля: въ напряженіи, порывѣ нападающаго, въ свалкѣ звѣрей, въ наваливаніи одного на другого. Кабанъ опять запутался въ когтяхъ удава, и его грузное тѣло инстинктивно осѣло, тронулось назадъ[2] (рис. 20), тогда какъ на другой[3] онъ или иной звѣрь рвется изъ охватившихъ его колецъ. Грифъ и другой звѣрь, насѣвъ на льва, перевернувшагося подъ ними, впились въ него и грызутъ, и рельефъ является сильнымъ въ напряженіи изогнутыхъ ногъ, шей, въ торчащихъ лапахъ. „Неизвѣстный“ звѣрь борется съ тигромъ, оба грызутъ другъ друга (рис. 22). Всюду чувствуется энергія тѣла, тяжелаго и массивнаго. Но есть и вещи совсѣмъ грубаго реализма: отощавшій, съ длиннымъ и необычайно тонкимъ тѣломъ тигръ,[4] извернувшись на шеѣ звѣря, вскочилъ на него и терзаетъ, но и самъ звѣрь, какъ бы отощавшій отъ безкормицы, падаетъ на свои подкосившіяся ноги: какъ все это ни грубо, но любопытно по совершенно новой мысли въ передачѣ звѣринаго міра (рис. 25). Исконный типъ, переданный Востокомъ, Ассиріею, Вавилономъ, изображалъ типъ звѣрей во всей ихъ природной силѣ, грузнаго, но могучаго быка, упругаго льва, порывистаго грифа, но если этотъ типъ и со-

Рис. 20. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

Рис. 21. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

¹) Тамъ же, рис. 54—56, 61, 64 и 65.
²) Тамъ же, рис. 54.
³) Тамъ же, рис. 55.
⁴) Тамъ же, рис. 63.

храненъ здѣсь въ декоративныхъ рельефахъ, то нерѣдко замѣняется и своими собственными, жизненными типами. Таковъ, напримѣръ, этотъ „неизвѣстный“ звѣрь, въ которомъ думаютъ видѣть среднеазіатскаго т а р а н д р а, котораго, среди звѣрей, мѣняющихъ цвѣтъ, описываетъ Плиній: величина быка, голова больше, чѣмъ у оленя, и на него почти похожая, рога вѣтвистые, копыта двойныя, шерсть длинная, какъ у медвѣдя, но, когда ему пожелается, имѣетъ цвѣтъ подобный ослу; шкура на спинѣ такъ тверда, что изъ нея дѣлаютъ латы.[1] Именно такого тарандра можно видѣть на большинствѣ

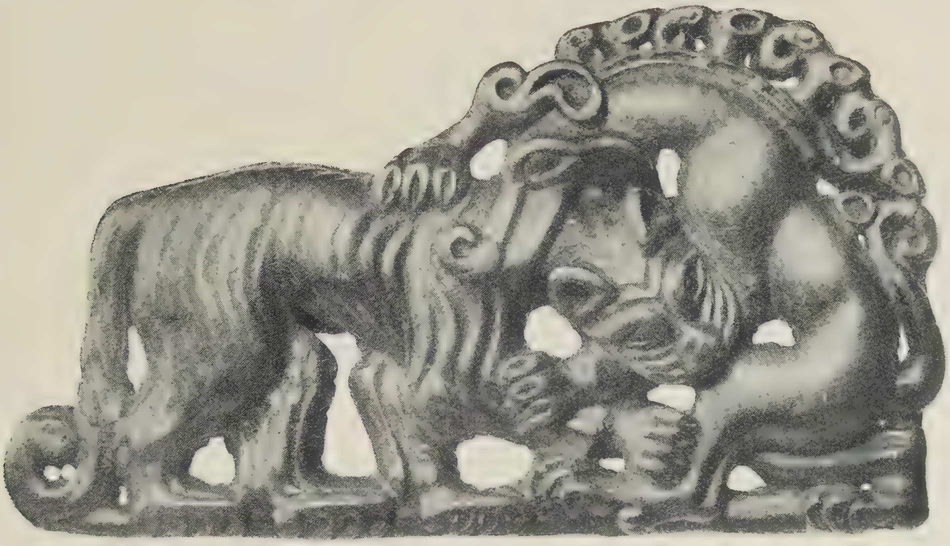


Рис. 22. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

рельефовъ въ борьбѣ съ тигромъ (рис. 22), и его неповоротливая, почти бычья, фигура, но съ далеко закинутыми, вѣтвистыми, но не длинными, какъ у оленя, рогами, повсюду имѣетъ надъ верхнею губою какой-то загибъ назадъ, который можетъ напоминать и гиппопотама, и даже носорога. Дѣло въ томъ, что по этому именно загибу губы можно угадывать вліяніе среднеазіатскихъ древностей черезъ переносъ ихъ типовъ мастерскими кочевниковъ въ области всѣхъ варварскихъ древностей восточной Европы, съ тою лишь разницею, что тутъ эта типичная форма будетъ отличать головы разныхъ звѣрей, драконовъ и даже лошадей. Далѣе, въ сибирскихъ древностяхъ встрѣчаемъ и всѣмъ извѣстнаго четвероногаго — я к а, этого и дикаго, и одо-

[1]) P l i n i i. Natur. hist. VIII, 34: mutat colores et scytharum tarandrus... tarandro magnitudo quae bovi est, caput majus cervino nec absimile, cornua ramosa, ungula bifidae, villus magnitudine ursorum, sed, cum libuit sui coloris esse, asini similis. Tergori tanta duritia, ut thoraces ex eo faciunt.

машненнаго, громаднаго и неуклюжаго быка холодныхъ плоскогорій Алтая и Центральной Азіи. Границы жительства яка, съ его длинною и волнистою шерстью, падающею длинными космами почти до земли, настолько опредѣленны, что въ отдаленіи отъ нихъ это животное неизвѣстно.

Такимъ образомъ, ясно, что къ звѣриному міру, созданному южной Азіею, культъ звѣрей, выработанный кочевниками и поведшій къ излюбленному стилю, прибавилъ и новые типы, жившіе у нихъ передъ глазами. Въ томъ же порядкѣ идей появились здѣсь и своеобразныя сцены охоты, происходящія въ глуши лѣсовъ, среди топей и чащъ, въ которыхъ гнѣздятся кабаны.[1] Охотникъ, или въ засадѣ на деревѣ выслѣживаетъ кабана, или преслѣдуетъ вепря на лошади и стрѣляетъ изъ лука (рис. 25). Если способы охоты точно воспроизводятъ разсказъ объ охотѣ Іирковъ у Геродота (IV, 22), то типы охотниковъ напоминаютъ съ одной стороны изображенія Парѳянъ (сцена охоты на оленя въ Аму-дарьинскомъ кладѣ) по узкому кафтану съ кавказскимъ башлыкомъ,[2] съ другой извѣстныя гуннскія прически въ видѣ шапки волосъ, подрѣзанныхъ въ кружокъ, принятыя, по указаніямъ Прокопія, въ VI вѣкѣ даже въ Византіи.

Рис. 23. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

Заключая эту характеристику сибирскихъ древностей, скажемъ, что, конечно, онѣ не могутъ относиться къ эпохѣ переселенія народовъ въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. къ тому ограниченному историками Запада періоду европейской исторіи IV—V вѣковъ, когда уже въ концѣ этого переселенія кочевники, образовавъ колоссальные военные союзы, потѣснили наконецъ и грекоримскій міръ. Напротивъ того, сибирскія древности могутъ относиться и къ эпохѣ до Р. Хр., однако, не къ VII—VI вѣкамъ до Р. Хр., а къ I до или I—II по Р. Хр.[3], и не къ сферѣ древняго восточнаго міра. Правда, мы имѣемъ такъ мало матеріала по средневѣковому Востоку, что не могли бы опредѣлить болѣе точно эпоху сибирскихъ древностей Эрмитажа. Но указанная уже де-Линасомъ и позднѣе нами, въ вышеназванномъ ихъ первомъ изданіи, связь съ древностями кочевыхъ племенъ

---

[1]) Тамъ же, рис. 69 и 70.

[2]) Ср. статуэтку всадника, тамъ же, рис. 49.

[3]) См. соч. Ник. Витсена Noord en Oost Tartarye. 1692 г., съ указан. и рис. монетъ Нерона и Гальбы, найденныхъ, очевидно, съ подобными же сибирскими вещами.

юго-восточной и южной Россіи, а затѣмъ Венгріи, достаточна для того, чтобы сближать тѣ и другія въ послѣдованіи, а такъ какъ эта связь опредѣляется наконецъ временемъ перехода Готовъ, Гунновъ и Венгровъ въ предѣлы Имперіи, болѣе или менѣе исторически установленнымъ, то естественно не настаивать нынѣ на болѣе точномъ выводѣ. Наконецъ, мы имѣемъ столь точныя указанія въ слѣдующемъ основномъ орнаментальномъ типѣ сибирскихъ личныхъ уборовъ: на золотой круглой бляхѣ[1] представленъ олень

Рис. 24. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

или лось, терзаемый барсомъ, туловища и ноги выкручены внутри бляхи также, какъ впослѣдствіи въ варварскихъ древностяхъ Кавказа, Юга Россіи, Западной Европы. Наконецъ, между сибирскими вещами имѣются вещи, какъ украшеніе узды,[2] повторенное бронзою Ананьинскаго могильника.[3] Стильное сходство и часто тождество звѣрей сибирскихъ древностей со скиѳскими южной Россіи и особенно Александропольскаго кургана, клада Новочеркасскаго (относимаго къ II—III в. по Р. Хр.), Петроссы (V вѣка по Р. Хр.) и пр., кажется, не должно бы оставлять сомнѣнія въ фактѣ послѣдовательной связи, которая, если и можетъ продолжаться нѣсколько столѣтій, все же ограничена и во времени и въ пространствѣ. Правда, скиѳскія древности южной Россіи были выработаны уже при помощи ма-

[1]) Тамъ же, рис. 72.
[2]) Тамъ же, рис. 73.
[3]) Тамъ же, рис. 101.

стерскихъ Греціи и Малой Азіи и приняли тотъ условный греческій обликъ, который съ конца IV вѣка до Р. Хр., охватилъ всѣ варварскія мастерскія. Такъ достаточно сравнить скиѳа охотника, метающаго дротикъ въ зайца съ лошади — явно, породы аргамака, поднятаго на дыбы, по образцу скачущихъ лошадей Парѳенона, съ лошадьми[1] сибирскихъ древностей, чтобы понять значеніе перемѣны. Въ Сибири, гдѣ мастеръ оставался безъ чужой помощи, онъ поневолѣ брался даже за свое сочиненіе и работалъ въ золотѣ поразительную по наивности и грубому реализму сцену отдыха кочевниковъ на охотѣ или на дорогѣ: ихъ трое, мужъ съ женою и слуга; мужъ прилегъ въ тѣни дерева, положивъ голову на колѣна жены, слуга держитъ коней въ поводу (рис. 27). Оба кочевника имѣютъ широкія лица, съ приплюснутыми носами, усаты и безбороды, жена одѣта въ казакинъ, съ большимъ кокошникомъ на головѣ. Кони, ихъ камышевыя сѣдла, съ ремнями для приторачиванія дичи или поклажи, переданы вѣрно и живо. Можно только жалѣть, что въ золотыхъ скиѳскихъ древностяхъ Россіи такъ много греческаго искусства, что мало чему можно вѣрить въ исторической передачѣ жизни и типовъ. Реализмъ возстанавливается развѣ только въ росписяхъ Керченскихъ катакомбъ.[2] Правда, есть и на югѣ Россіи работы мастерскихъ туземныхъ, какъ напримѣръ, находки Александропольскаго кургана,[3] Керченскихъ кургановъ и могилъ[4] и другихъ кургановъ Крыма, зачастую настолько близко сходныя съ сибирскими вещами, какъ будто онѣ принесены тоже изъ глубинъ Сибири, и не будь рядомъ вещей чисто греческаго или греко-римскаго стиля, можно было бы забыть ихъ различіе. Въ самомъ дѣлѣ, среди покойныхъ, величавыхъ фризовъ чисто греческаго характера, здѣсь видимъ также или рядъ звѣрей, ползущихъ другъ за другомъ, какъ бы цапая и разрывая въ неистовствѣ землю, или тоже находимъ рельефъ лежащаго оленя, отъ налучья,

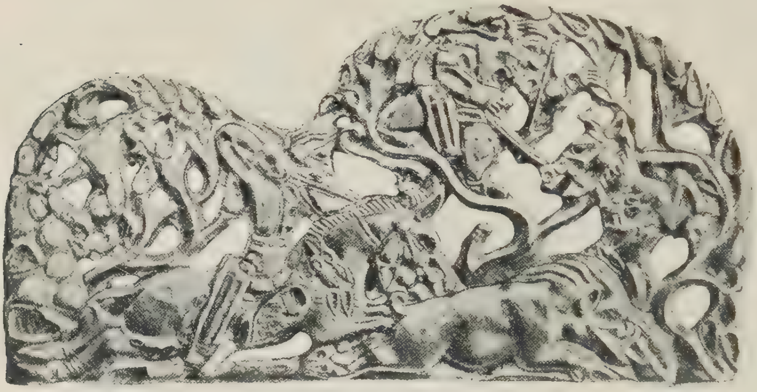


Рис. 25. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

[1]) Тамъ же, рис. 69—71.
[2]) Рус. Др. т. II, рис. 45, 50.
[3]) Тамъ же, рис. 60, 74, 77, 81, 82, 86, 89.
[4]) Тамъ же, рис. 62, 92, 103, 107, 130 — находки кургана Куль-Оба въ Керчи.

скорчившагося отъ смертельной раны и какъ бы прикрытаго собакою, львомъ, грифономъ, даже зайцемъ, которыя вырѣзаны тоже на его тѣлѣ.[1]

Итакъ, въ нашей задачѣ изученія формъ и содержанія звѣринаго стиля, отъ его началъ и перехода въ Европу до его развитія и истощенія, требуется, прежде всего, отличить то новое жизненное движеніе стиля въ

Рис. 26. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

искусствѣ азіатскихъ кочевниковъ.[2] Современное имъ культурное искусство сассанидской Персіи дало имъ лишь дополнительные миѳологическіе типы и декоративныя формы, необходимыя для переноса на утварь. Но, кочевникъ былъ прирожденный охотникъ: его лукъ и стрѣлы были изобрѣтены

[1]) Тамъ же, рис. 125 и 126.

[2]) См. рѣшительное заключеніе Вермана въ его „Исторіи искусства" 2-ое изд., 1915 г. p. 428, въ согласіи со мною, относящаго позднѣйшіе предметы Сибирскихъ древностей СПБ. Эрмитажа, эти замѣчательныя грубою (»derber«), фантастическою пластикою звѣрей, украшенныя, декоративныя, прорѣзныя пластины къ эпохѣ переселенія народовъ. [Скиѳскому звѣриному стилю посвящены работы: G. Borovka: Der skythische Tierstil, Archäologischer Anzeiger, Jahrbuch d. D. Arch. Instituts b. XLI, 1926, s. s. 369—386. K. Malkina: Ein Motiv aus dem skythischen Tierstil, ibidem, s. s. 176—189].

и дѣйствовали для задачъ охоты, онъ привыкъ гоняться за всякою дичью, зналъ звѣрей, почиталъ ихъ въ глубинѣ своей души и бредилъ ими во снѣ, приручалъ ихъ, одѣвался ихъ мѣхами и торговалъ въ глубинѣ Сибири ихъ шкурами, доставлялъ вживѣ для „парадизовъ“ и охотъ восточнаго

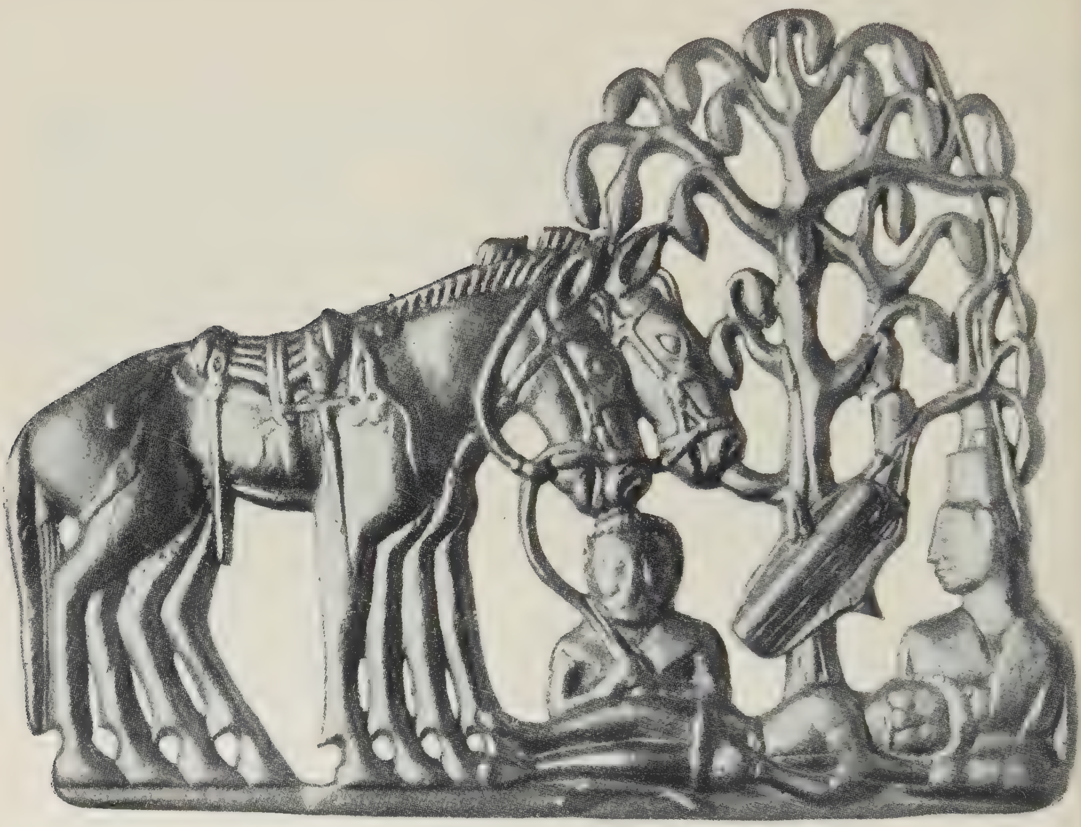


Рис. 27. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

владыки. Вотъ почему кочевникъ заботился окружить своего умершаго хозяина или владыку рода или орды всѣми образами ему близкаго и знакомаго звѣринаго царства, не жалѣя рѣзать въ массивныхъ золотыхъ пластинахъ ихъ живыя фигуры, переданныя съ натуры, или замѣняя эту вѣрность природѣ живостью звѣриныхъ формъ, представленныхъ въ схваткѣ или нападеніи. Но сразу и столь же дорогими для его художественной памяти становятся и тѣ чудесныя, имъ усвоенныя изъ разсказовъ и религіозныхъ изображеній, животныя отдаленнаго юга, Китая и Индіи, Месопотаміи и Египта, съ которыми онъ знакомится по мѣрѣ своихъ передвиженій.

Вторымъ пунктомъ послѣ древностей береговъ Енисея, Минусинска и Томской губ. можно считать въ исторіи звѣринаго стиля древности Пермскаго края, извѣстныя также уже изъ статей и публикацій подъ именемъ древностей Пермской Чуди.[1] Все это предметы личнаго варварскаго убора изъ мѣди, бронзы или разныхъ сплавовъ, выполненныя литьемъ или рѣзанныя грубо изъ листовой мѣди и снабженныя въ большинствѣ ушками для ношенія на тѣлѣ, на шкурахъ, въ ожерельяхъ, или же для набивки на деревянную утварь, для чего, видимо, служила прорѣзная ихъ работа или нерѣдко и просверленныя дырочки. Сомнѣваться въ религіозно-суевѣрномъ назначеніи этихъ тѣльниковъ, или амулетовъ и апотропэевъ, конечно, нельзя, но, тѣмъ не менѣе, оригиналы, съ которыхъ эти кустарныя издѣлія были исполнены, видимо, такого значенія не имѣли. Затѣмъ, и говорить по поводу нихъ о фантазіи художника, придумывавшаго будто бы смѣлыя и странныя темы и формы движенія птицъ и крылатыхъ существъ, надо лишь по поводу тѣхъ оригиналовъ, съ которыхъ эти необычайно грубыя, небрежныя, прямо „дикія" и чисто варварскія копіи были сдѣланы. Близъ Перми, по Камѣ, было найдено костище или жертвенное мѣсто давшее массу металлическихъ вещей, костяныхъ стрѣлъ, горшковъ, бусъ, желѣзныхъ стрѣлокъ и болѣе тысячи бронзовыхъ фигурокъ, среди которыхъ большинство изображало звѣрей, затѣмъ птицъ, змѣй, рѣдко людей или монстровъ. Разберемъ эти типы со стороны ихъ художественнаго представленія.

Древности Пермскаго края.

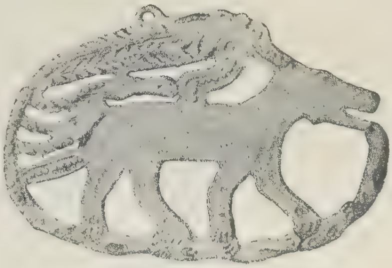


Рис. 28. Бронзовая пластинка изъ Минусинскаго округа.

Главною темою является птица съ распущенными крыльями, повидимому, изъ крупныхъ хищниковъ, орелъ или коршунъ, или даже условный образъ гигантской птицы, ибо именно эта птица представляется несущею человѣка; во всякомъ случаѣ это видный типъ, отвѣчающій геральдическимъ орламъ. Далѣе мелкія птицы во время полета, съ придвинутыми къ тѣлу крыльями, вытянутою головою. Затѣмъ особо любопытный типъ большой птицы, съ распущенными крыльями и съ человѣческою фигурою, удерживаемой

[1]) О. А. Теплоуховъ. Древности Пермской Чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ. Пермскій Край, II, 1893 г. Д. Н. Анучинъ. Къ исторіи искусства и вѣрованій у Приуральской Чуди. Чудскія изображенія летящихъ птицъ и миѳическихъ крылатыхъ существъ. Съ III табл. и 129 рис. Мат. по арх. вост. губ. М. 1899 г. А. А. Спицынымъ начатъ былъ сборникъ всего археологическаго матеріала по этому спеціальному отдѣлу Пермскихъ древностей въ систематическихъ таблицахъ. А. Спицына. Древности Камской Чуди по колл. Теплоуховыхъ. Мат. по археолог. Р. № 26, 1902 г. [Подробную библіографію за 1912—26 гг. см. въ статьѣ: А. М. Tallgren: Beschprechende archäologische Bibliographie von Osteuropa, Eurasia Septentrionalis Antiqua, t. I, Helsinki 1927, p. p. 139—188].

ея когтями, или же только съ человѣческою головою на груди,[1] иногда съ двумя человѣческими головами на крыльяхъ и одною на груди,[2] при чемъ подъ низомъ представляются одинъ или два дракона-змѣи, или же ящеръ. Изъ этой именно формы возникаетъ, конечно, типъ трехглавой птицы съ человѣческими лицами и съ драконьими головами и варіанты подобнаго типа, особо загадочнаго для любителей символизма и глубокомысленныхъ толкованій. Типъ человѣка, иногда крылатаго и стоящаго на ящерѣ, иногда трехъ человѣкъ на ящерѣ, иногда нѣсколькихъ людей,[3] встрѣчается часто, рѣже всадникъ на драконѣ или ящерѣ.[4] Сравнительно рѣдки изображенія носорога,[5] кабана, пантеръ, рвущихъ быка, крылатыхъ драконовъ, людей съ звѣриными головами.

Прежде всего, остановимся на указанномъ типѣ птицы съ человѣческою фигурою: оказывается при сличеніи, что въ этомъ типѣ повторена восточная тема Вознесенія Александра Македонскаго на небо, при чемъ онъ изображается или въ полной человѣческой стоящей фигурѣ, или же въ видѣ одной головы, выглядывающей изъ перьевъ колоссальной птицы. Какъ увидимъ, здѣсь царя несетъ только одна гигантская птица — будь то Гаруда миѳическая или птица Ногъ, а не два грифа, какъ въ греческой версіи. Правда, иногда,[6] къ человѣческой головѣ обращены по крыльямъ ряды драконьихъ тѣлъ головами, и, конечно, надо объяснить эту тему не декоративными прикрасами, но ясно мыслью усилить религіозное дѣйствіе предполагаемой въ этомъ амулетѣ таинственной или волшебной силы. Присоединенныя къ рисункамъ бронзъ въ книгѣ Д. Н. Анучина рѣзныя изображенія гигантскихъ птипъ на верху скалъ, изъ дерева же на шестахъ и на головныхъ уборахъ шамановъ, рядомъ съ большими головами и тѣлами ящеровъ (крокодиловъ) достаточно иллюстрируютъ религіозный смыслъ этихъ символовъ, чтобы вполнѣ оправдать основное содержаніе указываемаго трактата. Однако, является вовсе отрицаніемъ историческаго метода, если мы не изслѣдуемъ основной источникъ подобныхъ символовъ и амулетовъ, въ ихъ, нерѣдко, декоративномъ происхожденіи. Чтó значитъ, напримѣръ, триглавая птица или та же птица съ двумя человѣческими головами по сторонамъ птичьей? Вмѣсто того, чтобы глубокомысленно разсуждать объ этой троичности, не лучше ли обратиться къ древнему образцу? Въ рисункахъ плафона Палатинской капеллы

---

¹) Въ изд. Анучина рис. 5—8, 10, 13, 15. [См. хронологическую классификацію и объясненіе этого мотива въ статьѣ А. В. Шмидта: К вопросу о происхождении пермского звериного стиля, Сборник музея антропологии и этнографии, VI, 1927, стр. 125—164, тт. I—III; тамъ же указанія на литературу и разборъ высказанныхъ мнѣній].

²) Тамъ же рис. 20, 23—25, 38—39, 59, 66.

³) Тамъ же рис. 35—38, 42—43, 45.

⁴) Тамъ же, рис. 52.

⁵) Тамъ же, рис. 57.

⁶) Тамъ же, рис. 15.

имѣется какъ разъ образъ гигантской птицы, съ засѣвшимъ на ея тѣлѣ маленькимъ человѣкомъ, который держится при этомъ, сидя на ремняхъ, за ремни протянутые вокругъ его тѣла.[1] При этомъ въ верхней части ея крыльевъ помѣщены круглые медаліоны съ двумя женскими бюстами, въ нимбахъ, — явно, богини солнца и луны по арабской передачѣ

Рис. 29. Золотая бляха Сиверской станицы.
(Историческій Музей.)

древнѣйшаго намъ пока неизвѣстнаго „перевода" этой темы: богъ солнца и богиня луны сопровождали возносящагося царя. Не понимая, рѣзчикъ пермскихъ бронзъ дѣлалъ то человѣческія головы, то три птичьи. Наконецъ, въ пермскихъ бронзахъ встрѣчаются имитаціи греческой редакціи вознесенія Александра двумя грифами,[2] хотя грифы или переданы неопредѣленными монстрами, или же драконами.

Укажемъ кратко, что свернувшееся въ кольцо животное,[3] не есть драконъ,

[1]) А. А. Павловскій. Палатинская капелла. Рус. Др. вып. V, рис. 16. Анучинъ, l. с. рис. 126.

[2]) Тамъ же, рис. 59 и 66.

[3]) Тамъ же, рис. 74 и 75.

но какъ видно по древнему образцу, въ сибирскихъ древностяхъ,[1] хищное четвероногое, грызущее свой хвостъ. Равно отъ сибирскихъ и ихъ производныхъ идетъ фигура звѣря, наступающаго на ящера, который его обвиваетъ сзади,[2] но все же такихъ именно типовъ, которые находимъ въ сибирскихъ древностяхъ, уже мало, и большинство пермскихъ вещей, видимо, имитируютъ иной, хотя тоже восточный подборъ формъ. Что̀ роднитъ эти древности съ сибирскими, это именно таже страстная напряженность летящихъ птицъ, извивающихся гадовъ, бросающихся хищниковъ.[3]

¹) Русс. Др., III, рис. 73; въ Ананьинскомъ могильникѣ тождественная бляха съ головою лошади, рис. 101, ср. изогнутыя колесомъ фигуры барса и оленя, тамъ же, рис. 72.

²) Тамъ же, рис. 77.

³) См. тамъ же, рис. 30, 49, 67, 72, 77—78.

II

ИСКУССТВО СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ ВАРВАРОВЪ ВЪ ЕВРОПѢ[1]

Научная постановка исторіи средневѣкового искусства.

Исторія средневѣковья издавна страдаетъ отъ ложно-односторонней постановки. Эта постановка или предаетъ полному научному презрѣнію варварскій міръ средневѣковья, ограничивая свой кругозоръ исключительно культурнымъ наслѣдіемъ греко-римскаго міра, или же разсматривая этотъ варварскій міръ подъ ограниченнымъ полемъ и историческимъ поприщемъ германскихъ народовъ. Между тѣмъ нельзя ограничивать все средневѣковье періодомъ переселенія народовъ, меровингскимъ и эпохою викинговъ, причемъ въ переселеніи народовъ активно участвовали будто бы только Готы, культура Меровингскаго періода и викинговъ также продолжала по существу оставаться германскою, и археологія среднихъ вѣковъ должна заниматься исключительно художественною жизнью германской расы. Таково цѣликомъ историческое построеніе этого отдѣла въ исторіи искусства[2] К. Вермана. Но, помимо Германцевъ, въ варварскомъ мірѣ, вдвинувшемся внутрь греко-римскаго міра и измѣнившемъ его культуру своею собственною, выработанною на собственной землѣ, или же принесенною съ С. В. и полученною отъ культурныхъ странъ Передней и Средней Азіи, были земледѣльческія племена Славянъ, въ иныхъ мѣстностяхъ болѣе культурныя, чѣмъ иные Германцы, и кочевыя племена Гунновъ, Болгаръ, Аваровъ и Венгровъ, принесшихъ съ собою на Волгу, Донъ и Дунай культуру восточную и своеобразно кочевую, а также художественныя формы своего быта.

Бытъ и искусство варварскаго міра Европы, въ эпоху переселенія, знали уже, помимо личнаго и конскаго убора, сооруженія, уцѣлѣвшія частью на территоріяхъ Азіи, береговъ Волги, Кавказа, и, какъ кустарное переживаніе стильныхъ образцовъ, оказались способными повліять на бытъ и искусство Византіи. Наряду съ варварскими модами и художественными вкусами греко-

---

¹) [Настоящій очеркъ имѣетъ въ рукописи наиболѣе черновой характеръ; послѣдовательность страницъ рукописи не сохранилась въ первоначальномъ видѣ. Заглавія очерка нигдѣ авторомъ поставлено не было.]

²) K. Woermann, Geschichte d. Kunst II, 2: Die heidnische Kunst Europas, Vorder- und Hochasien seit der Völkerwanderungszeit (375—900 n. Ch.).

римскій міръ, начиная съ VII вѣка, подвергся на громадномъ протяженіи — въ Египтѣ и по берегамъ Африки, въ Сициліи, Южн. Италіи и Испаніи, а также на Кавказѣ, по Волгѣ и вглубь Россіи, на Балканскомъ полуостровѣ, — вліянію восточной культуры, распространяемой Исламомъ, какъ завоеваніями, такъ и путемъ возобновленной торговли той же Сиріи и Александріи, начиная съ VIII вѣка и до конца XIII.

Исторія средневѣкового искусства доселѣ удерживаетъ одностороннее скандинаво-германское построеніе тысячелѣтняго періода. Ибо нельзя связать древности Германіи съ сассанидскимъ искусствомъ, устранивъ славянъ и кочевниковъ, черезъ которыхъ оно передавалось въ Азіи и южной Россіи средневѣковому міру и самой Византіи. Приходится выбрасывать изъ исторіи средневѣкового искусства всѣ древности и клады: Южной Россіи, Румыніи (Петроссы), Венгріи, Болгаріи (С. Миклоша), и ограничиваться скандинавскими древностями эпохи викинговъ, разсматривая звѣриную орнаментику внѣ ея исторической связи, по эстетическимъ теоріямъ „народнаго искусства". Наконецъ, приходится внѣ всякой связи говорить объ искусствѣ царства Сассанидовъ въ Персіи и относить половецкія могильныя бабы къ древнеславянскому быту и искусству, упоминая лишь въ краткомъ, ненужномъ, перечнѣ рядъ замѣчательныхъ памятниковъ. Равнымъ образомъ, удѣляя мѣсто для звѣриной орнаментики въ отдѣлѣ „искусства христіанской древности", историкъ настойчиво указываетъ на первые памятники христіанскаго искусства „германской области",[1] какъ напримѣръ, корону лангобардской королевы Теодолинды въ Монцѣ, вестготскія короны въ Клюни и Мадридѣ, крестики меровингскихъ могилъ, орнаментъ плетенія и пр. Но въ тоже время забывается и остается въ сторонѣ отъ науки вся область славянскихъ древностей и восточныхъ племенъ, занявшихъ европейскія страны. Между тѣмъ древности германскихъ племенъ въ періодѣ ранняго и позднѣйшаго средневѣковья даютъ матеріалъ второстепенный, производный, къ которому нельзя научно приступить отъ сассанидскаго искусства, не изучивъ передаточной среды и обширной области древностей русскихъ, славянскихъ, венгерскихъ и пр. Отсюда, затѣмъ, ошибочное ограниченіе всего западнаго средневѣковья элементами греко-латинскими и германскими.

Очевидно, вносимое многими нѣмецкими изслѣдователями естественное желаніе отыскать въ европейскихъ древностяхъ духовно-вещественные слѣды родныхъ народностей — Готовъ въ южной Россіи и на Балканахъ, Лангобардовъ въ Италіи, не только сѣверной, но и южной, и иныхъ Германскихъ племенъ въ южной Европѣ вообще, является преждевременнымъ въ настоящее время. Пока не будутъ научно поставлены вопросы главныхъ культурныхъ теченій, вліяній и заносовъ, средневѣковая археологія должна временно двигаться внѣ національныхъ влеченій и притязаній.

---

[1]) Ib. Woermann III, 83.

Звѣриный стиль въ средневѣковомъ искусствѣ.

Научная постановка вопроса о звѣриномъ стилѣ въ средневѣковомъ искусствѣ требуетъ возможнаго расширенія горизонтовъ, т. е., прежде всего, пересмотра всего историческаго пути, которымъ прошелъ этотъ стиль отъ самыхъ началъ средневѣковья, и затѣмъ, кромѣ рельефовъ въ камнѣ, должна охватить звѣриную орнаментику средневѣкового европейскаго искусства, какъ предметовъ личнаго убора и бытовой утвари, такъ и раннихъ средневѣковыхъ, восточныхъ или византійскихъ и арабскихъ тканей съ рисунками того же стиля, равно какъ поливной посуды, ковровыхъ тканей, миніатюръ и декоративныхъ росписей, какъ, наконецъ, и малозамѣтныхъ въ исторіи искусства иниціаловъ средневѣковыхъ рукописей. Какъ увидимъ ниже, мы считаемъ, что всѣ опыты изслѣдованія звѣринаго стиля въ предѣлахъ одной избранной народности Европы, исключительно по установленнымъ теоретическимъ системамъ развитія орнамента, представляются совершенно искусственными и не достигающими цѣли. Равно и сравнительное изученіе орнаментики всей средневѣковой Европы и въ связи съ искусствомъ азіатскихъ странъ и народовъ, основанное на одной или нѣсколькихъ формахъ орнамента, представляя много любопытныхъ сопоставленій и полезныхъ обозрѣній, не даетъ истинно научнаго построенія.

Въ то же время эта широкая постановка изслѣдованія звѣринаго стиля въ разныхъ фазахъ его по мѣстностямъ и эпохамъ дастъ опредѣленную группировку историческихъ явленій со стороны европейскаго варварства, въ противуположность группѣ памятниковъ христіанскаго искусства, сосредоточенныхъ въ предѣлахъ греко-римскаго міра почти до конечнаго средневѣковья.

Тотъ же Вёрманнъ совершенно справедливо отказывается (тамъ же далѣе) различать постоянно галльскіе, германскіе, скиѳскіе, славянскіе элементы въ искусствѣ сѣверной и средней Европы, послѣ галльштатской эпохи: „расовое различіе чувствуется въ художественныхъ работахъ этого цикла гораздо менѣе, чѣмъ общность жизненныхъ условій“, говоритъ онъ, переходя къ позднѣйшей латэнской эпохѣ (300—100 до Р. Хр.). Что же должны сказать изслѣдователи, имѣющіе дѣло съ древностями колоссальной равнины восточной Европы, служившей въ теченіи тысячи лѣтъ мѣстомъ броженія народовъ, самыхъ разнообразныхъ расъ и разныхъ культуръ?

Прежде всего, никто не сомнѣвается, напримѣръ, что было бы совершенно невозможнымъ дѣломъ попытаться пріурочить точно къ извѣстнымъ народностямъ древности южной Россіи, носящія пока общее имя „скиѳскихъ“. Если и предлагалось условно выдѣлять изъ нихъ позднѣйшій періодъ, явно помѣчаемый римскими предметами, какъ древности сарматскія, то единственно съ простою цѣлью частнаго хронологическаго опредѣленія. Было бы также страннымъ назвать сибирскія древности именемъ народа, хотя бы и главенствовавшаго въ извѣстныя эпохи, какъ Гунны и Аланы.

Въ пользу перваго имени говоритъ такъ многое, что было бы трудно исчислить всѣ доводы: прежде всего, колоссальныя орды Гунновъ, появлявшіяся въ Европѣ; неограниченное господство, по временамъ охватывавшее всю восточную Европу и Сибирь до границъ Китая; золотыя богатства Гунновъ, предводительство почти всѣми варварскими народами; раздѣленіе Гунновъ на многія великія и малыя, но самостоятельныя орды и захваты ими громадныхъ территорій по Волгѣ, въ южно-русскихъ степяхъ, на Дунаѣ, въ Венгріи, до границъ Франціи и т. д. Наконецъ, преемственное мастерство у многихъ варварскихъ народовъ, вышедшихъ изъ того же корня. Получаетъ ли, однако, рядъ этихъ доводовъ такую силу, чтобы относить древности Сибири даннаго типа къ Гуннамъ? Какъ извѣстно, древніе называли племя, господствовавшее въ сѣверной и средней Азіи, Массагетами; именно имъ приписывали передвиженія, владѣніе золотыми богатствами, распоряженіе другими народами и исходъ въ извѣстное время на юго-западъ...[1]

ВИЗАНТІЯ И ВАРВАРЫ[2]

Роль варваровъ въ византійской имперіи.

Культурная перемѣна, совершившаяся въ Византійской Имперіи въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ со времени ея основанія, была тѣмъ глубже и рѣшительнѣе, чѣмъ менѣе была она замѣтною и чѣмъ важнѣе были ея историческія послѣдствія. Хотя перемѣна не вполнѣ преобразовала былую Римскую Имперію въ восточную монархію, но все же преобразованіе исполнилось какъ бы само и столь быстро, что могло казаться даже, будто Константину достаточно было образовать вторую столицу Имперіи въ Византіи, чтобы собравшійся въ нее отовсюду восточный людъ поспѣшилъ отбросить ее отъ запада, и Юстиніанъ предпринялъ уже завоеваніе этого запада, какъ былые цари Ассиріи. На самомъ дѣлѣ, Юстиніанъ представлялъ собою наружно образцовый типъ римскаго императора по высотѣ и широтѣ его монархическихъ идеаловъ и задачъ, но въ то же время онъ былъ и послѣднимъ представителемъ этого типа на византійскомъ тронѣ. Равно и Константинъ, по своимъ понятіямъ, вкусамъ и привычкамъ, былъ идеальный римскій полководецъ и устремился на Востокъ лишь вслѣдъ за своими славными предшественниками, особенно Діоклетіаномъ, и развѣ лишь отчасти по воспоминаніямъ дѣтства и своего рожденія. Въ то же время понадобилось еще три вѣка, длительный періодъ кризиса, чтобы имперія преобразовалась въ восточную военную монархію путемъ не только усилій талантливыхъ императоровъ изъ рода Исавровъ, но и продолжительной классовой борьбы, имѣвшей опять своимъ важнѣй-

[1]) [Въ рукописи далѣе слѣдуетъ неоконченная фраза: „Но отождествлять Массагетовъ съ Гуннами нельзя уже потому,...“]

[2]) [Этотъ подзаголовокъ принадлежитъ самому автору].

шимъ послѣдствіемъ переносъ восточнаго люда и преимущественно образованной его части на западъ. Такимъ образомъ, съ IV вѣка явно возстанавливается въ греко-римскомъ мірѣ интеллектуальное верховенство Востока надъ Западомъ и совершается своего рода культурное возрожденіе греческой его половины. Но такъ какъ эта греческая часть уже много вѣковъ была не чисто эллинскою, а только лишь эллинизованною, и въ силу племенной помѣси, и по руководящимъ въ экономическомъ и бытовомъ отношеніяхъ частямъ Имперіи: Сиріи, Малой Азіи и Египту, то естественно Византія была лишь въ малой долѣ греческимъ государствомъ, и въ ней изначала долженъ былъ рости извѣстный антагонизмъ племенного происхожденія. Византійское высшее общество было всегда смѣсью племенъ, откуда временный захватъ одной расы, ростъ ея въ столицѣ, внутренній раздоръ и вражда, которыми, однако, привычно пользовалась власть. Но внутренняя жизнь и бытъ не имѣли никогда прочнаго уклада, развѣ консервативными оказывались иные племенные круги, но формы внѣшняго быта легко подчинялись всякой со стороны приходящей модѣ.

Въ зависимости отъ политическихъ обстоятельствъ, постоянныхъ и непрерывныхъ войнъ и приготовленій къ нимъ, и первенствующей роли военнаго сословія, а въ частности роли наемной гвардіи византійскаго двора, и смѣнныхъ варварскихъ гетэрій или дружинъ, такого рода моды, начиная съ IV вѣка, приходятся почти исключительно на варваровъ. Въ практическомъ складѣ ума византійца отлично уживались рядомъ и страхъ передъ варваромъ и презрѣніе къ нему, восхищеніе его силою, прямотою и расчетъ на такія качества, какъ незнаніе языка и грамоты, равнодушіе къ лишеніямъ и роскоши, животная привязанность къ хозяину и воинская честь. А такъ какъ все отношеніе грека и восточнаго человѣка къ варвару сосредотачивалось въ алчной эксплуатаціи наемника, то естественно они предпочитали пользоваться свѣжими и новыми силами, пробуя попеременно тѣхъ, чтó поближе, Готовъ, Аланъ, Исавровъ, Армянъ, Македонцевъ, затѣмъ Аваровъ, Гунновъ, Хозаръ, Венгровъ. Такое вниманіе и пристрастіе началось, прежде всего, на верху, куда именно фортуна возносила и самихъ варваровъ, примитивный типъ авантюриста, изъ конюха ставшагося царемъ. Какія бы непріятности ни причиняло присутствіе варваровъ утонченному кругу византійскихъ чиновъ, имъ все прощалось ради вѣрной ихъ преданности, и недаромъ византійскій дворъ охранялъ такъ настойчиво гуннскихъ перебѣжчиковъ, жестоко терпя за это отъ Аттилы. Сколько разсказовъ о томъ, какъ терпѣлъ Ѳеодосій Великій отъ пристрастія къ Готамъ, которыми онъ себя окружилъ и съ офицерствомъ которыхъ ежедневно проводилъ время, и какъ рисковалъ онъ даже жизнью въ ихъ лагеряхъ. Потому, или по другой причинѣ, но для Готовъ было затѣмъ сформировано особое ополченіе, конечно, подчиненное своимъ начальникамъ, и ихъ перестали брать въ легіоны, но это ничуть не ума-

лило ихъ роли. Уже въ V вѣкѣ византійская знать насчитывала у себя ряды варварскихъ фамилій и родовъ съ ихъ вѣтвями, преуспѣвавшихъ въ воинской и флотской карьерѣ. Императоръ Зенонъ былъ самъ родомъ Исавръ, но родъ его уже былъ знатный, хотя его родичи на мѣстѣ были разбойниками, какъ всѣ Исавры того времени, и даже родной братъ его былъ преступникомъ. Правленіе Зенона имѣло послѣдствіемъ выборъ Анастасія, какъ пожилого и богатаго патриція, „настоящаго Римлянина", долженствовавшаго избавить Византію отъ „ига исавровъ". Правда, произошли высылки Исавровъ изъ столицы, которую они успѣли сдѣлать опасною для мирнаго люда, какъ свою родину, и шесть лѣтъ воевали въ самой Исавріи, чтобы укротить ее. Однако, затѣмъ императоръ Юстинъ и его знаменитый племянникъ Юстиніанъ, Тиверій Константинъ и отчасти Маврикій были пришельцами изъ Ѳракіи и Каппадокіи, а Левъ Исавръ открылъ собою, какъ величайшую рѣдкость, династію Исавровъ на византійскомъ тронѣ (717—802). Особо характерно то, что сподвижникъ Ѳеодосія Стилихонъ, самъ вандалъ и опекунъ Гонорія, составилъ свою личную охрану изъ Гуннскихъ отрядовъ. Побѣды Ѳеодосія были достигнуты, благодаря тѣмъ же Гуннамъ, Аланамъ и Готамъ, которые составили для него впервые многочисленную и образцовую, но совершенно варварскую кавалерію, поражавшую врага стрѣлами и налетомъ орды. Правду сказать, мода на Готовъ скоро прошла, благодаря тому, между прочимъ, что Готы явились при Валентѣ уже безпорядочными толпами, бѣжавшими послѣ жестокаго побоища отъ Гунновъ и молившими о спасеніи. Будучи допущены въ числѣ около двухсотъ тысячъ, черезъ Дунай, въ восточную береговую часть Балканскаго полуострова и разобижены жестокими вымогательствами византійцевъ, Готы смогли имъ жестоко отплатить за все — пораженіемъ арміи Валента и грабежомъ Ѳракіи, но все же скоро, послѣ ухода Вестготовъ, съумѣли сдѣлать свое пребываніе нестерпимымъ для жителей — повальнымъ пьянствомъ, звѣрствомъ и насиліями. Ради ихъ выдающагося мужества и беззавѣтной храбрости, готскіе отряды брались и въ Персію, но ихъ использованіе бывало часто сводимо къ нулю, вслѣдствіе отсутствія дисциплины. Что же касается ихъ культурности, то, видимо, она была значительно слабѣе, чѣмъ у кочевниковъ только что пришедшихъ изъ Азіи, съ насиженныхъ мѣстъ, по самой, конечно, простой причинѣ, большинство дружинъ бродили по западной и южной Россіи слишкомъ долго, не переходя къ кочевью и мало — къ земледѣлью, а пробавлялись службою, грабежомъ, рыболовствомъ, а также обычнымъ въ то время промысломъ — собираніемъ дани съ осѣдлаго населенія; значительная часть была надѣлена землею и осѣла на Балканахъ, меньшая на побережьяхъ южной Россіи и Крыма.[1]

---

[1]) [См. историческія данныя о расселеніи готовъ въ статьѣ А. А. Васильева, Готы въ Крыму, Изв. Росс. Акад. Ист. Мат. Культ., т. I 1921].

Древности готовъ.

Древности, оставленныя Готами въ предѣлахъ южной Россіи, даютъ нѣкоторую характеристику ихъ тогдашней культуры, тѣмъ ярче, что эти вещи имѣютъ или тождество или чрезвычайное родство съ древностями Вестготовъ въ Венгріи, частью въ Италіи и затѣмъ въ Испаніи, а также съ древностями Остготовъ въ Равеннѣ. Въ предѣлахъ Россіи готѳскія древности[1] представляются по соображеніямъ стиля: Чулекскою находкою (такъ называемымъ кладомъ) близъ Таганрога, т. е. изъ центральнаго пункта готскихъ поселеній въ южной Россіи въ III—IV вѣкахъ, находками земли Войска Донского, Терской области и нѣкоторыми вещами Кіевской и Черниговской области. Ихъ тождество въ иныхъ случаяхъ и сходство въ другихъ съ такъ называемыми предметами orfévrerie cloisonnée, т. е. золотыхъ дѣлъ мастерства, украшающаго перегородчатыми вставками изъ пиленаго граната или стекла его цвѣта, представляется и формою вещей, напримѣръ фибулъ, и техникою. Почти всюду эти вещи погребальнаго наряда, выполненныя наскоро, для этого случая, безъ особой тщательности, и отчасти потому же крайнѣ однообразныя. Къ тому же это все вещи ношебнаго характера, относящіяся къ личному убору и конской сбруѣ, только исключительно роскошныя, т. е. даже въ бѣдной могилѣ, съ украшеніями изъ листового золота, серебра по бронзѣ и проч. Затѣмъ мы въ этихъ вещахъ не видимъ вовсе звѣриныхъ формъ, лишь изрѣдка на пряжкахъ[2] орлиный клювъ и глазъ, все же прочее выполнено въ простѣйшихъ геометрическихъ формахъ, но взамѣнъ набрано на поверхности вещей и украшеній гранатовыми (рѣдко голубыми) стеклами въ устроенныхъ перегородкахъ. Такимъ образомъ подтверждается наблюденіе, сдѣланное археологами въ скиѳскихъ древностяхъ, что варваризація вещей порождаетъ уклонъ къ геометрическимъ формамъ. Причина ясная въ томъ, что варвары, какъ напримѣръ Готы, попавшіе въ центры греко-римскаго міра, теряютъ поневолѣ собственныя мастерскія, покупаютъ не только пищу, но и вещи на рынкахъ, вызываютъ быстро фабрикацію своихъ вещей и снаряженій, а такія мастерскія на продажу готовятъ для нихъ и римскія вещи, напримѣръ, извѣстныя фигурныя фибулки съ эмалью и типичныя варварскія, но упрощая и сокращая принятыя въ нихъ формы и украшенія. Обычно, предметы личнаго убора суть перстни, серьги, браслеты и плечевыя фибулы для воинскаго плаща. Что́ характерно, конскіе уборы представляютъ или копировку въ бронзѣ съ красною мѣдью (конскій уборъ Калужской губ.[3]) или же наборъ большихъ украшеній изъ золота и гранатоваго стекла уздъ и фаларовъ. При этомъ, въ виду того, что мы не знаемъ условій и обстоятельствъ находки Чулекскаго клада, мы не можемъ рѣшить и того вопроса, были ли, напримѣръ, пять круглыхъ медальоновъ его, собственно конскимъ

---

[1]) Рус. Др. III, рис. 166—180 и 183.
[2]) Тамъ же, рис. 172.
[3]) Тамъ же, рис. 182.

уборомъ или уже перешли съ него на грудь кавалериста и составляли такой же наборъ особой портупеи на груди — и своего рода орденскій знакъ, какъ совершенно подобный наборъ тоже пяти круглыхъ щитковъ тождественно украшенныхъ, который видимъ на фрескахъ Кіево-Софійскаго собора, представляющихъ игры константинопольскаго ипподрома.[1]

Готѳиконъ. 83-я глава книги Константина Багрянороднаго „О церемоніяхъ византійскаго двора“ трактуетъ о томъ, что слѣдуетъ соблюдать на вечерѣ 19 аккувитовъ при совершеніи „такъ называемаго Готѳикона“.[2] Подъ этимъ краткимъ терминомъ разумѣлось особое выступленіе готѳовъ на торжественномъ пиру, какъ развлеченіе, „готѳская игра“, собственно же готѳская воинская пляска въ честь императора. Игры шли издревле, конечно, еще съ IV вѣка, и продолжались до Константина въ X вѣкѣ (если не были возобновлены какъ священная старина Имперіи) а, быть можетъ, и позже. Эти игры имѣли мѣсто на пиру 3 Января, стало быть въ святочный день колядъ, когда по древнѣйшему чередованію празднествъ учинялся пиръ „виноградья“ — τρυγητικόν. У обоихъ входовъ въ „великій триклинъ 19 столовъ“ (— возлежащихъ за столами) стоятъ тѣ, кто будетъ чинить готѳскія игры: слѣва, имѣя во главѣ друнгарія флота, стоитъ главарь (μαΐστωρ) партіи Венетовъ, нѣсколько димотовъ (членовъ партіи), бандуристовъ съ бандурами, и позади два готѳа, одѣтые въ шубы (γούνας) мѣхомъ навыворотъ, и различные люди въ личинахъ (πρόσωπα), держа въ лѣвой рукѣ щиты, въ правой же палки; равно и въ правой сторонѣ, гдѣ стоитъ друнгарій ночной стражи (виглы), стоитъ главарь Прасиновъ и т. д. (одинаково). „И какъ будетъ по выходѣ съ гонки шаровъ, владыка прикажетъ стольнику ввести ихъ; тотчасъ стольникъ сообщаетъ начальнику игръ, и онъ распоряжается ихъ вводомъ. Они же на ходу, ударяя палками по щитамъ и учиняя великій шумъ, кричатъ: тул, тул (лат. tolle! — прочь) и, все время крича, подходятъ къ царскому столу на нѣкоторомъ разстояніи, и тамъ слившись, обѣ части идутъ ширингами вокругъ него, одни наружнымъ рядомъ, другіе внутреннимъ, и исполнивъ это трижды, отходятъ и становятся на свои мѣста, Венеты налѣво, Прасины направо, съ прочими димотами, и вновь голосятъ готѳскіе стихи, при чемъ бандуры исполняютъ туземную мелодію (τὸ οἰκεῖον μέλος).“ Затѣмъ, въ отвѣтъ голосятъ Венеты и Прасины вирши греческія, славословя царя и царства; вновь Готѳы идутъ въ плясъ, и вновь архонты голосятъ акростихи, затѣмъ третья очередь готѳовъ и многолѣтіемъ димовъ заканчиваются игры. Стихи исключительно латинскіе, но въ крайне искаженныхъ формахъ и переданныхъ въ греческой передѣлкѣ, тоже съ

---

[1]) Рус. Др. IV. рис. 135 Ср. соч. О фрескахъ Кіево-Софійскаго собора въ Зап. Рус. Археолог. О-ва. 1888 г., т. III.

[2]) Constantini Porphyrogeniti: De cerimoniis aulae byzantinae, I, 83; ed. Bonn. p. p. 381—386.

искаженіями: γαύζας — радуйтесь отъ gaudeo, βόνας βηκηδίας вмѣсто bonas vigilias доброму пиршеству, gaudentes, bona ora, jubilares, съ крикомъ на, на, быть можетъ, имя божества, съ именемъ демона γυγγύβελε, криками tolle, retro и пр. Единственный интересъ всей вирши заключался бы въ томъ, если бы оказалась возможность сблизить заголовокъ вирши или первый кличъ gausas съ названіемъ колядной пѣсни подъ новый годъ въ Великороссіи — усень (авсень, баусень, таусень и пр.[1])...

Варварскіе некрополи Россіи. Ананьинскій могильникъ.

Мало и только случайно доселѣ открывались варварскіе некрополи юго-восточной Россіи, памятники стоянокъ иранскихъ и урало-алтайскихъ народовъ, переходившихъ изъ Сибири черезъ Уралъ, поселявшихся на берегахъ Волги или спускавшихся къ Каспійскому и Азовскому морямъ, на привольныя для кочевниковъ степи. Конечно, здѣсь доселѣ еще цѣлы монументальныя руины Великихъ Болгаръ въ селѣ Успенскомъ, но эти руины нуждаются еще въ систематическихъ раскопкахъ, которыя разъяснили бы намъ мало понятные разсказы Ибнъ-Фоцлана о Руссахъ, будто бы обитавшихъ по Волгѣ. Близъ Елабуги, при соединеніи рѣкъ Тоймы и Камы, открытъ былъ съ 1856 г. Ананьинскій могильникъ, обширный некрополь племенной стоянки, давшій большой подборъ предметовъ личнаго убора, равно посуды, желѣзныхъ и каменныхъ орудій. Сибирскіе топоры и бронзовые кельты, кинжалы желѣзные, но съ бронзовою рукоятью, бронзовыя кирки съ концомъ въ формѣ головы кабана, бляшки въ видѣ головы барана и равно обильныя украшенія въ видѣ птичьей головы, въ формѣ лошадинаго согнутаго тѣла, близко напоминаютъ извѣстныя намъ „сибирскія древности“...

Кавказскія древности.

Древности Кавказа,[2] или, точнѣе, обширнаго предгорья Кавказскаго хребта въ видѣ громадной равнины среди Чернаго и Каспійскаго морей, относятся къ древностямъ Европы, и народы, наполнявшіе это предгорье, съ начала среднихъ вѣковъ и принадлежавшіе или къ иранскимъ расамъ, или къ тюркскимъ, принесли съ собою сюда характерную восточную культуру, нынѣ изучаемую во множествѣ курганныхъ и могильныхъ находокъ. Древности эти, съ одной стороны, стоятъ въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ закаспійскими,

---

[1]) А. Н. Веселовскій въ своемъ изслѣдованіи колядъ (Розысканія рус. дух. стиха, 1883) стр. 107, думаетъ, что названіе усень образовалось изъ пѣсеннаго припѣва: да-ту-усень, но не указываетъ на готѳское начало. [Того же автора см.: Генварскія русаліи и готскія игры въ Византіи, Журн. Мин. Нар. Просв., 1885 сентябрь (т. 241), стр. 1—18.]

[2]) Литература по археологіи Кавказа, начиная съ Путешествій академиковъ Клапрота, Бэра, Палласа 1793—4 гг., Дюбуа де Монпэрё, далѣе Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, Рейнеггса и Гана, атласа Шантра, позднѣе сосредоточилась на двухъ спеціальныхъ изданіяхъ: этнографіи или фольклора и записокъ по раскопкамъ. Вс. Миллера. Осетинскіе этюды, Матеріалы по археологіи Кавказа изд. М. Арх. Общ.. Русскія древности, III, 96—135. Число раскопокъ и могильниковъ съ 1890 г. почти удвоилось. [См. указанія на литературу о кавказскихъ древностяхъ въ статьѣ А. П. Калитинскаго: Изъ исторіи фибулы на Кавказѣ, Recueil — Kondakov, стр. 40—42].

какъ то показываетъ, напримѣръ, замѣчательное сходство погребальнаго клада Аму-Дарьинскаго (въ Британскомъ музеѣ) съ Новочеркасскими и варварскими находками восточной Россіи и даже Германіи, такъ и съ древностями Донской области, каковъ, напримѣръ, Новочеркасскій кладъ. Возможно, что въ будущемъ умноженіе археологическихъ фактовъ дастъ возможность открыть племенныя особенности въ этихъ памятникахъ быта и искусства разнообразныхъ народностей и различить древности Гунновъ и Алановъ отъ Аорсовъ и Готовъ, но въ настоящее время едва можемъ достигнуть хронологическаго анализа, руководясь стилемъ, техникою и общимъ художественнымъ движеніемъ.

Не будемъ говорить о звѣриныхъ формахъ, столь обильныхъ въ погребальной утвари древнѣйшей эпохи Кавказскихъ памятниковъ и заключающихся, главнымъ образомъ, въ золотыхъ издѣліяхъ и въ курганныхъ находкахъ по преимуществу. Эти древности находятъ себѣ иное мѣсто въ области древнѣйшаго греческаго искусства и служатъ предметомъ соотвѣтствующаго анализа.[1] Лишь когда эта античная основа восточнаго звѣринаго стиля будетъ изслѣдована въ ея историческомъ развитіи, возможно станетъ разбирать ея развѣтвленія во множествѣ находокъ и типовъ среди древностей мелкихъ некрополей Кубанской и Терской областей и, слѣдовательно, установить связь этой переходной ступени съ позднѣйшею средневѣковою формаціею звѣринаго стиля. Мы видимъ въ эту переходную эпоху по преимуществу античные типы фигурокъ и головъ быка, льва, оленя, и легко различаемъ греческую работу этихъ образцовъ.

Совершенно иные типы и формы иного стиля наблюдаемъ въ бронзовыхъ издѣліяхъ, извлеченныхъ въ массѣ изъ большихъ могильниковъ Кобани,[2] Камунты и Кабульты, по близости Владикавказа, возбудившихъ къ себѣ въ прошломъ вѣкѣ живое вниманіе спеціалистовъ примитивной доисторической археологіи, усмотрѣвшихъ родство этихъ могильниковъ съ бронзовою эпохою Галльштатской культуры. На самомъ дѣлѣ, преобладаніе бронзовыхъ украшеній и оружія среди древностей Кобанскаго могильника должно быть объяснено работами послѣдовательныхъ мастерскихъ, принесшихъ съ собою вѣковой обычай, технику и старыя формы, и удержавшихъ это наслѣдіе въ теченіи столѣтій. Именно на Кавказѣ мы встрѣчаемъ въ ясныхъ формахъ это вѣковое наслѣдіе, продолжающее старину, какъ напримѣръ, въ производствѣ кожаныхъ издѣлій у Лезгинъ, оружія и бронзовой утвари въ мѣстечкѣ Кубачахъ, филиграни серебряной и такъ называемой насѣчки (инкрустація серебряною, оловяною проволочкою по бронзѣ, желѣзу) въ Дагестанѣ и т. д. Вотъ почему древности Кобани близки и съ древностями сассанидской Персіи и находками на Дону (слобод.

---

[1]) Въ новѣйшее время капитальное сочиненіе Б. В. Фармаковскаго: Архаическій періодъ въ Россіи. Матеріалы по археологіи Россіи № 34. 1916 г. Равно см. Отчеты Имп. Арх. Ком. съ 1900 гг.

[2]) Русскія древности, III, рис. 107—137.

Недвиговки), и византійскій писатель XV вѣка Халкокондилъ, хотя изъ старыхъ источниковъ, говоря о живущихъ на Кавказскомъ предгорьи Аланахъ и Гуннахъ, знаетъ о христіанскомъ просвѣщеніи Аланъ, ихъ особомъ языкѣ и искусствѣ въ военномъ дѣлѣ: „они изъ мѣди изготовляютъ оружіе, называемое аланскимъ“.

Среди Кобанскихъ вещей обращаютъ особое вниманіе топорики и поясныя пряжки въ формѣ длинныхъ пластинокъ, гравированныхъ и насѣченныхъ изображеніями рядовъ звѣрей: оленей, барсовъ, коней, птицъ, рыбъ, рѣдко человѣческихъ фигуръ, напримѣръ, героя, бьющагося съ семью змѣями — вѣроятно, миѳологическій образъ. Звѣри представлены внѣ всякой концепціи, рядами или одинъ надъ другимъ, стало-быть, въ древне-восточной естественной схемѣ, покойно стоящими или идущими, слѣдовательно, внѣ варварскаго преданія, идущаго съ С. В. Но пара конскихъ головъ становится здѣсь обычною эмблемою жилья кочевника, серегъ его женъ, излюбленною формою. Подобно тому, и печатки съ геммъ, найденныхъ въ Кобани и Камунтѣ, представляютъ работу мастеровъ, учившихся у Грековъ, и даютъ типы быковъ, оленей, барсовъ, также льва и грифа. Фигура коня, исключительно верхового, съ уздечкою на шеѣ, или оленя — любимый типъ поясныхъ пряжекъ, какъ любимая форма амулетовъ — бронзовыя подвѣски въ видѣ роговъ оленя, барана, козла. Столь же характерны для горныхъ ауловъ колокольцы или бубенцы изъ бронзы въ видѣ оленей, коней, для скота, пасущагося въ горахъ. Для того же скота дѣлались обереги (апотропэи) въ видѣ нанизанныхъ на палки роговъ съ идольчикомъ наверху, къ которымъ опять же прикрѣплены бубенцы. Словомъ, кавказскіе могильники могли бы доставить этнографу наиболѣе обильную поживу по части всякихъ „обереговъ“ быта кочевого и земледѣльческаго, какъ и всякихъ видовъ производства ремесла и мастерства въ Осетіи (др. Аланіи или Албаніи), Кабардѣ, Чечнѣ, Хевсуріи.[1] Любопытно и опредѣленно обиліе греко-римскихъ предметовъ убора и оружія въ Мцхетѣ, т. е. на главномъ пути римскаго вліянія, и въ противоположность этому могильнику, находки въ Чми и Хевсуріи, частью напоминаютъ образцы сибирскихъ древностей. Между тѣмъ, нельзя забывать и того, что среди находокъ Кобани, Камунты и пр. встрѣчаются монеты сассанидскія и византійскія...

Связи Кавказскаго предгорья съ Донскою областью и Крымомъ черезъ Кубань столь ясны въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, что прямо не нуждаются въ утвержденіи, тѣмъ болѣе, что историческая связь этихъ мѣстностей указывается даже политическими историками,[2] и какъ

---

¹) Рус. Др. III, рис. 138, 148.

²) См. Прокопія. De bello Gothico, IV, 4 и 5; Ed. Bonn, p. p. 475, 478—81, о раздѣлѣ Крыма и Донской области между Готами и Гуннами и о присылкѣ первыми пословъ въ Византію, съ цѣлью найти помощь противъ Гунновъ, но подъ предлогомъ нужды въ епископѣ. [Ср. А. А. Васильевъ: Готы въ Крыму, Изв. Росс. Акад. Ист. Мат. Культ., т. I 1921, стр. 308—309]..

разъ въ эпоху передвиженій народовъ, столь безпокоившихъ Византію, изъ-за ея нуждъ въ хлѣбѣ, соли и пр., получавшихся черезъ Херсонъ. Отсюда, и въ этой археологической области изслѣдованіе встрѣчаетъ тоже затрудненіе въ вопросѣ о національности древностей, принадлежавшихъ столь различнымъ народностямъ, какъ напримѣръ, Готы и Гунны, тѣмъ болѣе, что, какъ нынѣ окончательно доказано, Готы, поселившіеся въ южной Россіи и дѣлавшіе отсюда морскіе набѣги на Византію, настолько усвоили себѣ культурныя формы, принесенныя съ Востока другими племенами, что затѣмъ унесли съ собою и предметы этой культуры въ личныхъ уборахъ, и мастерскія, ихъ производившія, далеко на Западъ. Однако, высказываемое явно шовинистическое желаніе относить къ Готамъ всѣ древности южной Россіи отъ эпохи переселенія народовъ должно быть введено въ границы, тѣмъ болѣе, что если о набѣгахъ Готовъ историки много говорятъ, какъ о явленіяхъ, столь же тревожныхъ въ свое время, какъ походы Норманновъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы это племя, по своемъ раздѣленіи на нѣсколько вѣтвей, было очень многочисленно, и чтобы позволительно было относить къ готамъ всѣ предметы съ стеклянной инкрустаціею и т. п.[1]...

Древности Донской области. Новочеркасскій кладъ.

По счастью, въ средѣ драгоцѣнныхъ по древности, художественному типу и также по своему матеріалу (золоту) находокъ Донской области, составляющихъ собственно одну нераздѣльную группу, связанную однимъ содержаніемъ и тождественнымъ стилемъ, мы имѣемъ одинъ богатый погребальный уборъ,[2] добытый близъ Новочеркасска, въ курганѣ, въ 1864 году. Этотъ уборъ, по подбору вещей, относится, во-первыхъ, къ женскимъ, а, во-вторыхъ, къ „царскимъ“ или „ханскимъ“ и, помимо предметовъ, принадлежавшихъ покойницѣ и съ нею положенныхъ, содержитъ нѣсколько предметовъ, явно исполненныхъ ad hoc, передъ самымъ погребеніемъ и потому сравнительно наскоро и поверхностно. Такова, напримѣръ, женская діадема или вѣнецъ, въ которой сама золотая повязка расширена втрое противъ обычной узенькой золотой тесьмы[3] и украшена въ начельи рѣзнымъ въ халцедонѣ бюстомъ римской императрицы, на головѣ которой укрѣпленъ въ золотомъ вѣнкѣ гранатъ: вещь взята изъ запаса рѣдкостей художества, что само по себѣ уже отличаетъ мастера отъ его сибирскихъ товарищей (рис. 30). Но затѣмъ и репья рясенъ, или подвѣсокъ по волосамъ вокругъ, — греческаго антика и наборъ камней въ гнѣздахъ, какъ и золотая статуэтка Эрота со свирѣлью, относятся къ новымъ

[1]) См. по этому вопросу Рус. Др. III, 144—147.

[2]) Въ силу случайнаго открытія въ курганѣ, и въ виду богатства предметовъ, уборъ названъ былъ кладомъ.

[3]) Такая золотая тесьма въ ширину лба, выложенная разноцвѣтными инкрустаціями и снабженная цѣпочкою, которою она удерживается на головѣ, изъ вещей покойницы, имѣется въ кладѣ. Тесьма повторяется многими металлическими имитаціями въ народныхъ древностяхъ русскихъ, балканскихъ и общеславянскихъ.

условіямъ туземнаго мастерства, оказавшагося въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ греко-римскимъ искусствомъ черноморскихъ колоній. Однако, это нисколько не измѣнило и не обезличило туземное мастерство, занявшееся по своему украшеніями римскихъ діадемъ, гривенъ, флаконовъ, дамскихъ коробочекъ, браслетовъ, футляровъ и пр. Все оказалось украшено на манеръ старозавѣтнаго быта и его преданій, вынесенныхъ изъ глубины Сибири и только освѣженныхъ новою модою кочевья южно-русскаго, съ его новою обстановкою и отчасти новыми вкусами.

Рис. 30. Діадема новочеркасскаго клада.

Начнемъ эту краткую характеристику съ діадемы: по ея вѣнцу припаяны въ гнѣздахъ гранаты и аметисты, а межъ ними маленькіе орлы, ясно съ цѣлью указать образами хищной птицы на вѣнецъ державный, и то же самое показуется бюстомъ императрицы. Но дальнѣйшее украшеніеноситъ уже полуварварскій, полувосточный характеръ. Прежде всего, по низу прикрѣпленъ поясъ жемчужинъ изъ золота и проволочка съ подвѣшеннымъ вокругъ всей головы пояскомъ ряснъ, изъ золотыхъ имитацій прядей, завитыхъ и образующихъ своего рода бахрому. Поверхъ вѣнца и также вокругъ его въ отдѣльныхъ фигуркахъ, посаженныхъ на шпеньки, представленъ рядъ сѣверныхъ оленей и монгольскихъ аргаловъ, мирно питающихся листьями азіатскаго саксагала. Растеніе это повторено трижды и возможно, что оно назначено напоминать восточное сакральное представленіе звѣрей парами, питающихся листьями „древа жизни“. Ибо безконечныя повторенія этой послѣдней эмблемы въ варварскихъ древностяхъ не могутъ быть объяснены только декоративною стороною, но и религіознымъ смысломъ самой эмблемы, а связь съ загробными представленіями ясна и сама

по себѣ. При всей небрежности исполненія растеній и фигурокъ, мастеръ, видимо, желалъ сохранить народный характеръ своего мастерства въ типахъ, въ раздѣлкѣ мускуловъ бирюзовыми вставками на лядвеяхъ, въ жизненныхъ движеніяхъ. На задней части діадемы вмѣсто оленей сдѣланы птички съ колечками въ клювѣ, на которыхъ висѣли золотыя же ягодки.

Вмѣсто ожерелья сдѣлана была здѣсь гривна изъ нѣсколькихъ согнутыхъ золотыхъ трубочекъ, поверхъ которыхъ въ два пояса напаяны ряды горельефныхъ грифовъ, какъ бы ползущихъ густымъ стадомъ, цапая землю когтистыми лапами и чередующихся съ иными звѣрями. Манера изображенія кучи звѣрей, конечно, грубая и варварская, но не лишена характерности. Мастера и заказчика интересуетъ именно сила звѣря, его животненныхъ порывовъ, и на подобныхъ же браслетахъ представлены львы и имъ подобные хищники, неистово грызущіе другъ друга, прилегши на землю. Еще своеобразнѣе подобная орнаментація тѣлами звѣрей, какъ бы ползущихъ по предмету, его охватывающихъ, черезъ него перегибающихся, иногда же бѣгающихъ какъ бы вокругъ одного пункта, на такихъ вещахъ, какъ флаконъ для духовъ — по немъ бѣгутъ зайцы, барсъ и олень, или коробочка, на которой тигръ и орелъ пожираютъ оленя. По южно-русскому обычаю, покровъ былъ украшенъ наборомъ бляшекъ также въ видѣ оленей, и это обиліе должно было, очевидно, напоминать былую родину и сулить родственникамъ умершаго его возвращеніе къ завѣтнымъ пажитямъ и стадамъ. Вся звѣриная и какъ бы натужная орнаментація, забывающая о формѣ и практическомъ назначеніи предмета, извѣстная намъ въ искусствѣ Китая, Индіи и Японіи, явно идетъ отъ исходнаго пункта восточно-варварскаго искусства, привитого въ этихъ странахъ путемъ завоеваній или, точнѣе, захватовъ власти вторженіемъ колоссальныхъ ордъ...

Звѣриный стиль въ Азіи.

Несомнѣнно, наиболѣе раннимъ явленіемъ зародившагося звѣринаго стиля были и должны были стать первые фазисы прививокъ варварскаго вкуса къ основнымъ культурамъ Востока, какъ то: Китая, Японіи и Индіи, на что соотвѣтственныя указанія и были уже даны при разсмотрѣніи стилистическихъ особенностей варварскихъ древностей и кочевниковъ. Но эта тема столь обширна и настолько удалила бы отъ нашей задачи изслѣдованія и обзора собственно звѣринаго стиля Европы, что она не можетъ быть здѣсь затронута. Вмѣсто того важно, однако, указать, что въ этой средѣ восточныхъ культуръ находилась и доселѣ состоитъ культура Восточнаго Туркестана, или Центральной Азіи въ широкомъ смыслѣ, тѣсно связанная, въ свою очередь, съ искусствомъ Индо-Скиѳіи въ первыхъ вѣкахъ по Р. Хр.

Въ Кашгарѣ изслѣдованія германскихъ экспедицій Грюнведеля, Ле Кока, французскихъ — Пелліо, англійскихъ — Штейна и русской экспедиціи акад. С. Ѳ. Ольденбурга открыли въ некрополяхъ Турфана, въ оазисахъ, ряды росписей, относящихся къ раннему восточному средневѣковью, начиная, быть можетъ, еще съ III—IV в. по Р. Хр. По опредѣленію Грюнведеля, наиболѣе раннія росписи еще примыкаютъ къ тому эллинистическому искусству, ко-

торое перешло нѣкогда въ древности въ Ср. Азію и Идію и составило періодъ стиля Гандара. Послѣдующій за нимъ индо-скиѳскій стиль, являющійся въ росписяхъ пещерныхъ храмовъ и открытыхъ моленныхъ (Минг-эй, Кизил) — въ изображеніяхъ жизни Гаутамы Будды, а затѣмъ мѣстный туркестанскій стиль съ чертами китайскаго искусства и его типовъ и быта, создали въ предѣлахъ Турфана блестящій рядъ расписанныхъ молеленъ и храмиковъ, съ небывалымъ въ лѣтописяхъ искусства, богатствомъ и роскошью красокъ, чарующихъ самыми нѣжными тонами, блѣдноголубыми, бирюзовыми на палевыхъ фонахъ и золотой потали. Все это дало для дальнѣйшей восточной орнаментики образцы, перенятые ковровымъ мастерствомъ и ткацкимъ дѣломъ. Именно здѣсь, помимо религіозныхъ сценъ и мистическихъ представленій, мы находимъ, среди растительныхъ разводовъ бѣга гепардовъ за газелями, сады и цвѣтники среди горъ, съ озерками, источниками, бассейнами и фонтанами, наполненные рѣдкими птицами, слонами, медвѣдями, ищущими медовыхъ сотовъ въ лѣсу. Видѣнія сказочныхъ парадизовъ представляютъ здѣсь, вмѣстѣ съ рядомъ буддійскихъ легендъ, демоническихъ и волшебныхъ образовъ, также и охоту на гиппопотамовъ. Укажемъ, наконецъ, на скульптурные надвратные фризы буддійскихъ ступъ, со временъ Асоки (ступа въ Саччи), украшавшіяся рядами слоновъ, барановъ, козловъ и козъ, волшебныхъ драконовъ о 7 головахъ и пр., которые явно вспоминаютъ исконные вкусы кочевниковъ, создавшихъ царство въ Индіи...

Древности Венгріи.

Древности Венгріи уже въ раннемъ отдѣлѣ, по изданію Іосифа Гампеля[1] во II-й группѣ, даютъ уже совершенно ясныя имитаціи древностей сибирскихъ. Таковы поясныя пряжки, извлеченныя изъ некрополя Орда (Комитата Пешта), съ отлитыми, по стародавней формѣ, фигурами двухъ улегшихся звѣрей съ судорожно подобранными подъ себя ногами и когтями. Мы находимъ здѣсь какъ разъ то же напряженіе, то же сжатіе фигуры, какъ будто втиснутой въ узкую раму, и напряженіе звѣрей какъ будто повторяется даже въ орнаментальныхъ разводахъ (рис. 31).[2] Между тѣмъ этотъ отдѣлъ слѣдуетъ непосредственно за эллинистическими вазами, относящимися еще къ IV—V вѣкамъ. Правда, затѣмъ одновременныя находки множества комитатовъ Венгріи повторяютъ, вмѣстѣ съ меровингскими и лангобардскими некрополями, типъ грифа, также прилегшаго, рогатаго, съ крючковатымъ хвостомъ.[3] Но наряду съ этимъ прямо античнымъ типомъ грифа, некрополи Keszthely даютъ чрезвычайно „варварскіе" типы двухъ прилегшихъ медвѣдей съ длинными когтями ихъ лапъ, перевернувшимися тѣлами повер-

---

1) J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn III 1905, Атласъ табл. 80. Любопытная пряжка Больш. Шурани (Nagy-Surány), табл. 74. [См. также: Fettich Nándor: Az avarkori müipar Magyarorszagon (Das Kunstgewerbe der Avarenzeit in Ungarn)· Archaeologia Hungarica. I. Budapest.]

2) [См.: F. Fettich, Die Tierkampfscene in der Nomadenkunst; in.: Recueil — Kondakov, p. p. 81—92, pl. IX—XIV.]

3) Табл. 96—7, 104, 112, 126, 134, 142, 154 (Keszthely и др.).

Рис. 31. Наконечники ремней изъ Венгріи.

женнаго звѣря или даже сдавленными фигурами грифа, барана и зайца. Тѣмъ рѣшигельнѣе выступаетъ, наконецъ, въ той 3-ей группѣ, къ которой относится уже знаменитый кладъ С. Миклоша, о которомъ, въ связи съ древностями Болгаръ и Венгровъ, идетъ рѣчь особо, характерная орнаментика пришедшихъ съ Востока кочевниковъ и связаннаго съ ними звѣринаго стиля.

Здѣсь наряду съ золотыми византійскими монетами VII—VIII стол. (Фоки и др.) мы встрѣчаемъ, во-первыхъ, украшенія византійскихъ типовъ, какъ то показываетъ обиліе имитированнаго крупнаго жемчуга въ серьгахъ и пряжкахъ (рис. 33), обнизяхъ,[1] во-вторыхъ, появленіе арабскихъ плетеній или арабесковъ на пряжкахъ, какъ бы гравированныхъ, сложныхъ и тонкихъ,[2] и, наконецъ, тотъ замѣчательный кладъ С. Миклоша, который требуетъ особаго мѣста въ нашемъ обзорѣ и вмѣстѣ открываетъ новую орнаментальную форму, господствующую въ группѣ 4-ой (и послѣдней). Эта форма является типомъ арабесокъ, заступающимъ мѣсто звѣринаго стиля въ восточной Европѣ и въ мусульманскихъ странахъ Азіи. Укажемъ лишь на характерную орнаментику плетеній изъ растительныхъ разводовъ въ формѣ ряда ромбовъ съ особою сложною пальметкою въ срединѣ, изъ Галгоша, окр. Нитры).[3] Орнаментъ выполненъ чеканомъ и рѣзьбою по гильошированному фону на кошеляхъ, носимыхъ на поясѣ, обычныхъ у кочевниковъ Сибири, Урала и Волги. Ранѣе, напримѣръ, эти кошели украшались металлическими бляшками въ видѣ лебедей, летящихъ рядами или плывущихъ гуськомъ. Здѣсь же среди ромба бываютъ и византійскіе кресоны[4] или роскошные флероны (коническій верхъ шапки изъ серебра?)[5]...

Рис. 32. Наконечникъ ремня изъ Венгріи (Mindszent).

„Олифанты."

Послѣ черниговскаго рога,[6] быть можетъ, слѣдовали бы тотчасъ приснопамятные два золотыхъ рога, найденные въ Галлегусѣ въ Шлезвигѣ, но выкраденные изъ Королевской Кунсткамеры въ Копенгагенѣ въ 1802 г., и тотчасъ перелитые, съ чеканными и рѣзными изображеніями, оставшимися безъ объясненія. Въ дополненіяхъ къ древностямъ Венгріи, извлеченнымъ изъ могильниковъ и кургановъ, Іосифъ Гампель издалъ три любопытныхъ олифанта или рога изъ слоновой кости, одинъ найденный тамъ въ Jász-Berény (ком. Jász-Kun-Kis-Szolnok), другіе сохраненные въ ризницѣ собора Св. Вита въ Прагѣ.[7] Но собственно только первый представляетъ намъ хотя бы слабый образецъ древнихъ, по преданіямъ, великолѣпныхъ олифантовъ, временъ Карла Великаго и его сподвиж-

[1]) Табл. 263—4.
[2]) Табл. 270—272, 278, 280.
[3]) Табл. 338.
[4]) Табл. 360.
[5]) Табл. 400, 403, 416.
[6]) [Н. П. Кондаковъ, Русскіе клады, т. I СПб. 1896, стр. 14—17, рис. 2—4; Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія древности, в. V, стр. 14—17, рис. 10—15.]
[7]) Hampel, Alterthümer der frühen. Mittelaters in Ungarn, III Atlas, 1905 taf. 532—5. и 536—7.

никовъ. Увлекаемые воинскимъ паѳосомъ эпическихъ сказанiй и поэмъ мы напрасно будемъ ожидать высокихъ темъ и художественныхъ замысловъ отъ подобныхъ предметовъ завѣтной утвари древняго рыцарства. Поясокъ на концѣ перваго, наиболѣе замѣчательнаго, даетъ въ кружкахъ разводовъ рядъ обычныхъ темъ: геральдическаго орла, кентавра, пѣтуха, акробата, подносящаго ногу къ своему лицу, льва. Затѣмъ вокругъ рога идетъ поле сложной охотничьей сцены, начинающейся отъ замка (зубчатой стѣны), изъ котораго выѣзжаетъ на охоту владѣлецъ, а впереди бѣгутъ охотники (съ трещетками), выгоняющiе оленя, ручной орелъ уже на немъ, а далѣе ловчiй рогатиною пронзаетъ пасть льва. Далѣе, представлены два дерущiеся кентавра, пара пѣтуховъ и два борца (только въ препоясанiяхъ) съ мечами и щитками, вновь два кентавра, пара грифовъ по сторонамъ орла, и, наконецъ, внизу хороводъ плясуновъ, воинскiй танецъ, ряженый въ восточномъ халатѣ, борцы, семья акробатовъ, исполняющiе лѣстницу люди и гусляръ. Олифантъ можетъ относиться къ XII—XIII стол., но не даетъ вовсе сценъ византiйскаго ипподрома.

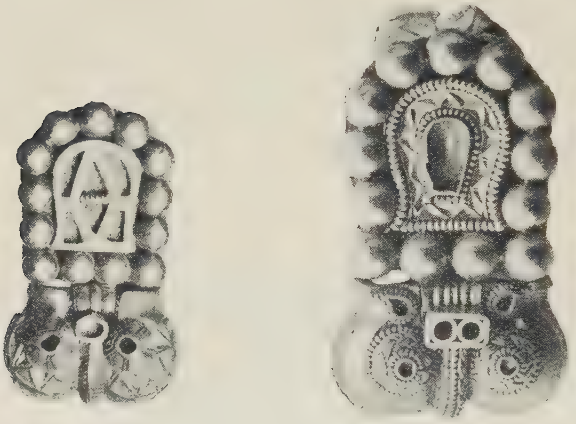


Рис. 33. Золотыя накладки на ремень изъ Венгрiи.

Второй олифантъ уже чисто западнаго сочиненiя, кромѣ орнаментальныхъ поясковъ, украшенный только наверху сценою коннаго выѣзда изъ замка. Третiй представляетъ подобные же выѣзды колесницъ и возвращенiе въ замокъ четверни, въ двухъ поясахъ, а по краямъ вновь орнаментальныя полоски съ кружками, и въ нихъ грифы, терзающiе лань, львы, охотники на коняхъ.

Помимо того, извѣстны болѣе или менѣе, нѣкоторые же изданы, рога: 1. Берлинскаго Музея — два рога, съ охотою на льва, оленя и медвѣдя; 2. Музея въ Анжерѣ, на льва; 3. Кенсингстонскаго Музея, съ изобряженiями охоты на оленя, колесничниковъ; 4. Въ соборѣ Аахена, рогъ называемый Карла Великаго, изданный Фр. Бокомъ,[1] съ охотою на оленя; 5. Въ Гильдесгеймѣ; 6. Въ Вѣнскомъ Ист. Музеѣ; 7. Изъ колл. Базилевскаго въ Спб. Эрмитажѣ[2]; 8. Въ Луврѣ, восточной работы, XI вѣка,[3] съ баснословными

[1]) Mittelälteriche Denkmäler d. Oesterreich. Kaiser-Staats 1860.

[2]) [См.: А. Н. Кубе: Резная кость. Каталог. Государственный Эрмитаж. 1925, стр. 31, nº 44].

[3]) Изд. Schlumberger, Epopée, II, 115.

звѣрями; 9. Въ Брюсселлѣ; 10. Въ Тулузѣ; 11. Въ Кенсингтонскомъ Музеѣ, изъ собр. кн. Салтыкова, съ 30 звѣрями въ кругахъ; 12. Въ частныхъ собраніяхъ Штетцера-Шенгрея, въ Копенгагенскомъ Музеѣ и пр.[1]

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ II ОЧЕРКУ[2]

Къ западу не существовало также рѣзкой границы между азіатскимъ, по мнѣнію древнихъ, Таманскимъ полуостровомъ и европейскимъ — Керченскимъ. Раздѣляющій ихъ проливъ, по узости и мелководью его съ одной стороны и по замерзанію съ другой, не составлялъ преграды не только для цивилизованныхъ народовъ Грековъ, Римлянъ, Византійцевъ, Турокъ и др., владѣвшихъ всегда обоими берегами его и обоими, весьма похожими одинъ на другой, полуостровами, но даже и для кочевыхъ варваровъ, стоитъ лишь вспомнить замѣчаніе Геродота (IV. 28), что „по льду Скиѳы ходятъ въ походы и перевозятъ повозки на другой берегъ къ Синдамъ", и миѳическое сказаніе о переходѣ чрезъ Меотиду Гунновъ, которымъ показала путь чрезъ проливъ во время мелководья лань, которую они преслѣдовали.

Понятны по этому и многія черты сходства между древностями Кавказа и Крыма, во многомъ представляющаго его миніатюрное подобіе.

Древности Крыма.

Крымскія древности Керченскаго музея, относящіяся къ первымъ вѣкамъ по Р. Х., по тождеству формы, манеры и того употребленія, для котораго онѣ предназначались, весьма близко примыкаютъ къ древностямъ Кавказа. Послѣ узды съ накладкою[3] мы имѣемъ тутъ рядъ бронзовыхъ позолоченныхъ пуговицъ, гладкихъ и рубчатыхъ, съ серебряными буколками въ родѣ жемчуга, съ сердоликами, гранатами и проч., топазовыя и гранатовыя пуговицы и пуговки, бронзовые браслеты и колечки, серебряныя витыя колечки съ львиными головами, четыре пары фибулъ въ формѣ арбалета, такой же формы двѣ пары рѣзныхъ фибулъ съ птицами, овальную брошь-фибулу съ тончайшею рѣзьбою, рядъ серебряныхъ и бронзовыхъ пряжекъ съ рѣзьбою меровингскаго типа, маленькихъ пряжекъ съ гвоздиками для ремней, изъ коихъ нѣкоторыя украшены вставными гранатами

---

¹) [Къ этой группѣ примыкаетъ нѣсколько иной по своему характеру и западнаго происхожденія памятникъ, именно лосиный рогъ Эрмитажа; см. А. Н. Кубе: Лосиный рог IX века, въ: Seminarium Kondakovianum I, 1927, стр. 111—113; его же, Резная кость. Каталог, стр. 31, nº 43.]

²) [Къ рукописи II очерка были приложены слѣдующія замѣтки на отдѣльныхъ листкахъ.]

³) См. Р. Др., в. II, рис. 137.

и красными стеклами, рядъ булавокъ съ гранатиками, золотыхъ треугольниковъ причудливой формы, бронзовыхъ колокольцевъ и большихъ колоколовъ и проч.

Большій подборъ фибулъ т. н. меровингскаго типа изъ окрестностей Керчи находится въ Эрмитажѣ, тутъ есть и такъ называемыя „перстатыя" (digitées) фибулы, и фибулы, украшенныя птичьими головами, и со вставками изъ краснаго стекла и камней, и золотыя вещи со вставными гранатами, изъ которыхъ особенно выдается флакончикъ изъ гробницы царицы въ золотой маскѣ.[1]

Тѣ же варварскія фибулы и иныя бронзовыя украшенія находятся и въ историческомъ музеѣ изъ раскопокъ Филимонова въ Керчи и Өеодосіи и изъ другихъ мѣстъ южнаго берега Крыма. Тѣ же типы находятся и на сѣверномъ склонѣ Крымскихъ горъ...

Древности Великихъ Болгаръ.

Изъ Вел. Болгаръ, развалины которыхъ сохранились въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губ., кромѣ архитектурныхъ деталей и болѣе крупныхъ находокъ, въ родѣ сосудовъ, мѣдныхъ котелковъ и пр., происходитъ нѣсколько замѣчательныхъ кладовъ (?), составленныхъ изъ предметовъ мужескаго и женскаго убора. Иные изъ этихъ кладовъ были находимы на мѣстѣ самихъ развалинъ, другіе по близости, но обстоятельства находки тѣхъ и другихъ обыкновенно неизѣстны или смутны, такъ что нельзя рѣшить, откуда вещи происходятъ.

Одинъ кладъ былъ найденъ въ селѣ Косяковѣ, близъ м. Вел. Болгаръ, (упомянутъ въ Рус. Вѣд. 1809, № 77) и поступилъ въ Имп. Эрмитажъ: кладъ содержалъ въ себѣ 48 сер. слитковъ, всего 7 фунтовъ вѣсу, и одну куфическую монету. Въ кладѣ было, затѣмъ, 3 большихъ и два малыхъ серебряныхъ браслета, скрученныхъ въ видѣ густого плетенія ремней изъ толстыхъ дротовъ; по концамъ большихъ браслетовъ по гнѣзду съ сердоликомъ. Пара золотыхъ серегъ изъ проволоки съ насаженными на нее тремя желудями (на среднемъ есть дужки для цѣпочекъ съ подвѣшенными репейками) подтверждаетъ, что мы имѣемъ передъ собою одинъ уборъ (изъ гробницы?). И потому другую пару серегъ бо́льшаго размѣра (0.47 м.) мы не должны считать собственно принадлежностью этого убора. Но къ убору (мужескому?) относится большая серьга изъ золота, имѣющая 0.051 въ поперечникѣ, и заполненная въ кругу тремя большими желудями и укрѣпленною въ срединѣ круга между нихъ фигурою птицы; къ нижнему желудю на цѣпяхъ привѣшены пара желудей. Все это густо покрыто бисеромъ обмотано тонкою сканью, тѣло птицы, голова, крылья и пр. выдѣланы при помощи той же скани, и къ нему подвѣшены золотыя жемчужинки, а одна, озображая лодку, виситъ изъ клюва, держащаго другую ягоду или зерно. Далѣе идутъ монисто, частью состоящее изъ золотыхъ желудей, частью изъ тонкихъ круглыхъ бляшекъ, съ золотою жемчужин-

[1]) См. Р. Др., в. I, стр. 66; в. II, р. 134.

кою въ серединѣ, на цѣпочкѣ. Три серебряныхъ перстня, изъ которыхъ два орнаментированы зернью, а одинъ съ гладкою шести-угольною печаткою украшенъ рѣзьбою въ видѣ пальметки и разводовъ по фону, наведенному чернью. И наконецъ, коробочка или капторга (0.065 м.), для храненія талисмана, покрытая рѣзными и наведенными чернью орнаментами, въ видѣ крайне грубыхъ схемъ акантоваго листка и цвѣтка въ поздне-арабской передачѣ; въ серединѣ арабскія буквы молитвы.[1]

Какъ однообразенъ и бѣденъ типами и орнаментами стиль древностей изъ Вел. Болгаръ, можно судить по сравненію этого клада съ находками въ развалинахъ...[2]

---

[1]) В. К. Савельевъ: О кладахъ въ развалинахъ Болгаръ, въ Трудахъ I Археологическаго съѣзда II, 494.

[2]) А. Ф. Лихачевъ: Бытовые памятники Великой Булгаріи, 1876, табл. VII, 2, VIII, 1, 2, 11, 18.

III

ДРЕВНОСТИ БОЛГАРІИ[1]

1.

Древности Болгаріи (могильныя).

Несомнѣнно, къ варварской заносной культурѣ должно отнести погребальные уборы изъ серебра и бронзы, найденные въ могилахъ около Брѣзова въ 1897 г. и Панагюрища въ 1903 г. въ Болгаріи и находящіеся нынѣ въ Софійскомъ музеѣ. Предметы этихъ гробницъ опредѣлены въ цѣломъ по оказавшимся среди нихъ прекраснымъ фаларамъ и особенно по драгоцѣннымъ римскимъ (по нашему мнѣнію II—I стол. до Р. Хр.) бронзовымъ сосудамъ къ IV—III стол. до Р. Хр., но, ради встрѣченныхъ въ той же средѣ ряда грубыхъ варварскихъ вещей (конскаго убора по преимуществу), отнесены къ древностямъ „ѳракійскимъ."[2] Мы не будемъ ни оспаривать, ни подтверждать догадку о народности, которой принадлежали эти вещи, такъ какъ по вышеуказаннымъ причинамъ не видимъ пока никакой возможности

---

¹) [Настоящій (III) очеркъ о древностяхъ Болгаріи составленъ изъ: 1) отдѣльныхъ отрывковъ предыдущаго (II) очерка объ искусствѣ средневѣковыхъ варваровъ въ Европѣ, и 2) спеціальнаго очерка (VI), имъ посвященнаго. Сдѣлано это какъ съ цѣлью соединенія всего матеріала, относящагося къ данной темѣ въ одно для удобства пользованія имъ, такъ и потому, что листки рукописи автора своей первоначальной послѣдовательности не сохранили, часто представляютъ лишь разновременныя черновыя записи сужденій (иногда другъ другу противорѣчащихъ) на ту или иную тему, наконецъ отпечатлѣли два различныхъ плана изложенія, видимо, смѣнившихся послѣдовательно у автора. Во II очеркъ входили слѣдующіе отдѣлы: 1) Курганныя древности Болгаріи (Брѣзово-Панагюрище), 2) Мадарскій конникъ и рельефы Старой Загоры, 3) Рельефы Дренова и 2-я редакція сужденія о рельефахъ Ст. Загоры, причемъ послѣдній представляетъ собой лишь небольшую черновую замѣтку на отдѣльномъ листкѣ. Позднѣе авторъ, видимо, рѣшилъ расширить свою задачу, что и повлекло выдѣленіе Древностей Болгаріи въ отдѣльный очеркъ. Послѣдній сохранился въ видѣ записи на машинкѣ подъ диктовку автора съ многочисленными помѣтками его рукой, не на всѣхъ однако листахъ. Въ виду того, что отдѣлъ древностей Болгаріи по первоначальному плану автора входилъ въ составъ II очерка, и было признано возможнымъ измѣнить послѣдовательность очерковъ, т. е. поставить соединенный очеркъ на III-е мѣсто. Повторяющіяся сужденія или разсмотрѣнія памятниковъ приведены въ качествѣ варіанта въ концѣ очерка. Отдѣлъ, не имѣющій своей параллели, какимъ является обзоръ курганныхъ древностей Болгаріи, поставленъ первымъ.]

²) Б. Филовъ. Паметници на тракийското изкуство. Изв. на Болгар. Арх. Друж. VI, 1919 г. 1—56, табл. I—III. То же изд. въ Mitth. d. D. Arch. Inst, Röm. Abt. 1917. [См. также статью М. И. Ростовцева, въ Recueil-Kondakov, стр. 243, 244 и пр. 1.].

научно ставить подобные вопросы. Но и отрицать принадлежность этихъ вещей варварамъ, какъ бы ихъ ни называли, также не представляется возможнымъ. Все дѣло обстоитъ въ томъ, что въ этихъ древностяхъ есть съ одной стороны, рядъ сборныхъ предметовъ убора и утвари, а весьма понятно, что между сборными могутъ быть всегда, а у варваровъ въ особенности, вещи старинныя, скупленныя или награбленныя, какъ то удостовѣряется почти для всѣхъ варварскихъ погребеній. Затѣмъ, въ данномъ случаѣ, нельзя отрицать тождества многихъ предметовъ личнаго и конскаго убора, во-первыхъ, со скиѳскими или сарматскими южной Россіи, и, во-вторыхъ, съ сибирскими или также съ тѣми древностями варваровъ, которыя были найдены въ Венгріи и Германіи (кладъ Веттерсфельда, вещи разныхъ музеевъ). Однако, какъ мы увидимъ уже значительная часть рисунковъ звѣринаго стиля въ настоящихъ отличается отъ своихъ оригиналовъ и по выбору, и по формѣ и представляетъ новый кустарный пошибъ, который требуетъ опредѣлить, хотя приблизительно, какое разстояніе во времени можетъ отдѣлять ихъ отъ оригинала и, слѣдовательно, должно дать научное основаніе догадкамъ, какимъ народнымъ передвиженіямъ или броженіямъ можетъ быть приписана эта группа. Но и съ этой стороны вопроса, отнесеніе этихъ варварскихъ древностей къ позднеримской эпохѣ II—III вѣковъ послѣ Р. Хр. выигрываетъ въ исторической постановкѣ, такъ какъ существованіе „варварскихъ" поселеній въ эту эпоху бывшей Ѳракіи указано для Готовъ и сарматовъ.[1]

Должно сказать, что обѣ могилы были открыты случайно и ихъ погребальная обстановка разобрана по рукамъ, сохранена же и попала въ музей только часть, и то, главнымъ образомъ, вещи серебряныя, сильно окислившіяся, мѣстами разрушившіяся, и затѣмъ бронзовые предметы утвари. Изъ золотыхъ предметовъ обѣихъ гробницъ сохранился лишь золотой перстень съ изображеніемъ женщины, встрѣчающей конника поднятымъ ритономъ въ рукѣ, въ знакъ привѣтствія, домашней радости, ожиданія веселыхъ пировъ, но и только, и, очевидно, ритонъ не можетъ указывать на погребеніе хана, владыки, вождя и т. под. Мы находимъ ритонъ въ скиѳскихъ древностяхъ южной Россіи, на бляшкахъ одеждъ, въ рукахъ женщины, подходящей къ сидящему мужу съ ритономъ въ рукѣ,[2] и, если на перстнѣ мужъ еще сидитъ на лошади, какъ кочевникъ, проводящій жизнь верхомъ, это не мѣняетъ дѣла, и принимать его, какъ знакъ владѣнія, нѣтъ причинъ.

---

[1]) См. Veure Bull. de corr. hell. XXV. 168 199. Minns Ellis, Scythians and grecks. 118.

[2]) [Здѣсь повидимому вкралось недоразумѣніе; на бляшкахъ всюду мужчина пьетъ изъ ритона стоя передъ сидящей женщиной. Подобныя бляшки были найдены въ курганахъ Чертомлыцкомъ, Куль-оба, у с. Верхній Рогачикъ и т. д.. См.: Русск. Древн., II, рис. 95; E. H. Minns, fig. 45; М. И. Ростовцевъ: Представленіе о монархической власти въ Скиѳіи и на Боспорѣ, Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи, в. 49, т. II, 4; и рисунки съ большихъ увеличеній П. К. Степановъ: Исторія русской одежды, в. I. Петроградъ, т. т. IX, XII.].

Равно, ритонъ въ рукахъ одного изъ двухъ конниковъ тоже можетъ указывать на союзническій пиръ, братское согласіе, не болѣе.[1] Помимо того, обѣ могилы производятъ, сравнительно, жалкое впечатлѣніе по набору убогихъ предметовъ личнаго и даже конскаго убора, какъ бы въ дополненіе къ немногимъ щегольскимъ предметамъ, но именно между убогими имѣемъ характерныя детали звѣринаго стиля. Въ Брѣзовской могилѣ есть выпуклыя греко-римскія бляшки, на которыхъ вычеканены, отлиты и даже дополнительно рѣзаны довольно тонкіе, восточнаго типа, головы грифоновъ (рис. 34), львиныя масочки, но есть и плоскія пластинки съ извернутыми тѣлами (грифоновъ?) коней (рис. 35), а также ихъ оконечности, какъ украшенія конскихъ уздъ. Формы эти стоятъ въ очевидной исторической связи съ такъ

Рис. 34.
Голова грифона изъ Брѣзова.

Рис. 35.
Пластинка изъ Брѣзова.

называемымъ скандинавскимъ орнаментомъ, но въ то же время даютъ только начальный періодъ, тѣсно примыкающій къ скиѳскимъ древностямъ южной Россіи. На иныхъ пластинкахъ выбиты по варварски увеличенные орнаменты сканнаго и филиграннаго мастерства и рядомъ съ ними найденъ бронзовый сосудъ тончайшей „помпеянской" техники.

Несравненно богаче и любопытнѣе находка могилы при Панагюрище, 1903 г., хотя также случайная и не разслѣдованная, съ конскимъ погребеніемъ. Изъ золотыхъ вещей убора, правда, уцѣлѣли лишь тонкія пластинки, или въ видѣ набитыхъ тонкихъ ленточекъ, или въ орнаментальной формѣ щитковъ, и бляшки съ головою Аполлона, монетнаго типа; должно сказать, что вычеканенные на серебрѣ головы Аполлона въ 6 пластинкахъ иного типа и времени; 2 пластинки листового серебра съ прекрасными въ кругу выпуклыми изображеніями Геркулеса, удушающаго льва. Всѣ эти предметы настолько маловажны въ вопросѣ о характеристикѣ находки, что хотя мы находимъ извѣстное преувеличеніе въ ихъ художественномъ

[1]) Указ. ст. проф. Филова, стр. 5—6 и ст. проф. М. И. Ростовцева: Представленіе о монархической власти въ Скиѳіи, въ Изв. Имп. Арх. Ком., 49 вып., стр. 1—62 и 133—140.

достоинствѣ и времени происхожденія, но считаемъ излишнимъ для нашего вопроса разборъ его. Напротивъ того, прочіе предметы погребальнаго убора, по формѣ напоминающіе фалары и т. п., предметы конскаго убора, относятся къ числу варварскихъ издѣлій. Большая пластинка изъ листового серебра, длиною 0,32 м. и въ ширину 0,6 м., вѣроятно конскій налобникъ, грубо раздѣлана четырьмя выбитыми фигурами: Геркулеса въ кафтанѣ, съ палицею въ рукахъ, держащаго сзади лѣвою рукою за гриву льва, ниже двухъ прыгающихъ грифовъ[1] и сирену съ птичьимъ тѣломъ, до ногъ, въ кафтанѣ, человѣческимъ торсомъ и лирою въ рукахъ. Все это исполнено съ полною безпомощностью, причемъ Геркулесъ и Сирена сдѣланы безъ оригиналовъ и только грифы, при всей грубости, напоминаютъ варварскіе типы. Круглыя пластинки (двѣ, родъ фаларовъ), съ подобіемъ жемчужной обнизи вокругъ, украшены около умбона также фигурами звѣрей; на этотъ разъ мы видимъ здѣсь гепарда, которымъ травятъ носорога. Послѣдній представленъ со своимъ тяжелымъ и въ то же время неуклюже длиннымъ тѣломъ настолько точно, что самый рогъ его помѣщенъ вполнѣ на мѣстѣ, звѣрь имѣетъ раздвоенныя копыта, характерную голову, маленькій завивающійся хвостъ и т. д. Эта фигура удостовѣряетъ насъ окончательно въ томъ, что и на капители Ст. Загоры мы имѣемъ также сцену битвы грифа съ носорогомъ.

Итакъ, вещи кургановъ Панагюрище, Брѣзово (а также Бѣднякова, Радювене, съ бляшками тѣхъ же рисунковъ) нельзя относить къ IV—III в. до Р. Хр. и потому нельзя также именовать ихъ ѳракійскими, такъ какъ это имя указываетъ еще на „архаическій" періодъ Балканскаго полуострова.[2] Съ другой стороны, нельзя и опредѣлить имя тѣхъ, явно, варварскихъ народностей, которыя, находясь въ общеніи съ варварами южнорусскихъ степей, получили отъ нихъ эти образцы: возможно, что это были Готы, но также возможно, что это были иныя племена. Мѣстность этихъ находокъ представляетъ плодородное „Пловдивское поле", территорію южнѣе Среднихъ Балканъ. Византійскій историкъ Анастасій библ. (у Ѳеофана, р. 42) сообщаетъ, что въ 450 г. сынъ Аттилы покорилъ Ѳракію, захвативъ Филиппополь.

Минцъ-кабинетъ Народнаго Музея въ Софіи владѣетъ обширнымъ собраніемъ варварскихъ имитацій серебряныхъ монетъ острова Ѳазоса и др., идущихъ по типамъ, отъ III в. до Р. Хр. до I-го и дающихъ много при-

---

[1]) Между двумя грифами нѣтъ никакой разницы, но грубый чеканъ плохо передалъ у одного клювъ, и потому проф. Филовъ видитъ въ немъ крылатаго кабана, указывая на малоазійскія монеты съ этимъ типомъ.

[2]) [См. также о находкахъ: ок. с. Галиче ст. М. И. Ростовцева въ Récueil-Kondakov, стр. 244 слѣд., тт. XXIII—XXIV и кургана „Кукува могила" ок. с. Дуванлий, тамъ же стр. 243 и пр. 1. Б. Дяковичъ. Антична гробница въ „Кукова могила" при с. Дуванлий, Пловдивско. Изв. на Българск. Археол. Инст. III., 1925, стр. 111—130. Б. Филовъ: Нови находки отъ античната гробница при Дуванлий. Изв. Б. Арх. Инст. IV, 1926/7, стр. 27—60.]

знаковъ, общихъ съ описанными вещами по формамъ и техникѣ. Но, конечно, дальнѣйшія разслѣдованія кургановъ этой мѣстности разъяснятъ сами по себѣ, что теперь должно оставаться темнымъ или даже спорнымъ. Но опредѣлять время курганныхъ находокъ положенными въ нихъ сосудами или мелочами уборовъ, которыя хранились вѣками въ древности и особенно у варваровъ, очевидно нельзя. Далѣе, подражанія античнымъ сюжетамъ и темамъ мы будемъ встрѣчать до X вѣка по Р. Хр. повсюду, и потому доказывать этимъ близость чисто варварскихъ древностей съ варварскими же темами къ самому антику по времени тоже нельзя. Именно тѣ же варварскія темы, указанныя еще Дрекселемъ, приводитъ проф. Филовъ въ двухъ фаларахъ, тоже серебряныхъ и находящихся — одинъ въ Музеѣ Лейдена, другой въ Національной библіотекѣ Парижа. Но пусть въ нихъ по кругу бѣгутъ тѣ же охотящіеся одинъ за другимъ звѣри, оба эти медальона относятся, по малой мѣрѣ, къ древностямъ варварской Германіи, не къ скиѳской эпохѣ; здѣсь не Геркулесъ, а, вѣрнѣе — Самсонъ, охвативъ шею льва, душитъ его такъ, какъ въ средневѣковыхъ мелкихъ фризахъ. Затѣмъ, вся фактура иная и имѣетъ много общаго, напримѣръ, съ извѣстною пластинкою морскихъ козликовъ Музея въ Килѣ [1]; самый рисунокъ звѣриныхъ фигуръ иной, безхарактерный, но старательный, до мелочей, до полнаго заполненія мѣста. Наконецъ, обратимъ вниманіе на особое гильошированіе (насѣчка, наколы орнаментовъ) фона, извѣстное вообще въ средневѣковой художественной промышленности...

2.

Рельефъ всадника въ с. Мадара.

Вблизи болгарскаго села Мадара, находящагося въ окрестностяхъ руинъ Абобы-Плиски, которыя представляютъ пока древнѣйшій центральный пунктъ территоріи побѣдной кочевой орды, находится важный, единственный въ Европѣ **монументальный рельефъ** — памятникъ побѣднаго вторженія этой орды. Связь этого рельефа съ руинами ханскаго дворца несомнѣнна, и самое объясненіе факта появленія этого рельефа, кажется, должно базировать на историческихъ выводахъ, построенныхъ на содержаніи древнѣйшихъ болгарскихъ надписей, найденныхъ внутри Абобы. Эти надписи, какъ извѣстно,[2] идутъ отъ древняго хана болгарской орды Омортага (820—831 г.), и, конечно, именно связь рельефа съ развалинами дворца дала поводъ утверждать, что онъ относится, по надписи,

---

[1]) См. Woermann, Gesch. d. Kunst. II, Ср. тамъ же, стр. 102 поздневарварскій рисунокъ Геркулеса (вѣрнѣе, Самсона) удушающаго льва, въ Музеѣ Копенгагена изъ Ютландіи, дающій тоже копію поздняго антика. Ниже придется часто указывать на подобную копировку позднѣйшихъ грекоримскихъ оригиналовъ, подобно восточнымъ, сохранявшимся въ художественныхъ мастерскихъ у варваровъ.

[2]) Абоба-Плиска. Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ К-полѣ, т. X, съ атласомъ.

которая его окружаетъ, также къ IX столѣтію. Несомнѣнно, указанная связь проистекаетъ, между прочимъ, изъ того, что подобнаго же рода монументальные рельефы извѣстны близъ древне-персидскаго дворца Персеполиса.[1] Существенно отчасти и то обстоятельство, что окружающая барельефъ надпись, хотя достаточно длинная (до 20-ти строкъ), но почти совершенно истребленная временемъ, и доселѣ не поддавшаяся никакимъ попыткамъ разбора, по палеографическимъ признакамъ, относится именно къ IX—X вѣку. Съ другой стороны этотъ рельефъ не можетъ идти къ отождествленію, напримѣръ, съ персидскими барельефами Накш-и-Рустам (близъ Персеполя), представляющими, какъ извѣстно, историческое изображеніе тріумфа сассанидскаго царя надъ императоромъ Валеріаномъ, тогда какъ рельефъ представляетъ болгарскаго хана на охотѣ.

Надпись, исполненная по сторонамъ рельефа съ нѣкоторою небрежностью, но, главное, на уже выбитыхъ поверхностяхъ его фона, даетъ поводъ заключить, что она была сдѣлана позднѣе самого рельефа и, быть можетъ, заключаетъ въ себѣ только воспоминаніе о томъ событіи, которое побудило соорудить самый памятникъ. Болѣе или менѣе видно, что эта надпись дѣлалась уже по испорченному временемъ фону барельефа, и рѣзчикъ искалъ мѣста для продолженія строкъ въ выбитыхъ уже частяхъ, при томъ съ нѣкоторымъ безпорядкомъ размѣщая строки по обѣимъ сторонамъ всадника, и надъ животными, возлѣ него изображенными. Очевидно, далѣе, что самый барельефъ не даетъ монументальныхъ формъ персидскихъ побѣдныхъ памятниковъ съ ихъ тщательной высѣчкою. Правда, рельефъ помѣщается на нѣкоторой высотѣ отъ земли, что дѣлаетъ его видимымъ издали, но что, конечно, мѣшало его исполненію. Вполнѣ естественно также предположить, что извѣстнаго рода сродство этого барельефа съ персидскими монументальными памятниками указываетъ на нѣкоторое знаніе Востока, и его художественныхъ темъ. Однако, тутъ же, какъ мы увидимъ, наряду съ Востокомъ, ясно, и при томъ въ несравненно сильнѣйшей степени, можетъ быть указана варварская основа какъ самой темы, такъ и исполненія, и притомъ со стороны заказчика — ордынскаго хана и мастера, имѣвшаго собственный художественный опытъ. Дѣйствительно, что касается темы, то въ этомъ барельефѣ представлена ханская охота, въ одиночку на хищнаго звѣря, гдѣ-то въ предѣлахъ указанной территоріи происходившая, и память о которой имѣла быть монументально воспроизведена тутъ же, на подобіе того, какъ поступали сассанидскіе цари на своихъ походахъ. Съ одной стороны, такая тема сближаетъ рельефъ съ варварскими барельефами „ѳракійскаго конника“, весьма многочисленными въ южной Болгаріи отъ римской эпохи.[2] Какъ извѣстно, изъ разбора наиболѣе авто-

---

[1]) Sarre Fr. Die Kunst des alten Persien, 1921, табл. 74, 78, 82, 85.

[2]) Проф. Г. Кацаровъ, Новъ релефъ на тракийския конникъ. Извѣстия на Българското Археологическо Дружство, т. III, 1912, стр. 125 и сл.; Антични паметници изъ България, III; то же, т. V 1915, стр. 11 и сл., насчитываетъ 350 рельефовъ.

ритетнаго знатока римскихъ древностей Болгаріи Г. И. Кацарова, культъ „божественнаго героя", представленнаго въ юномъ всадникѣ обычно среди излюбленныхъ имъ охотъ, или даже безъ такой мотивировки, далъ такое обиліе памятниковъ, которое сообщаетъ этому культу исключительный интересъ и, равнымъ образомъ, указываетъ на унаслѣдованную отъ Рима художественную традицію. Отсюда возможно, до извѣстной степени, связывать эту античную традицію съ нашимъ памятникомъ. Существенное между ними сродство будетъ заключаться въ фигурѣ коня, который относится къ породѣ аргамаковъ, а существенное ихъ различіе, что на нашемъ памятникѣ вмѣсто юнаго типа античнаго героя представленъ ханъ кочевой орды и, слѣдовательно. все сродство ограничивается именно конемъ.

Переходя по этому къ разбору сюжета нашего памятника и стиля, которымъ онъ выполненъ, должно сказать, что, во I-хъ, ѳракійскій конникъ представляется ѣдущимъ или скачущимъ на аргамакѣ, и конь выступаетъ столь же величаво, какъ кони тріумфаторовъ на соотвѣтственныхъ памятникахъ. Намъ слѣдуетъ отнестись съ извѣстной похвалой къ тому эскизу, который былъ набросанъ и который представляетъ живое и бодрое движеніе коня, но съ другой стороны, нельзя закрывать глаза на рѣшительныя ошибки въ рисункѣ лошади, особенно переднихъ ногъ, а равно, и на тѣ источники, откуда былъ, до извѣстной степени, почерпнутъ настоящій эскизъ. Сассанидскія блюда, изображающія персидскаго царя на охотѣ, обычно представляютъ его несущимся съ быстротою или всдѣдъ за стаей кабановъ, козъ, туровъ, или среди нападающихъ на него львовъ и разбѣгающихся хищниковъ, собранныхъ въ „парадизѣ" („ловище" загороженное). Рѣдко представляется конь стоящимъ надъ приконченнымъ уже звѣремъ или въ поединкѣ царя съ нападающими на него двумя хищниками.[1] Въ данномъ случаѣ тема, избранная мастеромъ, такова: ханъ, поразивши звѣря, видимо, льва (по формѣ хвоста длиннаго, откинутаго, и съ шишкой на концѣ, какъ будто нельзя видѣть медвѣдя) двинулъ коня, который удаляется отъ мѣста схватки бодрымъ, а всадникъ совершенно покойнымъ, что видно по лѣвой рукѣ его, лежащей на шеѣ конской. Сзади коня бѣжитъ, догоняя, тонкій гепардъ, ручной барсъ, съ которымъ принято было охотиться на хищныхъ звѣрей и животныхъ, не только въ Персіи, но и въ Византіи, въ раннюю пору, а, затѣмъ, можно сказать почти навѣрное, и у хановъ кочевыхъ ордъ, перенимавшихъ отъ Персіи всѣ виды охоты, любимаго спорта кочевниковъ. Но, если здѣсь, дѣйствительно, представленъ левъ, съ всклокоченной спиной, покрытой космами шерсти, то, невольно, приходитъ на мысль, что этотъ барельефъ могъ быть задуманъ и отчасти исполненъ по оригиналамъ тѣхъ, по преимуществу, шелковыхъ тканей, которыя, начиная съ VI вѣка, представляютъ въ изобиліи подражанія древнимъ

---

[1]) Sarre, F. l. c. табл. 104, 106—8, 112—3, 114. [Ср. также: А. Протичъ, Сассанидската художествена традиция у прабългаритѣ, Изв. на Бълг. Арх. Институтъ. т. VI, 1926—27, стр. 217—218.]

сассанидскимъ тканямъ, изображающимъ царскую охоту, именно на львовъ. Такое объясненіе естественно, такъ какъ въ средневѣковую эпоху Балканскій полуостровъ не имѣлъ львовъ, но въ изобиліи медвѣдей. Такого рода изображенія на тканяхъ въ настоящее время раздѣляются знатоками на собственно сассанидскія издѣлія и подражательныя, относящіяся, быть можетъ, не только къ византійскимъ мастерскимъ и александрійской мануфактурѣ, но также и къ мануфактурамъ Средней Азіи. Именно въ этихъ послѣднихъ мотивировка охоты приближается болѣе къ нашему оригиналу, чѣмъ первичныя сассанидскія темы. Укажемъ, напримѣръ, на любопытную ткань VII вѣка, но грубѣйшаго коптскаго рисунка, представляющую охоту съ гепардомъ.[1]

Въ заключеніе разбора остается сдѣлать извѣстнаго рода догадки о фигурѣ самого всадника, которая пострадала наиболѣе и позволяетъ догадываться объ его одеждѣ только путемъ сравненія съ сассанидскими оригиналами. Но, одна деталь несомнѣнна: всадникъ представленъ съ непокрытою головою и съ очень длинными и густыми волосами на головѣ, которые отъ макушки тяжелыми космами спадаютъ на шею и плечи. Эта деталь представляетъ намъ, ясно, варвара кочевника — именно Гунна. Извѣстный историкъ Прокопій, бывшій секретаремъ у Юстиніана и написавшій о немъ знаменитый памфлетъ, въ которомъ представляетъ императора злодѣемъ и извергомъ, ища всякихъ поводовъ для изображенія зла, имъ причиненнаго имперіи, останавливается въ этой своей „тайной“ исторіи съ особенною подробностью на извѣстномъ бунтѣ „Ники“ или цирковой смутѣ въ началѣ его царствованія. Прокопій говоритъ тамъ пространно о тѣхъ варварскихъ модахъ и обычаяхъ, которые были усвоены и распространены цирковыми партіями и особенно партіею „Венетовъ“ или „Голубыхъ“, наиболѣе прославившейся безпорядками и злодѣйствами. Между прочимъ, онъ сообщаетъ о томъ, что они совершенно измѣнили греческій обычай ношенія волосъ на головѣ: они перестали ихъ стричь такъ, какъ прочіе греки, и давали рости усамъ и бородѣ, выращивая ихъ подобно персамъ, но затѣмъ выстригали до висковъ включительно переднюю часть головы, оставляя напротивъ на затылкѣ волосы рости навсегда, какъ дѣлаютъ массагеты, почему подобный видъ головы и обычай прозваны „гуннскими“. Мы не имѣемъ надобности въ настоящемъ случаѣ подкрѣплять это свидѣтельство Прокопія памятниками и многочисленными монетами, изображающими длинноволосыхъ скиѳовъ и сарматовъ въ древностяхъ и на монетахъ Босфорскаго царства. Въ этомъ не настоитъ нужды, важнѣе догадка по извѣстнымъ признакамъ, что варваръ или ханъ, здѣсь изображенный, одѣтъ почти по персидски, т. е. на немъ видны шаровары, такіе, какъ у сассанидскихъ царей, съ фалбалою по разрѣзу, и острый носокъ мягкихъ чувякъ на ногѣ, уставленный внизъ изъ стремени. Все прочее, кромѣ развѣвающагося сзади короткаго

[1]) O. von Falke: Kunstgeschichte der Seidenweberei. 1913, рис. 80.

плаща, къ сожалѣнію, разрушено, какъ разрушена и рѣзьба, изображавшая конскую сбрую, кромѣ задней шлеи съ фаларомъ на ней. Данныя, извлекаемыя разборомъ, приводятъ также къ догадкѣ, что рельефъ, быть можетъ, гораздо древнѣе IX вѣка: если мы сравнимъ тотъ скульптурный опытъ, который виденъ особенно на задней части коня, наиболѣе сохраненной, и чувствуется во всемъ стилѣ, съ рельефами серебряныхъ сассанидскихъ блюдъ, а также съ рисунками тканей, то можемъ отнести этотъ памятникъ, къ указаннымъ ранѣе подражательнымъ работамъ сассанидскому искусству. А поэтому и получаемъ возможность сблизить его со временемъ первыхъ хановъ начала VIII вѣка, когда Болгары, незадолго перешедшіе Дунай большою ополчившеюся ордою, заняли, кромѣ Добруджи, округъ — позднѣйшій Шуменъ и Новы-Базаръ, всю мѣстность до Силистріи на Дунаѣ, гдѣ находится Абоба-Плиска, и у начала горъ исполнили въ отвѣсной скалѣ настоящій рельефъ.

3.

Барельефъ съ изображеніемъ цирковыхъ игръ.

Наглядная характеристика варварскаго населенія на сѣверѣ Балканскаго полуострова и его смѣшанныхъ съ варварствомъ вкусовъ дается замѣчательнымъ барельефомъ цирковыхъ игръ, найденнымъ въ самой Софіи — древней Сердикѣ. Барельефъ найденъ былъ близъ площади Святой Недѣли, въ центрѣ современной болгарской столицы, позади соборнаго ея храма, на глубинѣ около 4-хъ метровъ, среди массивныхъ развалинъ древней постройки и небольшого, перекрытаго сводомъ, канала. Къ сожалѣнію, при работахъ тонкая плита была разбита, и куски разбросаны, а потомъ не найдены. Плита имѣетъ въ длину 0.77 м., и въ ширину 0.59 м., и эта тонкость плиты служитъ порукой, при ея размѣрахъ, того, что она служила облицовкою внутренней или наружной стѣны, очевидно, наряду съ другими декоративными же плитами. Въ верхней части плиты имѣлась греческая надпись, отъ которой, къ сожалѣнію, сохранилось только нѣсколько буквъ, и, по всей вѣроятности, она могла бы дать наиболѣе точное указаніе времени и мѣста, гдѣ и когда происходили цирковыя игры, на ней изображенныя. Но, предполагать, что эта плита воспроизводитъ какое-либо опредѣленное цирковое представленіе, трудно, такъ какъ, въ противность этому предположенію, мы знаемъ, что такого рода темы появляются обычно въ видѣ декоративныхъ типовъ и служатъ, скорѣе, воспоминаніемъ, чѣмъ точнымъ изображеніемъ. Недаромъ, поздняя римская эпоха II—III столѣтій по Р. Х. и ближайшихъ столѣтій ранней Византіи—IV и V-го такъ богаты цирковыми сценами и фигурами всякаго рода въ барельефахъ, фрескахъ, мозаикахъ и, особенно, на тканяхъ, что этого рода циклъ былъ не только модою печальной и сумрачной эпохи разрушенія римской имперіи на Западѣ, но и сложенія новой византійской міровой державы. Конечно, значительное большинство древнѣйшихъ памятниковъ искусства и быта съ данною темою во главѣ и подъ вліяніемъ ея формъ мы должны относить

къ жившему еще и многочисленному язычеству, но, несомнѣнно, нахлынувшее варварство предавалось цирковымъ играмъ также съ нѣкоторымъ стихійнымъ азартомъ. И въ самой Византіи, наряду съ благороднымъ видомъ колесничныхъ состязаній, уживались какъ самые дикіе бои, такъ и всевозможные виды „потѣшныхъ игръ“, фигляровъ, фокусниковъ и скомороховъ обоего пола, вплоть до безнравственныхъ и постыдныхъ представленій.

Характеристика барельефа и разборъ изображенныхъ въ немъ сценъ и фигуръ[1] исполнены уже въ болгарской научной литературѣ,[2] съ понятнымъ вниманіемъ къ памятнику, причемъ даны въ достаточномъ числѣ необходимыя справки изъ римской древности. Но, ссылаясь на указанную статью, надо сдѣлать къ ней рядъ особыхъ дополненій. Помимо римскаго цирка въ данномъ памятникѣ есть сторона спеціально варварская и исторически особо-важная, такъ какъ именно она перешла затѣмъ во вкусы и бытъ новыхъ государствъ Восточной Европы, основанныхъ уже самими варварами, а затѣмъ элементы этой стороны и сохранились въ ихъ быту и искусствѣ даже до настоящаго времени, какъ народная традиція.

Данная тема представляетъ происходящія въ провинціальномъ циркѣ битвы съ медвѣдями. Въ этихъ играхъ участвуютъ, какъ сами содержатели звѣрей (бестіаріи) и звѣринцевъ, такъ и присяжные охотники (венаторы) и борцы со звѣрями, а равно, принимавшіе въ борьбѣ съ медвѣдями участіе спеціальные „мимы“ и фигляры, показывающіе въ циркахъ свою ловкость. Этого рода представленія, соединенныя съ комическими сценами и буффонадами всякаго рода, составляли собственно „потѣшныя игры“, какъ отдѣлъ цирковыхъ представленій обще-варварскаго характера, а частью и восточнаго происхожденія. Объ этомъ можно, отчасти, догадываться по данной обстановкѣ, которая, конечно, имѣетъ также и смѣшанный типъ: частью греко-римскій, и притомъ поэтому парадный, а частью балаганнаго рода. Такъ, внутри этого цирка изображена съ лѣвой стороны на барельефѣ наружная, видимо, выставочная часть его, въ видѣ деревянныхъ пьедесталовъ или пилястровъ, со столбами, на которыхъ цирковые слуги бьютъ короткими мечами по мѣднымъ тарелкамъ, чтобы привлечь вниманіе и, равнымъ образомъ, въ то же время, оживить самыя игры. На столбахъ же утверждены плакаты съ изображеніемъ божествъ Сераписа и Венеры съ

---

[1]) [Отъ словъ „исполнены уже“ и до „гладіатора римскаго“ (на стр. 93.) текстъ извѣстенъ лишь по копіи; въ оригинальной рукописи этого очерка (написанной на машинѣ подъ диктовку автора и снабженной многочисленными помѣтами его рукой) не достаетъ двухъ страницъ (7-ой и 8-ой).]

[2]) Велков Ив. Релиеф с циркови игри от София. Изв. Бълг. Арх. Инстит. I, 1921—2, табл. IV. Литература греко-римской древности ограничивается по спеціальному вопросу о цирковыхъ зрѣлищахъ и борьбѣ со звѣрями статьями Реальныхъ Энциклопедій и общими книгами О. Келлера объ античномъ звѣриномъ мірѣ и др. [См. также: Л. А. Мацулевичъ, Рельефъ съ цирковыми сценами въ Эрмитажѣ, въ: Seminarium Kondakovianum, II, 1928, стр. 139—148.]

зеркаломъ въ рукахъ. Но, въ средней части цирка, у стѣны, представлена въ рельефѣ на пьедесталѣ балаганная потѣха: люди, костюмированные въ собачьи головы, представляютъ борьбу и игры съ трезубцами и мечами и съ приплясывающимъ медвѣдемъ на стулѣ подъ музыку металлическаго барабана. Ясно, что такого рода ряженіе кинокефалами должно быть связано съ разошедшимися среди ранняго средневѣковья повѣріями о существованіи гдѣ-то, въ средѣ высокихъ горъ, людей съ песьими головами, которые отождествлены со сказочными народами „Гога и Магога“, заключенными Александромъ Македонскимъ „между Холмами и Сиверами“. Повѣрья эти, говорившія о 24 народахъ и столькихъ же царяхъ, распространялись не только путемъ пересказовъ чудесъ романа „Александріи“, переполненныхъ разными „дивьими“ людьми, но, даже, и Физіологами или Бестіаріями, которые также считали нужнымъ поддерживать вѣру въ существованіе сказочныхъ и волшебныхъ формъ людей и звѣрей. Въ данномъ случаѣ для насъ важно существованіе сказочныхъ представленій о гуннахъ, къ которымъ не задумались присоединить песье-главыхъ людей или кинокефаловъ, у которыхъ ротъ и глаза помѣщаются въ персяхъ. Эта вѣра въ существованіе песье-главыхъ людей представляла себѣ ихъ то живущими на сѣверномъ морѣ, то заключенными въ горахъ, то обитающими на отдаленномъ океанѣ. Но, напримѣръ, Плано Карпини придаетъ этимъ людямъ въ то же время бычачьи ноги и собачью морду. Чудовище въ видѣ человѣка съ песьей головою въ коронѣ слилось съ представленіями крылатаго вѣнчаннаго Змія въ „Толкованіяхъ“ Апокалипсиса.

Такимъ образомъ, съ одной стороны въ настоящемъ изображеніи есть ясное указаніе на замаскированныхъ гунновъ, которые украшали, какъ извѣстно, свои шлемы волчьими и собачьими головами, что дѣлали потомъ и отдѣлившіяся отъ нихъ въ Европѣ разныя кочевыя племена. Впослѣдствіи, въ народныхъ Колядахъ, играхъ поздравительныхъ группъ на праздники Рождества, стало за обычай водить кромѣ козы или козла — человѣка въ козлиной маскѣ, также человѣка съ песьей головой, но уже послѣдняго на цѣпи, прицѣпленной къ ошейнику, какъ плѣннаго варвара.

Этимъ выставочнымъ группамъ кинокефаловъ отвѣчаетъ большинство представленныхъ въ циркѣ борцовъ и игрецовъ съ медвѣдями. Въ самомъ низу находится, по лѣвую и правую сторону описаннаго пьедестала, схватка двухъ медвѣдей съ быками, скомпонованная по шаблону схватки львовъ съ быками. Эта легкая побѣда хищнаго животнаго обозначала въ Персіи побѣду военнаго государства надъ окружающими скотоводами, и, какъ извѣстно, такая тема прошла съ Востока до крайняго средневѣкового Запада. Въ горныхъ лѣсахъ Балканскаго полуострова медвѣдь являлся своего рода главою звѣринаго царства, и, очевидно, тема избрана была въ угоду нѣкоторому народному самолюбію, но, помимо того, у кочевыхъ народовъ, нахлынувшихъ на Балканскій полуостровъ съ IV вѣка было распространено особое почитаніе медвѣдя, также какъ своего рода главы кочевыхъ племенъ.

Но, затѣмъ, мы уже видимъ, что медвѣдь играетъ здѣсь роль гладіатора римскаго, упорнаго борца, а также и, своего рода, „мима“ или „потѣшника“. Отсюда, здѣсь представляется цѣлый рядъ охотниковъ и борцовъ схватившихся съ медвѣдями въ потѣшной игрѣ. Эти охотники, какъ видно на рельефѣ, одѣты въ короткіе кабаты, узкіе штаны и высокіе сапоги съ голенищами, и все это изъ плотной кожи. Но, единственное ихъ оружіе заключается въ особомъ намордникѣ, изъ толстаго ремня съ завязками: мимъ можетъ подставлять руки, обмотанныя толстой кожей, даже подъ укусы звѣря, и если ему удастся накинуть намордникъ и привязать его такъ, чтобы закрыть медвѣдю глаза, то тогда борьба оканчивается его побѣдою. Соотвѣтственно этому мы видимъ нѣсколько группъ охотниковъ въ разныхъ позахъ, то выжидающихъ прыжка звѣря, то, даже охотника, поверженнаго на землю, то борющагося при помощи большой палки и т. д. Но, что особенно важно отмѣтить, именно этотъ видъ венаторовъ (venatores) изображенъ съ длинными косами, или косматыми прядями волосъ, падающихъ на спину охотника и точно насъ удостовѣряющихъ, что передъ нами варвары изъ кочевниковъ, одинаково представлявшихся, какъ вообще всѣ сарматы — длинноволосыми.[1] Какъ увидимъ, Византія не только узнала эту прическу въ V вѣкѣ, но и сдѣлала изъ нея у себя моду для цирковыхъ партій, а затѣмъ въ книгѣ Константина Порфиророднаго „О Церемоніяхъ“, по отдѣлу царскихъ пировъ, указывается, что были дни пировъ для „длинноволосыхъ“ т. е. для союзныхъ варваровъ. Мы имѣемъ затѣмъ, тутъ же на барельефѣ, изображеніе скачущаго кочевника, наряженнаго въ песью голову, а одѣтаго только въ короткій плащъ и, очевидно, разыгрывающаго роль „пикадора“, который своею поѣздкой по цирку дразнитъ медвѣдей, также какъ и выпущенныя въ циркъ антилопы. Особый видъ игры представленъ на барельефѣ, съ правой стороны, въ видѣ паравана изъ досокъ, вертящагося на вбитомъ въ землю столбѣ, кругомъ него и вертя имъ постоянно, бѣгаетъ венаторъ, дразня неуклюжаго медвѣдя. Въ заключеніе мы должны остановиться на центральной сценѣ, наиболѣе характерной для даннаго циркового представленія. Посрединѣ цирка идетъ главный мимъ и, очевидно, начальникъ цирковыхъ мастеровъ и, повидимому, тащитъ съ собою длинное, но легкое чучело крокодила, на котораго уже спѣшитъ наброситься медвѣдь, вставшій на заднія лапы. Маэстро имѣетъ на лѣвой рукѣ круглый металлическій щитъ и металлическую палку, которой онъ стучитъ по щиту, зазывая медвѣдя на драку съ зубатымъ чудовищемъ. Маэстро одѣтъ въ высокій коническій (конечно, красный) войлочный колпакъ, какъ

---

[1]) Прокопій подробно описалъ варварскія, по его сообщенію гуннскія моды и прическу, усвоенную цирковыми партіями, въ своей „Тайной Исторіи“ гл. 7-ая. Въ книгѣ же Константина Порфиророднаго De cer., II, гл. 52, стр. 749, Боннск. изд.) указывается даже особый день для царскаго пира въ честь варваровъ, этотъ „клиторій“ называется πολύτριχον, т. е. длинноволосый, а въ немъ участвовали Болгары — „друзья“ христіане (φίλοι), а также язычники (Фарганы, Хазары Агаряне, Франки).

обычно носили маги и шаманы Востока, за ними кудесники и фокусники площадей и балагановъ. Во многихъ городахъ, и не только Востока, но и Запада, подобныя чучела и уже не крокодиловъ, но волшебныхъ драконовъ, стали своего рода потѣшными палладіями городовъ и мѣстечекъ, сохранившимися отъ средневѣковья, какъ напримѣръ, пресловутая Тараска, мнимая эмблема Тараскона, прославленная Альфонсомъ Додэ.

4.

Роспись древнехристіанской гробницы въ Софіи.

Древнехристіанская гробница, открытая въ Августѣ 1909 года въ Софіи, улица Гурко № 13, при прорывѣ канала, представляетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ не только Болгаріи, но и вообще европейскаго Востока и въ то же время исторіи христіанской церкви. Опредѣливъ, такимъ образомъ, посильно его значеніе, скажемъ кратко, что оно заключается въ живописныхъ изображеніяхъ четырехъ архангеловъ, представленныхъ внутри гробницы, сдѣланной въ видѣ большого саркофага. Такого рода высокіе сводчатые и сложенные изъ камня, а не выдолбленные въ монолитахъ, саркофаги находятся уже въ нѣсколькихъ экземплярахъ, раскопанными или открытыми поблизости отъ Софійскаго собора, города Софіи, обычно имѣютъ около 3-хъ метровъ длины, 2,30 метра ширины и 2 метра вышины. Настоящій саркофагъ имѣетъ 2,68 метра въ ширину. Гробница была найдена уже ограбленной, пробитой и наполненной землею отъ проникшей въ нее воды, и найденъ былъ въ ней только одинъ дѣтскій черепъ. Видимо, гробница эта была не только разграблена, но и использована для другого или, можетъ быть, нѣсколькихъ погребеній. Между тѣмъ, уже въ древнѣйшую эпоху, при первомъ погребеніи въ ней, она была внутри вся расписана. А именно сводъ гробницы расписанъ весь рядами мелкихъ кружковъ 0.16 см., съ крестиками въ промежуткахъ, въ видѣ полога, закрывавшаго весь верхъ, и орнаментальными побѣгами аканѳоваго листа. Въ центрѣ свода округлый медальонъ съ вѣнкомъ изъ лавровыхъ листьевъ заключаетъ въ себѣ большой, византійской формы, крестъ, испускающій снопы бѣлыхъ лучей на фонѣ свѣтлаго окна, какъ бы открытаго на небо внутри купола. Въ четырехъ углахъ свода помѣщены въ сегментахъ погрудныя изображенія четырехъ архангеловъ, съ надписями ихъ именъ на латинскомъ языкѣ, явно, въ то время, когда латинскій языкъ во всей византійской имперіи былъ не только оффиціальнымъ нарѣчіемъ, но и общеупотребительнымъ. Стѣны же затѣмъ росписаны на подобіе облицовочныхъ мраморныхъ и пестромраморныхъ плитъ. Въ четырехъ треугольникахъ свода написаны голуби на южной сторонѣ, на сѣверной два голубя по сторонамъ люнета, въ которомъ изображенъ низкій сосудъ съ ручками. При сравненіи съ другими гробницами могила эта отличается, явно уже сравнительно позднѣйшими мотивами росписей, а именно, подобные саркофаги, росписанные внутри въ древнѣйшую эпоху на подобіе усыпальницъ, или гробничныхъ

камеръ, сначала представляли на стѣнахъ своихъ подобіе, такъ называемыхъ домовыхъ перистилей, съ разводами виноградной лозы, различныхъ растеній, цвѣтовъ, лилій, тростниковъ и иныхъ трельяжей. Въ древнѣйшій періодъ эллинистическаго искусства, въ римскихъ и въ керченскихъ катакомбахъ, роспись представляла обычно облицовочныя панели, украшеніе стѣнъ на подобіе плитъ пестраго цвѣтного мрамора и т. п., представляя затѣмъ въ верхней части фигурныя изображенія религіознаго содержанія. Соображая затѣмъ употребленіе латинскаго языка въ надписяхъ, можно только подтвердить далѣе и разборомъ стилистическимъ изображеній догадку перваго изслѣдователя памятника — проф. Г. И. Кацарова,[1] что гробница можетъ быть отнесена къ V, или не позднѣе, какъ къ VI вѣку по Р. Хр., причемъ по соображеніямъ внутренняго свойства, мы считаемъ гробницу не позднѣе первой четверти VI в.

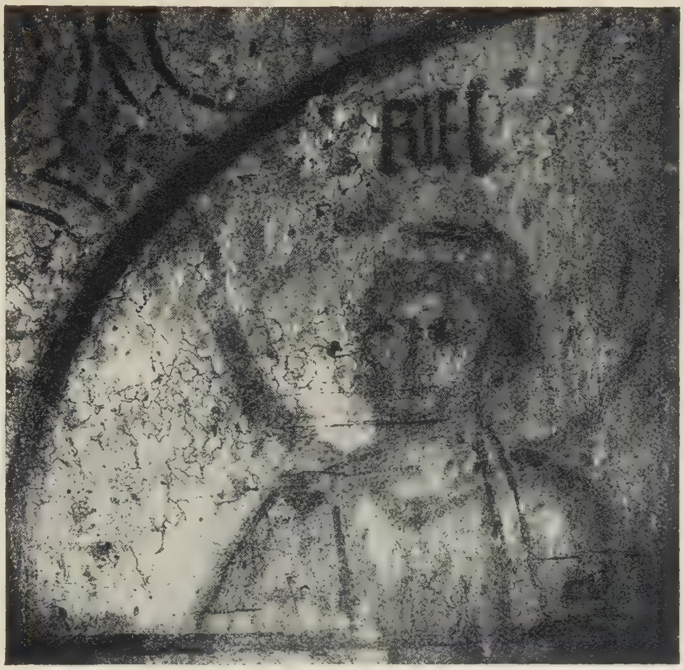


Рис. 36. Архангелъ Уріилъ. Живопись гробницы въ Софіи.

Достойно сожалѣнія, что три фигуры архангеловъ сохранились слабо, благодаря течи, образовавшейся въ гробницѣ, и не были поэтому расчищены и сняты. Снятъ же одинъ ликъ архангела Уріила, срисованнаго также художникомъ Тачевымъ. Воспроизводимая фотографія[2] (рис. 36) даетъ изображеніе, сохранившее еще всѣ тонкія художественныя свойства эллинистической античной живописи. Оригинала, къ сожалѣнію, нельзя было видѣть, но, судя по нѣжной фактурѣ, это были работы энкаустической живописи съ ея необыкновенно воздушными и мягкими тѣнями и ея обычной живостью представленія,

[1]) [Г. И. Кацаровъ и Х. Тачевъ: Новооткрыта старохристиянска гробница въ София. Извѣстия на Бълг. Арх. Друж. т. I, 1910, стр. 20 и сл.]

[2]) [См. также К. Миятевъ, Декоративна живопись на Софийския некрополъ. София 1925, стр. 86—105 и рис. 36.]

ставшей извѣстной черезъ погребальные портреты. Юный ликъ Уріила — чисто греческаго, почти аттическаго типа, съ мягкими волнистыми волосами и, въ то же время, съ извѣстной строгостью религіознаго типа, упорнымъ взглядомъ въ сторону, нѣжнымъ письмомъ одежды, матово-желтоватой — хитона и гиматія.

Обращаясь затѣмъ къ внутреннему религіозному смыслу изображеній четырехъ архангеловъ въ сводахъ гробницы, мы должны сказать, что, прежде всего, это изображеніе является пока нѣкоторою новостью и требуетъ, явно, историческаго объясненія: каковъ этотъ смыслъ и почему именно архангелы изображены на стѣнахъ гробницы?[1] Всякаго рода общія догматическія объясненія будутъ только отговорками, и мы, лишь для полноты объясненія, укажемъ, что, напримѣръ, въ Сиріи было рано принято и снаружи и внутри обозначать христіанскіе дома изображеніемъ христіанскихъ символовъ на стѣнахъ — агнца съ крестомъ или прямо креста и монограммъ имени Іисуса Христа съ крестомъ, а также, напримѣръ, такимъ сигломъ, своего рода монограммою Х. М. Г., т. е. Христа среди Михаила и Гавріила архангеловъ, что образовывало уже неканоническую вторую Троицу и что обращало на себя критическое вниманіе церкви.[2] Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ домахъ было принято писать имена архангеловъ Михаила, Гавріила, Уріила, Рафаила уже тогда, какъ ангеловъ хранителей человѣка. Пока мы не знаемъ подбора подобныхъ могильныхъ памятниковъ; требуется для объясненія нашего дать нѣкоторый историческій очеркъ религіознаго идеала ангеловъ и архангеловъ въ древности.

¹) [Вопросамъ, касающимся почитанія и иконографіи архангеловъ и спеціально архангела Уріила посвящена работа P. Pedrizet: L'Archange Ouriel въ Seminarium Kondakovianum II 1928, стр. 241—275.]

²) [См.: De Rossi: D'un singolare bollo di mattone trovato nell'emporio romano. Bulletino di Archeologia Cristiana 1870. Roma p. p. 7—31. Importanti aggiunti alla dissertazione sulle sigle ХМГ proprie delle epigrafi cristiane della Siria, ibidem, p. p. 115—121. Критическій разборъ предложенныхъ объясненій, съ наиболѣе полнымъ приведеніемъ матеріала и попыткой найти первоначальный смыслъ формулы въ изопсефическомъ толкованіи Трисвятого или въ передачѣ еврейскаго написанія формулы единобожія (Второзаконіе VI, 4), былъ сдѣланъ Я. И. Смирновымъ. См. J. J. Smirnov. ХМГ. Berliner Philologische Wochenschrift 1906 nº 33/4, ss. 1082—1088. Выводы Я. И. Смирнова, считавшаго, что толкованіе ХМГ какъ именъ Христа, Михаила и Гавріила не имѣетъ документальнаго обоснованія и во всякомъ случаѣ не является первоначальнымъ, не вполнѣ сходятся съ высказаннымъ авторомъ мнѣніемъ. Толкованіе Н. П. Кондакова, сходное по смыслу съ высказаннымъ De Rossi, расходится съ послѣднимъ въ объясненіи причинъ примѣненія сигла. De Rossi считалъ его въ эпоху до торжества христіанства протестомъ противъ ереси (una protesta contro l'eresia), тогда какъ Н. П. Кондаковъ видитъ въ этомъ признакъ ереси. Интересно сопоставить мнѣніе Н. П. Кондакова съ данными изученія источниковъ иконографической композиціи Ветхозавѣтной Троицы, въ особенности съ тѣмъ фактомъ, что большинство восточныхъ Отцовъ Церкви видѣло въ явленіи Аврааму 3-хъ ангеловъ, явленіе 2-го лица Св. Троицы въ сопровожденіи 2-хъ ангеловъ, а также и съ сохраненнымъ Евсевіемъ свидѣтельствомъ объ „языческомъ" почитаніи мѣста явленія трехъ ангеловъ. Объ этомъ см.: Н. В. Малицкій: Къ исторіи композиціи ветхозавѣтной Троицы, Seminarium, Kondakovianum II, 1928, стр. 36—38.]

Почитаніе ангеловъ.

Какъ извѣстно, вообще почитаніе ангеловъ въ христіанствѣ было передано отъ древняго іудейства и Ветхаго Завѣта.[1] Вмѣстѣ съ тѣмъ оно было поддержано и греческимъ язычествомъ и даже греческой философіей, прилагавшей немало усилій, среди своей миѳологической паутины, отыскать идейные центры и къ нимъ разумные пути для построенія духовныхъ идеаловъ тамъ, гдѣ въ источникѣ были только матеріальныя концепціи. Затѣмъ, происшедшее на глазахъ историка сліяніе древнихъ языческихъ религій съ христіанствомъ, въ мысляхъ и чувствахъ каждой культурной народности средневѣковья, образовало тотъ неразрывный комплексъ идей и представленій, который является, собственно говоря, историческою подпочвою христіанской религіи, той необыкновенной устойчивости, какую имѣетъ традиція въ началѣ средневѣковья, и которая, умалившись отъ времени въ количествѣ, нисколько не ослабѣла въ живости своихъ религіозныхъ представленій. Именно, къ этому отдѣлу живыхъ, понятныхъ, вѣковыхъ традицій относится образъ ангела, какъ того промежуточнаго, сотвореннаго полубожескаго существа, какимъ являются ангелы, заступившіе мѣсто, по опредѣленію древнихъ грековъ, благихъ демоновъ, — посредниковъ между человѣкомъ и Богомъ. Традиція, остановившаяся на такомъ образѣ, придавши ему посланничество ради помощи людямъ, ихъ извѣщенія о Божьей волѣ во снѣ, ихъ исцѣленія и сохраненія, уже въ первый вѣкъ христіанства повела къ особому почитанію близкаго и доступнаго полубожескаго покровителя и вызвала уже порицаніе и наставленіе со стороны ап. Павла. Въ своемъ посланіи къ Колоссянамъ, гл. II, 18, онъ пишетъ: „никто да не обольщаетъ васъ самовольнымъ смиреномудріемъ и служеніемъ ангеловъ, вторгаясь въ то, чего не видѣлъ, безразсудно надмеваясь плотскимъ своимъ умомъ". Текстъ имѣетъ тотъ смыслъ, что уже въ то время въ христіанскихъ общинахъ явились любители философствованія по поводу вѣры и въ то же время организаторы нѣкотораго культа ангеловъ, причемъ они позволяли себѣ говорить о невидимыхъ существахъ и умствовать по поводу ихъ отношенія къ людямъ.

Это было замѣчено равно иными умами, не столь идеально настроенными въ пониманіи христіанской религіи, какъ ап. Павелъ, и принимавшими ее вмѣстѣ съ вѣковыми преданіями іудейства и тоже опытами философствованія, свойственнаго еврейскимъ книжникамъ. Доказательствомъ можетъ служить отраженіе той же мысли въ Апокалипсисѣ Іоанна, гл. XIX, 10. „Я палъ къ ногамъ его (ангела), чтобы поклониться ему; но онъ сказалъ мнѣ, смотри, не дѣлай сего; я сослужитель тебѣ и братьямъ твоимъ, имѣющимъ свидѣтельство Іисусово: Богу поклонись". Переводы греческаго текста приблизительно вѣрны, но въ одномъ случаѣ вѣрны только буквально, сказано: „служеніе ангеловъ", а по гречески θρησκεία τῶν ἀγγέλων, что значитъ, переводя на обыкновенный языкъ — „культъ ангеловъ" или „почитаніе

[1]) [См. упомянутую уже работу P. Perdrizet, p. 242—243.]

ангеловъ“, и, слѣдовательно, требовалось передать словами: „служенiе ангеламъ“, что вскрываетъ совершенно иной смыслъ, хотя и вполнѣ каноническiй.

Несомнѣнно, однако, что уже въ слѣдующiе два вѣка[1] каноническое почитанiе ангеловъ стало переходить въ особый культъ, а этотъ культъ, въ свою очередь, привлекалъ особое вниманiе къ языческимъ традицiямъ, къ восточному iудейскому почитанiю ангеловъ, какъ посредниковъ между Богомъ и человѣкомъ. Въ частности, именно въ Сирiи и Египтѣ почитанiе ангеловъ соединилось съ выросшимъ вновь вопросомъ объ ихъ значенiи не служебномъ, не посредническомъ, но самостоятельномъ, и этотъ вопросъ, переходя изъ рукъ въ руки, выросталъ въ значенiи, становился въ первую очередь, вызывалъ построенiе религiознаго мiросозерцанiя и, своего рода, философскихъ теорiй. Эти первыя построенiя и толкованiя принимались, понятно, съ такою же готовностью увѣровать, съ тою же горячностью воспрiятiя и слѣдованiя, и клиру первыхъ вѣковъ было невозможно и неудобно останавливать порывы христiанской мысли на первыхъ порахъ.

Такимъ образомъ, неоплатоническая философiя, съ одной стороны, выступала, дѣйствительно, съ самовольными мудрованiями, прикрытая ложнымъ смиренiемъ, и съ другой, различнымъ истолкователямъ и книжникамъ представилась возможность построить на данномъ вопросѣ свои собственныя дополненiя и открыть новое христiанское мiропознаванiе (гносисъ). По существу дѣла эти виды пониманiя христiанской вѣры и углубленiя въ вопросѣ объ ангелахъ основались на переносѣ въ него „демонологiи“ древняго Востока. И, дѣйствительно, главный изъ этихъ экзегетовъ Порфирiй, какъ указываютъ, былъ самъ сирiецъ, звался у себя Малхомъ и внесъ въ свои сочиненiя всю кабалистику, говоря точнѣе, iудейскихъ позднѣйшихъ трактатовъ. Принявшiеся послѣ за жестокую критику этихъ доктринъ Отцы Церкви, какъ Августинъ, указывали откровенно ихъ языческiе источники. Восточный характеръ подобныхъ трактатовъ удостовѣряется больше всего явнымъ матерiализмомъ этихъ ученiй. Какъ извѣстно, восточная демонологiя была построена вся на такомъ отводѣ каждому божеству матерiальной роли и особой сферы божественной его силы, или области матерiальнаго творчества, что, именно отсюда, и порождалось естественнымъ путемъ дробленiе боговъ и ихъ силъ, а, слѣдовательно, развивалось само многобожiе и всѣ тѣ многообразные миѳы, которые о богахъ сочинялись. Именно этимъ путемъ получалось въ представленiи простого ума умаленiе божества, опасное въ дѣлѣ почитанiя изъ-за соперничества мѣстностей, городовъ и общинъ, а вмѣстѣ съ этимъ соперничествомъ создавалась вѣра

---

[1]) См. наиболѣе обстоятельное и обставленное документально изложенiе обширнаго историческаго матерiала по этой сторонѣ почитанiя ангеловъ, изъ сочиненiй неоплатониковъ, гностиковъ, экзегетовъ и Отцовъ Церкви, въ связи съ демонологическими ученiями, въ соч. Hopfner, Th. Griechisch-Aegyptischer Offenbarungs-Zauber I, 1921, § 53—103 и спецiально: § 135—162.

въ магическую силу образовъ, созданныхъ исключительно на матеріальной почвѣ. Многобожіе, развиваясь, само себя уничтожало, лишало иныхъ боговъ смысла, порождало смуту. Въ извѣстную пору у каждаго народа или, вѣрнѣе, у культурныхъ народностей, достигшихъ развитія религіозныхъ вопросовъ, возникало желаніе дать себѣ опредѣленный отчетъ въ своихъ религіозныхъ мысляхъ и чувствахъ. Иные переходили при этомъ къ критикѣ религіозныхъ построеній, протестуя противъ чуждыхъ заносовъ, къ утвержденію единаго міровоззрѣнія, другіе, напротивъ того, руководясь исключительно религіознымъ страхомъ, избирали среди людей особыхъ вождей вѣры, посредниковъ и помощниковъ въ ихъ религіозномъ служеніи. Такъ называемый магизмъ есть явленіе не только опредѣленнаго періода, но и большинства восточныхъ религій, какъ ученій сборныхъ и составныхъ, разобраться въ которыхъ человѣкъ поручалъ другимъ, болѣе глубокимъ служителямъ боговъ. Благіе и злые демоны единственно занимали умы маговъ и тѣхъ, кто ими руководился. Такъ называемые высшіе или верховные боги удерживались въ своихъ основныхъ характеристикахъ, со стороны матеріальной области, значенія, дѣйствій и даже типовъ, отчасти благодаря тому, что этотъ верховный богъ былъ богомъ племени завоевателей, династіи побѣдителей, но лишь на то время, пока династія или царство существовало. Важнѣйшую роль въ собственномъ смыслѣ играли тѣ второстепенныя божества, которыхъ маги привлекали на сторону города, общинъ или частныхъ лицъ, испрашивая ихъ помощь жертвами.

Языческія уклоненія трактатовъ Порфирія, Ямвлиха и даже нѣкоторыхъ соображеній великаго Оригена явствуютъ, прежде всего, изъ этихъ попытокъ отвода ангеламъ областей и сферъ дѣйствія ихъ божественной силы, съ именами взятыми изъ древней традиціи, принесенными изъ Вавилонскаго плѣна и отличенными поэтому титуломъ архангеловъ: Гавріилу (или Михаилу) область огня, Михаилу — воды, Рафаилу — земли, Уріилу — воздуха. Оригенъ отводилъ Рафаилу дѣло врачеванія, Гавріилу — военное, Михаилу — предстательство у Бога. Было семь планетъ, и сообразно съ матеріальной демонологіей, ихъ отвели во владѣніе семи архангеламъ, причемъ Михаилу — солнце и особый день его почитанія, Гавріилу — луна и ближайшій день послѣ солнечнаго — понедѣльникъ, или такимъ назначеніемъ: первый день Рафаилу, второй — Гавріилу, 3-ій планета Марсъ — Самаилу, 4-ый Меркурій — Михаилу, 5-ый планета Юпитеръ — Садакіилу, 6-ой Венера — Анаилу, 7-ой Сатурнъ — Кафріилу. Понятно, всѣ подобныя вѣроученія или вѣрнѣе, мудрованія, какъ и всякія космогоніи, имѣли полный успѣхъ въ разныхъ руководящихъ сферахъ, и уже съ III вѣка историки Церкви указываютъ на появленіе въ Египтѣ и, вѣроятно, въ Сиріи, которая постоянно зависѣла отъ Египта, повсюду множества богато украшенныхъ часовенъ и моленемъ, даже внѣ городовъ, освященныхъ во имя ангеловъ.[1]

---

[1]) [См.: Didymi Alexandrini, De Trinitate lib. II, Migne, Patrologia Graeca, t. 39. col. 589.]

Самое имя „ангела“ получило магическую потенцію, и этою таинственной магической силой занялись спеціально гностики, ранѣе первыхъ построеній небесной іерархіи.

Гностики подѣлили ангеловъ на архонтовъ, которые стали вождями эоновъ, и построили особую теорію безсмертія души, открыли двухъ родовъ душу въ человѣкѣ: матеріальную, связанную съ плотскимъ тѣломъ, и собственно духъ, придавленный существованіемъ матеріальной души, живущей въ согласіи съ плотью. По смерти человѣка духъ его можетъ съ помощью ангеловъ, обезпеченной ему при жизни или послѣ смерти, совершить восхожденіе къ Богу, къ своему божественному источнику, и потому миновать то опредѣленіе судьбы, какое человѣкъ заслужилъ своею плотскою жизнью, и освободиться отъ неизбѣжнаго рока. Оригенъ самъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ діаграмму неба съ росписаніемъ планетъ и ангеловъ, ими правящихъ, и поясненіями путей ко спасенію, путемъ восхожденія духа по планетамъ къ Богу и путемъ помощи ангеловъ, въ ихъ сферахъ. Изо всего этого ясно, что, напримѣръ, вѣроотступникъ Юліанъ, какъ то признаетъ и самъ Аммiанъ Марцеллинъ, зналъ христіанство именно въ этихъ осложненныхъ язычествомъ вѣроученіяхъ: извѣстно, что онъ укорялъ своихъ сподвижниковъ, когда умирая, видѣлъ ихъ плачущими, потому что онъ, напротивъ, съ радостью думалъ, какъ его душа поднимется на небо, ища своей звѣздной обители. Такъ была использована мысль Платона о звѣздахъ, какъ родинѣ человѣческой души. И ученіе Пиѳагора было приспособлено къ новому очищенію душъ жизнью на звѣздахъ млечнаго пути, въ великой тверди отъ луны до солнца. Настолько сильно было и успѣшно подобное толкованіе идеи безсмертія, что и въ V вѣкѣ Отцы Церкви еще говорили о существованіи еретическаго вѣрованія въ посмертное восхожденіе душъ по планетамъ къ Богу. Достаточно сказать, что уже въ 363 году Лаодикейскій соборъ воспретилъ чрезмѣрный культъ архангеловъ и таинственнные обряды и общины (мистеріи) во имя ангеловъ.[1]

Возвращаясь къ нашему памятнику, мы должны сказать, что онъ съ достаточною ясностью построенъ именно на указанномъ образѣ мыслей и вѣрованій, что именно въ силу этихъ вѣрованій четыре архангела, помѣщенные въ четырехъ углахъ гробницы, какъ бы, призываются умершимъ и его близкими, къ помощи при восхожденіи души къ божественному источнику. Правда, и ранѣе четыре ангела, обычно въ мозаикахъ, поднимаютъ въ медальонѣ образъ возносящагося Спасителя, но тамъ они являются только въ согласіи съ древней традиціей, какъ бы властелинами четырехъ странъ свѣта, по назначенію Бога Творца.[2] Но, въ данной темѣ иная и, явно еретическая мысль руководила заказчиками, провожавшими своего близкаго

---

¹) [Mansi, Concilia, t. II, p. 570 и P. Perdrizet, o. c. § 11.]

²) [Ср. упом. раб. P. Perdrizet, §§ 3 и 4.]

въ могилу и, по всей вѣроятности, не знавшими того 35 канона Лаодикейскаго собора, которымъ культъ ангеловъ былъ воспрещенъ. Отцы Церкви любили указывать, что эта страсть къ ереси долго пребывала во Фригіи и Писидіи, какъ извѣстно, столь близкихъ къ Балканскому полуострову. Извѣстно далѣе, что въ гробницѣ Маріи, дочери Стилихона и жены императора Гонорія, погребенной въ церкви св. Петрониллы въ Римѣ (какъ то записано у Канчельери)[1] была нѣкогда найдена золотая пластинка (laminula d'oro) съ надписью именъ Михаила, Гавріила, Рафаила и Уріила, то есть, сопроводительная магическая молитва четыремъ архангеламъ о принятіи души Маріи подъ покровъ четырехъ архангеловъ. Должно добавить еще одну надпись, найденную во Фригіи (сборникъ Рамзая II, 404[2]) и, явно, погребальную съ обращеніемъ къ Господу и архангеламъ Михаилу, Гавріилу, Истраилу, Рафаилу...

5.

Кубическая капитель изъ развалинъ Прѣслава (Новозагорско),[3] церкви или дворца, съ изображеніемъ грифа, терзающаго голову слона, представляетъ наиболѣе любопытный памятникъ въ средѣ мелкихъ скульптурныхъ работъ, самой ранней эпохи I-го Болгарскаго царства. Эта капитель можетъ принадлежать даже VIII или IX вѣку и, будучи не только декоративнымъ произведеніемъ, но и памятникомъ міровоззрѣнія варварскаго племени, заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія (рис. 37). Болгарскіе каменные рельефы.

Какъ извѣстно, грифъ есть фантастическій звѣрь-птица, хищной породы, изобрѣтенный первичнымъ воображеніемъ народовъ Передней Азіи на нѣкоторой реальной основѣ. Согласно самому термину, грифъ есть видъ бураго коршуна, хищной птицы, обитающей на отдаленномъ сѣверѣ, въ горныхъ мѣстностяхъ. Но, уже фантастическая фигура грифа или грифона появляется въ памятникахъ[4] скульптуры Хетитовъ и Ассиріи и, затѣмъ, обходитъ, какъ любопытное сказочное представленіе, искусство азіатскаго Востока и рано вырабатываетъ опредѣленный типъ. Типъ этотъ уже превращаетъ птицу въ четвероногое животное, котораго тѣло имѣетъ формы льва, но голову орла, съ длинными ушами, гребнемъ и рогами, снабжено широкими крыльями, начинающимися отъ ногъ. Заднія ноги грифа орлиныя. Грифъ.

¹) [Fr. Cancellieri: De secretariis veteris Basilicae Vaticanae, Roma 1786, I, p. 1000. Также: G. B. De Rossi, Bulletino di Archeologia Cristiana, Roma, 1863, n° 7, p. 54. См. перечисленіе аналогичныхъ памятниковъ у: P. Perdrizet, o. c., p. 245, и F. H. Marschall: Catalogue of the jewellery. British Museum. London 1911, n° 3153, p. p. 378—9.]

²) [W. M. Ramsay: The Cities and bishoprics of Phrygia, vol. I, part II, Oxford 1897, p. 541, n° 404; тамъ же приведенъ въ примѣчаніи къ этой надписи упомянутый выше 35-й канонъ Лаодикейскаго собора и даны указанія на свидѣтельства о распространеніи почитанія ангеловъ. См. также P. Perdrizet, o. c. §§ 2—4, 6 и 7.]

³) [См. Водачъ за Народния Музей въ София. 1923, n° 316, стр. 194, рис. 94.]

⁴) Статьи Фуртвенглера и Г. Принца въ Лексиконѣ Рошера и Реальной Энциклопедіи Паули-Виссова.

На извѣстномъ барельефѣ изъ цвѣтныхъ изразцовъ на дворцѣ Сузъ[1] орлиная голова грифа замѣнена львиною, но съ рогами, и съ Востока же идетъ представленіе крылатаго дракона-льва, идущее отъ Персовъ, съ однимъ ли закинутымъ рогомъ, или двумя завитыми. Именно такого рода персидскій типъ грифа становится своего рода геральдической эмблемой Пантикапеи, съ конца V-го вѣка, а затѣмъ грифъ является излюбленною

Рис. 37. Капитель изъ развалинъ Прѣслава.

декоративной эмблемой всего скиѳскаго міра[2] въ его распространеніи по южной Россіи, Малой Азіи, а затѣмъ, и въ древней Греціи и Римѣ. Единственное объясненіе, которое дается литературой древняго міра этой фигурѣ, ея смыслу и значенію, есть извѣстная басня, по которой грифы были сказочными стражами золотыхъ розсыпей сѣверной Азіи, или, точнѣе говоря, Сибири. Разсказывалось, что скиѳское племя аримасповъ, добывая золото, подвергалось нападеніямъ грифовъ и билось съ ними. Весьма естественно, что древняя Пантикапея, или нынѣшняя Керчь, имѣли на своихъ монетахъ въ IV вѣкѣ изображенія грифа, идущаго по колосу. Пантикапея поставляла древнему міру одинаково золото, какъ и хлѣбъ зерновой. Именно на золотыхъ монетахъ Пантикапеи изображается грифонъ, пры-

[1]) Dieulafoy, L'acropole de Suze, pl. IV.
[2]) Ellis Minns, Scythians and Greeks, 1913. v. griffin.

гающій впередъ, держа въ зубахъ вырванную стрѣлу, или же передняя часть грифона поверхъ осетра, также бывшаго предметомъ торговли въ разныхъ видахъ. Фигура грифона при этомъ имѣетъ или два рога загнутые, или только острые уши и гребень, подобный острой рыбьей чешуѣ.

Образъ грифа перешелъ, въ свое время, черезъ посредство античнаго, а затѣмъ арабо-персидскаго искусства черезъ среду сказочныхъ чудесъ Востока во все средневѣковое искусство и, равно, литературу. Въ частности византійское и средневѣковое восточное искусство воспроизводило на завѣсахъ и коврахъ грифольвовъ и грифо-онагровъ.[1] Затѣмъ, Физіологъ также сообщаетъ изъ греческой и восточной редакціи слѣдующее описаніе чудесной птицы: „Грифъ есть пернатое четвероногое животное, видомъ левъ съ крыльями и головою орла; онъ обитаетъ въ азіатской Скиѳіи, гдѣ грифы владѣютъ золотомъ и серебромъ и яростно терзаетъ людей. Аримаспы бились съ грифами изъ-за драгоцѣнныхъ камней; въ свои гнѣзда грифы кладутъ агатъ, изъ когтей ихъ дѣлаютъ кубки, изъ перьевъ стрѣлы.“[2] Именно два грифа замѣняютъ орловъ, когда изображается въ средневѣковомъ искусствѣ Византіи, какъ орлы несутъ Александра Македонскаго на небесную высоту. Эѳіопскіе романы разсказываютъ, что громадныя птицы въ странѣ мрака носили спутниковъ Александра. Грифъ замѣняетъ орла въ битвѣ со змѣею (рис. 38).[3] Отсюда вполнѣ естественно, что именно кочевые народы, приходившіе въ Европу съ сѣверо-востока изъ Азіи, приносили съ собою одновременно извѣстное почитаніе эмблемъ и символовъ, въ которыхъ грифъ играетъ верховную роль. Короны сассанидскихъ царей украшались наверху спускающимся надъ очельемъ золотымъ изображеніемъ головы грифа съ большимъ клювомъ.

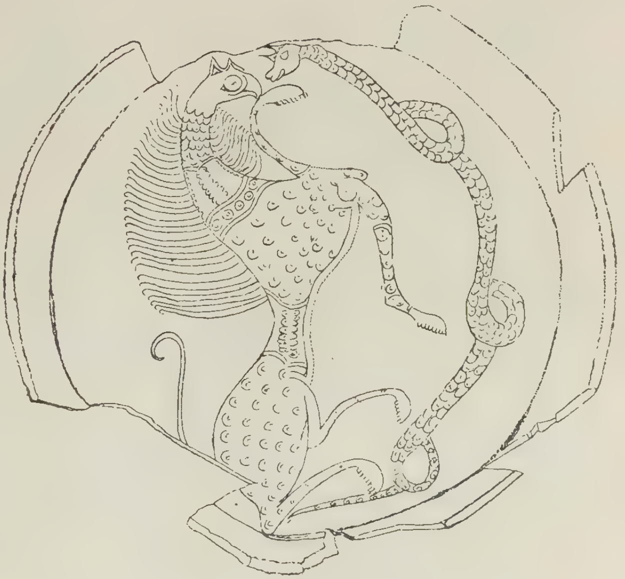


Рис. 38. Поливное блюдо изъ Херсонеса. Схватка грифа со змѣей.

---

[1]) Const. Porphyrogeniti De cerimoniis aulae Byzantinae, ed. Bonn., p. 581, 589.

[2]) Ѳ. И. Буслаевъ, Сочиненія, изд. Акад. наукъ 1908. I, стр. 340: Цитата изъ Лѣчебника 1582 г.

[3]) Н. П. Кондаковъ, Русскіе клады, I, 1896, рис. 14. Русск. Др. V. рис. 18.

У гунновъ было обычнымъ названіе начальника конницы — птицею (холин-сурис) и, очевидно, хищная птица, будь то орелъ, грифъ, коршунъ, ястребъ, кречетъ, соколъ, имѣла значеніе тотэма различныхъ племенъ и отрядовъ кочевыхъ ордъ. Отсюда, затѣмъ, обильное распространеніе фигуры грифа-орла съ рогами, терзающаго оленя или сохатую лань, встрѣчающейся въ древностяхъ Венгріи[1] и, между прочимъ, въ томъ же Миклошскомъ кладѣ, который принадлежитъ самъ къ древностямъ болгарскаго народа (рис. 39).

Въ этомъ отношеніи полезно сравнить формы сказочной птицы въ этихъ варварскихъ древностяхъ. Грифъ, терзающій лань на золотомъ сосудѣ Миклошскаго клада,[2] отличается отъ настоящаго рельефа тѣмъ, что львиное тѣло его покрыто все мелкою шерстью, имѣетъ малыя крылья, ростущія изъ спины и, затѣмъ, вполнѣ декоративный хвостъ, тогда какъ грифы на рельефахъ Прѣслава сохранили еще бородку и крылья, начинающіяся отъ переднихъ ногъ — широкія и большія. Хвостъ грифа на рельефахъ оканчивается, какъ у льва, шишкою съ завитыми на ней волосами. При этомъ должно сказать, что при всей своей грубости исполненія фигура грифа на капители болѣе натуралистична, чѣмъ фигура на плитѣ, крайне сухого шаблоннаго рисунка. Плита[3] эта (рис. 41) по всей фактурѣ, сдѣланная изъ краснаго шифера, относится, какъ и прочія, уже къ позднѣйшему времени (XI—XII в.).[4]

Рис. 39. Изображеніе на сосудѣ Миклошскаго клада.

Капитель съ изображеніемъ грифа, терзающаго слона.

Но, возвращаясь къ основному памятнику, должно сказать нѣсколько словъ и о томъ, что грифъ на капители терзаетъ слона, и что это изображеніе имѣетъ особый смыслъ. Слонъ, въ данномъ случаѣ, представленъ

---

[1]) Hampel, J. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, III Atlas. Табл. 80, 84, 96—7, 104, 113, 126, 134, 135, 152, 154, 161—2, 243. Особенно слѣдуетъ отмѣтить множество одиночныхъ или парныхъ пряжекъ отъ пояса въ каждой могилѣ кочевника, наряду съ вещами, не орнаментированными и грубыми, — съ изображеніемъ именно грифа — явная эмблема кочевниковъ или народный символъ.

[2]) Hampel, J. Der Goldfund v. Nagy Szent-Miklos. 1885, fig. 2, 10, 11, 32.

[3]) [Изъ Старой Загоры, Водачъ, nº 852—856, стр. 195, рис. 96].

[4]) [Ср. изображенія грифовъ на рельефѣ въ соборѣ Св. Марка въ Венеціи, рис. 40.]

весьма слабо и неуклюже, его тяжелое и грузное тѣло болѣе подобно носорогу, чѣмъ слону; правда, довольно натурально передана не только грузность, но и толщина кожи именно тѣмъ, что только въ одномъ мѣстѣ обозначены складки, но, явно, неудачно переданы короткія ноги, при излишне длинномъ туловищѣ. Голова большая, но съ малыми ушами, съ безобразно выпущеннымъ и согнутымъ хоботомъ и неправильно изобра-

Рис. 40. Плита Собора Св. Марка въ Венеціи.

женнымъ клыкомъ: очевидно, въ рисункѣ, съ котораго рѣзчикъ дѣлалъ эту фигуру, онъ спуталъ челюсть съ двумя клыками, и, равно, возможно, онъ имѣлъ передъ собою рисунокъ одновременно слона и носорога, и рогъ второго поставилъ въ видѣ длиннаго клыка. Во всякомъ случаѣ, однако, какого бы слона рисовальщикъ ни имѣлъ передъ собой: индійскаго или африканскаго, но онъ намѣренно представилъ нападеніе грифа на слона, или же копировалъ въ данномъ случаѣ эмблематическую композицію уже съ готоваго рисунка. Этотъ рисунокъ имѣлъ опредѣленный смыслъ — нападеніе и побѣду сѣвернаго народа, представляемаго грифомъ, надъ культурнымъ югомъ, а именно Индіею. Всѣмъ извѣстно, насколько, со времени Александра Македонскаго, слонъ и именно боевой сталъ эмблемою восточныхъ державъ, и любопытна та страсть, сначала Рима, а, затѣмъ,

по мѣрѣ появленія слона въ предѣлахъ Европы, въ Византіи и въ новыхъ державахъ европейскаго средневѣковья къ тому, чтобы имѣть у себя слона. Затѣмъ извѣстно, завоеваніе Индіи въ началѣ средневѣковья гуннскимъ племенемъ и утвержденіе гуннской орды въ 535 году на сѣверѣ Индіи. Внѣ всякаго сомнѣнія, что въ настоящемъ изображеніи скрывается политическій смыслъ, и это есть эмблема, отвѣчавшая вполнѣ задачамъ и памятямъ Болгарской орды, вышедшей изъ нѣдръ гуннской вѣтви.

Рис. 41. Шиферная плита изъ Старой Загоры.

Въ заключеніе должно замѣтить, что на византійскихъ тканяхъ эмблема грифа стала естественно отличать одежды начальниковъ варварскихъ дружинъ, и между ними варяжскихъ по преимуществу, которые даже и звались „грифами“. Отсюда, наконецъ, съ преображеніемъ варварскихъ вождей изъ хановъ, жупановъ, воеводъ въ князей и великихъ князей, эта эмблема перешла къ послѣднимъ по историческому праву.

Плита съ изображеніемъ грифа.

Что касается второго, какъ было сказано, позднѣйшаго барельефа съ изображеніемъ грифа (рис. 41),[1] то въ немъ оказывается одна особенность, заслуживающая упоминанія, а именно, хвостъ грифа особымъ его движеніемъ продѣтъ между заднихъ ногъ и сильнымъ отбросомъ поднятъ наверхъ, причемъ большая шишка, съ завитыми на ней волосами, служила, такъ сказать, подвѣсною тяжестью, которая способствуетъ учинить подобный взмахъ. Эта деталь объясняется тѣмъ, что тѣло грифа сознавалось какъ львиное,

[1]) [См. выше указаніе на: Водачъ Соф. Муз.]

благодаря книжнымъ Физіологамъ и Бестіаріямъ это пояснявшимъ. Левъ же, готовясь къ нападенію, по разсказамъ древнихъ, передъ прыжкомъ развиваетъ въ себѣ одновременно ярость и напряженіе мускуловъ, взмахиваетъ хвостомъ, бьетъ имъ по себѣ, и хвостъ у него заскакиваетъ.[1] Ясно, что подобная, стало быть, тема нападенія грифа, какъ стража, на врага составляетъ содержаніе такихъ барельефовъ, которые назначены преграждать доступъ въ огражденное, недоступное или священное мѣсто.

Рис. 42. Шиферная плита изъ Старой Загоры.

Въ этомъ случаѣ, стало-быть, прежняя тема изображенія львовъ, мирно идущихъ цѣпью возлѣ стѣны, ограждающей царскій дворецъ, или же баллюстрады и парапета залы царскаго дворца, замѣнилась отдѣльными плитами въ средніе вѣка, и при томъ немногими, при чемъ эти барельефы уже стали ограждать лишь алтарь въ православныхъ восточныхъ церквахъ, а въ римско-католическихъ такъ называемый пресвитеріумъ — мѣсто служенія клира. Въ данномъ случаѣ, очевидно, что плита съ изображеніемъ грифа является составною частью иконостасной преграды, т. е. она вдвигалась въ особый помостъ иконостаса и столбы или колонны, которыми отдѣлялся алтарь отъ храма.

Плита съ изображеніемъ льва.

Доказательствомъ дальнѣйшимъ того же обстоятельства является тождественная плита иконостасной преграды, вновь также съ барельефомъ, на этотъ разъ представляющимъ льва (рис. 42).[2] Изображеніе льва отли-

¹) [Ср. объясненіе аналогичной детали въ рельефѣ Юрьева-Польского, Русск. Др. VI, стр. 45, рис. 88—89.]

²) [Водачъ, тамъ же.]

чается всѣми недостатками поздняго средневѣкового (не ранѣе XII вѣка) типа, по связи прежде всего слѣдуетъ отмѣтить такой же хвостъ, какъ у грифа, и такой же взмахъ его. По старой традиціи, идущей еще тоже отъ персидскихъ дворцовъ и византійскихъ тканей, левъ представленъ прыгнувшимъ, и въ тоже время онъ смотритъ на подходящаго человѣка. Его повернутая морда характерна именно для множества памятниковъ древности средневѣковья въ области промышленной: таковы, напримѣръ, блюда поливныя и чашки съ изображеніемъ льва, далѣе глиняныя черепицы для украшенія стѣнъ.

Въ данномъ случаѣ, всѣ подобнаго рода подѣлки, ставшія характерными для второго періода среднихъ вѣковъ, начиная съ X-го вѣка, какъ на Востокѣ, такъ, отчасти, на Западѣ, и широкой полосой идущія до конца XIII вѣка включительно, должны бы быть разсматриваемы въ средѣ книжнаго народнаго просвѣщенія, восточной Европы сначала, а затѣмъ и западной, породившаго новыя темы и сюжеты въ искусствѣ. Мы уже начали съ грифа, именно темы подобнаго рода и направленія, а за симъ въ древностяхъ Прѣслава должны будемъ остановиться на двухъ столь же важныхъ, а если имъ дать полное объясненіе, то еще болѣе значительныхъ и глубокихъ по содержанію и характерныхъ по отношенію этого книжнаго просвѣщенія къ древности и народнымъ преданіямъ.

Павлинъ.

Начнемъ, прежде всего, съ барельефа, представляющаго двухъ павлиновъ,[1] какъ бы взлетѣвшихъ на подставку и клюющихъ еловую шишку (рис. 43). Какъ извѣстно, павлинъ, родина котораго была нѣкогда въ Индіи, отнесенъ былъ древнимъ міромъ къ разряду міровыхъ чудесъ, наряду со сверкающими алмазами, слоновою костью, чернымъ деревомъ, бѣловатымъ золотомъ и т. д. Книга первая Царствъ въ Библіи, въ главѣ X-ой, стихъ 22, передаетъ, что царю Соломону, посылавшему свой флотъ разъ въ три года въ Тарсисъ, привозили оттуда среди другихъ рѣдкостей обезьянъ и павлиновъ. (Названіе павлина въ Индіи — „туас", въ Сиріи — „тукким" перешло въ греческомъ въ „таос" и „паво" у Римлянъ). Извѣстно, далѣе, что у грековъ павлинъ посвященъ былъ Герѣ, богинѣ неба, ради его „глазковъ" на хвостѣ. Разсказываютъ далѣе, что во времена Перикла было въ модѣ посылать городскимъ дамамъ Аѳинъ павлиновъ, и пара ихъ стоила 10 тысячъ драхмъ. У римлянъ павлинъ такъ былъ дорогъ, что тщеславные патриціи всѣ пиры соединяли съ подачею жаренаго павлина, и для этого промышленники разводили парки на пустынныхъ островахъ, гдѣ содержали павлиньи выводки. Павлиньи перья мода приспособила не только къ шляпамъ, но и опахаламъ. Въ началѣ среднихъ вѣковъ стало за обычай именно съ подачею павлина на столъ произносить тосты, давать обѣты, что у французовъ послѣдствіи называлось въ рыцарской средѣ «voeu du pân», причемъ павлина въ перьяхъ подавала на столъ сама хозяйка. Всѣ эти

[1]) [Водачъ, тамъ же, рис. 95.]

обычаи отчасти шли съ Востока, и потому павлиньи перья украшали шляпы турокъ, татаръ и русскихъ кучеровъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно желаніе учителей христіанской церкви освятить міръ, еще наполненный демонами по мысли язычниковъ, и насадить въ немъ, на ихъ мѣстѣ, небесныя силы. Вотъ почему, св. Августинъ въ своемъ сочиненіи о „градѣ Божьемъ[1]" первый сообщилъ суевѣрное преданіе, что мясо павлина не

Рис. 43. Шиферная плита изъ Старой Загоры.

поддается гніенію, и потому въ немъ божественная мудрость дала людямъ, стало быть, случай помышлять о безсмертіи человѣческой души. Такимъ образомъ, павлинъ былъ по этому внутреннему смыслу сближенъ съ райскою птицею — такъ называемымъ фениксомъ, котораго родина была также Индія.

Связь павлина съ фениксомъ многообразная и нерѣдко, какъ напримѣръ, и въ данномъ случаѣ, она требуетъ при изображеніи павлиновъ припоминать основныя сказочныя черты этой баснословной райской птицы. Связь павлина съ фениксомъ такова, что ту и другую называютъ „райскими" птицами, обѣ происходятъ изъ Индіи и, какъ видно изъ указаннаго текста Августина, книжные начетчики нерѣдко смѣшивали эти два вида волшебныхъ птицъ. Наружное сходство заключается у нихъ въ особомъ головномъ плюмажѣ или хохолкѣ, состоящемъ изъ двухъ или чаще трехъ торчащихъ

Связь павлина съ фениксомъ.

[1]) [S. Augustini: De civitate Dei, l. XXI c. IV; ed. Teubner (Leipzig 1905), II, p. 492.]

изъ головы птицы перышковъ. Вмѣстѣ эти перья явно сближались съ перистыми украшеніями коронъ и вѣнцовъ владѣтельныхъ и воинскихъ, и потому понятно, что натуральныя перья птицъ на головѣ феникса и павлина, какъ будто, замѣняются коронкою изъ трехъ лучей, съ шариками, а въ позднѣйшее время (въ славянскихъ народныхъ вышивкахъ) даже

Фениксъ. крестиками наверху. Фениксъ играетъ уже въ глубокой древности, въ странахъ Азіи, роль чудесной птицы и, въ своемъ родѣ, образа высшей божественной силы. Въ отличіе отъ другихъ сказочныхъ животныхъ и птицъ фениксъ не имѣетъ, однако, вовсе реальной основы, и воображеніе составило его, по догадкѣ Мюнстерберга,[1] изъ двухъ птицъ — павлина и фазана. Несмотря на такое отсутствіе реальной основы, уже въ эпоху до Р. Хр., или, точнѣе, вмѣстѣ съ династіею Ханъ искусство Китая усвоило себѣ во всѣхъ отдѣлахъ живописи и скульптуры, художественной промышленности и на тканяхъ эмблему феникса, какъ священный знакъ высшей власти міра въ природѣ и въ людяхъ. Разсказы о чудесной птицѣ появились въ эпоху Р. Хр. и въ древнемъ мірѣ. Натуральная исторія Плинія Младшаго въ главѣ X, II передаетъ,[2] что Эѳіопляне и Іудеи вѣрятъ въ существованіе необыкновенныхъ птицъ и, между прочимъ, въ замѣчательную птицу Аравіи — феникса, хотя, говоритъ онъ, вѣроятно, сказочную, существующую неизвѣстно гдѣ и живущую одиноко во всемъ мірѣ, большихъ орлиныхъ размѣровъ, съ блестящею какъ золото шеей, и пышнымъ хвостомъ цвѣтовъ: пурпура, розы и лазури, и перистою „челкой" *(apex)* на головѣ, какъ почетнымъ знакомъ. Изъ этого описанія болѣе или менѣе ясно, что чудесная птица, единственная въ своемъ родѣ, должна была стать рано предметомъ легенды, и потому фениксъ, явно, сталъ представлять собою солнечную птицу, которая одинока, какъ само солнце,

---

[1]) Münsterberg, Chinesische Kunst, I. 1910.

[2]) C. Plinii: Hist. Natur., lib. X, c. II »De phœnice« даетъ точный перечень смутныхъ представленій греко-римской древности о фениксѣ, какъ можно видѣть и въ краткомъ извлеченіи его текста: Aethiopes atque Indi discolores maxime (чрезмѣрно пестраго оперенія) et inenarrabiles ferunt aves, et ante omnes nobilem Arabiæ phœnicem, haud scio ave fabulose, unam in toto orbe, nec visum magnopere. Aquilæ narratur magnitudine, auri fulgore circo colla, cetero purpureus, cæruleam roseis caudam pennis destinguentibus, cristis fauces, caputque plumeo apice honestante«. Сенаторъ Манилій сообщаетъ о немъ, что никто не видалъ феникса питающимся, что онъ посвященъ въ Аравіи солнцу, живетъ 560 лѣтъ и, состарившись, строитъ себѣ изъ вѣтвей гнѣздо, и, наполнивъ его благоуханіями, въ немъ умираетъ. Изъ праха его родится червь и становится птицею, хоронитъ умершаго и уноситъ гнѣздо въ городъ солнца близъ Панхаи (prope Panchaiam) и кладетъ на алтарь. Кругъ временъ года совпадаетъ съ жизнью феникса, и возвращаются на свое мѣсто времена и знаки ихъ, какъ утверждаетъ Манилій, и бываетъ это возстановленіе въ день знака Овна въ полдень. Подобное свидѣтельство передаетъ Плиній о появленіи феникса въ Египтѣ и въ 800 году (anno Urbis DCCC) въ Римѣ, но этотъ случай могъ, по мнѣнію Плинія, произойти и съ мнимымъ фениксомъ (sed quem falsum esse nemo dubitaret). Къ этому можно прибавить, что отношеніе феникса къ гармоніи временъ года является указаніемъ на китайскій источникъ басенъ о фениксѣ.

и которая также вѣчна, какъ и оно само, но также умираетъ, какъ опять ежедневно умираетъ солнце. Было бы излишне по данному поводу отыскивать древнѣйшія залежи этого миѳологическаго типа, и мы ограничимся указаніемъ на матеріалы, представляемые въ этомъ отношеніи иконографіей восточныхъ цилиндровъ Западной Азіи,[1] которые изображаютъ въ различные періоды древности неизвѣстныхъ миѳологическихъ птицъ могучей силы, какъ ближайшихъ слугъ Бога-Солнца. На указанной основѣ естественно возникаютъ древнія сказанія о томъ, что фениксъ живетъ всегда одиночно, долго, но находитъ себѣ смерть въ огнѣ, какъ солнце въ вечерней зарѣ, и затѣмъ, тотчасъ изъ пепла воскресаетъ къ новой жизни въ обновленномъ видѣ. Затѣмъ, еще въ языческой миѳологіи образовалось представленіе, что фениксъ прилетаетъ изъ Аравіи въ Египетъ, сгораетъ въ храмѣ Бога-Солнца и возрождается изъ оставленнаго въ пеплѣ яйца. Дальнѣйшіе разсказы передаютъ болѣе подробно, что фениксъ живетъ 500 лѣтъ, питается каплями ѳиміама, вьетъ себѣ гнѣздо въ вѣтвяхъ пальмы изъ благовонныхъ растеній. Затѣмъ, разсказывали, что, когда фениксъ прилетѣлъ въ Египетъ въ 34 году по Р. Хр., то его появленіе очень заняло тогдашнихъ греческихъ ученыхъ, потому, что его опереніе отличалось отъ всѣхъ прочихъ птицъ, и онѣ провожали его стаею, дивясь ему; что жрецы Гелеополя знали это появленіе феникса и провѣряли его прилетъ по годамъ на основаніи древнихъ книгъ, отыскивая на его тѣлѣ тайные знаки. Равно передавали, что онъ живетъ въ Индіи и, имѣя фигуру орла, блеститъ какъ золото, что онъ болѣе прекрасенъ, чѣмъ даже павлинъ, больше размѣромъ, и что изъ его праха появляется червячекъ, который, будучи пригрѣтъ солнцемъ, становится новымъ фениксомъ.

Отсюда, для нашего памятника существенно важно значеніе феникса, какъ образа безсмертія, въ видѣ райской птицы, которое изображается на христіанскихъ саркофагахъ, и даже, въ монументальныхъ алтарныхъ мозаикахъ. Такъ напримѣръ, въ мозаикѣ римской церкви свв. Космы и Даміана, сирійскихъ святыхъ цѣлителей-врачей, по сторонамъ Спасителя, появляющагося въ небесахъ, свв. Косма и Даміанъ приводятся къ его образу апостолами Петромъ и Павломъ. Смыслъ торжественной сцены объясняется оживившеюся въ римскомъ народѣ вѣрой и надеждой на святыхъ врачей въ періодъ жестокаго чумнаго мора. Римская церковь, представляемая двумя апостолами, подводитъ врачей — божьихъ слугъ къ подножью Божества, которое въ образѣ Бога Слова, простирая руку, объявляетъ спасеніе. По сторонамъ сцены двѣ пальмы имѣютъ наверху символическіе образы безсмертія — двухъ фениксовъ. Головы ихъ въ сліяніи — нимбѣ. Въ этомъ смыслѣ даже и декоративныя произведенія знаютъ изображенія, если не самихъ фениксовъ, то павлиновъ, которые замѣняли собою райскую птицу, сначала исключительно съ декоративною задачею на тканяхъ,

---

[1]) **Ward**, W. H. The Seal cylinders of Western-Asia 1910, гл. IV, XV, XXII, XIX и др.

а затѣмъ съ внутреннимъ религіознымъ смысломъ, такова, напримѣръ, знаменитая ткань, находящаяся въ соборѣ Тулузы.[1]

Плита съ изображеніемъ павлиновъ.

Настоящій барельефъ изображаетъ павлиновъ въ опредѣленной сакральной обстановкѣ: два павлина взлетѣли на символическій фонтанъ, представленный чашею на столбѣ, изъ которой поднимается трубка, оканчивающаяся подобіемъ еловой шишки, точащей воду, но рѣзчикъ, копировавшій свой оригиналъ и задумавшій представить павлиновъ на лету или взлетѣвшими, изобразилъ самую чашу и, не понявъ того, что еловая шишка въ такихъ фонтанахъ бывала бронзовая, заставилъ одного павлина клевать ее, такъ какъ обычно пары птицъ на подобныхъ изображеніяхъ клюютъ плодъ или цвѣтокъ. Но все цѣлое даннаго изображенія, ясно, показываетъ намъ назначеніе этого барельефа украшать, въ качествѣ вставной плиты, также иконостасную преграду, чему отвѣчаетъ ея декоративный характеръ и наряду легендарный религіозный смыслъ...[2]

Памятники съ изображеніемъ того же сюжета.

Существенно указать на стилистическія особенности даннаго барельефа по сравненію съ другими барельефами той же темы. А именно, мы имѣемъ для сравненія, во І-хъ — двѣ плиты средневѣковаго Рима и, равнымъ образомъ, двѣ плиты Венеціи, и, наконецъ, одну плиту мозаики древнехристіанскаго періода въ музеѣ Аквилеи, съ которой и начнемъ разсмотрѣніе другихъ изображеній для сравненія съ болгарскимъ.

Мозаика Аквилеи.

Древнехристіанская мозаика Аквилеи принадлежитъ къ IV или, по крайнему предѣлу, къ V вѣку, и даетъ изображеніе павлина, прогуливающагося среди разводовъ виноградной лозы, грозди которой щиплетъ птица. Лоза протянута шпалерами, птица пробирается среди побѣговъ, которыхъ грозди еще только завязались, рядъ побѣговъ мелкихъ усиковъ свиваются спиралями, не находя прицѣпки.[3] Какъ то обыкновенно бываетъ, изображеніе павлина здѣсь вполнѣ реально и, можно сказать, напоминаетъ рисунокъ въ атласѣ, настолько точно передана самая фигура птицы и ея оперенія, начиная съ чешуйчатой шеи и спины и кончая пышнымъ хвостомъ съ „глазками", распредѣленными по золотистому фону. Важнѣйшая характеристика реальнаго рисунка заключается въ томъ, какъ переданъ извѣстный хохолокъ птицы: онъ состоитъ изъ группы стерженьковъ, заканчивающихся малыми пёрышками, что образуетъ такъ называемый „султанъ". Число такихъ стерженьковъ въ натурѣ у павлина бываетъ до шести, и, какъ всѣмъ извѣстно, на этомъ признакѣ построяются, обычно, эгретки, или султаны и „таши" — головныхъ украшеній владыкъ, изъ перьевъ съ драгоцѣнными камнями наверху.

---

[1]) O. v. Falke, рис. 250.

[2]) Ср. тождественную чашу — фонтанъ, среди разводовъ винограда, и съ такою же сосновою шишкою наверху, но съ двумя пьющими изъ чаши зайцами, на плитѣ изъ Коніи, VIII или IX вѣка: Musées Ottomans. Catalogue des Sculptures par G. Mendel, t. II. 1914, рис. на стр. 484.

[3]) Фотографія Алинари № 20897. [См. также: G. Niemann a H. Swoboda: Der Dom zu Aquileia, Wien 1906, taf. X.].

Рельефы Равенны и Рима.

Сравнительно съ этимъ художественно-реальнымъ наброскомъ мы имѣемъ уже въ Равеннѣ чисто декоративное представленіе вазы, изъ которой выходятъ двѣ лозы винограда, заполняющія фонъ плиты; посреди этихъ двухъ разводовъ изображена монограмма Христа, съ крестомъ вмѣсто буквы X и присоединеннымъ знакомъ P; два павлина помѣщены здѣсь на подымающихся вѣтвяхъ винограда по сторонамъ этой монограммы. Эти два павлина являются здѣсь уже символомъ безсмертія, а самая плита принадлежитъ саркофагу. На головахъ павлиновъ такой же хохолокъ, въ видѣ пучка пёрышковъ. Плита относится къ VI вѣку.[1]

Въ церкви Маріи въ Космединѣ, въ Римѣ, имѣется уже декоративная плита съ крестомъ, орнаментально раздѣланнымъ, и листвою аканѳовъ, и двумя розетками. На волютахъ креста два павлина пьютъ изъ чашъ, поставленныхъ на рукава креста. Уродливый рисунокъ фигуръ этихъ птицъ и ихъ пышныхъ, свѣшивающихся хвостовъ отвѣчаетъ грубости обычныхъ ремесленныхъ скульптуръ лангобардскаго періода Италіи и относится къ IX вѣку. Въ силу грубости работы, или скрытаго символизма, хохолокъ павлиновъ представленъ въ видѣ трехъ перьевъ.[2]

Рельефы св. Марка въ Венеціи.

Дальнѣйшее развитіе представляютъ рельефы плитъ церкви св. Марка въ Венеціи. На первой изъ этихъ плитъ[3] по принятому уже шаблону изображена желобчатая ваза, изъ нее поднимается виноградный стволъ, образуя двѣ расходящіяся вверху вѣтви, но уже листья и грозди имѣютъ характеръ орнаментальной схемы, далекой отъ натуры. Но, что особенно важно для насъ, въ центрѣ развода исполненъ одинъ листъ, какъ бы неразвитой пальмовой вѣтки, которая имѣетъ форму, подобную сосновой шишкѣ болгарскаго рельефа, и объясняетъ ея появленіе на стволѣ, выходящемъ изъ вазы.[4] Два побѣга по сторонамъ этого листа даютъ профиль листьевъ аканѳа, или медвѣжьей лапы. Затѣмъ, самыя фигуры птицъ превращены тоже въ орнаментальную схему: короткіе хвосты съ рядами стержней и кружковъ, на нихъ идущихъ рядами, замѣняютъ натуральный хвостъ павлина. Крылья павлина несоразмѣрно коротки, лапы еще сохраняютъ натуральное строеніе птицъ куриной породы, но уже схематически одна нога приподнята и ищетъ опоры. Но еще важнѣе, въ смыслѣ символизма райской птицы, что ея хохолокъ сдѣланъ троичнымъ и представленъ въ видѣ трехъ стержней, съ тремя солнечными кружками наверху. Этого рода священная коронка павлина въ эту эпоху является уже у него общею со сказочною райской птицею — фениксомъ, и она уже будетъ сопровождать

---

¹) [Воспроизведенія см.: O. M. Dalton: East Christian art, Oxford 1925, pl. LXIX, 2. O. Wulff: Altchristliche und byzantinische Kunst, I, abb. 180. Ch. Diehl, Manuel, I, fig. 140; ср. плиту баллюстрады ц. св. Аполлинарія Новаго, ibidem, fig. 142.]

²) [Воспроизведеніе см. у A. Colasanti: L'art byzantin en Italie. Milano, pl. 79.]

³) [Воспроизведеніе у Colasanti, o. c., pl. 87.].

⁴) [Деталь шишки имѣется также и на плитѣ съ изображеніемъ двухъ грифовъ, см. выше, рис. 40.]

образъ павлина повсюду, какъ райской птицы въ народномъ искусствѣ, не только средневѣковья, но и современномъ -- вышивкахъ. Второй декоративный барельефъ (рис. 44) на лѣвой сторонѣ базилики св. Марка при-

Рис. 44. Рельефъ на соборѣ Св. Марка въ Венеціи.

ближается къ нашему барельефу, потому что представляетъ здѣсь вновь фонтанъ, котораго средняя часть — въ видѣ вазы, верхняя часть въ формѣ ложблённаго столбика съ раковиннымъ зонтомъ наверху. Двѣ птицы внизу, неестественно завернувъ головы, пьютъ изъ чаши (что доказываетъ, что и нашъ барельефъ представляетъ тотъ же фонтанъ), а два павлина наверху, стоящіе на головахъ этихъ птицъ, какъ бы клюютъ цвѣточный зонтъ, изъ фонтана поднявшійся. Эта плита принадлежитъ XII вѣку, тогда

какъ предъидущая, по всей вѣроятности, къ XI вѣку. И такимъ образомъ, болгарскій барельефъ является работою XI вѣка, но болѣе схематичной, чѣмъ всѣ нами приведенные. Что для насъ имѣетъ существенное значеніе, въ отличіе отъ указанныхъ памятниковъ Запада, это восточныя детали болгарскаго изображенія. А именно крылья птицы подѣлены на двѣ части: полукруглый щитокъ и собственно загнутое крыло. Первый щитокъ, съ чешуйчатою внутренностью, отличаетъ собою всякое восточное крыло,

Рис. 45. Шиферная плита изъ Старой Загоры.

какъ напримѣръ, у грифа, крылатаго льва или крылатаго коня, второй, загнутый въ одну сторону внутрь, какъ бы хвостъ, также идетъ изъ глубокой древности восточнаго искусства. Въ западныхъ изображеніяхъ нигдѣ нѣтъ подобныхъ щитковъ и крыло не загибается внутрь. Что же касается сосновой шишки, то мы уже указывали на ея сакральное употребленіе на Востокѣ: на ассирійскихъ барельефахъ въ рукахъ царя и бога, и можемъ указать еще на распространеніе той же эмблемы въ средневѣковомъ искусствѣ Востока — Персіи, Тибета и пр....

Плита съ изображеніемъ двуглаваго орла.

Плита съ изображеніемъ въ рельефѣ двуглаваго орла[1] (рис. 45) является замѣчательной исторической эмблемой и подобно предъидущимъ требуетъ посильнаго историческаго объясненія, или, точнѣе говоря, хотя исторической постановки зародившихся сравнительно въ недавнее время въ археологіи объ этомъ орлѣ вопросовъ. Правда, вопросъ этотъ сначала не

[1]) [См. Водачъ Соф. Муз., стр. 195.]

былъ вовсе археологическимъ и научнымъ, и его, скорѣе, можно было бы назвать историческимъ анекдотомъ и даже не болѣе того. Историческій анекдотъ относился, какъ извѣстно, къ политической или государственной эмблемѣ или гербу двуглаваго орла, извѣстнаго какъ гербъ Византіи, нѣкоторыхъ славянскихъ державъ и русскаго царства. Сначала его объясняли, какъ образную композицію политическаго происхожденія и значенія, но, затѣмъ, оказалось, что двуглавый орелъ имѣетъ свою иконографію религіознаго происхожденія, идущую изъ глубокой дервности передне-азіатскихъ государствъ. Такъ, на извѣстномъ барельефѣ въ мѣстности Богаз-Кёй, въ Каппадокіи, на мѣстѣ древняго Птеріума, столицы Хеттитовъ или народовъ Хета, находится изображеніе двуглаваго орла, служащаго подножіемъ двухъ женскихъ божествъ съ коронами на головахъ и скипетрами въ рукахъ, встрѣчающихъ владыку Хеттитовъ, подходящаго къ нимъ, въ короткой одеждѣ, съ остроконечнымъ колпакомъ на головѣ и булавою въ рукахъ.[1]

Двуглавый орелъ, какъ эмблема, ея смыслъ и исторія.

Эмблема имѣетъ здѣсь уже сложившуюся вполнѣ композицію, а именно орла съ поднятыми и распростертыми крыльями и двумя головами орлиными, обращенными въ разныя стороны; по отношенію къ нашему рельефу эмблема совершенно также скомпанована, съ тою лишь разницею, что на рельефѣ въ Богаз-Кёй крылья подняты кверху или, вѣрнѣе, вскинуты наверхъ и загнуты, тогда какъ на нашемъ рельефѣ они опущены внизъ. Естественно, затѣмъ, въ связи съ другими зооморфическими эмблемами и символическими фигурами Месопотаміи и Персіи, эмблема была приведена въ связь съ общимъ вѣрованіемъ въ различныхъ религіяхъ Азіи въ невѣдомыхъ или сказочныхъ и волшебныхъ птицъ колоссальнаго размѣра, которыя въ результатѣ обычнаго религіознаго процесса, превратились изъ божескихъ существъ въ ихъ слугъ, вѣстниковъ или демоновъ, благихъ для человѣка и связующихъ его землю съ небесною обителью, и которыя въ различныхъ миѳологіяхъ получили рядъ названій, прозвищъ и даже собственныхъ именъ, тоже въ порядкѣ обычнаго миѳологическаго процесса. Таковы „ногъ“ или „ногуй“, „гаруда“, „рох“ Арабовъ, „каршипта“ — Персовъ, „имгигъ“ у Хеттовъ, „симургъ“ у Фирдоуси и мн. др. Эти варіаціи одного и того же типа, идущія изъ древнѣйшихъ основъ азіатскихъ религій, необходимо имѣть въ виду для соотвѣтственнаго выдѣленія различныхъ типовъ въ средневѣковомъ спискѣ греко-восточныхъ сказочныхъ птицъ книжнаго происхожденія, но того же религіознаго источника.

Среди множества миѳологическихъ сюжетовъ колоссальной птицы, подымающей въ своихъ когтяхъ большихъ животныхъ и даже хищныхъ звѣрей, было обращено особое вниманіе на рядъ печатей – цилиндровъ Месопотаміи,[2] а затѣмъ и Сиро-хеттитскихъ, изображающихъ подобныя

[1]) [Воспроизведеніе см.: G. Perrot et Ch. Chipiez: Histoire de l'art dans l'antiquité, t. IV, pl. VIII.]

[2]) Ward, W. H. The Seal cylinders of Western Asia. Washington, 1910, IV: Archaic cylinders, The eagle of Lagash, fig. 56—75.

фигуры птицъ, хватающихъ добычу въ присутствіи божествъ, и, между прочимъ, древнѣйшихъ цилиндровъ съ подобною темою орла, такъ называемаго орла „Лагаша“ (города Месопотаміи). Правда, этотъ могучій орелъ, хватающій когтями двухъ ланей разомъ, или двухъ ибексовъ (каменный козелъ), или же двухъ змѣй, имѣетъ только одну голову, иногда подобіемъ львиную (на цилиндрѣ и на вазѣ Энтемены),[1] но, такъ какъ орелъ схватываетъ когтями обѣихъ ногъ двухъ животныхъ, а между тѣмъ голова смотрить только въ одну сторону, то естественно предположить, что ради обычной симметріи и ради полноты изображенія, по шаблону, слѣдовало и пришлось составить фигуру этого орла съ двумя головами. Впослѣдствіи подобный орелъ сталъ эмблемою богини Иштаръ и вмѣстѣ съ распространеніемъ ея культа явился слѣдовательно, болѣе или менѣе, повсюду въ мѣстахъ ея культа. Богиня плодородія и въ то же время богиня смерти, сходящая подъ землю и вновь выходящая на поверхность ея, чтилась въ Месопотаміи и Финикіи, подъ именемъ Астарты и многочисленныхъ прозвищъ, въ образахъ ее представляющихъ и ее сопровождающихъ животныхъ, являясь первичною формою или оригиналомъ Афродиты и связанныхъ съ нею культовъ. Равно и самый орелъ является, по существу, воплощеніемъ солнечнаго божества и поднимается до солнца, чтобы взять, какъ бы небесный огонь. По правдоподобной догадкѣ, выработанной С. Рейнакомъ, орелъ первоначально представлялъ собою того титана (Прометея), который похитилъ огонь съ неба, подарилъ его людямъ и котораго Зевсъ поразилъ вѣчною казнью, приковавъ его къ скалѣ, гдѣ орелъ долженъ былъ пожирать его постоянно выроставшую печень.[2]

Какъ можно видѣть на изображеніяхъ, имѣющихся въ многочисленныхъ цилиндрахъ въ изданіи Ward'a, орелъ данной темы представляется постоянно со своею выставленною передъ нами грудью, крыльями, видными съ испода и распростертыми иногда даже въ линію, какъ эмблема солнечнаго божества (Ашура) и, наконецъ, съ двумя разставленными ногами, т. е. именно въ положеніи, напоминающемъ фигуру распятаго человѣка. Предлагая такое дополненіе къ миѳологическому построенію внимательнаго историка культовъ древности С. Рейнака, мы можемъ указать еще на одно возможное соображеніе, которое подтверждаетъ такую догадку. Мало кто знаетъ, что русскій народъ называетъ „двуглаваго орла“ государственнаго герба — „орломъ пластаннымъ“, равно, по нашему, „орломъ распластаннымъ“, т. е. какъ будто считаетъ фигуру орла разрѣзанною на двѣ половинки и распластанною.

---

[1]) [См.: L. Heuzey: Le vase d'argent chaldéen d'Entéména, decouvert par Mr Sarzec. Monuments Piot. t. II, 1895. Также воспроизведеніе большого (8—3½ фута) мѣднаго рельефа, найденнаго въ 1919 году, нынѣ въ Британскомъ Музеѣ, въ журналѣ Illustrated London News, May 14, 1927.]

[2]) [Sal. Reinach: Aetos Prometheus. Cultes, mythes et religions, t. III (IIe éd. Paris 1913), p. p. 68—91.]

Но, если иконографія двуглаваго орла можетъ быть посильно и предположительно объяснена, то несравненно труднѣе смутный пунктъ о политическомъ использованіи этой эмблемы. Прежде всего, не вполнѣ достовѣрно опредѣленіе этой эмблемы, какъ государственнаго символа Византіи, развѣ только съ 1048 года, причемъ по рефлексу считаютъ возможнымъ въ двухъ головахъ такого орла прозрѣвать имперію восточную и западную. На монетахъ Византіи употребилъ данную эмблему[1] впервые властитель Трапезунда Василій Комненъ (1333—1340), но только одноглаваго орла, а двуглаваго впервые властитель Метелина Гатилузіо (1400—1449), затѣмъ двуглавало орла имѣлъ на своихъ монетахъ деспотъ Иванъ Оливеръ XIV вѣка, и цари Болгарскаго царства Георгій Тертеръ (1279—92) и Михаилъ Шишманъ XIV же столѣтія, равно Тверской великій князь Михаилъ Борисовичъ. Въ то же время извѣстный болгарскій нумизматъ Н. А. Мушмовъ считаетъ ошибочнымъ указаніе, будто бы двуглавый орелъ былъ на монетахъ Мануила III Комнина Трапезундскаго (1390—1417 г.), и равно, ошибочною догадку извѣстнаго русскаго нумизмата барона Кӧне — будто бы трапезундскіе императоры выбивали на своихъ монетахъ двуглаваго орла.

Если эта политическая сторона сюжета остается смутной въ Европѣ, то декоративная тема этой фигуры является понятной для различныхъ прилѣповъ средневѣковой скульптуры,[2] и можно указать между ними на первомъ мѣстѣ настоящую фигуру, носящую на себѣ черты ранняго шаблона. Прежде всего, крылья орла въ данномъ изображеніи подѣлены на чешуйчатый верхъ и перистые хвосты по восточному загнутые, для сравненія имѣемъ рядъ изображеній на тканяхъ.[3] Въ сводѣ средневѣковыхъ шелковыхъ тканей изданія Отто Фальке почти всѣ подобныя ткани принадлежатъ Багдаду, Ираку и Сельджукскимъ властителямъ. Въ царствѣ Ортакидовъ (Амида), около 1200 года двуглавый орелъ является предпочтительнымъ знакомъ или эмблемою, употребительною у туркменовъ и курдовъ Каппадокіи и Ирака, въ Каирѣ и Амидѣ, и при Саладинѣ въ Коніи.[4] Въ сборникѣ Фальке двѣ ткани происходятъ изъ Багдада, начала XIII вѣка, третья имѣетъ куфическія письмена на груди орла, также мусульманской работы, четвертая (№ 184) изъ Испаніи, пятая (185) также изъ мастерскихъ Андалузіи, слѣдующія двѣ (№№ 200 и 202) изъ Сицилии, и послѣдняя даже представляетъ двуглаваго орла, подымающаго когтями двухъ львовъ. Въ дополненіе

[1]) Монетитѣ и печатитѣ на Българскитѣ царе отъ Никола А. Мушмовъ, София 1924, 29—30.

[2]) [См. напр. скульптурныя изображенія двуглаваго орла съ двумя змѣями на стѣнахъ церквей въ Episcopi и въ Volo, въ Θессаліи, Bulletin de correspondance Hellénique 1920, p. 191, fig. 4—6, 12. Плита съ двуглавымъ орломъ геральдическаго типа имѣется въ митрополіи въ Мистрѣ, въ Пеллопонесѣ. См. также одноглавыхъ орловъ на плитахъ въ Св. Софіи въ Охридѣ и на рѣзныхъ дверяхъ въ ц. Св. Николая тамъ же, Н. П. Кондаковъ: Македонія, рис. 159, 160 и табл. III.]

[3]) O. v. Falke, Kunstgeschichte der Seidenweberei 1913, рис. 157—160, 163, 184, 185, 200—202. Одноглаваго орла восточнаго типа рис. 144. Также одноглаваго орла на имп. мантіи см. въ сборникѣ Hefner-Alteneck, Trachten des Mittelalters, I, табл. 22.

[4]) [Также въ Эрзерумѣ, скульптурныя украшенія Якутье-медресе и Чифте-минаре-медресе.]

къ тканямъ тотъ же оборникъ приводитъ снимки гербовъ царства Ортакидовъ въ Амидѣ, герба Коніи и Багдада 1220 года. Далѣе извѣстно, что въ 1340 году императоръ Андроникъ далъ Андрею Музаки за его побѣду вмѣстѣ съ титуломъ деспота Епира гербъ съ фигурою двуглаваго орла. Дюканжъ приводитъ въ своей византійской исторіи (XXXVII) гербъ Ласкариса 1206 года. Державный гербъ Византіи съ 1048 года подобнаго типа принесенъ Комнинами изъ Пафлагоніи. Всѣ эти данныя убѣждаютъ насъ, что декоративныя плиты подобнаго рода, какъ восточные гербы, могли именно быть оффиціально приняты болгарскими царями, происходившими изъ куманскихъ князей (Георгій Тертеръ и Михаилъ Шишманъ). Наконецъ, приведя нашъ барельефъ въ связь съ указанными тканями, а равно и скульптурными гербами той же темы — двуглаваго орла, естественно заключить, что болгарская плита есть опредѣленное подраженіе гербамъ эмировъ и, можетъ быть, султановъ, съ которыми, уже по признаваемой старинѣ, могли признавать себя въ свойствѣ бывшіе ханы, ставшіе царями Болгаріи. На томъ же основаніи считаемъ, что плита съ вырѣзаннымъ двуглавымъ орломъ, заложенная въ позднѣйшій алтарь, у подножья престола, въ Марковомъ монастырѣ въ окрестностяхъ Скоплье, принадлежитъ, по своему происхожденію, Болгаріи[1]...

Общій характеръ болгарскихъ древностей.

Древности азіатскихъ кочевыхъ народовъ, перешедшихъ въ Европу, представляютъ собою уму историка любопытное явленіе опредѣленной политической реакціи въ сторону азіатскаго Востока и его традицій. Именно въ этомъ смыслѣ мы имѣли случай наблюдать рядъ различныхъ пунктовъ въ проявленіи такого возврата къ собственнымъ древностямъ и художественнымъ традиціямъ, какъ религіознымъ формамъ и обрядамъ у скиѳовъ и сарматовъ южной Россіи. Точно то же самое приходится археологу видѣть въ древностяхъ Аланъ, Гунновъ, Аваровъ и Болгаръ въ пору средневѣковья, и именно этимъ общимъ явленіемъ слѣдуетъ, прежде всего, руководиться, даже въ наблюденіяхъ частностей быта, религіи и искусства кочевыхъ народовъ. Въ противоположность тѣмъ историкамъ, которые, прикасаясь единственно къ политической оболочкѣ смутной поры европейскаго средневѣковья, видятъ въ кочевникахъ только грабителей и разбойниковъ, археологъ долженъ, прежде всего, принимать во вниманіе ту психическую реакцію, которая должна была лежать въ основаніи ихъ быта на новыхъ мѣстахъ. Мы уже констатировали фактъ подобнаго возвращенія къ Востоку въ появленіи барельефа съ грифомъ и слономъ, другого со львомъ, третьяго съ двумя павлинами и, наконецъ, четвертаго съ двуглавымъ орломъ, и должны были признать въ нихъ исконное восточное происхожденіе, или, по крайней мѣрѣ, ихъ восточную родину. Въ настоящемъ случаѣ, обращаясь къ орнаментальнымъ плитамъ (№№ 369, 371, 372, 374, 377,

---

[1]) [См. Н. П. Кондаковъ: Македонія, стр. 184, а также рѣзныя изображенія двуглаваго орла на фрагментахъ отъ паникадила (съ надписью краля Влкашина) въ томъ же храмѣ. Др. Л. Мирковић и арх. Ж. Татић: Марков Манастир. Народни Музеј у Београду. Српски споменици III. 1925, стр. 6 и рис. 26 на стр. 27.]

380[1]) — Софійскаго Народнаго музея, происходящимъ изъ города Прѣслава, гдѣ онѣ были найдены въ развалинахъ княжескаго дворца X—XI вѣка, мы должны путемъ стилистическаго разбора выяснить ихъ историческій типъ.

Въ виду этого археологамъ Болгаріи въ будущемъ, при разслѣдованіи памятниковъ древнѣйшей болгарской территоріи, содержащей развалины первыхъ становъ кочевой орды, явно, придется сопоставлять памятники другъ съ другомъ въ историческомъ порядкѣ. То самое уже сдѣлалъ извѣстный своими работами по болгарскимъ древностямъ К. Шкорпилъ, и его статья о Прѣславѣ съ планами этой древней столицы уже содержитъ сопоставленіе плановъ Абобы и Прѣслава въ одинаковомъ масштабѣ, ради показанія ихъ существенной близости или родства. Это родство плановъ построекъ, раздѣленныхъ временемъ, объясняется естественнымъ тяготѣніемъ, такъ сказать, къ историческому народному типу.

Вопросъ о ханской усыпальницѣ.

Какъ извѣстно, надпись Омортага указываетъ на существованіе гдѣ-то имъ устроенной царской усыпальницы между Прѣславомъ и Дунаемъ, но по неизвѣстному направленію. Восточныя успальницы кочевниковъ, видимо, имѣли въ основаніи типъ дома, юрты, царской усыпальницы, дворца съ опредѣленными оградами, дѣленіями огражденной территоріи и т. д. Типы азіатскихъ усыпальницъ воспроизводятъ, приблизительно, типы жилыхъ помѣщеній, а царскія усыпальницы — царскихъ дворцовъ, но, конечно, въ извѣстной сакральной формѣ, а эта сакральная форма есть форма традиціональная. И вотъ что, напримѣръ, сообщаетъ А. А. Ешевскій объ императорской усыпальницѣ близъ Мукдена: она представляетъ собою продолговатый большой дворъ, обнесенный оградою, въ которой имѣются только ворота въ передней части: тріумфальные — въ узкой части — и — на боковой рядомъ — небольшіе служебные ворота. По обычаю ворота покрыты башней, съ тройнымъ входомъ, отъ нихъ начинаются аллеи, проходящія черезъ средину двора и одинъ разъ поперекъ него. По обѣимъ сторонамъ аллей стоятъ пьедесталы съ парами (по обѣимъ сторонамъ аллеи двѣ статуи) слоновъ, верблюдовъ, коней и, затѣмъ, за ними, закрывая ограду, идетъ по обѣ стороны паркъ изъ вѣковыхъ сосенъ. Посрединѣ перваго двора стоитъ кіоскъ, внутри котораго водружена каменная призма или обелискъ на черепахѣ. Первый дворъ оканчивается оградою, въ серединѣ которой имѣются опять ворота и вратная башня. Этотъ второй дворъ является, какъ бы, пріемною частью для родственниковъ и близкихъ людей, приходящихъ поминать покойника, и онъ малаго, сравнительно, размѣра, почти четверть размѣра большого двора, въ немъ съ лѣвой стороны отъ входа имѣется, какъ-бы, эдикулъ съ котломъ для сожженій. Дворикъ заканчивается опять оградою, за которой непосредственно имѣется ровъ и охотничій паркъ изъ лиственныхъ деревъ и, наконецъ, четвертый дворикъ, въ видѣ полукруга, устроеннаго на холмѣ и окруженнаго крѣпостными стѣ-

[1]) [См. Водачъ, Соф. Муз., стр. 191 и рис. 87.]

нами. На небольшомъ холмикѣ вѣковая сосна, подъ которой находится могила китайскаго императора. Весь планъ и все устройство усыпальницы, дворы, лѣсные парки, аллеи декоративнаго характера изъ статуй и животныхъ и звѣрей, устройство могилы на холмѣ, — все это составляетъ вѣковую традицію, общую большинству азіатскихъ культурныхъ державъ и, равнымъ образомъ, перенимавшихъ эти образцы кочевыхъ хановъ. Сравнивая, затѣмъ, изданные съ большимъ вниманіемъ планы Абобы, съ сараемъ внутри, и крѣпости Прѣслава со своимъ „сараемъ", тождественные по существу, мы естественно должны ожидать, что нѣчто подобное должна будетъ представлять усыпальница Омортага, когда она будетъ найдена между Абобою и Дунаемъ, на указанной территоріи. Тою же градицiей должна быть объяснена и та звѣриная орнаментика, которую мы доселѣ разбирали.

Декоративные рельефы Прѣслава.

Перейдемъ къ декоративнымъ рельефамъ того же Прѣслава, но найденнымъ не всегда въ его развалинахъ, а нерѣдко принесеннымъ въ сосѣднія мѣстечки, рельефамъ, которые обрисуютъ намъ нѣсколько иную сторону ордынскаго быта, зажившаго, въ качествѣ слагающейся державы, въ связи съ культурной Византiей.

Эта другая сторона заключалась не только въ, такъ называемомъ, культурномъ вліяніи Византіи на бытъ кочевниковъ, но и въ перениманіи ихъ новыхъ бытовыхъ формъ, а также въ поискахъ со стороны высшаго кочевья всего того, чѣмъ поражалъ ихъ византійскій Константинополь. Несомнѣнно, вліяніе Византіи должно было начаться задолго до принятія кочевыми владыками христіанства и появленія болгарскаго царства. Въ этомъ смыслѣ тотъ рядъ барельефовъ, который мы здѣсь видимъ, мы могли бы смѣло назвать „и м п е р с к и м ъ с т и л е м ъ", хотя нѣкоторые барельефы принадлежатъ, явно, не дворцамъ Прѣслава, но первымъ церквамъ его, такъ какъ недаромъ отмѣчены внутри крестами. Всѣ эти барельефы имѣютъ, приблизительно, одинаковый размѣръ и, въ тоже время, имѣли, явно, одинаковое назначеніе быть оградою, вмѣстѣ съ тѣмъ и декоративнымъ украшеніемъ террасъ, лѣстницъ, хоръ, преградъ, пилястровъ, баллюстрадъ и карнизовъ болѣе мелкихъ. Большинство рельефовъ имѣетъ высоту 0.54 м., карнизы 0.42 м. Разбора заслуживаетъ лишь общій типъ ихъ орнамента. Въ немъ чередуются отдѣльными квадратами или квадратными полями двѣ основныя формы: пальметты, вписанной въ квадратъ, и округлаго креста съ пальметками же по угламъ квадрата. Разбирая первую форму, находимъ, что она составляется изъ схематичной пальметки внизу, какъ бы выросшей изъ двухъ побѣговъ, затѣмъ расходящихся внизъ и образующихъ поднимающіяся вновь большія пальметки, видныя въ профиль одной стороной, онѣ заканчиваются побѣгомъ, или разводомъ или усикомъ, который въ углу загибается и вновь образуетъ въ этомъ углу пальметку, опускающуюся внизъ; помимо того, изъ бутона нижней основной пальметки выходятъ вновь два побѣга, тоже образующіе малыя пальметки. Такимъ образомъ, каждый квадратъ долженъ какъ будто представлять въ выпук-

ломъ рельефѣ живую обросшую листву вокругъ мраморнаго куба — художественный мотивъ, выработавшійся на привычныхъ формахъ кубовой капители.[1] Чередующаяся промежъ этихъ крадратовъ форма крестообразнаго и округлаго щитка даетъ также привычную орнаментальную схему изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ. Она составляется изъ квадрата, или, точнѣе, квадратнаго поля на четыреугольной площади, въ этомъ квадратѣ вписанъ ромбъ, а внутри ромба вырѣзана звѣзда шести или восьми лучевая, или же четвероконечный и равноконечный крестъ. Затѣмъ, углы малаго квадрата и самого ромба, будучи орнаментированы двойнымъ контуромъ, принимаются за растительный побѣгъ и пускаютъ, во 1-хъ, округлые разводы крестообразной формы вокругъ геометрическихъ схемъ, а, во 2-хъ, образуютъ внутри этихъ разводовъ вновь пальметки.

Недаромъ здѣсь всю орнаментику приходится называть схемою, ибо она, дѣйствительно, уже утратила совершенно тѣ жизненные соки, которые ранѣе выражались и въ рисункѣ и въ рельефности взятыхъ здѣсь растительныхъ формъ. И, дѣйствительно, существенный характеръ этихъ барельефовъ есть уже не ихъ растительный организмъ, но, исключительно, получающаяся при этомъ линейная игра, болѣе или менѣе, правильныхъ геометрическихъ формъ, т. е. именно та новая орнаментика, которая была уже выработана послѣ появленія Ислама, прежде всего въ Египтѣ, а затѣмъ въ Византіи, Малой Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ.[2] Въ этомъ отношеніи весьма существенно сходство, наблюдаемое между настоящими барельефами и ранними мавританскими, какъ равно, египетскими временъ установленія въ немъ халифата...

Христіанскіе памятники.

Христіанскіе памятники Болгаріи въ теченіе VII и VIII столѣтій принадлежатъ, какъ и указанные нами ранѣе памятники V—VI вѣковъ, къ греко-восточному отдѣлу древне-христіанскаго искусства. Это обстоятельство весьма существенное въ исторіи просвѣщенія и культуры Балканскаго полуострова, объясняется, конечно, прежде всего, его географическимъ положеніемъ, которое открываетъ всю его восточную половину въ сторону Чернаго моря, а по Черному морю торговыя сношенія издревле шли со всего побережья Малой Азіи и культурныхъ мѣстностей побережья Азовскаго моря. Синопъ и Трапезундъ были не только поставщиками мѣстныхъ производствъ, но и транзитными пунктами для торговли сирійской и александрійской. Какъ, напримѣръ, слѣдуетъ объяснить себѣ кусокъ мозаическаго пола, который сохранился въ апсидѣ ц. св. Софіи въ Софіи?[3] Онъ

Мозаика св. Софіи.

[1]) См. тождественныя конструкціи на малыхъ пилястровыхъ капителяхъ, съ тѣмъ же характеромъ мраморной облицовки, изъ Гераклеи, въ Музеѣ Константинополя, еще римской эпохи: **Mendel**, G. Catalogue de Sculptures II, 1914, рис. стр. 164—5, VII вѣка — № 726—8.

[2]) Предлагаемъ сравнить рельефы по рисунку и фактурѣ съ рельефами на церкви св. Марка въ Венеціи, представляющемъ павлина-феникса, O. v. Falke, ib., рис. 177.

[3]) [См. Б. Д. Филовъ: Софийската църква Св. София, Материали за историята на София, кн. IV; табл. XVIII, 1, рис. 35 и 39, стр. 54, 55 и 168.]

выполненъ, правда, мелкими кубиками, но, по широтѣ исполненія, наиболѣе походитъ на обычныя мозаическія украшенія половъ, какія уже въ значительномъ числѣ имѣются открытыми или сохраненными въ базиликахъ и древнихъ купольныхъ церквахъ Сиріи, Египта и многочисленныхъ развалинъ древнихъ городовъ Алжира и Туниса.[1] Можно сказать вообще, что кромѣ немногихъ аллегорическихъ темъ, представляемыхъ этими мозаиками, ихъ безусловное большинство относится къ орнаментальному, или, точнѣе сказать, къ декоративному разряду, причемъ, конечно, среди орнаментовъ избираются, однако, близкія къ христіанскимъ эмблемамъ темы. Древнѣйшее назначеніе подобныхъ мозаическихъ половъ было окружать мѣсто погребенія, во дворѣ церкви или монастыря, или даже въ ихъ внутреннихъ зданіяхъ, и отсюда понятно, что выборъ темъ былъ отчасти согласованъ съ подобнымъ назначеніемъ. Образецъ, подлежащій въ данномъ случаѣ нашему разбору, представляетъ какъ разъ подобную тему, а именно: внутри поля, обрамленнаго цвѣточною гирляндою, образующей овалъ, представлена посрединѣ декоративная чаша, ложбленная какъ раковина, и изображающая чашу фонтана, изъ средины ея поднимается пальмовая вѣтка, а на краяхъ чаши сидятъ два голубя, изъ нея пьющіе. По обѣимъ сторонамъ чаши поднимаются побѣги виноградной лозы, обвивающіе два кипариса. Извѣстно, что чаша съ двумя голубями, изъ нея пьющими, относится къ числу тѣхъ декоративныхъ древне-христіанскихъ художественныхъ мотивовъ, которые, будучи заимствованы изъ греко-римскаго антика, употребляются уже въ смыслѣ христіанскомъ, какъ чаша живой воды христіанскаго вѣроученія, питающаго душу. Вѣтка пальмы являетъ собою побѣду одновременно и самой христіанской вѣры и, вмѣстѣ съ нею, идеи безсмертія и вѣчной жизни. Та же самая мысль заключается въ представленіи кипариса, древа вѣчно-зеленаго и вѣчно-живущаго, въ силу его, такъ называемой, нетлѣнности и недоступности разрушенію. Появленіе кипариса съ самаго начала въ христіанскихъ некрополяхъ и отъ нихъ затѣмъ въ некрополяхъ Ислама любопытно, какъ передвиженіе въ ту же самую Азію замѣчательнаго дерева, родиною котораго являются горные хребты Герата, Инда, Кабула — территоріи, въ которой кипарисъ и доселѣ достигаетъ колоссальной величины. Изображенія кипариса появляются на древнѣйшихъ цилиндрахъ Месопотаміи,[2] въ горахъ, что показываетъ, что и въ равнинѣ этотъ „свѣточъ Ирака", „образъ пламени", „эмблема священнаго огня" и „священное древо алтарей огня" было именно въ этомъ качествѣ сакральнаго дерева, какъ и финиковая пальма, пересажено въ Ливанъ и Кипръ, по имени котораго и названо греками. Уже въ греко-римскомъ мірѣ оно стало древомъ хтоническихъ божествъ и декоративнымъ древомъ могилъ

[1]) См. перечень и указаніе литературы въ соч. O. M. Dalton, Byzantine art and archaeology 1911, VI. Mosaic pavements, p. 420—430, [и добавленія въ книгѣ того же автора: East Christian Art, Oxford 1925, p. p. 295—298].

[2]) Ward, Seal cylinders 1910, рис. 177.

и кладбища. Съ тѣмъ же смысломъ принято было древо кипариса византійскою декорацієй, а затѣмъ и арабской, въ ея многочисленныхъ вѣтвяхъ...

Находки въ Патлейна.

Находки въ мѣстности Патлейна, въ окрестностяхъ Прѣслава,[1] составляютъ художественно-историческій памятникъ христіанскаго искусства особаго значенія, въ силу раскрываемыхъ имъ ходовъ восточно-европейскаго искусства въ средніе вѣка.[2]

Памятникъ этотъ составляетъ особую художественную важность со стороны техники, во-первыхъ, и орнаментальныхъ рисунковъ, во-вторыхъ, и требуетъ въ качествѣ перваго вскрытаго образца болѣе подробнаго разбора, чѣмъ памятники рядовые и уже опредѣлившіеся въ своемъ типѣ. Имя Патлейнъ происходитъ отъ сокращенія греческаго имени „Пантелеймонъ" и относится къ монастырю и церкви во имя святого сирійскаго цѣлителя. Почитаніе его въ предѣлахъ Европы открылось уже въ V и VI вѣкахъ, но распространеніе его святилищъ слѣдуетъ относить уже къ VII и VIII вѣкамъ, когда сиро-палестинскіе выходцы и бѣглецы, послѣ завоеванія Сиріи Исламомъ, наполнили собою Грецію, Балканы и даже Италію. Почитаніе же святого цѣлителя вызывалось періодическими посѣщеніями южной Европы чумнымъ моромъ, какъ и церкви иныхъ святыхъ врачей, напримѣръ, Космы и Даміана. Повидимому, монастырь имени Пантелеймона былъ независимымъ отъ болгарской столицы и принадлежалъ къ тѣмъ христіанскимъ общинамъ Болгаріи, которыя уже были многочисленны въ указанный періодъ въ средѣ коренного славянскаго населенія и успѣвшихъ уже перейти въ христіанство болгарскихъ князьковъ или тархановъ и воеводъ, такъ какъ верховные ханы болгарской кочевой орды имѣли, какъ извѣстно, среди своихъ родовыхъ и племенныхъ соотчичей христіанъ и принуждены были относиться къ нимъ съ извѣстной политической терпимостью, что засвидѣтельствовано различными житійными повѣствованіями. Находки Патлейна сдѣланы въ предѣлахъ развалинъ тамошняго храма подъ склономъ холма, называемаго „Плоская Могила". Церковь 12 метровъ длиною имѣетъ три алтарныя ниши и малое предверье или паперть. По сторонамъ преддверья два четыреугольника, вѣроятно, принадлежатъ двумъ костницамъ монастырскимъ. Судя по сохранившейся части пола, престола и, особенно, по нѣкоторому обилію мраморныхъ плитъ, карнизовъ и пилястровъ и кускамъ греческихъ надписей, церковь была устроена съ извѣстнымъ благолѣпіемъ, въ предѣлахъ обычныхъ украшеній мраморами и мраморными облицовками, принятыми въ византійскихъ церквахъ IX—X столѣтія. Но главнымъ и наиболѣе характернымъ украшеніемъ этой монастырской церкви явились изразцы, или, точнѣе сказать, цвѣтная полива, примѣненная, какъ новый техническій пріемъ къ живописному украшенію стѣнъ.

[1]) Извѣстия на Българското Археологическо Дружество, IV, 1915, табл. 24—45.

[2]) [См. спеціальный разборъ Патлейнской керамики съ этой точки зрѣнія: A. Grabar: Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique; Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg, f. 43, 1928; ch. I. Les céramiques de Patleina, p. p. 7—55].

Подобный техническій пріемъ возобладалъ въ греко-римскомъ искусствѣ лишь въ томъ конечномъ его періодѣ, когда вмѣстѣ съ его распространеніемъ по Египту и Азіатскому Востоку въ него не замедлили влиться восточныя вліянія. Восточный техническій пріемъ заключалъ въ себѣ опредѣленное стремленіе перейти отъ матовой фрески, удовлетворявшей древнихъ грековъ, къ прозрачнымъ глубокимъ цвѣтамъ поливныхъ изразцовъ, которые прославили собою дворцы древней Персіи (Сузы) и еще ранѣе Вавилона и Ассиріи, и которые замѣнили мраморную облицовку и энкаустическую живопись. По нашему убѣжденію, эти изразцы восточнаго типа принадлежали, однако, художественной промышленности Египта, древности котораго недаромъ славились блестящими стеклянными инкрустаціями, одновременно глубокихъ и яркихъ цвѣтовъ. Финикія, повидимому, только использовала въ своей художественной промышленности искусство цвѣтного стекла и связанной съ нимъ эмалевой живописи древняго Египта. Оговоримся кратко, что, тѣмъ не менѣе, за поливными изразцами, эмалевыми инкрустаціями и перегородчатыми стекольчатыми украшеніями слѣдуетъ оставить терминъ „восточныхъ" искусствъ. Въ настоящее время, съ разработкою древнѣйшихъ памятниковъ Вавилона и Месопотаміи вообще, и даже въ связи съ модными нынѣ древностями могилы Тут-Анх-Аммона, слѣдуетъ примыкать къ научнымъ догадкамъ ассиріологовъ, что самая культура древнѣйшаго Египта имѣла свои источники въ той же Месопотаміи.

Первая и главная находка, любопытная по своей рѣдкости (сохранилась къ кускахъ) — изразецъ, или, какъ говорятъ Болгары, „керамиченъ образъ" съ изображеніемъ головы св. Ѳеодора Стратилата (по всей вѣроятности, но возможно смѣшеніе и замѣна его Ѳеодоромъ Тирономъ); онъ, какъ и Ѳеодоръ Тиронъ, чтился въ образѣ конника, всадника, которые въ этомъ смыслѣ были ближе сердцу христіанъ, сохранившихъ еще кочевыя формы въ жизни, чѣмъ другіе святые. Почитаніе конниковъ на восточныхъ Балканахъ свидѣтельствуется множествомъ дошедшихъ до насъ подобныхъ изображеній. „Керамиченъ образъ."

Изразецъ, во-первыхъ, замѣняетъ церковную роспись, а, во-вторыхъ, стремится воспроизвести икону энкаустическаго характера, во всѣхъ чертахъ прозрачной и глубокой живописи иконъ, распространившихся изъ сиро-египетскаго угла. Этотъ образъ носитъ точный египетскій стиль и общій характеръ египетскаго аскета схимника; аналогіи ему см. въ церкви св. Савы и въ церкви Маріи Антиквы въ Римѣ (авва Киръ).[1] Здѣсь ярко выраженъ аскетическій овалъ схимника (въ греческомъ искусствѣ для него не былъ принятъ типъ схимника), но сравнительно молодой 40—45 лѣтъ, во всей силѣ

[1]) [См. J. Wilpert: Römische Mosaiken und Malereien, B. IV, Taf. 171,2; 196,4; также икону аввы Авраама въ Берлинѣ Kaiser-Friedrich-Museum), O. Wulff — M. Alpatoff: Denkmäler der Ikonen-Malerei 1925, abb. 6].

извѣстнаго мужества. Здѣсь та же массивная шевелюра иконныхъ изображеній. Рисунокъ бровей и носа, сходящаго внизъ по наклонной линіи — сдѣланы противъ греческаго шаблона, опущенные углы устъ, большіе глаза и темно-каштановые волосы. Темно-пурпурный гиматій по блѣдно-желтому фону изразца, охристый-желтоватый нимбъ. Настоящее изображеніе можно считать воспроизведеніемъ древней энкаустической иконы еще и потому, что этотъ изразецъ давалъ только бюстъ, какъ и подобаетъ древнѣйшей иконѣ святого, не воспроизводя его фигуры, а затѣмъ египетская иконографія, въ отличіе отъ греческой, могла придать типъ схимника святому воину. Впрочемъ, догадка о томъ, что этотъ керамичный образъ представляетъ именно святого Θеодора основана, единственно, на томъ, что поблизости найдены были куски керамическихъ надписей съ именемъ святого Θеодора, которые, однако, могли относиться и къ другой иконѣ не найденной.

Рис. 46. Изразцовая икона св. Θеодора („Керамиченъ образъ") изъ Патлейна.

Всѣ прочіе куски изразцовъ относятся, къ сожалѣнію, исключительно къ орнаментальнымъ поясамъ и карнизамъ, но какъ рисунки, такъ и краски этихъ орнаментовъ представляютъ такую характерную группу мотивовъ, которая въ неменьшей степени интересна, какъ мы уже сказали, для опредѣленія историческаго хода средневѣкового искусства. Такъ напримѣръ, начиная съ перваго рисунка сообщенныхъ пока снимковъ (Извѣстия Българ. Арх. Друж. IV, табл. 34—42), мы видимъ обычную пальметку, но въ такихъ характерныхъ формахъ и краскахъ, на которыхъ необходимо остановиться. Мы видимъ, такъ называемую пальметку, но отъ листьевъ пальмы здѣсь не осталось и слѣда и, напротивъ того, изъ пальметки обра-

Орнаментальные изразцы.

зовался какой-то чревычайно широкій листъ съ пятью широкими лопастями, имѣющій палево-розоватый цвѣтъ. Эта пальметка идетъ шеренгой по карнизу, характеризованному овами, въ данномъ случаѣ лепестками, отгибающимися по валику внизъ. Эта пальметка палеваго цвѣта помѣщена на глубокомъ пурпурномъ (темно-шеколадномъ) фонѣ и имѣетъ своимъ образцомъ подобную же египетскую пальметку въ сборникѣ тканей О. Фальке (рис. 40 и 41).

Таблица мелкихъ осколковъ за № 35 представляетъ намъ (въ реконструкціи, не вполнѣ точной и излишне механической, на таблицѣ 40,2) характернаго типа цвѣточную декоративную чашу, которая, собственно, составлена изъ двухъ чашъ цвѣточныхъ, а каждая изъ нихъ изъ трехъ частей, средней почки или бутона и цвѣтка, и двухъ отогнувшихся налѣво и направо листьевъ, изъ которыхъ потомъ вновь выходитъ бутонъ, развивающійся въ цвѣточную почку и такіе же два листа, затѣмъ, каждая цвѣточная чашечка образуетъ, собственно говоря распуколку крина — полевой лиліи. Греческій кринъ, специфическое цвѣтущее растеніе юговосточной Европы и Передней Азіи, есть тотъ самый типъ полевой лиліи, мелкотравчатой, которая весною, а затѣмъ и во всякую пору года, послѣ сильныхъ дождей украшаетъ собою не только поля, но и каждую горную тропинку, какъ обыкновенная придорожная трава, и именно ради ея неприхотливости была помянута, вѣрнѣе указана, самимъ Спасителемъ въ извѣстномъ текстѣ Евангелія (Еванг. отъ Луки XII, 27). Слова Спасителя не только высоко духовны, но и основаны на совершенно реальной дѣйствительности. Въ сухихъ мѣстностяхъ Палестины отрадно видѣть послѣ дождя во множествѣ вышедшіе изъ подъ земли ярко красные бутоны съ двумя интенсивно сочными и зелеными лиственными почками, упруго отогнувшимися по бокамъ бутона. Кринъ есть единственно красная лилія и не имѣетъ бѣлаго вида, и именно эта лилія, а никакъ не бѣлая, стала столь излюбленнымъ орнаментальнымъ мотивомъ, что создала затѣмъ ту выдающуюся декорацію вѣнечнаго обруча, которая потомъ выработала усложненную форму французской королевской эмблемы. Въ настоящемъ орнаментальномъ мотивѣ этотъ кринъ представляется, какъ можно видѣть на таблицѣ 35, краснымъ цвѣтомъ и зеленымъ для листьевъ, но сами листья уже загибаются здѣсь не въ видѣ лиліи, а, напротивъ, большихъ расходящихся листьевъ аканѳа, раструбистыми лопастями. Это орнаментальное сочетаніе является въ обычномъ творческомъ процессѣ орнамента, а аканѳъ играетъ также въ греко-римскомъ и во всемъ христіанскомъ искусствѣ Европы, а равно и во всемъ азіатскомъ искусствѣ, самую обширную и разностороннюю роль.[1] Затѣмъ, внутренность этихъ аканѳовыхъ листьевъ образуетъ, какъ будто бы, дѣйствительно, чашу и орнаментирована вѣточками

[1]) См. мои „Очерки исторіи культуры и искусства средн. вѣк. восточ. Европы“, [Очеркъ о тканяхъ (VI)] глава объ орнаментѣ, кринѣ и аканѳѣ.

краснаго плюща, двумя побѣгами вползающаго по листу вверхъ. Этотъ красноватый плющъ образуетъ именно въ періодъ ранняго средневѣковья излюбленый орнаментъ Египта, Сиріи и Персіи въ живописи, тканяхъ и серебряныхъ издѣліяхъ. Отсюда, въ силу этого, весь мотивъ встрѣчается болѣе или менѣе повсюду въ періодъ VI—VIII столѣтій и можетъ быть указанъ точно какъ въ египетскихъ, такъ и въ сасанидскихъ тканяхъ и на сасанидскихъ серебряныхъ блюдахъ и кувшинахъ.[1] Реконструкція таблицы 41 даетъ уже схематическую декоративную форму аканѳоваго развода, характернаго для узкаго карниза изъ двухъ побѣговъ аканѳоваго листа, образующихъ волюту и, кромѣ пластической формы, оживленныхъ еще вѣтками плюща и усиками винограда. Здѣсь имѣемъ уже своего рода схему аканѳоваго скульптурнаго характера, равно, какъ подобная же схема представляется на таблицѣ 42, дающей реконструкцію, составленную изъ различныхъ кусковъ. Въ цѣломъ такой изразецъ даетъ круглую форму, раздѣленную на внутренніе пояса растительнаго характера. Внѣшній поясъ состоитъ вновь изъ аканѳовыхъ лапъ съ центральнымъ бутономъ внутри; внутренній изъ тѣхъ же пальметокъ, но поднимающихся на рядѣ стержней. Ряды кусковъ, представленные на таблицахъ 37 и 38, даютъ такое разнообразіе мотивовъ, составленныхъ изъ однихъ и тѣхъ же типическихъ формъ, котораго не даютъ даже ткани, и заставляютъ пожалѣть, что раскопки не были продолжены, ради полученія новой полной картины подобной облицовки церковныхъ стѣнъ. Сопоставленіе всего этого ряда мотивовъ съ однообразными панелями современныхъ имъ римскихъ и даже равеннскихъ церквей, ясно свидѣтельствуетъ, что и въ этой средѣ искусство средневѣковой восточной Европы первенствовало надъ западной...[2]

---

[1]) Я. И. Смирновъ. Восточное серебро №№ 48, 88, 95.

[2]) [Очеркъ о болгарскихъ древностяхъ авторомъ не былъ законченъ. Въ его составъ входило также разсмотрѣніе Миклошскаго клада. Отдѣлъ этотъ, написанный авторомъ въ видѣ отдѣльной статьи по русски и переведенный на англійскій языкъ кн. Н. Г. Яшвиль въ 1924 году, былъ данъ г-ну T. Whittemore'у для опубликованія въ еще тогда готовившейся книгѣ о болгарскихъ древностяхъ. Насколько извѣстно трудъ этотъ въ печати еще не появился, какъ и неизвѣстно напечаталъ ли гдѣ либо г-нъ Whittemore упомянутую статью Н. П. Кондакова. Въ рукописи Очерковъ русскаго оригинала этой статьи не оказалось.]

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ III ОЧЕРКУ

Варіанты изъ предыдущаго очерка

Мадарскій конникъ.

Наиболѣе яснымъ и знаменательнымъ свидѣтельствомъ храненія кочевниками своей старины и художественныхъ традицій являются памятники древней Болгаріи, точнѣе говоря, той болгарской державы,[1] которую основала кочевая орда приволжскихъ Гунновъ въ сѣверовосточной придунайской территоріи во второй половинѣ VII вѣка, когда эта страна была уже заселена славянами. Ханъ Исперихъ (по гречески Аспарухъ), уходя отъ хазарскаго нашествія изъ пріазовскаго кочевья на Западъ, достигъ Дуная въ серединѣ VII вѣка, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлилась на шесть рукавовъ, образуя дельту, островъ Певки, на которомъ и былъ устроенъ ордою укрѣпленный лагерь. Перейдя затѣмъ Дунай, конечно съ согласія Византіи, орда избрала мѣстомъ своего поселенія сѣверовосточный уголъ Болгаріи и Добруджу, гдѣ затѣмъ центромъ кочевья, перешедшаго къ осѣдлому быту и земледѣлію, стала Абоба-Плиска, столица перваго болгарскаго царства.[2] Именно въ предѣлахъ этой территоріи, по близости развалинъ этой столицы и затѣмъ Прѣслава, въ Шуменскомъ округѣ, въ селѣ Мадара, на скалахъ, на высотѣ 23 метровъ отъ подножья, высѣченъ большой горельефъ[3]: всадникъ на охотѣ, лѣвою рукою осаживающій слегка мощнаго коня, шагающаго по скаламъ, и правою вонзающій рогатину въ спину льва, тутъ же падающаго; слѣва на льва бѣжитъ, слѣдовавшій за конемъ, большой аланскій догъ.[4] Общее впечатлѣніе рельефа ясно указываетъ на близость его къ позднѣйшему римскому антику: такъ, несмотря на извѣстную небрежность широкой обработки рельефа, въ немъ характерная классическая композиція шагающаго монументальнаго коня, извѣстная легкость и свобода его движеній, расчитанно выраженная, несмотря на грубость матеріала. Но такъ какъ по обѣ стороны коня и подъ нимъ насѣчена крупными буквами (палеографическіе признаки указываютъ на IX—X вѣкъ) греческая надпись, видимо, историческаго содержанія, но, къ сожалѣнію, на половину или болѣе истребленная разрушеніями скалистой поверхности и потому доселѣ не разслѣдованная и неизвѣстная по тексту.[5] Правда, затѣмъ самый фактъ высѣчки въ скалѣ въ колоссальномъ размѣрѣ изображенія всадника (выс. 1.60 м.) на царской охотѣ на льва скорѣе всего приводитъ на мысль сравненіе съ извѣстными сассанидскими побѣдными

---

[1]) В. Н. Златарски, История на българската държава, 1918, I, р. 123—133.

[2]) Абоба-Плиска. Изв. Рус. Арх. Инст. въ Кон-полѣ, X, 1905 г. съ атласомъ.

[3]) Filow, L'ancien art Bulgare. 1919, табл. I, р. 4.

[4]) Объ аланскихъ догахъ, употреблявшихся въ Азіи въ охотѣ на львовъ, узнаемъ въ средніе вѣка и въ Европѣ.

[5]) Archäologisch-epigraphische Mittheilungen aus Österreich-Ungarn, XIX (1896) 247—8.

рельефами и естественно сближаетъ памятникъ съ завоеваніемъ и основаніемъ перваго царства, при чемъ, однако, рельефъ по содержанію указываетъ только на послѣднее. Но стиль изображенія не отвѣчаетъ вполнѣ столь поздней эпохѣ, и потому естественно предположеніе, что надпись была высѣчена по сторонамъ изображенія позднѣе и потому расположена въ нѣкоторомъ безпорядкѣ на стѣнѣ, тамъ гдѣ оставались свободными выглаженныя поверхности. Но если представить себѣ рельефъ отдѣльно отъ надписи, то еще настоятельнѣе возникаетъ мысль сблизить его съ извѣстными рельефами такъ называемаго ѳракійскаго конника, дающими обычно вотивныя изображенія позднеримскаго времени и представляющими также всадника на охотѣ, съ одной собакою или двумя, съ заполеваннымъ зайцемъ въ рукахъ, или даже бьющимся со львомъ, съ копьемъ или дротикомъ въ рукахъ. Множество подобныхъ,[1] обычно мелкихъ и ремесленныхъ рельефовъ, въ сопровожденіи посвятительныхъ надписей, сообщающихъ чтимому во Ѳракіи богу-герою разныя имена или, вѣрнѣе, эпитеты (иранскихъ языковыхъ корней), представляютъ, дѣйствительно, данную тему всадника на охотѣ столь популярною, что сближеніе съ ними нашего рельефа вполнѣ законно. Но, съ другой стороны, болгарскіе ханы и жупаны могли близко знать шаблонныя изображенія сассанидскихъ царей на охотѣ. Затѣмъ, въ данномъ рельефѣ мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторыми реальными чертами болгарскаго хана: мы видимъ густые и длинные волосы, падающіе косою на шею, какъ принято было еще у скиѳовъ и сарматовъ въ южной Россіи, вмѣсто курчавыхъ волосъ шапкою у ѳракійскаго конника.

Далѣе, корпусъ фигуры данъ въ три четверти, сообразно движенію правой руки, но голова всадника представлена въ профиль, а не обращена къ зрителю (молебщику), какъ то видимъ на всѣхъ рельефахъ конника, и мало того: положеніе головы хана въ нашемъ памятникѣ отвѣчаетъ именно такъ называемымъ монументальнымъ памятникамъ, на которыхъ подобное положеніе мотивируется тріумфальнымъ въѣздомъ въ столицу. Правда, это не соотвѣтствуетъ охотѣ, но врядъ ли эта тонкость могла приниматься во вниманіе въ ту эпоху искусства, когда оно еще жило только традиціонными схемами антика. Притомъ въ средневѣковую эпоху тема представлялась въ два, три и болѣе момента, и здѣсь правая рука, какъ бы безсознательно ранитъ смертельно льва, въ то время какъ владыка ѣдетъ къ народу. Наконецъ, общій контуръ колѣнъ и ногъ всадника представляетъ, видимо, сассанидскіе шальвары...[2]

---

[1]) Г. И. Кацаровъ. Новъ релиефъ на тракийския конникъ, Изв. на Българ. Арх. Друж., III, 122—9, ibid. I, 110—2; III, 197; V, 11. Музей Софіи имѣетъ около 350 рельефовъ съ изображеніемъ ѳракійскагѳ конника, также и Музей Варны.

[2]) См. шальва рысассанидскаго царя на блюдѣ изъ Перми: Русск. Древности, III, рис. 83, 84, 90. Что же касается ношенія Гуннами анаксиридъ, см. извѣстіе Прокопія, Anecdota, изд. Бон. p. 32 о заимствованіи Греками у Гунновъ этой части одежды, а равно изображеніе Юліана на конѣ, въ шальварахъ, въ византійской миніатюрѣ IX вѣка: Dalton, Byz. art and arch. рис. 433.

Такимъ образомъ, отрицая прямую связь съ изображеніями ѳракійскаго конника, мы должны считать памятникъ историческимъ заказомъ и даже связывать его съ надписью, объясняя ея безпорядочное размѣщеніе условіями высѣчки на высотѣ, а ея длинноту воспоминаніями о подобныхъ памятникахъ Востока. Въ виду же капитальнаго историческаго интереса этой лѣтописи, повидимому, относящейся къ началу IX вѣка, слѣдуетъ ожидать, прежде всего, разслѣдованія остатковъ надписи...

Рельефы Ст. Загоры.

Наряду съ памятникомъ по древности и характерности стоятъ рельефы происходящіе изъ Старой Загоры, и вполнѣ правъ ихъ издатель проф. Филовъ,[1] издавшій эти рельефы, какъ древнѣйшіе памятники того еще восточнаго типа, который принесли съ собою Болгары на Балканскій полуостровъ. Важнѣйшій изъ этихъ рельефовъ, относящійся также, быть можетъ, къ началу IX вѣка (врядъ ли къ VII—VIII, какъ думаетъ издатель), уже не знаетъ вовсе ни античнаго, ни византійскаго искусства и даетъ огрубѣлую имитацію рѣзьбы по дереву въ плоскомъ рельефѣ, довольствуясь, равно, и стародавними темами, вспоминающими еще сибирскія и южнорусскія издѣлія восточнаго типа. На грубой капители корзиночнаго типа высѣченъ грифонъ съ восточными загнутыми крыльями, львинымъ хвостомъ съ кистью, стоящій на четвероногомъ и клюющій его голову (или въ глаза). Это четвероногое имѣетъ морду жвачнаго животнаго съ длинными челюстями и длиннымъ, выпущеннымъ языкомъ: оно напоминаетъ всего болѣе носорога, особенно своими челюстями и раздвоенными копытами, но признака — рога не видно, хотя и принимать языкъ за хоботъ, а животное за слона, какъ думаетъ проф. Филовъ, тоже нельзя, такъ какъ вовсе нѣтъ ушей, характерныхъ для слона, и хвостъ толстый, хотя и коротκій. Словомъ, видимо, оригиналъ, служившій мастеру, былъ и самъ мало реаленъ. Но весь рельефъ чрезвычайно напоминаетъ грубые рисунки металлическихъ издѣлій сарматскихъ могилъ. На двухъ боковыхъ малыхъ сторонахъ капители представленъ павлинъ или фениксъ въ ореолѣ собственнаго распущеннаго въ кругъ хвоста, по другую сторону два звѣрка, поднявшіеся по сторонамъ древа, четвертая, тоже лицевая, обломана.

Рельефы изъ Дренова.

Иной, уже сравнительно позднѣйшей и мастерской работы, два рельефа изъ Дренова, которые проф. Филовъ относитъ къ VII—VIII вѣкамъ, руководясь, главное, ихъ „восточными" темами. Это мраморный наличникъ или антаблеманъ каменнаго иконостаса съ восточными звѣрями: грифами и львами, но по сторонамъ крестовъ и ряда схематическихъ древъ, на крестахъ сидятъ птицы. Здѣсь, правда, есть прямое двоевѣрное соединеніе фантастическихъ монстровъ съ христіанскими символами и возможно, что въ этихъ фрагментахъ имѣемъ образецъ довольно ранній, конца X или первой половины XI вѣка, этой уже щеголеватой, по своей техникѣ выглаженныхъ скульптуръ, византійской рѣзьбы, которую знаемъ во множествѣ образковъ

---

[1]) B. Filow, L'ancien art Bulgare, fig. 3—4.

слоновой кости X—XII стол. Стоитъ затѣмъ, обратить вниманіе на преувеличенія крыльевъ грифона, одно изъ которыхъ даже волочится по землѣ, львинаго хвоста, на перевивы растительныхъ формъ крестовъ и древъ жизни, чтобы увидѣть родство этого фриза съ византійскими шкатулками XI—XII вѣковъ...

Рельефы Ст. Загоры.

Далѣе, вполнѣ ошибочно было бы ради грубости формъ считать большія плиты отъ иконостасной преграды изъ Старой Загоры древнѣйшими болгарскими памятниками: схематическія формы изображеннаго здѣсь льва, двуглаваго орла и пары большихъ птицъ, правда, имитируютъ деревянную кустарную рѣзьбу, но столь общи всякимъ предметамъ художественной промышленности X—XII вѣковъ, напримѣръ, поливной посудѣ, рѣзьбѣ по металламъ и т. д., что ихъ условно опредѣляютъ греко-восточными издѣліями. Типы эти особенно обильны въ находкахъ береговъ Чернаго моря, древностяхъ Крыма, Кавказа и пр., а схема типовъ исполнена съ тою грубою кустарностью, которая не позволяетъ строго различать эпоху исполненія. Но уже съ концомъ IX вѣка основаніе новой столицы въ Прѣславѣ вызвало столь опредѣленное господство византійскаго искусства, что всѣ остатки построекъ, преимущественно церковныхъ того времени, ничѣмъ не выдѣляются отъ ряда греческихъ церквей. Что же касается развалинъ Абобы-Плиски, которыя дали пока почти исключительно надписи, правда, первокласснаго историческаго значенія, требуется расширенное разслѣдованіе какъ самой столицы, такъ и особенно могильныхъ памятниковъ.

IV

О ЗВѢРИНОМЪ СТИЛѢ ВЪ СРЕДНЕВѢКОВОМЪ ИСКУССТВѢ [1]

1.

Научная постановка вопроса о звѣриномъ стилѣ и его опредѣленіе.

Издавна исторія искусствъ среднихъ вѣковъ обращала вниманіе на обильное украшеніе романскихъ соборовъ рядами рельефныхъ изображеній звѣрей, фантастическихъ чудовищъ и на столь же причудливые образы, среди орнаментальныхъ плетеній иниціаловъ въ рукописяхъ. Русскіе археологи (Буслаевъ) ранѣе всѣхъ другихъ отмѣтили въ рукописяхъ періодъ такого звѣринаго стиля; скандинавскіе, наблюдая въ своихъ средневѣковыхъ древностяхъ господство подобныхъ формъ, называли ихъ звѣриною орнаментикою, тогда какъ западные историки отмѣчали въ немъ лишь тератологическій, или, проще говоря, чудовищный элементъ. Первое названіе этого явленія проще другихъ, шире въ своемъ содержаніи и, какъ увидимъ, имѣетъ право на существованіе, коль скоро будетъ приложено къ періоду искусства, болѣе обширнаго, чѣмъ славяно-русскія рукописи (XII—XIV в.) и рельефы средневѣковыхъ соборовъ (XII—XIII в.). Второе будетъ точно для скандинавскихъ древностей, въ которыхъ эта форма орнаментики, занесенная на крайній сѣверъ Европы, была разработана до крайностей народнаго ремесла, заматорѣлаго въ кустарномъ повтореніи. Третье обязано своимъ появленіемъ эстетическому взгляду историковъ, воспитанному чистымъ ренессансомъ, ошибочно по существу и не можетъ упрочиться въ наукѣ, какъ увидимъ въ особой главѣ этого разсужденія. Для начала достаточно знать, что представляемое разсужденіе, не претендуя быть всестороннимъ изслѣдованіемъ, назначено лишь способствовать необходимой постановкѣ въ наукѣ вопроса о звѣриномъ стилѣ въ его сущности и исторической полнотѣ.

---

[1]) [Настоящій очеркъ представляетъ собой лишь черновыя замѣтки, касающіяся различныхъ отдѣловъ т. н. звѣринаго стиля. Отдѣльныя части этого очерка при чтеніи авторомъ лекцій входили въ тѣ отдѣлы курса, которымъ посвящены глав. образ. I и II очерки, и непосредственно связаны съ послѣдними. Напр. отдѣлъ о драконѣ входилъ въ разсмотрѣніе скиѳо-сарматскаго искусства и религіозныхъ вѣрованій кочевниковъ. См. программу курса въ біографіи Н. П. Кондакова, въ Recueil — Kondakov, стр. XXVI—XXVII, прим. 3].

Постановка вопроса въ археологической наукѣ должна пользоваться, прежде всего, историческимъ методомъ, т. е. путемъ изысканія и представленія историческаго происхожденія даннаго явленія въ рядѣ послѣдовательныхъ группъ опредѣленно указывать его источники. Лишь въ результатѣ исторически проложенныхъ путей явленія станетъ доказательно яснымъ и неоспоримымъ, что задолго до того позднѣйшаго, такъ называемаго „романскаго“ періода, и уже въ самомъ раннемъ періодѣ восточнаго средневѣковья сложился особый звѣриный стиль, который пришелъ вмѣстѣ съ новымъ варварскимъ міромъ, вклинившимся въ среду греко-римскаго orbis terrarum, и принесъ какъ обширную область знанія и морали, такъ и своеобразный стиль орнаментальный и декоративный.

Источники звѣринаго стиля.

Несомнѣнно, какъ все въ области мірового искусства, такъ и звѣриный стиль средневѣковья имѣетъ свои источники въ исторіи древняго, какъ и восточнаго, такъ и греко-римскаго искусства, но лишь въ элементахъ, а не въ цѣломъ стилѣ. Такъ, обращаясь къ египетскому искусству, мы должны признать яснымъ, что его центромъ является человѣкъ и его фигура. Правда, мы знаемъ человѣческія фигуры египетскихъ божествъ съ головами кошки, копчика, аиста, крокодила, шакала, и несомнѣнно, эти формы легли въ основаніе будущаго суевѣрнаго ритуала „ряженыхъ“ представленій, какъ фигуры львовъ и барановъ съ человѣческою головою въ образѣ сфинкса дали первообразъ монстра чудовища. Извѣстно, далѣе, что сиро-халдейское искусство, создавшее типъ грифа, геніевъ съ головою льва, орла или съ тѣломъ льва и человѣческою головою,[1] звѣриныя формы въ украшеніяхъ мечей, колесницъ, утвари домашней, и рядъ декоративныхъ фризовъ охоты на звѣрей, равно орнаментъ звѣриный, особенно въ конскомъ уборѣ и личномъ, а также символическія соединенія формъ человѣческихъ и звѣриныхъ.[2] Именно сирохалдейская орнаментика послужила образцомъ многимъ формамъ средневѣковаго орнамента, какъ укажемъ ниже, ибо здѣсь же находимъ и ткани для одеждъ съ фигурными украшеніями.[3] Многое шло и изъ промышленныхъ мастерскихъ Финикіи, усвоившихъ своимъ издѣліямъ соединенные типы Египта и Ассиріи въ личныхъ уборахъ: браслетахъ, серьгахъ, височныхъ кольцахъ, наушныхъ бляшкахъ, фибулахъ, ожерельяхъ съ подвѣсками,[4] а также образы сирены, гарпіи, кентавра.[5] Различныя части Малой Азіи, Лидія и Фригія въ своихъ культурахъ азіатскаго пошиба, а также на основѣ древней культуры Іоніи, передали греко-римскому міру вкусъ къ разноцвѣтнымъ тканямъ и украшенію одеждъ. Однако, греко-римскій міръ принципіально отстранялъ отъ себя[6] восточное пристрастіе къ пестротѣ и богат-

[1]) G. Perrot—Ch. Chipiez: Histoire de l'art dans l'antiquité, t. II, f. 278.
[2]) См. Perrot—Chipiez, Hist. de l'art, II, fig. 265, 272, 277—9, 280—1, 430 и т. д.
[3]) Тамъ же II, f. 437—8.
[4]) Perrot—Chipiez, Hist. de l'art, III, fig. 590, 604.
[5]) Тамъ же, III, f. 411—4.
[6]) Л. Стефани въ Отчетѣ И. Арх. Ком. за 1864 г. стр. 127 и 1866, стр. 145, указ. слѣд.

ству личныхъ уборовъ, одеждъ, конскихъ уборовъ, переводя любовь къ украшеніямъ въ декорацію дома, площади, храма, и еще доселѣ европейскій вкусъ не знаетъ болѣе чистой любви къ искусству, какъ той, которую уже воплотили греки. Однако, именно, классическое искусство оставило изъ своего восточнаго запаса въ наслѣдство и восточному и западному средневѣковью рядъ усвоенныхъ восточныхъ образовъ религіозныхъ и символическихъ, какъ то: грифа, сирены, гарпіи, феникса, сфинкса, кентавра, василиска, дракона и наборъ чудовищныхъ и „дивьихъ" людей, какъ циклопы, сатиры, силены, фавны, кинокефалы, пигмеи. Въ силу этого крупнаго факта такой передачи греко-римскимъ искусствомъ, или такъ называемымъ антикомъ, установилось почти общее археологическое воззрѣніе, признающее доселѣ лишь одно античное наслѣдство въ исторіи средневѣковаго искусства и отсюда не только полное непониманіе, но и нежеланіе понимать значеніе „варварскихъ" древностей Сибири, Средней Азіи, Россіи, Западныхъ Славянъ, Венгріи, Болгаріи, Сербіи, Румыніи и пр., въ связи затѣмъ съ древностями Западной Европы, куда перешли народы Восточной Европы. Тѣмъ не менѣе и несмотря на господство этого воззрѣнія, оставляя до времени опроверженіе его путемъ доказательствъ, обратимся прямо къ древностямъ Восточной Европы въ началѣ средневѣковья, съ цѣлью показать, что существовала въ эту эпоху и другая культура, имѣвшая основные источники не въ антикѣ, но въ сассанидской Персіи и Средней Азіи.[1]

Смыслъ изображеній звѣринаго стиля.

Несомнѣнно, что пока звѣриный стиль наблюдается въ раннемъ искусствѣ древняго Востока или же на почвѣ средневѣковаго Востока и въ передачѣ его же средневѣковыми варварами, не можетъ быть и вопроса о его внутреннемъ смыслѣ и значеніи или о какомъ либо скрытомъ въ этомъ стилѣ человѣческомъ поученіи. Вездѣ тамъ мы имѣемъ дѣло съ представленіями животнаго міра, какъ реальнаго такъ и сказочнаго или фантастическаго, самодовлѣющаго художественнаго смысла, находящаго наслажденіе въ искусномъ изображеніи хищнаго звѣря, дивнаго оперенія птицы, сверкающихъ на солнцѣ извивовъ змѣи, причудливыхъ формъ кентавра или грифа. Но, когда мы переходимъ къ рельефамъ звѣринаго стиля, рядами набранныхъ на стѣнѣ средневѣковаго собора, невольно возникаетъ вопросъ объ отношеніи этихъ рельефовъ къ христіанской вѣрѣ и церковному ученію. И въ то же время мысль естественно отказы-

---

мѣста: 1) Еврипида, Ἴων, 1158—9) 61—2: τοίχοισιν δ'ἔπι ἤμπισχεν ἄλλα βαρβάρων ὑφάσματα, … καὶ μιξόθηρας φῶτας ἱππείας τ'ἄγρας ἐλάφων λεόντων τ'ἀγρίων θηράματα, 2) Аристофана, Ranae 937: οὐχ ἱππαλεκτρυόνας μὰ Δί' ὀυδὲ τραγελάφους ἅπερ σύ, ἃν τοῖσι παραπετάσμασιν τοῖς Μηδικοῖς γράφουσιν. Таковыя свидѣтельства о восточныхъ тканяхъ, одеждахъ, завѣсахъ и коврахъ, украшенныхъ непонятными и вымышленными звѣриными формами, умножаются со временъ Александра Македонскаго. [См. Ф. Розенберг: Аристофан о персидских тканях. Восточные Записки, т. I 1927, стр. 37—45.]

[1]) [Далѣе въ рукописи неоконченная фраза: „Мы уже пробовали представить искусство, обязанное"…

вается видѣть въ длинномъ ряду звѣриныхъ типовъ, совершенно въ перемежку, безъ всякаго порядка, вставленныхъ въ стѣну или идущихъ длиннымъ, но тоже безпорядочнымъ фризомъ, какую либо мораль или поученіе. Дива-дивныя, звѣри невиданныя и рѣдкостные, любопытные, оживленные собственною охотою, ползающіе, прыгающіе, присѣвшіе, чтобы прыгнуть и т. д. — вотъ что видитъ зритель. Тоже и въ средневѣковыхъ сказаніяхъ, поэтическихъ сравненіяхъ; также точно, безъ подозрѣнія нѣкоего скрытаго смысла, говорится о дивахъ: грифахъ, пантирахъ, саламандрѣ, ипотамахъ, ногояхъ — птицахъ громадныхъ, что гнѣздо вьютъ на пятнадцати дубахъ, слоновьяхъ, дремедарахъ — верблюдахъ колмолыхъ, сиринахъ, метаголынаріяхъ — кочетъ, на немъ же люди ѣздить могутъ (ἱππαλέκτρυων), бовешахъ о пяти ногахъ (воспоминанія очевидцевъ ассирійскихъ барельефовъ или персидскихъ[1]), о звѣряхъ человѣкообразныхъ — крылатыхъ, птицахъ, имущихъ обличье человѣческое, сиринахъ и фениксахъ. Точно также говорится о „дивьихъ людяхъ" — со скотьими главами, съ многими главами, рогатыхъ, шестирукихъ — о циклопахъ одноокихъ, тинситахъ (тѣлорозѣхъ), сагиттаріяхъ — полптицы и полчеловѣка — мѣткихъ стрѣльцахъ, пигмеяхъ со скотьими ногами, гигантахъ, сатирахъ, „трепястцѣхъ" человѣческихъ, фавнахъ четырерукихъ, о кинокефалахъ — песьеглавыхъ, имѣющихъ глаза и ротъ на персяхъ, и пр.

Сказочная литература. Всему этому сказочному матеріалу посчастливилось именно въ эпоху центральнаго средневѣковья, въ VIII—XI столѣтіяхъ, когда просвѣщенныя книжнымъ ученіемъ народности Европы получили въ свое вѣдѣніе обширную переводную литературу всякаго рода статей и сборниковъ, вродѣ „мнимаго" Епифанія Кипрскаго, Дамаскина Студита о свойствахъ животныхъ, когда затѣмъ въ среду европейской литературы влился потокъ литературы Востока, черезъ посредство Ислама и сожительство мусульманъ съ греками и итальянцами въ Сициліи и Южной Италіи. На первомъ мѣстѣ въ этой сказочной литературѣ о чудесахъ міра стала такъ называемая Александрія — сказаніе о походѣ Александра Македонскаго въ Индію.[2]

„Александрія". Уже въ первой книгѣ этого романа животный міръ играетъ видную роль: ястребъ, появляющійся въ сновидѣніяхъ, змѣй въ образѣ царя, левъ, какъ воинственный царь, конь съ воловьею головою на стегнѣ, олень колоссальный, орелъ гигантскій, Орфей, окруженный звѣрями, стада и огни въ лагерѣ Александра и т. д. Но главный романическій интересъ сосредоточивается во II и III книгахъ, описывающихъ чудеса, видѣнныя Александромъ въ Средней Азіи, въ близкихъ къ Индіи мѣстностяхъ, которыя послѣ именовались областями мрака, окружавшими „земной рай", перенесенный туда же за предѣлы „вселенной", въ странахъ необитаемыхъ.

[1]) [См. Perrot et Chipiez, Histoire de l'art, t. II, pl. VIII—IX.]

[2]) [См. объ иллюстраціи „Александріи" по рукописи Болгарской Народной Библіотеки въ Софіи: A. Grabar: Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique, ch. III: Le roman d'Alexandre illustré de la bibliothèque de Sofia, p. p. 108—133, pl. XII—XVI.]

Итакъ, здѣсь встрѣчены были въ лѣсу[1] дивiи человѣци, 24 локтей вышины, но тихіе и мудрые „яблокоядцы". Были тамъ и дивные люди, власатые,[2] косматые, „чермни" обли, обличіе имуще львово, другіе „охлопи, древа нагибающе", ломающіе себѣ эти древа на оружіе и „тѣмъ мещуще"— чрезвычайно любопытное представленіе „первобытныхъ" людей[3] или дикарей, которое мы встрѣчаемъ въ иллюстраціи Библіи въ книгѣ Бытія и равно въ изображеніяхъ древнихъ царствъ. Этихъ дикарей окружали звѣри, похожіе на псовъ, по 20 локтей вышины, 3 глаза, громадныя блохи, величиною съ жабъ, косматые люди, лаявшіе подобно псамъ. Тамъ же были звѣри о шести ногахъ, и съ тремя глазами и съ пятью глазами, были и „человѣци безглавiи", косматы, рыбоядцы. Эти сказки вспоминаютъ, стало быть, древніе разсказы о благочестивыхъ браманахъ, державшихъ всю жизнь посты, природныхъ вегетаріанцахъ и постникахъ, питавшихся только рыбою. Было тамъ древо чудное, растущее до шестого часа и уходившее затѣмъ назадъ въ землю; черные камни, къ которымъ если кто прикоснется, тоже становится камнемъ, рыбы и змѣи, не жарившіяся въ огнѣ и т. д. Это было начало области мрака, вмѣстѣ съ тѣмъ начало земли блаженныхъ, куда провела войсковой избранный отрядъ Александра ослица съ жеребенкомъ, гдѣ во мракѣ скрывался свѣтлый источникъ — источникъ жизни, въ которомъ ожила и превратилась въ живыхъ рыбъ соленая икра. Тамъ были даже сады, въ которыхъ два подобія говорили человѣческимъ голосомъ, походили на мужчину и женщину, „прикрытыхъ кожами" (Адамъ и Ева, въ подобіи древнихъ миніатюръ, по грѣхопаденіи), видны были въ полдень и полночь, подъ солнцемъ и луною; одно древо называлось еврейскимъ терминомъ, означавшимъ „познаніе". Тамъ же увидали грифонеса иже есть ногъ, бовеша о пяти ногахъ, тиграса — песъ и человѣкъ вмѣстѣ, червей каламандръ, рождающихся въ огнѣ. Тамъ же встрѣтили и двухъ птицъ, имѣющихъ человѣческое обличье, озеро, наполненное людьми; мужа, прикованнаго къ горѣ и палимаго, 100 локтей въ вышину (Прометея); земля была мѣдная. Тамъ Александромъ были поставлены многіе столпы и комáры съ надписями (рѣчь идетъ, конечно, объ остаткахъ дворцовъ Персеполя). Далѣе былъ островъ съ крокодилами и „птицы незнаеми, обличье ихъ человѣческое", острова Тапробанъ (Цейлонъ) и Маніолуй (магнитъ), приближеніе къ которымъ грозило кораблямъ, будто бы, вытяжкой гвоздей изъ дерева. Здѣсь видѣли зелье, отъ котораго бѣсы убѣгаютъ, и „разожженные противъ слоновъ болваны". На Цейлонѣ же видѣли птицъ райскихъ, рѣки молочныя, полныя рисомъ и всякою овощью, но есть дикари, ходящіе только въ овчи-

---

[1]) Въ изложеніи чудесъ соединяемъ двѣ редакціи русской Александріи по изд. акад. Истрина, Чтенія Общ. Исторіи и Древности и отдѣльно, Москва 1893.

[2]) Брандта А. Ф. Волосатость. Журналъ Врачъ. 1897 г. № 45. Разсказы объ Айносахъ, аборигенахъ Японскаго архипелага.

[3]) [Въ рукописи около этого мѣста на поляхъ написано: „Гога и Магога".]

нахъ, натянутыхъ на лядвіи. „Ту аспидъ сушится на берегу, на цѣлбу и красоту". На рѣкѣ Гангѣ встрѣтился звѣрь одонтотуринъ „обояно живый на суцѣ и водѣ" — „зуботомитель, иже слона пожрети можетъ". Тамъ и змѣи въ 70 локтей и „мравіи въ пядницу" (пядь — локоть), и скорпіи (скарпіи) „локотницы", и слоны, которыхъ ловятъ, когда они спятъ, прислонившись къ дереву, и падаютъ вмѣстѣ съ подрубленнымъ деревомъ. Тамъ и градъ Прасипскій, и Семирамидины палаты, въ которыхъ „болваны и звѣріе учинены отъ драгого камени". Тамъ видятъ въ морѣ и „безголовыхъ людей" (собственно съ головою на груди и однимъ глазомъ), которые перевертываютъ корабли, но тотчасъ удаляются, когда имъ закричатъ: „бѣги — Александръ идетъ".

Какъ извѣстно, „Александрія" или романъ объ Александрѣ заключаетъ въ себѣ и память объ его вѣнечныхъ подвигахъ: испытанія высоты небесной и испытанія глубины морской, но, какъ и все остальное, въ немногихъ словахъ; по поводу перваго подвига о клѣткѣ металлической, устроенной искуснымъ художникомъ, и птицахъ-звѣряхъ (грифахъ), возносившихъ къ небу героя, ихъ питавшаго „мясомъ необаренымъ", и по поводу второго испытанія о стеклянномъ сосудѣ, въ которомъ Александръ опустился въ море. Какъ увидимъ ниже, испытаніе небесной высоты Александра явилось въ цѣлой серіи памятниковъ средневѣковаго искусства, притомъ въ двухъ редакціяхъ: восточной и греческой.[1]

Но, въ заключеніе своего обзора легендарныхъ чудесъ „Александріи", остановимся еще на одномъ вѣнечномъ подвигѣ Александра — поискахъ источника жизни или источника безсмертія, такъ какъ эта легенда еще яснѣе очерчиваетъ тотъ кругъ, къ которому относятся легендарныя животныя и люди земли блаженныхъ, охватившей земной рай. Въ восточной (синкретической) редакціи легенда озаглавливается именемъ Хадгира,[2] визиря „Двурогаго", т. е. Александра, такъ какъ именно этотъ визирь открылъ источникъ и, выпивъ его воды, вмѣсто владыки, сталъ безсмертнымъ (по хроникѣ Табари, I, 44).

Версіи легенды объ источникѣ жизни.

Псевдо-Калисѳенъ также сообщаетъ эту легенду, но въ иной версіи: поваръ Александра чистилъ соленую рыбу и вымылъ ее въ источникѣ, въ области мрака, и рыба уплыла отъ него. Поваръ выпилъ воды, сталъ безсмертенъ, самъ того не зная, но не сказалъ о чудѣ самому владыкѣ; тотъ въ ярости приказалъ его убить, но это не удавалось, и тогда Александръ приказалъ опустить его въ озеро съ жерновомъ на шеѣ, и поваръ сталъ морскимъ демономъ.[3] Наиболѣе подробно излагаетъ легенду та ре-

---

¹) [См.: G. Millet: L'ascension d'Alexandre, 1e pertie: Le textes I — Le roman grec; dans Syria 1923, p. p. 87—119. Тамъ же литературу, p. 85, n. I.]

²) Friedländer, Israel. Zur Gesch. d. Chadhir-Legende. Alexande s Zug nach dem Lebensquelle u. d. Chadhir-legende. Archiv f. Religions-Wissenschaft XIII, 1910. См. также изданіе Псевдо-Калисѳена К. Миллера, соч. Родэ, Кампера, Аусфельда по „роману Александра".

³) Фридлендеръ сопоставляетъ Хадгира-зеленаго съ Гильгамешемъ, Главкомъ, вѣчнымъ жидомъ Агасѳеромъ, далѣе съ Мельхиседекомъ, которому приписывали безсмертіе и т. д.

дакція, которая формировалась въ видѣ письма Александра къ матери Олимпіадѣ. Двинувшись въ необитаемыя страны, Александръ на своемъ пути съ отборнымъ отрядомъ встрѣчалъ рѣки, текшія по временамъ пескомъ, людишекъ въ полтора локтя, исполиновъ, питавшихся яблоками, брахмановъ на островѣ, однодневныя деревья, отвратительныхъ чудищъ. Не было свѣта дневного, откуда то проникавшій ненадолго блескъ освѣщалъ невѣдомыя пустыни у моря. Это была страна блаженныхъ, χώρα τῶν μακάρων. Отсюда началась полная тьма; чтобы найти назадъ дорогу, взяли съ собою только кобылъ и оставили позади жеребятъ. Напали на источникъ, блестѣвшій во тьмѣ, какъ молнія. Александръ захотѣлъ ѣсть, приказалъ повару изготовить что-либо, поваръ пошелъ мыть сушеную рыбу въ водѣ, а она уплыла отъ него. Поваръ взялъ воды, выпилъ, ничего не сказавъ Александру. Появился свѣтъ, но безъ солнца и мѣсяца. Двѣ птицы съ человѣческими лицами приказали вернуться, ибо это была земля Божья.

Итакъ, мы видимъ ясно, что всѣ удивительныя и многообразныя чудовища, уроды и монстры, исполины и разныя страшила сосредоточены народною фантазіею, а затѣмъ книжными записями хроникъ, поученіями сирійскихъ Гомилій, персидскими и магометанскими сказаніями и сказками, такъ и позднѣйшими (Alexandri Magni iter ad paradysum, XII в.) благочестивыми легендами, гдѣ то на азіатскомъ Востокѣ, въ отдаленной прародинѣ, куда Господь перенесъ земной рай. Туда напрасно стремятся смѣлые странники, ибо эта дорога заказана, путь обставленъ всѣми страшилами, которыя сами тамъ укрываются отъ взора человѣческаго, это земля запретная, священная. Стало-быть размѣщеніе образовъ этого запретнаго міра не только не оскорбляло церкви, на стѣнахъ ея снаружи или на капителяхъ колоннъ и столбовъ главнаго нефа, но сообщало художественному образу поучительное значеніе и имѣло близко извѣстный всякому просвѣщенному чтеніемъ христіанину смыслъ...

2.

Драконъ, фантастическое чудовище, созданное еще въ глубокой древности воображеніемъ, стало миѳическимъ типомъ въ искусствѣ Азіи, задолго до начала переселенія ея кочевниковъ. Мы находимъ этотъ типъ въ Сибирскихъ древностяхъ: такова пара прорѣзныхъ пластинокъ (рис. 47) изъ массивнаго золота, служившихъ, вѣроятно, оковкою драгоцѣннаго конскаго сѣдла, устроеннаго для богатаго и знатнаго покойника.[1] Типъ этихъ пластинокъ съ изображеніемъ такихъ же драконовъ повторенъ на четырехъ парахъ пластинокъ меньшаго размѣра.[2] Фигуры драконовъ даютъ типъ ящера съ четырьмя ногами и удлиненнымъ тѣломъ, которое представ- Драконъ.

[1]) Русскія Древности, III, рис. 57.

[2]) Тамъ же, рис. 58. [См. также бляху Александропольскаго кургана, Р. Др. II, рис. 86, и выше, стр. 33].

лено (по обычной варварской формѣ) отъ двухъ переднихъ лапъ до заднихъ изогнутымъ и перевернутымъ; длинный хвостъ загнутъ и падаетъ змѣинымъ концомъ на шею дракона. Головы драконовъ имѣютъ одинъ загнутый назадъ рогъ, длинныя торчащія уши и пасть, подобную пасти большой змѣи, съ завернутою наверхъ губою; пасти драконовъ хватаютъ плоды съ символическаго древа жизни или священнаго древа, съ вѣтвями, растянутыми, какъ на шпалерѣ, правильными отводами вверхъ и загибами, падающими на землю. Наконецъ койма пластины состоитъ изъ вѣтвей съ

Рис. 47. Золотая пластина съ изображеніемъ пары драконовъ Сибирской коллекціи Эрмитажа.

остроконечными листьями, которыхъ внутреннія ямки, также какъ плоды древа и ногти драконовъ, заполнены эмалевою цвѣтною пастою. Еще оригинальнѣе золотая ажурная или прорѣзная трубка, по предположенію нашедшаго ее археолога Н. И. Веселовскаго въ курганѣ Бесленеевской станицы на Кубани, происходящая отъ убора тіары (быть можетъ не золотой, но мягкаго сукна съ узкою верхушкою, обрамленною золотомъ).[1] На трубкѣ, расчлененной тремя полосами (подражаніе матерчатымъ колпакамъ), рѣзьбою изображены въ двухъ пары драконовъ, также поднявшихся на дыбы по сторонамъ древа жизни, а также крылатыхъ и рогатыхъ, а въ третьей рядъ или фризъ пальметъ, акантоваго типа. Слѣдуетъ прибавить, что назначеніе подобной трубки можетъ быть сближено съ оправами деревянной палицы, булавы или бунчука, и даже съ подвѣсными кистями подъ лошадиною шеею, о чемъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

[1]) E. H. Minns: Scythians and Greeks, fig. 11.

Характерный варіантъ типа дракона имѣется на золотой пластинкѣ отъ колчана изъ кургана группы Семи братьевъ,[1] причемъ, драконъ имѣетъ только двѣ лапы, его хвостъ оканчивается головою большой птицы, а на спинѣ, вмѣсто крыльевъ, орнаментальная голова птицы съ выходящею изъ нея улиткою.

Могильникъ, открытый близъ Уфы (Истор. Муз. залъ 5), далъ также любопытную бронзовую бляху съ двумя драконами, поднявшимися на своихъ узловыхъ сплетеніяхъ по сторонамъ священнаго древа.

Рис. 48. Бронзовый акваманилъ въ видѣ дракона.
Румянцевскій Музей въ Москвѣ.

Основной смыслъ изображенія эмблематической пары драконовъ заключается, конечно, въ значеніи общаго амулета или талисмана, но, помимо того, типъ эмблемы относится къ геральдикѣ крайняго Востока.[2]

Тѣ же формы тѣла повторены въ бронзовой фигурѣ дракона (рис. 48) Румянцевскаго Музея въ Москвѣ, относящейся къ X—XII вѣкамъ, но копирующей явно восточный оригиналъ и принявшей видъ типичнаго средневѣковаго „акваманиле,“ т. е. рукомойника: драконъ перехватилъ зубами своей разинутой широкой пасти всползшаго на него ящера и изъ разинутаго рта ящера, котораго тонкое тѣло послужило ручкою сосуду, должна

¹) Русск. Древ. II, рис. 103.

²) [См. рѣзную плиту съ изображеніемъ пары переплетшихся драконовъ изъ собранія О. Сирена въ музеѣ Чернуски въ Парижѣ, изданную въ: Ars Asiatica, t. VII. Collection Oswald Siren.]

была литься вода. Однако, западная передѣлка сохранила орнаментацію чешуйчатой, полосатой, съ пупырями спины дракона и космы щетины, покрывающей его на груди и по бокамъ. Четыре лапы обломаны, а равно и змѣиный хвостъ. Но голова дракона имѣетъ иной типъ и ближе къ ки-

Рис. 49. Голова дракона изъ бронзы. Собраніе Высоцкаго Казань. (По рисунку Д. В. Айналова.)

тайскимъ образцамъ. Напротивъ того, голова дракона изъ бронзы въ Казанскомъ собраніи Высоцкаго (рис. 49), въ видѣ полаго рельефа, покрытая извнутри (рис. 50) рѣзами (рунами?), воспроизводитъ всѣ подробности варварскаго типа, а затѣмъ и фактура щетины на шеѣ, орнаментальные завитки и т. д. близки къ сибирскимъ вещамъ. Наконецъ, въ числѣ варварскихъ древностей Венгріи кладъ Силяги Шомльо даетъ золотую фибулу съ изображеніемъ 2 драконовъ съ яхонтовыми глазами.[1]

Явно декоративное значеніе получаетъ восточный типъ морского дракона

[1]) Hampel, Jos. Alterthümer d. frühen Mittelalter in Ungarn I, 1905, стр. 69, рис. 74.

въ Персіи и передней Азіи: такія фигуры со львиною или даже конскою или верблюжьею головою, туловищемъ льва, коня или верблюда до груди, двумя крыльями и большимъ, закрученнымъ перистымъ хвостомъ и двумя лапами хищнаго звѣря, встрѣчаются десятками: на сассанидскихъ сосудахъ

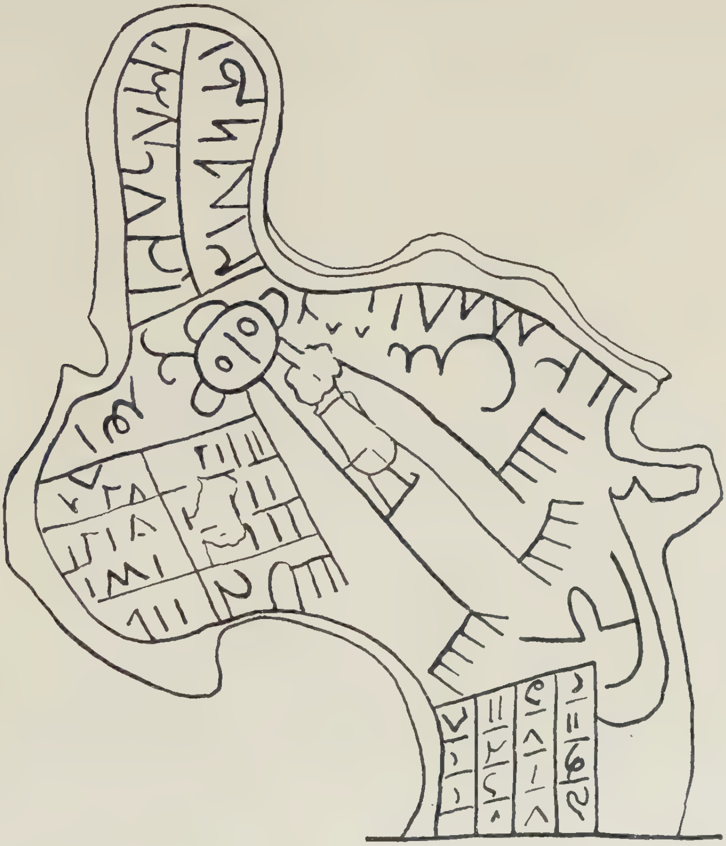


Рис. 50. Оборотная сторона бронзы собранія Высоцкаго.

и блюдахъ, мраморныхъ рельефахъ и на сассанидскихъ, а затѣмъ и вообще на восточныхъ, тканяхъ и ихъ западныхъ копіяхъ.[1]

Но отъ этого декоративнаго типа рѣзко отличается и по формамъ своимъ и по смыслу изображеніе дракона, какъ длинной исполинской змѣи — ящера, съ длинною головою, зубастою пастью крокодила, снабженнаго и рогами, и распространенное Исламомъ въ завоеванныхъ имъ странахъ. На вратахъ

[1]) Я. И. Смирновъ Восточное серебро, рис. 70, 82, 83, 126, 128, 132. Рус. Др. III, рис. 94, 96, Рельефы: G. Mendel, Catalogue des sculptures gr. rom et byz. Musée Inp. Ottoman №№790—791. На тканяхъ: O. v. Falke, o. c., рис. 91, 96, 236; др. рисунки указаны въ каталогѣ Г. Менделя.

Багдада, Амиды доселѣ сохраняются рельефы съ парою драконовъ, стражей Востока.[1] Въ музеѣ Коніи имѣется подобный сельджукскій рельефъ XIII вѣка, и драконъ имѣетъ здѣсь на концѣ хвоста змѣиную голову (рис. 51).[2] Подобные рельефы драконовъ находятся на стѣнахъ церкви Михаила Архангела въ Павіи и въ другихъ романскихъ соборахъ. Въ неизвѣстныя времена въ Византіи поставили бронзоваго дракона на мосту черезъ Золотой Рогъ Константинополя и въ обычномъ порядкѣ и тамъ повторили сказаніе о чудовищѣ, которому жертвовала страна людей, быковъ, птицъ.[3]

Рис. 51. Рельефъ съ изображеніемъ дракона въ Коніи.

Эмблематическое значеніе дракона въ Китаѣ.

Извѣстно, затѣмъ эмблематическое значеніе дракона для Китая, и Гизелеръ могъ написать цѣлый трактатъ художественно-религіознаго содержанія объ этомъ значеніи и его происхожденіи отъ древняго миѳа.[4] Китайскій драконъ чуждъ палеонтологіи, и его историческое образованіе есть результатъ деформаціи ящеровидныхъ, а значеніе началось со времени нарожденія въ земледѣльческомъ Китаѣ символическихъ образовъ въ астрологическихъ — астрономическихъ миѳахъ. Наблюденія созвѣздій создали соотвѣтственное имъ представленіе переходящихъ амфибій, затѣмъ символа равноденствія, гармоніи сухости и сырости въ природѣ, борьбы добрыхъ вліяній съ злыми.

[1]) Стржиговскій, Амида, рис. 30—31. [Jos. Strzygowski und M. v. Berchem: Amida. Beitrag zur Kunstgeschichte des Mittelalters von Nordmesopotamien, Hellas und dem Abendlande. Heidelberg 1910.]

[2]) [См. также бронзовую ажурную бляху съ парой драконовъ. E. Diez: Ein seldschukischer Türklopfer, Zeitschrift für bildende Kunst B. 32, S. 18 f. f.]

[3]) [На слѣдующей страницѣ рукописи имѣется та же фраза, затѣмъ вычеркнутая самимъ авторомъ, въ слѣдующемъ видѣ: „Въ неизвѣстныя времена Византіи умудрились поставить бронзового дракона, также какъ стража, на мосту черезъ Золотой Рогъ Константинополя,*) и конечно, въ народѣ сложилась легенда о памяти живого чудовища, которому жертвовали когда то дѣвъ, быковъ и птицъ.“ „*) Codinus, De signis, ed. Bonn., p. 30.“]

[4]) Hieseler, Le mythe du dragon en Chine. Revue Arch. 1918, VIII.

Отсюда въ эпоху династіи Ханъ драконъ сталъ ритуальнымъ символомъ въ культѣ предковъ, въ погребальныхъ обрядахъ, амулетомъ въ личномъ уборѣ, фетишемъ земледѣльческой культуры. Подобно тому, какъ осетры уходятъ отъ рѣчныхъ устьевъ къ ихъ истокамъ, порогамъ и лукамъ, такъ и драконы, и созвѣздія переходятъ и возвращаются, и этими ихъ передвиженіями управляется, руководится жизнь природы въ разныя времена года. Драконъ превращается и въ коня, получаетъ въ китайскихъ вещахъ формы коня, съ гривою, рогами, оттопыренными ушами, широкою головою, разинутою пастью, крыльями. Изъ жада доселѣ исполняются въ Китаѣ ритуальные амулеты и символы дракона для молитвы, для сопровожденія души умершаго въ предстоящемъ ей небесномъ плаваніи, молитвы небесному стражу храмовъ по случаю дарованія дождя, вскрыванія рѣкъ, озеръ. Извѣстно — пять цвѣтовъ дракона, рядъ формъ дракона чешуйчатаго, крылатаго, рогатаго, скрутившагося вокругъ себя, летящаго по облакамъ и т. д.[1] Драконы и фениксы часты на китайскихъ древнихъ зеркалахъ.

Дальне-восточный типъ дракона.

Имѣется образъ дракона и иной, болѣе фантастическаго типа и на этотъ разъ принадлежащаго крайнему Востоку, а именно Китаю и сосѣднимъ странамъ.[2] Драконъ имѣетъ туловище крокодила, съ четырьмя лапами, но короткое, и хвостъ ящера съ птичьею головою на хвостѣ, а голова дракона похожа на хамелеона, съ широкою пастью и двумя бараньими рогами. Таковъ образъ дракона, изданный по бронзовой вазѣ (вѣроятно, ритуальной) Нью-Іоркскаго собранія мистр. Е. Мейеръ (рис. 52) проф. М. И. Ростовцевымъ въ указанномъ уже сочиненіи.[3] Помимо оригинальной формы, короткаго и толстаго ящера, на четырехъ орлиныхъ лапахъ, бронза музея Чернуски (рис. 53) представляетъ львиную голову дракона съ острыми ушами. Въ орнаментаціи всего туловища чудовища человѣческими головами и фигурами животныхъ и гадовъ встрѣчаемъ тождественныя формы тѣла дракона. Орнаментаціи эти имѣютъ варваро-скиѳскій типъ: по фону, орнаментированному завитками, разбросаны на спинѣ, бокахъ, на хвостѣ и на груди тѣ же драконы, но въ формѣ змѣи, извивающейся, свившейся въ клубокъ или даже принявшей геометрическую форму завитка, а также прямо змѣи, рыбы, головъ людей, грифовъ или орловъ и пр. Ясно, что эти магическія формулы цѣликомъ принадлежатъ уже Китаю, и хотя сформированы по варварскимъ образцамъ искусства, но были бы уже непонятны кочевникамъ, ибо ихъ смыслъ кроется въ символическомъ толкованіи этихъ фигуръ и знаковъ. Тѣмъ не менѣе, хитроумные жетоны изъ жада съ пастью дракона съ двумя рогами и гребешкомъ попадали къ кочевникамъ, и покойный

---

[1]) См. Strehlneek, Pictorial Chinese art, 1914, p. 82 sq. [См. также B. Laufer: Jade. A study in chinese archaeology and religion. Chicago 1912, s. v. Dragon.]

[2]) Rostovtzeff, Iranians and Greeks in South Russia, 1922, pl. XXXI, . 198—200. Münsterberg, Chinesische Kunst, fig. 203. Подобная фигура въ видѣ бронзовой вазы Музея Чернуски эпохи Чеу (X—III в. до Р. X.).

[3]) См. предыдущее примѣчаніе.

академикъ В. В. Радловъ добылъ изъ могилы на рѣкѣ Катанда — притокѣ Катунджи, копію такого амулета изъ кости и также рѣзной талисманъ съ изображеніями свившагося дракона, съ хвостомъ въ видѣ птичьей головы и шеи.[1]

Рис. 52. Китайская бронзовая ваза въ видѣ дракона (Нью-Іоркъ, собр. Е. Мейеръ).

Къ этимъ фактическимъ указаніямъ мы должны прибавить, что большія сережныя лунницы изъ Великихъ Болгаръ № 3547 въ Моск. Оруж. Пал.[2] представляютъ явно маску того же дракона, причемъ №№ 9559 и 9562 того же собранія также даютъ фигуры драконовъ.

Кратко замѣтимъ здѣсь, что орнаментація Черниговскаго рога[3]

[1]) W. Radloff: Aus Sibirien, II, 104, воспр. у Minns, p. 251, fig. 172, XII, 5.

[2]) [См. Опись Оружейной Палаты, табл. 78.]

[3]) Русскія Древности, вып. V, р. 10—15, стр. 14—16; Русскіе Клады, р. 2—4, стр. 14—17.

(ритона) изъ серебра находки Д. Я. Самоквасова также представляетъ три фигуры драконовъ, тождественныхъ съ древностями Китая и варваровъ эпохи переселенія народовъ. Но, помимо того, намъ придется разбирать разнообразныя варіаціи дальневосточнаго типа дракона, изображенныя на чашкѣ венгерскаго Миклошскаго клада.[1]

Значеніе дракона въ восточной миѳологіи.

Прежде всего, восточные типы миѳическихъ животныхъ, какъ и вся восточная миѳологія, имѣютъ свое собственное мѣстное происхожденіе, а драконъ принадлежитъ къ числу этихъ типовъ. Его образъ тѣсно связанъ, съ одной стороны, съ натуральною фигурой большой азіатской змѣи или змѣевиднаго ящера, съ другой, родственъ съ огнемъ, темною, громоносною и изборожденною молніями тучею, а потому съ языкомъ пламени, стихіею вырывающагося изъ сопки, вулкана, пламени, несущаго съ собою черный дымъ и смрадъ. Таково въ основаніи представленіе дракона въ персидской миѳологіи и эпическихъ сказаніяхъ. Драконъ есть слуга Аримана или воплощеніе его, это дивъ или демонъ, духъ зла. Область Турана Мазандеранъ служитъ жилищемъ дракона, верховнаго владыки демоновъ и его служителей, которые слѣпятъ персидскія арміи густымъ дымомъ, поражаютъ ихъ ливнями песку и камней, окутываютъ страну густымъ мракомъ. Страшныя изверженія пламени нефтяныхъ озеръ и источниковъ и темнаго дыма въ странахъ мрака рисовались сказаніями, какъ о походѣ Александра выше Окса въ области кочевниковъ, такъ и о походахъ персидскихъ армій противъ Мазандерана или Афрасіаба, и первая страна сѣверовосточной Парѳіи называется у Фирдоуси когтями дракона, жилищемъ дракона, страною волшебниковъ и злыхъ чародѣевъ. Всего яснѣе рисуетъ самый образъ дракона-владыки разсказъ о битвѣ Рустема съ верховнымъ дракономъ — волшебникомъ Сипедомъ, владыкою Мазанде-

Рис. 53. Китайская бронзовая ваза въ видѣ дракона (Париж. Музей Чернуски).

[1]) Hampel, J. Goldfund. v. Nagy-Szent-Miklos, 1885, fig. 27—29.

рана (Фирдоуси, XII, 360 сл.). Ожидая встрѣчи съ дракономъ, ложась спать, Рустемъ приказалъ своему коню будить его, если нападетъ левъ или хищникъ. Увидавъ дракона, конь будилъ хозяина дважды, но драконъ исчезалъ во тьмѣ, и Рустемъ, сердясь, что его будятъ напрасно, угрожалъ даже коню срубить голову, если еще разъ разбудитъ его ни къ чему. Но конь, увидавъ опять дракона, всетаки побѣжалъ къ хозяину, а дракона выдалъ во мракѣ исходившій изъ его пасти пламень, и Рустемъ убилъ дракона.[1] Итакъ, въ основѣ персидскихъ и среднеазіатскихъ понятій о драконѣ значилось всегда его огневоé дыханіе, и въ связи съ этимъ представленіе огнедышащаго чудовища или огненнаго змѣя, живущаго въ пещерахъ, похищающаго женъ и дочерей — области, оборотня и волшебника. Когда шахъ Кей-Каусъ задумалъ покорить Мазандеранъ, пошелъ въ эту страну съ арміей, то дэвъ Сипедъ разомъ выросъ въ цѣлую гору, до неба, черную, все покрылъ густымъ чернымъ дымомъ, и море стало какъ смола, съ чернаго неба падали камни, и двѣ трети арміи ослѣпли и попали къ чародѣю въ плѣнъ.

Персидское и китайское представленія о драконѣ.

Итакъ, персидское представленіе придаетъ дракону — волшебнику, и равно Туркамъ, вообще Турану, черный цвѣтъ или пристрастіе къ нему. Герой или богатырь у Турокъ, по Шахнамэ (XI, 35), подобенъ огнедышащему дракону, черной тучѣ, у него черное знамя и черная одежда. Разъ пехлеваны Персіи задумали охотиться съ ястребами на рукахъ и ручными барсами (гепардами) въ парадизѣ (или въ загражденномъ паркѣ) и набили дичи на 40 дней; близко жили Турки, мѣсто „почернѣло“ отъ ихъ палатокъ (Шахнамэ, XV). Принявъ чистое ученіе Зороастра, Персы считали магію дѣломъ противнымъ Ормузду, причастнымъ злу Аримана, враждебнымъ чародѣйствомъ, а Туранцевъ богопротивниками. Напротивъ того, Китай, принявъ дракона, какъ эмблему, сближавшую его съ древнею отчизною былого кочевья, находилъ у монгольскихъ владыкъ ту же эмблему пары священныхъ драконовъ, гармонію суши и воды на ихъ тронахъ.[2]

Отсюда понятно и разнообразіе цвѣтовъ китайскаго дракона отъ бѣлаго и желтаго, краснаго и золотого до пурпурнаго и чернаго, и ихъ пониманіе какъ видовъ дракона земноводнаго, очищающаго рѣки, вскрывающаго потоки и озера, до драконовъ бури вѣтра и темныхъ тучъ и пр., свивающихся въ бурю, раскидывающихся по небу огненнымъ облакомъ зари утренней и вечерней, стражей незыблемой Имперіи, ея храмовъ и владыкъ. По китайскому словарю драконъ, владыка неба и небесной силы на землѣ, имѣетъ всѣ черты земли и неба: драконъ бываетъ блестящій и темный, тонкій и толстый, длинный и короткій и т. п., весною подымается къ небесамъ, осенью погружается въ воду. Его формы измѣнчивы, онъ крылатъ, рогатъ и бываетъ безногимъ, или летитъ по небу, раскинувшись какъ облако,

[1]) Firdousi, Königsbuch (Schahname) üb. v. Fr. Rückert, 1894, I, XII, 250.

[2]) Сцена пріема пословъ Китая у монгольскаго хана XIV в., въ рукописи XVI вѣка, изданной В. В. Стасовымъ въ „Миніатюрахъ рукописей“, 1902, табл. VII.

или свертывается кругомъ себя или своей головы въ комокъ и въ кружокъ. На восточныхъ коврахъ съ трудомъ различишь среди декоративныхъ облачныхъ завитковъ фигуру летящаго среди нихъ дракона.

Библейскій образъ дракона.

Но, если обратимся къ Библіи, а слѣдовательно, и къ тому религіозному поученію, которое Библія дала христіанскимъ народамъ Европы, то встрѣтимъ уже съ первыхъ библейскихъ сказаній понятіе о зміѣ-демонѣ, первобытномъ искусителѣ, зломъ демонѣ, исконномъ врагѣ человѣчества. На той же основѣ строятся представленія змія великаго, исполинскаго Левіаѳана (Исаіи, XXVII, I), змія въ исторіи пророка Даніила, зміиныхъ чадъ — народовъ Гога и Магога, змія Александріи и колоссальной змѣи, живущей на днѣ Нила, семиглаваго змія, уносимаго исполинскою птицею Гарудою въ небеса.

Представленія о драконѣ въ христіанскую эпоху.

Въ христіанскую эпоху уже опредѣленно драконы трактуются воплощеніемъ злыхъ духовъ, и если Іоаннъ Златоустъ въ своихъ бесѣдахъ на Дѣянія Апостольскія упоминаетъ изображенія драконовъ на шелковыхъ одеждахъ византійскихъ царей, съ цѣлью явнаго порицанія языческихъ и притомъ демоническихъ эмблемъ, то это обстоятельство легко объясняется китайскими матеріями, приходившими въ Византію. Но, одновременно съ демоническимъ характеромъ сказочнаго дракона въ началѣ христіанской эры распространялись уже книжнымъ путемъ басни о крокодилахъ Египта и Индіи (dracones indici), китахъ морскихъ, и получалось неизбѣжное сближеніе этихъ рѣчныхъ и морскихъ чудовищъ и фантастическихъ формъ дракона въ однородныя фигуры. Такъ, и переводъ древняго текста Іоанна, экзарха Болгарскаго, соединяетъ китовъ и драконовъ въ одно существо, а древніе толковники такъ поясняютъ это животное: „лежасы (лежягы), киты, смокы, кітьстіи живoти, еже ся рекуть лежаси, иже равни творять съ островы и киты, иже лежасы безгода велици“ и пр. Далѣе, изъ гадовъ въ ту же эпоху стали упоминать два вида змѣй: аспиды и василиски, ставшіе образами враговъ христіанства („глухый аспидъ“ Лицевой Толковой Псалтири, затыкающій отъ гласа трубнаго хвостомъ свои уши) и самого Христа. Имѣется раннее изображеніе (VI вѣка) Христа путника, въ воинскомъ доспѣхѣ и съ крестомъ на плечѣ, попирающаго ногами аспида-змѣя и василиска въ архіепископской капеллѣ Хризолога въ Равеннѣ.[1] Что особо любопытно, впослѣдствіи василиска изображали и въ видѣ льва съ косматою гривою и вѣнцомъ съ человѣческою головою на тѣлѣ крокодила.

Драконъ въ русскихъ памятникахъ и въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ.

Въ заключеніе приводимъ два археологическихъ памятника и одно историческое свидѣтельство. На западной стѣнѣ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ, среди различныхъ рельефовъ имѣется одинъ, особо любопытный: представленъ крылатый драконъ, двулапый и со змѣинымъ хвостомъ, но съ туловищемъ человѣка, бьющійся со львомъ; рельефъ напоминаетъ сказанія Фирдоуси о демонахъ Мазандерана — Парѳіи, оборачивающихся то людьми,

[1]) См. это открытое реставраціею мозаическое изображеніе въ изд. Вильперта, J. Wilpert: Römische Mosaiken und Malereien, B. III. Taf. 89.

то драконами. Второй памятникъ — деньга кн. Бориса Александровича Тверского (1425—61 г. г.); на оборотной сторонѣ ея, среди надписаннаго кругомъ имени, оттиснуто изображеніе крылатаго дракона, указаннаго поздне-персидскаго типа, идущаго отъ сассанидскихъ образцовъ (сосудовъ — см. Рус. Др., III, рис. 94 и 96).[1]

Историческое свидѣтельство читается въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1091 г. (=6599) такъ: „се же лѣто бысть Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе, ужасошася вси людье. В се же время земля стукну, яко мнози слышаша.“[2] Объясненіе этого, очевидно, реальнаго факта можетъ быть дано такое: во время лова, когда всѣ были въ сборѣ и напряженіе было столь сильное, что всѣ видѣли и слышали, упалъ гдѣ то по близости пылавшій огнемъ аэролитъ, проводя на полетѣ полосу огня и произведя стукъ земли при паденіи, и мгновенно потухнувъ, исчезъ какъ бы изъ глазъ людей въ окрестности. Привычное толкованіе тотчасъ же было дано свѣдущими людьми: упалъ огненный великій змій, драконъ. Недаромъ, какъ намъ сообщила кн. Н. Г. Яшвиль, въ окрестностяхъ Черкасскаго уѣзда, въ имѣніи Сунки, есть глубокій яръ, по названію Джеуровъ Яръ, куда, по преданію, живущему въ народѣ, въ канунъ Воздвиженія Креста собираются всѣ окрестные змѣи къ ихъ царицѣ,[3] живущей въ глухомъ лѣсу ущелья, гдѣ имѣется, однако, церковь и кладезь имени Николая Чудотворца...

III.

Изображенія звѣрей въ искусствѣ эпохи эллинизма.

Намъ, конечно, ясно, какой разительный контрастъ представляло собою міровоззрѣніе варваровъ съ идеологіею греко-римскаго міра, уже успѣвшаго забыть жизнь среди природы, ради жизни городской съ ея тѣсными и однообразными предѣлами. Недаромъ греко-римское искусство стало исключительно антропоморфическимъ, повинуясь вкусамъ и бытовымъ формамъ жизни среди форума, цирка, гимназіи и термъ. Міръ животныхъ, красоты природы, пейзажа и сельской тишины стали доступны лишь владѣльцамъ виллъ, высшему классу путешественниковъ и являлись уже избранными темами для стѣнныхъ росписей въ пиршественныхъ залахъ.

Но въ то же время колоссальное устремленіе греко-римскаго міра, уже задыхавшагося въ своихъ узкихъ рамкахъ, на захватъ старо-азіатскаго

---

¹) [А. В. Орѣшниковъ: Русскія монеты до 1547 г., Импер. Росс. Ист. Муз. Описаніе памятниковъ I. Москва 1896. №№ 234–237, 239—242, табл. III, 103—107, 110—113. Также и на монетахъ кн. Михаила Борисовича Тверского (1461—1486), тамъ же №№ 295—315, табл. IV, 158—172].

²) П. С. Р. Л., т. I (I-е изд. СПб. 1846), стр. 92.

³) Царицы змѣй изъ женщинъ, похищаемыхъ драконами-чародѣями, упоминаются въ сказаніяхъ и легендахъ о святыхъ. Иконы Ѳеодора Тирона представляютъ его мать, вѣнчаемую двумя драконами въ пещерѣ, когда святой убиваетъ семиглаваго змія. [См. Kondakov — Minns, The Russian Icon, Oxford 1927, p. 170, pl. LIII.]

міра, начатое завоеваніями Александра и поддержанное экономическими богатствами необъятнаго эллинистическаго міра, повлекло за собою громадное расширеніе умственнаго кругозора древности. Поражающая историка умственная дѣятельность „александрійскаго періода“ литературы, философіи и точныхъ наукъ возстановила съ избыткомъ узкую односторонность греческой жизни, давъ ея испытаннымъ силамъ необъятный просторъ всего „круга земного“ для мірового пониманія. Въ этомъ кругѣ почетное мѣсто занялъ міръ животныхъ, растеній и даровъ природы, ставшій на нѣсколько вѣковъ важнѣйшимъ предметомъ наблюденія, отъ Аристотеля до Плинія Младшаго. На монетахъ, стѣнныхъ росписяхъ появляются изображенія рѣдкихъ и неизвѣстныхъ звѣрей отдаленныхъ странъ Азіи и Африки, сѣвера и юга, слона, носорога, гиппопотама, тюленя, зебу, страуса, ибиса, попугая, крокодила и пр.,[1] иллюстрируются мастерами книги объ охотѣ, составляются энциклопедическія обозрѣнія фауны, флоры, рѣдкихъ дорогихъ камней и минераловъ. Ктезій у грековъ, Плиній у Римлянъ передаютъ въ краткихъ и сжатыхъ перечняхъ любопытные разсказы о сказочной мантихорѣ, скиѳскомъ тарандрѣ, африканскомъ хамелеонѣ, аравійскомъ фениксѣ, киринейскомъ василискѣ, индѣйскомъ единорогѣ, эѳіопскомъ водяномъ конѣ, большихъ птицахъ, баснословныхъ пегасахъ и грифахъ. Всѣ эти списки и разсказы увеличивались и разростались въ области звѣриной миѳологіи, сказаній о божескихъ и человѣческихъ метаморфозахъ, которыя несли съ собою въ устную словесность и письменность религіи Египта, Сиро-Финикіи, Вавилона и Персіи. Одинъ Египетъ[2] приносилъ искусству рядъ зооморфическихъ типовъ божества путемъ сочетанія человѣческаго образа со звѣриною или птичьею головою: гиппопотама, собаки, шакала, крокодила, льва, быка, копчика, кошки, коровы, барана и пр., фигуры сфинкса съ львинымъ тѣломъ и головою то человѣческою, то бараньею и т. д. Но еще длиннѣе списокъ изобрѣтенныхъ искусствомъ сказочныхъ звѣрей и животныхъ, воплощенныхъ міромъ античной древности: химеры, пегаса, грифа, гарпіи, сирены, гиппокампа, гидры, кербера, минотавра, гликона, скиллы, тритона, кентавра, горгоны, дракона, равно миѳологическихъ демоновъ, какъ сатира и силена, фавна и титана, циклоповъ и кинокефаловъ.

Еще важнѣе въ данномъ періодѣ исторіи то обстоятельство, что всѣ перечисленные античные образы путемъ искусства и, главное, письменности, иллюстраціи, стали, такъ сказать, азбукою образованнаго человѣка, фигу-

---

[1]) O. Keller, Antike Tierwelt. Imhoof-Blumer und O. Keller, Tier u. Pflanzenbilder auf Münzen u. Gemmen des Klassischen Altertums mit 1352 Abbildungen. Leipzig 1889.

[2]) Hünter, Das ägyptische Pantheon. Archiv f. Relig. Wiss., XV, 1912 даетъ списокъ животныхъ: быкъ, гусь, кошка, левъ, волкъ, павіанъ, ибисъ, ястребъ, ласточка, коршунъ, фениксъ, крокодилъ, рыба, змѣя, шакалъ, собака, скорпіонъ, жукъ, равно составные типы: сфинкса, грифа, звѣря съ головою жирафа и стрѣлою на хвостѣ и пр. Спеціальное изслѣдованіе типовъ см. Wildemann, Tierkult d. alt. Aegypter, 1914. Zimmermann. Der aegyptische Tierkult. 1912.

рами и формами привычными съ дѣтства, условными терминами литературнаго языка, знаками съ опредѣленнымъ разъ навсегда значеніемъ. Если затѣмъ кратко указать на привычное антику въ эллинистическую эпоху упражненіе въ причудливыхъ комбинаціяхъ формъ звѣриныхъ, змѣиныхъ, птичьихъ и пр., родившихъ такъ называемые гротески, то успѣхъ сказочныхъ и фантастическихъ образовъ былъ заранѣе обезпеченъ. Исторически понятно и то, что выработка художественныхъ формъ для этихъ образовъ, велась главнымъ образомъ въ поздне-античное время, когда напримѣръ, миѳы о подвигахъ Геракла стали интересовать съ романической стороны: удушеніе героемъ змѣй, льва, битва съ кентаврами, съ Нессомъ, гидрою, вепремъ, быкомъ, конями, Керберомъ и пр.

На геммахъ античнаго міра мы видимъ живой, характерный міръ звѣрей, поднявшихся на дыбы, извернувшихся въ схваткѣ, несущихся за добычею, терзающихъ ее, пожирающихъ, прыгающихъ. На монетахъ избранные, какъ эмблемы странъ и городовъ, звѣри — въ монументальныхъ постановкахъ, покойно идущіе. Въ концѣ античнаго искусства видимъ новый интересъ къ звѣриному царству и животному міру, въ любительскомъ и охотничьемъ родѣ, какъ и любованіе фантастическими композиціями. Можно было бы сказать, что путемъ книжнаго просвѣщенія, александрійской литературы энциклопедій и географическихъ описаній устанавливалась заранѣе извѣстная связь съ исконными вкусами и интересами варварскаго міра, возвращалась жизнь среди природы.

Физіологи и бестіаріи.

Несомнѣнно таково значеніе литературнаго памятника ранняго средневѣковья, называемаго физіологомъ, выдѣлившагося изъ александрійскихъ энциклопедій сборника поучительныхъ разсказовъ о животныхъ и звѣряхъ, рѣдкихъ и невиданныхъ растеніяхъ, драгоцѣнныхъ камняхъ и минералахъ, и впослѣдствіи, уже спеціально на Западѣ, еще болѣе обособившагося подъ названіемъ бестіарія. Сборники эти и по составу своему, и по характеру разсказовъ далеко отошли отъ первоначальнаго матеріала и его характеристикъ, но съ самого начала получили характеръ дидактическій, поучительный, сначала въ предѣлахъ общей морали и общевосточной символики, и только позднѣе символики христіанской и богословскаго поученія. Такимъ образомъ, физіологи, извѣстные намъ подъ именемъ Мелитона Сардійскаго, Епифанія Кипрскаго, относятся уже къ позднѣйшимъ передѣлкамъ раннихъ списковъ и, только изъ благочестиваго усердія, приписаны чтимымъ писателямъ и Отцамъ Церкви. Такъ, вообще говоря, списки физіологовъ русскихъ, переведены частью съ греческихъ оригиналовъ или же передѣланы съ болгарскихъ переводовъ, а эти самые образцы и греческіе и болгарскіе не восходятъ ранѣе XIII—XIV вѣковъ и въ свою очередь являются переработкою оригиналовъ VIII—IX стол.[1]

[1]) Физіологъ Мелитона, изд. въ Spicilegium Solesmense t. t. II—III кардинала Питра (J. B. Pitra. — Parisiis 1855) подъ заглавіемъ: Clavis pene universa rei Symbolicae Antiquorum

Физіологъ Мелитона не лишенъ древнехристіанскихъ чертъ: онъ слишкомъ часто вспоминаетъ язычниковъ въ своихъ уподобленіяхъ, чтобы не видѣть извѣстной тревоги церкви (явно, притомъ — западной) по поводу ихъ упорнаго существованія среди христіанской общины. И, тѣмъ не менѣе, памятникъ не ранѣе временъ папы Григорія I Великаго — настолько характеръ сравненія и символическихъ уподобленій сталъ риторическимъ, общепоучительнымъ и утратилъ живыя черты времени. Рядъ животныхъ уподобляется, въ силу ихъ добрыхъ свойствъ, кротости, беззащитности и въ то же время неустанной бодрости, рвенія, непреоборимости, самому Богочеловѣку, какъ конь, телецъ, овенъ, агнецъ, левъ и львенокъ (скимнъ), единорогъ, онагръ, жеребенокъ, лань. Быкъ долженъ напоминать народъ Іудеи, волы — надменныхъ фарисеевъ, козлы — грѣшниковъ, вепрь — діавола, свинья — еретика и вѣроотступника, барсъ — антихриста, медвѣди, тигры и волки — нечистыхъ духовъ, тогда какъ вѣрная собака — апостоловъ и олень — мужа, живущаго духовно. Еще болѣе характерными являются птицы, изъ которыхъ голуби представляютъ невинныхъ людей, а горлицы — чистыхъ душою и тѣломъ, куры же, убивающія скорпіоновъ — учителей Церкви, орелъ и Христа и Іоанна, его любимаго „благовѣстника“, пѣтухъ и Христа и Апостоловъ, соколъ — вообще святого человѣка. Но совы напоминаютъ человѣку волшебниковъ и чародѣевъ, коршуны — и діавола и лже-монаховъ, сороки — льстецовъ, гагары — пьяныхъ, цапля — забывчиваго человѣка, струѳій — лицемѣра, куропатка — нечистаго человѣка. Пеликанъ — птица, живущая заботами о чадахъ, становится образомъ самого Іисуса Христа въ „Страстяхъ“. Вотъ почему образъ пеликана весьма часто встрѣчается на западныхъ рельефахъ романскаго стиля, между которыми особо выдается изображеніе пеликана, (съ крупною подписью: Pellicanus) на амвонѣ ц. св. Амвросія въ Миланѣ XII вѣка, какъ большой птицы, рвущей собственную грудь, чтобы напитать дѣтенышей въ гнѣздѣ, на краю котораго она сидитъ. Съ другой стороны, мы въ свое время должны будемъ утвердить, что изъ этого моралистическаго списка крайне мало животныхъ и птицъ изображаются въ барельефахъ и въ рукописяхъ съ указаннымъ смысломъ, что ясно доказывается, что все это морализованіе естественной исторіи прошло мимо средневѣковаго искусства и просвѣщенія. Равно, пресловутый Ключъ открываетъ намъ, что гора есть образъ Христа, скала — образъ Церкви Христовой и камень — образъ Христа и по его слову Апостола Петра и утвержденной на немъ Церкви. Правда, мы увидимъ въ миніатюрахъ Толковой Псалтыри образъ скалы съ надписью имени Іисуса Христа, но

Символическія значенія звѣрей.

arcanorum, былъ нѣкогда объявленъ древнѣйшимъ, но, какъ принято нынѣ, ошибочно. Въ спуріяхъ Епифанія Кипрскаго см. Fabricii Bibl. gr. VII p. 427. Глава 57 II-й книги Сборника Константина Порфиророднаго De cerim aulae byz. озаглавлена: Τοῦ φυσιολόγου ἡ τῶν ἑκαστοῦ θηριόυ θαυμαστικὴ ἕξις (πραγμάτων) — ed. Bonn. p. 515.

нигдѣ внѣ текста не увидимъ горы съ этимъ символическимъ смысломъ. И если, по Мелитону, двѣ горы напоминаютъ два завѣта, то нельзя толковать въ этомъ таинственномъ смыслѣ иконный типъ пустыни съ двумя горками, на заднемъ планѣ, или даже двумя скалами, лѣвою въ тѣни и правою въ свѣту: мы имѣемъ здѣсь только декоративный типъ, издревле сложенный и вѣчно повторяемый.

Древность физіолога.

Древность физіолога легко и точно опредѣляется самыми памятниками искусства: стоитъ только сравнить декоративную роспись Равеннскаго баптистерія V вѣка съ мозаическою росписью усыпальницы Галлы Плацидіи средины V вѣка тамъ же. Въ баптистеріи кромѣ пластическихъ сценъ, извлеченныхъ изъ цикла христіанскихъ представленій Крещенія, Апостоловъ, Пророковъ есть также декоративныя украшенія аркадъ, которыя развѣ только изображеніями голубей напоминаютъ христіанскія темы, но относятся цѣликомъ къ языческимъ источникамъ эллинистическаго искусства. Напротивъ того въ усыпальницѣ имѣются уже прямо аскетическія темы, и среди нихъ, въ пышныхъ мозаическихъ разводахъ листвы, долженствующей представлять болотистую заросль, представлены два оленя, устремляющіеся къ источнику водному, скрытому въ чащѣ.

Образъ оленя, „стремящагося къ источнику водному“, сталъ уже азбучнымъ символомъ души, жаждущей христіанскаго ученія, напояющаго душу вѣрою въ жизнь вѣчную, и потому является въ этомъ памятникѣ наряду съ образомъ великомученика Лаврентія, взявшаго Евангеліе и крестъ и самоотверженно и рѣшительно идущаго къ своему смертному одру съ пылающимъ огнемъ. Такъ и греческій физіологъ въ одной изъ первыхъ главъ трактуетъ объ оленѣ, по слову Давидову, стремящемся къ источникамъ воднымъ. Ясна разница между древне-восточными и сѣверо-варварскими образцами, которые представляютъ стада оленей, пасущихся или убѣгающихъ отъ охотника, или сернъ, газелей и антилопъ, длинною вереницею бѣгущихъ, прыгающихъ въ травѣ, и тѣми христіанскими темами, въ которыхъ видимъ пары оленей, антилопъ по сторонамъ древа жизни, воднаго источника...

Русскій физіологъ.

Русскій физіологъ представляется переводною статьею греческаго оригинала[1] или же передѣлкою болгарскаго перевода, но уже съ XIV вѣка, явно, подвергся, самъ или же въ молдо-влахійскихъ спискахъ, переработкѣ подъ наплывомъ западныхъ вставокъ.[2] Сборникъ уже полностью разукрашенъ всевозможными баснями о нравахъ звѣрей, животныхъ, птицъ и гадовъ, и всѣ эти басни заканчиваются поучительными экскурсами въ сторону праведниковъ и грѣшниковъ, добродѣтелей и пороковъ здѣшняго міра.

---

[1]) [См.: текстъ греческаго Физіолога Московской Синодальной библіотеки — A. Karnejev: Der Physiologus der Moskauer Synodalbibliothek; Byzantinische Zeitschrift III, 1894, s. s. 26—63; о текстѣ и миніатюрахъ Физіолога библіотеки въ Смирнѣ. — J. Strzygowski: Der Bilderkreis des griechischen Physiologus; Byzantinisches Archiv, H. 2, 1899, s. s. 1—45, t. t. I—XXIII.]

[2]) Карнѣевъ А., Физіологъ, 1890.

Такъ, олень ведетъ исконную борьбу со змѣею и, увидавъ его, бѣжитъ она въ распалины земныя, но онъ наноситъ и нальетъ туда воды, она выползетъ и будетъ имъ затоптана. Такъ и Господь затопилъ змѣя адскаго небесными водами. Подобна оленю антилопа (уподропъ — ὕδρωψ), но „гнѣвлива зѣло,“ „рога имѣетъ“ „долги, какъ пилы,“ „препираетъ ими великое дубье,“ живетъ на Ефратѣ, гдѣ заплетается въ тонкихъ вѣтвяхъ мѣстныхъ Звѣри.

Рис. 54. Рельефное изображеніе слона на стѣнѣ собора въ Юрьевѣ — Польскомъ.[1]

деревъ, куда приходитъ на водопой. Кроткій нравъ имѣетъ серна, живущая на высокихъ горахъ и потому развившая свое зрѣніе.

Физіологъ особенно занимается чудными ствойствами разумнаго слона, какъ въ рожденіи чадъ (въ водѣ), такъ въ жизни: онъ такъ великъ и такъ построенъ, что когда упадетъ, не можетъ подняться самъ, но даже и двѣнадцать слоновъ, принявшихся поднимать его, не смогутъ того, а подниметъ легко, подперевъ снизу, дѣтенышъ. Естество малаго слона таково, что если покадить подожженымъ прахомъ его костей, то не выдерживаютъ того ни змѣи, ни бѣсы. Левъ также „имѣетъ три вещи“: когда на ловъ

[1]) [См. Гр. А. А. Бобринскій: Рѣзной камень въ Россіи, Москва 1916, табл. 40, 7].

идетъ, хвостъ кроетъ слѣды; когда спитъ въ пещерѣ, вѣжды его отверсты (отсюда изображеніе льва въ притчѣ: Спасъ Недреманное Око); львица рождаетъ дѣтеныша мертвымъ и стережетъ его три дня, придетъ отецъ, дунетъ на лицо ему и возставитъ его. Онагръ — дивій оселъ, является пастухомъ стада, а потому даже образомъ Спаса, но также по своей дикой волѣ — „кто оставитъ его на свободѣ“ по восклицанію Іова — становится въ средніе вѣка образомъ нечистаго духа. Напротивъ того единорогъ, въ позднегреческомъ (съ XIV вѣка) Физіологѣ и оттуда въ русскомъ, уже совершенно ничего не имѣетъ общаго съ дѣйствительнымъ носорогомъ, отъ котораго по существу происходитъ. Въ полное отличіе отъ первобытнаго единорога, громаднаго Индрика нашихъ духовныхъ стиховъ, царя звѣрей, по Физіологу это „малъ животъ, подобенъ козляти, зѣло кротокъ“, но ловецъ къ нему не можетъ приблизиться, „зане силенъ“, а желая уловить его, „повергаютъ передъ нимъ чистую дѣвицу“ (такова редакція русская — иначе передаютъ западные бестіаріи), и „приползаетъ къ пазухѣ и персемъ ея и сосетъ ихъ, и ведетъ его дѣвица въ палату“. Здѣсь очевидно западная вставка. Всѣхъ животныхъ любезнѣе панѳиръ (пантера), пестръ и красивъ, тихъ и кротокъ, послѣ долгаго сна возопіетъ отъ голода, и животныя сами идутъ на его крикъ.

Птицы. Но, конечно, всего болѣе занимается Физіологъ, въ силу своихъ моралистическихъ задачъ, птицами небесными и гадами, прячущимися въ нѣдрахъ земныхъ.

Во главѣ птицъ, конечно, стоитъ орелъ, обновляющійся, по Давиду, въ старости; ослѣпнувъ отъ старости, ищетъ источника чистой воды, найдя его возлетитъ къ солнцу, сожжетъ свои крылья и „тму очей,“ и павъ, погрузится въ воду трижды и прозрѣетъ. Но, послѣдуя восточному міровоззрѣнію, Физіологъ прославляетъ чудесную птицу Индикіи — феникса — живетъ 500 лѣтъ, по прошествіи ихъ погружается въ „древа Ливанскія“ и наполняетъ крылья свои ароматами ихъ, летитъ въ градъ Иліополь, возлетитъ на приготовленное для нея іереями града требище (костеръ) и, возгорѣвшись, сгораетъ; утромъ чиститель требища обрящетъ въ прахѣ червя, который на третій день возлетитъ птицею, въ прообразѣ Спаса; фениксъ имѣетъ крылья цвѣтовъ сафира, изумруда и иныхъ свѣтящихся камней и вѣнецъ на головѣ. Такими же красотами блещетъ тѣло райской птицы Сирина, но, извлекая сказанія древнихъ о Сиренахъ, Физіологъ, видимо, колеблется сообщить о райскомъ пѣніи Сирина, чарующемъ гдѣ-то, по близости рая земного, смѣлыхъ путниковъ, предпочитающихъ погибнуть въ областяхъ полнаго мрака, окружающихъ мѣсто запретнаго рая, нежели вернуться къ мирскимъ пѣснямъ. Мы увидимъ, что въ вопросахъ о Сиринѣ, Алконостѣ и прочихъ чудныхъ птицахъ авторитетомъ и источникомъ остались чисто восточныя сказанія (напримѣръ, Александріи), а не греческіе физіологи. Алконостъ — образъ птицы, живущей на морѣ (ἀλκυών отъ ἅλς и κύω), „выводящей на морѣ чадъ своихъ, среди зимы, въ семь дней“

(Аристотель, Василій Великій въ Гом. на Шестодневъ). Но тотъ же альціонъ (alcedo hispida) является своднымъ образомъ также Струфима-Страуса, который ѣстъ и пьетъ и плодъ творитъ на синѣ морѣ.

Понятно особое увлеченіе Физіолога голубемъ, символическимъ образомъ Духа Святаго, сходящаго въ видѣ голубинѣ и пребывающаго на главѣ Спаса. Голуби есть ловственные и мирные, черные и златозрачные, бѣлые и червленые, какъ червленая хланида Христова и пр. Извѣстны и чудные нравы чистой горлицы, живущей уединенно въ пустынѣ (зѣло отходична — ἀναχωρητική, какъ Спасъ „на горѣ Элеонстѣй"). Извѣстны и хвалы, воздаваемыя „чистымъ дѣвамъ" въ Житіяхъ: „чистая агница," „нескверная голубица," „благоглаголивая ластовица," „Христу уневѣщенная дѣва" и т. п. Ластовица „весну являетъ," „возбуждаетъ утромъ на работу." Дивная птица неясыть-пеликанъ, чадолюбецъ; по русскимъ сказаніямъ, когда голодные птенцы его начнутъ клевать тѣло родителей, то избиваетъ птенцовъ и потомъ три дня плачетъ по нихъ, и тогда мать источитъ кровь свою на мертвыхъ чадъ и оживутъ. Чадолюбивъ и аистъ, наичистѣйшая птица, но нечиста цапля и ибисъ, хотя въ глубинахъ водныхъ питается чистыми рыбами. Но подобныхъ мудрыхъ птицъ возглавляетъ харадръ — χαράδριος, извѣстный у насъ подъ названіемъ щегла, у итальянцевъ — Calandrini, Cardellino, фран. Chardonneret. Объ этой птицѣ будто-бы и во „Второзаконіи" читается, но еще болѣе разсказывается въ средневѣковыхъ бестіаріяхъ, Тезоро Брунетто Латини и т. д., включая даже тайнопись Леонардо да Винчи и его Бестіарій.[1] Птица описывается и въ бестіаріяхъ, и въ позднѣйшемъ физіологѣ чертами не принадлежащими реальному щеглу: „вся бѣла" (смѣшивается съ бѣлымъ голубемъ), не имѣетъ на себѣ „пестроты" оперенія. Внутренности птицы исцѣляютъ очи слѣпымъ. Если кто въ царскихъ палатахъ заболѣетъ, то черезъ харадра можно узнать, останется въ живыхъ онъ или умретъ. Если ему суждено умереть, то „отвратитъ лицо свое харадръ отъ болящаго" и всѣ поймутъ, что онъ умретъ. Если жить человѣку тому, харадръ возьметъ (вытянетъ) „язву болящаго" — болѣзнь, возлетитъ на эфиръ и выброситъ ее. Такъ и Спасъ, взявъ на себя недуги людей, вознесся на древо крестное. Въ западныхъ стихотворныхъ передѣлкахъ (Чекко д'Асколи) передается, что такъ узнается, будетъ ли живъ ребенокъ: каландринъ весело смотритъ на ребенка, и родители радуются. Щегленка живого и юркаго давали дѣтямъ, какъ игрушку: онъ веселилъ ихъ, летая, привязанный верезочкою, и птичка, изображаемая въ рукахъ Святого Младенца, есть именно щеголъ, весь черный, а затѣмъ бѣлый или бѣлый птенецъ голубиный, отсюда и названіе русской иконы Богоматери, представляющей собственно списокъ съ итальянской Мадонны — „Голубицкая".[2]

[1]) A. Springer, Physiologus des L. da Vinci. Ber. d. K. Sächs. Ges. d. Wiss 1884, 244—271.
[2]) [См. Kondakov — Minns: The Russian Icon, p. p. 80—82, pl. pl. XVI, 2 & XVII.]

Гады.

Образами зла и вмѣстѣ съ тѣмъ мудрости, по евангельскому слову, являются гады. Изъ нихъ змѣя, обновляющая свою кожу въ старости, оставляющая свой ядъ въ431 логовѣ, когда пьетъ, прячущая голову, когда ее убиваютъ, стала эмблемою зла, скрытаго и неразгаданнаго, коварнаго и смертельнаго. Виднымъ типомъ, даже среди рѣзныхъ камней средневѣковыхъ соборовъ, представляется сказочный образъ — ехидна (vipera), имѣющая женское лицо и тѣло до чреслъ и ошибъ крокодила, ставшая эмблемою фарисейства. За нею слѣдуетъ образъ аспида, злобнаго гада, затыкающаго себѣ уши и ротъ въ припадкѣ злобы (напоминаетъ Евреевъ для Отцовъ Церкви), если слышитъ крики или звуки органовъ, почему и зовется „глухой аспидъ.“ Но тутъ уже физiологъ вступаетъ въ предѣлы сказочныхъ гадовъ, каковъ, напримѣръ, василискъ, образъ дракона съ человѣческою головою, тѣломъ ящера, оканчивающимся хвостомъ змѣинымъ, со змѣиною головою на концѣ и съ короною царскою на первой головѣ. Всѣ волшебныя формы таинственнаго нильскаго крокодила и каймана — „ящерицы iлiакиской,“ ихневмона и саламандры, и разсказы о томъ, какъ ослѣпнувшiй въ старости кайманъ ищетъ стѣны на Востокъ и, влѣзши въ разсѣлину ея, зритъ на солнце восходящее, и отверзаются его очи, или какъ саламандра гаситъ горящую печь, подобно тремъ отрокамъ Вавилона, даютъ крайне произвольныя и декоративныя формы драконовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и смутное понятiе о чудовищныхъ гадахъ, гнѣздящихся гдѣ-то въ таинственныхъ областяхъ мрака и глубокихъ пещерахъ горъ. Самый китъ есть тоже громадный драконъ (аспидохелъ), живущiй въ морѣ, имѣющiй тѣло ящера-крокодила и голову съ громадными челюстями, полными острыхъ зубовъ-клыковъ, засыпаетъ у берега, привлекаетъ корабельщиковъ къ высадкѣ и затягиваетъ ихъ въ глубину морскую. Типъ дракона вообще, пришедшiй съ Востока еще въ древности, повторенный множествомъ „даровъ“ Индiи, Китая, Ислама, былъ принятъ, какъ образъ грѣха.

Сложныя формы гадовъ.

Взамѣнъ древнихъ образовъ Химеры, Пегаса, Кентавра, Грифа и пр. средневѣковье стало питать свое воображенiе образами древняго Востока, почерпая ихъ или въ Библiи или въ мудростяхъ Египта и Вавилона, переданныхъ арабскими хрониками, персидскими сказками. Библiя говорила[1] о раздѣленiи животныхъ на чистыхъ и нечистыхъ, и вотъ сложныя формы гадовъ, насѣкомыхъ, хищныхъ звѣрей и птицъ стали почитаться нечистыми, запрещенными, табу, какъ было у грековъ по разнымъ мѣстамъ, въ Египтѣ и Iудеѣ.

На этой древнѣйшей основѣ летающiе гады, по Второзаконiю, XIV, 19, считаются нечистыми, и потому образъ василиска въ среднiе вѣка представляетъ сочетанiе, придуманное изъ ряда чертъ. Змѣинообразный

[1]) Второзаконiе, XIV, 3—20. Wigand, K. Unreine Tiere. Archiv für Religionswissenschaft, 1914, XVII.

ящеръ, одаренный чрезвычайной силой и ужасающаго своимъ безобразіемъ вида, неестественно порожденное существо, выведенное земноводными, злобное и зловредное. Пѣтухъ, змѣя и жаба произвели его на свѣтъ, и потому у василиска крылья, гребень и вѣнецъ природный на головѣ — пѣтушьи, ноги ползающаго ящера, змѣиный хвостъ. Ядъ его челюстей и глазъ заражаетъ воздухъ, убиваетъ смертныхъ, пожигаетъ траву и цвѣты, убиваетъ птицу на лету. Но, заслышавъ пѣніе пѣтуха, василискъ прячется вглубь земли. Фигура василиска, какъ дракона, составляетъ необходимую принадлежность звѣриныхъ фризовъ, отчасти въ силу того, что даетъ наиболѣе ясную и пластическую комбинацію змѣи и гада, но, конечно, потому, прежде всего, что это признанный образъ зла, вмѣстѣ съ ехидною и аспидомъ, въ Толковыхъ Лицевыхъ Псалтыряхъ, въ орнаментаціи иниціаловъ въ рукописяхъ...

Чудища.

Правда, всѣ эти сказочно-чудесныя формы колоссальныхъ ящеровъ, невѣдомыхъ слоновъ и носороговъ или единороговъ, „струфокамиловъ" или „камилолеопардовъ" (жирафовъ), манихоръ волшебныхъ, наряду съ птицами, существами невѣдомыхъ областей: сиренами и кентаврами, левіаѳанами и бегемотами, птицами гарудами и грифами занимали воображеніе средневѣковья. Недаромъ, начиная съ бл. Іеронима, перечисляющаго „чудищъ земныхъ", всѣ Отцы Церкви, послѣдуя апокрифическимъ сказаніямъ самой Библіи, пользовались волшебными типами „дивныхъ" тварей земли въ своихъ риторическихъ ссылкахъ, въ панегирикахъ Творцу Вселенной, въ хваленіяхъ Господа Бога и Спаса Вседержителя въ вышнихъ, въ силахъ Его, въ твари земной и чудесахъ земныхъ. Явно, не прописная мораль физіологовъ занимала умы и воображеніе средневѣковья, когда оно, въ своей жаждѣ общаго, энциклопедическаго познанія переходило отъ богословія къ земному міру, къ естественной исторіи, но иное міровоззрѣніе, намъ уже чуждое и образованною Европою уже пережитое.

Общіе обзоры средневѣковой исторіи намъ говорятъ, что даже высшія сословія того времени жили какъ бы внѣ земного міра своею обособленною душою. Люди были преисполнены вѣрою въ реальность будущей жизни, чуждались прелестей и соблазновъ жизни земной, считали чудо своимъ и близкимъ, понятнымъ и естественнымъ для вѣрующаго, таинства его собственною средою, міръ небесныхъ откровеній доступнымъ предметомъ его мысли...

4.

Единорогъ.

Происхожденіе миѳическаго единорога отъ реальнаго носорога Индіи (Rhinoceros indiens unicornis) не оставляетъ никакого сомнѣнія въ настоящее время, благодаря памятникамъ Востока и Восточной Европы. Принимая лишь античные памятники въ расчетъ, классическая археологія предпочла выдѣлить единорога въ разрядъ миѳологическихъ существъ фантастическаго сложенія.[1] Древніе узнали индійскаго носорога, какъ отъ

[1]) O. Keller, Antike Tierwelt. 1909, 1, 383 и 415 и сл.

Аристотеля, давшаго ему имя единорога, но опредѣлившаго его индійскимъ осломъ, такъ и отъ Курція и Псевдо-Каллисѳена, но уже тогда разсказывали о звѣрѣ много разныхъ басенъ: живетъ онъ въ тростниковыхъ лѣсахъ, Индія будто бы не знаетъ самокъ, звѣри эти только забѣгаютъ въ нее, они ведутъ постоянную вражду со слонами, рогъ свой этотъ звѣрь точитъ объ скалы такъ, что онъ остеръ какъ мечъ.[1] И такъ какъ весь баснословный матеріалъ становился сразу достояніемъ книж-

Рис. 55. Борнзовая фигура единорога въ музеѣ Чернуски въ Парижѣ.

ныхъ передачъ, естественно и самыя изображенія древности осложняли реальный типъ. Фактически узнали носорога Римляне на аренѣ въ 5-й годъ по Р. Хр.[2] Изображенія на рельефахъ Ассиріи (обелискъ Салманассара II) представляютъ видъ большого быка съ прямымъ рогомъ, поднятымъ отъ лба вверхъ,[3] на вавилонскомъ цилиндрѣ съ клыкомъ, впередъ протянутымъ,[4] и только на помпеянскомъ рельефѣ близко къ дѣйствитель-

¹) [Plinii: Nat. Hist. VIII, 20 (носорогъ — врагъ слона), 21 (единороги — индійскіе быки); XI, 46 (единорогъ — индійскій оселъ); XVIII, 1 (носорогъ — точитъ рогъ о скалы) и т. д.]

²) [Dionis Cassii Cocceiani: Historia romana, l. 51, c. 22].

³) Ib. рис. 133, также въ Хорсабадѣ, Perrot et Chipiez, Histoire de l'Art, vol. II табл. XV, Ed. Schrader, Die Vorstellung von μονόκερως. und ihr Ursprung Abh. d. Pr. Akad. 1892, табл. V, 8.

⁴) О. Келлеръ, рисун. 134: большая птица клюетъ носорога, сѣвши на спину, какъ на болгарскомъ рельефѣ. Вѣроятно, по баснямъ о птицахъ, клевавшихъ у носорога насѣкомыхъ, какъ у крокодила.

ному носорогу.[1] Что же касается золотой пластинки Аму-Дарьинскаго клада, идущаго отъ начала II вѣка до Р. Хр., представляющей крылатаго быка съ загнутымъ назадъ небольшимъ рогомъ, въ обычномъ ассирійскомъ типѣ, то явно, это уже фантастическое животное, изъ разряда декоративныхъ чудовищъ.[2] Именно такого звѣря поражаетъ мечомъ царь на рельефѣ Персеполя, ухвативъ за рогъ лѣвою рукою, и его же представляетъ золотая пластинка Александропольскаго кургана,[3] какъ бляшка отъ покрова, играющая роль или апотропея (оберега), или же декоративную.

Восточный типъ единорога.

Постараемся кратко показать, что, помимо античныхъ типовъ и средневѣковыхъ западныхъ, существовало еще представленіе восточное, своего рода также средневѣковое, ибо оно принадлежитъ Китаю и Центральной Азіи и въ то же время перешло въ Восточную Европу и можетъ быть прослѣжено въ средневѣковыхъ памятникахъ...

Остановимся на одномъ мелкомъ памятникѣ: великолѣпномъ бронзовомъ звѣрѣ восточной работы (такъ называемой арабской) IX—X столѣтія, еще недавно находившемся въ собраніи извѣстнаго знатока русской археологіи Г. Д. Филимонова и найденномъ еще въ 50-хъ годахъ въ Рязанской губерніи. Въ этомъ звѣрѣ мы видимъ пресловутаго единорога или инрога, Индрика „Голубиной Книги", которая описываетъ страшнаго зрѣря, „всѣмъ звѣрямъ отца", такими фантастическими чертами: ходитъ звѣрь по бѣлу свѣту, копаетъ мать сыру землю, выкапываетъ ключи глубокіе, воды кипучія, живетъ за окіаномъ моремъ, проходитъ по подземелью, аки ясное солнце по поднебесью, происходитъ всѣ горы бѣлокаменныя, прочищаетъ ручьи и проточины, пропущаетъ рѣки, кладези студенные, когда рогомъ поворотится, вся мать земля подъ нимъ всколыбается, и пр. Всѣ эти прикрасы прикрываютъ собою реальное представленіе индійскаго носорога, извѣстнаго римлянамъ, но оставшагося послѣ нихъ неизвѣстнымъ Европѣ до XVI вѣка. Эліанъ подъ именемъ единорога (картазона) описываетъ индійскаго носорога приблизительно вѣрно, какъ животное, ростомъ въ лошадь, съ желтою холкою и волосами, быстраго бѣга и, подобно слонамъ, съ нерасчлененными ступнями и хвостомъ какъ у вепря; промежъ бровей черный рогъ, съ заостреннымъ концомъ; голосъ нестройный и пронзительный; звѣрь живетъ въ густыхъ заросляхъ и бродитъ одиноко, и т. д.[4] Но всѣ дальнѣйшія описанія, теряя реальную почву, знаютъ только общія черты: свирѣпость звѣря, быстрый бѣгъ его и неукротимость нрава. Затѣмъ, когда восточная торговля стала доставлять извѣстный рогъ нарвала или „роизуба", и этотъ витой рогъ или бивень, высоко цѣнив-

---

[1]) Ib. рис. 135.

[2]) Рус. Др., вып. II, рис. 109.

[3]) O. Keller, fig. 143 [ср.: Perrot—Chipiez: Hist. de l'art, V, fig. 352. Fr. Sarre: Die Kunst des alten Persien, Taf. 16] и Русск. Древн. II, рис. 83.

[4]) [Cl. Aeliani: De natura animalium, l. XVI, c. 20; см. также l. XVII, c. 44 о борьбѣ носорога со слономъ.]

шійся по вѣрѣ во врачебную силу его порошка или по рѣдкости, какъ „дорогъ рыбій зубъ“, которымъ инкрустировались деревянныя рѣзныя издѣлія, сталъ извѣстенъ средневѣковой Европѣ (съ XII вѣка), единорогъ получилъ также рогъ нарвала и появляется съ нимъ въ различныхъ памятникахъ этого времени. Кратко говоря, въ византійскомъ искусствѣ (миніатюры Псалтыри, физіологъ Смирнской библіотеки и пр.) и въ Италіи (базилика Зенона въ Веронѣ) единорогъ подобенъ медвѣдю, страшному туру, а въ западномъ искусствѣ обыкновенному коню, какъ представляютъ его, начиная съ XVI—XVII в.в. и наши азбуковники. Напротивъ того, арабская бронза тѣмъ и важна, что стоитъ чрезвычайно близко къ тѣмъ восточнымъ образцамъ, въ которыхъ звѣрь впервые сталъ „легендарнымъ“ звѣремъ, страшиломъ. Ясное доказательство мы находимъ въ близости этой фигуры къ китайскому „единорогу“, священное значеніе котораго свидѣтельствуется множествомъ памятниковъ во всякихъ коллекціяхъ и почти во всѣхъ видахъ производства. Издаваемая здѣсь старинная бронзовая курильница изъ буддійскихъ святилищъ представляетъ такого единорога (рис. 56); въ спинѣ его, подъ крышкою, треугольное отверстіе для наполненія внутренности углями и куреніями; звѣрь воетъ и корчится отъ огня, сжигающаго его внутренности. Связь этого типа съ реальнымъ носорогомъ еще разительнѣе въ формѣ головы, двухъ роговъ, гривки, волосатой спинки, чешуйчатой кожи, напряженныхъ на ея поверхности жилъ, наконецъ, въ характерѣ копытъ. Между тѣмъ, именно подобный звѣрь изображенъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на Дмитріевскомъ соборѣ, а слѣдовательно, наше сопоставленіе указываетъ намъ иную дорогу для изученія нашихъ древностей, чѣмъ мы ранѣе думали.

Рис. 56. Бронзовая курильница въ видѣ единорога.

Отношенія русскаго искусства къ восточному оригиналу мало измѣнились и для Руси Московской. Такъ, находки 1895 года въ Московскомъ Кремлѣ представили намъ, хотя въ кускахъ и черепкахъ, рядъ замѣчательныхъ ввозныхъ издѣлій Востока. Мы наскоро разсмотрѣли въ витринахъ Историческаго Музея арабско-византійскія стеклянныя издѣлія съ эмалевыми и золочеными орнаментами отъ XIV—XV вѣковъ; куски чашъ и блюдъ пер-

сидскаго фаянса того же времени, покрытаго рисунками внутри и снаружи, то одноцвѣтными, то двухъ цвѣтовъ: зеленаго и голубого; куски сосудовъ сарайскаго или средне-азіатскаго типа, повидимому, изъ сиро-арабскихъ мастерскихъ; наконецъ, куски семи, восьми, а можетъ быть и болѣе, блюдъ и чашъ извѣстнаго вида китайскихъ „селадоновъ“ съ превосходными тиснеными рисунками, разводами, меандрами и пр., по всей вѣроятности, персидскаго производства. Всѣ эти куски требуютъ точнаго опредѣленія эпохи путемъ сличенія съ однородными, но болѣе цѣльными памятниками, и вмѣстѣ съ тѣмъ, наглядно показываютъ, какія сложныя и важныя задачи представляются наукѣ древняго русскаго искусства, когда она отъ общей, „книжной“ археологіи перейдетъ къ частному историческому анализу стилей.

Реальныя черты въ основѣ представленія объ единорогѣ.

Какъ и всѣ фантастическія животныя, единорогъ имѣетъ въ основѣ его представленія реальныя черты и ведетъ свое происхожденіе отъ носорога, типа толстокожихъ, обитающаго нынѣ въ Азіи и Африкѣ и насчитывающаго даже въ современной фаунѣ нѣсколько видовъ, тогда какъ малоизвѣстные виды носороговъ внутренней Африки и указанные уже остатки ископаемыхъ видовъ этого животнаго заставляютъ Брема полагать, что со временемъ число видовъ увеличится, а съ ними и разнообразіе въ характеристикѣ этого толстокожаго. Правда, тотъ же ученый отвергаетъ туземные разсказы того нѣмецкаго путешественника, своего современника, который, переиначивъ ихъ по своему вкусу, отнесъ къ баснословному единорогу и тѣмъ ввелъ въ заблужденіе европейскій ученый міръ. Но и для Брема „нѣтъ сомнѣнія, что это животное, а не другое какое-нибудь, называется въ Библіи единорогомъ“[1]. Дѣйствительно, кн. Іова (глава 39, ст. 9—12) описываетъ именно свирѣпаго жвачнаго — животное колоссальной силы — дикаго и неукротимаго носорога, когда задаетъ вопросы о ничтожествѣ человѣка и силѣ Божьей природы: „Захочетъ ли единорогъ служить тебѣ и переночуетъ ли у яслей твоихъ. Можешь ли веревкою привязать единорога къ бороздѣ и станетъ ли онъ боронить за тобою поле. Понадѣешься ли на него, потому что у него сила велика, и предоставишь ли ему работу твою. Повѣришь ли ему, что онъ сѣмена твои возвратитъ и сложитъ на гумно твое“. Словомъ, здѣсь единорогъ изображается подобнымъ коню и быку, но неизмѣримо сильнѣйшимъ и неизмѣримо дикимъ и неукротимымъ, какъ и позднѣе рисуютъ его всѣ арабскія восточныя сказанія, но не западныя, имѣющія свой особый источникъ.

Весьма важно достовѣрное свидѣтельство древнихъ писателей, что римляне знали однорогаго и двурогаго носорога, выводя ихъ на аренахъ своихъ цирковъ со времени Помпея. Библія называетъ своего носорога-единорога Ремомъ и приписываетъ ему то одинъ, то два рога. Но съ начала Византіи знакомство съ реальнымъ носорогомъ прерывается на-

[1]) А. Бремъ. Жизнь животныхъ, II, 1874 г., стр. 751.

долго, вплоть до 1513 года, когда впервые былъ привезенъ живой носорогъ изъ Остиндіи въ Португалію подъ именемъ ринокероса или индійскаго gomda.[1] Очевидно, по причинѣ этой неизвѣстности уже арабскіе писатели и сказочники выставляютъ носорога волшебнымъ животнымъ, какъ и доселѣ, по словамъ того-же Брема, суданскіе арабы видятъ въ обоихъ видахъ носорога: аназа и фертидъ — оборотней, что только поверхностно объясняется слѣпою яростью этого животнаго при видѣ человѣка[2]...

Обезьяны. Между обезьянами, издревле игравшими въ народномъ суевѣріи роль „оборотней", такъ или иначе почитавшимися въ древнемъ Египтѣ и Индіи, пиѳики или лѣсовики, нынѣ называемые гориллами, принимались долго за дикихъ людей, дикарей, и ихъ жизнь обществами, нападенія на леопардовъ, львовъ, даже слоновъ, все рано подало поводъ къ сочиненію всякаго рода легендъ о „дикихъ охотахъ", о хижинахъ и деревняхъ, возводимыхъ дикими людьми, и о томъ, какъ „они ходятъ, опираясь на палку, и дерутся палками и пр.," еще со временъ Ганнона и Плинія. Также превращены были и орангутанги Борнео, въ разсказахъ индусовъ, въ дикихъ людей: по этимъ разсказамъ обезьяны защищаются сломаннымъ сукомъ, какъ палкою, но еще болѣе разсказовъ было пущено о павіанахъ, носившихъ въ древности названіе кинокефаловъ.

А. Никитинъ (у Сахарова, VIII, стр. 173) [говоритъ]: „А мамоны (змѣи) ходятъ въ нощи да имаютъ куры, а живутъ въ горѣ или каменьѣ. А обезьяны то тѣ живутъ по лѣсу, а есть у нихъ князь обезьянскый, да ходитъ ратью своею, да кто ихъ заимаетъ, а они ся жалуютъ князю своему, а оны пришедъ на градъ дворы разваляютъ и людей побьютъ; а рати ихъ, сказываютъ, велми много, а языкъ есть у нихъ свой, а дѣтей родятъ много; да который родится ни въ отца ни въ матерь, а они тѣхъ мечуть по дорогамъ, ино Гундустаньци тѣхъ имаютъ да учатъ ихъ всякому рукодѣлію"[3]...

5.

Общая характеристика романскаго звѣринаго стиля.

Пока можно было оставаться на почвѣ общаго историческаго интереса, возбуждавшагося вновь открытыми памятниками средневѣковаго искусства, пока этотъ интересъ былъ, скорѣе, теоретическимъ литературнымъ принципомъ, допускалъ болѣе наслажденіе въ романтическомъ духѣ, чѣмъ былъ потребностью знанія, до тѣхъ поръ не было и надобности въ научномъ анализѣ этого періода, который было принято называть романскимъ.

---

[1]) На рисункѣ, съ котораго А. Дюреръ сдѣлалъ гравюру: Thausing, A. Dürer II, 1884, стр. 126, прим. 2.

[2]) Можно считать также греко-восточнаго или „арабскаго" (по времени и мѣсту) происхожденія изображеніе единорога на ложкѣ изъ Кипра, въ видѣ не то кабана, не то иного звѣря, въ соч. Dalton, Byzantine Silver treasure въ Archaeologia, LVII, табл. 18.

[3]) О героѣ царѣ обезьянъ Хануманѣ см. у И. П. Минаева — Замѣтки къ Хожденію Никитина: „Старая Индія" 1881, стр. 71.

Чѣмъ легче и неопредѣленнѣе былъ накидываемый на эти памятники романтическій флёръ, тѣмъ туманнѣе была ихъ характеристика, — тѣмъ, пожалуй, живѣе и могущественнѣе вырабатывался идеалъ, сквозившій за этимъ флёромъ въ отдаленной перспективѣ, тѣмъ шире и глубже захватывала зрителей таинственная, мистико-символическая обстановка средневѣковой старины. Въ этомъ мастерствѣ представленія столько же блистали первоклассные мыслители Франціи — Ренанъ, Литтре, Тэнъ и др., сколько ученые Германіи — братья Гриммы, и Англіи. Блестящая своими, какъ бы эпическими красотами, рѣчь Ѳ. И. Буслаева была нужна, въ свое время, не только для того, чтобы установить точку зрѣнія на бытовую и поэтическую старину и древность, какъ на важнѣйшія и самобытныя народныя основы, но и для того, чтобы выработать новые эстетическіе принципы и взгляды.

Въ то время было важно указаніе,[1] что въ романскомъ искусствѣ заключаются варварскіе элементы, смѣсь христіанскихъ воззрѣній и художественныхъ формъ съ языческими преданіями средневѣковыхъ европейскихъ племенъ, что въ романскихъ барельефахъ между сценами изъ Священной Исторіи помѣщаются грубѣйшіе намеки на языческія преданія сѣверныхъ племенъ. Въ этомъ случаѣ интересъ возбуждался только тѣмъ кажущимся (но въ сущности мнимымъ) хаотическимъ смѣшеніемъ разнообразныхъ элементовъ, затемненныхъ и запутанныхъ, благодаря ихъ сочетанію, подобно тому, какъ глазъ зрителя покорно и неотступно слѣдитъ за непонятными арабесками. Буслаевъ.

При первомъ эстетическомъ наблюденіи этотъ романтическій стиль опредѣляется однимъ общимъ понятіемъ — чудовищностью. Эту чудовищность ранняго средневѣковаго стиля видѣли и въ „народныхъ сказаніяхъ объ огненныхъ драконахъ, многоглавыхъ зміяхъ, объ уродливыхъ существахъ получеловѣческихъ, полуживотныхъ и множество эпизодовъ такъ называемаго Животнаго Эпоса, а въ книжной литературѣ Бестіаріевъ или Физіологовъ“. Источникъ этихъ сказаній заключался въ „тревожномъ и смутномъ настроеніи духа, запуганнаго необъяснимыми, страшными силами окружающей природы. Съ принятіемъ христіанства, разорвавъ дружескую, непосредственную связь съ природою, человѣкъ прежде всего съ ужасомъ и отвращеніемъ взглянулъ на нее, и этотъ внезапный ужасъ отразилъ въ своихъ чудовищныхъ видѣніяхъ, которыми наполнилъ поэтическія легенды и барельефы романскихъ порталовъ. Человѣкъ изображался опутаннымъ этими грозными страшилами, то многоглавымъ зміемъ, то хвостомъ какого-нибудь чудовища. Человѣкъ былъ одержимъ темными силами природы, находился у нихъ въ плѣну. Для пущаго ужаса самыя чудовища изображались въ непрестанной борьбѣ: они терзаютъ

[1]) Ф. И. Буслаева, Народная поэзія. Историческіе очерки. 1887. Статья „Русскіе духовные стихи“ 1861 года, стр. 456 слѣд.

другъ друга и пожираютъ. Этотъ стиль, самыми очертаніями выражавшій наглядно полную зависимость человѣка отъ тяжелыхъ узъ внѣшней природы, обозначился даже въ письменности, которая въ заставкахъ и въ

Рис. 57. Капитель изъ церкви Св. Евтропія въ Saintes (Charente Inférieure).

заглавныхъ буквахъ изображала человѣческія фигуры, перевитыя какъ бы цѣпями, сдѣланными изъ змѣиныхъ хвостовъ и звѣриныхъ хоботовъ.

Иногда человѣческія фигуры, въ самыхъ напряженныхъ позахъ, отчаянно дерутся съ чудовищами, запуская имъ мечъ въ гортань или изнемогая въ этой сверхъ-естественной борьбѣ."

Такова лучшая характеристика романскаго стиля и его прилѣповъ, сдѣ-

ланная Ѳ. И. Буслаевымъ съ обычнымъ мастерствомъ этого вождя нашей науки родной старины и едва-ли не полнѣе всѣхъ западныхъ критикъ исчерпывающая всѣ детали темной эстетической картины европейскаго средневѣковья. По крайней мѣрѣ, мы нигдѣ не находимъ въ западной литературѣ такой наглядности въ противупоставленіи звѣриному стилю послѣдующаго за нимъ стиля готическаго, съ его „роскошною и разнообразною (послѣднее едва-ли точно) листвою“, съ изяществомъ въ изображеніи человѣческихъ формъ: „готическій стиль выражаетъ во всей послѣдовательности освобожденіе человѣческой личности изъ-подъ гнета природы, онъ успокоилъ встревоженное воображеніе, примиривъ его съ природою постояннымъ напоминаніемъ о ея безвредности въ нѣжной растительности, которую разнообразилъ съ такою любовью въ своихъ прилѣпахъ“. „Этому стилю въ литературѣ соотвѣтствуетъ сантиментальное творчество трубадуровъ, сознаніе личности, предъявленное рыцарствомъ, хотя и смѣшиваемое съ необузданностью самоуправства, нѣжныя легенды о Мадоннѣ, возможность образованія лирики и драмы, возбуждающихъ участіе къ личности“. „И потому“, замѣчаетъ русскій ученый и мыслитель, „главнымъ недостаткомъ въ нравственномъ развитіи русской народности было отсутствіе эпохи, соотвѣтствующей готическому стилю“. Звѣриный, чудовищный стиль (тератологическій), соотвѣтствующій романскому, широко захватившій древнюю русскую жизнь и столь же сильно господствовавшій у насъ въ XVII вѣкѣ, оставилъ свои неизгладимые слѣды въ народной поэзіи религіознаго содержанія. И этимъ то стилемъ, преимущественно, и отличаются мистическія гаданія раскола „О звѣриномъ вѣнѣ семиглаваго звѣря-антихриста“...[1]

Шнаазе, [говоря] о звѣриныхъ арабескахъ, о всемъ стилѣ зооморфическаго типа, господствовавшемъ на протяженіи XII—XV вѣковъ въ сѣверной Европѣ (потому что въ это время только и знали, что сѣверную Европу въ археологическомъ отношеніи и Италію), выражается весьма опредѣленно: „духовные писатели то рѣзко порицали, какъ Св. Бернаръ, эту орнаментику за ея неумѣстность въ церквахъ, то хвалили за живое исполненіе, при этомъ ни разу не поминая ея, будто-бы, символическаго значенія. Стало быть, эти вполнѣ посвященные въ дѣло люди или не принимали этой символики, или считали эту послѣднюю столь мало распространенною, что не стоило противъ нея говорить. Мы не должны бы заходить дальше этихъ людей, и должны считать символическое значеніе не правиломъ, а, наоборотъ, исключеніемъ. Веселый смыслъ, радость видѣть разнообразныя формы, а не мрачныя тенденціи, породили эти образы. Конечно, духовенство могло даже оправдывать свое расположеніе къ этому орнаменту тѣмъ, что оно вселяетъ зрителямъ спасительный Шнаазе.

[1]) [Въ рукописи фраза не кончена и имѣетъ слѣдующій видъ: послѣ словъ „звѣря-антихриста“ стоитъ запятая, а далѣе „и лубочныя сказки о борьбѣ съ“...]

страхъ, но для художниковъ символика была только предлогомъ, чтобы изливаться въ фантастическихъ образахъ. Во многихъ случаяхъ гротески и звѣриныя формы объясняются игрою фантазіи, возбуждаемой особенными формами камня или части зданія" (напримѣръ, капители, консолей и проч.).[1]

Послѣ этихъ, вполнѣ ясныхъ, словъ писателя странно встрѣчать въ деталяхъ его книги почти постоянныя выраженія, изъ сферы символико-мистической, накопляющія общую укоризну среднимъ вѣкамъ за ихъ страхъ (мнимый) передъ природою, аскетизмъ и любовь къ уродливому и монструозному. Приведенная нами тирада навѣяна была новыми изслѣдованіями декоративныхъ формъ средневѣкового искусства у Шпрингера, а эти выраженія общимъ еще уцѣлѣвшимъ отъ старины взглядомъ...

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ IV ОЧЕРКУ.

1.

Рельефы ц. Св. Мины въ Солуни.

Мы уже имѣли случай[2] описать замѣчательныя скульптуры, рѣзаныя въ мягкомъ известнякѣ отдѣльными горельефными кусками или плитами малаго размѣра (отъ 30 до 70 сант. въ длину), вмазанныя въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ перестроенной въ прошломъ вѣкѣ церкви вм. Мины въ Салоникахъ. Церковь вм. Мины была въ числѣ древнѣйшихъ базиликъ Солуни, но сгорѣла и частью переложена, а бывшій ранѣе декоративный фризъ съ рядомъ звѣрей былъ разобранъ, часть плитъ и кусковъ сложена въ сараѣ, нѣкоторая же часть вмазана въ стѣны, по исконному греческому обычаю. Побѣлка известью скрыла въ большинствѣ плитъ фонъ, и только въ нѣкоторыхъ можно еще видѣть, что фонъ былъ раздѣланъ растительными разводами въ греко-восточномъ пошибѣ X—XII вѣковъ. Именно этотъ растительный фонъ требовалъ горельефа, и потому эти рельефы связаны не съ западными барельефами романскаго стиля, но съ восточными памятниками этого рода. Очевидно, далѣе, что при помѣщеніи рельефовъ въ стѣну фонъ сбивали, ограничивая кусокъ фигурою звѣря. Всего сохранилось до 15 рельефовъ: пять даютъ обычный типъ птицы, это или перепелка, или дроздъ и т. п., изъ крупныхъ птичьихъ породъ. Затѣмъ, мы находимъ здѣсь фигуры: барана, собаки, медвѣдя (два раза), льва, зайца, льва, терзающаго лань, аспида. Но, что насъ наиболѣе занимаетъ, это характерная реальность звѣриныхъ фигуръ, напримѣръ, тяжеловѣснаго, но настойчиво лазающаго по лѣсамъ медвѣдя въ поискахъ лакомаго меда.

[1]) C. Schnaase: Geschichte der bildenden Künste, B. IV, S. 272 ff.

[2]) Н. П. Кондаковъ. Македонія. Археологическое путешествіе 1909, стр. 121—9, рис. 63—66.

2.

Восточные ковры.

Декоративная красота восточныхъ, такъ называемыхъ персидскихъ ковровъ, появившихся въ европейской торговлѣ не болѣе, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, настолько прельстила, однако, вкусы собирателей, что съумѣла даже побѣдить тиранію принятой гигіены и вызвать появленіе восточныхъ кабинетовъ и распространеніе оттоманокъ. Восторженное преклоненіе художниковъ передъ свѣжею силою гармоническихъ красокъ быстро создало спеціальное любительство, но и доселѣ не настало еще время опредѣленнаго археологическаго интереса къ тѣмъ историческимъ рѣдкостямъ въ этомъ отдѣлѣ художественной промышленности, который уже по своей громоздкости не могъ занять своего мѣста рядомъ съ кусками древнихъ тканей въ музеяхъ. Благодаря этому рядъ дѣйствительныхъ „историческихъ памятниковъ", а именно драгоцѣнныхъ по оригинальности рисунковъ и древности, выброшенныхъ съ Востока, изъ мечетей и домовъ, въ силу ихъ плохой сохранности, пока идетъ мимо музеевъ и нигдѣ не начато дѣло историческаго собиранія.

Краткое руководство къ разслѣдованію восточныхъ ковровъ Вильгельма Бодэ[1] указываетъ ясно на крайнія трудности историческаго анализа, стоящаго еще на первой ступени пониманія. Консерватизмъ восточнаго мастерства, сохраняющаго свои образцы, несмотря на крушительные перевороты въ среднеазіатской территоріи, и возобновляющаго на пространствѣ тысячелѣтія старую технику, обезоруживаетъ изслѣдователя непрестаннымъ копированіемъ древности и старины. Въ то же время переносы мастерскихъ изъ одной территоріи въ другую, благодаря переворотамъ, не даютъ возможности различать по стилю или по принятымъ формамъ издѣлія Малой Азіи, Персіи, Бухары, Хивы и Туркестана отъ издѣлій Кавказа. Арабскія надписи не даютъ требуемыхъ указаній мѣстности, не сообщаютъ годовъ и называютъ имена обычнаго разряда, безъ дальнѣйшихъ опредѣленій. Главнымъ основаніемъ, по необходимости, должны служить изображенія ковровъ на старыхъ картинахъ венеціанской, фламандской и голландской школы. Такимъ образомъ, В. Боде указываетъ только одинъ коверъ XIII вѣка, немногіе ковры XIV—XV вѣка, 1 коверъ 1539 г. и большинство ковровъ относитъ къ XVI—XVIII вѣкамъ. Выводы В. Бодэ, будучи вполнѣ правильными, не могутъ, однако, касаться нагляднаго различія мастерства Дагестана и Гокчайскаго озера, текинскаго и собственно персидскаго и т. д., изъ которыхъ каждое кустарное производство усвоило себѣ извѣстный видъ мастерства и вмѣстѣ съ нимъ опредѣленные образцы или рисунки. Въ силу этого, надо добавить и эти кустарныя мастерства, такъ какъ, напримѣръ, большинство кавказскихъ ковровъ относится къ

[1]) Wilhelm Bode, Vorderasiatische Knüpfteppiche aus älterer Zeit. L. s. a.

разряду паласовъ, т. е. завѣсъ церковныхъ или домовыхъ и служащихъ нынѣ равно и полосовыми коврами на кошмахъ.

Характерно, прежде всего, то обстоятельство, что наиболѣе ранніе и лучшіе по художественнымъ достоинствамъ ковры относятся къ шелковымъ и что ихъ сюжетомъ являются охотничьи сцены. Среди роскошныхъ полей цвѣтовъ, въ срединѣ и по угламъ представлены схватки фантастическихъ драконовъ съ исполинскою птицею — по типамъ — явно, китайскаго происхожденія, какъ тамошняя тема битвы дракона съ фениксомъ, гербъ династіи Минго (съ 1368 г.), воспроизводимый, по традиціи, и на среднеазіатскихъ и даже кавказскихъ и болгарскихъ коврахъ. Въ серединѣ охотники верхомъ прелѣдуютъ львовъ, антилопъ, оленей, кабановъ, зайцевъ, лисицъ, шакаловъ, все по уборамъ коней и одеждъ персидское, какъ и крылатые геніи по борту. Явно, рисунки охотъ идутъ изъ миніатюръ и разработаны со свойственнымъ миніатюрамъ Персіи и царству Великой Монголіи причудливымъ разнообразіемъ, часто европейцу непонятными сценами, какъ традиціонной стрѣльбы изъ луковъ, такъ и пикниковъ или роздыховъ и пр.[1] Для насъ важна лишь реалистическая основа подобныхъ охотъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ и рощахъ-парадизахъ, идущая еще отъ временъ сассанидскихъ царей, которая лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и то заимствованныхъ, допускаетъ изображенія символическія, и то съ характеромъ геральдическихъ знаковъ. То же было и въ древнеперсидскомъ искусствѣ, но ковры съ охотничьими сценами, дѣлавшіеся для шаховъ и султановъ, чаще замѣнялись столь же великолѣпными по растительному убору коврами, оживленными лишь звѣрьми, охотящимися за разными животными, въ полѣ разводовъ и цвѣтовъ, украшенномъ схематическими щитами и по угламъ щитками съ рѣдкими птицами.[2] Здѣсь леопарды, желтые и черные, гоняются за газелями; львы терзаютъ газелей, быковъ, изъ фантастическихъ звѣрей преобладаютъ драконы, но главное достоинство ихъ въ изумительной декоративности красокъ и ихъ оттѣнковъ, превосходящихъ донынѣ и европейскую живопись и ея технику и самое научное постиженіе красотъ истиннаго декоративнаго искусства. Возвращаясь къ нашей задачѣ, мы должны признать, что искусство восточныхъ ковровъ собственно не знало „звѣринаго стиля“, какъ формы исключительно варварской, и лишь изрѣдка вспоминало о ней.

Иное дѣло кустарныя мастерства, воспроизводившія во множествѣ мѣстностей Средней и Передней Азіи, Кавказа, въ шерстяныхъ исключительно издѣліяхъ, геометрическіе типы древнихъ ковровъ съ кониками, оленями, львами и грифами, но ихъ изданіе почти только начинается.[3]

---

¹) W. Bode, l. c. Abb. 1—3. J. Kimberly Mumford, The Verkes Collection of oriental carpets, 1911, pl. III, VII (XIII вѣка?).

²) Bode, Abb. 4—8. Kimberly Mumford, pl. I, III, VI, VII, IX, XXI и XXV. Sarre, Vieux tapis d'Orient, pl. III, VII, XXIII.

³) Боде, рис. 73, 77—79.

3.

Изображенія на русскихъ монетахъ.

Ранѣе мы уже отмѣчали, что даже на русскихъ монетахъ XIV—XV вѣковъ мы находимъ среди эмблемъ рядъ изображеній греко-восточнаго происхожденія и звѣринаго стиля.

Рис. 58: 1—3. Деньги кн. Мих. Бор. Тверского (1461—1485). 4. Деньга кн. Ив. Бор. Кашинскаго (1412 г.) 5. Пула кн. Ив. Ив. Тверского (1485—1490). 6. 7. Пулы Тверскія XV в. 8. Деньга кн. Сем. Вл. Боровскаго (1420—1426). 9. Деньга кн. Вл. Андр. Серпуховскаго (1358—1410). 10. Деньга кн. Андр. Дм. Можайскаго (1389—1432).

На серебряной деньгѣ Михаила Борисовича Тверского, помимо обычной фигуры всадника (князя, баскака),[1] видимъ птицу типа коптскаго (рис. 58, 1), двуглаваго орла (рис. 58, 3),[2] обезьяну — диваго (дивьяго) человѣка,

---

[1]) [А. В. Орѣшниковъ: Русскія монеты до 1547 г. №№ 250—258, т. III, 120—127.]

[2]) [Тамъ же, №№ 321—322, т. IV, 181—182.]

бьющагося съ дракономъ,[1] охоту на кабана, битву со змѣемъ, воинское братанье (какъ у скиѳовъ), китовраса,[2] мечущаго брата своего на обѣтованную землю, странника и человѣка-птицу (изъ Александровскихъ походовъ), всадника, поражающаго змія[3] и бѣгущаго звѣря.[4] На суздальской деньгѣ — схватку грифа со змѣемъ,[5] что можно сопоставить съ поливнымъ блюдомъ изъ Херсонеса Таврическаго, льва въ типѣ рельефовъ на владимірскихъ соборахъ. На деньгѣ Василія Димитріевича видимъ льва[6] и охотника, стрѣляющаго изъ лука въ птицу на деревѣ.

Словомъ, на великокняжескихъ монетахъ нѣтъ западныхъ средневѣковыхъ эмблемъ владѣтельныхъ графовъ, епископовъ, городовъ, замковъ, гербовъ, храмовъ, башенъ, коронъ, крестовъ и пр., и взамѣнъ того мистическія и миѳологическія темы, являющіяся общенароднымъ, сохраненнымъ издревле запасомъ явленій и сказаній изъ древняго быта и окружавшей его сосѣдской жизни и усвоенныхъ преданій...

На монетахъ тверскихъ князей можно видѣть изображенія охотника, идущаго съ копьемъ или даже, быть можетъ, поражающаго копьемъ большую птицу, сидящую „на верху дерева“.[7] Что значитъ это изображеніе, неизвѣстно, но преданія Новгорода разсказываютъ, что на верху большой Покровской башни Новгородскаго кремля было нѣкогда гнѣздо огромной птицы, похищавшей на улицахъ дѣтей, которыми она и кормила своихъ птенцовъ; нашелся, наконецъ, смѣльчакъ, влѣзъ на башню, убилъ шестомъ птицу, а щитъ оставилъ на башнѣ на память.[8] Однако, и самая легенда, по всей вѣроятности, возникла изъ толкованія довольно обычныхъ сюжетовъ звѣринаго стиля: такъ, на Дмитровскомъ соборѣ въ числѣ прилѣповъ мы встрѣчаемъ человѣка, бьющаго птицу, и какъ одинаковые размѣры фигуръ, такъ и еще болѣе оружіе въ рукахъ человѣка-палица — указываютъ на величину птицы. Затѣмъ, конечно, остается еще вопросомъ для будущаго знакомства съ восточными сюжетами: какого рода птица здѣсь разумѣлась съ самаго начала, напримѣръ, страусъ или же одинъ изъ обычныхъ хищниковъ-орелъ, грифъ и пр., но опять таки бьющійся человѣкъ есть, конечно, пигмей, и сюжетъ этотъ первоначально античнаго происхожденія, затѣмъ уже въ восточной редакціи, вновь перешедшей черезъ посредство сарацынскаго искусства въ Западную Европу.

---

1) [Тамъ же, № 320, т. IV, 178—179.]
2) [Тамъ же, № 319, т. IV, 177.]
3) [Тамъ же, № 259, т. III, 128.]
4) [Тамъ же, № 274—288, т. III, 139—141; IV, 142—151.]
5) [Тамъ же, № 847—848, т. XV, 710—711.]
6) [Тамъ же, №№ 493—504, т. VIII, 352—360, IX, 361.]
7) [Тамъ же, № 107—119, т. II, 48—53.]
8) Наумовъ: Трое сутокъ въ Новгородѣ, 1842, стр. 4.

4.

Извѣстіе о поморскихъ славянахъ въ житіи Оттона еп. Бамбергскаго.

Извѣстно, какое характерное упорство въ сохраненіи культа отечественныхъ боговъ представило въ XI вѣкѣ славянское населеніе Поморья, даже когда въ эту страну явилась отъ польскаго князя Болеслава большая миссія извѣстнаго Оттона епископа Бамбергскаго. Какъ то обыкновенно бываетъ, эта славянская своеобразная колонія, какъ бы оторванная отъ славянскихъ племенныхъ корней, предававшаяся на берегахъ моря мореходству и пиратству, оказалась болѣе консервативною, чѣмъ крупныя родственныя ей націи, и здѣсь возможно было видѣть на островѣ Рюгенѣ храмъ съ идоломъ Святовита, на половину человѣкообразнымъ, но, повидимому, съ нѣсколькими головами. Въ Поморьѣ все расцѣнивалось на коня и богатства опредѣлялись числомъ коней: приливъ колоссальныхъ кочевыхъ ордъ въ восточной Европѣ вызвалъ оживленіе разбойничьихъ бандъ, появленіе кавалерійскихъ отрядовъ и извѣстный культъ лошади. Около идола держали на-готовѣ сѣдло и узду для бѣлой лошади бога. Тотъ же культъ лошади и бога Триглава въ Штеттинѣ со священнымъ золотымъ сѣдломъ въ храмѣ. Не только извѣстія, но и сохранившіеся въ бывшихъ славянскихъ земляхъ грубые идолы представляютъ фигуры многоголовыя, съ рогами и т. п.

Какъ извѣстно, затѣмъ, наши свѣдѣнія по славянскимъ языческимъ религіямъ ограничиваются или одними именами боговъ, или ходячими слухами, переданными въ хроникахъ средневѣковыхъ монаховъ и книжниковъ. Въ этомъ отношеніи ярко выдѣляются свѣдѣнія о поморскихъ славянахъ, сохраненныя спутниками (Гербордомъ и др.) миссіи и переданныя въ жизнеописаніяхъ Оттона. Такъ, въ нихъ передается[1], что въ Штеттинѣ было четыре общественныхъ зданія-контины, частью для сходокъ и совѣщанія, пировъ и игръ, но одно было посвящено религіозной отечественной старинѣ, видимо, особенно чтимой у поморянъ. Эта контина наибольшаго размѣра была построена съ удивительною отдѣлкою и искусствомъ (похвала цѣнная, въ виду строительной славы самого Оттона, созидателя соборовъ въ Шпейерѣ и Бамбергѣ). Внутри зданія и снаружи по стѣнамъ были скульптуры, выдающіяся отъ стѣнъ (горельефы): изображенія людей и птицъ и звѣрей, настолько вѣрно ихъ естеству и привычкамъ представленныя (tam proprie suis habitudinibus expressas), что, кажется, они дышатъ и живы. Что особенно рѣдко встрѣчается, краски наружныхъ изображеній (colores imaginum extrinsecorum) не были затемнены, но разжижены непогодою, снѣгами или дождями: таково было искусство (industria) живописцевъ. Въ это зданіе по старому обычаю предковъ (ex prisca patrum consuetudine) снесены были богатства и оружіе вра-

[1]) А. А. Котляревскій. Первая проповѣдь Оттона въ Поморьѣ. Сочиненія, Сб. Отд. Русск. яз. и слов. И. А. Н., т. 49, 1891, стр. 355.

говъ и все то, что по закону десятины, приносилось сюда отъ добычи морскихъ или сухопутныхъ боевъ. Здѣсь сберегались золотые и серебряные сосуды (crateres), изъ которыхъ гадали, пировали и пили знатные и властные люди, вынося ихъ въ торжественные дни. Большіе рога дикихъ быковъ (турьи), позолоченные и украшенные драгоцѣнными камнями, устроенные для питья и рога, приспособленные для музыки (cantibus), кинжалы, ножи и множество драгоцѣнной утвари, рѣдкой и красивой на видъ, хранилось тамъ для украшенія и въ честь боговъ. Оттонъ съумѣлъ упросить власти и народную толпу сокрушить эти святилища, уничтожить изображенія, нетерпимыя истиннымъ Богомъ, и со своими близкими принялся разрушать храмы и контины, а наконецъ, и народъ сталъ грабить святилища.[1]

5.

Фрески потолка Палатинской капеллы.

Врядъ ли существуетъ на свѣтѣ памятникъ, столь же поразительный по красотѣ и роскоши исполненія, какъ деревянный, весь расписанный золотомъ и красками, потолокъ придворной или Палатинской капеллы, сооруженной въ 1143 году норманскимъ королемъ Рожеромъ во имя ап. Петра. Явно, король желалъ одновременно утолить свое собственное пристрастіе къ арабской культурѣ и ея просвѣтительному, цивилизаторскому почину, создавшему въ Сициліи своего рода земной рай или „парадизы“ плодовыхъ садовъ, и угодить мусульманской части ея населенія, призвавъ и ее къ терпимости и мирному сожительству. Середина потолка или плафонъ его, протянувшійся длиннымъ прямоугольникомъ, подѣленъ, по образцу самыхъ пышныхъ „мечетныхъ“ ковровъ, геометрическимъ хитрымъ рисункомъ на два ряда крупныхъ звѣздообразныхъ розетокъ, съ необычайно сложными арабесками, въ которыхъ изображены сцены восточныхъ увеселеній, чудныя птицы и дивные звѣри. Каждая розетка окружена куфическими надписями, которыя вмѣстѣ содержатъ перечень добродѣтелей и славныхъ дѣлъ строителя. Потолокъ опускается на стѣны сводомъ, сочиненнымъ изъ массы консолей, громоздящихся другъ на друга для подъема плафона или виснущихъ въ воздухѣ, какъ пещерные сталактиты. Вся поверхность и повсюду во всѣхъ выгибахъ, изломахъ и плоскостяхъ расписана искусными живописцами, какъ безконечная серія кар-

---

[1]) [Далѣе въ рукописи слѣдуетъ вычеркнутый самимъ авторомъ абзацъ: „Для нашей задачи вдвойнѣ интересно это мѣсто житія: съ одной стороны мы имѣемъ здѣсь подражаніе европейскихъ варваровъ восточнымъ святилищамъ, въ которыхъ прежніе круги звѣрей или сфинксовъ были замѣнены горельефами, покрывавшими стѣны средневѣковаго святилища варваровъ. Съ другой мы находимъ въ началѣ XII вѣка варварское украшеніе раскрашенными рельефами священнаго зданія, которое, происходя, по словамъ очевидцевъ изъ древнѣйшей эпохи, хотя бы отъ X—XI вѣка, предшествовало открывшемуся въ XII в. во всей архитектурѣ Запада обычаю скульптурныхъ украшеній храмовъ, и стало быть“...]

тинокъ, миніатюръ, карнизовъ, панелей, растительнымъ орнаментомъ и арабесками, въ живыхъ краскахъ и по сплошному золотому фону, и живописными темами восточной жизни, изображеніями сказочныхъ звѣрей и монстровъ, любимыми символическими и миѳологическими сценами. Все это богатство изображеній, сохраненное почти чудомъ отъ древности, остается пока изданнымъ только въ небольшой части.[1]

Напрасно только сочиненіе Павловскаго претендуетъ на то, что въ этой богатой и чрезвычайно разнообразной росписи плафона нѣтъ цѣльнаго содержанія: какъ нѣтъ никакой цѣльности въ композиціи рисунковъ восточнаго ковра, хотя бы онъ изображалъ царскую охоту, такъ нѣтъ и на восточныхъ шкатулкахъ, украшенныхъ рѣзьбою, и на фризахъ сосудовъ, въ украшеніяхъ восточныхъ сулей, лампъ и пр. Роспись плафона любопытна этою случайностью выбора темъ, ихъ разносторонностью, и даже напоминаетъ старинные русскіе и нѣмецкіе сундуки, съ выпуклою крышкою, во внутренность которой хозяйки наклеивали самыя разнообразныя гравюрки, но вообще сочинена по образцу раннихъ арабскихъ ковровъ, дающихъ на фонѣ разводовъ и арабесокъ, и бытовыя сцены, и звѣриный циклъ, и сказочный міръ.

Но исполнителями этой росписи не были Арабы[2]; въ XII вѣкѣ они не могли бы наполнять изображеніями людей самые видные кессоны и лю-

---

[1]) Трудности исполненія какихъ бы то ни было снимковъ тому причиною, а высота потолка препятствуетъ фото-механическимъ воспроизведеніямъ, для которыхъ надо было бы сооружать особыя лѣса. Но это чудо исполненія точныхъ снимковъ калькою сдѣлали два пенсіонера (впослѣдствіи извѣстные архитектора) Имп. Академіи Художествъ въ Россіи: Ѳ. И. Чагинъ и А. Н. Померанцевъ, въ теченіе полутора лѣтъ ежедневно работавшіе въ капеллѣ. Потолокъ калькировали они, сидя подъ нимъ на подвѣшиваемыхъ къ нему доскахъ, равно, какъ и всѣ мозаики трехъ нефовъ. Уже въ С.-Петербургѣ оба художника особымъ механическимъ приводомъ перевели всѣ кальки на особый большой рисунокъ разрѣзовъ капеллы, начиная съ средней линіи плафона и кончая поломъ. Въ послѣдніе годы Академія Художествъ начала изданіе (Комиссія изъ членовъ ея: Н. П. Кондакова, Г. И. Котова, А. Н. Померанцева, В. В. Суслова, Ѳ. Г. Беренштама) въ атласахъ изъ великолѣпныхъ по точности и мягкой живописности геліогравюръ (вышло 3 выпуска), но изданіе было остановлено отсутствіемъ китайской бумаги во время войны. Немногія цинкографическія клише съ рисунковъ и росписи въ цѣломъ даны были при соч. А. А. Павловскаго: „Живопись Палатинской капеллы въ Палермо по снимкамъ пенсіонеровъ И. А. Х. А. Н. Померанцева и Ѳ. И. Чагина, 1890, рис. 1—3, 46—110.

[2]) Для доказательства того, что исполнителями могли быть арабы, пок. А. А. Павловскій далъ себѣ трудъ (въ общемъ полезный) свести всѣ свидѣтельства объ изображеніяхъ людей въ „арабскомъ“ искусствѣ, главнымъ образомъ по хроникамъ, описямъ „восточныхъ“ сокровищъ у Макризи и Массуди. Но, самъ же, попутно слѣдя за указаніями арабистовъ: Карабачека, Шака, Лавуа и др., указываетъ, что это были или сирійскія, или персидскія, или среднеазіатскія (ковры), или египетскія работы. Сокровища сарацынскихъ халифовъ состояли изъ награбленныхъ отовсюду и заказанныхъ всѣмъ областямъ мірового халифата рѣдкостей и драгоцѣнностей культуры и искусства за тысячелѣтній періодъ. Для древностей Востока правильнѣе удерживать термины территорій: Сиріи, Египта, Персіи, Средней Азіи, Мавританіи и т. д.

неты, а именно арабы, удерживавшіе рядъ завоеванныхъ міровъ въ силу законовъ и проповѣдей Ислама, были „иконоборцами", какъ позднѣе таковыми сдѣлались „нехотя" турки, ради принципа и политики. Исполнителями были явно персидскія мастерскія, и это легко установить, всмотрѣвшись въ стиль всѣхъ рисунковъ, какъ человѣческихъ, такъ и звѣриныхъ фигуръ. Въ данномъ случаѣ, прежде всего, надо припомнить, что дѣло украшенія было предпринято предпріимчивымъ норманномъ, что онъ былъ расположенъ именно къ вызову лучшихъ мастерскихъ „съ мѣста", тѣмъ хвалился и передъ греками Италіи, что работали у него византійцы, и передъ арабами Сициліи, что онъ призвалъ искусниковъ Персіи, и передъ норманнами, что сцены битвъ сдѣланы часто по сѣвернымъ образцамъ. Корпулентныя, коротконогія, большеголовыя, тупоносыя, или круглолицыя, или квадратнолицыя, присѣвшія на корточки фигуры владыкъ, визирей въ почетныхъ облаченіяхъ, западныхъ королей, виночерпіевъ, музыкантшъ (альмей), исполняющихъ тихую и нѣжную музыку на лютняхъ, гусляхъ, цитрахъ, балалайкахъ, флейтахъ, бубнахъ и пр., наконецъ, даже толстоногихъ и полногрудыхъ танцовщицъ, исполнены всѣ въ одномъ основномъ персидскомъ типѣ, господствующемъ въ миніатюрахъ XII—XVI стол.[1] Карабачекъ окончательно остановился на выводѣ, что искусство арабовъ охватываетъ три школы: византійскую (скорѣе, надо было бы назвать греко-египетскую), персидскую и китайскую, выдѣляя изъ нихъ для „арабскаго" или „сарацынскаго" періода особенно персидскую.[2]

Возвращаясь къ своему спеціальному сюжету, замѣтимъ, что звѣриный циклъ въ росписи Палатинской капеллы играетъ вообще роль чисто декоративную, какъ въ коврахъ, и при томъ второстепенную. Правда, эта декорація выдаетъ любимые предметы кочевника, и вотъ почему бѣгущія гуськомъ газели, которыхъ онъ видитъ передъ собою, среди пустыни, являются здѣсь привычною орнаментаціею для самыхъ причудливыхъ плоскостей, заставокъ и фризовъ по тягамъ, люнетамъ и карнизамъ (Павловскій, рис. 59—60). Но также находимъ здѣсь и верблюдовъ, идущихъ въ караванѣ (ib. рис. 61), и слоновъ (ib. рис. 57), но главнымъ предметомъ, конечно, являются охотничьи сцены. Любопытна особенно (ib. рис. 81) схватка всадника съ медвѣдемъ, закончившая охоту за козулями — егерь несетъ уже убитую козу на шеѣ впереди. Затѣмъ рядъ рисунковъ (ib. рис. 82—85) представляютъ именно егерей, несущихъ домой дикаго козла, газель, павлина, охоты за птицей и мелкими звѣрками съ прирученными орлами, соколами и вóронами.[3] Вотъ почему прирученные сокола и орлы (черные) съ ошейниками, терза-

---

[1]) См. въ томъ же изданіи рис. 63—79, 82—85.

[2]) Karabacek, Uber einige Benennungen mitteralterlicher Gewebe. 1882.

[3]) См. любопытное указаніе у Кодина De off. pal. C—p., p. 40, что „протоіеракарій" (обер-егермейстеръ, начальникъ охоты) идетъ впереди ловчихъ, которые несутъ птицъ, имѣя при себѣ на поясѣ хиротій." Стало быть, мы видимъ и здѣсь своего рода процессію охотничьей свиты. Персидскія данныя въ книгѣ Павловскаго, стр. 204—5.

ющіе газель или мелкое животное, такъ часто представляются въ восточной и византійской живописи и на предметахъ убора, одеждахъ и шкатулкахъ, и въ Палатинской капеллѣ (ib. рис. 88—92). Но, что особенно замѣчательно — рисунки (ib. рис. 96 и 97) львовъ, схватившихся бороться съ змѣями, даютъ вовсе не хитрое измышленіе мастера, но передачу реальныхъ боевъ, которые, вмѣсто римскихъ гладіаторскихъ, устраивались, какъ между соколами и газелями, такъ и между могучимъ львомъ и громаднымъ удавомъ, въ парадизѣ — на потѣху владыки. И даже сибирскія древности безсознательно копировали персидскіе и вавилонскіе рисунки подобныхъ потѣхъ. Менѣе понятны, но также реальны, фигуры ловцовъ или укротителей, всовывающихъ руку въ пасть ручного льва (ib. рис. 102), св. Герасима, ѣдущаго на львѣ и облеченнаго нимбомъ вокругъ головы. Итакъ, мы и здѣсь получаемъ объясненіе варварскаго искусства Сибири, привитого затѣмъ Византіи, притомъ объясненіе, идущее вглубь исторіи восточнаго быта, породившаго столько чудныхъ сказокъ, такую живость воображенія, душевной жажды волшебства, чудесныхъ подвиговъ и приключеній, того очарованія, которое давали религіи Востока, его сказки, его богатства и поддерживали его ковры, арабески и росписи. Вотъ почему, наконецъ, въ Палатинскомъ плафонѣ представлены и Самсонъ, разрывающій львиную пасть, и св. Георгій, поражающій змія (ib. рис. 99 и 100).

V

ВИЗАНТІЙСКІЯ ОДЕЖДЫ

ВВЕДЕНІЕ

Начиная очеркъ византійской одежды, необходимо очертить ту группу людей, которые различными, прямыми или окольными, путями способствовали ея выработкѣ или ея заимствованію изъ иныхъ культурныхъ мѣстъ и которые съумѣли придать ей затѣмъ такое значеніе, что византійская одежда и приспособленныя для нея восточныя и византійскія ткани стали образцомъ для всей Европы въ средніе вѣка. Коротко говоря, такою группою былъ византійскій дворъ съ его главою — царемъ, но также, какъ увидимъ, и всѣ прочіе дворы Европы, а равно и ихъ владыки, и, наконецъ, владыки и вожди варварскихъ ордъ и племенъ, и тѣ ихъ приближенные, которые по-своему (т. е. по восточному образцу, напримѣръ, персидскому, или же индо-скиѳскому, или же китайскому) также составляли кругъ кагана или хана. Если же когда либо будетъ, дѣйствительно, построена подлинная исторія одеждъ и тканей византійскаго двора, то это станетъ важнѣйшимъ отдѣломъ исторіи средневѣковой культуры, ибо станетъ исходнымъ и опорнымъ пунктомъ частныхъ и мѣстныхъ изслѣдованій средневѣковаго искусства. Въ этихъ, правда еще весьма отдаленныхъ отъ современной науки, видахъ книга Константина Багрянороднаго, которую онъ собралъ, разсмотрѣлъ и, гдѣ могъ, дополнилъ, является для византійской древности драгоцѣннымъ складомъ фактическаго матеріала.[1] Важность его нисколько тѣмъ не умаляется, что это — книга церемоній византійскаго двора: т. е. (I, главы 1—37) выходовъ царскихъ въ церкви на праздники и процессій[2];

Значеніе византійскаго двора.

Книга о церемоніяхъ Константина Багрянороднаго.

[1]) Книга эта не получила отъ самого составителя заглавія и значащееся въ Лейпцигской рукописи есть, явно, хвалебный, чужой заголовокъ: Σύνταγμά τι καὶ βασιλείου σπουδῆς ὄντως ἄξιον ποίημα. Боннское изданіе 1829 г. не имѣетъ полныхъ индексовъ и такъ затрудняетъ научное пользованіе текстомъ и его мелочными справками, а также и деталями остроумнаго комментарія оріенталиста І. Рейске, что тотъ, кто со временемъ займется большою задачею, долженъ будетъ для нея составить самъ и особый указатель. Причина, почему книга эта и не была пока источникомъ крупныхъ работъ. [О составѣ и времени составленія отдѣльныхъ частей книги о церемоніяхъ см: J. B. Bury: The Ceremonial book of Constantine Porphyrogenetos, in: The English Historical Review, t. XXII, 1907, p. p. 209—227, 417—439. K. Krumbacher: Geschichte der Byzantinischen Litteratur (München 1891) s. 61 ff. Страницы при цитація указаны всюду по Боннскому изданію.]

[2]) [Эта часть книги о церемоніяхъ изложена систематически Д. Ѳ. Бѣляевымъ въ его Byzantina I -III: Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Кн. І. Обзоръ

далѣе — формъ: царскихъ вѣнчаній и т. п. церемоній (I, 38—42); рукоположеній (хиротоній) кесаря, новилиссима (I, 43—44)[1]; производствъ въ достоинство куропалата (дворцоваго начальника или коменданта), магистра (министра части), патрикія, анѳипата (проконсула), опоясанной патрикіанки (ст. фрейлины), паракимумена (пер. лат. accubitor), препозита (церемоніймейстера), гипарха или префекта столицы, квестора, димарха; назначеній логоѳетовъ (министръ вѣдомствъ), протоспаѳарія — начальника меченосцевъ или мечниковъ (I, 45—59). Все производство представляется въ порядкѣ или чинѣ (τάξις) его исполненія, съ перечнемъ формальностей, записью всѣхъ дѣйствій, словъ и пѣснопѣній или „актовъ“, провозлашаемыхъ обѣими частями или партіями Голубыхъ и Зеленыхъ, какъ представителями народа. Но также подробно освѣдомляется порядокъ пріемовъ въ дворцѣ,[2] въ ипподромѣ, на городской площади, игръ ипподрома, актовъ геніоховъ,[3] порядокъ званыхъ пировъ во дворцѣ, большихъ и малыхъ (I, 62—83). Далѣе слѣдуютъ: изложеніе по матеріаламъ, собраннымъ еще отъ древности магистромъ Петромъ (временъ Юстиніана), [производствъ различныхъ чиновъ (I, 84—86); записи, касающіяся пріема пословъ (I, 87—90) и, наконецъ, описанія: восшествій на престолъ императоровъ Льва I (I, 91), Льва II (I, 94), Анастасія (I, 92), Юстина (I, 93), Юстиніана (I, 95) и, добавленныя позднѣе[4] — Никифора Фоки (I, 96) и производства предсѣдателя (проэдра) всего синклита (I, 97).[5] Въ отдѣльномъ сочиненіи (apendix ad l. I)[6]] излагается столь же обстоятельно, какъ должно приготовлять все нужное къ далекому походу, дабы изъ разныхъ недостающихъ мелочей не вышло большихъ непріятностей и не были бы

главныхъ частей Большого Дворца византійскихъ царей. 1891 (также Записки Русскаго Археологическаго общества, н. с. т. V). Кн. II. Ежедневные и воскресные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ Св. Софіи въ IX—X в. 1893 (также З. Р. А. О., н. с. т. VI). Кн. III Богомольные выходы византійскихъ царей въ городскіе и пригородные храмы Константинополя. Записки Классическаго Отдѣленія Р. А. О., т. IV, 1907, 1—188. Обзору Большого Дворца посвященъ спеціально трудъ: J. Ebersolt: Le grand Palais de Constantinople et le livre des cérémonies. Paris, 1910.]

1) [О времени гл. 41—44 см. спеціальныя соображенія Bury, o. c., p. p. 429, 431 и Ch. Diehl: Études byzantines, p. p. 298—304.]

2) [Нѣкоторые изъ этихъ пріемовъ разсматриваются въ статьѣ М. А. Андреевой: О церемоніи „Прокипсисъ“, въ Seminarium Kondakovianum I 1927, 166 слѣд.]

3) [См. критическій разборъ этого отдѣла въ статьѣ: G. Millet: Les noms des auriges dans les acclamations de l'Hippodrome (Étude critique sur le livre des cérémonies). Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. 1926, 279—295.]

4) [По мнѣнію Bury, o. c. 211—212.]

5) [Матеріалъ касающійся перечисленныхъ церемоній, изложенъ кратко, но съ систематическимъ указаніемъ источниковъ и литературы — J. Ebersolt. Mélanges d'histoire et d'archéologie byzantines. Revue de l'histoire des religions t. LXXVI, n° 1. Paris 1917, 1—105.]

6) [Въ рукописи оно занимаетъ листы 1—21 и только въ изданіяхъ Лейпцигскомъ и Боннскомъ (444—508) помѣщено какъ приложеніе къ I книгѣ. Bury выдѣляетъ его, какъ отдѣльное сочиненіе, подъ заглавіемъ: о царскихъ походахъ. См. o. c., V The Treatise περὶ τῶν βασιλικῶν ταξειδίων. (§ 41), p. p. 438—439.

примѣнены необходимыя средства для удачи дѣла однимъ только мечомъ. Кромѣ того, явилось особое къ I книгѣ приложеніе, посвященное самимъ Константиномъ его сыну Роману (App. ad l. I, 455 sqq). Мы увидимъ впослѣдствіи, что эта часть освѣщаетъ много существенныхъ сторонъ въ быту Византіи. Вторая книга является дополненіемъ въ особомъ, болѣе дѣловомъ или секретномъ родѣ, безъ литературной отдѣлки, но зато среди ея главъ имѣется даже точный порядокъ ежедневнаго царскаго выхода у себя во дворцѣ утромъ (гл. I-ая), нарядъ, устраиваемый по случаю царскаго омовенія въ священной купели во Влахернахъ (гл. 12), замѣчательная записка о пріемѣ самимъ Константиномъ Багрянороднымъ пословъ изъ Тарса и Ольги русской (гл. 15), наряды по случаю дворцовыхъ пировъ, рожденія сына у императора, по случаю дворцоваго бала, дѣловые списки выдачъ (рогъ), титуловъ при сношеніяхъ съ иноземцами, перечень облаченій, заготовляемыхъ для подарковъ. Въ концѣ важнѣйшая статья — въ главѣ 52-й (702—783) — записка о порядкѣ и мѣстахъ чиновъ двора, составленная въ 900 году и носящая громкое названіе[1]: Точное описаніе (акривологія) наряда (τῆς καταστάσεως) царскихъ званыхъ пріемовъ (κλητωρίων) и призыва каждаго чина и его части (мѣста), составленное по старымъ описямъ пріемовъ при Львѣ, боголюбивомъ и мудрѣйшемъ царѣ нашемъ, въ мѣсяцѣ Сентябрѣ, индикта 3, года отъ сотворенія міра 6408, Филоѳеемъ, царскимъ протоспаѳаріемъ и архитриклиномъ. Конечно, и слѣдующее затѣмъ предисловіе Филоѳея (II, 52, 702—705), обращенное къ друзьямъ, просившимъ его составить по старымъ документамъ такую записку, отличается обычною византійскою высокопарностью, но, тѣмъ не менѣе, оно имѣетъ серьезную и вполнѣ искреннюю подкладку. Очевидно, положеніе самого архитриклина при исполненіи его обязанностей по двору Льва Мудраго было и сложнымъ и крайне тревожнымъ, и къ тому же его время было своего рода эпохою возстановленія „чина и наряда“ царскаго и дворцоваго, въ результатѣ реакціи, открытой при Василіи Македонянинѣ и завершенной при Львѣ Мудромъ. Какъ ни смотрѣть на эпоху иконоборства, она все же была, въ своемъ родѣ, временнымъ погромомъ грекоримской культуры и отозвалась крайне тяжко на всемъ чиновномъ строѣ Византіи. Иныя учрежденія, а съ ними и чины, ихъ представлявшіе, были совсѣмъ забыты, а на ихъ мѣсто вихремъ ворвались другіе (ἐφευρεθεῖσαι ἀξιωμάτων διαφοραὶ σύγχυσίν τινα παρεισάγουσιν), вызывая недоумѣніе и путаницу. Пришлось обратиться къ старому укладу (ἐκ τῶν πρώην ἐγκειμένων), чтобы уяснить себѣ иное, а дѣло архитриклина требуетъ именно точнаго знанія чиновъ и ихъ порядка. Честь и достоинство чиновъ ни въ чемъ иномъ не явствуетъ, какъ въ строгомъ и точномъ распредѣленіи чиновъ и ихъ мѣстъ, въ пред-

Клиторогій Филоѳея.

[1]) Ἀκριβολογία τῆς τῶν βασιλικῶν κλητωρίων καταστάσεως, καὶ ἑκάστου τῶν ἀξιωμάτων πρόσκλησις καὶ τιμή. — p. 702.

сѣдательствѣ или предшествіи другимъ низшимъ чинамъ на многолюдныхъ императорскихъ пріемахъ и пирахъ. Припоминая, что творилось изъ-за мѣстничества въ старой Руси, легко понять крайнюю сложность задачъ Филоѳея, когда узнаемъ его списки.[1]

1.

Чины византійскаго двора.

Всѣ чины византійскаго двора суть царскія удостоенія, при чемъ высшій отдѣлъ, 18 чиновъ, удостаивается (αἱ διὰ βραβείων ἀξίαι) полученія особыхъ знаковъ, которые никогда послѣ не отбираются[2]: одинъ разрядъ ихъ составляютъ чины синклита, всѣ прочіе участвуютъ въ выходахъ. Слѣдующій отдѣлъ, 60 чиновъ, назначается царскимъ эдиктомъ (διὰ λόγου), и посему ихъ должности переходятъ отъ нихъ по указу къ инымъ лицамъ. Высшимъ чиномъ или саномъ и во главѣ двора является кесарь (цьсарь, отсюда — царь), обычно братъ, сынъ императора, котораго слѣдуетъ отдѣлить или отличать отъ соправителей императора. Императоръ и его младшій товарищъ — оба называются βασιλεύς — или вмѣстѣ — οἱ δεσπόται, при чемъ, однако же, младшій сидитъ на маломъ боковомъ тронѣ. Но разъ и достоинство кесаря стало удостоеніемъ „Августа" (какъ долго именовался василевсъ), понятно, какой устанавливался при дворѣ Византіи взглядъ на королей, великихъ князей, которые тоже приравнивались къ чинамъ, раздаваемымъ отъ единственнаго императора. Однако, рядомъ съ кесаремъ уже въ X вѣкѣ, имѣлся второй санъ новелиссима, какъ и кесарь, скорѣе достоинство, чѣмъ чинъ или должность, а впослѣдствіи тоже сочиненныя наименованія севастократора,[3] василеопатора,[4] панииерсеваста (послѣднее достоинство значится только у Кодина[5]). Уже непосредственно затѣмъ значится въ X вѣкѣ чинъ куропалата,[6] дворцоваго коменданта, котораго значеніе объясняется, стало быть, тяжелыми условіями жизни царя во дворцѣ, т. е. опасностями дворцоваго переворота, тогда какъ у Кодина, который, кстати, самъ былъ куропалатъ, эта

Высшіе чины.

Куропалатъ.

---

[1]) [Клиторологію Филоѳея посвящена спеціально работа: J. B. Bury. The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a revised text of Kletorologion of Philothey. London. 1911. О спискахъ чиновъ по инымъ рукописямъ см.: Ѳ. И. Успенскій. Византійская табель о рангахъ. Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, т. III, 1898, 103 слѣд. V. Beneševič. Die Byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei (De Cer. lib. II, c. 52) und den Jerusalemer Handschriften zusammengestellt und reviediert. Byzantinische-Neugriechische Jahrbücher, t. V. Athen 1926, 114 sqq. О соотношеніи списковъ см.: М. А. Андреева: Къ вопросу о составѣ клиторологія Филоѳея, въ Seminarium Kondakovianum II 1928, 161—170.]

[2]) II, 52, 707.

[3]) [Установленъ Алексѣемъ Комниномъ, см.: Codini De officiis, II, 7; и комментарій, p. 174.]

[4]) [Установленъ Львомъ Мудрымъ для своего тестя, см.: II, 52, 712—713; и комментарій, p. 833.]

[5]) [De off, II, 7, и комментарій, p. 177.]

[6]) [По восходящей лѣстницѣ 18 чиновъ, получавшихъ вравіи, занимаетъ 16-ое мѣсто, см. II, 52, 711.]

должность значится на 15 мѣстѣ.[1] Всѣ эти лица по одеждамъ приближались къ императору, ибо получали хламиду или мантію, поясъ и пурпуровый или же красный дивитисій или хитонъ. Тѣмъ не менѣе удостоеніе чиномъ куропалата уже называется производствомъ (προαγωγή), и 45 глава описываетъ все, нѣкогда происходившее во дворцѣ, торжество по этому дѣлу: собираются, какъ и для рукоположеній, вилы (τὰ βῆλα), т. е. представители частей, допускаемые къ присутствію: синклитики, ипаты, комиты, силенціаріи, т. е. всѣ чины сената, патриціи, начальники гвардіи, всѣ приказы, и куропалатъ получаетъ пурпурныя одежды. Но тутъ же рядомъ особая записка въ 4 строки (I, 45, 231) сообщаетъ, къ свѣдѣнію (χρὴ εἰδέναι), что при производствѣ въ куропалаты не бываетъ силентія (т. е. совѣщательнаго собранія, въ которомъ присутствуетъ императоръ), но царь у себя принимаетъ то лицо и, взявъ отъ привратника жезлъ, передаетъ его будущему куропалату, и тѣмъ учиняется производство.[2] Нельзя было мѣнять процедуру возведенія въ достоинство кесаря (I, 43), которое совершалось при собраніи всего двора, съ рѣчами (условленными) въ пользу царскаго выбора, съ возложеніемъ на новаго кесаря хламиды, кесарскаго вѣнца (καισαρίκιον) и особой фибулы, застегивавшей мантію. Но требовалось также отличить кесаря, какъ чинъ, не дававшій правъ на преемство трона, и отсюда слѣдовали особыя распоряженія по выборамъ наслѣдника, „меньшого“ царя или деспота, и правила по отличіямъ кесаря и деспота, въ цвѣтахъ мантій въ будни и праздники.

Кесарь.

Торжество осложнялось участіемъ такъ называемаго дима, т. е. представителей народа, главъ выборныхъ его или димотовъ съ ихъ собственными чинами, которые должны были кликами и гимнами дополнять выборы: это была оборудованная клика крактовъ (οἱ κράκται), сопровождавшая дѣйства разнаго рода и даже церковные обряды возгласами народа (ὁ λαός): „Господи помилуй“, „аминь“, „многая лѣта“ и пр. Когда избирался новелиссимъ, происходила та же церемонія, и только хламида его была не пурпурная, а красная (гл. 44). Итакъ, дворъ съ царемъ во главѣ учинялъ, собственно, театральное представленіе, которое давалось во дворцѣ, но въ присутствіи не только всего двора, но также и представителей народа.

Новелиссимъ.

Магистръ.

Но не менѣе торжественный характеръ принимало назначеніе высшаго служебнаго чина магистра (гл. 46), „если царь прикажетъ устроить это производство при выходѣ въ Великую Церковь“, т. е. въ Св. Софію: оно начинается съ церемоніи во дворцѣ, гдѣ присутствуютъ всѣ патриціи, члены синклита (сената), и гдѣ самъ царь появляется въ мантіи и стоя принимаетъ поклоненіе земное и многократное самого магистра и всего собранія, а новый чинъ, уходя въ закрытое помѣщеніе, облачается

[1]) [По нисходящей лѣстницѣ чиновъ, начиная съ деспота, см. De off. II, 9.]

[2]) При Юстиніанѣ куропалатомъ былъ его родной племянникъ Юстинъ, но указанное измѣненіе занесено магистромъ Петромъ Юстиніанова времени въ его запискѣ, см. I, 84, p. 387.

въ стихарь, шитый золотомъ, и мантію съ золотымъ тавліемъ и надѣваетъ широкій поясъ (βαλτίδιον) военнаго образца. Словомъ, и назначеніе министра дѣлается тоже, какъ бы всенародно. Не менѣе сложно происходитъ

Стратиги.

(гл. 47) назначеніе патриціевъ стратигами, и также въ полномъ облаченіи является царь или оба деспота, и вводятся семь очередей (по византійски: семь разъ завѣсы — βῆλα, подымаются для ихъ входа), и, получивши документы по назначенію, стратиги расходятся по своимъ частямъ, при чемъ стратиги имѣютъ пурпурный сагій (σαγίον)—военный плащъ, патриціи въ бѣлыхъ хламидахъ, а назначенія эти обычно совершаются на рождественскихъ и вообще большихъ праздникахъ. Очевидно, въ ранніе вѣка византійскаго царства оно озабочивалось придать сословію патриціевъ хотя бы

Патриціи.

внѣшнее значеніе, за отсутствіемъ внутренняго, и даже Филоѳей называетъ ихъ περιβλέπτοι[1] (эпитетъ иконы Богоматери[2]), и имъ цари выдавали, при назначеніи, диптихи изъ слоновой кости (πλάκες ἐλεφάντιναι[3]), украшенные снаружи рельефами церемоніальнаго содержанія, какъ бы причисляя ихъ къ консульскому достоинству (гл. 48). Ранѣе, какъ видно изъ приложенной записки, полагалась даже актологія димовъ новому патрицію — настолько было еще сознаніе о необходимости сенаторскаго контингента для выбора чиновъ. Видимо, та же иконоборческая эпоха смела остатки римскаго наслѣдія, тоже ставшаго чиновничествомъ, какъ

Анѳипаты.

и самый чинъ ипатовъ-консуловъ, или анѳипатовъ-проконсуловъ, получавшихъ пурпурные кодикеллы[4] (тетради[5]). Особо любопытна глава 50 о назначеніи опоясанной патриціанки: статья эта появилась, повидимому, при Юстиніанѣ и по опредѣленному желанію импера-

Опоясанная патриціанка.

трицы Ѳеодоры имѣть при себѣ также высшій чинъ своего двора для непосредственныхъ сношеній съ чинами и постами двора царскаго, но сохранилась и значится у Филоѳея даже на четвертомъ мѣстѣ послѣ кесаря.[6] Поясъ, именно широкій и съ характеромъ портупеи, сталъ съ IV в. знакомъ государственной службы вообще, по типу ли персидскому или варварскому (см. ниже), и сталъ, понятно, модою высшихъ классовъ въ женской одеждѣ, и вся процессія святыхъ дѣвъ и женъ въ равеннской церкви Св. Аполлинарія Новаго представляетъ опоясанныхъ патриціанокъ. Производство совершалось въ глубинѣ дворца, около церкви Божьей Матери Фароса (большого маяка рядомъ, свѣтившаго черезъ Босфоръ другимъ маякамъ Малой Азіи, ради передачи свѣдѣній съ ея границъ).[7] Царь являлся безъ вѣнца, присутствовали синклитъ и чины, и получала избранная изъ царскихъ рукъ делматикій, ѳоракій и бѣлое покры-

---

[1]) [II, 52, 710: δωδεκάτη ἡ τῶν περιβλέπτων πατρικίων ἀξία.]

[2]) [См.: Н. П. Кондаковъ: Иконографія Богоматери, II, 230—235.]

[3]) II, 52, 710. [4]) II, 52, 710.

[5]) [τὸ πορφυροῦν τετράδιον — I, 49, 256.]

[6]) [Иначе говоря на 15-омъ по восходящей лѣстницѣ Филоѳея — II, 52, 711.]

[7]) [О мѣстоположеніи храма Б. М. Фароса см. Д. Ѳ. Бѣляевъ: Byzantina, I, 39—40.]

вало (μαφόριον): первая одежда съ широкими рукавами, вторая — родъ широкой полосы изъ плотнаго шелка или золотнаго бархата, обходившаго всю фигуру сзади и поднимавшагося какъ бы поясомъ къ лѣвой рукѣ, черезъ которую, затѣмъ, конецъ этой полосы — лорона перебрасывался [1]; лоръ былъ принадлежностью царскаго облаченія, но впослѣдствіи, какъ хламида, перешелъ также къ высшимъ чинамъ. Записка сообщаетъ, что когда опоясанная патриціанка идетъ на поклоненіе къ царямъ, то изъ за своего лора и высокаго кокошника (προπόλωμα) она не можетъ уже дѣлать земныхъ поклоновъ, а склоняется немного и, взойдя по ступенькамъ, цѣлуетъ колѣна владыкъ и получаетъ отъ нихъ диптихъ и документы. Со временемъ, число чиновъ при осо̀бѣ царицы состоящихъ, все росло, и къ X вѣку, напримѣръ, при ней состояло даже 4 особыхъ силенціарія, т. е. высшихъ чиновъ съ золотымъ жезломъ, особый референдарій и т. д. (гл. 86). Однако, иныя чисто дворцовыя военныя должности, появившіяся въ V и VI вѣкахъ, напротивъ, или были замѣнены иными, болѣе обширными по кругу дѣлъ, имъ ввѣрявшихся, или исчезали сами по себѣ.

Доместики. Такъ, напримѣръ, любопытный чинъ такъ называемыхъ доместиковъ, т. е. приближенныхъ лицъ, изъ военнаго званія, обычно начальствовавшихъ гвардейскими отрядами (доместики схолъ, доместики екскувиторовъ), сошелъ изъ прежде высокаго поста на обыкновенный служебный чинъ, какъ увидимъ ниже. Вовсе исчезли протекторы изъ военныхъ, приближенныхъ къ царю. Ихъ замѣнили отряды спаөаріевъ-мечниковъ, уже не съ короткимъ, но длиннымъ и тонкимъ, колющимъ мечемъ (шпагою), при чемъ въ миніатюрахъ изображаются протоспаөаріи рядомъ съ царемъ, держащіе широкій и длинный, почти церемоніальный

Спаөаріи. мечъ.[2] Протоспаөаріи дѣлились на „бородатыхъ“ (изъ варваровъ) и евнуховъ; молодежь, которая со временемъ получала всѣ привилегіи заслуженныхъ спаөаріевъ, имѣла чинъ спаөарокандидатовъ; наконецъ, чинъ спафаріевъ имѣлъ тоже соотвѣтствующій ему — спаөарокувикуларіевъ — изъ евнуховъ.[3]

По списку Филоөея (II, 52) ἡ ἀξία, т. е. чинъ протоспаөаріевъ, получаетъ, какъ свой почетный знакъ, золотую шейную гривну, украшенную драгоцѣнными камнями, которая смыкается вокругъ шеи самимъ царемъ[4]: мы уже видѣли, что скиөо-сарматскія и персидскія древности также представляютъ гривну[5] обычнымъ почетнымъ знакомъ воинскаго

---

¹) [О делматикіи и өоракіи см. Н. П. Кондаковъ: Изображенія княжеской семьи стр. 108 и сл.]

²) [См. изображеніе спаөарія, сопровождающаго Св. равноапостольную царицу Елену на миніатюрѣ Ms. gr. 510 Нац. Библ. въ Парижѣ: J. Ebersolt: Les arts somptuaires, f. 36, или Ch. Diehl: Manuel, II, f. 299.]

³) [См. II, 52, 721.]

⁴) Текстъ (709): κλοιὸς χρυσοῦς περὶ τὸν αὐχένα ἐκ λίθων τιμίων κεκοσμημένος, διὰ χειρὸς βασιλέως ἐπισυγκλέιεται. То же, что у Римлянъ torques, рус. гривна, даруемая князьями своимъ сыновьямъ, вождямъ.

⁵) [О гривнѣ см.: Русскія Древности, V, 151 и слѣд., а также s. v.]

вождя, а также знаемъ, что, при провозглашенiи византiйскихъ царей въ лагеряхъ, не имѣя ничего иного, брали у кого-либо золотую гривну и надѣвали ее на царя.[1] Уже совсѣмъ далеко было то время, когда κλοιός и torques были сначала желѣзными кольцами рабовъ, наглухо замыкавшимися у нихъ на шеѣ, а равно и почетнымъ знакомъ преданныхъ рабовъ. Возможно, что эмблемою воинской преданности гривны продолжали быть и въ Византiи, ибо не даромъ царь самъ смыкаетъ гривну, такъ сказать, навсегда, какъ будто. Извѣстенъ случай въ русской исторiи, когда, спѣша снять гривну, человѣку отрубили голову. Драгоцѣнные камни помѣщались на гривнѣ въ особыхъ большихъ гнѣздахъ, которыя тяжестью удерживались напереди. Именно въ такихъ гривнахъ изображены Свв. Сергiй и Вакхъ, которые были — первый примикирiемъ, второй помощникомъ.[2] Чинъ кандидатовъ имѣлъ своимъ знакомъ золотой манiакъ, о трехъ пуговицахъ (τρίκομβον), свѣшивающiйся на грудь (μέχρι τέρνων), дается изъ рукъ царя.[3] Это было оплечье, изъ золотнаго галуна, шитое еще шелками, застегивавшееся и носимое поверхъ хитона-стихарiона, или кабадiя, при чемъ украшенiя этой нижней одежды должны были по чину ли, или по случаю праздника, также, конечно, соотвѣтствовать манiаку, быть шире, украшены камнями, обнизаны жемчугомъ и пр. Въ старой Руси называли это почетное оплечье — бармами[4] и считали ошибочно принадлежностью царскаго сана, тогда какъ оно было весьма обычнымъ украшенiемъ и къ тому же было своего рода необходимымъ дополненiемъ для одеждъ, не имѣвшихъ ворота или „воротника“. Дю-Канжъ[5] нашелъ въ глоссахъ: μανιάκην τὸ τοῦ ἱματίου περιστόμιον, оплечье, закрывающее устья одежды, обычно изъ болѣе тонкой, а потому шелковой, но въ то же время плотной матерiи, и ради практичности — съемной, не пришитой; въ спискѣ заготовляемыхъ для похода облаченiй и одеждъ значатся колобiи μανιακάτα λιτά (App. ad l. I, 470), т. е. съ оплечьями, но простыя. Прочiе военные чины, какъ страторы — получали значки,[6] стратилаты — только хартiи, ибо и безъ того носили при себѣ оружiе, и ихъ облаченiе тѣмъ болѣе должно

Гривна.

Манiакъ.

¹) [См. о возложенiи манiака на Льва, I, при его провозглашенiи царемъ, въ: De cer. I, 91, 411. Аналогичный случай описанъ Аммiаномъ Марцеллиномъ (XX, 4, 18) — на Юлiана Отступника, при его провозглашенiи августомъ, была возложена цѣпь знаменосца за неимѣнiемъ дiадемы.]

²) [См. объ этомъ: Д. В. Айналовъ, Синайскiя иконы восковой живописи, Византiйскiй Временникъ. IX, 1902, стр. 358, прим. 4; тамъ же воспроизведенiе иконы Свв. Сергiя и Вакха — табл. III.]

³) II, 52. 708. Знаменитый Рейске, хотя и путался (стр. 190, 292) въ исторiи манiака, однако, на стр. 543—4 нашелъ, наконецъ, истинный смыслъ, разбирая терминъ ἱμάτια μανιακάτα (App. ad l. I, 469), ибо нельзя было представить себѣ vestis aureis torquibus instructa. [См. также Recueil — Kondakov, p. 223 слѣд.]

⁴) [О бармахъ см.: Н. П. Кондаковъ: Русскiе клады, 159—165. Русск. Др. V, 129—132. Изображенiя княжеской семьи, 102.]

⁵) Du Cange: Glos. Gr., v. Μανιάκης [Ed. alt. 1905, t. I, col. 869; Gloss. MSS. ex Cod. Regil. 2062.]

⁶) [II, 52, 709: φραγέλιον χρυσοῦν ἐκ λίθων τιμίων κεκοσμημένον.]

быть воинскимъ, чѣмъ болѣе было параднымъ. Прочіе чины высшаго рода, судебные, административные, какъ и собственно, придворные, имѣли своими знаками разнаго рода жезлы, болѣе или менѣе украшенные золотомъ, серебромъ, камнями и пр. и даже различавшіеся по цвѣту, которымъ окрашивалось дерево — красному, зеленому.[1] Но тѣмъ болѣе эти чины разнообразили въ своихъ облаченіяхъ, которыми они щеголяли, чтобы отдѣлиться отъ множества низшихъ. Ниже мы увидимъ, какія заботы прилагались на праздничные дни по нарядамъ синклита, патриціевъ, но, не

Дѣленіе чиновъ.

соблюдая ихъ мѣстъ, натуральнѣе разсматривать ихъ по группамъ, по ихъ должностямъ (ὀφφίκια), при чемъ можно принять число 60, перечисленное Филоѳеемъ (II, 52, 705), вмѣстѣ съ военными чинами, и отчасти дѣленіе оффицій или службъ на три вида (II, 52, 706): т а г м а т и к о в ъ — по войску, ѳ е м а т и к о в ъ — по ѳемамъ или провинціямъ, с и н к л и т и к о в ъ — чины гражданскіе и придворные, или на семь.[2]

Военные чины.

Чины военные: с т р а т и г и, к о м и т ы, д о м е с т и к и, д р у н г а р і и с т р а ж и и ф л о т а, г е т е р і а р х и имѣли ряды имъ подчиненныхъ низшихъ чиновъ,[3] иные по десяти чиновъ и при нихъ канцеляріи, какъ напримѣръ, т у р м а р х о в ъ, к о м и т о в ъ к р ѣ п о с т е й, к о м и т о в ъ к о н ю ш е н ъ (κόμης τοῦ στάβλου, comes stabuli — контоставлъ, отсюда connetable), при чемъ стратиги ѳемъ были также въ числѣ сначала 8, затѣмъ умножившемся у Филоѳея до 25 стратига. Надо сказать, что среди нихъ были чины по существу номинальные, такъ какъ ѳемъ ихъ, напр. Сициліи, уже не было во владѣніи, и все же всѣ стратиги въ X вѣкѣ значатся на первомъ мѣстѣ. Уже послѣ нихъ идутъ: с а к е л л а р і й — к о н т р о л е р ъ, л о г о ѳ е т ъ г о с у д а р с т в е н н о й к а з н ы (τοῦ γενικοῦ), к в е с т о р ъ — министръ правосудія, л о г о ѳ е т ъ

---

1) [Напр. вравіемъ (βραβεῖον) силенціарія былъ золотой жезлъ (χρυσᾶ ῥάβδος) — II, 52, 708; вравіемъ мандатора — красный (ῥάβδος ἐρυθροδανωμένη) — ibidem; у остіарія — снова золотой — II, 52, 721; и т. д.]

2) [II, 52, 714: διαιροῦνται οὖν αὗται πᾶσαι εἰς μέρη ἑπτὰ, οἷον εἰς στρατηγοὺς, εἰς δομεστίκους, εἰς κριτὰς, εἰς σεκρετικοὺς, εἰς δημοκράτας, εἰς στρατάρχας, καὶ εἰς εἰδικὰς μόνας ἀξίας. Это какъ бы дѣленіе на классы должностей не по чиновной лѣстницѣ, а по ихъ характеру. Въ число 26 стратиговъ входили также представители схолъ (гвардейскихъ отрядовъ) — οἱ ἐκ προσώπου τῶν σχολῶν. Доместиковъ было 7: схолъ, экскувитовъ, числа (τοῦ ἀριθμοῦ) иканатовъ, нумеровъ, оптиматовъ и стѣнъ (τῶν τειχέων). Судейскихъ должностей (εἰς κριτάς) было три — эпархъ города, квесторъ и нач. канцел. по прошеніямъ (ὁ τοῦ δεήσεως). Приказными (должностей которыхъ было 11) считались логоѳеты госуд. казны, военный и путей, сакелларій, хартуларіи сакеллія и вестіарія, протоасикритъ, начальникъ идика, кураторы великій и манганъ, орфанотрофъ. Димократами были начальники партій — димархи Венетовъ и Прассинъ. Стратархи: гетеріархъ, друнгарій флота, логоѳетъ стадъ (τῶν ἀγελῶν), протоспаѳарій василиковъ, комитъ ставла. Наконецъ, чины идика — личной царской службы — перечислены ниже. Изъ этого перечисленія ясно, что должность стратиговъ имѣла военно-административный характеръ, доместиковъ и стратарховъ — военный, остальныхъ — судебный, административный, общественно-организаціонный и наконецъ узко придворный, Подробно, слѣдуя схемѣ Филоѳея, изложена система чиновъ въ вышеупомянутой книгѣ Bury.]

3) [Объ этомъ трактуетъ спеціальный отдѣлъ записки Филоѳея — II, 52, 716—720.]

военный (τοῦ στρατιωτικοῦ), друнгарій стражи (τῆς βίγλας), логоѳетъ дрома — или путей и иностранныхъ дѣлъ, друнгарій флота (τῶν πλωΐμων), протоспаѳарій — имперскихъ войскъ (τῶν βασιλικῶν), логоѳетъ стадъ (τῶν αγελῶν) — царской казны, доместикъ иканатовъ, доместикъ нумеровъ, таковой же оптиматовъ, комитъ крѣпостей (τῶν τειχέων), хартуларій казны (τοῦ σακελλίου), таковой же царскаго вестіарія, таковой же царской чернильницы (τοῦ κανικλείου), протостраторъ, протоасикритъ — начальникъ дворцовой канцеляріи, докладчикъ по ѳемамъ (ἡ ἀξία τοῦ ἐκ προσώπου τῶν θεμάτων), комитъ конюшни, начальникъ идика (ὁ τοῦ εἰδικοῦ) — частнаго царскаго имѣнія, великій кураторъ по царскимъ имѣніямъ — главный управляющій, начальникъ канцеляріи по прошеніямъ (ὁ τῶν δεήσεων), начальникъ Манганъ (арсенала, κουράτωρ τῶν μαγγάνων), начальникъ сиротскихъ пріютовъ (ὀρφανοτρόφος), димархъ Венетовъ и димархъ Прасиновъ. При этихъ чинахъ есть подотдѣлы съ начальниками или чинами. Списокъ особо поминаетъ (αἱ δὲ εἰς εἰδικὰς μόνας ἀξίας εἰσί и т. д.) только семь сановъ и чиновъ, какъ василеопаторъ — санъ, придуманный для одного экстреннаго случая (см. выше), ректоръ — малопонятный санъ, которому, однако, посвящена глава объ его производствѣ (II, 4), синкеллъ, постъ относившійся къ духовному сословію, главный распорядитель церемоній (ὁ τῆς καταστάσεως) и другіе, какъ протостраторъ хартуларій чернильницы и доместикъ василиковъ (царскихъ слугъ). Это, конечно, почетныя должности разнаго рода. Въ Византіи такого рода постовъ было много, и чѣмъ дальше, тѣмъ появлялось ихъ больше; появились всякіе: прото-асикритъ — „начальникъ всѣхъ приказовъ“, протопроэдръ — главный предсѣдатель сената, протонотарій.

Придворные чины.

Казалось бы также были должны рости и множиться чины придворные въ собственномъ смыслѣ слова, но, очевидно, жизнь еще настолько была несложна и даже проста, что царь, видимо, внѣ двора ограничивался весьма несложнымъ обиходомъ, немногими комнатами (κοιτών) для себя лично, и развѣ особымъ болѣе сложнымъ помѣщеніемъ для царицы и дѣтей. Пока еще не выработался вовсе домашній комфортъ, не только сельскіе жители и владѣтели большихъ помѣстій жили просто, но и горожане вели хозяйственный образъ жизни, не имѣя пріемовъ у себя и проводя день или на службѣ, или по торговымъ заведеніямъ всякаго рода при дѣлѣ, и, точнѣе говоря, частная жизнь шла еще по укладу древности. Но взамѣнъ тѣмъ шире росла жизнь на показъ, тѣмъ пышнѣе обставлялся всякій пріемъ во дворцѣ, а также всякій выходъ царя, всякая процессія царская, церковная, всякая церемонія. И потому надо отдать полную справедливость первымъ держателямъ греко-римскихъ бытовыхъ преданій среди царей, чиновъ и ихъ двора, что среди всего множества сановъ и чиновъ всякаго рода мы сравнительно менѣе слышимъ о чинахъ придворныхъ, кромѣ необходимыхъ посредниковъ между

Препозиты. хозяиномъ пріема и присутствующими. Это такъ называемые препозиты,[1] „приставленные“ начальники дворцовыхъ слугъ, привратниковъ, при чемъ одинъ видъ ихъ приравнивается даже къ церемоніймейстеру; за ними идутъ разные кураторы, т. е. смотрители дворцовъ и ихъ хозяйства, которыхъ, однако, никогда на пріемахъ (кромѣ большихъ пріемовъ по праздникамъ) не бываетъ, аколуѳы — изъ военныхъ, которые идутъ за царемъ на процессіяхъ и о которыхъ опять иначе не слышно. И такъ какъ личное хозяйство царя было связано съ его семьею, то большинство придворныхъ Евнухи. чиновъ значится у Филоѳея въ запискѣ о евнухахъ (II, 52 720 sqq), — которыхъ было восемь видовъ: баньщики (νιψιστιάριοι) или прислужники при его умываніи; кубикуларіи — собственно камердинеры, прислужники при спальнѣ; у тѣхъ и другихъ знакомъ ихъ званія или должности были камисіи (нижній длинный до полу хитонъ; откуда chemise) съ пурпурными украшеніями по поламъ, вороту и еще (у послѣднихъ) выходная стола съ парагавдами; они же бываютъ подъ рукою у препозитовъ; спаѳарокувикуларіи — чинъ, соотвѣтствующій спаѳаріямъ; остіаріи — привратники, съ золотымъ жезломъ, и пятый чинъ примикиріевъ (впослѣдствіи этого званія чины считались вельможами, и не были изъ евнуховъ), у которыхъ облаченіе было бѣлый хитонъ съ оплечьемъ (σὺν ἐπομίοις) и златотканными рисунками (πώλοις?). Далѣе идутъ: помянутые протоспаѳаріи (изъ евнуховъ), имѣвшіе хитонъ бѣлый (покроемъ дивитисія), красный (κόκκινος) плащъ (διπλόης) съ златотканными тавліями (tabulae, таблетки, шитыя по золоту шелками) и золотой съ камнями маніакъ; уже упоминавшіеся препозиты и патриціи евнухи.

Понятно, что въ этомъ рядѣ придворныхъ чиновъ евнухи играли, какъ довѣренныя лица, важнѣйшія роли, хотя бы на самыхъ низменныхъ, чисто служебныхъ мѣстахъ. Отсюда и полная невозможность, однако, для исторіи дать себѣ отчетъ въ значеніи должностей и точно опредѣлить, на-Папій. примѣръ, роль такъ называемаго папія — собственно дворцового привратника, ибо Рейске точно указалъ,[2] что имя происходитъ отъ арабскаго — пап—врата, папи — вратарь, а никакъ не отъ греческаго папас, какъ думали тѣ, которые хотѣли видѣть въ папіи духовное лицо. Если папій носилъ по консисторіи курильницу (I, 48, 244), или приносилъ изъ ризницы древохранительницу (II, 52, 723), изъ этого еще нельзя сдѣлать такого заключенія. Что папій былъ изъ евнуховъ (II, 52, 725), какъ многія при-

---

[1]) Особые препозиты, именовавшіеся свѣтлѣйшими (λαμπρότατοι), получали, какъ знакъ своего чина, диптихи патриціанскіе (πλάκες πατρικιότητος — II, 52, 722); доселѣ, однако, археологія не знаетъ диптиховъ иныхъ, кромѣ „консульскихъ“. [Они набирались изъ евнуховъ (ibidem); о производствѣ препозитовъ см. I, 52, 261—263, гдѣ указывается, что даваемыя ему πλάκας — ἄνευ κωδικελλίων; если же препозитъ одновременно возводится въ патриціанское достоинство, то получаетъ πλάκας μετὰ τῶν κωδικελλῶν.]

[2]) [См. комментарій, стр. 39 и слѣд. О папіи спеціально см. Д. Ѳ. Бѣляевъ. Матеріалы и замѣтки по исторіи византійскихъ чиновъ. Приложеніе къ Byzatina кн. I, 145—182.]

дворныя должности были изъ нихъ вплоть до X вѣка, возможно, равно и то, что былъ онъ лицомъ довѣреннымъ. Разсказывали, что папій погубилъ Льва Армянина, впустивъ заговорщиковъ въ число пѣвчихъ, что именно у папія вырвали силою ключи, когда друзья Василія убили ночью Михаила Пьяницу, также и то, что Левъ Хазаръ казнилъ папія за доставку иконъ императрицѣ Иринѣ. Хотя папій только привратникъ и носитъ при себѣ ключи отъ дворца, запираетъ и отпираетъ его поутру на весь день (I, 1, 6 и II, 1, 518), конечно, по указу царскому, ранѣе или позже, но опредѣленнаго часа и царь не могъ бы назначить навсегда, въ виду пировъ званыхъ, продолжавшихся далеко за ночь. Титулы папія — μέγας, οἰκειακός — великій и домовый; по чину онъ стоитъ рядомъ со стольникомъ (ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης)[1] и по Кодину (c. IV, 21) его облаченіе тождественно съ доместикомъ трапезы, именно: золотный скіадій, каввадій пурпурный, скараникъ бѣлый съ золотомъ и пурпуромъ; знакомъ для него былъ жезлъ съ золотыми шариками. Іоаннъ Кантакузенъ былъ великимъ папіемъ и кубикуларіемъ, но должно имѣть въ виду, что Кодинъ (c. V) сообщаетъ, что служба (ὑπηρεσία) великаго папія существовала нѣкогда, но „осталась неизвѣстна, нынѣ же нѣтъ никакой“.[2] Наряду съ папіемъ стоялъ по довѣрію и извѣстной службѣ девтеръ, который имѣлъ подъ завѣдываніемъ дворцовую прислугу и долженъ былъ при случаѣ быть на лицо, чтобы замѣщать всякій другой недостающій служебный чинъ.

Значеніе дворцовыхъ чиновъ.

Итакъ, дворцовая часть чиновъ была, видимо, не только въ меньшинствѣ, но и въ меньшемъ почетѣ, чѣмъ вся остальная партія гражданскихъ, а тѣмъ болѣе военныхъ чиновъ, и государственный смыслъ византійскихъ царей, съ одной стороны, и общественное воспитаніе или понятія о таковомъ, воспринятыя еще отъ гражданскихъ порядковъ римской имперіи, были настолько всесильны и еще управляли высшими сословіями, что отклоненія въ сторону отъ нихъ не повліяли на организацію придворной части. Кратко говоря, въ Византии кубикуларіи, т. е., спальники, не были столь важнымъ чиномъ, какъ въ древней Руси; вовсе не было стольниковъ и конюшій — бояринъ вовсе не отвѣчалъ комиту конюшенъ X вѣка: комиты были наиболѣе подвижными и занятыми помощниками царей и магистровъ, логоѳетовъ военныхъ и т. д. по всевозможнымъ сторонамъ военнаго дѣла и соотвѣтствовали современнымъ начальникамъ штаба. Далѣе, Византія знала, кромѣ того, спальниковъ подъ именемъ койтонитовъ, слугъ при внутреннихъ покояхъ дворца и въ частности покоевъ самого царя, но они упоминаются только въ особыхъ случаяхъ, когда на празднествахъ или по случаю большой массы приглашенныхъ, или по случаю зимы и холода, царствующаго въ парадныхъ залахъ, занимаются даже внутренніе покои.

При этомъ обзорѣ не идутъ, конечно, въ счетъ экскувиторы. Слово,

---

[1]) [Codini De off. II 10.]

[2]) [Ibidem, p. 35.]

явно, изобрѣтено отъ термина аккувиторы, которымъ обозначались чины, возлежащіе за пиршественными столами вмѣстѣ съ царемъ, откуда названіе зала-триклина или столовой 19 аккувиторовъ, хотя позднѣе возлежалъ лишь царь во главѣ перваго стола, прочіе сидѣли. Экскувиторами же назывался отрядъ гвардіи (схолъ), имѣвшій свои спальни рядомъ съ царскимъ покоемъ. Не идутъ въ счетъ и паракимомены,[1] высокій титулъ одиночныхъ довѣренныхъ людей изъ военныхъ, избиравшихся царями (не всегда всѣми), для того, чтобы охранять сонъ царя, ложась въ сосѣдней, прикрывавшей его покой залѣ; такимъ παρακοιμώμενος были Василій Македонянинъ у Михаила III и Василій, незаконный сынъ Романа Лекапена, низвергнувшій Романа Младшаго въ 963 г.

Равно, при неизбѣжныхъ сопоставленіяхъ съ русскимъ дворомъ, не слѣдуетъ отождествлять разныя хозяйственныя стороны византійской администраціи съ дѣлами царской казны въ древней Руси. Тамъ, какъ превосходно это было разъяснено по архивнымъ документамъ И. Е. Забѣлинымъ,[2] русскій царь былъ самъ первымъ помѣщикомъ, и его хозяйство наполняло Москву всякими мастерскими, складами и своими артелями, начиная отъ ткацкихъ издѣлій и кожевенныхъ и кончая иконописными мастерскими. Въ Византіи весь упоминаемый въ книгѣ Константина заводъ и обиходъ былъ общегосударственнаго характера, и развѣ только мастерскія перегородчатой эмали и шелковыхъ тканей были собственными у царя; все остальное исполнялось въ государственныхъ мастерскихъ, которыя имѣли своихъ начальниковъ: ἄρχοντες τῶν ἐργοδοσίων (II, 52, 720). Также различные ξενοδόχοι — принимавшіе чужеземныхъ гостей и бывшіе „приставами" въ Никомидіи, напримѣръ, состояли на государственной службѣ (II, 52, 720)...

Сочиненіе Кодина.

Кодинъ куропалатъ составилъ (въ XIV вѣкѣ?) собственное сочиненіе о должностяхъ,[3] вѣрнѣе, о должностныхъ чинахъ Константинопольскаго двора (περὶ τῶν ὀφφικιαλίων) и о церкви, съ тѣмъ же вниманіемъ, какое онъ выказываетъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ о византійской древности и старинѣ. Было ли ему извѣстно „Твореніе" Константина, или какое либо иное сочиненіе по тому же предмету, Кодинъ не упоминаетъ, а то, что онъ сообщаетъ историческаго въ дополненіе своихъ списковъ и перечней, какъ матеріалъ, сходится съ лѣтописями, но имѣетъ обычный анекдотическій характеръ. Все же любопытно и то, что въ своихъ гаданіяхъ о происхожденіи иныхъ обычаевъ или облаченій Кодинъ категорически указываетъ на Персію, родину иного царскаго обихода Византіи. Характерно

---

[1]) [Первый чинъ „по царскому слову" (διὰ βασιλικοῦ λόγου) изъ евнуховъ (правило повидимому не всегда соблюдавшееся) — II, 52, 725.]

[2]) [Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст., ч. I (изд. 3-е Москва 1895) стр. 437 и слѣд..]

[3]) [См. о принадлежности Кодину сочиненія о должностяхъ у K. Krumbacher: Gesch. d. byz. Litt., 166 (München 1891); J. Ebersolt: Melanges etc., p. 5. Также: М. А. Андреева: Очерки по культурѣ византійскаго двора въ XIII вѣкѣ (V Praze 1927), 16.]

и то, что какъ въ X вѣкѣ, высшихъ сановъ было 18, а главныхъ чиновъ еще 60, итого 78, и у Кодина списокъ всѣхъ офицій 78,[1] при чемъ, явно, въ послѣдній списокъ перешли разные второстепенные чины, упоминаемые Филоѳеемъ въ качествѣ подчиненныхъ чинамъ второй категоріи: *актуаріи*, *вестіаріи*, разные стратопедархи, т. е. интенданты, прокаѳимены великаго дворца и Влахернскаго, логаріасты, кабалларіи, аднуміасты, хотя было бы трудно, впредь до научнаго изслѣдованія по исторіи чиновъ, сопоставлять ихъ съ чинами X вѣка. Въ культурномъ отношеніи любопытенъ чинъ *великаго дуки* — начальника флота,[2] далѣе созданіе Алексѣемъ Комнинымъ новыхъ сановъ: *севастократора* и *паниперсеваста*, а затѣмъ рядъ должностныхъ начальниковъ тоже получилъ прибавку: *великій логоѳетъ* — министръ иностранныхъ дѣлъ, *великій папій*, *великій друнгарій виглы*, *великій этеріархъ* — дружины, *великій хартуларій*, даже *великій діерминевтъ*, *великій аднуміастъ* и *великій чаушъ*.[3]

Измѣненія въ спискѣ чиновъ.

Византійскому краснорѣчію обязана въ значительной степени витіеватая форма обращеній и величаній, возобладавшая затѣмъ и въ средневѣковой Европѣ вообще: отъ величанія царей и патріарховъ до различныхъ чиновъ двора, для которыхъ также придуманы не только званія, но философски опредѣлены и провозглашены ихъ добродѣтели и заслуги. Но гораздо болѣе вниманія и значенія приложено было къ ихъ облаченіямъ и отличительнымъ знакамъ (у Кодина гл. III—IV вообще φορέματα — „носильное"). Далѣе, списокъ Кодина носитъ болѣе придворный характеръ, чѣмъ перечень чиновъ у Филоѳея, и, стало быть, или государственная сторона и особенно общественная нѣсколько обѣднѣли, или сильнѣе стала и выступила дворцовая часть: почти на первыя мѣста стали *протовестіарій*, *великій приммикирій*, *великій контоставлъ*, *виночерпій* ὁ ἐπικέρνης (πιγκέρνες), *паракимоменъ печати* (σφενδόνης) и *паракимоменъ койтонитъ*, появился *доместикъ трапезы*, приближенный военный чинъ *мистика* (ὁ μυστικός, какъ былъ во дворцѣ внутренній павильонъ или фіала μυστική), *приммикирій дворца* (αὐλῆς), *великій архонтъ* (?), и подобный ему τατᾶς τῆς αὐλῆς и пр. Появились чины, которые, повидимому, не успѣли въ свое время получить опредѣленной должности, но удостоились извѣстнаго порученія или функціи, и въ этомъ, явно временномъ, порученіи началась и заключалась ихъ роль при дворѣ. Такъ *протокинигъ* сталъ начальствовать надъ „доѣзжачими" и подавать царю, когда онъ садится на лошадь, скамью,[4] а *протоіеракарій* начальствуетъ надъ „сокольничими".[5] Другимъ чинамъ и притомъ именно приближеннымъ выпадали, помимо должности, самыя разнообразныя функціи и обязанности, какъ напримѣръ, приммикирій двор-

Измѣненія въ характерѣ чиновъ.

¹) [De officiis, c. II, 6—13.]

²) [Объ его обязанностяхъ см: id. V, 28.]

³) [Объ измѣненіяхъ въ составѣ чиновъ см. также въ вышеупомянутой работѣ М. А. Андреевой, гл. II, 27—55.]

⁴) [См. c. V, 39.]

⁵) [См. c. V, 40.]

цовый потому такъ и назывался, что ему поручалось завѣдывать разстановкою и размѣщеніемъ всѣхъ чиновъ во дворцѣ на своихъ мѣстахъ,[1] очевидно, потому, что разные архонты не слушались церемоніймейстеровъ. По этому поводу Кодинъ сообщаетъ самое размѣщеніе гетэрій или дружинъ Варяжскихъ у дверей царскаго покоя и триклина, стаціонаріевъ пѣшихъ и конныхъ, цаконовъ съ фигурами львовъ на ихъ панцыряхъ, Вардаріотовъ (турокъ[2] съ р. Вардара) въ красныхъ плащахъ и въ высокихъ колпакахъ, похожихъ на огурецъ, лимоннаго цвѣта, съ палицами — манклавіями, висящими на поясѣ и жезлами на рукахъ.[3]

2.

Цари. Цари Византіи въ эпоху ея процвѣтанія или золотого вѣка IX-XII стол. не только стояли во главѣ византійскаго двора по своему положенію, но были его душою, творцами, представителями во всѣхъ его собраніяхъ и актахъ и его образцомъ во внѣшности. Къ характеру и темпераменту царя, его вкусамъ и привычкамъ прилаживался, повидимому, и весь его дворъ, становясь болѣе набожнымъ или болѣе свободомыслящимъ, культурнымъ или поклонникомъ варваровъ, послѣдователемъ старины или новой моды. Между тѣмъ, за немногими исключеніями, какъ, напримѣръ, цари смутной эпохи VII вѣка, цари не были, по множеству причинъ, деспотами у себя дома и при дворѣ, отчасти потому, что находили массы дисциплинированныхъ и раболѣпныхъ слугъ, какъ бы впитавшихъ съ дѣтства духъ подданства и подчиненія; иное дѣло, чѣмъ иногда это поклоненіе кончалось.

Ихъ отношенія ко двору. Важно отмѣтить, что какъ сначала была извѣстная форма учтиваго и внимательнаго признанія царемъ за всѣми достоинствами — „ἀξιώματα“ — или санами (ἀξίαι) ихъ правъ, такъ и продолжалось это отношеніе все время. Было бы историческою неточностью говорить объ азіатскомъ деспотизмѣ при византійскомъ дворѣ; была введена азіатская и даже варварская пышность, и помпы процессій слагались уже не по римскому, а по персидскому образцу, но жизнь двора держалась въ рамкахъ и сохранялась форма, выработанная при римскихъ „августахъ“. Царь всегда наблюдалъ и въ своемъ облаченіи, и въ своемъ обращеніи всѣ манеры, узаконенныя его отношеніемъ къ собранію синклита, къ совѣщанію, а потому, или самъ предстоялъ въ залѣ собраній или на особой эстрадѣ, или же сидѣлъ на тронѣ при совѣщаніи. Хотя послѣ Юстиніана вышло изъ обычая, чтобы царь самъ шелъ походомъ на опаснаго врага, но онъ долженъ былъ и тогда помнить, что онъ „римскій императоръ“ и прочіе титулы его: деспотъ, Августъ, автократоръ — хвалебные, что ему совершаютъ земныя метанія

[1]) [C. V, 36—37.]

[2]) [Въ текстѣ Кодина стр. 38 говорится о ихъ персидскомъ происхожденіи.]

[3]) [Id., 38: ἐπὶ κεφαλῆς δὲ Περσικὸν φόρεμα, ἀγγουρωτὸν ὀνομαζόμενον, ἔχον ἀντὶ μαργελλίων πάνιον κίτρινον.]

при представленіяхъ, пожалованіяхъ и производствахъ, что онъ, правда, василевсъ, единственный въ мірѣ по титулу, а прочіе цари, короли и князья только кесари, архонты, но что онъ solutus legibus только въ принципѣ, ἰσαπόστολος, до перваго уклоненія въ ересь и т. д.[1] Несомнѣнно, сила его въ томъ, что всѣ важнѣйшія производства и пожалованія принадлежатъ ему, но назначеніе наслѣдника, кесаря, даже дарованіе сыну титула „нобилиссима“ обставлено разными условностями и формами, и хотя онъ стоитъ во главѣ двора, но не можетъ владѣть и распоряжаться имъ, и онъ такъ окруженъ ежеминутно дворомъ, что совершенно отдѣленъ отъ народа и если не имѣетъ своей собственной полиціи, то узнаетъ о смутѣ въ столицѣ позже другихъ.

Отношеніе царей къ церемоніалу.

Правда, большинство византійскихъ царей въ эпоху процвѣтанія, видимо, любили свой постъ, наслаждались имъ, иные даже всю жизнь, хотя бы и долгое царствованіе, исполняли болѣе чѣмъ старательно всѣ положенные выходы (προέλευσεις); пріемы (δέξιμα) и парады по сложному, уставному этикету, задавали великолѣпные пиры, устраивали игры въ Ипподромѣ, стоившія колоссальныхъ издержекъ, нерѣдко за счетъ личнаго богатства, и въ противность личнымъ наклонностямъ. Цари быстро убѣдились, какъ опасно для нихъ стремленіе къ сбереженію, къ уменьшенію издержекъ на войско, на содержаніе двора, на подарки и праздничныя клиру, на пріюты и особенно на игры и развлеченія столицы. Цари Византіи старательно усваивали царскую науку, ибо въ большинствѣ попадали на тронъ со стороны, неожиданно, или, если по расчету, то невзначай, но со страстнымъ желаніемъ, при полномъ напряженіи силъ, средствъ и воли. Но, что бы ни приводило претендента или случайнаго избранника къ цѣли, его военная выслуга, смѣлая авантюра вó время, сложная и тонкая интрига, а главное — достиженіе цѣли такъ мѣняло все предъидущее, возносило и патриція и стратига, и комита, и простого центуріона на такую недосягаемую высоту, что имъ всѣмъ оставалось только любить свое царское ремесло, чтобы заставить забыть прежнее. Царю надо было всю его жизнь, каждый день или страстно любить свою службу, или играть все время роль и притомъ легко и искусно, ибо столько опытныхъ глазъ его наблюдали, а роль эта заключалась не въ общихъ правилахъ царскаго этикета, но въ соблюденіи и исполненіи царской роли съ полнымъ благожеланіемъ и всѣми приличіями, именно въ томъ идеалѣ или образцѣ, какой въ данное время при дворѣ, въ обществѣ и у народа и арміи установился, словомъ, въ тонкомъ пониманіи, чего отъ царя ожидали и требовали. Можно сказать, что сама небывалая по своей высотѣ и сложности задача, заложенная въ судьбахъ

---

[1]) [О царскихъ титулахъ см. статью L. Bréhier: L'origine des titres impériaux à Byzance, in Byzantinische Zeitschrift, b. XV, 1906, 161—178. О характерѣ царской власти и спеціально о соотношеніи ея съ Церковью см.: Г. В. Вернадскій: Византійскія ученія о власти царя и патріарха (Recueil — Kondakov, 143–154), гдѣ по всѣмъ важнѣйшимъ отдѣльнымъ вопросамъ указана литература.]

Восточно-Римской Имперіи, такъ сказать, сама исторія Имперіи выработала и развила такіе яркіе типы, какъ Константинъ, Ѳеодосій, Юстиніанъ, Ираклій, Левъ Исаврянинъ, Василій Македонянинъ, Никифоръ Фока, Іоаннъ Цимисхій, Василій Болгаробойца, Алексѣй и Мануилъ Комнины, Іоаннъ Кантакузенъ. Подобнаго ряда типовъ, близкихъ героизму по силѣ воли и характера не даетъ ничья иная исторія; этому героизму не чужды черты варварства, но оно было развито въ средневѣковьи и было необходимо для существованія Византіи. Подобные типы приносили въ истощенное общество грекоримскаго міра цѣльную, неукротимую энергію и вѣру въ себя и въ свое дѣло, и готовы были нести новое „рабство своему долгу", какъ выражались сами цари (Константинъ и Тиверій), ярмо этикета и тяжесть нагроможденныхъ на царя надеждъ и обязательствъ. Исторія долгихъ царствованій въ Византіи свидѣтельствуетъ объ утомленіи царей: Константина, Юстиніана, Василія II, Алексѣя и Мануила Комниныхъ, но не знаетъ на этомъ престолѣ Діоклетіана и Карла V.

Церемоніалъ. Между тѣмъ, если только приблизительно прикинуть счетъ всѣхъ церковныхъ выходовъ, процессій, засѣданій, консисторій и силенцій,[1] пріемовъ во дворцѣ и въ городѣ, званыхъ пировъ, общественныхъ игръ, и затѣмъ всевозможныхъ производствъ, которыя, конечно, не всегда можно было устраивать на праздничныхъ выходахъ, то приблизительно почти половина года уходила на такого рода представительство, ибо пиры, напримѣръ, зимою въ Ноябрѣ дѣлались подъ рядъ по буквамъ алфавита, Январскихъ календъ — 12 дней, Пасхальные праздники и Пятидесятницы также по недѣлямъ и пр.[2] Но къ этому надо прибавить продолжительность всѣхъ собраній, совѣщаній и особенно пріемовъ съ актологіями, т. е. славословіями димовъ или партій, исполнявшимися на два крыла, съ музыкою и рѣчами и т. д., а также и то, что были выходы и ежедневные, ради привѣтствій сената царю, ради переговоровъ съ логоѳетами, отдачи распоряженій и приказовъ.

Царскій выходъ. Чтобы представить себѣ сложность всего церемоніала выходовъ, достаточно прослѣдить описаніе главнаго царскаго выхода въ праздникъ въ Великую Церковь, т. е. въ Св. Софію, данное въ І-й главѣ І-й книги Константина, занимающей, правда, 30 стр. Боннскаго изданія. Уже, наканунѣ, кратко говоря, препозиты даютъ знать всѣмъ чинамъ и приказамъ (σεκρέτοις) приготовиться, равно городскому ипарху приготовить всѣ пути процессіи, убравъ плющемъ и лавромъ, и по времени цвѣтами. Утромъ веститоры вынимаютъ Моисеевъ жезлъ (μωσαϊκὴν ῥάβδον) изъ часовни Св. Ѳеодора, сундукъ съ царскимъ облаченіемъ, круглыя коробки съ царскими

---

[1]) Amm. Marcell., XXI, 13: apud Persas nemo consiliorum est conscius praeter optimates taciturnos et fidos, apud quos silentii quoque colitur numen. Подъ fidos разумѣются варвары союзные, греч. φίλοι.

[2]) [Годичное расписаніе пріемовъ и т. п. см. въ четвертой части записки Филоѳея, II, 52, 740—783.]

стеммами, спаѳаріи же готовятъ царское оружіе, чины раздѣвальни (ἡ τῶν ἀλλαξίμων τάξις) приносятъ царскую столу. Владыки выходятъ одѣтые въ скарамангій изъ своихъ покоевъ, творятъ молитву въ нишѣ Золотого Триклина передъ иконою Спаса на престолѣ, облачаются въ золотые сагіи и выходятъ въ Сигму, гдѣ принимаютъ ихъ дружины (манглавій и гетерія) съ логоѳетомъ и другими чинами, оттуда идутъ въ „первозданный“ храмъ Божьей Матери, затѣмъ въ часовню Троицы, и съ тройнымъ со свѣщами преклоненіемъ святымъ мощамъ, въ крещальню и триклинъ Августея, гдѣ принимаютъ ихъ, хрисотриклиниты и царскіе люди съ манглавитами и гетеріотами, въ часовнѣ Стефана молятся передъ великимъ крестомъ Константина, идутъ въ покой Дафны (дворца), выжидаютъ извѣщенія изъ Великой Церкви, и въ Октагонѣ препозитъ громко вызываетъ веститоровъ, деспоты облачаются въ хламиды и препозиты ихъ увѣнчиваютъ. Въ триклинѣ августея стоитъ логоѳетъ дрома и дружины, стоятъ служащіе въ умывальнѣ, „держа золотыя, украшенныя драгоцѣнными камнями“ рукомойники,[1] а цари, умывъ руки, становятся въ портикѣ внѣ „великихъ вратъ“ и препозитъ вводитъ магистровъ, анѳипатовъ, патриціевъ и стратиговъ, они преклоняются, выходятъ вмѣстѣ съ деспотами въ Оноподій, гдѣ преклоняются друнгарій флота, спаѳаріи и препозитъ возглашаетъ „повелите“ (κελεύσατε), и бываетъ выходъ въ Консисторій, гдѣ стоятъ „секреты“, и становятся деспоты на эстрадѣ близъ балдахина (καμελαύκιον), и вновь, „повелите“ (κελεύσατε), тогда выходятъ въ триклинъ кандидатовъ, гдѣ находится церковный клиръ, деспоты цѣлуютъ Крестъ, подносимый ризничимъ, оттуда идутъ въ купольный залъ съ 8-ью колоннами, гдѣ поставленъ серебряный крестъ, трижды преклоняются и идутъ въ триклинъ экскувитовъ: тамъ поставлены ширингами вилы и Римскіе скипетры, знамена и значки, знамена драконаріевъ, лабары, лагерные знаки, чтобы провожать царей. Тамъ же стоятъ: первый чинъ — канцеляріи квестора, возглашая по гречески, что подобаетъ празднику; второй чинъ — дипаниты, также славословящіе; третій — номики (законники), приносящіе поздравленія. Идутъ въ залъ Лихны, гдѣ также поставленъ серебряный крестъ, преклоненіе и затѣмъ первый пріемъ (δοχή): въ трибуналѣ принимаетъ димократъ Венетовъ, т. е. доместикъ схолъ, слѣдуетъ актологія дима, при чемъ доместикъ (онъ же начальникъ дима) креститъ рукою деспотовъ (κατασφραγίζει); трибуналъ же весь украшенъ серебромъ, шелками, коврами, пурпуромъ, усердіемъ городскихъ торговцевъ; тутъ же стоятъ иноземцы (ἐθνικοί), и чиновники городского управленія и коллегій. Отсюда деспоты идутъ до триклина схолъ и тамъ также принимаетъ ихъ димократъ Прасиновъ, онъ же

[1]) Χερνιβοξέστα = χέρνιβα и ξέστα — тазики и рукомойники; о сліяніи въ одно слово см. Рейске, р. 61. [О подобныхъ приборахъ см. у J. Ebersolt: Les arts somptuaires 55—56 - разсужденіе по поводу тазика и кувшина Перещепинскаго клада, гдѣ — на ручкѣ тазика — указано его названіе. В. Н. Бенешевичъ: Къ изученію Перещепинскаго клада, Изв. Арх. Комм. 49, 105; и R. Zahn: Spätantike Silbergefässe, Amtl. Berichte XXXVIII, 287.]

екскувитъ; близъ вратъ Халки принимаетъ снова димократъ Венетовъ, и стоятъ тамъ лѣкаря (τό ἰατρεῖον), атлеты (οἱ τῆς παλαίστρας) и также возглашаютъ „многая лѣта". Снаружи ожидаютъ по сторонамъ бронзовыхъ вратъ музыканты (ὀργανάριοι), славословятъ, и димархъ Венетовъ съ партіею „бѣлыхъ", дальше димархъ Прасиновъ съ димомъ красныхъ „и восьмой пріемъ у вратъ Св. Софіи". И когда войдутъ деспоты въ Пропилей нарѳика (притвора) принимаетъ ихъ патріархъ со своимъ клиромъ у вратъ, и лобызаютъ Евангеліе и патріарха, идутъ до царскихъ дверей, трижды преклоняются и входятъ въ храмъ. Съ царями входятъ воинскіе чины и всѣ вышеупомянутые, и становятся на мѣстахъ по лѣвой и правой сторонѣ, съ крестомъ Константина справа отъ алтаря[1]: магистры и синклитъ направо. Когда деспоты передъ святыми дверьми станутъ на порфировомъ омфалѣ, патріархъ входитъ одинъ внутрь алтарной преграды и держитъ лѣвую створку святыхъ дверей открытою, и входятъ въ нее и деспоты, прикладываются къ тавлію святой индитіи (покрова) и, полагаютъ на престолъ два бѣлыхъ воздуха и два потира и два дискоса и св. пелены, обходятъ справа св. престолъ, гдѣ стоитъ золотое Распятіе, и даетъ патріархъ великому царю кадило и кадитъ онъ святое Распятіе, и затѣмъ облобызавъ патріарха, цари идутъ въ придѣлъ (εὐκτήριον) гдѣ крестъ содержитъ въ себѣ „всѣ символы Страстей Господнихъ" и входятъ въ мутаторій (раздѣвальня — mutatorium въ гр. μητατώριον). И какъ быть выносу святыхъ даровъ, деспоты держа лампады, сопровождаютъ дары съ синклитомъ и придворными, а затѣмъ входятъ на солею, становятся по сторонамъ святыхъ дверей, и послѣ того благодарятъ патріарха, и принимаютъ затѣмъ агапу и святое причащеніе, лобызаютъ патріарха и высшій клиръ, и провожаетъ ихъ патріархъ до двери, выводящей къ святому Кладезю; у двери препозитъ отъ аргира (кассира выдачъ) принимаетъ кошельки съ золотомъ и происходитъ вызовъ клира, кому слѣдуетъ выдать, и раздача отъ дьяконовъ до нищихъ; патріархъ надѣваетъ царю вѣнецъ, царь беретъ отъ него просфоры, отдаетъ препозитамъ, патріархъ передаетъ миро (ἀλειπτά) и принимаетъ апокомбій (выдачу). Послѣ того деспоты уходятъ изъ двора святого Кладезя и за нимъ ихъ ожидаетъ первый пріемъ Венетовъ съ актологіею, и второй около Халки пріемъ Прасиновъ и т. д. по тому же порядку, только обратно и съ нѣкоторыми перемѣнами въ персоналѣ и кличахъ царю многолѣтій и пожеланій.[2]

---

[1]) Крестъ Константина приносится въ Св. Софію, явно, въ знакъ и свидѣтельство не только вѣры царей, но и ихъ вѣковой приверженности къ вѣрѣ.

[2]) [Матеріалъ, касающійся выходовъ въ Великую Церковь, критически и систематически изложенъ въ II-ой книгѣ Byzantina Д. Ѳ. Бѣляева. По степени торжественности соблюдаемаго церемоніала выдѣлены три чина подобныхъ выходовъ: большого, средняго и малаго, а равно указано когда по какому чину они совершаются. О значеніи отдѣльныхъ частей партій (димовъ) и ихъ возглавителей см. спеціальную статью Ѳ. И. Успенскаго: Партіи цирка и димы въ Константинополѣ, Византійскій Временникъ, I 1894, 1—16.]

Такъ совершаются выходы на Пасху, Пятидесятницу, Рождество Христово и Крещеніе,[1] еще сложнѣе и отдаленнѣе бываютъ выходы на Пасхальное Воскресенье, Благовѣщеніе, Великую Субботу, при чемъ совершается литія патріархомъ, бываетъ пріемъ на форумѣ у колонны Константина и пр. Послѣдующія главы книги „О церемоніяхъ" наполнены перечнями актологій димовъ на пріемахъ и иногда на обѣдахъ царскихъ по возвращеніи съ парада или изъ церкви. Сравнительно, описанія выходовъ у Кодина указываютъ на постоянное сокращеніе церемоніаловъ, пока они не пришли къ сноснымъ для главы этихъ церемоній размѣрамъ. По Кодину (гл. 15) царь еще участвовалъ въ цѣломъ рядѣ крестныхъ ходовъ по городу: на 1 сентября къ порфировой колоннѣ на форумѣ, на праздникъ Рождества Богородицы въ мон. Лива, на память вмч. Димитрія въ мон. Палеологовъ, въ день Іоанна Златоуста съ вечера и до слѣдующаго дня — на службахъ въ Св. Софіи и ночуетъ у патріарха, Введенія во храмъ — въ мон. Б. Матери Перивлепты, въ день Василія Великаго въ монастырь его имени, на Срѣтеніе — во Влахерны, въ день Георгія въ Манганы, въ дни св. Константина и свв. Апостоловъ въ храмъ Апостоловъ, Рождества Предтечи и усѣкновенія его главы — въ мон. Петріона, на Преображеніе въ ц. Спаса Вседержителя, Успеніе — въ Софію, Положеніе ризъ — во Влахерны, день Православія — въ Софію, Лазарево Воскресенье — въ мон. Лазаря.[2] Уменьшеніе выходовъ въ XIV вѣкѣ зависѣло уже отъ умаленія церквей въ Константинополѣ: многія древнія церкви лежали въ развалинахъ или совсѣмъ исчезли. Помимо того, крестные ходы обязательно сопровождались — для Великой церкви и другихъ важнѣйшихъ — вкладомъ отъ царя отъ 10 до 100 фунтовъ золота, которые несли въ процессіи въ шелковыхъ кошеляхъ въ монетѣ (72 золотыхъ солида на фунтъ).[3]

Выходъ на Вознесеніе.

[Примѣромъ выхода, связаннаго съ богомольнымъ выѣздомъ въ одинъ изъ храмовъ (въ данномъ случаѣ загородный) можетъ служить выходъ, совершаемый на праздникъ Вознесенія, когда царь отправлялся въ храмъ Пресвятой Богородицы Источника (моремъ до Золотыхъ Воротъ, а оттуда верхомъ), откуда возвращался черезъ городъ въ торжественной процессіи.[4]]

---

¹) De cer. I, I, p. 22: κατὰ τὴν τάξιν ταύτην καὶ τὸν τύπον ἐπιτελεῖται ἥ τε ἁγία καὶ μεγάλη κυριακὴ τοῦ πάσχα, καὶ ἡ ἁγία πεντηκοστὴ καὶ ἡ θεολαμπὴς μεταμόρφωσις ἥ τε ἁγία καὶ γενέθλιος τοῦ Κυρίου ἡμῶν καὶ Θεοῦ ἑορτὴ καὶ ἡ ἁγία ὑπέρλαμπρος τῶν φώτων ἡμέρα. Но затѣмъ присоединяется далѣе порядокъ христосованія царя съ чинами на Пасхальное Воскресеніе, при чемъ чины вводятся, по очереди, „вилами", т. е. подниманіемъ или открытіемъ завѣсы одной или двухъ, и на этотъ разъ, начиная со старшихъ чиновъ, сперва облеченные въ лоры, и они цѣлуютъ колѣна, руки, а затѣмъ уста царскія. Затѣмъ второй вилъ: анѳипаты и патриціи въ бѣлыхъ мантіяхъ, 3-ій протоспаѳаріи, 4-ый „секреты" и его нотаріи; см. ibid. 23—25.

²) [См. Codini, de offic. XV, 79—82.]

³) [О кентинаріи (выдача въ 100 фунтовъ см.: I, 1, 33—34; I, 35, 182, и II, 52, 712. Объ апокомвіяхъ — у Д. Ѳ. Бѣляева, Byzantina II, (Зап. Арх. О-ва VI, н. с., 157—161.]

⁴) [См. I, 18, 108—114. Разборъ и изложеніе выхода на Вознесеніе см. въ статьѣ Д. Ѳ Бѣляева: Облаченіе Императора на керческомъ щитѣ. Журн. Минист. Народнаго Просвѣщ. т. 289, 1893, 335—336.]

Пріемы на праздникѣ Вознесенія [при возвращеніи во дворецъ] происходили (I, 8) послѣдовательно, въ портикѣ великаго эмвола, у водопровода, у ц. св. Мокія, у шести колоннъ, на Ксиролофѣ, на форумѣ Быка, въ Амастріанахъ, на Филадельфіи, на Таврѣ, на хлѣбномъ рынкѣ, на форумѣ, въ преторіи, на Миліи. И всѣ эти пріемы исполнялись отъ лица димовъ партіями четырехъ фракцій города попеременно.[1] При этомъ пути черезъ весь городъ, всѣ улицы увѣшивались и убирались вѣтвями лавра, въ видѣ вѣнковъ, крестовъ, рѣшетками и балюстрадами, прямо поставленными растеніями, цвѣтами и деревьями; мостовая усыпалась листьями плюща и лавра и розами, дома увѣшивались персидскими коврами (ἁπλώματα περσικά) и т. д.[2]

Пріемы у царя. Пріемы пословъ.

Въ отвѣтъ на эти народные пріемы (δοχαί), царь у себя устраивалъ также церемоніальные пріемы по торжественнымъ случаямъ т. н. δέξιμα (I, 62—67), о которыхъ см. ниже, или же для пріема пословъ. Въ древней Византіи пріѣзжали еще легаты Италіи (I, 87) съ объявленіями о новомъ императорѣ Запада, привозя съ собою портреты его, обвитые лавромъ (εἰκόνες λαυρεάται или λαυρεάτα), которые затѣмъ разсылались по городскимъ форумамъ имперскихъ центровъ. Все это учинялось сообразно съ величіемъ пославшаго и чиномъ самого посла, равно какъ и по политическимъ расчетамъ, съ проявленіями обычной византійской дипломатіи, надменной и мелочной. Произносились панегирики обоихъ императоровъ на пріемѣ и отсылалось посланіе восточнаго съ обѣщаніемъ „воздать образу" (χαρακτῆρα) дружественнаго „архонта" тѣ же почести, что подобаютъ собственному. Но это происходило и въ большомъ и маломъ консисторіи[3] Пышные пріемы персидскихъ пословъ были уже расчитаны на впечатлѣніе варварскихъ, обычно многочисленныхъ пословъ (I, гл. 89), при чемъ самый пріѣздъ посла отъ границы въ Византію, въ сопровожденіи высланнаго своего соотвѣтственнаго по рангу чина, нужно было обставить со всѣмъ почетомъ и всякими удобствами и осторожностью, чтобы Персы на границѣ, войдя въ городъ, имъ не овладѣли, однако. Денежные расчеты полагается соображать и дѣлать по запискѣ изъ „скринія варваровъ" (приказа по дѣламъ съ Персами и варварами). Если царь пожелаетъ почтить посла, то поручаетъ его, кому-либо изъ оптиматовъ Галатіи и Каппадокіи, или пишетъ ему на дорогѣ посланіе съ любезными вопросами о здоровьѣ, о нуждахъ и пр. Дома у себя готовитъ послу помѣщеніе и

---

1) [О топографіи перечисленныхъ пунктовъ см. главу о Средневѣковомъ Константинополѣ и Средней улицѣ въ немъ въ Byzantina Д. Θ. Бѣляева, кн. III, гл. I (Зап. Класс. Отд. Р. Арх. О-ва, IV, 1—56); а также планъ церквей К-ля, приложенный къ книгѣ Н. П. Кондакова: Византійскія церкви и памятники Константинополя. Труды VI Арх. Съѣзда въ Одессѣ, т. III. стр. 102—103.]

2) [Объ украшеніи пути хода процессіи см. I, 1, 6; о поднесеніи царю крестовъ изъ розъ (σταυροὺς ῥοδοπλόκους) и благовоній (ὀσφράδια) димократами и димархами во время пріемовъ см. I, 18, 111. См. также: J. Ebersolt: Mélanges: 41—42.]

3) [См. I, 88, 399.]

все потребное, заставляя, какъ повинность своего рода, поставлять кровати, утварь столовую, фабрикантовъ, содержателей гостинницъ. По пріѣздѣ посла, съ нимъ сносится магистръ, но легатъ долженъ придти самъ къ нему, а пришедшіе съ посломъ творятъ метаніе. Бываютъ при пріемѣ царемъ посла всѣ „архонты“ въ шелковыхъ облаченіяхъ (ὁλοσηρίκων); когда посолъ войдетъ во дворецъ, его опрашиваютъ, имѣетъ ли онъ — ξένια — дары царю, и какіе, если есть кони, то открываютъ трое дверей консисторія. Самъ магистръ возглашаетъ имя посла и его владыки, поднимается завѣса, и легатъ, стоя на кругломъ порфировомъ омфалѣ внѣ завѣсы, преклоняется земно, войдя внутрь, вновь творитъ земной поклонъ и цѣлуетъ ноги царя. Слѣдуетъ обмѣнъ привѣтствій и посолъ представляетъ царю дары, при чемъ что-либо особо рѣдкое или драгоцѣнное показываетъ особо и по одному предмету изъ прочихъ даровъ.[1] Такова церемонія VI вѣка.

Пріемъ пословъ халифа и эмира Тарса.

Съ полною помпою устроенъ былъ пріемъ (De cerem. II, 15) въ триклинѣ Магнавры при царяхъ Константинѣ и Романѣ по случаю прибытія пословъ Багдадскаго халифа и эмира Тарса въ 946 году, для обмѣна плѣнныхъ и заключенія мира. Царь возсѣдалъ на „Соломоновомъ тронѣ“, и потому пріемъ былъ устроенъ по образцу наиболѣе торжественныхъ собраній, когда весь синклитъ съ утра приходитъ въ Магнавру, и соберутся препозиты и чины кувуклія, владыки облачатся въ дивитисіи и сагіи и со свѣчами въ рукахъ войдутъ въ триклинъ, гдѣ лежатъ ихъ стеммы и хламиды, и они переблачатся въ нихъ и возсядутъ на троны. И весь сонмъ воскликнетъ имъ многолѣтіе, и начнется входъ магистровъ, патрикіевъ, синклитиковъ и пр., какъ должно быть всему собранію чиновъ, и распорядятся о впускѣ „иноземца“, и введутъ его катепанъ гвардіи и контоставлъ и логоѳетъ дрома. „И какъ падетъ иноземецъ на полъ, преклоняясь, и тотчасъ заиграютъ органы, войдутъ его люди, и какъ начнетъ логоѳетъ обычный опросъ иноземца, начинаютъ рычать львы и кричать орлы трона и пѣть мелодично птицы на деревяхъ, и встанутъ на дыбы звѣри на ступеняхъ трона, вносятъ сундуки иноземца, и вновь играютъ органы, усаживаются львы, и птицы и звѣри“ и пр; въ томъ же видѣ продолжается когда посолъ уходитъ.[2]

Украшеніе дворца.

Помимо этой записки сдѣлано въ 15 главѣ II книги, Константина большое дополненіе о томъ, какъ былъ убранъ дворецъ во время этого пріема. Въ триклинѣ развѣшены были бронзовыя посеребреныя (ἀσπρόχαλκα) цѣпи изъ церкви свв. Сергія и Вакха, по семи цѣпей съ каждой стороны и четыре между четырехъ большихъ колоннъ, а на цѣпяхъ висѣли большія серебряныя „поликандила“; среди колоннъ стоялъ золотой органъ и два се-

[1]) [Эти главы кратко изложены у J. Ebersolt, Mélanges, p. 77—78, гдѣ также указывается и ихъ принадлежность VI-му вѣку. Ср. стр. 395 и 405.]

[2]) [Общій обрядъ пріема въ большомъ триклинѣ магнавры, когда цари садятся на Соломоновъ тронъ составляетъ первую часть 15-й главы II книги стр. 566—570.]

ребряныхъ органа. Садъ (ἀναδενδράδιον) триклинія весь былъ убранъ шелками на подобіе витой лѣстницы,[1] и между колоннъ тамъ и сямъ висѣли большіе скарамангіи, выданные изъ дворца, а при пріемѣ Испанскаго посольства садъ не украшался шелкомъ, а только скарамангіями и висѣли эмалевыя вещи (τὰ χειμευτὰ ἔργα) изъ складовъ (τοῦ φύλακος). Триклинъ кандидатовъ былъ убранъ скарамангіями и „серебромъ" изъ казны, а висѣли въ немъ серебряныя цѣпи изъ Новой базилики. Ипархъ убралъ схолы и конюшни коврами, парчею, покровами, серебромъ чеканнымъ изъ пріютовъ, странопріимныхъ домовъ и храмовъ; подобное же убранство триклина гвардіи экскувитовъ; трибуналъ ипархъ украсилъ пурпуромъ и шелковыми пологами, золотыми вещами и эмалевыми издѣліями и чеканнымъ серебромъ, и 12 поликандилами изъ Новой Базилики, также и триклинъ схолъ завѣсами и серебромъ. Внѣ вратъ дворца Халки до рѣшетки наружной было украшено пурпуромъ, и шелками, и пологами и висѣло большое поликандило изъ Влахернъ. Также пурпурными и иными тканями были убраны Оноподій, портикъ Августея (Золотая Рука) и его корридоры убраны шитыми завѣсами (βήλων κεντητῶν). Ипподромъ украшенъ пурпуромъ и равно всѣ улицы — лавромъ, миртомъ и другими растеніями, какъ бы для процессіи. Послѣ ввода чиновъ весь триклинъ Магнавры засыпается розами. Полъ сада и эстрада были покрыты многоцѣнными (πολύτιμα) персидскими коврами (ἁπλώματα πέρσικα).[2]

На другихъ подобныхъ же торжественныхъ пріемахъ были развѣшены въ 8 нишахъ Золотого триклина стеммы изъ храма Б. М. Фароса и прочихъ церквей дворца и различныя эмалевыя вещи филака и царскія хламиды, платаніонъ[3] (верхняя широкая одежда — русское — платно) — весь золотной парчи съ жемчугомъ изъ ц. ап. Петра, хоросанхорій[4] изъ св. Θеодора съ грифо-львомъ (τοῦ γρυπολέοντος) и грипаріемъ изъ трапезной, платаній тройной пурпурной парчи изъ Пантеона, кабалларій (?), царскій пологъ (ἡπλησίον) изъ ниши трапезной, завѣса или пологъ, шитый павлинами (ὁ τάων), кабалларій кесарикій (мантія кесаря) съ серебряныхъ вратъ, завѣса съ павлинами (τὸ ταώνιον) и за нею другая съ орлами (τὸ ἀετάριον). Выше серебряныхъ дверей Золотого триклина висѣлъ золотой сагій, называемый „кесарикій".[5] Все это, такъ сказать, мелочные уборы, но были еще болѣе детальныя украшенія, такъ напримѣръ, былъ выставляемъ пере-

¹) [II, 15, 571: τό ἀναδενδράδιόν ὅλον ἐποίησαν οἱ παστοποιοὶ δίκην τροπικῆς ἀπὸ σενδές.]

²) [II, 15, 574. Далѣе слѣдуетъ описаніе формы облаченій присутствующихъ на пріемѣ чиновъ и ихъ размѣщенія.]

³) II, 15, 580. Догадки Рейске (Коммент. 682 — πλατώνια — ad 579, 11) о значеніи слова неудачны, какъ и Дюканжа см. v. Πλατώνιον. Русскій терминъ устанавливаетъ покрой одежды, но происхожденіе слова остается вопросомъ.

⁴) Вновь догадки Рейске (Комм., 685) о вепряхъ и коршунахъ, изображавшихся на одеждѣ этого названія, по арабскому словарю, непріемлемы.

⁵) [II, 15, 581.]

носный пятибашенный шкапъ (πενταπύργιον),[1] изъ дерева по пяти сторонамъ котораго устраивалась выставка мелкихъ, но особо драгоцѣнныхъ и художественно отдѣланныхъ вещей, въ нишахъ (μεσοκάρδια) подвѣшенныхъ на цѣпочкахъ, напримѣръ: „различныхъ эмалевыхъ работъ“ (διάφορα ἐργομούκια = вмѣсто ἐργομουσαΐκια) изъ церкви вмч. Димитрія и складовъ филака, брачныя опоясанія (τὰ νυμφικὰ ζωνάρια) съ драгоцѣнными камнями и жемчугами. [На среднее поликандило Золотого триклина вѣшались] два царскихъ нагрудника (съ латъ (?) — τα στηθοκαράκαλα)[2] и два другихъ, одинъ брачный, другой изъ складовъ, двѣ царскихъ подвѣски (κατασείστα) и два августѣйшихъ казакина-корсажа (? πνικτάρια); по „великому антаблеману“ всего Золотого триклина (ἐν τῷ μεγάλῳ κοσμήτῃ) висѣли блюда и чаши (μινσούρια καὶ μεσοσκούτελλα) большія, чеканныя (съ выпуклыми или рельефными изображеніями — ἀνάγλυφα) изъ складовъ вестіарія дворца Каріана; выше въ оконныхъ нишахъ (φωταγωγοὺς καμάρας) купола (τοῦ τρούλλου) висѣли малыя блюда по 7 въ каждомъ и тѣ всѣ чеканныя.[3] „Пентапиргій.“

Всѣ эти украшенія свидѣтельствуютъ о высокомъ художественномъ вкусѣ Византіи, сохранившемъ всѣ тонкія работы греческаго антика, продолжавшемъ управлять и новымъ мастерствомъ. Если принять къ ближайшему свѣдѣнію только эту выставку, то придется считать десятками эмалевыя вещи IX—X вѣка и сотнями серебряныя издѣлія, художественно исполненныя. Какъ велико было за то и варварство современнаго западнаго міра, столь безпощадно истребившаго эти культурныя богатства Византіи въ 1204 году, если отъ нихъ остались только немногіе десятки подобныхъ вещей.

Не менѣе сложны собственно царскіе пріемы (δέξιμον — какъ будто придуманное слово, въ отличіе отъ δοχή пріема димовъ), сопровождающіеся пирами у себя во дворцѣ, зваными, въ меньшемъ или большемъ числѣ, съ развлеченіями пирующихъ, музыкою и плясками.[4] О томъ, что эта сторона дворцовой жизни давала еще болѣе труда его персоналу, естественно себѣ представлять, даже еслибы къ клиторологію не было приложено двухъ списковъ всѣхъ чиновъ, которымъ подобаетъ быть звану на пиръ (II, 52, p. 726—730 и 730—740), какимъ и съ кѣмъ полагается быть за столомъ, кого и какъ именно надо вызывать по имени чину къ занятію мѣста, именно ему по чину принадлежащаго (οἰκείαν καθέδραν). Царскіе пріемы.

Тотъ же архитриклинъ Филоѳей приложилъ и перечень обычныхъ пиршественныхъ пріемовъ (τόμος δ′ — 740—783), начиная съ дня Рождества Перечень пировъ.

---

[1]) [О пентапиргіи см.: I, 10, 70; 39, 200; II, 15, 580, 582; II, 52, 767; а также комментарій Рейске, 171 и 683.]

[2]) Вѣроятно, того же типа, что извѣстный остготскій золотой нагрудникъ VI вѣка, украшенный перегородчатыми стекольными инкрустаціями, сохраняемый въ Музеѣ Равенны.

[3]) [II, 15, 582.]

[4]) [Матеріалъ, касающійся этихъ пріемовъ, изложенъ въ главахъ 62—54 и 66—67 I-ой книги De cerimoniis. Въ главѣ 65-ой излагается что слѣдуетъ соблюдать, когда происходитъ съ пиръ пляской (σάξιμον).]

Христова, когда пиръ имѣетъ мѣсто въ залѣ 19-и аккувитовъ и бываетъ разнообразнымъ и несравненнымъ (πολυσχεδεῖς καὶ ἐξαίσιοι ἐκθέσεις), при чемъ днемъ царскій столъ бываетъ въ св. Софіи, а приглашаются къ нему только 12 человѣкъ изъ сената, магистровъ, препозитовъ, проконсуловъ, стратиговъ, и полагается быть только въ камисіяхъ. Напротивъ того, на пиру 19 аккувитовъ, обычаи иные: столъ для царя отдѣльный и на возвышеніи назначается для особо выдѣляемыхъ чиновъ: двухъ магистровъ, шести проконсуловъ патриціевъ и стратиговъ, двухъ друзей Болгаръ, двухъ изъ приказа логоѳета военнаго дѣла, итого 12 по числу апостоловъ, и стоятъ они вокругъ стола, пока царь самъ не укажетъ имъ мѣста. Затѣмъ приглашаются всего 168 чиновъ, преимущественно военныхъ и начальниковъ части, Агарянъ (или Сарацынъ) 24, Болгаръ 12 и 12 бѣдныхъ. Чинамъ полагается быть въ полномъ ихъ облаченіи, въ мантіяхъ и кампагіяхъ (походные сапоги). Агаряне должны являться въ бѣломъ (λευκοφόρους), безъ поясовъ (ἀζώνους), обутыми (ὑποδεδεμένους). Садиться полагается, какъ начнется музыка, и требуется прислушиваться къ особеннымъ повышеніямъ (φθέγμα), чтобы во время встать, сбросить съ себя мантію и участвовать въ благопожеланіяхъ царю, равно повторять вставаніе, когда начнется музыка, или представленіе (θυμελικόν τι) откроется, или съ царскаго стола пришлютъ какого-либо кушанья черезъ вѣдающаго пиромъ (διὰ τοῦ τερπνοῦ καστρησίου). Ибо надо ожидать указаній начальника, вставать и сходить внизъ предъ лицо царское.[1] Равно и въ послѣдующіе дни созываются приблизительно въ томъ же числѣ (около 200). На шестой день, если будетъ Суббота, приглашается архіепископъ Константинополя съ 12 игумнами, и царь не возлежитъ, а сидитъ въ креслѣ рядомъ; на дальнѣйшіе столы приглашаются аввы (ἀβάδας) изъ различныхъ монастырей іеромонахи, числомъ 216, „по имѣющемуся списку“, по 12 на столъ, и исполняется пѣніе псалмовъ подъ руководствомъ (χειρονομία) [двухъ великихъ доместиковъ церкви].[2] Въ особый день исполняется также клиторій длинноволосыхъ[3] (τὸ πολύτριχον κλητώριον), на который приглашаются помимо магистровъ, стратиговъ, друзья Болгары двое и двое димарховъ Голубыхъ и Зеленыхъ; приходить имъ въ мантіяхъ, а къ нимъ зовутъ царскихъ слугъ изъ иноземцевъ каковы Фарганы (изъ Ферганы), Хазаръ, Агарянъ, Франковъ, сколько найдется. Слѣдуетъ быть имъ въ ихъ собственномъ народномъ одѣяніи μετὰ τὸ ἐθνικὸν ἴδιον σχῆμα, именно въ кавадіи.[4] Затѣмъ приглашаются флотскіе, всего 204, въ скарамангіяхъ. На восьмой день бываетъ τὸ βοτὸν παιζοδρόμιον, для артистовъ и шутовъ (παιγνιῶται) всякаго рода, съ приглашеніемъ всего придворнаго

Рождественскіе пиры.

[1]) [II, 52, 741—744.] [2]) [II, 52, 747—748.]

[3]) Варварскій обычай носить длинные волосы, завивать въ косы, не стричь сохранился въ теченіе, стало быть, двухъ или болѣе тысячъ лѣтъ и прошелъ изъ Азіи черезъ кочевниковъ: Аланъ, Аваровъ, Готовъ, Гунновъ, Угровъ, Варягъ, Хазаръ и пр. до X вѣка и далѣе, уже какъ подражаніе средневѣковью, или своеобразное переживаніе.

[4]) [Ibidem, 749.]

персонала.[1] На девятый день бываетъ клиторій на ужинъ, называется τρυγητικόν[2] — жатвеннымъ и бываетъ тамъ 12 друзей (φίλους); и такъ на каждый день приглашается особый составъ чиновъ. День Св. Крещенія (ἡμέρα τῶν φώτον) отмѣчается наиболѣе блестящимъ пріемомъ: царь принимаетъ своихъ друзей, всѣхъ іереевъ церкви въ бѣлыхъ одеждахъ, какъ бы чинъ ангельскій, при нихъ 12 высшихъ чиновъ, но первымъ бываетъ патріархъ, за нимъ митрополиты, синкеллъ, въ облаченіяхъ, но безъ омофора; прилашаютъ также пресвитеровъ дворцовыхъ церквей и городскихъ, при чемъ дѣти сиротскихъ домовъ участвуютъ въ пѣніи.[3]

Во время Льва Мудраго на этомъ послѣднемъ пирѣ исполнялся его собственный гимнъ Богу, инструментованный для хорового пѣнія съ замѣчательнымъ искусствомъ.[4] [По окончаніи двѣнадцатидневія (δωδεκαημέρου) праздниковъ происходитъ особое послѣпраздничное торжество — пріемъ (δέξιμον) съ плясками (μετὰ σαξίμου) и послѣ него пиръ въ триклинѣ Юстиніана. На слѣдующій же день устраивается] конное состязаніе (ἱππικὸν ἆθλον) и послѣ того ужинъ для высшихъ чиновъ.[5] Февраля 2-го, въ день Срѣтенія, бываетъ званая трапеза во Влахернахъ, въ триклинѣ, называемомъ Океанѣ, и военные чины являются въ кампагіяхъ.[6] Въ Мясопустъ въ Воскресеніе къ трапезѣ приглашаются только бѣдные и не приглашаются вовсе союзники (φίλους); на третій день Сырной недѣли (τυροφάγου) бываетъ трапеза въ патріархіи, читается поученіе о постѣ, вводятся псалты и чтецы и исполняются священные гимны Хвалы Господней, и въ Пятницу приглашается къ трапезѣ уже во дворецъ патріархъ и духовные чины.[7] Въ Воскресеніе Недѣли Православія бываетъ званый столъ въ патріаршемъ секретѣ.[8] 25 Марта въ Благовѣщеніе послѣ службы въ храмѣ Халкопратійскомъ бываетъ званый столъ въ триклинѣ Юстиніановомъ и приглашаются только высшіе чины и архонты арміи только въ скарамангіяхъ. Въ Вербное Воскресенье столъ во дворцѣ, и кромѣ чиновъ, приглашаются службы странпопріимныхъ домовъ, пріютовъ и благотворительныхъ домовъ, и тогда чинамъ быть въ бѣлыхъ мантіяхъ, и раздаются при этомъ честные кресты, и совершается крестный ходъ отъ Б. М. Фарской до Троицы во дворцѣ Дафны, и на пиру надо чинамъ быть только въ скарамангіяхъ, безъ мантій. Въ 5-й день Страстной, въ день Тайной Вечери, чинится выходъ во дворцѣ и приглашеніе на вечерю высшихъ чиновъ, и около девяти часовъ расходятся съ факелами. Въ В. Субботу выходъ въ Св. Софію и званый ужинъ (ἑσπερίῳ δείπνῳ) для чиновъ послѣ литургіи въ храмѣ Фара и послѣ того, какъ „прозвучитъ

---

1) [Ibidem, 750.]

2) [Ibidem, 751—752; ср. I, 83, 881 — 884, гдѣ описывается спеціальная церемонія Готѳиконъ (о ней выше стр. 68—69) происходящая за этимъ пиромъ. Т. к. Филоѳей не упоминаетъ уже объ этой церемоніи, то, возможно, что при немъ она уже больше не соблюдалась.]

3) [Ibidem, 754—756.]

4) [II, 52, 757.]

5) [II, 52, 757—759.]

6) [II, 52, 759.]

7) [II, 52, 760—761.]

8) [II, 52, 761—762.]

органъ мистика", чины снимаютъ „столы" и облачаются въ скарамангіи и бываетъ столъ въ Триклинѣ Юстиніана.[1]

Пасхальные пиры.

„День Святого и Славнаго Христова Воскресенія" создаетъ царю случай учредить торжественную службу Господу въ церкви, гдѣ владыка появляется въ лорѣ,[2] держитъ в рукѣ крестъ, трофей побѣды въ правой, акакію (о чемъ ниже) — мѣшокъ съ землею, и приглашаются избранные члены сената, равно союзники, чины магистровъ къ участію въ трапезѣ. При этомъ магистры, анаѳипаты и патриціи приходятъ въ лорахъ и золотыхъ ѳоракіяхъ (панцыряхъ, латахъ ?), и подобаетъ имъ сидѣть выше прочихъ, стратиги же только въ скарамангіяхъ; устраивается трапеза въ Золотомъ Триклинѣ, и выставляется пентапиргій, и въ немъ драгоцѣнности, и приглашаются (къ первому столу) два Болгарина, затѣмъ плѣнныхъ Агарянъ 18, Болгаръ 18 изъ союзныхъ, всѣ въ своихъ одеждахъ и хламидахъ, Агаряне — въ бѣлыхъ, Болгаре — въ народныхъ одеждахъ (οἰκείων σχημάτων). Соблюдается и вставаніе во время музыки и уходъ послѣ сладкаго блюда (τοῦ μίνσου τῶν δουλκίων). На второй день Пасхи выходъ въ храмъ Св. Апостоловъ и пиръ въ В. Триклинѣ, быть безъ мантій; на третій день пиръ въ Золотомъ Триклинѣ по чину перваго дня, протоспасѳаріямъ быть въ красныхъ плащахъ: также и на четвертый и на пятый день идутъ званые пиры; послѣдній отведенъ для патріарха и духовенства и всѣмъ пресвитерамъ полагается быть въ бѣлыхъ фелоняхъ. На шестой день полагается пріемъ союзниковъ Болгаръ съ дарами изъ Болгаріи и бываетъ званый обѣдъ въ Триклинѣ, при чемъ Болгарамъ полагается быть въ ихъ обычныхъ скарамангіяхъ (μετὰ τῶν οἰκείων αὐτῶν σκαραμαγγίον — II, 52, 772). На седьмой день также бываетъ выходъ и званый столъ, къ коему приглашаются на нижніе столы иноземцы дружинники (οἱ ἐθνικοὶ τῆς ἑταιρείας), какъ Турки, Хазары и проч., въ числѣ 54, въ своихъ кавадіяхъ (οἱ δὲ ἐθνικοὶ μετὰ τῶν αὐτῶν καβαδίων). Въ воскресенье Ѳоминой недѣли (τῇ δὲ νέᾳ κυριακῇ τῇ μεθεόρτῳ τοῦ πάσχα) — выходъ въ храмъ Апостоловъ и званый обѣдъ для духовныхъ лицъ; на слѣдующій — торжественный пріемъ безъ танцевъ (δεξίωσις δεξίμου ἄνευ σαξίμου), на слѣдующій день бываютъ конскія состязанія, званый обѣдъ и отпускаются домой Болгары. [Въ день Преполовенія праздника бываетъ выходъ въ церковь Св. Мокія (отмѣненный затѣмъ Львомъ VI[3]) и затѣмъ званый пиръ въ триклинѣ при церкви при участіи

[1]) [II, 52, 762—765.]

[2]) Равно въ кн. I, гл. I, р. 25 имѣется добавленіе, соотвѣтственное текстамъ кн. II, 52, 765 sqq. а именно, что и у себя во дворцѣ на христосованіи съ высшими чинами (4 вила), послѣ пріема чиновъ, владыки облачаются въ лоры, и дѣлается это среди серебряныхъ колоннъ великаго зала аккувитовъ, „при спущенныхъ завѣсахъ", послѣ чего владыки надѣваютъ вѣнцы и берутъ въ правую руку акакію, въ лѣвую крестъ и начинается выходъ. И тутъ же (ibid. 26) прибавляется отмѣна, что сперва цари являются въ хламидахъ, а уже послѣ завтрака надѣваютъ лоръ.

[3]) [См. Д. Ѳ. Бѣляевъ. Byzantina, II, 232, прим. 4.]

патріарха и чиновъ.] На день Вознесенія процессія въ храмъ Божіей Матери у источника (Пиги), и столъ для патріарха и чиновъ.[1]

Въ день Пятидесятницы бываетъ выходъ въ Великую церковь и обѣдъ въ Юстиніановомъ Триклинѣ; то же 1 Мая, въ праздникъ обновленія Новой церкви, обѣдъ съ патріархомъ и митрополитами; 11 Мая — день основанія Константинополя — игры въ Ипподромѣ и клиторій, 8-го Мая выходъ въ Евдомъ[2] на память І. Богослова и обѣдъ. 20 Іюля — на память Иліи пророка — дворцовый выходъ въ его церковь, и въ тотъ же день память призыва изъ заключенія Льва Мудраго (ἀνάκλησις τῆς περιορήσεως),[3] причемъ наканунѣ на вечернѣ въ Фарской церкви раздаются серебряные крестики (σταυρίτζια), и бываетъ пріемъ чина страннопріимныхъ домовъ и пріютовъ, а также пиръ званый. [На другой же день устраивается пріемъ (δεξίωσις δεξίμου)] съ танцами (μεγάλου σαξίμου) [и пиръ въ Юстиніановомъ триклинѣ]; къ нему приглашаются чины: препозитовъ, патриціевъ, должностныхъ (оффикіаловъ) и секрета въ кампагіяхъ, по числу трапезующихъ (κατὰ τὸ ποσὸν τῆς τραπέζης — т. е. около 200 чел.); „прочихъ же магистровъ, анѳипатовъ, патриціевъ и всѣхъ людей царскихъ“ требуется сохранить (ταμιεύειν) съ ихъ латами и наплечниками (μετὰ θωρακίων καὶ κονδομανίκων) для пиршественной пляски (εἰς τὸ σάξιμον τῆς τραπέζης), а всѣмъ пляшущимъ вокругъ царскаго стола и прославляющимъ освобожденіе мудрѣйшаго владыки выдается отъ его имени апокомбій трехъ фунтовъ золота. Кромѣ того на другой день совершается вотъ пѣшій (πεζοδρόμιον βωτόν), причемъ раздаются значки (σφραγίδια — тессеры для полученія денегъ или вещей), столъ бываетъ для [препозитовъ, евнуховъ протоспаѳаріевъ и примикиріевъ, всего въ числѣ шести, и получившихъ значки изъ рукъ вельможъ (μεγιστάνων)] бѣдныхъ, которымъ раздаются деньги, а черезъ два дня бѣга въ ипподромѣ (ἱππικὸν ἱπποδρόμιον). 6-го Августа — выходъ въ Великую церковь и званый обѣдъ. 15-го Августа — выходъ во Влахерны и обѣдъ въ нижнемъ триклинѣ приморскаго дворца,[4] вечеромъ того же дня въ ц. св. Діомида [гдѣ на другой день совершается литургія и клиторій по чину]. 29-го — память святого (τοῦ ἁγίου) и великаго царя Василія — [полагается выходъ (верхомъ съ полнымъ парадомъ) въ храмъ св. Апостоловъ и по возвращеніи клиторій въ Юстиніановомъ триклинѣ], а на другой день пріемъ по случаю дня царей Льва и Александра, со званымъ столомъ, и бываетъ тутъ круговой танецъ (χόρευσις) въ зо-

---

¹) [II, 52, 765—775.]

²) [О мѣстоположеніи Евдома см.: Д. Ѳ. Бѣляевъ. Byzantina, III (Зап. К. О. Р. А. О. т. IV), 57—92.]

³) [Здѣсь имѣется въ виду событіе конца царствованія Василія Македонянина, описываемое хронистами вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти Константина, старшаго сына Василія. См.: Georg. Mon., (in Theoph. Cont.) Bas. Maced., 24, 846—847, о связи этого событія съ памятью Св. пророка Ильи; также: Theoph. Cont., V, 100—101, 348—351; Georg. Cedren., II, 245—248: комментарій Reiske, 890 и J. B. Bury: A history of the Eastern Roman Empire from the fall of Irene to the accession of Basil I. London 1912, p. 169, note 5.]

⁴) [II, 52, 779 — ἐν τῷ κάτω τρικλίνῳ τῷ ὄντι ἐπὶ τὰ παλάτια τῆς θαλάσσης.]

лотыхъ латахъ, и дается всѣмъ въ качествѣ подарка 16 фунтовъ золота, на утро же происходятъ бѣга въ ипподромѣ. 8-го Сентября — выходъ въ храмъ Халкопратій и возвращается оттуда царь верхомъ, облаченный въ золотный скарамангій; 14-го — рано утромъ выходъ въ св. Софію и званый обѣдъ.[1]

Врумаліи. Въ Ноябрѣ съ 24 и въ Декабрѣ до 15 имѣли мѣсто особые пріемы и пиры, сопровождавшіеся также пляскою, съ перерывами, или даже ежедневно, какъ традиціонныя Врумаліи,[2] которыя праздновались отдѣльно каждымъ владыкою и августою.[3] Какъ объясняютъ историки (см. комментаріи Рейске 701 sqq.) празднованіе Врумалій должно было идти по буквамъ греческаго алфавита съ 24 Ноября по 17 Декабря — 24 дня, и стало быть, главными днями были именно тѣ, которые выпадали на имя царя или царицы, но кромѣ того и на другія, наиболѣе обычныя имена святыхъ, въ дни которыхъ имянинниками были высшіе чины, вельможи и пр., приглашавшіеся обычно, и потому Врумаліи стали именными пирами. При этомъ, говоритъ историкъ, Константинъ довелъ эти пиры, по ихъ богатству, разнообразію зрѣлищъ, щедрой раздачѣ шелковыхъ тканей и серебряной посуды безъ счету, пурпурныхъ облаченій, благовонной индійской коры, до пышности невиданной и даже неслыханной.[4] Агаѳій называлъ эти пиры „именинными попойками“ τὰ ὑπὲρ τῶν ὀνομάτων συμπόσια,[5] и, конечно, всѣ эти условности были только прикрытіемъ традиціонныхъ осеннихъ пировъ. Начиналось празднованіе Врумалій приблизительно съ 24 или съ конца Ноября, и по справкѣ у Рейске, на 28 Ноября приходилась буква *E*, кончалось же около 20 Декабря. Остроумный Рейске (705) не желаетъ даже разбираться, чтó здѣсь идетъ отъ греческой или римской древности, отъ Врумалій или Сатурналій, отъ Ромула или кого другого, но сущность дѣла въ поискахъ людьми, по долгимъ зимнимъ вечерамъ, развлеченій, ужиновъ, плясокъ, музыки, шутовства, чтобы время скоротать, и, дѣйствительно, Врумаліи ясно продолжаются еще полмѣсяца Колядами, т. е. Календами январскими, при чемъ придумываются съ обѣихъ сторонъ: дарующей и даримой — всякаго рода случаи и формы раздачъ. На Врумаліяхъ цари дарили деньги, ткани, готовыя одежды, коней и пр., то же дѣлала женамъ чиновъ Августа, даря пурпуръ τὸ ὀξύ,[6] благовонія. Фіалы или пустые бассейны въ Ипподромѣ наполняли миндалемъ, фисташками, а также виномъ.[7] Указанный у Рейске текстъ Гри-

---

[1]) [II, 52, 775—783. Подробное изложеніе чина отдѣльныхъ упоминающихся здѣсь выходовъ см. у Д. Ѳ. Бѣляева, Byzantina: II, по указателю подъ слов. выходы (стр. 266); III, 92—138 (въ Халкопратійскій храмъ) и 138—186 (въ храмъ Св. Апостоловъ).]

[2]) Tomaschek. Uber Brumalia u. Rosalia. 1868. А. Н. Веселовскій. Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха VII, Рум., Слав. и Греч. Коляды. 1883 г.

[3]) [II, 52, 782—783.]

[4]) [Theophanes Continuatus, VI, 35, 456—457.]

[5]) [См. комментарій Рейске, стр. 704.] [6]) [Theoph. Continuat., III, 44, 147.]

[7]) [Theoph. Continuat., III, 43, 142.]

горія Богослова въ словѣ на Крещеніе[1] перечисляетъ рядъ памятныхъ дней у христіанъ первыхъ вѣковъ: на день рожденія (γενέθλια), нареченія имени (ὀνομαστήρια), появленія бороды (κουρόσυνα), поселенія въ домѣ (κατοικέσια) и пр. По отрывку, сохраненному въ гл. 18 кн. II (599—607) Константина, пріемъ на Врумаліи дѣлался въ мистической фіалѣ триконха (внутренней части дворца), гдѣ въ сигмѣ помѣщались полукругомъ исполнители хороводнаго танца и особыхъ пѣснопѣній, τὰ τοῦ βρουμαλίου βασιλίκια. Затѣмъ танцуетъ одинъ изъ царскихъ людей солистъ (εἷς ἐκ τῶν βασιλικῶν... ὀρχεῖται), а стоящіе кругомъ чины славословятъ, и раздается апокомбій; чины флотскіе сходятся во дворцѣ Вуколеона (на берегу морскомъ) и также славословятъ, также и аграріи. Это все происходило въ 9 часовъ, а вечеромъ въ 11 часовъ бывалъ столъ въ буфетномъ залѣ (ἐν τῷ ἀριστητηρίῳ), царь провозглашалъ славу Пр. Богородицы и пилъ чашу, послѣ чего бывала раздача и всѣ уходили съ факелами домой. Затѣмъ бывали ужины въ болѣе тѣсномъ кругу (μυστικωτέρα) у владыкъ[2] и прославляли царя и августу при „общемъ весельи и увлеченіи" (πάντων εὐφραινομένων καὶ ἀγαλλομένων). На слѣдующій день столъ въ триклинѣ Юстиніана и чинится по ритуалу (κατὰ τὸν τύπον) при маломъ числѣ пирующихъ „тактическій саксимъ" (τὸ τακτικὸν τὸ σάξιμον) — пляска, и выступаютъ въ танцѣ магистры, анѳипаты, патриціи, протоспаѳаріи, и пляшутъ, какъ полагается. Одни сидятъ, другіе пляшутъ, затѣмъ тѣ начинаютъ, а эти садятся, съ разрѣшенія царя. И поютъ „царскіе канты" не всѣ разомъ, но партіями. При Львѣ Мудромъ устраивались столы съ близкими чинами, особо столъ великаго царя съ одними и особо — малаго царя съ другими чинами.[3] При Михаилѣ, сынѣ Ѳеофила, бывали столь жестокія зимы и глубокіе снѣга, что фіала становилась недоступна, и собирались въ триклинѣ Лавзіака (боковой дворецъ[4]); уходили же безъ свѣчей изъ-за бури.[5] [При Романѣ Лекапинѣ празднества Врумалій не соблюдались, какъ это указано въ небольшой замѣткѣ, повидимому служащей указаніемъ на принадлежность главы перу самого Константина Багрянороднаго, отнесшагося къ такому нарушенію традицій неодобрительно.[6]] При Константинѣ на Врумаліяхъ раздавались щедро и золото и ткани или цѣликомъ одежды: парчевые пологи, домашнія одежды съ парчевыми лорами и т. д.[7]

3.

Игры и представленія.

Во всѣхъ текстахъ, разбросанныхъ по книгѣ Константина, ничего не говорится о потѣшныхъ или шутовскихъ развлеченіяхъ на перечис-

¹) [S. Gregorii Theologi: Oratio in S. Baptismo, I; Migne, P. G. 36, c. 360.]

²) [... καὶ καθέζεται ὁ μέγας βασιλεὺς καὶ ὁ μικρὸς καὶ ἡ αὐγούστα μετὰ καὶ τῶν πορφυρογεννήτων καὶ τῶν ἰδίων καὶ μάλιστα οἰκειοτέρων ἀρχόντων καὶ οἰκείων ἀνθρώπων, ἤγουν τοῦ παρακοιμωμένου, τοῦ πρωτοβεστιαρίου καὶ ἄλλων... II, 18, 603.]

³) [II, 18, 604—605.]

⁴) [См. Д. Ѳ. Бѣляевъ, Byzantina I, 46—54.]

⁵) [II, 18, 605.]

⁶) [Ibidem, 606.]

⁷) [Ibidem, 607.]

ленныхъ пирахъ: какъ царскія славословія димовъ и чиновъ, такъ, очевидно, и пляски чиновъ, димовъ, имѣли характеръ столько же приличный, сколько даже церемоніальный. Между тѣмъ потѣшныя игры были уже и при византійскомъ дворѣ, какъ были онѣ и при персидскомъ, гдѣ развлеченія музыкальными инструментами, героическимъ эпосомъ и пѣснями особенно процвѣтали и давали тонъ дворамъ варварскихъ царей. Но, повидимому, всему этому отведено было мѣсто въ Ипподромѣ,[1] какъ въ промежутки бѣговъ, такъ и въ особыхъ сценахъ, подъ именемъ θυμέλη, такъ и въ отдѣльныхъ выступленіяхъ мимовъ или ряженыхъ, скурровъ, позднѣе — масхаровъ или скамраховъ, жонглёровъ, атлетовъ, потѣшниковъ и пр. Правда, несмотря на весь интересъ историческихъ источниковъ народнаго и художественнаго театра, научное изслѣдованіе осталось при первыхъ, наскоро сдѣланныхъ, наблюденіяхъ, и придано слишкомъ много вѣры тѣмъ текстамъ, въ которыхъ церковники всѣхъ племенъ и временъ проклинаютъ всѣ народныя развлеченья, безнравственныя за одно съ музыкальными. Въ этомъ смыслѣ нельзя принимать огуломъ, какъ то дѣлаетъ Рейске,[2] подъ однимъ терминомъ и музыкантовъ, и шутовъ, и мимовъ. Кодинъ, напримѣръ, упоминаетъ присутствіе пайгніотовъ (παιγνιῶται) передъ царемъ на праздникъ Рождества Христова (Боннск., изд. стр. 49, гл. VI), когда выставляются торжественно царскія знамена и штандарты, то среди чиновъ, держащихъ эти знамена (τὰ βασιλικὰ φλάμουλα) и клира „стоятъ всѣ такъ назыв. пайгніоты, или свирѣльщики (флейтисты — σαλπιγκταί), трубачи (βουκκινάτορες), цимбалисты (ἀνακαρισταί) и сурулисты (суравлисты — играющіе на корнетѣ — σουρουλισταί). Правда, это имѣло мѣсто при чтеніи часовъ наканунѣ праздника, не въ церкви, повидимому, а во дворцѣ — текстъ Кодина неясенъ, и въ поздней Византіи возможно было даже участіе свѣтской музыки при такомъ случаѣ. Что́ же касается игръ въ Ипподромѣ, то изъ книги Константина мы узнаемъ подробно всю процедуру появленія (I. 64, 284—293) царя на играхъ, съ того вечера вторника на Ѳоминой, т. е. второго дня послѣ перваго Воскресенья на Пасхѣ (Антипасхи), когда оба главные дима: Голубыхъ и Зеленыхъ представляются царю по случаю игръ въ процессіи съ факелами; далѣе на утро бываетъ сходъ чиновъ двора, высшихъ въ бѣлыхъ мантіяхъ, патриціевъ въ пурпурныхъ съ золотыми тавліями, и въ свою очередь димарховъ съ партіями своего дима, обычное преклоненіе въ триклинѣ Юстиніана

---

[1]) На это обстоятельство было обращено вниманіе многими изслѣдователями, и остроумный Лабартъ придумалъ даже ту причину, что кромѣ Большого Ипподрома былъ еще свой дворцовый ипподромъ, въ которомъ и происходили всякаго рода мелкія и среди нихъ и потѣшныя представленія, которымъ, пожалуй, и, правда, не было особаго удобства въ Большомъ, по его размѣрамъ. Однако, послѣ разъясненій всѣхъ текстовъ по этому спеціальному вопросу Д. Ѳ. Бѣляевымъ въ его книгѣ о „Выходахъ царей“ нѣтъ, явно, никакихъ основаній строить воображаемый внутренній ипподромъ. [См. Byzantina I, 70—83.]

[2]) [Comment. ad Const. Porph. 363 sqq.]

царю, стоящему на омфалѣ, затѣмъ царь поднимается на тронное возвышеніе, препозитъ свертываетъ уголокъ его мантіи (ποιεῖ τὸ ῥωσθέλιον?) и подаетъ край царю, и благословляетъ царь трижды народъ (τὸν λαόν), и всѣ поднимаютъ кличъ: ἅγιος. Царь садится на престолъ, играетъ органъ, начинаются славословія, имъ отвѣчаетъ музыка, — затѣмъ бываетъ своего рода прощанье (ἀπελατικόν[1]) — поютъ тѣ же партіи димовъ — и, послѣ церемоніальной перестройки всего предстоящаго двора, царь проходитъ черезъ строй сената къ себѣ переодѣться къ обѣду и снять корону. Роль такъ называемаго народа, исполняемая партіями двухъ димовъ, голубыхъ и зеленыхъ, бывала на пріемахъ и саксимахъ, очевидно, чисто декоративная, т. е. заключалась въ исполненіи указанныхъ и, конечно, сочиненныхъ для всѣхъ случаевъ славословій, далѣе въ декоративныхъ построеніяхъ, причемъ димы были обязаны носить однообразные костюмы „своихъ“ цвѣтовъ, т. е., однако, не одной только своей партіи, но двухъ: голубой и бѣлой, такъ какъ голубой димъ представлялъ собою на обычныхъ собраніяхъ эти двѣ партіи, а прасины или зеленые присоединяли къ себѣ красныхъ (о томъ свѣдѣніе имѣемъ въ I, гл. 65).[2] Мы увидимъ ниже, какъ стало поэтому у византійцевъ обычнымъ гармоническое соединеніе зеленаго съ краснымъ (πρασινορόδινον). Болѣе значенія получали димы, ихъ димархи, трибуны и викаріи при играхъ въ Ипподромѣ.

Ипподромъ.

Препозитъ утромъ получаетъ распоряженіе (κομβίναν) черезъ силенціарія, идетъ къ царю, и если тотъ прикажетъ начать приготовленія, то извѣщаютъ всѣхъ, собравшихся въ ожиданіи во дворцѣ; царь въ сагіи съ золотыми коймами, идетъ въ часовню св. Стефана и оттуда, по витой лѣстницѣ, входитъ въ покой своей каѳизмы, что въ Ипподромѣ и остается тамъ невидимымъ, пока все приготовятъ тамъ къ играмъ.[3] Каѳизмою назывался верхній этажъ надъ зданіемъ выѣздныхъ конюшенъ цирка, имѣвшихъ широкія ворота въ него и называвшихся стама (стойла). Каѳизма имѣла посреди большую открытую внутрь цирка ложу съ балкономъ, въ которомъ стоялъ царскій тронъ, и закрытые покои для царя и охраны. И когда препозитъ узнаетъ, что въ конюшняхъ готовы начать бѣга, димархи усѣлись на свои мѣста сзади партій, военные части и чины ихъ стоятъ въ рядахъ, народъ наполнилъ мѣста и все готово, царь сходитъ по каменнымъ ступенямъ каѳизмы и говоритъ препозиту: „давай мєтастазимъ“ — т. е. „начинай представленіе“, облачается въ хламиду и стемму, впускаютъ патриціевъ, они падаютъ ницъ и встаютъ; царь входитъ въ триклинъ, гдѣ будетъ имѣть столъ въ этотъ день, входятъ силенціаріи, затѣмъ комиты, члены сената, магистры. Царь, приподнимая край своей мантіи, правою рукою благословляетъ народъ

---

1) [Объ апелатикѣ см. Д. Ѳ Бѣляевъ: Byzantina II, 83, прим. 1.]

2) [О значеніи и характерѣ отдѣльныхъ частей партій: голубыхъ и бѣлыхъ, зеленыхъ и красныхъ см. упомянутую выше статью Ѳ. И. Успенскаго въ Визант. Временникѣ, I, 1—16.]

3) [См. I, 68, 303 sqq.]

по обычаю, трижды, стоя передъ трономъ, сперва середину, затѣмъ димъ Венетовъ и димъ Прасиновъ и садится. Входятъ патриціи, преклоняются и становятся понизу передъ большою дверью. Послѣ четырехъ бѣговъ (или „побѣдъ“ — βαΐων) царь уходитъ въ триклинъ къ обѣду, а затѣмъ возвращается въ ипподромъ; если же бѣга начинаются вечеромъ, то ухо-

Рис. 59. Сцена ипподрома (раздача царемъ вѣнцовъ).
Изображеніе на базѣ обелиска Θеодосія.

дитъ во дворецъ.[1] Изъ книги Константина можно узнать въ подробности, какъ дѣлается каталогъ конямъ и геніохамъ и пр. въ стамѣ для всѣхъ четырехъ партій,[2] какъ надо качать урны съ шарами партій,[3] какіе полагались клики и привѣтствія при побѣдѣ геніоховъ,[4] какъ величали побѣдителя „опоясаніемъ“ (βηγάριος ζωννυμένος),[5] какія полагались — „диверсіи“ — возничій Голубыхъ ѣхалъ на коняхъ Зеленыхъ или обратно и пр.,[6] но всѣ эти формы и формальности, видимо, перестали быть въ связи съ ходомъ куль-

[1]) [Ibidem, 308 sqq.]
[2]) [См. I, 69, 310—312.]
[3]) [Ibid., 312—320.]
[4]) [Ibid., 320—324.]
[5]) [Ibid., 329—331.]
[6]) [Ibid. 336—337.]

туры или быта.[1] Историческій интересъ представляетъ, напротивъ, описаніе игръ въ ипподромѣ въ день основанія города — 11 Мая.[2] [Наканунѣ люди обѣихъ партій (οἱ τῶν δύο μερῶν) приводятъ лошадей въ, украшенныхъ золотыми сегментами, попонахъ (χρυσοσήμεντα σαγίσματα), нагрудникахъ (μανιάκια) и недоуздкахъ (καπιστράκια), каждая партія — въ свою фіалу, гдѣ и происходитъ распредѣленіе коней. На утро царь выходитъ въ каѳисму съ обычными въ такихъ случаяхъ церемоніями; старшины партій (τὰ πρωτεῖα τῶν μερῶν) приходятъ съ крестами изъ розъ (μετὰ σταυρῶν ῥοδοπλόκων) которые затѣмъ передаютъ царю;] побѣда въ этотъ день приноситъ двойную награду, царь разсылаетъ вѣнцы и одежды побѣдителямъ, ихъ приводятъ въ каѳизму предъ лицо его, партіи исполняютъ въ ипподромѣ между бѣгами хоровой танецъ, туда же сходятъ со своихъ мѣстъ и народныя массы, и разбираютъ овощи и всякія печенья, принесенныя туда въ мѣшкахъ, рыбу, наложенную въ лодкахъ. Такъ называемый овощной ипподромъ (λαχανικόν) шелъ еще отъ временъ Константина Великаго, удерживая римскій обычай раздачи на Масляницѣ и въ Маѣ тессеръ на полученіе хлѣба, масла, овощей и вина; какъ указываетъ Рейске,[3] обычай держался еще въ Неаполѣ въ его время.

Любопытная подробность по снаряженію бѣговъ и самихъ димотовъ, „Фенгіи“.
какъ у Венетовъ, такъ и у Прасиновъ, а, вѣроятно, и у прочихъ двухъ партій, сообщена (ср. гл. I, 65, р. 294) въ 15-ой гл. II книги[4] Константина и относится къ такъ называемымъ фенгіямъ (τὰ φεγγία τοῦ σαξίμου), особымъ жезламъ, въ рукахъ димотовъ. Путемъ филологическаго разбора Рейске (коммент., 696—7) устанавливаетъ, что эти жезлы должны были какъ-то изображать луну, ибо др. греч. σελήνη замѣнилось въ срв. φέγγος, φεγγίον, что, стало быть, это своего рода lunulae — наши лунницы. Полагая, что, однако, это долженъ быть жезлъ, зажатый въ рукѣ, ибо, дѣйствительно, текстъ гласитъ (р. 589): οἱ δημῶται στάντες… ἐβάστασαν τοῦ σαξίμου τὰ φεγγία. Поэтому Рейске догадывается, что жезлъ долженъ былъ имѣть видъ греч. Ψ, но затѣмъ далѣе, чертитъ слѣдующее обратное положеніе лунницы на жезлѣ †. Идя путемъ археологіи, я уже заранѣе въ своей запискѣ о фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора[5] указалъ, что изображенныя въ раскрытыхъ аркадахъ лунницы въ кругахъ и на палкахъ представляютъ именно значки геніоховъ въ стамѣ надъ каждымъ изъ четырехъ возницъ, уже стоящимъ въ готовой къ выѣзду колесницѣ. Здѣсь должно прибавить, что именно эти лунницы въ кругахъ и крупнаго размѣра тоже

---

¹) [См. разборъ и попытку датировать эту часть книги о церемоніяхъ въ упомянутой уже статьѣ G. Millet въ Recueil-Kondakov, 281—285 и 295.]

²) [I, 70, 340—349.]

³) [См. комментарій, 338—339.]

⁴) [588—592 — въ описаніи игръ, устроенныхъ при пріемѣ сарацинскихъ пословъ въ 946 году.]

⁵) Записки Рус. Арх. Общ. III 1888 г., 287—306, табл. XI. [Также Русск. Древн., IV, 150 и рис. 135.]

знаки димовъ, но практично приспособленные къ освѣщенію конюшенъ: на той же палкѣ, но подъ рогомъ луны изъ серебра, дѣлалась чаша для масла съ фитилемъ. Восточное происхожденіе лунницы и фенгій указывается этимъ символомъ, само по себѣ, и, вмѣстѣ съ нимъ логически, переносъ эмблемы варварами, и именно кочевыми, и, наконецъ, его исконное магическое значеніе. Можемъ прибавить, что затѣмъ фенгіи получили особое значеніе и въ христіанскихъ украшеніяхъ, именно съ IX вѣка: такъ называемые вѣнчики иконъ, вокругъ головы, и подвѣсные къ „головнымъ иконамъ" лунницы, но характерно и то, что оба украшенія получили уже иное названіе и у Грековъ и у насъ (вѣнчики и цаты[1]). Такимъ образомъ, церковныя украшенія, явно, идутъ отъ магическихъ скипетровъ, какими вооружались геніохи при своихъ бѣгахъ, какъ знаками богини луны и ея бѣга, символами всякаго номада.

„Вотъ". Глава 72 I книги (359—364) одна даетъ опредѣленныя, но краткія, указанія зрѣлищъ ипподрома въ такъ называемый день вота (τοῦ βοτοῦ), т. е. жертвъ, обѣтовъ или пожеланій народныхъ царю и имперіи, причемъ, однако, этотъ день, благодаря краткости текстовъ и ихъ критической шаткости, не могъ быть пока установленъ: одно указаніе на 1 Января, другія на Февраль, третьи на Май (см. комментаріи Рейске, стр. 343—344, также 327). Записка гласитъ обычно о томъ, какъ еще за день дѣлается наказъ быть воту завтра, и потому еще вечеромъ наканунѣ собираются „части" обоихъ димовъ или партіи, и при этомъ „димархи стоятъ внизу, говоря другъ другу шутки" (λέγοντες σκωπτικά), а такъ какъ эти димы — Венеты и Прасины — въ постоянномъ соперничествѣ или даже борьбѣ и враждѣ жили въ Византіи, то шутки могли быть и злыя и доходить до насмѣшекъ. Было бы понятно это мѣсто, если бы дѣло происходило въ ипподромѣ, передъ публикою, здѣсь же смыслъ остается подъ вопросомъ, хотя и даетъ просторъ подбору у Рейске цитатъ изъ римской древности и аттической, хотя примѣръ Геліогабала, желавшаго выслушивать откровенную брань Римлянъ,[2] врядъ ли примѣнялся въ Византіи послѣ кроваваго конца „Ники". На другой день съ утра собираются во дворцѣ: начальники придворной части въ пурпуровыхъ (τύρεα) мантіяхъ, и патриціи и синклитъ въ темно-лиловыхъ (ἀτραβατικά, о чемъ см. ниже), и царь, въ ихъ сопровожденіи, идетъ въ ипподромъ, въ клувій (τὸ κλούβιον), закрытый покой, раздаетъ тамъ чинамъ „сфрагидіи", чтобы они раздали въ свою очередь бѣднымъ, для впуска ихъ на царскую трапезу въ залѣ 19 аккувитовъ „по древнему обычаю". Особый день

Луперкаліи. бѣговъ въ ипподромѣ носилъ названіе Луперкаліева,[3] явное переживаніе древнихъ февральскихъ языческихъ Луперкалій, уже, повидимому, въ Маѣ, съ состязаніями конскими и людей бѣгуновъ. Такимъ образомъ и въ эти

[1]) [О нихъ см.: N. P. Kondakov — E. H. Minns The Russian Icon, Oxford 1927, 36—37.]

[2]) [См. Aelii Lampridii, Heliogabalus, c. 11, 6; Script. Hist. Aug. I, ed. Teubneri, L. 1884, p. 228.]

[3]) [I, 73, 364—369].

Циканій.

народные праздники книга Константина ничего не сообщаетъ о потѣшныхъ представленіяхъ, акробатахъ, мимахъ и пр. Равно, и объ игрѣ шарами на коняхъ, которая происходила на обширной и ровной площади за дворцомъ, надъ морскимъ берегомъ, и называлась поэтому цыканистиріемъ (τζυκανιστήριον),[1] и которою увлекались многіе цари Византіи, видимо по персидской и варварской модѣ, вводившей атлетическія упражненія, ни объ царскихъ охотахъ, за исключеніемъ именъ, попавшихъ въ исторію.

Пріемъ Ольги.

Краткій текстъ о сценическихъ представленіяхъ (II, 15), сообщенный въ книгѣ Константина по случаю пріема Сарацыновъ (см. выше) и второго пріема (Ἑτέρα δοχὴ τῆς Ἔλγας τῆς Ῥωσένης) княгини („архонтиссы") Ольги Русской, нѣсколько восполняетъ пробѣлъ, вызванный церемоніальнымъ характеромъ книги. Пріемъ состоялся 9-го Сентября, и былъ, наряду съ другими, повтореніемъ пріема (предшествовавшаго) Сарацынскихъ пословъ, съ тою, конечно, разницею, что Ольгу принимала и царица и что она была христіанка. Какъ архонтиссу, Ольгу, явившуюся со своими „архонтиссами" родственницами и служанками, шедшими за нею по одной, посадили ожидать выхода въ портикѣ Августея; въ триклинѣ Юстиніана былъ поставленъ на возвышеніи, крытомъ пурпурными тканями, большой тронъ царя Өеофила для царицы и кресло для ея невѣстки: два серебряныхъ органа димовъ и музыканты съ духовыми инструментами находились въ сосѣдней залѣ; вызванная архонтисса ожидала во дворцѣ скилы. На тронѣ сѣла царица и на креслѣ ея невѣстка, по сторонамъ расположились чины кувуклія были введены: опоясанныя патриціанки, жены магистровъ, патриціанки, жены протоспаөаріевъ и т. д., затѣмъ вошла архонтисса и учинено было привѣтствіе съ вопросами препозитомъ, и затѣмъ архонтисса вернулась въ скилы; [послѣ этого августа вернулась въ свои покои, а архонтисса отдыхала во дворцѣ кенургіи]. Затѣмъ царь сѣлъ на тронѣ съ царицею и дѣтьми, позвали архонтиссу, и по слову царя, она сѣла и говорила съ царемъ. Въ тотъ же день былъ обѣдъ, сидѣли царица съ невѣсткою, а архонтисса въ сторонѣ около нихъ стояла, а затѣмъ, когда вошли и совершили преклоненіе архонтиссы (прибывшія съ Ольгою), она, склонивъ слегка голову, пошла и сѣла за особый столъ съ опоясанными патриціанками; пѣли пѣвчіе храма Апостоловъ и Софіи „славословія" царю, играли и представляли всякія сцены артисты (ἔπαιξαν δὲ καὶ τὰ θυμελικὰ πάντα παίγνια). Былъ еще столъ въ Золотомъ Триклинѣ, обѣдали всѣ секретари архонтовъ Россіи (Ρωσίας) и люди ихъ и торговцы (πραγματευταί) и получили: племянникъ

[1]) [См. II, 13, 557, гдѣ упоминается τζουκανιστήριον, какъ одно изъ мѣстъ отправленія царя при поѣздкѣ въ храмъ св. Апостоловъ или какой либо иной. Ср. I, 83, 381, гдѣ упомянутъ σφαιροδρόμιον (повидимому то же, что циканистирій), по возвращеніи царя изъ котораго начиналась церемонія Готөиконъ. Также коммент. Рейске, 362. Какъ извѣстно, позднѣе любителемъ циканія былъ императоръ Мануилъ Комнинъ, см. Ioann. Cinnam., Hist., VI, 5, 263—264, гдѣ описывается въ чемъ состояла эта игра. Также М. А. Андреева, Очерки, 178.]

архонтиссы: 30 милл., другіе близкіе — по 20, священникъ Григорій — 8, толмачи по 12, люди Святослава (Σφενδοσθλάβου) по 5. Когда царь всталъ, подали „сладкое" въ буфетѣ, и стоялъ тамъ малый золотой столъ, [стоящій обычно въ пентапиргіи[1]] и на немъ было сладкое въ эмалевыхъ и украшенныхъ камнями блюдахъ, и сидѣли у стола царь, царь Романъ Порфирородный, дѣти, невѣстка и архонтисса и подарено ей въ золотомъ съ камнями блюдѣ 500 милл., ея подругамъ по 20 и пр. 18 Октября былъ другой обѣдъ въ Золотомъ триклинѣ и обѣдалъ царь съ русскими (μετὰ τῶν Ρῶς) и еще обѣдъ въ пентакувукліи св. Павла, и сидѣла царица съ дѣтьми, невѣсткою и архонтиссою, и подарено ей было 200 милл. и пр.[2]

Фрески лѣстницъ Св. Софіи въ Кіевѣ.

Но, если тексты историческіе и „церемоніальные" мало говорятъ о византійскомъ ипподромѣ, то мы имѣемъ для нихъ существенное дополненіе археологическаго рода, именно указанныя уже фрески лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора, современныя его постройкѣ и представляющія игры въ Константинопольскомъ ипподромѣ. Ольга русская и послѣ нея, повидимому, иные князья русскіе и ихъ посланцы и торговцы видали эти игры, и мало того, кто-то изъ нихъ пріобрѣлъ рисунки этихъ игръ, которые и переданы были кіевскимъ рисовальщикомъ со всею точностью копииста, даже мелочною. Лѣстницы эти, ведущія на хоры собора, на которыхъ обычно слушали службу князья и ихъ семья, должны были сообщаться непосредственными ходами съ княжескимъ дворцомъ, который, будучи изъ дерева, совершенно исчезъ. Всѣ фрески, судя по фигурамъ сохранившимся отъ древности въ нетронутомъ видѣ (прочія переписаны цѣликомъ, но передаютъ весь древній рисунокъ, благодаря усердію Ѳ. Г. Солнцева, руководившаго реставраціею въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка) писаны еще въ стилѣ IX—X вѣковъ, когда еще письмо было живописнымъ, а не иконописнымъ. Письмо это характерно своимъ сродствомъ съ лучшими лицевыми греческими рукописями X вѣка, но въ разныхъ частяхъ фресокъ, кажется, разное, и только въ общемъ византійскомъ стилѣ. Возможно, что и оригиналы были также разные, и даже теперь, безъ расчистки фресокъ, въ нихъ видны двѣ манеры. Сцены ипподрома писаны, явно, съ греческаго оригинала, сцены охотъ или лова звѣрей по манерѣ свободнѣе. Содержаніе сюжетовъ относится къ византійской древности, дѣлится на верхнюю группу — зрителей, и нижнюю — зрѣлищъ; сцены, происходящія на террасахъ, и теперь сосредоточены на площадкахъ соборныхъ лѣстницъ, прочія на подъемахъ (ранѣе былъ, вѣроятно, pente douce). Правая лѣстница представляетъ каѳизму царя, лѣвая (сѣверная) — ложу царицы, а лѣвая сторона хоръ всегда въ Византіи была гинекеемъ. Имѣемъ рядъ цирковыхъ представленій охоты: варвара (Пардовалла),[3] охотящагося съ ручнымъ ге-

[1]) [II, 15, 597; ср. I, 97, 70.] [2]) [II, 15, 594—598.]

[3]) См. текстъ Кодина о Пардоваллахъ при византійскомъ дворѣ De officiis, c. XXII, p. 108: текстъ внесенъ потому, что они пользуются исключительнымъ правомъ въѣзда верхомъ во дворецъ.

пардомъ на козулю; другого — съ собакою на кабана; отряда джигитовъ, гонящихся за дикимъ конемъ; двухъ охотниковъ — за векшею; одного охотника на волка, другого на медвѣдя, наконецъ, два медвѣдя заполевали козулю. Ясно, что медвѣди приведены для цирковой охоты, какъ и тѣ варвары, которые здѣсь представлены, по гречески — въ обще-персидской одеждѣ, сами тоже цирковые артисты. Ихъ подтянутая на бедрахъ за поясъ туника имѣетъ византійскія нашивки на воротѣ и подолѣ, ихъ волосы, падающіе на плечи, круглые щиты, все относится къ варварскому быту въ средневѣковой Европѣ. Но есть одна подробность, придающая особое значеніе именно этимъ фрескамъ: своеобразныя деревья или, скорѣе, растенія съ толстымъ стволомъ и тремя толстыми вѣтками, на которыхъ сидятъ какъ бы подсолнечники: подобныя растенія съ цвѣтами, имѣющими тоже красную внутренность и зеленую листву вокругъ, представлены въ манихейской лицевой рукописи, изображающей самого Мани и его учениковъ рядами, пишущихъ правила его ученія: рукопись относится находчикомъ ея — берлинскимъ ученымъ А. Лекокомъ къ VIII—IX столѣтіямъ и происходитъ изъ Хотчо близъ Турфана.[1] Въ рукописи растеніе идетъ шпалерою по стѣнѣ вмѣстѣ съ виноградомъ. Но кіевскій рисунокъ деревъ не можетъ быть объясненъ, а между тѣмъ типъ встрѣчается въ условной формѣ и позже.

Вмѣстѣ съ представленіями охоты расположены внизу зрѣлища ипподрома, изображена стама, зданіе со стойлами для колесницъ четырехъ димовъ въ четырехъ аркадахъ, надъ конюшнями мелкія службы, изъ нихъ смотрятъ люди. Въ аркадахъ выше рѣшетокъ видны, какъ сказано выше, фенгіи, рѣшетки еще заперты, но за ними четыре геніоха уже стоятъ на колесницахъ, и кони уже наготовѣ; геніохи бритые, по римской модѣ. Возлѣ стамы трое трибуновъ дима: одинъ поднятіемъ руки возвѣщаетъ начало игръ, другіе стоятъ, заложивъ руки за спину, въ знакъ почтенія къ публикѣ — таковы были чисто восточные жесты; всѣ имѣютъ небольшую бороду. На ихъ головахъ остроконечные варварскіе колпаки лимоннаго цвѣта (*κιτρίνα*) и кафтаны ихъ имѣютъ почетные маніаки — оплечья и на груди по пяти фаларовъ — или золотыхъ *σπέκια*[2] — медальоновъ съ вырѣзами въ нихъ для вставки цвѣтныхъ стеколъ. Показательно сходство этихъ медальоновъ съ инкрустированными круглыми бляхами Чулекской

---

[1]) A. v. Le Coq. Chotscho 1913. Снимокъ рукописи воспроизведенъ въ изд. K. Woermann, Geschichte der Kunst, II, Taf. 17.

[2]) [О спекіяхъ см. I, 10, 82; I, 17, 99; II, 9, 542. Изъ эпитетовъ *ἀληθινά*, *χρυσόκλαβα*, сопровождающихъ этотъ терминъ, слѣдуетъ, что тутъ разумѣлась одежда, м. б. и снабженная нашитыми металлическими медальонами. Носятъ ее б. ч. протоспаөаріи. Самое названіе (по Рейске, который объясняетъ спекіи, какъ кружева, слово *σπέκια* взято изъ латыни — specium = speculum; см. комментарій, 619—620), вызываетъ сравненіе со старо-русскимъ терминомъ „зерцало“ — особаго характера броня, составлявшаяся изъ отдѣльныхъ частей („досокъ“) и нашивавшаяся на ткань. Объ этомъ см. П. Савваитовъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей и т. д. СПб. 1896, подъ словомъ „зерцало“.]

находки близъ Таганрога, на р. Чулекѣ,[1] 1868 года, заслуживающей быть едва ли не самымъ замѣчательнымъ образчикомъ такъ называемыхъ готѳскихъ гранатовыхъ (или темно-краснаго стекла) инкрустацій, извѣстныхъ гл. обр. въ золотыхъ перегородчатыхъ фибулахъ. Находка явно могильная, въ ней было семь медальоновъ, 6 и 8 сантм. въ діаметрѣ, перегородки рѣзаны изъ золота, съ варварскимъ презрѣніемъ къ цѣнному металлу, и по каймѣ наружнаго ободка имѣютъ по восьми сквозныхъ дырочекъ, ради пришивки медальоновъ на верхнюю одежду мѣдною проволокою (тоже сохранились куски ея) или даже на ремни портупеи восточнаго образца, перекрещивающей грудь, какъ видимъ на груди сассанидскихъ царей на ихъ серебряныхъ блюдахъ.[2] На одномъ браслетѣ этой находки изъ массивнаго золота и грубой работы, въ видѣ обруча наколомъ сдѣлана латинская надпись. Могила могла быть готѳскою, но также и аланскою, такъ какъ подобныя же золотыя вещи личнаго убора, съ вставными гранатовыми и иныхъ цвѣтовъ стеклами найдены въ Терской области. Наконецъ всѣ три димота имѣютъ и кафтаны трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, голубого и краснаго.

На подмосткахъ, спеціально и наскоро сдѣланныхъ, ряженые (по праздничному) музыканты, паяцы и акробаты даютъ представленіе; всѣ одѣты, какъ гистріоны, изъ которыхъ набирались даже и музыканты, какъ то указываетъ для нихъ общее имя: παιγνιῶται. Музыкантовъ шестеро, а не четверо, какъ указывается приведенною выше цитатою изъ Кодина: флейта, двѣ трубы, цимбалы, гусли и арфа[3]; изъ нихъ авлистъ и цимбалистъ въ то же время пляшутъ или, вѣрнѣе, подплясываютъ; помимо того, составляется хороводъ, одинъ скоморохъ уже пляшетъ, другой подаетъ ему для того же дѣла платокъ. Рядомъ слуга тянетъ вверхъ завѣсу въ дверяхъ, чтобы впустить форменнаго паяца во фригійскомъ колпакѣ и товарища его. Справа акробатъ держитъ у себя на спинѣ (поясомъ?) шестъ, по которому лѣзетъ мальчикъ, пытаясь сорвать блюдо, лежащее наверху (сцена, упоминаемая епископомъ Кремонскимъ и посланникомъ Италіи при Никифорѣ Фокѣ Ліутпрандомъ[4]). Очевидно, мы имѣемъ тѣ самыя святочныя развлеченія, которыми тѣшили обычно въ циркахъ столичную чернь и тѣшатъ доселѣ на Масляницѣ и карнавалѣ повсюду. Грубое переживаніе формъ греческаго театра въ Византіи само по себѣ свидѣтельствуетъ объ упадкѣ культуры, и особенно характерно то, что всякое развлеченіе переводится на варварскія формы: вмѣсто прежнихъ трагедій

---

[1]) Русскія Древности, III, рис. 166—171.

[2]) Рус. Др., III, рис. 90. Sarre, Fr. Die Kunst d. alten Persien. 1923, табл. 106, 108.

[3]) Въ древнерусскихъ текстахъ пересчитывается четыре вида и болѣе того: бубны, сопѣли, гусли, пискове, или же: сопѣли — свирѣли — авлиты — заморскіе писки; кимвалы — накры, тимпаны, бубны, домры, трубы, гусли. Наряду съ трубами въ Лавр. лѣт. называются скомрахи, гусли, русалье, плясанье, бѣсовскыя пѣсни и т. д. [См. также: L. Niederle. Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život starých slovanů. D. III, sv. 2, v Praze 1925, 715—734.]

[4]) [Liutprandi Antipodosis VI, 9; Monumenta Germaniae historica, III, 339.]

и душевныхъ задачъ новой комедіи находимъ „игрища“ съ варварскою и потому восточною окраскою. Всѣ музыканты, пѣвцы и даже прислужники одѣты по персидски, въ подоткнутые кафтаны, колпаки, даже тюрбаны изъ пестрыхъ дамаскихъ шелковъ. Сохранилась одна сцена обычнаго ряженья въ коляды: варваръ съ круглымъ щитомъ и сѣкирою обороняется отъ другого, ряженаго въ шкуру мѣхомъ вверхъ и козью голову и лѣзущаго на него съ рогатиною.[1] Въ той же серіи сценъ потѣшныхъ игръ находимъ иллюстраціи святочнаго пира: остіарій (евнухъ), но въ тюрбанѣ, поднимая руки, вводитъ варвара въ войлочной скуфьѣ, несущаго въ рукѣ запеченный окорокъ и на плечѣ свиную голову — „боровка для Васильева вечерка“ у Славянъ русскихъ. Въ сосѣдней сценѣ остіарій вводитъ колядника съ блюдомъ, на которомъ онъ несетъ обычный апокомбій, за нимъ слѣдуетъ ловчій.

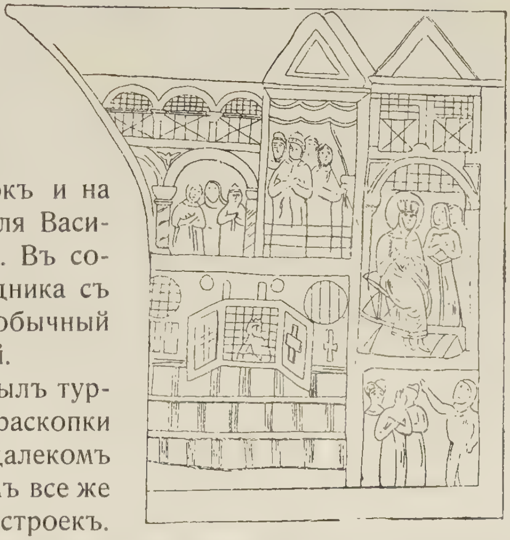


Рис. 60. Изображеніе „каѳисмы“ на фрескѣ лѣстницы Св. Софіи въ Кіевѣ.

Византійскій ипподромъ снесенъ былъ турками настолько чисто, что, пожалуй, и раскопки на его мѣстѣ ничего не дадутъ въ далекомъ будущемъ. Между тѣмъ здѣсь имѣемъ все же нѣкоторый эскизъ его „лицевыхъ“ построекъ. Группы зрителей въ этихъ зданіяхъ, явно, принадлежатъ къ византійскому двору, и потому изображенныя на обѣихъ лѣстницахъ сцены имѣютъ свой особый смыслъ. На открытой эстрадѣ, ограниченной (по шаблону) баллюстрадой, но близко къ входной двери, сидитъ на креслѣ царь въ мантіи и высокомъ вѣнцѣ (но безъ креста на немъ), прижимая правую руку къ таблію, что́ на краю мантіи пришелся на груди (здѣсь реставрація представила вмѣсто таблія кодексъ въ окладѣ), и поднявъ лѣвую. Справа отъ него два спаѳарія со щитами и копьями. На подобной же эстрадѣ стоитъ царица въ сопровожденіи „лоратной“ патриціанки, обѣ поднимаютъ слегка руки въ знакъ удивленія тому, что онѣ видятъ, очевидно, побѣду на бѣгахъ. Сбоку съ такими же живыми жестами представлены три придворныя дамы, тоже вставшія. Наконецъ, послѣдняя сохраненная фреска (рис. 60) даетъ эскизное изображеніе правой боковой части того поперечнаго зданія ипподрома, въ которомъ посреди внизу находились конюшни — стама, а въ верхнемъ помѣщеніи — кафисмы. Здѣсь нижній ярусъ

[1]) Интересной религіозной основы даннаго ряженья и археологическаго матеріала по предмету касается любопытная статья гр. А. А. Бобринскаго. [Объ одной изъ фресокъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора. Письмо профессору Кондакову.] Въ Зап. Русск. Арх. Общ., н. с., т. IV., стр. 81—92.

зданія есть каменный массивъ римской кладки „въ рустику", всюду глухо закрытый, и съ небольшими окнами квадратными и круглыми, для освѣщенія подклѣтовъ. Второй ярусъ, расчлененый аркадами, на толстыхъ колоннахъ изъ зеленаго мрамора, наполненъ зрителями. Верхъ какъ бы задѣланъ рѣшетками, или окнами, на подобіе тѣхъ, что́ въ св. Софіи. Въ большой ложѣ сидитъ царь, въ боковой — чины (иные стоятъ со спущенными длинными рукавами съ обѣихъ рукъ — именно „спустя рукава" въ знакъ придворнаго почтенія).

Театральный характеръ церемоній.

Все это было, дѣйствительно, исполняемо какъ театральное представленіе, съ точнымъ распорядкомъ мѣстъ для сената, чиновъ, гвардіи и димовъ, съ устройствомъ группъ и рядовъ, выдвинутыхъ или задвинутыхъ, подобранныхъ по рангу и, какъ увидимъ, по цвѣту одеждъ, съ церемоніальными движеніями и жестами. Такое внѣшнее воспитаніе переносилось изъ константинопольскаго дворца всюду въ провинціи, гдѣ стратиги имѣли свои дворцы и пріемы, и къ варварскимъ ханамъ, королямъ и архонтамъ. Тѣ же живыя картины переходили изъ дворца на площади столицы, въ большія и малыя церкви, на форумъ и во Влахерны, въ праздникъ сбора винограда -- за городъ и на берегъ моря,[1] и съ удвоенными силами исполнялись на глазахъ народа въ ипподромѣ. Все происходило чинно, по порядку, чины вводились въ присутствіе царя вилъ за виломъ, т. е. открывалась завѣса, входила группа и устанавливалась, затѣмъ другая — старшіе прежде младшихъ — и т. д. по старшинству, совершалось преклоненіе и открывалось совѣщаніе или начиналась какая либо церемонія.[2] Но даже при ежедневныхъ выходахъ, когда все совершалось среди своихъ, т. е. гетерій или дружинъ, примикирія и папія, все идетъ по чину; койтониты приносятъ царскій скарамангій, царь одѣвается въ него и молится въ нишѣ Золотого Триклина, затѣмъ сѣвъ на золотое кресло, приказываетъ позвать логоѳета, его вводятъ, онъ совершаетъ метаніе, царь отпускаетъ всѣхъ.[3] По воскреснымъ днямъ царь бываетъ въ плащѣ, собираются магистры, патриціи и чины въ красныхъ плащахъ, а по буднямъ въ скарамангіяхъ; если же при этомъ бываютъ язычники — ἐθνικοί, то, не надѣвая стеммы, царь имѣетъ на головѣ кесарскій вѣнецъ; то же бываетъ и на вечернихъ выходахъ, только вмѣсто скарамангіевъ вельможи надѣваютъ коловіи.[4] Очевидно, всякое собраніе было тѣсно связано съ облаченіями царя и чиновъ, а также переодѣваніями во время самыхъ церемоній.[5]

---

[1]) [См. I, 78, 373—375.]

[2]) [О процедурѣ введенія по виламъ см.: Д. Ѳ. Бѣляевъ: Byzantina II, 61.]

[3]) [См. II, 1, 518—521; также J. Ebersolt, Mélanges, 13—16.]

[4]) [II, 1, 521—522.]

[5]) [Матеріалъ, касающійся облаченій царя на праздничныхъ процессіяхъ изложенъ въ 37 главѣ I книги (187—191). При этомъ помимо переодѣваній, связанныхъ съ тѣмъ или инымъ способомъ передвиженія или т. п. (напр. при далекихъ поѣздкахъ верхомъ или на лодкѣ одѣвается скарамангій или коловій, а при шествіи пѣшкомъ — дивитисій и т. д.), существуютъ перемѣны чисто т. ск. декоративнаго характера, напр. коронъ, если при выходѣ изъ дворца надѣвается зеленая или голубая, то при возвращеніи — красная или бѣлая и наоборотъ.]

4.

Царскій вѣнецъ или корона, прежде всего уже какъ головной уборъ, игралъ важнѣйшую роль въ царскомъ облаченіи, со времени же Юстиніана эта роль стала первоклассною, потому именно, что съ этого времени была установлена та особая форма царскаго вѣнца, по которой онъ сталъ называться стеммою (τὸ στέμμα) и форма эта стала для всѣхъ, безъ исключенія, запретною. Повидимому, съ VI по XI вѣкъ стемму носилъ только царь Византіи, и никому (даже, видимо, Болгарскому царю не было дано стеммы, а потому и все облаченіе для него было получено изъ Рима) эта форма не была жалована, и ближайшіе къ царю саны имѣли только вѣнецъ. Корона.

Стемма образовала сначала широкій золотой обручъ,[1] съ крестикомъ въ очельи, но затѣмъ дополнена была внутреннею шелковою тульею и двумя золотыми дужками, въ перекрестье которыхъ стали ставить крестикъ на шарикѣ-державѣ. Въ XII вѣкѣ[2] форму упростили, принявъ форму персидской тіары,[3] которая сохраняла нижній узкій (по головѣ вплотную) обручъ, а выше раздавалась на подобіе полушарія и тоже имѣла сверху крестъ на его срединѣ. Стемма.

Въ отличіе отъ царской стеммы кесарскій вѣнецъ (στέφανος) былъ обручъ, безъ креста надъ нимъ, также было и позднѣе, сначала простой съ „очельемъ“ въ видѣ драгоцѣннаго камня, какъ у Кодина находимъ при Іоаннѣ Кантакузенѣ для кесаря и севастократора (στεφάνους... ἔχοντας... ἔμπροσθεν ἀνὰ μίαν καὶ μόνην καμάραν[4]). Въ главѣ XVIII [онъ же сообщаетъ], что деспотъ получаетъ изъ рукъ царя вѣнецъ съ 4 арочками (камарами) спереди, сзади и съ боковъ и такой „стефанъ“ называется στεμματογύριον.[5] Обычно деспотъ для „покроя“ головы (τὸ περικάλυμμα) имѣетъ σκιάδιον ὁλομάργαρον, т. е. шапку, изъ шелковой матеріи на проволокѣ, унизанную жемчугомъ, которой аиръ (ἀήρ — тулья) или покровъ шара имѣетъ вышитое темнымъ шелкомъ имя владѣльца, при чемъ, если деспотъ молодъ, то во дворцѣ не имѣетъ ничего на головѣ.[6] Севастократоръ получаетъ скіадій, красный съ золотомъ, шелковый, равно красный гиматій.[7] Такого рода шапки чиновъ были или бѣлыя, или свѣтлыхъ цвѣтовъ: лимоннаго, бирюзоваго и т. д., иногда большихъ размѣровъ и надѣвались у себя во дворцѣ, внѣ пріемовъ, царями. Что́ же касается стеммы, то по ея поводу установился особый церемоніалъ: только Кесарскій вѣнецъ.

---

¹) [О замѣнѣ діадемы-повязки обручемъ см. J. Ebersolt: Les arts somptuaires, 18—20.]

²) Такое заключеніе надо принять потому, что венгерская корона, сдѣланная на подобіе стеммы, но изъ обруча и византійской звѣздицы (въ листѣ которой вправленъ крестикъ и потому спадаетъ), имѣетъ ту же форму, но безъ тульи. См. мою „Исторію византійской эмали“. [Также: Изображенія русск. княж. семьи, стр. 64 и слѣд.]

³) См. комм. Рейске p. 45 и описаніе стеммы у Анны Комниной: τὸ βασιλικὸν διάδημα — ἡμισφαίριον εὔγυρον τὴν κεφαλὴν διαθεῖ πανταχόθεν μαργάροις κοσμούμενον.

⁴) [De offic., XIX, 101.]

⁵) [Ibid., 100.]

⁶) [Ibid., III, 13—14].

⁷) [Ibid., 15].

препозиты двора имѣли право подавать ее царю, и онъ снималъ ее лишь въ церкви, войдя черезъ среднія врата.[1] Особымъ, но постояннымъ украшеніемъ были три жемчужныя низки или цѣпочки, висѣвшія съ обруча стеммы отъ ушей до плечъ, называемыя σεῖα или κατασείστα (κρεμαστάρια), видимо также заимствованная изъ Персіи.[2] Рано начавшійся у византійскихъ царей[3] обычай жертвовать въ чтимыя церкви къ престолу отъ себя золотой вѣнецъ или самую стемму распространился и у варварскихъ царей и королей, и благодаря сохраненію ихъ въ ризницахъ церквей, мы имѣемъ желѣзную корону лангобардскихъ королей, короны вестготскихъ царей изъ клада Гварразара, всё вотивные вѣнцы изъ листового золота и всѣ малаго размѣра. Тексты книги Константина говорятъ о вѣнцахъ по поводу разныхъ храмовъ Константинополя. При описаніи убранства камаръ (нишъ) Золотого Триклина на большомъ пріемѣ пословъ говорится, что тамъ висѣли, среди драгоцѣнныхъ эмалей, и стеммы царскія, взятыя (на этотъ случай) изъ храма свв. Апостоловъ — зеленая стемма съ голубемъ (подъ нимъ висѣла стемма надъ престоломъ) и крестомъ (кресты висятъ подъ вѣнцами вестготскими) подъ нею. Изъ ц. Богоматери Фарской — также стемма голубая (βένετον), также съ голубемъ и крестомъ, и такая же стемма изъ церкви св. вмч. Димитрія: всѣ стеммы были пожертвованы Константиномъ Порфиророднымъ,[4] ихъ же цвѣта, явно, относятся къ аиру или тульѣ стеммы, такъ какъ обручъ стеммы, какъ бы ни былъ убранъ жемчугомъ, или яхонтами, лалами и изумрудами, не можетъ казаться и быть названъ бѣлымъ, голубымъ или зеленымъ.[5] Понятно, далѣе, что эта форма стеммы была

Вотивные вѣнцы.

---

[1]) Const. P. De cerimoniis, I, 18, 109 передаетъ, что когда царю случится ѣхать на лодкѣ въ Пиги [т. е. храмъ Богородицы Источника, куда совершался выѣздъ на Вознесеніе], и онъ высадится за городомъ, то препозитъ надѣваетъ на него стемму, только внутри круга архонтовъ кувуклія, чтобы ἔμπροσθε βαρβάτων царю μὴ στέφεσθαι, какъ о той же церемоніи говорится и въ другихъ мѣстахъ. [Въ другихъ случаяхъ царь надѣваетъ или снимаетъ вѣнецъ внутри завѣсы, или въ мутаторіи, или же просто въ присутствіи только кувуклія, см. I, 1, 9, 14; 9, 64; 23, 132; 26 145; apend. ad l. I, 502; и т. д. О сниманіи стеммы при входѣ въ храмъ см. Д. Ѳ. Бѣляевъ, Byzantina II, 150. Интересное указаніе, что царь иногда не надѣвалъ стеммы по случаю св. р. траура, напр. послѣ какого либо общественнаго бѣдствія, есть у Ѳеофана, Chronogr., подъ годомъ 6050 (Migne, P. G., 108, col. 508), гдѣ говорится, что Юстиніанъ не надѣвалъ стеммы послѣ землетрясенія въ теченіи 40-а дней.]

[2]) Litterally: Кодинъ гл. VI, р. 53—54. Возможно, что эти цѣпочки замѣнили собою тѣ шнуры прежней діадемы, которые у персидскихъ царей вѣютъ за головою, когда они скачутъ на охотѣ, и тѣ же у ангеловъ за ушами. [О нихъ см. коммент. Рейске, 688 sqq.; первый терминъ встрѣчается у Кодина, De off., III, 13, 15; второй — у Конст. Порф., De cer., II, 15, 582; также J. Ebersolt. Les arts somptuaires, 34.]

[3]) [См. указанія по этому поводу у Ebersolt, o. c., 32.]

[4]) [II, 15, 581—582.]

[5]) Въ изданіи Heffner v. Alteneck, Trachten des christlichen Mittelalters, I, на I таблицѣ, представляющей имп. Генриха II (ум. 1024), изъ его подноснаго Миссала, рукописи, подаренной имъ собору въ Бамбергѣ (нынѣ въ Мюнхен. библ.) императоръ представленъ по византійски, внутри аркады, на тронѣ въ орнатѣ: стемма на его головѣ изъ золотого обруча, „внутри покрыта краснымъ шелкомъ или бархатомъ“. Креста нѣтъ, и стемма эта —

неудобна и слишкомъ сложна, особенно при частомъ сниманіи или надѣваніи, какое приходилось дѣлать на выходахъ въ церкви, и тулья или аиръ была соединена съ обручомъ въ одно цѣлое, притомъ въ полуперсидской формѣ тіары, и имѣла крестикъ на срединѣ наверху. Имѣя стемму на головѣ, царь, по словамъ Кодина,[1] никакого иного облаченія не носитъ, какъ саккосъ и „діадему", т. е. лоръ по древнему.

Измѣненія въ формѣ стеммы.

Тотъ же Кодинъ сообщаетъ, что царь можетъ даже и на выходѣ надѣть головной уборъ (φόρεμα), какой ему угодно — τὸ δοκοῦν αὐτῷ φόρεμα ἤως ἢ κρινωνίαν ἢ τετράφυλλον (подразумѣвается легкій вѣнецъ съ лиліями или четверолистникомъ по краю золотого обруча) и тогда онъ надѣваетъ обыкновенное платье (ῥοῦχον), только низаное жемчугомъ.[2] Равно царь можетъ надѣть ἐπιλουρίκιον[3] — военный плащъ [и факеолиду (φακεωλίδα)] или кабатъ и φιαλίν на головѣ (о чемъ см. ниже), вообще говоря, разные головные уборы, напримѣръ, такъ наз. τροπαιουχίαν, когда нибудь Юстиніановъ вѣнецъ (Ἰουστινιάνειον) или же ὑπέρτερον, „которыхъ схемы (σχήματα) разбирать здѣсь не мѣсто", говоритъ Кодинъ.[4] Затѣмъ у него начинается общее мѣсто о священномъ значеніи стеммы[5] и о томъ, что при ней обязательно было надѣвать лоръ, который, какъ Кодинъ выражается, „нынѣ зовется діадемою". Такое священное значеніе стеммы и лора въ данное время подтверждается точно и тѣмъ, что византійское искусство избрало въ это время почти исключительно иконописное изображеніе царя: въ лорѣ и стеммѣ.[6] Что же касается хламиды, или какъ ее стали называть, мантіи — μανδύον, μανδύη,[7] то ставъ церковною одеждою епископовъ,[8] пурпурная мантія предоставлялась при дворѣ вдовствующей царицѣ, вмѣстѣ съ чернымъ платьемъ.[9] Было бы излишне перебирать всевозможные головные уборы по текстамъ Кодина, пока нельзя сопоставлять ихъ имена и краткія описанія и указанія съ опредѣленными изображеніями на памятникахъ.

Иные царскіе головные уборы.

И ранѣе временъ Кодина, царь, ѣдучи на конѣ, надѣвалъ уже легкую шелковую тіару или туфу, плотно сидѣвшую на головѣ и имѣвшую, по персидски, высокій плюмажъ, какъ видно по изображенію конной статуи

Тіара.

кесарикій. [О цвѣтахъ стеммы см. I, 37, 187—191, гдѣ указано когда какого цвѣта стемму царь одѣваетъ. Онѣ были 4-хъ главныхъ византійскихъ цвѣтовъ: бѣлыя (λευκά), красныя (ῥούσια), голубыя (βένετα) и зеленыя (πράσινα).]

1) De offic., VI, p. 50.

2) De off., VI, 47.

3) [О немъ см.: De cer. App. ad l. I, 500, 505; статью Д. Θ. Бѣляева, Ж. М. Н. П., 289, и Rec.-Kondakov, 221.]

4) De off., 50—51.

5) [Ibidem, 51: перечисляются царскіе атрибуты, крестъ въ рукахъ царя показываетъ вѣру во Христа, стемма — честь, поясъ (діадима, т. е. лоръ см. выше) — его воинское званіе (στρατιώτην), темный саккосъ — тайну царствія, наконецъ акакія, о которой см. ниже. Въ отношеніи стеммы ср. данныя книги о церемоніяхъ, см. выше, прим. 1 на стр. 220].

6) [Изображенія см.: J. Ebersolt, o. c., fig. 55, 56, 60, также 50, 43 и др.].

7) [См. также Recueil-Kondakov, p. 225.]

8) De off., XX, 105.

9) Id., XVII, 91.

Юстиніана[1]. Равно и у себя во дворцѣ стемма надѣвалась лишь временно на выходахъ, а въ малыхъ собраніяхъ царь носилъ на головѣ разнаго рода шапки, ради тепла, при крайнихъ перемѣнахъ тепла и холода въ залахъ и корридорахъ, на дворахъ и террасахъ того ряда дворцовъ, которые составили къ X вѣку то, что называлось дворцомъ. Стемма, благодаря металлическому обручу, камнямъ, была тяжела и при конной ѣздѣ, могло легко случиться, чтобы она упала. [Случай, происшедшій при Өеофилѣ,[2] когда, какъ сообщаютъ хронисты, упала золотая туфа статуи Юстиніана, указываетъ, что на ук. рис. статуи изображена именно тіара — туфа.]

Головные уборы приближенныхъ чиновъ.

Стемма въ X вѣкѣ была только вѣнцомъ царскимъ и, если былъ еще деспотъ, то вѣнцомъ для обоихъ. Уже кесарь и иные къ нему приравниваемые саны: новеллиссима, позднѣе — севастократора, имѣли только обручъ, или кесарикій χωρὶς σταυρικοῦ τύπου, т. е. безъ креста.[3] Санъ кесаря былъ, однако, еще и высшимъ военнымъ чиномъ для царскаго брата и сына и помимо вѣнца и хламиды долженъ былъ носить военный сагій — короткій плащъ и шлемъ galea caesaricia, — обстоятельство, которое должно имѣть въ виду при разборѣ различныхъ королевскихъ и великокняжескихъ вѣнцовъ Европы. Кодинъ указываетъ у деспота σκιάδιον ὁλομάργαρον — т. е. шапку — скуфью, закрывающую отъ солнечныхъ лучей голову, и всю сплошь унизанную жемчугомъ: шапки, всѣ варварскаго происхожденія, носили русскіе великіе князья и затѣмъ цари у себя дома.[4]

Скіадій.

Но, вѣроятно, этотъ скіадій былъ отличенъ и нѣкоторыми особенностями, ибо Кодинъ сообщаетъ, что деспотъ сохранилъ подвѣски (τὰ σεῖα βασιλικά), какъ и красную царскую обувь.[5] И затѣмъ у того же Кодина есть особая записка о производствѣ (προβλήσεως) въ деспоты, причемъ и деспотъ, павъ ницъ, цѣлуетъ ногу царя, получаетъ особый вѣнецъ (στέφανον), съ камнями и жемчугомъ и съ малыми арочками (по старому кіотцами — καμάρας) сзади, спереди и сбоковъ, т. е. иначе говоря, діадему золотую створчатую на шарнирахъ изъ кіотцевъ съ камнями или эмалями, какова, напримѣръ, эмалевая діадема Константина Мономаха въ Пештскомъ

[1]) Если же мы находимъ въ миніатюрахъ, напротивъ того, царя или короля, ѣдущаго въ вѣнцѣ, какъ, напримѣръ, на миніатюрѣ въ томъ же альбомѣ Гефнера, I, табл. 24, изобр. Конрадина Гогенштауфена (умр. 1268) на соколиной охотѣ, правда, въ перчаткахъ кожаныхъ, для того необходимыхъ, но въ коронѣ то потому, что здѣсь возобладала иконная манера. Проводникъ сзади, главный королевскій ловчій, въ одеждѣ разрѣзной, съ башлыкомъ. [Изображеніе конной статуи Юстиніана по рисунку XIV-го вѣка см. у Д. Ө. Бѣляева, Byzantina III, рис. 24 (З. К. О. Р. А. О. IV, стр. 167). Соотвѣтствующія мѣста Конст. Порфир.: I, 10, 80; 17, 104; 37, 188; app. 505 и т. д. Также Byzantina III, 165, пр. 2; и Reiske, комм. 591.]

[2]) [Объ этомъ событіи Byzantina III, тамъ же, стр. 166.]

[3]) [О немъ: II, 52, 712; I, 43, 219 и слѣд. Также Reiske, 264 и 583.]

[4]) [О скіадіяхъ см. De off. III, IV, 13—28, а также Н. П. Кондаковъ: Изобр. р. кн. семьи., стр. 74 и сл.]

[5]) Ibid., III, 13.

Музеѣ.[1] Видимо, съ XIII вѣка цари Византіи вынуждались придумывать почетные вѣнцы для европейскихъ владыкъ, и самое названіе такого вѣнца (ὃς δὴ στέφανος καλεῖται καὶ στεμματογύριον).[2] Такъ Іоаннъ Кантакузенъ далъ своимъ шурьямъ Мануилу и Іоанну Асѣнямъ стефаны деспотовъ, но съ одною камарою.[3]

Царскія облаченія.

Также далеко отошли отъ римской древности и царскія облаченія въ Византіи, конечно, не потому, что о нихъ много думали и разсуждали, такъ какъ и этою важною статьею управляло тоже время, съ его новыми требованіями, уступками и модами. Царскимъ одѣяніемъ въ V вѣкѣ еще былъ бѣлый дивитисій — хитонъ съ широкими рукавами, сжатыми у кисти, пурпурная хламида или длинная мантія темно-лиловаго цвѣта, съ золотымъ тавліемъ на ея лѣвомъ борту, и кампагіи или башмаки бѣлые съ пурпуромъ.[4] Когда царь принимаетъ воинскихъ чиновъ на выходѣ, они должны быть тоже въ кампагіяхъ (I, 91; II, 52). Бѣлый дивитисій смѣнился рано, какъ и другая нижняя одежда, голубымъ, и византійскія миніатюры IX—X вѣка обычно даютъ этотъ цвѣтъ какъ царскому дивитисію, такъ и туникамъ царскихъ спаѳаріевъ, а равно и придворныхъ вообще. Возможно, что и въ Византіи голубой — небесный (οὐράνιος)[5] цвѣтъ сталъ изъ подражанія, эмблемою царства, какъ онъ былъ въ Египтѣ, повидимому, судя по эмалевымъ украшеніямъ царскихъ принадлежностей, и какъ въ Китаѣ, гдѣ издревле составлялъ достояніе китайскаго императора. Дивитисіи обычно украшались по вороту или оплечьемъ изъ золотой ткани, такими же налокотниками и наплечниками и наконецъ по подолу. Неизѣстно, какой видъ украшенія назывался парагаудами,[6] искаженнымъ латинскимъ терминомъ; дивитисій — также латинское прилагательное — divitensis, неизвѣстнаго значенія, но, повидимому, именуетъ то, что въ III вѣкѣ называлось далматикою, былъ полурим-

---

[1]) О ней см. въ моей Исторіи византійской эмали, собранія А. В. Звенигородскаго, 1889 г.

[2]) De off. XVIII, 100.

[3]) Ibid. XIX, 101.

[4]) [См. также: Recueil-Kondakov, 218—219, 224, 227.]

[5]) [См. О символикѣ цвѣтовъ въ ихъ названіяхъ при кликахъ въ ипподромѣ ук. ст. G. Millet въ Recueil-Kondakov, 281.]

[6]) Въ кн. II, гл. 25 (624—627) о производствѣ кувикуларія передается, что новаго чина стараются просвѣтить заранѣе, по поводу его, такъ сказать, священной обязанности, столь близкой къ царю, тѣмъ, что всѣ вравіи — знаки его чина — вѣшаютъ въ дворцовой ц. Ѳеодора, притомъ τὸ χρυσοῦν παραγαύδιον вѣшаютъ εἰς τὰς κιγκλίδας τοῦ βήματος, и указывая объясняютъ, что значитъ освященіе этого облаченія (или его части?) у св. вратъ, и надѣвая лобызаютъ и т. д. Видимо, это крупная и притомъ отдѣльная часть одежды или оплечье, или родъ передника и т. п. [Обычно считается, что это галунъ или кайма, въ особой формы украшеніяхъ (на подобіе буквы Г — углами) нашивавшаяся на одежду. См. перечисленіе текстовъ и указаній по этому поводу въ статьѣ Н. М. Бѣляева: Украшенія поздне-античной и ранне-византійской одежды, Recueil-Kondakov, 215—222. О дивитисіи: Д. Ѳ. Бѣляевъ: Byzantina, II, 50—57 и Облаченіе императора на Керченскомъ щитѣ, Ж. М. Н. П., 289, 343—356.]

скою, но провинціальною одеждою. Хламида была греческою мантіею, кажется іоническою въ частности[1]; пурпурная хламида — специальное облаченіе архонтовъ, никогда не перекидывалась концомъ черезъ лѣвое плечо, какъ гиматій, а потому была, во-первыхъ, короче и не четыреугольнымъ, но нѣсколько округленнымъ или даже овальнымъ платомъ, такъ какъ должна была застегиваться на правомъ плечѣ фибулою,[2] оставляя правую руку неприкрытою и свободною и имѣя сзади достаточную длину. Хотя сначала хламида была тоже походнымъ плащемъ римскаго императора, но съ появленіемъ моды на короткіе варварскіе саги, хламида стала типичнымъ сенаторскимъ и патриціанскимъ облаченіемъ.

Лоръ. Сакральный, болѣе магическій характеръ царскихъ облаченій и уборовъ особенно сказывается въ лорѣ, который составляетъ особое отличіе немногихъ высшихъ чиновъ изъ патриціевъ, числомъ не болѣе 12 при дворѣ и въ то же время является выходнымъ парадньмъ облаченіемъ въ большіе праздники. Отсюда о лорѣ говорится часто у Константина, но ничего не объясняется ни о его происхожденіи, ни о назначеніи, тогда какъ часто указывается, какъ и когда хламида надѣвается и снимается. Въ лорѣ и хламидѣ царь предстоитъ чинамъ, на выходѣ, на эстрадѣ и пр.., но никогда въ нихъ не обѣдаетъ, не выходитъ и не выѣзжаетъ изъ дворца, и понятно и то и другое — такого рода облаченія, въ которыхъ все это было бы крайне неудобно. Но между лоромъ и хламидою есть большая разница, и эту разницу даетъ почувствовать даже и сухая на объясненія книга Константина. Хламида — мантія воинскаго, лагернаго типа, тогда какъ лоръ есть преображенная[3] сотнями лѣтъ консульская трабея (trabea) или toga praetexta. Консулы VI вѣка представляются обычно на диптихахъ въ такихъ тогахъ: длинный платъ, окутываетъ тѣло, начиная съ праваго плеча, проходитъ на лѣвое плечо, переходитъ по спинѣ и выходитъ справа изъ подъ правой руки, покрываетъ грудь и перебрасывается на лѣвое плечо. Названіе данное этой новой тогѣ, явно не церемоніальное, а, напротивъ того, грубо народное, прозвище — лоръ, значитъ вообще — ремень, узкій или

[1]) [По вопросамъ одежды классической Греціи см.: L. Heuzey: Histoire du costume antique. Paris 1922; спеціально главу о хламидѣ.]

[2]) Фибула была знакомъ кесарскаго сана, какъ видно изъ гл. I, 43 Конст. и потому имѣла, вѣроятно, особую форму. Возможно, что она имѣла кромѣ стержня и иглы, также тройную подвѣску изъ крупныхъ жемчужинъ, какъ видно на фигурѣ Ѳеодосія Великаго и какъ воспроизводилось въ русскихъ древностяхъ XI—XII вѣковъ. См. Рус. Древ. V, 148 и слѣд. [Фибулѣ въ Византіи посвящены: статья А. П. Калитинскаго о византійскихъ фибулахъ въ Россіи (Mélanges Uspenskij) и спеціальная работа (неопубликованная) Н. М. Бѣляева. Фибула въ Византіи. См. также статью А. П. Калитинскаго въ Seminarium Kondakovianum, I, 1927, 208—209.]

[3]) Съ другой стороны на Востокѣ, а именно въ Индіи, въ Раджпутѣ принцы въ XVII — и XVIII вѣкахъ носили длинные парчевые, перебрасываемые черезъ плечо, цвѣтные пояса: бѣлые, красные, золотые, какъ эмблему высшей власти. Здѣсь умѣстно припомнить, что и церковный омофоръ есть тоже сокращенный, благодаря постоянному употребленію, церковный лоръ.

широкій, но обычно изъ кожи, для конской сбруи и поясовъ людскихъ, для портупей (βαλτίδια) и т. д. Но въ то же время этотъ „ремень“, вѣрнѣе, узкій платъ, крайне длинный, охватывающій тѣло, сдѣланъ изъ парчи, или рытаго бархата (броката) или плотной шелковой ткани, которая допускаетъ посаженные въ гнѣздахъ драгоцѣнные камни, обнизки изъ крупнаго жемчуга и подбивается обычно шелкомъ, но иного цвѣта. Естественно, что со временемъ значеніе лора затемнено было ролью хламиды, а употребленіе сильно ограничено, благодаря неудобству неподвижнаго держанія на вѣсу тяжелаго конца лора. Тѣмъ не менѣе, мы не только узнаемъ о выставочныхъ лорахъ у 12 чиновъ[1] и о лоратныхъ или, что то же, опоясанныхъ патриціанкахъ.[2] Съ одной стороны архитриклинъ Филоѳей такъ описываетъ торжество пр. св. Пасхи при Львѣ Мудромъ: высшіе „чины блистаютъ (λαμπροφοροῦσι) лорами по типу погребальныхъ святыхъ Христовыхъ пеленъ“.[3] Съ другой — Кодинъ лукаво мудрствуетъ[4] называя лоръ діадемою, которая будто бы ранѣе была воинскимъ поясомъ (ζώνη στρατιωτική) и нынѣ поясняетъ честь, которую въ древности тираны древнихъ христіанъ — воиновъ по званію и „Христовой рати“ — снимали съ мучениковъ, отбирая поясъ и στρεπτόν (гривну, витую изъ золотыхъ прутьевъ). Въ заключеніе должно сказать, что памятники и здѣсь превосходятъ своею историческою точностью историческіе тексты даже у греческихъ писателей, столь конкретно или реально мыслящихъ и говорящихъ. Правда, и здѣсь есть иконописное повтореніе принятыхъ типовъ, но все же эти типы могутъ быть сведены къ историческому оригиналу, тогда какъ описанія Константина и еще болѣе Кодина и ихъ мудрствованія идутъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Одно вѣрно: надѣтый лоръ не допускаетъ мантіи и невозможенъ внѣ дворца, его роль исключительно дворцоваго парада и царь облачается въ него поверхъ дивитисія, кавація и другихъ нижнихъ одеждъ. Если нужно было явиться внѣ дворца въ полномъ облаченіи, то служила хламида, или надо было заходить въ устроенную для того раздѣвальню — mutatorium (μιτατώριον) — своего рода актерскую уборную, чтобы облачиться, чего, конечно, не дѣлалось безъ крайней нужды. Но представленіе византійскаго царя въ искусствѣ исключительно двоякое: древнѣйшаго типа въ хламидѣ пурпурной, позднѣе въ золотомъ лоронѣ или лорѣ[5]...

Въ IX—X вѣкахъ существовалъ у царей особый видъ верхней одежды или накидки — такъ называемый цицакій (τζιτζάκιον), совершенно неиз- Цицакій.

[1]) I, 1, 24.
[2]) I, 50, 259.
[3]) II, 52, 766. [Болѣе подр. см. II, 40, 637—639.]
[4]) De officis VI, 50.
[5]) [О лорѣ см.: Д. Ѳ. Бѣляевъ, Byzantina II, 211 и слѣд., 284, 291, 300 и сл.; J. Ebersolt, Mélanges, p. 64 sqq. даетъ систематическое указаніе всѣхъ мѣстъ К. П. и литературы, Les arts somptuaires, p. 74—75, 102 (описаніе Robert de Clary лора на Балдуинѣ при коронаціи; ср. золотую буллу Балдуина, Д. Ѳ. Бѣляевъ, Byzantina III, рис. 25), 121 (свидѣтельство Кодина) и т. д.; изображенія лора fig. 13 (трабея), 34, 35, 36, 41, 43, 46, 50, 55, 56, 60, 61; также Byzantina II, табл. II, III, IV, V, VIII, IX.]

вѣстнаго вида и происхожденія (по одной схоліи[1] — именно хазарскаго), будто бы введеннаго въ обычай въ VIII вѣкѣ хазарскою принцессою, матерью Льва Хазара: повидимому, эта варварская одежда появилась въ VIII вѣкѣ, держалась до X-го и скоро затѣмъ вышла изъ употребленія. Изъ текстовъ Константина видно, что это была выходная одежда деспотовъ въ I-й день Пасхи, но она смѣнялась на лоры тотчасъ, какъ начинался пріемъ.[2] Далѣе изъ разсказа о прибытии въ столицу Никифора Фоки 16-го Августа 963 г. узнаемъ, что онъ, въѣзжая верхомъ, имѣлъ на себѣ скарамангій на бобровомъ мѣху и, послѣ остановки на форумѣ, перемѣнилъ скарамангій на дивитисій въ мутаторіи ц. Богородицы и пошелъ пѣшкомъ въ св. Софію, гдѣ уже былъ устроенъ пріемъ дима, и, выходя оттуда, въ мутаторіи облекся въ цицакій и вошелъ въ храмъ черезъ царскія двери, и [по возвращеніи отъ святыхъ дверей (т. е. входныхъ въ алтарь, по нашему „царскихъ вратъ") на амвонъ], патріархъ сотворилъ молитву надъ хламидою и чины кувуклія надѣли ее на царя (здѣсь записка обрывается и мы не знаемъ, была ли возложена корона и пр.).[3] Итакъ, по этому разсказу цицакій не былъ мантіею, ибо входа въ алтарь въ немъ по обычаямъ быть не могло, и потому цицакій могъ быть только верхнею одеждою.[4]

5.

Перемѣна въ одеждѣ.

Фактически вѣрно было бы то общее положеніе, что въ исторіи европейской одежды рѣшительный переломъ произошелъ въ эпоху переселенія народовъ. Уже, начиная съ III вѣка, была быстро проведена повсюду мода на далматику, шерстяную, широкую и съ широкими рукавами одежду, одновременно и мужскую и женскую. Грекоримскія одежды въ ихъ основныхъ типахъ: хитона или туники, гиматія или тоги и хламиды или сагія, къ III в. и въ разныхъ мѣстахъ имперіи уступили уже свое мѣсто подъ наплывомъ многочисленныхъ мѣстныхъ формъ одежды, которыхъ даже названій не найдется у историковъ, какъ извѣстно занятыхъ политическими фактами. Вотъ почему, рядъ именъ, сообщенныхъ у Константина, останется частью задачею со многими неизвѣстными, пока не разработается средневѣковой греческій языкъ и лексикологія передняго Востока. Предлагая со своей стороны, лишь общее обозрѣніе и краткую характеристику одеждъ и тканей, упоминаемыхъ въ книгѣ Константина, мы имѣемъ въ виду основную задачу настоящаго трактата, указать и опредѣлить тотъ переносъ формъ

---

[1]) I, 1,22, 19. Σχολ.

[2]) [I, 1, 22; также: I, 11, 86, 89; I, 12, 90; I, 14, 92; I, 16, 98; I, 25, 141—142; ср. I, 37, 187—188.]

[3]) [I, 96, 440; ср. I, 48, 192, откуда видно, что при коронаціи полагалось одѣвать цицакій и сверхъ него еще накидывать сагій, и I, 41, 213, гдѣ цицакій носитъ „малый царь". Ср. G. Schlumberger. Un empereur byzantin au Xe s. 2e éd., p. 246—247.]

[4]) [О цицакіи см.: Reiske, Comm. ad C. P. 126—127. Д. Θ. Бѣляевъ, Byzantina II, 199 (прим. 1) — 200. Н. П. Кондаковъ. Изображенія княжеской семьи, 89. J. Ebersolt, Mélanges, 56. Les arts somptuaires, 52].

азіатской культуры и древности, который былъ исполненъ варварами и способствовалъ наиболѣе переработкѣ грекоримской культуры въ средневѣковую. Исходя изъ того научнаго положенія, что культура идетъ отъ высшихъ классовъ къ низшимъ, отъ развитыхъ къ первобытнымъ, и равно отъ завоевателей къ покореннымъ, мы должны поставить Византію во главѣ средневѣковой Восточной Европы, а кочевниковъ средневѣковья принять въ качествѣ посредниковъ между Востокомъ и міромъ славяно-германскихъ племенъ. Такимъ образомъ мы могли бы имѣть руководящую нить, хотя бы для будущихъ археологическихъ изслѣдованій, которыя станутъ возможными, въ результатѣ филологической и исторической разработки матеріаловъ.

Заимствованія отъ „варваровъ“.

Чтобы сразу установить высказываемый взглядъ на историческій ходъ развитія одежды, остановимся на одномъ текстѣ Евнапія въ его разсказѣ о впечатлѣніи, произведенномъ готѳами, переправившимися черезъ Дунай, съ согласія Валента, ввиду преслѣдованія ихъ гуннами въ 376 году[1]: историкъ говоритъ, что въ лодкахъ съ готѳами переплывали и ихъ семьи и домашніе οἰκέται δὲ καὶ γυναῖκες καὶ παῖδες ἐκείνων οἱ μὲν βασιλικὰ παράσημα ἔχοντες.[2] Историкъ точно передалъ обычный фактъ украшенія дѣтскихъ одеждъ именно знаками отличія высшихъ классовъ, князей и т. д. въ простонародьи, въ глухихъ мѣстахъ, у варваровъ. Готѳы же были только ученики восточныхъ кочевниковъ, но они везли съ собою драгоцѣнную посуду, восточные ковры и много шелковыхъ одеждъ. Что́ же несли Аланы, Авары, Гунны, Угры, Куманы и т. д....

„Аллаксимы“.

Начнемъ съ краткихъ предварительныхъ замѣчаній. Византійскій дворъ и за нимъ книга Константина именуетъ всѣ придворныя одежды терминомъ: ἀλλάξιμα,[3] что́ соотвѣтствуетъ нашему слову: облаченія по главному признаку: это одежды смѣнныя, надѣваемыя на время парада, а не постоянныя, которыя въ книгѣ „О церемоніяхъ“ подводятся подъ общій типъ „домашнихъ“ или же „внутреннихъ“ — ἐσωφόρια; хотя „облаченія“ у насъ приняты только для церковныхъ и, въ видѣ исключенія, царскихъ „коронаціонныхъ“ одеждъ, но греческій терминъ не можетъ быть передаваемъ и терминомъ мундиръ, ибо многія облаченія имѣли въ Византіи общее употребленіе для гражданскихъ и военныхъ чиновъ, и притомъ не были постоянными, ибо тамъ было принято за обычай, на великій праздникъ или на особое торжество, предлагать наряды чинамъ одною или нѣсколькими ступенями выше, противъ ихъ должности, ради бо́льшей помпы.[4] Затѣмъ въ византійской имперіи уже древнія греческія названія одеждъ или со-

[1]) Ed. Bonn., p. 50.

[2]) Комментаторы, недоумѣвая въ фактѣ, предлагаютъ принимать παράσημα какъ signa regia, даже insignia regia, а другіе только bullas regias, или же только пурпуръ.

[3]) [Списокъ „аллаксимъ“ см. II, 41, 641.]

[4]) [Напр.: въ дни особо пышныхъ пріемовъ пословъ логоѳетъ носитъ лоръ; см. II, 15, 577; магистры, носящіе лоры, въ такихъ случаяхъ даютъ свои стихаріи примикиріямъ, не имѣющимъ собственныхъ; ibidem, p. 574.]

всѣмъ вышли изъ употребленія, какъ хитонъ, или измѣнили свое значеніе,
„Иматіи". какъ напримѣръ, ἱμάτια значатъ всякаго рода одежды и верхніе плащи и нижніе кафтаны, судя по книгѣ Константина, но самъ древній гиматій это длинный и узкій четыреугольный плащъ.[1] Наконецъ, наша книга знаетъ византійскія облаченія и одежды двоякаго мастерства: царскихъ мастерскихъ (τὰ βασιλικά, что́ значитъ также: царскихъ складовъ, царскихъ личныхъ одеждъ и царской семьи) и мастерскихъ форума (ἐξ ἀγορᾶς ἀπὸ τοῦ φόρου), равно, какъ и „прикладъ" къ нимъ (отдѣльно): маніаки или оплечья, галуны и позументы (μαργέλλια — коймы, плотные края изъ парчи, равно бахрома), лоры, наручи, наплечники (μάνικα, κοντομάνικα). Наконецъ, различались также ἱμάτια λιτά, παγανά — одежды гладкія и будничныя, безъ украшеній, не златотканныя и не пурпурныя[2]...

Рубашка. Сорочка. Камисій. Уже во времена Имперіи появилась въ Италіи и Греціи льняная рубашка или туника (галльскаго происхожденія) подъ названіемъ camisia, греч. καμίσιον, откуда французское chemise. Это была короткая туника, которая, въ отличіе отъ хитона, хотя бы и короткаго мужского, прилегала плотно къ тѣлу, была изъ льна и чаще некрашеннаго, мылась и, слѣдовательно, играла какъ будто роль прежняго хитона, вѣрнѣе хитониска. Такъ какъ льняныя ткани вообще шли въ началѣ среднихъ вѣковъ изъ Египта, то понятно, что полотняная рубашка натуральнаго цвѣта стала именно домашнею одеждою — дѣтскою (puellare lineum), солдатскою (campestre subtile) или лагерною, подъ курткою. Какъ издѣлія изъ александрійскаго льна (съ пурпурными полосами) послѣ завоеваній Ислама появились у Славянъ, въ иномъ климатѣ, льняная рубашка получила тамъ соотвѣтственное названіе сарка, срачица, сорочка, что́ происходитъ, по нашему мнѣнію, отъ греч. σάρξ — тѣло, сорочка — тѣльникъ, вмѣсто греч. σαρκίνα, латин. sarcina.[3] Изъ древнегреческаго быта извѣстна рабочая туника ἐξωμίς[4] — накинутая на одно плечо безрукавка и у пастуховъ, состоявшая изъ овечьей шкуры, а также изъ грубой шерсти или кусковъ рядна, что могло называться рубашка, по догадкѣ проф. Нидерле. Но въ V—VI вѣкахъ camisia стала приготовляться изъ пурпурныхъ матерій (blattea interula) и шелковыхъ съ отдѣлкою (ornata) и тогда стала уже своего рода верхнею одеждою, какъ кумачевая рубашка русская, которая преимущественно дѣлалась красною. Книга Константина знаетъ явно выходную одежду (отсюда ср. родъ) καμίσιον, а нижняя полотняная называется въ этой книгѣ ὑποκαμίσιον...[5]

[1]) [См. L. Heuzey. Hist. du cost. ant., p. 85.]

[2]) [См. списки одеждъ: App. ad l. I, 469—473; II, 44, 661—662; 45, 677—678.]

[3]) L. Niederle. Život starých Slovanů. I, 2, str. 446.

[4]) [О ней см. L. Heuzey. Histoire du cost. ant., p. 52.]

[5]) Гоаръ въ примѣчаніи къ Кодину (гл. XII, p. 70), p. 318, къ слову ὑποκάμισα — одѣяніе нищихъ, позванныхъ на Пасху на умовеніе ногъ императоромъ, въ числѣ 12, указывая на толкованіе этого слова старымъ: ὑποκάμισα ἤγ᾽ οὖν χιτῶνας, κουρτζουβράκια (исподнія) καὶ

Персидская одежда кабатъ — καβάδιον или καββάδιον отъ перс. каба, какъ ἄβδιον отъ аба, βορκάδιον отъ borca и пр., затѣмъ кабатъ, кавадій (cara, carra, capote, kabát — чешск.) является въ Византіи верхнею одеждою язычниковъ[1] и, повидимому, не могъ сдѣлаться, при условіяхъ ея жизни, одеждою общею и обычною. Дѣло въ томъ, что кабатъ шился изъ плотной ткани, будь то шерсть или шелкъ, и прилегалъ плотно къ тѣлу. Напротивъ того, кабатъ былъ на всемъ Востокѣ издревле[2] обычною и зачастую единственною верхнею и выходною одеждою, какъ и доселѣ въ Индіи и Персіи съ нѣкоторыми варіантами въ длинѣ. Кабатъ можетъ быть ниже колѣнъ и подбитъ снизу легкимъ мѣхомъ и, въ такомъ случаѣ, имѣетъ пристежной мѣховой воротникъ. Ибн-Хаукаль сообщаетъ, что у Русовъ кабатъ короткій, тогда какъ у Хазаръ и Болгаръ кабатъ длинный, т. е. ниже колѣнъ.[3] Кардизи (въ перев. Бартольда)[4] знаетъ у русскихъ Славянъ одежду изъ полотна, стало быть, рубашку, и при ней верхнюю одежду и сапоги. Ибн-Фадланъ (въ перев. Гаркави) видѣлъ на вельможѣ изъ Русовъ (могли быть и славяне, и варяги, и, даже, болгары) кабатъ изъ дибаджа съ золотыми пуговицами, на головѣ калансуву изъ той же шелковой ткани, подбитой собольимъ мѣхомъ, шаровары и сапоги.[5] Для нашей задачи маловажна въ данномъ случаѣ ошибка въ племени, такъ какъ дѣло идетъ, очевидно, о такомъ общемъ употребленіи кабата въ IX—XII столѣтіяхъ, при которомъ уже несущественно точное опредѣленіе національности лица, одѣтаго въ извѣстное время какъ всѣ. Если ибн-Фадланъ сообщаетъ, что Руссы не носятъ ни куртокъ, ни кафтановъ (перев. Гаркави),[6] то вѣдь и о Славянахъ имѣемъ подробное извѣстіе Прокопія (B. g., III, 14),[7] что „у нихъ нѣтъ ни хитона, ни плаща,

Кабатъ. Кавадій.

παπούτζια, извлекаетъ для натѣльныхъ сорочекъ изъ Свиды толкованіе: ἐσώτατα ἱμάτια, у Симона Порція ὑποχιτῶνας, ἐχέσαρκα, ἐνδοτάτους χιτωνίσκους, uno verbo словомъ — interulas. Итакъ, въ той торговлѣ александрійскими тѣльниками изо льна и нашлось только одно греческое слово: ἐχέσαρκα или σάρκα = σαρκίνα = сраца, сороча. [Указанія на упоминанія камисія у К. П. см. J. Ebersolt, Mélanges, 72. Объ одеждахъ византійскихъ солдатъ, называвшихся σάρακας см. Recueil-Kondakov, p. 215.]

¹) Въ книгѣ Константина (II, 52, p. 749) по случаю перечня всего персонала, приглашаемаго на пиръ въ 4-й день Рождества Христова, говорится, что должны быть позваны и всѣ служащіе (βασιλικοὺς ἀνθρώπους ἐθνικοὺς πάντας) язычники, и что ихъ должно допускать въ ихъ собственномъ языческомъ нарядѣ (μετὰ τὸ ἐθνικὸν ἴδιον σχῆμα), именно въ такъ называемомъ у нихъ кавадіи (οἱονεὶ τὸ παρ' αὐτῶν ἐπιλεγόμενον καβάδιον). Между этими язычниками называются Фарганы, Хазары, Агаряне, Франги и пр.

²) Классическая археологія знаетъ уже среди статуй Эгинскаго фронтона фигуру въ узкой рукавной одеждѣ, прилегающей къ тѣлу — σωμάτιον, но относитъ ее также къ изображеніямъ варваровъ.

³) А. Я. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. СПБ. 1870, стр. 221.

⁴) В. В. Бартольдъ. Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, т. I. Тексты. СПБ. 1898 г.

⁵) Гаркави, стр. 98.

⁶) Тамъ же, стр. 93.

⁷) L. Niederle. Život star. Slov., I, 1, 26.

а только одни штаны", но это извѣстіе относится къ Славянамъ, какъ выступавшимъ въ бою, а такому „разоблаченію" есть примѣры и позднѣе древнихъ Славянъ. Отсюда кабатъ = жупанъ = кафтанъ былъ у восточныхъ кочевниковъ обычною одеждою, и мы, дѣйствительно, находимъ кабатъ у кочевыхъ Болгаръ — на болгаринѣ палачѣ въ миніатюрѣ Ватиканскаго Менологія XI вѣка[1] въ точномъ воспроизведеніи: тѣсный, узкорукавный, въ длину до колѣнъ, разрѣзанный на бокахъ, и также на груди, гдѣ застегивается металлическими аграфами, и съ пристежнымъ мѣховымъ воротникомъ, или мѣховой, какъ русскій, полушубокъ и болгарскій кожухъ. Въ той же рукописи видимъ щегольской кабатъ другого палача изъ дорогой, узорчатой ткани. Въ тѣхъ же формахъ былъ усвоенъ кабатъ всѣми славянами отъ кочевниковъ, какъ русскими, восточными и южными, такъ и западными, славянами (поляками и чехами). Сыновья вел. князя Святослава всѣ пятеро на миніатюрѣ Изборника Святослава[2] представлены въ кабатахъ, но мѣховой воротникъ представленъ здѣсь золотнымъ точно той же формы, какъ и мѣховая калансува смѣнилась здѣсь синею шелковою. Проф. Нидерле указываетъ, что кабатъ сталъ съ X—XI вѣка всеславянскою верхнею одеждою и по поводу его персидскаго происхожденія приводитъ свидѣтельство самого Константина, что на рождественское пиршество „длинноволосыхъ" (κλητώριον πολύτριχον), т. е. варваровъ союзниковъ (φίλους) слѣдуетъ звать и сажать вмѣстѣ съ димархами обѣихъ партій и „царскихъ слугъ" язычниковъ (βασιλικοὺς ἀνθρώπους ἐθνικοὺς πάντας, οἷον Φαργάνους, Χαζάρους, Ἀγαρηνοὺς, Φράγγους) и состоящихъ вообще на иждивеніи царскомъ (τῶν ῥογῶν), — εἰσάγειν δὲ αὐτοὺς ἅπαντας καὶ ἐξάγειν μετὰ τὸ ἐθνικὸν ἴδιον σχῆμα, οἱονεὶ τὸ παρ᾿ αὐτῶν ἐπιλεγόμενον καβάδιον.[3]

Видимо, кабатъ гораздо скорѣе былъ усвоенъ сѣверомъ, русскими отъ гунновъ, чехами отъ аваръ, ибо пришелся по климату, тогда какъ у византійскихъ чиновъ замѣнялся онъ камисіемъ и стихаремъ, у царя и высшихъ чиновъ — дивитисіемъ, прежде всего потому, что та и другая одежда были длиннѣе и избавляли отъ штановъ, хотя эти послѣдніе были уже въ употребленіи при короткихъ одеждахъ, преимущественно воинскихъ. Но, позднѣе, судя по книгѣ Кодина, кавадій сталъ излюбленною одеждою византійскаго двора, обычно наряду со скараникомъ, а, начиная съ великаго дуки, кавадій шелковый или парчевой является облаченіемъ: великаго логофета, приммикирія, контоставла, логофета казны, протовестіарія и ряда придворныхъ чиновъ, друнгарія стражи.[4] Въ санѣ деспота кавадій былъ пурпурный или красный, осыпанный жемчугомъ, по выбору.[5] У великаго доместика кавадій двуцвѣтный, а коймы пронизаны золотомъ, у дуки

---

1) В. Стасовъ. Слав. и восточный орнаментъ, I, L. Niederle, Život, str. 433, 455; př. IV.

2) Н. Кондаковъ. Изображенія русской княжеской семьи, 1906. Гр. А. А. Бобринскаго Кіевскія миніатюры XI в. Зап. Р. Арх. Общ. XII, 1—2.

3) II, 52, 749. L. Niederle, o. c., 455—456.

4) De off., IV, 18—21.

5) De off., III, 14.

парчевой или по выбору и т. д.[1] Царь, надѣвая кавадій, не носитъ стеммы, а особаго рода вѣнецъ, который у Кодина называется φυαλίν (см. ниже) равно, какъ если онъ надѣваетъ ἐπιλουρίκιον — т. е. накидку поверхъ панцыря, то носитъ факеолиду, родъ тюрбана, въ видѣ натянутой на проволочный каркасъ легкой матерчатой шапки.[2] Codинъ называетъ кавадій „ассирійскою“ одеждою, т. е. персидскою.[3]

Кабатъ сталъ затѣмъ при русскомъ дворѣ XVII в. мѣховою царскою одеждою, очевидно, по образцу не западному, но ближне-восточному, вѣроятно, ордынскому. Именно отсюда можно объяснить текстъ, приводимый Леграномъ, о кабатахъ, надѣтыхъ, чтобы прилично явиться къ царскому двору,[4] въ XVII вѣкѣ, когда еще не забыли почетнаго значенія шубы. Очевидно, и въ Кафтанъ.
отношеніи къ кабату, его тѣсный покрой, въ отличіе отъ всякихъ видовъ халата, сохранялся до конца, и полы кабата, какъ и кафтана, обычно застегивались, а не запахивались. Былъ правда и легкій кабатъ (caba tachtani[5]) — именно нашъ кафтанъ изъ легкой шелковой ткани (но также сукна, бархату и т. п.) камки, тафты, объяри и пр., совершенно того же кроя, что̀ и кабатъ, и также съ пристежнымъ воротникомъ, иногда стоячимъ — какъ мужская, такъ и женская одежда, и притомъ верхняя, съ мѣховымъ подбоемъ — ѣздовой кафтанъ, или холодный, безъ подкладки, кроя восточнаго, съ разрѣзомъ на лѣвомъ боку (турской кафтанъ).[6] Кабатъ въ древней Руси остался старою царскою мѣховою одеждою, съ древними нарамниками или наплечными украшеніями, „съ дорогами“ по распашкѣ и подолу, и у царицъ съ мѣховымъ воротникомъ. Наконецъ любопытное описаніе одеждъ приводитъ проф. Нидерле изъ риѳмованой хроники XIV вѣка, что князь Хорутанъ одѣвался „по деревенски“: ногавицы суконныя и черевики красные съ ремнями, сѣрый суконный кабатъ безъ воротника, сѣрый плащъ изъ одного куска, и сѣрый клобукъ (по нашему — колпакъ). Но и такія облаченія имѣютъ примѣры и даже идутъ они отъ Аттилы длиннымъ рядомъ черезъ Омара и коренятся также въ кочевническомъ бытѣ.

Рис. 61. Изображеніе Хозроя I (въ „кабатѣ“?) на рѣзномъ камнѣ сассанидскаго блюда въ Луврѣ.

Признакомъ культуры русскаго вельможи въ разсказѣ ибн-Фадлана было

[1]) De off. IV, 17—18. [2]) De off. VI, 50 51.

[3]) Ibidem, 54.

[4]) Текстъ приведенъ при ст. П. А. Фурики о „кавадіи“ въ Лексикографикѣ, т. VI, 1923, стр. 464.

[5]) См.: Рейске, комментарій къ Константину Порфирородному, стр. 880.

[6]) П. Савваитовъ Описаніе, подъ сл. кафтанъ.

то, что его кабатъ былъ легкій домашній кафтанъ изъ дибеджа, т. е. восточной шелковой парчи, тканной золотомъ. Совершенно понятно, если одежды изъ такой ткани въ просторѣчіи получили характерную передѣлку въ divitensis, откуда на письмѣ образовалось точно διβητήσιον, какъ прилагательное къ кабату или кафтану...

Стихарій — дивитисій.

Одинъ разъ въ книгѣ Константина одежда названа: στιχάριν διβητήσιν αὐρόκλαβον, и этотъ текстъ относится къ воцаренію Анастасія (записано или даже изъ древней записки переписано, вѣроятно, магистромъ Петромъ въ VI-омъ вѣкѣ).[1] Анастасій патрицій и сенаторъ былъ приведенъ въ Триклинъ ипподрома изъ дому, и такъ какъ на немъ не было мантіи, а дивитисій былъ домашняя одежда изъ тонкой и легкой шелковой ткани, и не было головнаго убора, то сказано, что „онъ взошелъ на каѳизму нагимъ“ (γυμνός). Кстати говоря, греческій языкъ V—VI вѣковъ оставляетъ многаго желать, (димы тогда, напримѣръ, кричали: τὸ ἐξέρκιτόν συ ἔγειρον[2]), а потому позднѣе поправляли, подводя къ среднему роду: στιχάριον διβητήσιον.[3] Книга о „церемоніяхъ“ часто говоритъ о томъ, что царь утромъ къ пріему выходитъ въ дивитисіи, а затѣмъ набрасываетъ мантію. Дивитисій, который виденъ на царѣ и въ миніатюрахъ IX—X столѣтій, имѣлъ длину до пятъ, украшенъ оплечьемъ (маніакіемъ) изъ золотной ткани и также окаймленъ по подолу, сдѣланъ же изъ голубого (китайскаго или ему подобнаго) шелка. Дивитисій по широкимъ рукавамъ, охваченнымъ по запястьямъ — наручами (ἐπιμάνικα) изъ золотной ткани, походилъ на далматику, но былъ узокъ, плотно прилегалъ къ тѣлу и потому походилъ на стихарь. Этотъ послѣдній, какъ свѣтская и церковная одежда, надѣвавшаяся черезъ голову, украшался также по вороту и подолу, могъ быть поэтому выходною, и даже его покрой, безъ пояса, одежды, падавшей прямою линіею, избирался для дивитисія, и такой нарядъ назывался двойнымъ именемъ: στιχάριον διβητήσιον. Поверхъ дивитисія надѣвался лоръ...[4]

Скарамангій.

Царь и высшіе чины Имперіи въ IX—X столѣтіи, особенно воинскіе, но также и гражданскіе предпочтительно передъ всѣми иными одеждами излюбили скарамангій, одежду восточнаго, и, можетъ быть, также варварскаго происхожденія.[5] При этомъ скарамангій, однако, еще не назначался никому, какъ почетная одежда по чину (βραβεῖον), и стратиги являлись во дворецъ на Пасху только въ домашнихъ или „въ своихъ собственныхъ“ [6]

---

¹) I, 92, 423. ²) Ibid., 425.

³) Стихарь сталъ, какъ извѣстно, церковнымъ облаченіемъ, какъ одежда, не подпоясываемая, опускающаяся по одной линіи (στίχος — рядъ, ширинга и ширинка), безъ таліи. Стало быть, таковъ же и дивитисій.

⁴) [О стихарѣ см.: Д. Ѳ. Бѣляевъ, Byzantina II, 53 слѣд. (прим.). J. Ebersolt, Mélanges, 72. О дивитисіи — указанія выше, стр. 223, пр. 6. и Ebersolt, o. c., 59—61.]

⁵) [Очеркъ о скарамангіи напечатанъ на французскомъ языкѣ (въ переводѣ Prof. H. Grégoire) въ журналѣ Byzantion, t. I, 1924, p. p. 7—49. N. P. Kondakov. Les costumes orientaux à la Cour Byzantine.]

⁶) Const. Porph. De cer. II, 52, p. 767: μετὰ τῶν οἰκείων αὐτῶν σκαραμαγγίων καὶ μόνον.

скарамангіяхъ. Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ ниже, придворныя мастерскія работали эту форму одеждъ для раздариванія варварамъ въ ту эпоху или въ то самое время, когда самъ и царь, по книгѣ Константина, выходилъ къ собравшемуся двору „въ скарамангіи.“

Между тѣмъ ни Дюканжъ, ни Рейске не могли дать сколько нибудь опредѣленныхъ указаній по поводу этой одежды. Первый не зналъ книги Константина и потому ограничился единственно немногими свѣдѣніями историковъ, упоминающихъ эту одежду и замѣтками разныхъ современныхъ антикваровъ. Догадывались, что слово σκαραμάγγιον должно быть персидское слово, что одежда эта воинская по преимуществу, носимая въ непогоду, въ защиту равно отъ дождя, снѣга и мороза, и, стало быть, относилась къ разряду военныхъ плащей, мантій или теплыхъ накидокъ. Византійцы издавна утверждали, что Византія приняла воинскій нарядъ отъ воинственныхъ Персовъ временъ сассанидскихъ царей, но и тѣ цари будто бы сами возобновили у себя обиходъ времени самого Кира. Единственное сообщеніе, историческаго характера, указывало, что скарамангій былъ уже извѣстенъ во время постоянныхъ походовъ Гераклія,[1] и потому можно было думать, что одежда была усвоена отъ персовъ и въ продолжительную эпоху войнъ съ Персіею. Болѣе обстоятельное сообщеніе было дано Корезіемъ, ученымъ грекомъ съ Хіоса, и Гоаръ его приводитъ, самъ ничѣмъ не подтверждая. Согласно Корезію, скараникъ (онъ же скарамангій) былъ[2] одеждою „сборною,“ такъ сказать, не одного покроя и не одного цвѣта, снаружи красная, внутри бѣлая и пр. Сообщеніе неясно, но что важно, и сообщенія самой книги Константина о томъ же будутъ отличаться также неясностью.[3]

Дѣйствительно, въ книгѣ Константина скарамангій тоже представляется не просто верхнею одеждою и вообще не цѣльною одеждою, но состав-

---

¹) [Theophanis. Chronographia a. m. 6118 in Migne P. G., 108, col. 661. Cp. J. Ebersolt, Les arts somptuaires, p. 76, n. 3.]

²) «Genus vestimenti est non uno panno continui, ut nec uno colore conspicui, cuius exterior species rubra, taeniatim et per lora divisa, candidam interiorem subductam sese venuste proferre et velut latitantem educere permittit»; Gretseri et Goari Comm. in Cod. p. 234.

³) Филологическія сближенія слова скарамангій съ другими подобнозвучащими, но нисколько не отвѣчающими его смыслу, представляютъ совершено безплодную работу даже у самого Рейске, при всемъ его искусствѣ и талантѣ, и равно въ греческихъ статьяхъ, какова напримѣръ, ст. П. А. Фурики: Περὶ τοῦ ἐτύμου τῶν λεξέων σκαραμάγγιον, καβάδιον, σκαράνικον, издано въ Историческомъ Лексиконѣ греческаго языка, т. VI, 1923, стр. 444—474. Рейске въ своемъ комментаріи, на стр. 459 заключаетъ, что скарамангій былъ родъ пенулы, а на стр. 544, разбирая неожиданное для него сообщеніе книги Константина о скарамангіяхъ разрѣзныхъ — δίσχιστα, рѣшительно отказывается отъ прежняго мнѣнія. Короче и яснѣе всѣхъ опредѣлилъ Софоклесъ въ лексиконѣ, что скарамангій — родъ „кафтана,“ персидскаго или турецкаго. Ошибочно понялъ историкъ de Boor въ комм. хрон. Θеофана, гдѣ говорится о томъ, какъ унесли скарамангій вмѣстѣ съ головою, что дѣло идетъ о „шапкѣ“ убитаго. Вѣрно угадалъ Сакелліонъ, что скарамангій имѣлъ при себѣ особый башлыкъ или „капутцу.“ Но всѣ спеціалисты будутъ

ною, и именно потому различнаго покроя и разныхъ цвѣтовъ снаружи. Такъ упоминаются скарамангіи протоспаѳаріевъ πρασινορόδινα частью зеленые, частью красные, и мы въ миніатюрахъ, дѣйствительно, знаемъ[1] у ви-

Рис. 62. Чаша съ тріумфальнымъ изображеніемъ императора изъ Керчи.

зантійцевъ одежды именно этихъ двухъ цвѣтовъ: родъ хитона съ золотнымъ оплечьемъ и затѣмъ краснаго до колѣнъ, гдѣ по одеждѣ проходитъ золотная кайма; затѣмъ ниже продолжается до пятъ таже одежда уже

благодарны г. Фурик'и за его подробный и спеціальный указатель всѣхъ мѣстъ въ сборникѣ Константина, гдѣ скарамангій встрѣчается: книга Константина индекса не имѣетъ доселѣ. [Кромѣ указаннаго см.: Д. Ѳ. Бѣляевъ. Byzantina, II стр. 7 (пр. 4) — 8 и въ указателѣ подъ словомъ скарамангій; III, s. v. и Облаченіе императора на Керченскомъ щитѣ (Ж. М. Н. П., 289), стр. 328 (пр. 1) и слѣд. J. Ebersolt. Mélanges, 57—59, гдѣ разбираются данныя К. П. съ систематическимъ указателемъ упоминаній скарамангія. Le arts somptuaires, 62, 76 etc.]

¹) Racinet, Costume hist. III, Byzantin pl. GN.

зеленаго цвѣта, или обратно, или иное соединеніе зеленаго съ фіолетовымъ, и затѣмъ вновь золотная кайма уже по подолу. Получается впечатлѣніе, какъ будто надѣто два хитона, внутренній и наружный, что́, повидимому, и имѣлось даже въ виду, причемъ, конечно, въ такихъ одеждахъ коймы уже не будутъ изъ золотной парчи, но изъ болѣе легкихъ галуновъ, допускающихъ сгибъ складокъ у колѣнъ.

Далѣе, скарамангій представляется наиболѣе популярнымъ, излюбленнымъ въ Византіи, и при дворѣ особенно, костюмомъ: въ немъ почти постоянно на выходѣ появляется царь, и если мѣняетъ скарамангій на лоръ или на панцырь и плащъ, или на дивитисій и цицакій, то потомъ на пиру появляется вновь въ скарамангіи.[1] При этомъ царь надѣваетъ то бѣлый скарамангій (напр. на Пасху) съ золотыми клавами (δίασπρον χρυσόκλαβον),[2] то пурпурный (ὀξέον)[3] или пурпурный золотный (πορφυρᾶ χρυσᾶ),[4] то золотной парчи (χρυσᾶ σκ.),[5] и тогда имѣетъ на головѣ стемму, которая обычно носится только при лорѣ и хламидѣ, то пурпурный скарамангій съ золотымъ шитьемъ (χρυσοκέντητα πορφυρᾶ),[6] или „тройной парчи“ (μετὰ τριβλαττίων),[7] когда царь ѣдетъ къ Золотымъ воротамъ. Когда Никифоръ Фока прибылъ въ Константинополь съ цѣлью захвата царской власти и былъ торжественно принятъ у Золотыхъ Воротъ, то онъ въѣхалъ въ скарамангіи, подбитомъ бобровымъ мѣхомъ (καστώριον).[8] Во всякомъ случаѣ, когда царь ѣдетъ куда-либо, въ процессіи, верхомъ одинъ (καβαλλικέυει, ἱππεύει, ἔφιππος μόνος) или въ сопровожденіи конвоя и высшихъ воинскихъ чиновъ тоже верхомъ, онъ облаченъ бываетъ въ скарамангій. Итакъ, этотъ костюмъ является, черезъ царя, главнымъ видомъ кавалерійскаго наряда (если не мундира) въ Византіи.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло, съ ѣздовымъ кафтаномъ, котораго формы усвоены кавалеріи, принявшей за образецъ персидскую, но изъ перечня сановъ и чиновъ, службъ и должностей, которымъ этотъ кафтанъ служилъ уже въ

---

1) [О скарамангіи см.: на царѣ (царь просто носитъ, или одѣваетъ ск., иногда съ мечемъ, выходитъ въ немъ, ѣдетъ въ немъ верхомъ, садится къ трапезѣ и т. п.) — I, 1, 7, 31; 10, 86; 17, 99; 18, 109; 25, 142; 28, 159; 30, 167; 32, 176; 35, 184; 37, 187, 188, 189, 190, 191; 38, 192; 96, 438; App. ad. l. I, 499, 500, 505; II, 1, 519, 521; 6, 532; 9, 542; 13, 557; 14, 564; 19, 608; 38, 635; 52, 780, 782; на чинахъ — I, 19, 114; 22, 125, 128; 25, 142; 27, 148; 28, 159; 29, 161; 31, 170; 32, 176; 35, 184; 48, 251; 55, 271; 59, 275; 60, 276; 97, 441, 442; II, 1, 518, 521, 522; 2, 525; 3, 526; 8, 539; 9, 542; 11, 549; 13, 557; 15, 575, 576, 577, 579, 585; 16, 599; 52, 741, 745, 746, 750, 753, 759, 760, 762, 763, 764, 765, 767, 770, 772, 780, 783; въ спискахъ одеждъ: App. ad l. 469; II, 44, 661, 662; выдачи ск.: II, 45, 668, 669; ск. повѣшенные для украшенія дворца — II, 15, 571, 580; тоже на улицахъ города — App. ad l. I, 499.]

2) I, 17, 99; I, 25, 142; I, 35, 184; [просто χρυσόκλαβον I, 18, 109; I, 30, 167; λευκὰ χρυσᾶ σκ. — I, 37, 188.]

3) I, 37, 187, 189, 191; II, 6, 532.

4) I, 37, 188, 190, 191.

5) I, 37, 189; II, 52, 782.

6) I, 1, 31; ср. [χρυσοΰφαντον σκ. — I, 10, 86.]

7) I, 37, 188; [ср. τριβλάτιον σκ. — App. ad. l. I, 499; σκ. ἀμφιεσμένα ἀπὸ διβλαττίων ibid., 469.]

8) I, 96, 438.

IX—X в. прямо придворною одеждою, быть можетъ, нѣсколько видоизмѣнившеюся въ „собственныхъ" или домашнихъ скарамангіяхъ, мы извлекаемъ то заключеніе, что одежда эта получила не узкій районъ мундировъ кавалерійскихъ и обще-военныхъ, но значеніе обычнаго моднаго костюма времени. Именно, изъ книги Константина узнаемъ, что скарамангій былъ нарядомъ магистра арміи, и другихъ магистровъ Византіи, стратиговъ, анѳипатовъ, (б. проконсуловъ), членовъ синклита, патриціевъ и чиновъ царскихъ покоевъ (кувикуларіевъ) — въ канунъ большихъ праздниковъ весеннихъ (Вербная недѣля), какъ видно изъ текста стр. 170, что тѣ же чины являются и на ежедневные выходы въ однихъ скарамангіяхъ,[1] тогда какъ въ Воскресные дни они облачаются въ красные сагіи; къ нимъ присоединяются и военные чины доместиковъ — начальниковъ дворцовой гвардіи,[2] при чемъ, однако, патриціи[3] имѣютъ поверхъ скарамангія сагіи, равно, какъ иногда и военные чины.[4] По своей службѣ комиты схолъ, спаѳарокандидаты, носящіе уже скарамангій, становясь протоспаѳаріями, получаютъ на него оплечье — маніакій, какъ отличіе[5]; въ той же одеждѣ являются спаѳаріи и кандидаты. Начальники дружинъ — гетеріархи,[6] начальникъ стражи — друнгарій виглы,[7] начальники строевыхъ войскъ (ἄρχοντες τῶν ταγμάτων),[8] манглавиты,[9] и вообще всѣ такъ называемые „василики", т. е. чины дворцовыхъ отрядовъ, собираются къ царскому выходу въ храмъ Апостоловъ обычно въ скарамангіяхъ, тѣмъ болѣе, что часть ихъ должна сопровождать царя верхомъ. Скарамангій носятъ димархи, видимо, всѣхъ партій, ихъ замѣстители и самые димоты, какъ видно изъ текста стр. 271, разсказывающаго о томъ, какъ „производится" димархъ: по окончаніи чина, онъ выѣзжаетъ изъ дворца въ конюшни своей части, сопровождаемый членами партіи, облачеными въ скарамангіи и красные сагіи.[10] Конечно, въ ту же одежду облачаются воинскіе чины, по выбору и съ честью исполняющіе должности хоругвеносцевъ, знаменосцевъ, скипетроносцевъ, но равнымъ образомъ придворные — папіи и иные оффикіалы, состоящіе при убогихъ домахъ, сиротскихъ пріютахъ и пр. и пр., такъ называемые, ксенодохи и гирокомы,[11] которымъ также надѣляются скарамангіи и красные плащи. Въ „собственныхъ скарамангіяхъ" появляются на пирахъ такъ называемые царскіе друзья — οἱ φίλοι,[12] между ними особенно часто упоминаются друзья „союзной" Болгаріи.

---

[1]) II, 1, 521—522.
[2]) I, 22, 125; I, 29, 161.
[3]) I, 29, 161.
[4]) II, 52, 745.
[5]) I, 59, 275.
[6]) II, 1, 518.
[7]) II, 52, 746.
[8]) II, 52, 753, 763.
[9]) II, 13, 557.
[10]) I, 55, 271.
[11]) II, 52, 753, 763.
[12]) См. I, 25, 184. Въ текстѣ II, 52, 745 къ лицамъ и чинамъ по перечню ихъ причислены 12 бѣдныхъ, приглашенныхъ къ столу, и ошибочно обобщено, что они вводятся въ „скарамангіяхъ", т. е. безъ плащей, за исключеніемъ, конечно, бѣдныхъ, появляющихся въ казенныхъ камисіяхъ.

Поучительное разнообразіе представляется и въ цвѣтахъ и видахъ матерій, употреблявшихся для шитья этой одежды: бѣлыя (λευκά, διάσπρα, λευκὰ χρυσᾶ), цвѣтныя (χροακά, πολύχροα) напр. у спаѳаріевъ,[1] „разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ“ διαφόρων χροιῶν καὶ ἐξεμπλίων,[2] пурпурныя — у царя (см. выше) на праздникъ, при чемъ днемъ царь бываетъ въ бѣломъ. Королю Италіи царь Романъ Лекапенъ посылаетъ партію скарамангіевъ для его двора: лимоннаго цвѣта (δικίτρινον), розоваго (διρόδινον), голубого (διβένετον), бѣлаго (δίασπρον); для выдачи при проѣздѣ черезъ Лангобардію тоже заготовляются скарамангіи разныхъ цвѣтовъ.[3] Указана, далѣе, въ перечнѣ расходовъ по экспедиціи критской раздача скарамангіевъ, которыхъ иногда, вмѣсто жалованья, даютъ сотнями (112 скарамангіевъ).[4] Среди одеждъ „шитыхъ по сарацынской модѣ“ (κατὰ Σαρακηνοῦς) и назначенныхъ для домашняго обихода (ἐσωφόρια) скарамангіевъ не указывается.[5] Наиболѣе характерно, однако, указаніе (приведенное выше), данное на стр. 469, гдѣ перечисляется подборъ одеждъ, приготовляемыхъ заранѣе на случай похода, въ царскихъ мастерскихъ, а, можетъ быть, также и въ городскихъ по заказу: на первомъ мѣстѣ приводится именно скарамангіи разныхъ цвѣтовъ, разрѣзные, снабженные оплечьями (μανιακάτα), окаймленные шелкомъ или парчею (ἀμφιεσμένα ἀπὸ διβλαττίων).[6] Тотъ же наборъ приготовляется для собственнаго царскаго употребленія идикомъ или казначеемъ имущества и царской казны, для раздачи дружинамъ охраны и схоламъ дворцовымъ на походѣ, а равно и „посылокъ язычникамъ въ подарокъ“ (ταῦτα πάντα διὰ τὸ ἀποστέλλεσθαι εἰς ἐθνικοὺς λόγῳ ξενίων).[7]

Рис. 63. Медальонъ Юстиніана, оборотная сторона (по копіи Британскаго Музея).

Помимо общей характеристики, имѣемъ возможность, на основѣ во-

[1]) II, 15, 576.
[2]) App. ad l. I, 469; II, 44, 662.
[3]) II, 44, 661, 662.
[4]) II, 45, 668, 669.
[5]) II, 45, 677—678.
[6]) App. ad l. I, 469.
[7]) App. ad l. I, 473.

сточныхъ памятниковъ, указать и пояснить подробности этихъ текстовъ и детали самаго скарамангія. Текстъ сперва говоритъ о матеріяхъ или кускахъ матерій, выбираемыхъ для изготовленія этой одежды: матеріи берутся „разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ“: бѣлыя, лимонныя, голубыя, но, такъ какъ ранѣе было уже указано, что эта одежда бывала и „многоцвѣтная“ — πολύχροα σκαραμάγγια, — то, значитъ, скарамангій былъ одеждою, составленною изъ разныхъ кусковъ, о чемъ увидимъ и показанія книги Константина, приведенныя по поводу наряда предсѣдателя синклита. Далѣе, готовые (сшитые — ἐῤῥαμμένα) и разрѣзные (δίσχιστα) скарамангіи имѣли оплечья или маніакіи (μανιακάτα), будучи сами разныхъ цвѣтовъ (διαφόρων χροιῶν καὶ ἐξεμπλίων), окаймленные пурпуромъ (ἀπὸ διβλαττίων).

Скараникъ. Позднѣе этотъ ѣздовой кафтанъ сталъ излюбленною одеждою византійскихъ чиновъ и уже подъ именемъ скараника (τὸ σκαράνικον) изъ золотной парчи (χρυσοχοϊκόν). Первый санъ деспота (сыновья, братья, зятья царскіе) носятъ скараникъ и обязательно надѣваютъ, когда приходится сопровождать царя верхомъ на выходѣ въ церкви въ праздники, парадный скараникъ, украшенный драгоцѣнными каменьями и обнизанный жемчугомъ (ἔχον μαργαριτάρια οὕτω λεγόμενα περίχυτα).[1] У великаго доместика и чиновъ ниже до стратопедарха скараникъ изъ красной парчи, тканой золотомъ (χρυσοκόκκινον) и проплетенный золотыми нитями (συρματεῖνον), но у доместика „онъ имѣетъ спереди портретное изображеніе, исполненное насѣчкою, царя, стоящаго въ коронѣ, и справа отъ себя одного ангела и слѣва другого, обнизанное жемчугомъ, равно какъ (обнизанъ) и самый образъ царя“. „Имѣетъ же скараникъ на лицо обвитую кругомъ (по шеѣ) нить жемчуга.“[2] У великаго дуки на красномъ золотномъ скараникѣ имѣются два портрета царя, одно стоящаго, исполненнаго насѣчкою же (ἰνοκοπητόν), на переду, и другое сидящаго, назади. Очевидно два портрета потому, что первый портретъ надобился, когда дука предстоялъ царю самъ, а другой, когда онъ сидѣлъ самъ какъ начальство[3]; тѣ же скараники у протостратора, великаго логоѳета и стратопедарха. У великаго приммикирія скараникъ цвѣта абрикосоваго (βερικοκκόχροον): какъ „фай (τὸ φαιόν), т. е. палевый цвѣтъ средина межъ бѣлаго и чернаго, такъ и этотъ цвѣтъ средній между краснаго и бѣлаго“, на томъ скараникѣ по переду портретъ царскій, стоя, прозрачный на стеклѣ (ὑπὸ ὑελίου λεγομένου διαγελάστου), сзади же царя на тронѣ“.[4] И затѣмъ тѣ же облаченія указываются у великаго контоставла, прото-

---

¹) Codini, De off., III, 14.

²) Cod. De off. IV p. 17: τὸ σκαράνικον... ἔχσν ἔμπροσθεν εἰκονικῶς τὸν βασιλέα ἰνοκοπητὸν ἱστάμενον ἐκ δεξιῶν μέντοι ἄγγελον ἕνα и пр.; ἔχει δὲ καὶ τὸ σκαράνικον γύρωθεν ἐπὶ τοῦ μετώπου σειρὰν μαργαριταρεΐνην.

³) Ibidem, 18. Такъ у дожа венеціанскаго, который вѣдь тоже великій дука исполнены на груди и на спинѣ гербъ св. Марка, см. Racinet, Costume historique, III, Italie pl. EF.

⁴) Ibidem, 19.

севаста, виночерпія, куропалата паракимомена (спальника), того, что при печати, и того, что собственно „при спальнѣ царской“ почиваетъ (παρ. τοῦ κοιτῶνος). У логоѳета казны (τοῦ γενικοῦ) скараникъ бѣлый съ золотомъ (χρυσόλευκον), съ изображеніями царя въ двухъ портретахъ „эмалевыхъ“ (διαγέλαστον); то же у протовестіарія и доместика, „стольника“ и великаго папія и епарха. У великаго друнгарія стражи (τῆς βίγλης) и чиновъ ниже до спальника (τοῦ προκαθημένου τοῦ κοιτῶνουσ) скараникъ шелковый, лимоннаго цвѣта (χρυσοκίτρινον), съ золотомъ, золотыми клавами (χρυσονλαβαρικόν) прошитый золотомъ (συρματεῖνον) съ изображеніями царя спереди на высокомъ тронѣ и сзади на конѣ. Чины ниже спальника носятъ скараникъ красный (κόκκινον). Протоасикритъ носитъ епилорикъ, какъ и всѣ послѣдующіе, за исключеніемъ приммикирія дворцоваго, протоспаѳарія, протокинига (т. е. „перваго ловчаго“) и „протоіеракарія“ — перваго сокольничаго. Наконецъ, скараникъ является облаченіемъ великаго переводчика (толмача = διερμηνευτοῦ) и имѣетъ наверху красную кисть (τοῦφαν μικρὰν κοκκίνην).[1]

Изъ этого перечня явствуетъ, до очевидности, что Дюканжъ былъ совершенно правъ въ своемъ общемъ опредѣленіи скараника или скарамангія тожъ, что это воинская одежда, необходимая въ непогоду. Но когда тотъ же Дюканжъ тутъ же присоединяетъ къ общей характеристикѣ соображенія оріенталистовъ или антикваровъ, которые подбираютъ произвольно разнородные плащи и мантіи, или же (какъ Лексиконъ Кирилла) приводятъ античные типы накидокъ (περιβλήματα) и грубыхъ покрововъ какъ трибоны и т. п. все это только запутываетъ попытку угадать форму или покрой спеціальной одежды. Напротивъ того, правъ въ своихъ соображеніяхъ о видѣ и покроѣ этой одежды и лексикографъ Хіоса Корезій, какъ увидимъ ниже.

Ѣздовой кафтанъ по археологическимъ даннымъ.

Поэтому, покидая филологическіе тексты и основанныя на нихъ догадки, перейдемъ на почву археологическихъ памятниковъ и попробуемъ, руководясь простымъ понятіемъ ѣздового кафтана, отыскать скарамангій въ отраженіяхъ реальной исторической жизни средневѣковья или временъ къ нему близкихъ. Понятное исключеніе въ данной темѣ обширнаго матеріала, представляемаго греко-римскимъ міромъ до Р. Хр. и особенно археологіею азіатскаго Востока, легко объясняется многосложностью древняго быта. Единственное исключеніе желательно сдѣлать для ѳракійскаго конника на рисункѣ аттической вазы V вѣка до Р. Хр., которое можетъ быть непосредственно примкнуто къ сассанидскимъ изображеніямъ, несмотря на такое раздѣленіе во времени. Этотъ конникъ одѣтъ въ мягкую, видимо, шерстяную, плотно прилегающую къ тѣлу рубаху, длиною до бедръ, съ пришитою къ ней сборчатою короткою юбкою до средины бедеръ (похожею на современную греческую фустанеллу). Поверхъ накинутъ

[1]) Ibidem, 20–27.

сзади на плечи длинный войлочный, коломъ стоящій (какъ кавказская бурка), плащъ, а на головѣ войлочный колпакъ; тотъ и другой орнаментированы черными полосами „городковъ“ и листьями.[1]

Древности кочевниковъ.

Но нашимъ исходнымъ пунктомъ въ исторіи ѣздового кафтана пусть будетъ крохотная статуэтка кочевника на конѣ (рис. 64), оказавшаяся, по счастливой случайности, въ замѣчательной коллекціи сибирскихъ древностей Алтая. Всадникъ изображенъ въ этой статуэткѣ, отлитой изъ массивнаго золота и доконченной рѣзцомъ, стрѣляющимъ изъ лука на всемъ скаку въ какого то звѣря на охотѣ, быть можетъ, въ оленя.[2] На одной изъ сассанидскихъ коронъ, поверхъ округлой шапки въ ихъ составѣ, на гребнѣ видны украшающія фигурки[3]: возможно, что такое же украшеніе гребня было на колпакѣ или клобукѣ сибирскаго охотника и вмѣстѣ съ тѣмъ знатнаго кочевника. Статуэтку явно работалъ мѣстный мастеръ, передавшій всѣ характерныя черты не только съ искусствомъ, но съ любовью и пониманіемъ. Лошадь кочевника породы казачьихъ степныхъ коней, малорослая, неуклюжая, съ крупною и тяжелою головою, уже подавшаяся на бѣгу, но привычная и юркая, съ густою гривою и лохматой челкою, падающей на глаза, со сбитыми ногами. Столь же своеобразенъ всадникъ, необыкновенно худощавый и тонкій, если не стройный кабардинецъ, чеченецъ или лезгинъ Кавказа, которые могутъ считаться его родичами или прямыми потомками; только лицо излишне мясистое, отличаетъ его отъ сухого горца. Туловище всадника заключено въ узкій и короткій, видимо, мѣховой кафтанъ, и на спинѣ виднѣется пришитый къ вороту и заброшенный назадъ башлыкъ; рукава кафтана короткіе, выше локтя, и подъ ѣздовымъ кафтаномъ другой легкій натѣльный, котораго рукава кончаются у запястья бисерною нитью. Отъ пояса внизъ до средины бедеръ идутъ полы ѣздового кафтана, не дающія складокъ и сдѣланныя, видимо изъ кожи. Изъ такой же мягкой кожи сдѣланы, наконецъ, набедренники съ особою частью для колѣнъ и поножи до мягкихъ чувякъ на ногахъ. Мягкій колпакъ такъ приплюснутъ и спущенъ на бокъ концомъ, какъ бы это уже былъ позднѣйшій беретъ, происшедшій изъ кочевого колпака. Словомъ, мы видимъ въ этой статуэткѣ какъ бы оригиналъ тѣхъ разнообразныхъ черкесокъ, которыя доселѣ носятся кавказскими горцами, а равно и грузинами почти всего Кавказа.

Рис. 64. Золотая фигурка всадника.

---

[1]) O. Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei, I, 1913, Abb. 6.

[2]) Рус. Др. III, рис. 49. Миннсъ о. с. рис. 203—4; всадникъ того же типа на золотой бляхѣ Геремесовскихъ кургановъ, Рус. Др. II, рис, 90. Рисунокъ статуетки оленя также изъ массивнаго золота, см. Рус. Др. III, рис. 46.

[3]) Fr. Sarre, Die Kunst der alten Persien. 1923, Fig. 66.

Подобный же, но еще болѣе сложный нарядъ кочевника и также охотника описываетъ акад. В. В. Радловъ въ своемъ разсказѣ о путешествіяхъ по Западной Сибири,въ предѣлахъ Алтая у племени Хакасовъ: то былъ кафтанъ шелковый, на собольемъ мѣху до тальи, имѣвшій особо нагрудникъ, далѣе полы какъ бы современнаго фрака; кожаный ремень, набранный золотыми бляшками, шелъ вокругъ шеи, по спинѣ и груди, какъ своего рода портупея. И то и другое явно было предметомъ бытового, характернаго покроя, формою одежды, приспособленною къ сѣдлу и движеніямъ охотника и стрѣлка на сѣдлѣ.[1]

Сассанидскія блюда.

Мы можемъ, далѣе, наблюдать рядъ ѣздовыхъ кафтановъ въ области Средней Азіи, Персіи и Кавказа. Остановимся сначала на выѣздныхъ одеждахъ сассанидскихъ царей по извѣстнымъ сассанидскимъ блюдамъ: тѣсныя связи и взаимный обмѣнъ кочевниковъ и Персіи не оставляетъ археологу и тѣни сомнѣнія. Мы видимъ на блюдахъ всего чаще царя среди охоты, верхомъ на крупномъ аргамакѣ, въ длинномъ (до колѣнъ) плотно прилегающемъ къ тѣлу кафтанѣ, котораго нижняя часть, видимо, разрѣзная, развивается зигзагами по сѣдлу. Кафтанъ имѣетъ отдѣльное оплечье (прототипъ маніака) и затянутъ поясомъ, къ которому сзади прицѣпленъ короткій плащъ. На головѣ царя легкій вѣнецъ, въ видѣ шапочки, снабженной двумя рядами загнутыхъ перьевъ, обнизанныхъ жемчугомъ; на ногахъ легкія чевяки.[2] Тотъ же кафтанъ, но уже въ церемоніальномъ, точнѣе, парадновыѣздномъ типѣ, вмѣсто оплечья имѣетъ на шеѣ пристегнутую къ нему нить крупнаго жемчуга; далѣе кафтанъ доходитъ только до колѣнъ, ниже его идутъ шаровары особаго персидскаго покроя, парчевые съ длинною бахромою, вѣроятно, пурпурнаго (темно-каштановаго) цвѣта. По кафтану также къ таліи идетъ бахрома, и кафтанъ имѣетъ боковые разрѣзы. Съ плечъ къ груди идутъ ремни, образуя поперекъ перевязь, кромѣ которой имѣется поясъ съ ремнемъ, свѣшивающимся накось, для подвѣшеннаго короткаго меча (акинака) или кинжала. Впослѣдствіи обѣ части слились и образовали портупею.[3] Третій видъ ѣздового персидскаго кафтана (рис. 65), особенно короткаго, можетъ быть (до времени) условно названъ азямомъ[4] — узкорукавной русской одеждой, до колѣнъ, или даже выше ихъ, со сборами

[1]) [См. Recueil-Kondakov, p. 203—204, гдѣ приведено соотвѣтствующее мѣсто по: В. В. Радлову. Сибирскія древности, изъ путевыхъ записокъ, пер. съ нѣм. гр. А. Бобринскаго въ З. Р. А. О., н. с., т. VII, 2, стр. 209—211. Одежды, описанныя Радловымъ, были дважды изданы; см. А. А. Захаровъ. Матеріалы по археологіи Сибири. Труды Государствен. Историч. Музея (разр. археол.) вып. I, стр. 80—88, табл. III; и по англійски: A. A. Zacharov. Antiquities of Katanda. The Journal of the Royal Antropol. Instit. LV, Jan.—June 1925.]

[2]) Рус. Др. III, рис. 83. Sarre, l. c. табл. 113. Пусть это блюдо, по мнѣнію автора, относится къ разряду позднѣйшихъ индійскихъ копій персидскаго оригинала (стр. 53), однако, оно лучше другихъ передаетъ покрой кафтана и къ тому же въ этомъ сходно съ признаннымъ оригиналомъ на табл. 107.

[3]) Ib. рис. 90. Sarre, Taf. 108.

[4]) Савваитовъ, Описаніе, подъ сл. азямъ.

назади, съ пуговицами и петлями напереди, по разрѣзу. Названіе аджям значитъ: иноземщина, Персы, и азямскій — значитъ: персидскій. Въ запискѣ московскаго гостя Котова „О ходу въ персицкое царство“ читается: „платье Персы и Кизилбаши (красная башка или шапка) носятъ каѳтаны озямные киндячные и дорогильные и кутняные (бумажные, шелковые, изъ шелку и бумаги).“ Въ такомъ кафтанѣ вся матерія является вполнѣ подвижною и сбирается сама въ мелкія складки, а если подбита, то въ крупные слои, чѣмъ выигрывается возможность и полное удобство рѣзкихъ и быстрыхъ движеній всадника-стрѣлка. Къ этимъ, а вѣроятно, и ко многимъ другимъ образцамъ выѣздного кафтана должны были обращаться, вслѣдъ за кочевымъ офицерствомъ, и народившаяся византійская кавалерія. Насколько, однако, такой типъ „азяма“ можно указывать на сассанидскихъ блюдахъ, въ изображеніи царей Персіи на охотѣ,[1] мы не рѣшаемся опредѣлять. Для нашей задачи достаточно простого утвержденія двухъ покроевъ персидскаго ѣздового кафтана — длиннаго, въ типѣ горской, долгополой черкески и короткаго кафтана до колѣнъ, а равно и того, что полы короткаго кафтана образовывали своего рода юбку въ сборкахъ или широкихъ складкахъ.

Рис. 65. Серебряное „сассанидское“ блюдо.

Восточныя ткани.

*[2] Китайская ткань (рис. 66), предназначенная, какъ говоритъ одинъ текстъ, быть флагомъ или штандартомъ, подаренная буддійскому монастырю Нара микадо Кока и происходящая изъ наслѣдства по предыдущемъ микадо Шому (724—748), нынѣ же находящаяся въ музеѣ Токіо, даетъ блестящее доказательство тому факту, что скарамангій, или одинъ изъ его варіантовъ, былъ одеждою знатныхъ кочевниковъ. На этой ткани (рис. 66) изображена охота двухъ паръ хановъ, или князей варварской орды: они охотятся на львовъ. Ханы, или вѣрнѣе ханъ (такъ какъ повтореніе имѣетъ только маги-

[1]) Хотя бы, напримѣръ, Рус. Др. III, рис. 84; Sarre, табл. 104, 108, 112.
[2]) [*—* Переведено съ французскаго изъ статьи въ Bysantion, I, 23—28.]

ческое значеніе) охотятся на львовъ съ лукомъ въ рукѣ, одинъ на одинъ. Левъ, вставшій на заднія лапы, прыгаетъ на коня, тогда какъ ханъ спускаетъ стрѣлу. Такимъ образомъ эта композиція сохраняетъ ритмъ серебряныхъ блюдъ персидскаго происхожденія, прославлявшихъ дѣйствительные подвиги сассанидскихъ царей.

Различныя детали указываютъ, насколько заказчикъ этой ткани хотѣлъ соблюсти персидскій образецъ и воспроизвести сассанидскаго владыку. Лошадь хана не кочевничій конь, а персидскій скакунъ, кромѣ того конь изображенъ крылатымъ и на бедрахъ у него тавра, означающія съ одной стороны „счастье", съ другой „горы". Ханъ носитъ короткій и узкій кафтанъ, почти безъ рукавовъ; однако на плечахъ рукава этого кафтана образуютъ св. р. сборчатый рюшъ, который, неизвѣстно какъ, проникъ затѣмъ на Западъ, гдѣ и служилъ къ украшенію подобныхъ кафтановъ. Далѣе кафтанъ хана удерживается и перекрещивается спеціальными полосами (ремнями, коймами), которыя дѣлятъ его на „оплечье", „нагрудникъ" (св. р. жилетъ) и ниже сборчатую юбку. На головѣ у хана — уборъ, подражающій персидской коронѣ съ двумя крыльями солнечнаго божества. Въ очельи символы солнца и луны. Наконецъ, къ ногамъ нижней пары лошадей вмѣсто обычныхъ лентъ прикрѣплены ос. р. подвѣсныя кисти.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ, любопытная александрійская ткань (рис. 67) даетъ намъ весьма характерное изображеніе охоты персидскаго владыки или легендарнаго героя въ своемъ „парадизѣ". Схема этого изображенія — традиціональна: посрединѣ дерево въ типѣ лозы, замѣняющей здѣсь символическое „древо жизни"; вокругъ прыгаютъ звѣри, пытающіеся сорвать грозди; паркъ наполненъ, бѣгущими во всѣхъ направленіяхъ и преслѣдуемыми собаками, оленями, птицами, львами, охотящимися за антилопами, служащими въ качествѣ приманки. Но князь, очевидно охотится въ этомъ паркѣ только на львовъ да на тигровъ. Его лошадь убрана по персидскому образцу, ея грива образуетъ рядъ заплетенныхъ прядей точно такъ же, какъ на предыдущей ткани. Эта деталь любопытна, если сопоставить китайскую ткань съ греко-египетской, такъ какъ это свидѣтельство художественнаго обмѣна мастерскихъ VI и VII-го вѣковъ. Но тогда какъ китайская ткань изображаетъ „древо" въ видѣ стилизованнаго тутоваго дерева, здѣсь грекъ помѣстилъ большую лозу, скопированную съ лозы, выращенной по всѣмъ правиламъ искусства. Китайская ткань точнѣйшимъ образомъ передаетъ монгольскій типъ съ широкимъ лицомъ, выступающею челюстью и рѣдкой черной бородой, растущей изъ-подъ подбородка. Наоборотъ, греко-египетская ткань даетъ узкій, длинный и сухой овалъ сирійскаго типа, обычнаго для всего ближняго Востока. Далѣе нашъ художникъ старался передать мелочно-персидскій или что то же кочевническій, лукъ, украсилъ персидскими лентами остроконечную шапку легендарнаго владѣтеля или молодого хана, орнаментировалъ зигзагомъ край кафтана, разрѣзного на груди, и пустилъ развѣваться сзади плащъ.

Восточныя одежды.

Въ близкомъ соотвѣтствіи съ этими изображеніями находится короткая куртка или кафтанъ изъ овчины мѣхомъ внутрь, которую мы и воспроизводимъ (рис. 69) по недавно опубликованной коллекціи рисунковъ восточныхъ одеждъ.[1] Мы находимъ здѣсь ѣздовой кафтанъ или узкую куртку съ очень короткими рукавами, разрѣзную посрединѣ и съ двумя вырѣзами по бокамъ. Что въ данномъ случаѣ характерно — это тождественность орнаментаціи, имѣющей, очевидно, персидскій характеръ; укажемъ и тождественность восточной шапочки (тюбетейки) изъ толстой золотной ткани съ богатой орнаментаціей.

Рис. 66. Китайская ткань монастыря Нара. (Японія).

Значеніе подобныхъ сближеній учеличится, если констатировать почти тѣ же формы въ короткомъ кожухѣ (по румынски cojoc) у чеховъ и м. б. и у другихъ славянъ, наприм. словаковъ и т. д., подъ названіемъ kožich, о чемъ мы будемъ говорить въ иномъ мѣстѣ.

Так. обр. оригинальность разсмотрѣнной одежды заключается въ ея двойномъ характерѣ: узкая куртка, съ одной стороны, а съ другой — родъ юбки — широкой, но короткой, доходящей только до колѣнъ, разрѣзной на бедрахъ или собирающейся въ сборки; обѣ части соединены и, на мѣстѣ самаго соединенія, покрыты достаточно широкимъ поясомъ; къ тому же часть груди, оставшаяся открытой, защищена сначала св. р. оплечьемъ, а затѣмъ „нагрудникомъ". Такая одежда наиболѣе удобна для сѣвернаго охотника и въ то же время для кочевника, трудовая жизнь котораго заключается въ объѣздѣ стадъ, разбросанныхъ по низинѣ, или въ горахъ. Благо-

[1]) Max Tilke. Orientalische Kostüme in Schnitt und Farbe. 1923, Taf. 84.

даря своему покрою, такая одежда могла подбиваться мѣхомъ различныхъ родовъ.[1]

Мы представляемъ далѣе бронзовую статуэтку (рис. 68), найденную на Юго-Востокѣ Россіи.[2] Это молодой кочевникъ съ необычайно широкимъ лицомъ; онъ только что пустилъ сокола и, открывъ ротъ, слѣдитъ за его полетомъ за дичью. Правая рука покрыта кожаной рукавицей, чтобы можно было держать на ней хищную птицу. Кожаная куртка, охватывающая его грудь, продолжается св. р. сборчатой юбкой. Оба уха варвара проколоты для ношенія серегъ — серебряныхъ или золотыхъ. На макушкѣ подымался чубъ волосъ, падающій за лѣвое ухо; сзади, между ушами, обозначены двѣ пряди или косицы волосъ, спускающіяся, согласно модѣ, принятой Сарматами и позже Аварами. Эта бронзовая статуэтка входитъ, что очевидно, въ категорію кавказскихъ бронзъ начала средневѣковья.

Рис. 67. Греко-египетская ткань.

Столь же любопытный рисунокъ находится въ альбомѣ венеціанскаго художника Чезаре Вечелліо[3] среди изображеній турецкихъ костюмовъ. Рисунокъ изображаетъ по записи, сдѣланной самимъ художникомъ, Пеика, т. е. тѣлохранителя турецкаго сул-

¹) [См. того же покроя одежду на „граффити" изъ Doura-Europos. F. Cumont L'uniforme de la cavalerie et le costume byzantin. Byzantion II, p. p. 181—191.]

²) [Статуэтка была найдена въ Саратовской губерніи; сообщена она Н. П. Кондакову А. П. Калитинскимъ въ 1924 году. Въ настоящее время она принадлежитъ профессору Л. Г. Нидерле.]

³) Habiti antichi et moderni di tutto il mondo, di Cesare Vecellio. In Venetia MDXCVIII: p. 366. Альбомъ Вечеллio былъ переизданъ въ Парижѣ издательствомъ Firmin Didot.

тана. Авторъ самъ это объясняетъ въ слѣдующемъ текстѣ (оригиналъ итальянскій и латинскій переводъ): „Султанъ держитъ 40 тѣлохранителей, которые, обычно, персы по происхожденію, называемые на ихъ языкѣ *Peich* или *Peiudur*. Они получаютъ 8—10 аспровъ ежедневной платы; два раза въ годъ они получаютъ одежду изъ шелка или дамашки, украшенную рисунками, различныхъ цвѣтовъ, легкаго и короткаго покроя. Ихъ одежда спереди полна сборокъ, сзади доходитъ до колѣнъ; штаны — тонкаго шелку. На головѣ они носятъ шапку, покрытую тонкимъ листкомъ золоченаго серебра, называемую *Siuf;* спереди на этой шапкѣ имѣется небольшая пластинка съ драгоцѣнными камнями. Ихъ поясъ — широкая полоса крученаго шелку — называется *Chochiach* онъ такой длинный, что они опоясываются имъ три раза. Они носятъ заткнутымъ за поясъ красивый кинжалъ, который называютъ *Beciach,* украшенный слоновой и рыбьей костью.“ Надпись этого рисунка даетъ болѣе точную форму имени: очевидно художникъ позаимствовалъ свой рисунокъ со старой персидской или индо-персидской миніатюры. По этой надписи молодой тѣлохранитель вовсе не Персъ, а Печенѣгъ: дѣйствительно мы читаемъ Печег *(Peceg)*. Именно такъ называетъ Печенѣговъ персидскій поэтъ Фирдоуси.

Рис. 68. Бронзовая статуэтка, найденная въ Саратовской губ.

Эти короткіе кафтаны или куртки, уже одежда не только для верховой ѣзды, но и для парада и торжества, часто встрѣчаются въ восточныхъ странахъ, гдѣ они были распространены Исламомъ, вплоть до Средней Азіи и Юж. Европы, какъ это видно по рисункамъ того же альбома Тильке.[1] Среди нихъ наиболѣе любопытны женскія одежды, воспроизводящія древній мужской образецъ, наиболѣе приближающійся къ основному типу кочевничьяго кафтана орнаментаціей коймъ и боковыхъ вырѣзовъ.

Какъ примѣръ, мы воспроизводимъ короткую куртку татарской женщины изъ Шемахи изъ оранжеваго бархата, подбитую желтымъ шелкомъ и окаймленную позументомъ съ какъ бы металлическимъ кружевомъ (рис. 70).[2]

[1]) M. Tilke: Or. Kost., Taf. 38 (изъ Багдада), 45 (Карсъ), 47 (Далмація).

[2]) Tilke, Taf. 61; ср. 59, мужской кафтанъ молодого туркмена. Музей въ Тифлисѣ; 65, бархатный кафтанъ аварской женщины въ томъ же музеѣ.

Рис. 70.

Рис. 69.

Рис. 71.

Рядомъ съ этими формами мы имѣемъ для созданія себѣ представленія объ византійскомъ императорскомъ скарамангіи — типъ длиннаго кафтана,[1] ѣздового въ то же время, съ длинными рукавами, узкой таліей, съ широкими пóлами и высокими разрѣзами, какъ напримѣръ кафтанъ туркменской женщины (рис. 71), носящій названіе бешмета, сшитый изъ шелка и окаймленный серебрянымъ позументомъ разныхъ оттѣнковъ.

На Кавказѣ подобные кафтаны бываютъ самыхъ различныхъ цвѣтовъ: оранжевые, желтые, лиловые, алые, красные, синіе и т. д. Въ отличіе отъ этого кафтана черкеска, которая того же покроя, что и рабочій бешметъ, дѣлается большею частью изъ желтовато-сѣрой шерсти, т. е. того самаго цвѣта, который преобладаетъ въ кабатахъ или кафтанахъ земледѣльческой средней Европы; по предположенію же М. Р. Фасмера русское слово с е р м я г а (мужицкій кафтанъ) ничто иное, какъ слово с к а р а м а н г і й въ народной этимологіи (сѣрый).[2]*

Восточныя миніатюры.

Ближайшую аналогію персидскому ѣздовому кафтану можемъ найти по обычаю у тѣхъ же кочевниковъ, которые, передавъ Персамъ свое изобрѣтеніе, понятно, получили его же обратно, но въ культурной, усовершенствованной формѣ. Индоперсидская миніатюра XVI вѣка представляетъ завоевателя Индіи,[3] хана монгольскаго Бабера (ум. 1530 г.), основателя династіи Великаго Монгола, на его походѣ противъ Мазандерана (др. Парѳія), знаменитаго царства злыхъ волшебниковъ-маговъ. Восточный воитель ѣдетъ впереди своей арміи, предшествуемый бѣгущими герольдами, расчищающими для него путь и его собственнымъ запаснымъ конемъ въ уборѣ и панцырномъ чепракѣ, въ сопровожденіи своей конной гвардіи. Конь хана весь подъ панцырнымъ чепракомъ, съ металлическими золочеными полосами или чешуйчатымъ наборомъ. На ханѣ золоченый шишакъ съ кистью, и спускающимися металлическими наплечками, а также панцырныя наручи, набедерники и наколѣнники, но красный кафтанъ и розовые штаны хана, видимо, матерчатые и даже кафтанъ подпушенъ внутри мѣхомъ. Кафтанъ изъ шелковой плотной парчи, короткій, безъ складокъ, и, вѣроятно, внутри имѣетъ кольчугу и хлопковый слой, а снаружи набранъ золотыми звѣздами и полосами, съ круглымъ „зерцаломъ“ на груди, изъ разряда тѣхъ воинскихъ восточныхъ куяковъ, которые оберегали тѣло, главнымъ образомъ, отъ стрѣлъ. Чтó для насъ имѣетъ особую важность, всѣ сопровождающіе хана его офицеры одѣты въ такіе же кафтаны, короткіе, и съ короткими рукавами, прикрывающими только плечи, только цвѣта ихъ кафтановъ синіе, зеленые, лиловые, желтые, или прямо изъ золотной парчи. Прибавимъ, что за ханомъ везутъ его громадную красную палицу, нарѣзанную на концѣ,

---

¹) Черкеска того же альбома, Taf. 49; чоха, Taf. 50; грузинскій женскій кафтанъ, 54; у калмыковъ, 55; у ногайцевъ, 57.

²) Ibid. Taf. 83 (Азербейджанъ): та же комбинація узкаго плотно прилегающаго кафтана и одежды изъ верблюжьей шерсти.

³) R a c i n e t, Le costume historique, III, Inde, (flèche). [также Byzantion, I, fig. 12].

на подобіе русскаго „шестопера,“ далѣе бунчукъ съ конскимъ хвостомъ наверху (кутазъ) и зонтъ падишаха.

Въ томъ же изданіи азіатскихъ костюмовъ встрѣчаемъ попутно чрезвычайно любопытный кафтанъ на актерѣ сіамской труппы,[1] представляющемъ, явно, азіатскаго владыку, и актрисѣ, играющей лицо его свиты: на головѣ актера, сидящаго на возвышеніи, конусообразный высокій колпакъ изъ золотной же парчи съ кораллами и камнями, съ тройными подвѣсками по щекамъ, а руки его украшены перстнями и чехлами, на всѣхъ пальцахъ, изъ рога, для защиты отрощенныхъ ногтей. Но, затѣмъ, и актеръ и актриса, облачены въ костюмъ тройного состава: тѣсный камзолъ или жилетъ съ оттопыренными „козырями“ оплечій, изъ золотной парчи, выходящіе изъ подъ камзола узкіе шелковые рукава и двѣ четыреугольныхъ полы изъ золотной парчи, но съ синевато-зелеными полосами по ней, и наконецъ короткою полою сзади и длиннымъ полосатымъ передникомъ. Припомнимъ характерное сообщеніе Георгія Корезія, нашедшее себѣ реальный образецъ на традиціональной почвѣ азіатскаго Востока, хотя бы по случаю возвращенія къ памятникамъ византійскаго костюма.

Рис. 72. Ткань изъ Мозака.

Древняя Византія даетъ намъ также великолѣпный и въ тоже время

Византійскія ткани.

наиболѣе древній образецъ, относящійся еще къ VIII вѣку и представляющій царя на его праздничномъ выѣздѣ: кусокъ шелковой ткани изъ Мозака, нынѣ въ Ліонѣ (рис. 72).[2] Внутри овальнаго круга (около 0,60 м.), очерченнаго желтою полосою по черному фону ткани съ растительнымъ условнымъ орнаментомъ (коптскаго типа) представлена царская охота на львовъ, по сассанидскому типу, но съ греческими варіаціями, въ видѣ двухъ всадниковъ

---

[1]) Racinet. Cost. hist., III, Asie, planche CD.
[2]) Otto, v. Falke, Kunstgeschichte der Seidenweberei, II, Abb. 219.

царей Византіи, какъ бы съѣхавшихся по сторонамъ древа (съ лавровыми листьями) и поражающихъ копьями двухъ львовъ на нихъ бросившихся. Изображеніе составлено въ церемоніальныхъ позахъ, царей, повернувшихся въ сторону львовъ и зрителей и машинально опустившихъ копья въ подставленныя глотки звѣрей; ничего живого не осталось отъ сассанидскихъ всадниковъ; самые кони царскіе покойно играютъ передними и скачутъ задними ногами, словомъ фигуры царей взяты съ рисунковъ параднаго выѣзда. Однако, есть и реальныя черты въ этомъ рисункѣ: малая коронка, вѣрнѣе стефанъ, хотя и съ подвѣсками, но въ видѣ легкаго золотого обруча, надѣвавшагося царями при ѣздѣ верхомъ, далѣе надѣтый длинный скарамангій: онъ типиченъ уже своимъ краснымъ цвѣтомъ, цвѣтомъ воинскимъ въ древности, когда требовалось конницѣ видѣть постоянно своего вождя въ битвѣ, въ переднихъ рядахъ, указывающаго куда надо ударить налетомъ. На красномъ кафтанѣ видимъ оплечье изъ золотной ткани и съ тремя опущенными клавами, съ гнѣздами для камней разноцвѣтныхъ, золотный поясъ, золотные наколѣнники въ видѣ круглыхъ щитковъ, и разрѣзы полъ на бокахъ, ради свободнаго движенія ногъ до колѣнъ, отороченные золотною парчею, негнущеюся и не завертывающеюся, въ силу своей плотности, съ кружкомъ наверху, охраняющимъ ткань отъ дальнѣйшаго разрыва. Не упоминаемъ различныхъ деталей въ рисункѣ конской упряжи, персидскихъ лентъ у хвоста и пр., что̀ какъ обычно, передается еще заимствованіемъ.

Рис. 73. Ткань собора въ Бамбергѣ.

Рисунокъ этотъ почти цѣликомъ повторяется въ шелковомъ тавлiи

Бамбергскаго собора,[1] относящимся уже къ XI вѣку, съ тою лишь разницею, какую внесла въ рисунокъ ткань позднѣйшаго производства и нѣкоторыя украшенія одежды, а равно прикрасы конской сбруи, носящія, какъ и другія детали, прямо иконный характеръ (рис. 73). Мы не знаемъ величины этого куска ткани, но судя по тому, что онъ весь покрытъ мельчайшими рядами розъ въ кружочкахъ, считаемъ возможнымъ предположеніе, что имѣемъ передъ собою тавлій съ портретомъ царя на конѣ. Но имѣетъ ли этотъ портретъ реальныя черты, иной вопросъ, и многія черты придется считать условными. Такъ напримѣръ, изъ книги Константина знаемъ, что при выѣздахъ верхомъ цари не носили стеммы — здѣсь царь именно въ стеммѣ; далѣе лабары упоминаются только на парадныхъ пріемахъ во дворцѣ, и странно видѣть царя верхомъ и съ лабаромъ въ лѣвой рукѣ. Наконецъ, персидскія ленты (πέτασοι πράνδιοι) у коня, по двѣ на каждой ногѣ и на хвостѣ такъ велики и отягощены камнями въ гнѣздахъ, что врядъ ли отвѣчаютъ реальности, какъ и подвѣски конской сбруи, а равно и парчевыя клавы, украшающія царское оплечье. Юное и по римски безбородое лицо царя врядъ ли воспроизводитъ портретныя черты и можетъ быть также объяснено иконностью типа, который, однако, вмѣстѣ со всѣмъ декоративнымъ убранствомъ фигуры и фона мелкой орнаментики, мы должны отнести именно къ XI вѣку. Повидимому, образцомъ для этой ткани послужилъ портретъ, исполненный перегородчатою эмалью. Въ заключеніе укажемъ на мелкій рисунокъ самого парчевого скарамангія листьями плюща и на орнаментальную путаницу парчевой каймы на боковомъ разрѣзѣ, съ отдѣльно поставленнымъ и непонятнымъ потому верхнимъ кружкомъ.

Мы не имѣемъ возможности разбирать многочисленныя вравіи, т. е. знаки отличія, въ родѣ скипетровъ, жезловъ, диканикіевъ, лабаровъ, хоругвей у византійскихъ полковъ, чиновъ и сановъ, не рискуя до крайности усложнить избранную тему. Достаточно знать, что весь этотъ арсеналъ былъ въ Византіи традиціоннымъ — иные цари становились особыми любителями этого рода знаковъ, въ своемъ родѣ антикварами — и что большинство этихъ знаковъ и формъ переходило не только на Западъ въ новоявленныя державы, но даже и на Востокъ, и, конечно, главнымъ образомъ, къ тѣмъ же варварскимъ народамъ.

Въ частности скарамангій-скараникъ, явно, становился съ X-го вѣка своего рода модною одеждою не только кавалериста, но и знатнаго лица вообще, такъ или иначе приближеннаго къ византійскому двору или имъ „отличеннаго“. Но, къ непосредственнымъ поискамъ свидѣтельства о томъ въ византійскомъ искусствѣ обращаться было бы задачею почти неисполнимою. Это искусство съ X вѣка было настолько закрѣпощено иконописью, что, съ одной стороны, эти поиски были бы въ громадномъ большинствѣ

[1]) Ibid. Abb. 220.

памятниковъ безплодны, какъ всякія изслѣдованія византійскихъ бытовыхъ реалій, а въ исключительныхъ случаяхъ, которые, однако, встрѣчаются даже и въ иконописной средѣ, недоступны, ибо ихъ надо искать среди миніатюръ рукописей, разсѣянныхъ по библіотекамъ. Въ ожиданіи такихъ поисковъ въ будущемъ, мы можемъ, однако, обратиться къ памятникамъ Запада, которые, какъ можно легко предположить, съ развитіемъ византійскихъ формъ бытовыхъ вообще и одеждъ въ частности, должны передать намъ изображенія такихъ формъ. Если оказались удачными поиски типовъ восточнаго ковра по картинамъ итальянскихъ мастеровъ XV вѣка для пополненія исторіи ковра, тѣмъ естественнѣе ожидать для модныхъ одеждъ, долженствовавшихъ появиться и на Западѣ.

Скарамангій проэдра синклита.

Но въ книгѣ Константина есть мѣсто, заслуживающее въ вопросѣ о скарамангіи особаго вниманія. Дѣло идетъ о замѣткѣ о производствѣ „проэдра всего синклита“. Его вравіемъ или отличіемъ является: розовый хитонъ съ золотыми галунами (διρόδινον χιτῶνα καὶ χρυσόθετον), поясъ пурпурный и украшенный камнями (ξώνην διάλιθον ἁλουργῆ) и хламида бѣлая, окаймленная (χλαμύδα διάλευκον περιορνευμένην ἐκ διαχρυσοθέτων) золотыми галунами и двумя тавліями золотной парчи (καὶ ταβλίον δύο χρυσοπάστων) съ листиками плюща (κισσοφύλλων μικρῶν).[1] А приходитъ будущій проэдръ къ царю въ скарамангіи съ оплечьемъ (μάνικος)[2] и нагрудникомъ (καὶ κατακοιλίου).[3] Новопоставленному проэдру воздаются почести (на этотъ разъ явно заступающія мѣсто правъ и обязанностей, какъ обычно, по данному времени, для декоративной, скорѣе, чѣмъ значительной фигуры), произносятся актологіи, благословляетъ его патріархъ, столъ у него въ домѣ учиняется для магистровъ и патриціевъ. И съ того времени проэдръ въ будни облачается въ часовнѣ св. Стефана во дворцѣ и надѣваетъ (для него особо назначенный) скарамангій пурпурный, парчевой, съ зеленью, набрюшникъ и красный плащъ (ῥοήσιον) съ башлыкомъ золотнымъ, украшеннымъ золотыми галунами и листками плюща.[4] Нѣкоторый анализъ этого мѣста предполагается ниже, а пока для нашей задачи достаточно показаніе, что скарамангій былъ кафтанъ ѣздовой, составной и разноцвѣтный. Наконецъ, изъ книги Константина узнаемъ, что скарамангій, какъ особо украшенная одежда, по парчевой

---

[1]) I, 97, 440.

[2]) Такъ почти понимаетъ и Рейске переводя: indutum scaramangio et torque, но, конечно, членъ синклита, избираемый его проэдромъ, не могъ имѣть torques или гривну — воинскій знакъ.

[3]) I, 97, 441. Κατακοιλίον можетъ быть названа часть одежды, прикрывающая животъ, вѣрнѣе подгрудникъ, но имѣющій особый покрой.

[4]) Текстъ p. 442: σκαραμάγγιον ὀξὺν πρασινοτρίβλαττον καὶ κατακοίλιον καὶ ῥοήσιον ἔχον ἐξαβούλιν χρυσᾶ περιορνευμένη διὰ χρυσῶν θετῶν καὶ κισσοφύλλων μικρῶν. Неизвѣстное словарямъ ἐξαβούλις можетъ быть производнымъ отъ ἀβόλλα, по Appiany Peripl. = ἱμάτιον: ἀβόλλαι καὶ γαυνάκαι; если происходитъ отъ aba, то родъ капуцы. ῥοήσιον можетъ быть сліяніемъ словъ: σάγιον ῥοῆς, тоже средняго рода.

или даже по бархатной ткани, шитая золотомъ и разными шелками, бывалъ съ рисунками плюща, орловъ, быковъ, львовъ и пр. (см. ниже). Скарамангіи вывѣшивались уже готовыми, или въ видѣ кусковъ матеріи (ἀράφια), нарѣзанныхъ для одежды, наряду съ чеканнымъ серебромъ и перегородчатыми эмалями позолоту въ самыхъ видныхъ дворцовыхъ залахъ (ἐκρεμάσθησαν σκαραμάγγια μεγάλα... ἀπὸ τοῦ παλατίου; ἀναδενδράδιον τῆς μανναύρας... ὅλον διὰ σκαραμαγγίων μεγάλων..., καὶ ἐκρεμάσθησαν ἐν αὐτῷ καὶ τὰ χειμευτὰ ἔργα τοῦ φύλακος) [1]; равно триклинъ кандидатовъ украшался скарамангіями и серебромъ и пр., также анандедрадій триклина Магнавры убирался ими, поверхъ шелковыхъ завѣсъ, среди колоннъ этого перистиля и все это, явно, ради разноцвѣтности частей скарамангія и особенно ради рисунковъ на его тканяхъ. Такія одежды брались изъ дворцовыхъ складовъ на показъ, ради рѣдкости.

Когда, по случаю пріема отъ Сарацынъ, учиненъ былъ чрезвычайный парадъ и всѣ чины пріодѣлись въ лучшія или высшія (на извѣстную заранѣе степень) облаченія, собственныя или дворцовыя, то протоспаθаріи надѣли скарамангіи зелено-розовые (πρασινορόδινα), а кандидаты — многоцвѣтные, страторы — съ бѣлыми львами (λευκολέοντας) и иными рисунками,[2] но и вообще въ этотъ день всѣ чины войсковые, до послѣдняго человѣка (ἕως ἐσχάτου ἀνθρώπου), „носящаго скарамангій“, каждый стоялъ въ группѣ, образованной по цвѣту и рисунку, а именно: въ скарамангіяхъ съ зеленорозовыми орлами тамъ и сямъ, съ быками, орлами въ кругахъ, съ морскими (фигурами — τὰς θαλάσσας) и равно съ бѣлыми львами“.[3]

Однако, памятники Византіи, иллюстрирующіе намъ это своеобразное явленіе византійскихъ одеждъ, ограничиваются указанными двумя изображеніями царя на процессіи, причемъ, однако, данная въ нихъ форма скарамангія нисколько не отвѣчаетъ на тексты, нами приведенные выше. Между тѣмъ, очевидно, время должно было повліять особенно на этотъ модный видъ кавалерійскаго мундира, охватившаго столько же званій константинопольскаго двора, сколько титулованныхъ владыкъ и воеводъ новой Европы.

Александрійскія ткани.

И вотъ пока единственные археологическіе памятники, намъ доступные, оказываются среди шелковыхъ тканей, но уже не византійскихъ, а египетскихъ или александрійскихъ, и тоже не ранѣе VII вѣка. По вѣрному опре-

---

[1]) II, 15, 571, 580; ср. App. ad l. I, 499.

[2]) II, 15, 576.

[3]) II, 15, 577—578: ἰστέον, ὅτι αὐτῇ τῇ ἡμέρᾳ τῆς δοχῆς πάντες οἱ προῤῥηθέντες ἀπό τε πρωτοσπαθαρίων καὶ ἕως ἐσχάτου ἀνθρώπου τοῦ φοροῦντος σκαραμάγγιον ἔστησαν ἕκαστος πρὸς τὸ ἴδιον τῆς χροιᾶς καὶ τοῦ ἐξεμπλίου σκαραμάγγιον, ἤγουν οἱ τοὺς πρασινοροδίνους ἀετοὺς φοροῦντες ἔνθεν κἀκεῖθεν, οἱ τοὺς βόφους [въ лат. пер. sic dictos boves; ср. J. Ebersolt, Mélanges, 59: des hiboux] καὶ τοὺς πολυγύρους ἀετούς, ὁμοίως οἱ τὰς θαλασσας καὶ τοὺς λευκολέοντας ὁμοίως.

дѣленію Фальке, александрійская мануфактура устроилась уже въ началѣ V вѣка и стала поставлять какъ на самую Византію, такъ и на Западную Европу въ VIII и IX вѣкахъ, а какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго экскурса, и въ Восточную Европу, къ прежнимъ варварамъ.

Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Фальке, что ткань Латеранскаго клада съ изображеніемъ „Благовѣщенія" является тождественною по своему стилю и фактурѣ тканья, вмѣстѣ съ различными кусками, происходящими изъ различныхъ европейскихъ церковныхъ ризницъ, но также и по орнаменту и сюжетамъ съ александрійскими тканями. Во-первыхъ, всѣ эти ткани[1] еще помнятъ эллинистическій стиль и его цирковые и гладіаторскіе сюжеты и фигуры этихъ сюжетовъ держатся въ предѣлахъ того типа амурчиковъ (amoretti), которыхъ воскреситъ на время Возрожденіе подъ названіемъ putti, и всѣ эти игривыя темы должны радовать и веселить глазъ. Во-вторыхъ, коймы кружковъ, вмѣщающихъ сюжеты, наполнены лиственнымъ египетскимъ орнаментомъ и представляютъ или то же самое орнаментальное строеніе стебля лотоса (быть можетъ, точнѣе, связки, или своего рода пучка изъ листьевъ, бутоновъ и цвѣтовъ лотоса разныхъ видовъ — воспоминаніе сакральнаго букета), что находимъ въ кругахъ ткани Благовѣщенія. Достаточно сравнить орнаментику этого лотоса съ рисунками этого священнаго пучка, исполненнаго на деревянныхъ колонкахъ и инкрустаціями по золоту на древнеегипетской пластинкѣ,[2] чтобы въ томъ убѣдиться. Но къ этому мнѣнію Фальке мы должны добавить, что если и тутъ находимъ египетскую стихію и ея растенія, то вмѣстѣ съ тѣмъ и восточный, или, точнѣе, восточно-варварскій сюжетъ, и въ спеціально варварской трактовкѣ.

Дѣло идетъ о сюжетахъ, видимо, персидскаго подбора, въ которыхъ представлена охота въ заповѣдныхъ парадизахъ на львовъ съ гепардами, охота съ лукомъ, чуждая древнему Египту и Греціи, и появившаяся уже въ цирковыхъ представленіяхъ, какъ подражаніе далекому иноземному образцу, и какъ хитрая джигитовка выписныхъ атлетовъ.[3] Двѣ ткани, изданныя въ альбомѣ Лессинга и воспроизведенныя въ изданіи Фальке, наряду съ подобными фигурами амазонокъ, стрѣляющихъ изъ лука въ львовъ, различаются лишь въ мелочахъ представленія: въ одной ниже львовъ представлены два гепарда, но такъ какъ эта ткань сохранилась хуже другой ткани, находящейся въ Маастрихтѣ, то мы займемся именно этою и при томъ по альбому Лессинга, воспроизводящему ткань въ краскахъ (рис. 74). Представлены въ кругу два джигита стрѣлка, выпускающіе со скачущей еще лошади стрѣлу во львовъ, стоящихъ внизу и съ остервенѣніемъ дробящихъ

---

¹) Falke рис. 70—74, 77, 75. Ср. ткань „Благовѣщенія", рис. 68, подобныя ткани № 62, 75, 87, 89.

²) Racinet, Das polychrome Ornament. I, 1, рис. 8 и 9; II, табл. 1, 16.

³) Falke, рис. 72 изъ Кенсингтонскаго Музея, 73 въ соб. Маастрихта: J. Lessing, Gewebesammlung d. Kunstgewerbe Museum, 9 a. b, 10 a. b. Фигуры амазонокъ — Falke. рис. 70.

зубами на части стрѣлу, вырванную ими изъ раны у себя на боку. Брызги крови изъ раны въ разныхъ направленіяхъ были приняты въ изданіи Лессинга за тамгу на львахъ „царскаго“ парадиза, и сама ткань объявлена „восточною“. Всадники имѣютъ курчавую голову юноши, на подобіе святого Георгія, и можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ передаютъ типъ грузина, черкеса или кавказскаго горца, по ихъ „осиной“ таліи, и по ихъ лукамъ, выточеннымъ изъ кости и скрѣпленнымъ металлическими втулками. Но всего характернѣе ихъ ѣздовой кафтанъ, на этотъ разъ скарамангій, опредѣленный текстомъ книги Константина, какъ обычный нарядъ проэдра сената въ IX вѣкѣ, но сложившійся, видимо, уже въ VII стол. и ставшій моднымъ впослѣдствіи. Узкій кафтанъ, шитый въ талію, съ узкими рукавами, бѣлаго цвѣта изъ шелка, вытканнаго красными листьями плюща, имѣетъ темно-синій (пурпурный) нагрудникъ, переброшенный черезъ одно плечо, чтобы одна рука оставалась свободною для стрѣльбы, и прицѣпленный сзади къ нему короткій плащъ, вытканный также, какъ и нагрудникъ, мелкими листьями плюща. Къ бедрамъ прицѣпленъ сверху особый набедренникъ, оканчивающійся полукругомъ на колѣнахъ. Всѣ эти дополнительныя части скарамангія окаймлены золотомъ. Голени ногъ обернуты, какъ онучами, полосами золотой парчи въ спирали до колѣнъ. Всѣ эти переданныя части ѣздового кафтана перешли затѣмъ въ воинскіе кавалерійскіе наряды средней и сѣверной Европы и даже сохранились частью доселѣ, какъ традиціональныя формы разныхъ мундировъ.

Рис. 74. Ткань въ Маастрихтѣ.

Подобныя же ткани (рис. 75), представляющія на мѣсто восточныхъ джигитовъ, амазонокъ, вспоминаютъ, такъ сказать, грековосточныя преданія и, если не даютъ новаго сочиненія на древнемъ типѣ, то, быть можетъ, указываютъ на появленіе особыхъ наѣздницъ цирка, имитировавшихъ восточно-варварскую джигитовку и персидскіе обычаи. Однако, въ этой редакціи, явно преобладаютъ воспоминанія эллинистическаго стиля и его изящество, сосредоточенное въ античныхъ типахъ.

Изображенія волхвовъ въ западной живописи.

Если обратимся, затѣмъ къ воспріимчивому Западу, то естественно приходитъ на мысль искать тамъ переносъ восточнаго ѣздового кафтана на магахъ-волхвахъ Востока, прибывшихъ въ Виѳлеемъ поклониться народившемуся Богочеловѣку — Предвѣчному Младенцу. Правда, и въ западной иконографіи господствуетъ вплоть до конца XIV вѣка та же иконная традиція, какъ и въ византійскомъ искусствѣ, и въ этой темѣ поэтому мы тоже находимъ традиціональныя мантіи на волхвахъ и даже не видно тѣхъ характерныхъ персидскихъ кафтановъ съ вырѣзами на бокахъ, какія отличаютъ маговъ на древне-христіанскихъ памятникахъ и ранне-византійскихъ. Однако, уже во фрескѣ ц. di Paganico въ Сіенѣ, приписываемой Таддео ди Бартоло, находимъ на волхвахъ: разрѣзную мантію на старшемъ, разрѣзной кафтанъ подъ мантіею на среднемъ, узкій кафтанъ до бедеръ, оканчивающійся широкою юбкою въ сборкахъ, на младшемъ магѣ. Приводимъ этотъ примѣръ нѣкотораго реализма въ данной темѣ, не останавливаясь, однако, на деталяхъ этого ѣздового кафтана, такъ какъ возможно существованіе лучшаго и современнаго образца въ какой-либо иконѣ на деревѣ той же сіенской школы.

Рис. 75. Ткань съ изображеніемъ амазонокъ.

Приблизительно ранній и, несомнѣнно, лучшій образецъ даетъ знаменитая икона Поклоненія волхвовъ, работы Джентиле де Фабріано, 1423 г., въ Уффиціяхъ (рис. 76): художникъ, повидимому, знакомый съ новыми модами, шедшими съ Востока, изъ Византіи, или же черезъ посредство фламандской торговли, или даже отъ фламандскихъ и бургундскихъ художниковъ миніатюристовъ, далъ здѣсь невиданную дотолѣ картину Востока. И не напрасно поверхъ самого „Поклоненія,“ написалъ наверху, вьющуюся по горному ущелью кавалькаду поѣзда трехъ царей маговъ, сопровождаемую сотнями коней свиты, забравшей съ собою въ дорогу (по персидскому -- кочевому обычаю), для попутной охоты и гепардовъ, и соколовъ или коршуновъ.

Старшій магъ облаченъ въ пышную горностаевую мантію, и намъ не видно его кафтана, подъ нею, кромѣ рукавовъ, но обѣ одежды уже представляютъ реальную итальянскую цвѣтную ткань шелковой парчи. На среднемъ магѣ видимъ кафтанъ парчевой, украшенный гранатовыми яблоками на вѣткахъ, съ короткими рукавами, изъ подъ которыхъ видны узкіе рукава другого

Рис. 76. Джентиле де Фабріано. Поклоненіе волхвовъ.

кафтана или, вѣрнѣе, кабата. На головѣ его корона съ лилейными зубцами — кринонія византійскихъ царей, оперенная по бокамъ тремя парами перьевъ, загнутыхъ подъ очелье золотого вѣнца и воспроизводящихъ окрыленную корону персидскихъ царей. Но для нашей задачи наиболѣе важнымъ документомъ является нарядъ младшаго мага: поверхъ узкорукавнаго пурпурнаго кабата на немъ надѣтъ именно ѣздовой кафтанъ, съ длинными, до колѣнъ висящими рукавами изъ сборокъ; на поясѣ кафтанъ туго перетянутъ и затѣмъ образуетъ своего рода набрюшникъ — катакойліонъ цитированнаго выше текста. Ниже кафтанъ переходитъ въ сборчатую юбку, свободно расходящуюся, когда ѣздокъ садится верхомъ или поворачивается

въ сѣдлѣ. Всѣ эти части шелковаго или парчевого костюма орнаментированы, а именно: камзолъ — византійскими листьями плюща, средняя часть или катакойліонъ — на подобіе панцыря чешуйчатыми поясками; нижняя юбка или каждая сборка ея — вѣткою лозы съ причудливыми листьями и цвѣтами, равно какъ и сборки рукавовъ. На головѣ особый видъ стефаны, въ видѣ круглой гирлянды цвѣтовъ, прикрытой мелкимъ жемчугомъ, съ коронкою наверху.[1]

Типами и деталями ихъ изображенія воспользовался широко Беноццо Гоццоли, исполняя во дворцѣ Медичисовъ (нынѣ Риккарди) во Флоренціи, въ дворцовой капеллѣ „Рождество Христово“ въ торжественный (по понятіямъ времени) моментъ прибытія къ Божественному Младенцу маговъ — владыкъ Востока — на поклоненіе (рис. 77—78). Художникъ писалъ свою фресковую роспись капеллы до 1463 года включительно, когда еще у флорентинцевъ былъ въ свѣжей памяти синодъ по единенію церквей и пріѣздъ во Флоренцію самого Іоанна Палеолога. Беноццо былъ изъ числа художниковъ, перешедшихъ отъ иконы и картины къ исполненію росписей съ помощью составленной артели мастеровъ или со своей мастерскою, уже обученной опредѣленному стилю и техникѣ, и въ этомъ отношеніи могъ заимствовать самъ лично и въ работахъ мастерской всѣ пособія и образцы современной манеры. Въ срединѣ XV вѣка онъ пользовался общепризнаннымъ авторитетомъ, и поэтому реальныя детали, имъ заимствованныя отъ Джентиле, могли быть легко приняты за подлинно портретныя черты Космы Медичиса въ образѣ старшаго волхва и Лоренцо Великолѣпнаго въ младшемъ (рис. 78), а также за портретъ Іоанна Палеолога въ фигурѣ и лицѣ средняго волхва по возрасту (рис. 77). На самомъ дѣлѣ послѣдній слишкомъ напоминаетъ волхва въ иконѣ Джентиле (послѣдняя донынѣ имѣетъ слишкомъ свѣжій видъ и трудно сказать, что́ было въ ней подправлено и поновлено), чтобы можно было этотъ типъ считать портретнымъ, также какъ и типы Медичисовъ явно идеализированы мастеромъ. Но все же намъ остаются детали ихъ нарядовъ, а они, судя особенно по кафтанамъ (тоже „ѣздовымъ“) свиты, имѣютъ столь ясно характерную типичность своего времени, что не оставляютъ ничего желать.

Всѣ три волхва облачены въ великолѣпные скараники греческаго двора, одного типа, но съ варіантами не только въ тканяхъ, но и въ покроѣ. Только у старшаго волхва наброшенъ бѣлый парчевой сагій (въ средневѣков. итал. *sai* или *lacerna*) у прочихъ его нѣтъ, но скараники сдѣланы изъ плотной парчи, тѣмъ не менѣе собранной отъ таліи внизъ во мно-

[1]) Въ изд. акад. С. Рейнака Répertoire de peinture du moyen âge et de la Renaissance. 1905, I, p. 72 дается калька рисунка Альбома Тосканелли, табл. 10 — Поклоненіе маговъ, приписываемое тому же Джентиле, такъ какъ много частей его иконы здѣсь воспроизведено. Младшій магъ представленъ въ короткомъ кафтанѣ флорентинскаго покроя конца XV вѣка и дѣлаетъ обѣими руками знакъ — очень странный — удивленія — скорѣе, чѣмъ преклоненія.

жествѣ складокъ, которыя именно, раздвигаясь, даютъ возможность свободно сидѣть и двигаться въ сѣдлѣ. Художникъ Вечелліо, издавая подобныя же одежды, короткіе, сборчатые кафтаны, оговаривается, что онъ самъ (рис. на стр. 45) срисовалъ эти костюмы и въ нихъ *sottana con tante falde*,[1] но сообщаетъ названіе этой одежды (вмѣстѣ съ плащемъ) *giornea*.

Рис. 77. Беноццо Гоццоли. Рождество Христово. Среднiй волхвъ (Императоръ Іоаннъ Палеологъ).

Что скараникъ нерѣдко былъ и составная одежда, доказательствомъ могла бы служить извѣстная фустанелла — греко-албанская бѣлая и короткая юбка, вся въ мелкихъ складкахъ, также пригодная для ѣзды верхомъ и пристегивающаяся къ короткой курткѣ. Затѣмъ среди женскихъ средневѣковыхъ костюмовъ словарь Дюканжа знаетъ какой-то *gardacorsium muliebre de panno vario cabrionato cum panno et caputium:* кромѣ того, что этотъ корсетъ — узкая *cotte* — шился изъ разноцвѣтнныхъ кусковъ тканей, но имѣлъ одну часть вокругъ тѣла изъ перьевъ — уподобляясь

[1]) Cesare Vecellio. Habiti antichi et moderni. Venetia. 1598. fig. p. 38, 45, 49, 50.

чешуйчатому панцырю, но еще сзади имѣлъ *caputium* — башлыкъ, какъ первоначальный скарамангій.

Затѣмъ въ фрескѣ у старшаго волхва скараникъ бѣлый парчевой съ пурпурнымъ (темно-фіолетовымъ) шитьемъ — цвѣтами (итальянскія парчи XV в.); бѣлая же туника у юнаго волхва (Лоренцо), какъ у царскаго сына,

Рис. 78. Беноццо Гоццоли. Рождество Христово. Младшій волхвъ (Лоренцо Медичи).

съ золотымъ шитьемъ и коймами темно-пурпурными (рис. 78). Скараникъ царя (средняго волхва съ бородкою), съ короткими рукавами, поверхъ пышной камчатной узкорукавной камисіи, зеленый съ великолѣпными флеронами, шитыми (не ткаными) золотомъ (рис. 77); именно этотъ скараникъ длиннѣе предъидущаго. У всѣхъ трехъ пурпурные, шоколаднаго цвѣта и узкіе (σφιγκτούρια) штаны, ставшіе въ XV вѣкѣ обычною модою всей средней и сѣверной Италіи, и такія же кампагіи. Но особо любопытны головные покровы волхвовъ, которые, если и были въ Италіи, то во всякомъ случаѣ были и въ Византіи. Остановлюсь на одномъ, именно на вѣнцѣ самого царя (рис. 77).

тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ хитрое устройство, которое объяснитъ намъ отчасти непонятныя и чрезвычайно причудливыя короны Ирода у иконописцевъ, начиная именно съ XIV вѣка. Вѣнецъ состоитъ изъ тонкаго листового, легкаго и очень узкаго обручика, или именно діадемы, но весь лицевой передъ покрытъ гнѣздами рубиновъ и сафировъ; наверхъ изъ этого обручика тянутся тонкіе, листового же золота, числомъ около 12, лучи, длинные и гибкіе, и слегка вогнутые внутрь и также убранные камнями. Но затѣмъ обручикъ имѣетъ внутри матерчатую подкладку, и въ ней прикрѣплено съ двухъ боковъ по шести перьевъ, которые также согнуты и перегнуты къ кругу лучей и, повидимому, обнизаны жемчугомъ. Форма хрупкая, но изящная, и такой вѣнокъ, составленный изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, перегнутыхъ одни глубже, другіе повыше, является рѣдкостнымъ стефаномъ. Возможно, что именно къ нему идетъ и византійское названіе фіала или фіалина (φιάλην или φυάλιν): комментаторъ Кодина знаменитый Гоаръ на стр. 290 сообщаетъ, что нѣкто Георгій Корезій Хіосецъ прислалъ ему опредѣленіе фіала: πολυχρώματον ὑφασμένην καὶ πεπλεγμένην καλύπτραν — головной покровъ, переплетенный и разноцвѣтный, и что онъ Гоаръ думаетъ, основываясь по Евхологіямъ, что фіала имитировала фонтанъ, выбрасывающій воду, напримѣръ, перьями и драгоцѣнными разноцвѣтными камнями. По моему, онъ угадалъ, хотя этого вѣнца не видалъ.[1]

Было бы безплоднымъ повтореніемъ перебирать формы покроя ѣздовыхъ кафтановъ въ послѣдующихъ, довольно многочисленныхъ итальянскихъ иконахъ и картинахъ Поклоненія волхвовъ второй половины XV в. и начала XVI столѣтія. Въ большинствѣ этихъ картинъ уже нѣтъ той свѣжей реальности въ передачѣ покроя, тканей и прочихъ деталей, и часто, ради усиленія грандіознаго впечатлѣнія, умножаются мантіи на волхвахъ, закрывая внутреннія одежды, и не выписываются рисунки на дорогихъ тканяхъ. Обычно мы можемъ видѣть скарамангій или скараникъ только на третьемъ или младшемъ по возрасту магѣ, а этотъ магъ, въ силу тяготѣющихъ вліяній Фландріи, является уже мавромъ. И въ томъ излишествѣ парчевыхъ кафтановъ со сборками, всякой фалбалы на рукавахъ, драгоцѣнностей на высокихъ, коническихъ шапкахъ съ широкими полями, наушниками и пр., щеголяютъ, по преимуществу, фламандскіе, бургундскіе и французскіе живописцы XV—XVI столѣтій, а за ними отчасти ломбардскіе и венеціанская живопись. Мы находимъ ѣздовые кафтаны на магахъ у Фоппа, Флемалля, множества фламандскихъ иконниковъ и живописцевъ, но зачастую не можемъ утверждать, что данные образцы не придуманы частью ихъ фантазіею, какъ вообще восточныя темы, даже у венеціанцевъ конца XV вѣка, казалось бы, ежедневно наблюдавшихъ тѣ же костюмы у себя на площади св. Марка.

---

[1]) Вполнѣ подобное построеніе головного убора у сассанидскаго царя на охотѣ, верхомъ, см. Рус. Др., III, рис. 83, но тамъ загибы имѣютъ форму роговъ, стало-быть, символическихъ знаковъ, по сторонамъ шапки.

Напротивъ того, роспись дворца Гонзаговъ въ Мантуѣ, исполненная Андреемъ Мантэнья въ 1474 году (приблизительно), представляетъ намъ воинскихъ чиновъ герцогскаго двора именно въ короткихъ скараникахъ, вокругъ сидящей семьи герцога: художникъ, видимо, попросилъ членовъ свиты установиться передъ нимъ въ горделивыхъ и почти выставочныхъ позахъ у пилястровъ одной изъ написанныхъ имъ арокъ плафона. Въ соотвѣтствiи съ этими чинами, мы находимъ и въ альбомѣ художника Чезаре Вечеллiо[1] рядъ любопытныхъ покроевъ того же ѣздового кафтана въ костюмахъ Италiи, у владыкъ, вельможъ, родовитыхъ людей, и равно служилыхъ людей. Начиная отъ „античнаго барона (р. 34) изъ Венецiи, который имѣетъ подобный кафтанъ изъ золотой парчи *(pano d'oro)*, и изъ пластинокъ золотыхъ и серебряныхъ (нижняя юбка), на подобiе птичьихъ перьевъ *(a guisa di piume d'uccelli)*, — то, что́ называлось въ среднiе вѣка *vestes plumatae:* будто бы, по Вечеллiо, эти костюмы XI вѣка и рисунокъ представляетъ барона съ соколомъ. Моды XV вѣка представляются этому любителю старины уже древнѣйшими, и онъ, называя короткiй кафтанъ терминомъ *giornea, sottana con falde,* объясняетъ, что срисовалъ ихъ съ памятниковъ древней живописи или нашелъ подобные костюмы въ разныхъ городкахъ Италiи, съ любопытными шапками *(berette rosse)* въ видѣ краснаго шара (р. 51). Затѣмъ у Вечеллiо идутъ моды XVI-го вѣка и вновь появляется тотъ же ѣздовой кафтанъ уже въ предѣлахъ Восточной Европы, у сербовъ, хорватовъ, далматинцевъ, Персiи и проч.

Въ дополненiе къ восточнымъ ѣздовымъ кафтанамъ типа скараниковъ можемъ сообщить распространенiе его покроя въ предѣлахъ Восточной средневѣковой и даже позднѣйшей Европы: укажемъ кратко на пурпурный, съ золотыми разводами кафтанъ, съ рядомъ сборокъ и широкою сутаною внизу, поверхъ другого кафтана, у молдавскаго владыки Стефана Великаго (1457—1504).[2]

Обращаясь затѣмъ къ средневѣковой Германiи, мы находимъ въ любопытныхъ альбомныхъ томахъ Гефнера фонъ Альтенека[3] нѣкоторое подобiе скарамангiя уже въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка на барельефномъ изображенiи имп. Фридриха (умр. 1190) на порталѣ собора въ Фрейзингенѣ: короткiй кафтанъ воинскаго типа, но безъ оружiя, съ оплечьемъ. Ясно изображенъ ѣздовой кафтанъ на Карлѣ Великомъ, ѣдущемъ со своими паладинами, тождественный по покрою длиннаго, но разрѣзного на бокахъ византiйскаго скарамангiя (табл. 45), причемъ изображенiе находится въ пергаментной рукописи „сказанiя о Карлѣ Великомъ“ XII вѣка. Короткiе поко-

---

[1]) По изданiю: Habiti Antichi, 1598, p. 34, 38, 45, 46, 51, 54, 67, 87, 90.

[2]) Въ подносной рукописи Евангелiя въ Воронцѣ: N. Jorga et G. Bals, L'art roumain, 1922, табл. въ краскахъ между стр. 352 и 353, стр. 76 — миніатюра 1473 г.

[3]) J. v. Hefner. Trachten des christlichen Mittelalters, nach gleichzeitigen Kunstdenkmäler. S. a. табл. 25, 43, 45, 48.

лѣнные кафтаны ленныхъ владѣтелей на миніатюрѣ X вѣка (табл. 48) не могутъ быть принимаемы за античную тунику ни со стороны покроя, ни по тканямъ, какъ видно, напримѣръ, по золотой парчѣ ея коемъ (табл. 50). Кстати, изображеніе Авессалома въ персидскомъ кафтанѣ съ низками жемчуга въ томъ же Псалтырѣ X вѣка указываетъ на восточные источники костюмовъ, которые уже въ XIII вѣкѣ (табл. 68, 74) становятся обычными. Но уже съ началомъ XV вѣка и II тома собранія Гефнера, а именно съ таблицы 2 открывается широкое распространеніе ѣздового кафтана въ описанномъ восточномъ типѣ въ Германіи: „мастеръ Вильгельмъ“ изображаетъ палачей мучениковъ (рис. 79) въ расшитыхъ, безрукавныхъ и съ большими разрѣзами на бокахъ, кафтанахъ у которыхъ имѣется даже башлыкъ на головѣ, пристежной къ кафтану и съ подобнымъ же шитьемъ; взамѣнъ такого кафтана у одного палача кольчуга; поверхъ кафтана надѣтъ плащъ, у другого, такъ называемый греческій эпилорикъ; кафтанъ голубого цвѣта, съ золотымъ шитьемъ, плащъ блѣдно-голубой. Табл. 13 представляетъ верхнюю одежду въ видѣ широкой и короткой шубки въ сборкахъ; таблица 14 нарядъ маркграфа изъ подобнаго кафтана подъ кирасою; короткія полукафтанья, какъ ихъ называли на Руси, со сборною юбкою видимъ на таблицахъ 16, 19, 21 съ широкими рукавами, 27, 28, 35, 51, 64, 71, и т. д.; собственно говоря, за исключеніемъ воинскихъ доспѣховъ или изображеній на надгробныхъ плитахъ, большинство таблицъ представляютъ модныя варіаціи все того же ѣздового кафтана, а иногда даетъ именно самый ѣздовой кафтанъ на всадникахъ, охотящихся съ соколомъ, и нерѣдко съ тѣми крайностями моды, которыя выработали рукава на подобіе мѣшковъ, висящихъ съ плеча на рукѣ, вмѣстѣ съ мѣховою опушкою, „фалдами“ или сборками и пр. Костюмъ этотъ обошелъ, повидимому, большинство земель

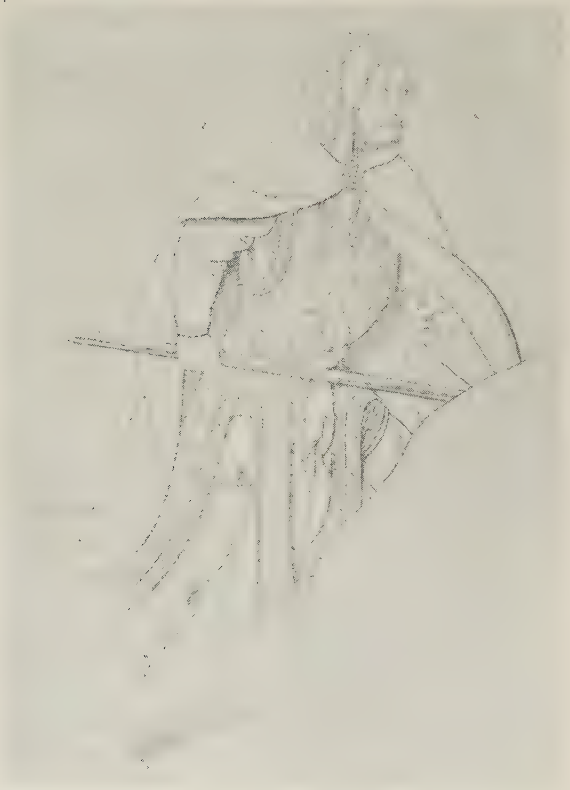


Рис. 79. Изображеніе палача (по альбому Гефнера фонъ Альтенека).

Западной Европы, но не вездѣ былъ принятъ и подвергся преувеличеніямъ, а остался только спеціальнымъ ѣздовымъ нарядомъ. Напротивъ того, мѣстами этотъ костюмъ повліялъ и на женскія моды и вмѣстѣ съ восточными тюрбанами породилъ ту пестроту и причудливость модъ XV вѣка, которую можно наблюдать въ томъ же альбомѣ Гефнера на таблицахъ 6 (женскій нарядъ) и 99—101; послѣднія таблицы воспроизводятъ рисунки ковра со множествомъ фигуръ высшаго общества и легенду о единорогѣ и дѣвѣ. Но таблицы 141, 146 показываютъ переходъ той же модной одежды къ простолюдинамъ. Однако, самыя характерныя и, при всей причудливости для нашего взгляда, даже блестящія формы приняли скараники все же у итальянцевъ, если, по крайней мѣрѣ судить, по рисункамъ венеціанской иконы „Поклоненія волхвовъ", въ Берлинскомъ Музеѣ, приписанной Ваагеномъ Антоніо Виварини и изданной у Гефнера въ таблицѣ 139 и 140. Младшій магъ (рис. 80) имѣетъ на себѣ верхній кафтанъ съ широчайшими рукавами, спускающимися внизъ въ мелкихъ складкахъ до полъ, перетянутый поясомъ очень низко и оканчивающійся юбкою со множествомъ мелкихъ складокъ, сшитъ изъ золотной парчи.

Рис. 80. Младшій волхвъ на картинѣ припис. Антоніо Виварини (по альбому Гефнера фонъ Альтенека).

Рейске въ комментаріяхъ слова „скарамангій" указалъ уже, что въ Бургундіи (по Швейцарскимъ хроникамъ) придворныя одежды изъ шелковыхъ матерій назывались *Seidene Scharmeyen*, что, явно, происходитъ отъ византійскаго названія. Онъ же сопоставляетъ „скарамангій" съ итальянскимъ *scaramuccio*, и, повидимому, правильно, но *scara* происходитъ не отъ *schirmen*, а отъ *scarlatus* — *écarlat*, что́ значитъ вмѣстѣ съ *Mütze* — красный колпакъ, а въ цѣломъ — шута, жонглера, кудесника, чаровника и фокусника. Названіе *Scaramuccio* близко къ *scaramangion*, а это послѣднее могло дать, при народной перестановкѣ, скамарахъ, скомрахъ, скоморохъ. Входить въ детали такого, пока проблематическаго сближенія,

не настоитъ нужды, но по поводу того бытового факта, что наши скоморохи, превратившіеся въ романскихъ земляхъ въ шарлатановъ (отъ *scarlatus*), также, какъ и маги, кудесники, носили красные кафтаны и такіе же остроконечные колпаки, и что, такимъ образомъ, эти потѣшники толпы и плошади носили наряды, похожіе на кафтаны и мундиры кавалерійскихъ чиновъ, до самого царя, о чемъ намъ придется въ очеркѣ русскихъ древностей говорить особо.

Кратко сводя все сказанное о скарамангіи, мы должны съ удареніемъ отмѣтить то характерное обстоятельство, что варварская мода породила въ Византіи двѣ одежды: кабатъ — каввадій и скарамангій. Но первый далеко не сразу сталъ преобладающей формой, а только съ XII—XIII и послѣдующихъ вѣковъ, и при томъ на Западѣ. Успѣхъ скарамангія объясняется тѣмъ, что въ качествѣ ѣздового кафтана онъ былъ какъ бы кавалерійскимъ мундиромъ царя и большинства воинскихъ чиновъ (не только спаѳаріевъ), а потому и вообще парадною формою для высшихъ сановъ Имперіи и союзниковъ или „друзей", породивъ, конечно, моду на кавалерійскія облаченія, уборы и приборы, какъ воинскіе, такъ гражданскіе, какъ мужскіе, такъ и женскіе. Полная исторія распространенія этой одежды могла бы дать многія указанія по родственной и позднѣйшей стадіи кавалерійской моды въ западномъ рыцарствѣ, тѣсно связанномъ исторически съ византійскимъ прототипомъ.

Затѣмъ къ этому очерку слѣдуетъ присоединить и оговорку, что наши этюды о кабатѣ и скарамангіи относятся именно къ варваризаціи облаченій византійскаго двора, и что, затѣмъ, большинство прочихъ появившихся при этомъ дворѣ облаченій относится уже къ переносу, хотя отчасти тѣми же варварами, одеждъ восточныхъ дворовъ, главнымъ образомъ Персіи. Это не было уже усвоеніе не узкихъ, трудовыхъ одеждъ, но широкихъ облаченій, которыхъ разсмотрѣніе пока невозможно, безъ пособія тѣхъ же или подобныхъ типовъ русскаго царскаго двора...

Мантіи и плащи. Древняя хламида, прежде столь представительный и даже обязательный знакъ римскаго императора, мало по малу вышла изъ употребленія и мѣсто ея занялъ окончательно лоръ, какъ видно изъ позднѣйшихъ изображеній царя. Обстоятельство немаловажное, ибо оно было, очевидно, вызвано постепеннымъ усвоеніемъ мантіи едва ли не всѣми новыми дворами былой варварской Европы уже съ XI вѣка. Но, такъ какъ мантія въ то же время была отличительнымъ знакомъ и различныхъ сановъ и высшихъ чиновъ греческаго двора, требовалось ее замѣнить, и на ея мѣсто явились уже новыя мантіи разнаго рода: отсюда разныя ἐπιρριπτάρια — военные плащи и выходныя накидки съ башлыками, ἐπιλουρίκια или ἐπιλωρίκια — уже несомнѣнно короткіе военные плащи, далѣе малоизвѣстные рукавные халаты, напримѣръ, ἀρμελαύσια (русскій армякъ?) и κολόβια — безрукавные, или съ очень короткими рукавами, хорошо извѣстные съ IX—X вѣка, потому что распятый Христосъ обычно изображается въ пурпурномъ коловіи,

неподпоясанномъ, длинномъ до пятъ. Одежда ἀβδία можетъ быть сближаема съ арабскою абою, широчайшимъ верхнимъ одѣяніемъ, какъ подобныя слова: βορκάδια отъ borca, καββάδιον отъ capa — caba.

Мы не знаемъ мантіи τρίβων, Прокопіево τριβώνιον, хотя можно предполагать, что это былъ тоже короткій военный плащъ, лагернаго характера, и потому не относящійся къ облаченіямъ византійскаго двора, но державшійся почти все время въ быту Византіи.[1]

„Эпилорикъ“.

Одно мѣсто разсказа самого Константина о тріумфальномъ въѣздѣ царя Василія въ столицу въ 879 году сообщаетъ: „пропустивъ, по вступленіи въ Золотыя Ворота, мимо себя процессію, владыки сняли скарамангіи и надѣли, „автократоръ, т. е. самъ царь Василій, одежду ἐπιλώρικον — златотканную, всюду обнизанную жемчугомъ, а по вороту крупными жемчужинами, мечъ на поясѣ и діадему на головѣ, такъ называемый кесарикій; сынъ царскій Константинъ былъ въ золотомъ панцырѣ съ мечемъ и золотыхъ поножахъ, на головѣ своей имѣлъ факіолій, на подобіе прополомы (см. ниже)“.[2] Эта одежда, какъ верхняя одежда, надѣваемая на латы, упоминается въ приложеніи къ книгѣ „о церемоніяхъ“ [еще въ описаніи въѣзда царя Θеофила, когда царь одѣлъ златотканный хитонъ ἐπιλώρικον τὸν ῥοδόβοτρυν.[3] Позже въ книгѣ Кодина епилорикъ встрѣчается] весьма часто и обычно при воинскихъ чинахъ (напр. ихъ одѣваютъ, когда хотятъ, архонты: начиная великимъ доместикомъ и до друнгарія виглы[4] и пр.), но, какъ вещь извѣстная, безъ всякихъ объясненій. Гоаръ въ примѣчаніяхъ къ Кодину,[5] указываетъ текстъ у Цецеса объ одеждѣ: φάρος ἐστὶ τὸ διασχισμένον ἱμάτιον ὃ καλοῦμεν ἐπιλώρικον, καὶ πᾶν τὸ οὕτω διεσχισμένον. Между тѣмъ русская старина знаетъ соотвѣтствующую вполнѣ одежду ферязь,[6] длиною до лодыжекъ, безъ перехвата и воротника, съ длинными рукавами; она застегивалась пуговицами въ длинныя петлицы; бывали ферязи лѣтнія и зимнія на мѣху, ѣздовыя изъ бархата, шелка и сукна, золотнаго бархата; были и женскія ферязи, по образцу турецкихъ фередже. Покрой ферязи представлялъ обычные разрѣзы: напереди сверху до низу, и къ нему шесть петлицъ, и разрѣзы на обоихъ бокахъ до бедеръ, также съ петлицами. Должно замѣтить, что прототипомъ подобныхъ верхнихъ одеждъ ѣздовыхъ была и доселѣ остается такъ называемая черкеска, изъ сукна съ разрѣзами по переду по обоимъ бокамъ и даже сзади, ради верховой ѣзды, но съ тальею, чего не имѣла ферязь. Подобныя ферязи верхнее одѣяніе, застегивающееся сверху до низу и раз-

Ферязь.

---

1) [Объ античномъ трибонѣ см. L. Heuzey, o. c., p. 86. О тривонѣ у Іоанна Лидійца и въ лексиконѣ Гезихія см. Recueil-Kondakov, p. 224.]

2) App. ad l. I, 500.

3) [App. ad l. I, 505; объ эпилорикѣ см. въ ст. Д. Θ. Бѣляева, въ Ж. М. Н. П.]

4) Cod. De off. IV, 22.

5) Gretseri et Goari commentarius in Codini cap. IV, p. 240.

6) См.: П. Савватовъ. Описаніе, п. сл. ферязи.

рѣзное по бокамъ, изъ броката, представляется въ рис. 35 сборника Чезаре Вечелліо (изд. 1598 г.) у владѣтельнаго синьора *(signore di castello)* Венеціанской области, при шапкѣ или колпакѣ красномъ съ заломами спереди и сзади, на горностаевомъ подбоѣ или бѣломъ бархатѣ: костюмъ старинный, XIV или XV вѣка. Любопытенъ и костюмъ того же сборника, по записи будто бы XI вѣка *(d'un barone antico per Venetia)*, покроемъ подобный скарамангію-кафтану изъ золотной парчи *(panno d'oro)*, съ особою юбкою, состоящею изъ рядовъ полосокъ *(piastretto)*, какъ бы перьевъ *(vestes plumatae)*[1]: кстати этотъ баронъ на лѣвой рукѣ держитъ сокола на цѣпочкѣ и, повидимому, долженъ ѣхать на охоту; рис. 87 представляетъ также подобіе ферязи или византійскаго фара.

Одежды русскаго царскаго двора.

Наиболѣе характернымъ типомъ, по своей законченности, является внѣшность русскаго царскаго двора XV—XVII вѣковъ, кстати и наиболѣе извѣстная, по крайней мѣрѣ со стороны царскихъ облаченій, благодаря внимательнымъ, хотя еще не научнымъ, трудамъ Висковатова, Строева Савваитова. Кратко говоря, царскія облаченія Руси уже съ XIV вѣка не знали мантіи, — корзно исчезло къ XV вѣку, а приволока осталась только у воинскихъ чиновъ. Япанчи и япончицы, половецкія и турецкія (япондже) и емурлукъ (вмѣсто ягмурлукъ — дождевая одежда) были или бурки или суконныя, безрукавныя накидки и шубейки мужскія и женскія. Большинство верхнихъ одеждъ были или рукавныя, какъ разнаго рода кафтаны, однорядки, или съ откидными рукавами за поясомъ — охабни, или болѣе широкія къ низу — платна, съ рукавами особенно длинными — опашни и женскія роспашницы, и торжественный царскій нарядъ, съ широкими рукавами, какъ у греческаго саккоса. Большинство одеждъ и облаченій носятъ поздне-византійскій характеръ, т. е. представляютъ широкую верхнюю одежду, разрѣзную (σχιστὸν ἱμάτιον), отъ передней средины ворота до низу и на пуговицахъ или аграфахъ — запонахъ. Иныя изъ нихъ шились узкими изъ легкихъ шелковыхъ матерій, камки по преимуществу, и притомъ до колѣнъ и образовывали собственно кафтанъ разныхъ видовъ. Всѣ другія какъ то: терликъ, ферязь были шире и опускались до полу, но такъ какъ разрѣзъ шелъ вертикально, ихъ видъ, хотя бы рисунокъ тканей и былъ восточный, оставался византійскимъ, или европейскимъ, въ предѣлахъ XIV—XV вѣка, хотя уже въ XVI вѣкѣ производилъ, понятно, впечатлѣніе устарѣлыхъ, архаическихъ костюмовъ. Иное впечатлѣніе оказывали длиннополые кафтаны — становой (безъ пояса) и турскій, имѣвшіе разрѣзъ косой и полы внизу столь широкими, что онѣ запахивались одна на другую, при чемъ турскій опоясывался кушакомъ, съ „болшимъ ножикомъ“ (кинжаломъ) на немъ. Такіе кафтаны ничѣмъ не отличались отъ восточныхъ халатовъ. Въ то же время нельзя не вспомнить, что обычай давать почетныя

---

[1]) См. Рейске, Коммент., р. 222, выписку изъ Хроники С. Галльскаго монастыря о пріемѣ у Карла Великаго венеціанскихъ моряковъ, въ одеждахъ съ павлиньми перьями, изъ желтаго шелка.

одежды отъ владыкъ владыкамъ же или ихъ довѣреннымъ чинамъ „со своего плеча“, который прежде имѣлъ магическое значенiе прiязни, дружбы, братства, а затѣмъ „инвеституры“, выражался на Востокѣ именно широкою одеждою, которая называлась и khilah, и хала, въ сопровожденiи тюрбана, золотого ожерелья, золотыхъ браслетъ и поножiй.[1] Помимо, стало быть, обычнаго восточнаго типа одеждъ, распространялся особенно типъ домашней одежды, изъ легкой сравнительно (потому чаще шелковой), но цвѣтной ткани, и съ длинными рукавами, которая, напримѣръ, въ Россiи, какъ халатъ, привилась особенно широко и прочно въ состоятельныхъ классахъ.

У Кодина имѣется особо любопытный экскурсъ, якобы историческаго характера, въ сторону отъ его банальныхъ перечней, въ главѣ VII, гдѣ идетъ записка „о царской трапезѣ“, за которой главная служба выпадала въ то время великому доместику и стольнику. Оканчивая записку, Кодинъ начинаетъ свой разсказъ о томъ, что „еще отъ Ассирiйской имперiи перешла къ нынѣйшимъ царямъ нѣкая одежда (τι φόρεμα), именуемая гранаца (γρανάτζα), носимая царемъ безъ пояса и которой висящiя рукава протягиваются до пятъ (μέχρι καὶ ἀστραγάλων). Эту одежду вольны носить и всѣ высшiе чины, но только опоясанной, и рукава заправленными сзади за поясъ, и эта одежда у архонтовъ зовется лапаца (λαπατζᾶς), почему — неизвѣстно. Но великiй доместикъ, хотя носитъ также эту одежду опоясанною, однако ради чести (τιμῆς ἕνεκα) и отличiя отъ другихъ одинъ рукавъ у него заправляется за поясъ, а другой виситъ свободно.[2] Имя одежды лапацá производятъ отъ одежды персо-арабской либас, имѣвшей рукава до 20 локтей длины,[3] но были и формы дивитисiя, имѣвшiя длинные рукава, и на кiевской фрескѣ въ ложѣ чиновъ, въ ипподромѣ, есть группа, у которой обѣ руки сложены, въ знакъ умиленiя и вниманiя, на груди, а рукава на нихъ спущены настолько, что получается полное „недѣланiе“. Наша пословица о работѣ „спустя рукава“ сложилась именно на почвѣ насмѣшекъ надъ древними обычаями. Очевидно, и въ древней Руси появленiе одежды съ особо длинными рукавами повело при царскомъ дворѣ къ нѣкоторымъ ограниченiямъ излишне вольной модѣ. Такова была верхняя, длинная и широкая одежда, называемая охабень, охабенекъ, съ отложнымъ воротникомъ, спускавшимся до половины спины и длинными рукавами. Подъ рукавами дѣлались прорѣхи для выпуска рукъ именно потому, что рукава носились закинутыми за плечи и заправленными сзади за поясь, ради, очевидно, приличiя при дворѣ, тогда какъ въ Польшѣ щеголяли рукавами, свѣшивавшимися до

„Гранаца“. „Лапаца“.

---

1) Quatremère, Makrisi, I, 149. Dieulafoy, L'acropole de Suze. Reiske, p. 588—590, v. βεστιομιλιαρήσια, Du Cange, gloss. lat. v. Liberationes (= livrées). [О дарственной одеждѣ, называвшейся „хила“ см. у ибн-Фодлана, Гаркави, о. с., стр. 87. Объ инвеституръ въ Византiи VI в. см. также Recueil-Kondakov, p. 218.]

2) Cod. De off. VII, 63—64.

3) [См. Reiske, Comm. ad G. P. De cer., p. 425. Ср. Д. Θ. Бѣляевъ. Byzantina II, 54.]

колѣнъ. Охабни носили князья и воеводы,[1] верхъ охабня былъ багровый атласъ, подпушка тафта двуличная и таусинена (синяя), но обычно охабень дѣлался или изъ сукна, или парчи, бархата.

Обычай стоять скрестивши руки.

Однако, Византія далеко превзошла подобныя церемоніальности примѣненіемъ почти воинскихъ обычаевъ, явно, заимствованныхъ изъ Персіи, и, конечно, придававшихъ ея двору нѣкоторый оттѣнокъ рабскаго угодничества. Такъ, въ главѣ 2-ой II книги Константина, по поводу довольно сложнаго процесса роспуска частей, не приглашенныхъ къ воскресному столу, послѣ выхода, сообщается, что когда войдутъ въ триклинъ Юстиніановъ военныя части, то стоятъ скрестивши руки и молча (τὰς χεῖρας δεδεμένας ἔχοντες καὶ σιωπῇ χρώμενοι).[2] Понадобилось все остроуміе и вся эрудиція арабиста Рейске, чтобы не перевести эти слова буквально: со связанными руками и путемъ привлеченія формъ восточной рѣчи и манеръ у Янычаровъ и даже мраморнаго рельефа, представляющаго вѣнчаніе лонгобардскаго короля, съ „аколуѳомъ" позади него, стоящимъ со скрещенными руками.[3] Но если въ данномъ случаѣ грѣшатъ больше слова, то уже не могутъ вводить въ заблужденіе памятники. Извѣстная еще самому Дюканжу и много разъ воспроизведенная выходная миніатюра подносной греческой рукописи Словъ Іоанна Златоуста (Пар. Нац. Библ. Coisl. 79).[4] Въ ней представленъ царь Никифоръ Вотаніатъ (низл. 1081 г.), сидящій на золотомъ креслѣ и приложившій правую руку къ груди, въ знакъ умиленія: на немъ золотая стемма съ камнями и жемчугомъ, голубой дивитисій, вышитый золотыми листьями плюща (κισσοφύλλα) и фіолетовая хламида, вышитая также золотымъ плющемъ и застегнутая на правомъ плечѣ; красныя чаги (τζάγγια) съ золотыми коймами; дивитисій имѣетъ широкіе рукава, видимо, изъ легкой шелковой матеріи, охваченные у плечъ золотыми нарамниками и у запястья золотыми наручами. По сторонамъ сидящаго царя стоятъ неподвижно четыре высшихъ чина, двое имѣютъ красные скіадіи, двое — бѣлые колпаки; одинъ изъ нихъ безъ бороды — навѣрное евнухъ — облаченъ въ широкое рукавное платно блѣдно-зеленой парчи съ вытканными на немъ крупными кругами, а внутри нихъ стоящими львами, это препозитъ или кто либо изъ ближайшихъ къ царю придворныхъ чиновъ. Прочіе три облачены одинаково въ синіе стихари, крапленые бѣлыми точками, и въ красныя мантіи, вышитыя копейными лиліями и съ двумя золотыми тавліями на груди по сторонамъ разрѣза, при чемъ парчевыя мантіи тѣсно охватываютъ фигуру и наглухо застегнуты двумя круглыми фибулами у самаго ворота. Руки оказываются зажатыми и заключенными подъ плотною парчею об-

[1]) П. Савваитовъ. Описаніе русскихъ утварей, см. Охабень.

[2]) II, 2, 525.

[3]) См. коммент., 607—609.

[4]) Воспроизведена въ краскахъ въ атласѣ гр. де-Бастара (Bastard) изъ него въ Costume historique, Racinet. Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin. I, fig. 190. См. также J. Ebersolt, Les arts comptuaires, p. 92, fig. 42.

лаченія, и сами чины врядъ-ли могутъ даже отстегнуть фибулы и освободиться отъ одежды. Легко догадаться, что форма идетъ съ Востока, изъ воинственной нѣкогда Персіи, гдѣ шахи имѣли причины предоставлять своимъ сатрапамъ облаченія, обезпечивающія владыку отъ удара изъ за угла. Въ Византіи это была, прежде всего, церемонія двора и показъ, или форма. Между тѣмъ этотъ глухой мѣшокъ считается тоже мантіею, правда, уже не для военныхъ чиновъ, но, конечно, гражданскихъ, или даже придворныхъ. Какая то мантія называлась ταμπάριον (ταππάριον, ταβάριον итал. tabarro), но врядъ ли эта самая, такъ какъ tabarro была короткій плащъ, который впослѣдствіи былъ усвоенъ и рабочимъ классомъ. Вообще говоря, поздневизантійскій арсеналъ облаченій во-первыхъ, сильно обѣднѣлъ, чему доказательствомъ служитъ то, что у Кодина десятки чиновъ носятъ одинаковое облаченіе, различаясь и то не всегда, лишь жезлами, или шапками. Во вторыхъ, видимо, восточный типъ одежды выросъ въ господствующій и, такъ сказать, приблизился къ русскому типу XV—XVI вѣковъ, т. е. почти утратилъ греко-римское наслѣдіе. Стоящіе по лѣвую сторону отъ царя два чина обозначены полустертыми надписями: можно разобрать у перваго ὁ… οεδρος и ниже буквы δικ, что можетъ дать ὁ (πρωτό или πρό) -εδρος τοῦ εἰδίκου; у второго подобный же чинъ проэдра и, быть можетъ, „патриціевъ" или под. Присутствіе перваго чина идика понятно, такъ какъ рукопись была заказана, вѣроятно, при посредствѣ главнаго чина собственной царской казны… „Тампарій".

6.

Въ виду нашей задачи представляется также важнымъ опредѣлить общій типъ облаченій IX—X вѣковъ, какъ центральный и наиболѣе повліявшій на средневѣковую Европу, а потому установить собственно взглядъ времени на характеръ и выборъ различныхъ одеждъ. Объ этомъ косвенно говоритъ 37 глава I книги Константина, трактующая о томъ „какія облаченія надѣваютъ цари на праздникахъ и выходахъ", которую мы постараемся передать возможно суммарно и кратко. На праздникъ Пасхи, въ Воскресенье, владыки, выйдя въ пурпурныхъ скарамангіяхъ и златотканныхъ сагіяхъ, надѣваютъ латы (θωράκια)[1] и набрасываютъ на себя цицакіи и бываетъ христосованіе (ἀσπασμός) повидимому съ войсковыми частями, затѣмъ снимаютъ, и надѣваютъ лоры и стеммы (послѣднія бѣлыя или красныя), въ лѣвой рукѣ держатъ скипетръ, въ правой анексикакію (обычно бываетъ обратно). Совершается выходъ (въ В. Церковь), и войдя въ раздѣвальню, они снимаютъ лоры надѣваютъ хламиды. Вернувшись во дворецъ, надѣваютъ лоры и стеммы, на этотъ разъ красные, если утромъ были бѣлые. На второй день недѣли

Общій типъ облаченій IX—X в. в.

Облаченія царя.

---

[1]) [См. о θоракіяхъ предположеніе Д. Θ. Бѣляева, Byzantina II, 197 (прим. 2) — 198, о томъ, что это одежда, состоявшая изъ двухъ половинъ (передней и задней), соединявшихся на бокахъ, сравнивавшаяся поэтому съ панцыремъ. Ср. сказанное выше, стр. 183—184.]

Пасхальной (Обновленія — τῆς διακαινήσιμου) владыки выходятъ въ бѣлыхъ скарамангіяхъ, но въ храмѣ надѣваютъ стеммы зеленыя, идутъ въ церковь св. Апостоловъ, надѣваютъ тамъ бѣлые дивитисіи и хламиды; вечеромъ же при возвращеніи надѣваютъ коловіи такъ назыв. барановъ (κολώβια, ἤγουν τοὺς κριούς)[1] и бѣлыя стеммы или туфы, или тіары. На Вознесеніе, когда ѣдутъ въ лодкѣ до Золотыхъ воротъ и, доѣхавъ верхомъ до церкви Б. М. источника (Пиги), облачаются тамъ въ бѣлые дивитисіи и далѣе, какъ въ день Обновленія. На праздникъ Новой базилики надѣваютъ порфировые дивитисіи и къ нимъ подобранныя хламиды. На Пятидесятницу бѣлые дивитисіи и хламиды и красныя стеммы, при возвращеніи бѣлыя стеммы. На Всѣхъ Святыхъ и на Святыхъ Апостоловъ цари бываютъ въ золотыхъ скарамангіяхъ и золотыхъ стеммахъ. Въ день Пророка Ильи — пурпуровые дивитисіи и хламиды. На праздникъ Преображенія — бѣлые дивитисіи и ихъ хламиды и зеленыя стеммы, при возвращеніи бѣлыя. На Успеніе цари въ пурпурныхъ скарамангіяхъ ѣдутъ по морю во Влахерны и тамъ надѣваютъ пурпурные дивитисіи и ихъ хламиды (указаніе, важное для опредѣленія историческихъ взглядовъ на значеніе цвѣта одеждъ о чемъ см. ниже). То же облаченіе на день Рождества Богородицы, но выходъ бываетъ въ храмъ Халтопратійскій и при возвращеніи верхомъ владыки надѣваютъ пурпурные скарамангіи. То же облаченіе на Воздвиженіе, св. Димитрія, Архистратига (Михаила), на Рождество Христово, когда сначала одѣваются стеммы зеленыя, а при возвращеніи бѣлыя. Въ день Вота въ ипподромѣ цари надѣваютъ простое (τὰ παγανά) облаченіе, а архонты въ черныхъ (τὰ ἀτραβατικὰ χλανίδια) хламидахъ — такъ, очевидно, выдѣлялось личное достоинство царя, требовавшее скромности въ день Вота, своего рода голосованія и выбора владыки, отъ государственнаго его значенія. На Крещеніе стеммы берутся голубыя. На Срѣтеніе пурпурные скарамангіи замѣняются во Влахернскомъ храмѣ пурпурными дивитисіями и хламидами. Въ Воскресеніе Недѣли Православія пурпурные

Рис. 79. Сассанидская ткань съ изображеніемъ барана (Музей Guimet въ Парижѣ).

---

[1] I, 37, 188. Шелковыя ткани съ изображеніями барановъ: персидскія VI вѣка, византійскія VII в., дальняго Востока съ датою 731 г., съ овцами — византійскія IX в. — см. у Фальке, ук. соч., рис. 50, 87, 105, 113, 114, 141. См. также рис. 79.

скарамангіи и златоокаймленные сагіи замѣняются въ Св. Софіи пурпурнымъ дивитисіемъ и хламидою, а въ Благовѣщеніе, при отъѣздѣ изъ Халкопратійскаго храма, перемѣна бываетъ обратная.[1]

Облаченія чиновъ.

Если выборъ облаченій царскихъ, ихъ смѣна и отчасти внутренніе мотивы выбора и смѣны представляются достаточно понятными и мотивированными, то далеко иначе обстоитъ дѣло съ облаченіями чиновъ. Главная причина этого обстоятельства — въ краткости сообщенныхъ сборникомъ Константина замѣтокъ. Понятно, напримѣръ, почему избранные 12 высшихъ чиновъ должны являться къ царскому столу въ день Рождества Христова въ залѣ близъ Софіи только въ однихъ камисіяхъ, безъ своихъ хламидъ, равно стратиги входятъ въ скарамангіяхъ.[2] Затѣмъ, мы уже знаемъ, что на пирахъ въ „залѣ 19 аккувитовъ“ чины являются въ мантіяхъ, въ кампагіяхъ; какъ извѣстно, мантіи снимаются на мѣстахъ за пиромъ каждый разъ, какъ только музыка начнетъ славословіе, и всѣ чины должны встать. При производствѣ въ санъ кесаря или новелиссима еще будетъ сказано, что они сами приходятъ въ дивитисіяхъ (у второго — красный ῥούσιον),[3] но объ облаченіи кесаря говорится кратко, какъ о вещи всѣмъ извѣстной: хламида, фибула, кесарикій.[4] Или магистру дается стихаріонъ и валтидій (портупея),[5] патрицію-стратигу — кодикеллій и только будетъ сказано, что новопоставленные будутъ въ пурпурныхъ плащахъ (σαγία ἀληθινά) и, что провожать ихъ будутъ силенціаріи въ сагіяхъ красныхъ верхомъ (καβαλλάριοι).[6]

Характеръ и цѣль записей.

Общій выводъ изъ этихъ записокъ тотъ, что онѣ дѣлались, главное, ради точнаго исполненія обязанностей придворными чинами: 1) что и когда и съ какими формами надо дѣлать для царя на выходахъ, что́ ему подавать, гдѣ и какія облаченія; 2) какъ и въ какія очереди вводить и выпускать группы чиновъ, гдѣ и кому ихъ разставлять, если не опредѣлены заранѣе и навсегда мѣста синклита, гвардіи, придворныхъ и иныхъ чиновъ; 3) главная забота о группахъ, приходящихъ со стороны, изъ города и провинцій, и 4) то же самое при выходахъ и размѣщеніи приглашаемыхъ на большіе пиры, обѣды и ужины въ ограниченномъ числѣ избранныхъ. Вотъ почему мы такъ и не узнаемъ, въ чемъ служатъ при этомъ начальники дворцовыхъ частей: препозиты, церемоніймейстеры, веститоры и прочіе. Наиболѣе сложнымъ является вопросъ размѣщенія на большихъ выходахъ, напр., въ Св. Софію, или пріемахъ пословъ, когда занимается весь рядъ дворцовъ и пристроекъ и даже царю приходится переходить изъ одной залы въ другую, изъ дворца въ другой и т. д. Наконецъ, всякая записка слѣдитъ всегда, главнымъ образомъ, за главнымъ дѣйствующимъ лицомъ представленія — царемъ или „владыками“ (деспотами), если ихъ двое. Вотъ почему свѣдѣнія о томъ, какъ представлялись даже главныя группы, узнаемъ изъ случайно, изрѣдка брошенныхъ одиночныхъ замѣтокъ, чаще всего въ томъ случаѣ, когда

1) I, 37, 187—191.
2) II, 52, 741.
3) I, 43, 219; 44, 227.
4) I, 43, 218—219.
5) I, 46, 233.
6) I, 47, 241.

происходитъ нѣкоторое отступленіе отъ принятой формы, чины повышаются по случаю торжества на одну степень и т. п.

Облаченія на праздничныхъ выходахъ.

Первыя главы о царскихъ выходахъ въ церкви на большіе праздники заняты почти исключительно „актами“, т. е. славословіями димовъ, съ выпискою почти всѣхъ текстовъ или ихъ начальныхъ мѣстъ, а такъ какъ „пріемы“ димовъ, по очереди, Венетовъ и Прасиновъ дѣлались по нѣсколько разъ (на большіе праздники бываетъ отъ 6 до 16 δοχαῖ — пріемовъ), то изъ этихъ актологій и состоятъ записки.[1] Но вотъ при описаніи выхода на 2-й день Пасхальной Недѣли[2] говорится: „съ утра собираются всѣ архонты въ бѣлыхъ хламидахъ въ абсидѣ (дворцовой залы), а патриціи облачены въ хламиды съ золотыми тавліями, прочіе же по ихъ уставу и чину, чины же спальни (кувуклія), препозиты и остіаропримикиріи облачены въ хламиды съ золотыми тавліями“, и затѣмъ узнаемъ, что и царь, выйдя сначала въ золотномъ сагіи, переоблачается въ бѣлую хламиду златотканную (χρυσοφεγγῆ), и ему нотаріи и магистры говорятъ ямбы, и онъ идетъ на форумъ къ храму Константина, затѣмъ по Месѣ (Средней улицѣ) къ площади Тавра и въ храмъ Б. М. Діакониссы, и до Свв. Апостоловъ. Тамъ царь дожидается патріарха; царю сопутствуютъ патриціи и стратиги; послѣ богослуженія происходитъ трапеза съ патріархомъ, затѣмъ съ нимъ же и прощаніе и, „отдохнувъ немного“, царь переоблачается въ пурпурный „златомъ испещренный“ (χρυσοσωληνοκέντητον)[3] коловій, который зовется также „βότρυς“ (см. ниже), и надѣваетъ „тогу“ (toque, клобукъ безъ бортовъ, какъ у судей), или тіару.[4] Провожаютъ царя чины кувуклія въ пурпурныхъ сагіяхъ (ἀληθινά), а царь ѣдетъ верхомъ, и конь его покрытъ золотыми чепраками, и съ хвоста конскаго и всѣхъ ногъ висятъ широкія повязки (персидская мода отъ Сассанидовъ: πέτασοι πράνδιοι), и ѣдутъ за царемъ архонты, магистры, патриціи и весь синклитъ на коняхъ, покрытыхъ чепраками, за ними спаѳаріи также верхомъ, съ мечами, сѣкирами; силенціарій же и церемоніймейстеръ, контославлъ, страторы слѣдуютъ пѣшими, послѣдніе съ щитами и вѣтвями лавра, далѣе верхами спаѳаріи евнухи, спаѳаріи бородатые, со спаѳовакліями (алебарды).[5] Къ длинному описанію этого выхода прибавлена замѣтка, что со Льва Мудраго этотъ выходъ дѣлать царю верхомъ въ скарамангіи и при возвращеніи облачаться въ коловій, называемый βότρυς[6] и бѣлую стемму.[7] Лю-

[1]) I, 2—9 (α′—β′).

[2]) I, 10, 71—86.

[3]) Рейске, (комм. 186 sqq.) толкуя правильно σωληνοκέντητον какъ vestis rugata, особой полосатой, или трубчатой парчи, даетъ затѣмъ просторъ всякимъ догадкамъ и сближаетъ эту парчу съ др. русскимъ корзномъ — crosnae, crusinae. Но эта парча точно описывается и у Павла Силенціарія, какъ завѣса, στολίς или πέπλος, и не имѣетъ ничего общаго съ корзномъ. [Ср. J. Ebersolt. Les arts somptuaires, p. 46, note 1.]

[4]) 1, 10, 80.

[5]) Ibidem, 81—82.

[6]) [Обычно принимается, что коловій назывался гроздомъ изъ за своего обильнаго украшенія драгоцѣнными камнями и жемчугами, а также и золотого шитья. См. Д. Ѳ. Бѣляевъ, Byzantina III, 165.]

[7]) Ibidem, p. 85—86.

бопытная подробность сообщена въ 17 главѣ I книги, что чепракъ и сѣдло коня подъ царемъ украшены драгоцѣнными камнями и эмалью (σελοχαλίνου χρυσοῦ διαλίθου χειμευτοῦ),[1] при пышной поѣздкѣ въ чтимый храмъ Св. Мокія, на краю города; проводы бываютъ столь же многолюдные, но, при въѣздѣ во дворецъ верхомъ остается только царь, а остальные всѣ идутъ пѣшіе.[2] Также интересна церемонія съ переоблаченіемъ царя у Золотыхъ воротъ на выѣздѣ, въ день Вознесенія, въ храмъ Б. М. Пигійской: сойдя на берегъ, устанавливаются чины кувуклія кругомъ, царь становится въ серединѣ, и увѣнчиваетъ его тамъ препозитъ стеммою ради того, „чтобы не дѣлать этого передъ спаѳаріями изъ варваровъ“[3]; затѣмъ царь ѣдетъ верхомъ, а патриціи и прочая свита идутъ пѣшкомъ, далѣе царь тамъ переоблачается въ дивитисій и хламиду, службу совершаетъ патріархъ.[4] Лишь изрѣдка, и, повидимому, ради желанія скрасить сухіе и безконечные перечни всѣхъ церемоній съ поименованіемъ чиновъ и частей, встрѣчаются въ главахъ частичныя указанія: что на день Воздвиженія чины кувуклія одѣты въ пурпурныя сагіи, а служащіе въ кувикулѣ только въ камисіяхъ, патриціи же въ хламидахъ простыхъ (λιτά), т. е. безъ украшеній, неизвѣстно какого цвѣта, и служба бываетъ въ Великой церкви, но выхода не дѣлается.[5] Правда, выходъ въ день Рождества Христова, день религіозной и бытовой радости, отмѣчается тѣмъ, что патриціи облачались въ хламиды, одни — въ пурпурныя (τύρεα), другіе въ хламиды яблочнаго цвѣта (розово-палеваго — μηλινοκάθρυπτα отъ μῆλον κατὰ ρυπτά), равно и члены кувуклія — одни въ хламиды тирскія, другіе съ пурпурными павлинами (ταῶνας κογχευτούς).[6] На Крещеніе и Срѣтеніе кратко сообщается, что чины облачаются въ бѣлое, чины кувуклія только въ камисіяхъ, на празднество Православія во Влахернахъ всѣ являются по чину въ ἀλλαξίματα ἄσπρα[7] откуда ясно, что бѣлыми могли быть и не однѣ только хламиды, но и сагіи, и скарамангіи, и пр., что требовало бы отъ чиновъ заготовлять нѣсколько облаченій одного типа, если бы не было для этого дворцовыхъ складовъ, изъ которыхъ брались на праздникъ потребныя облаченія. Въ главѣ I, 29 сообщается, что по случаю Крестопоклоннаго Воскресенія, „въ старину (ἐν τοῖς παλαιοῖς χρόνοις), на праздникъ Благовѣщенія чины являлись въ бѣлыхъ хламидахъ“, очевидно, несмотря на постъ, въ честь великаго праздника, и даже — прибавляется — въ этотъ праздникъ не бываетъ земного поклоненія (οὐκ ἔπιπτον), а честь оказывали поклоненіемъ „до колѣнъ“.[8] Однако, въ Благовѣщеніе патриціи

---

[1]) I, 17, 99.

[2]) I, 17, 107.

[3]) См. выше стр. 220, пр. 1; въ I, 66, 298 говорится: „надо знать, что передъ бородатыми (ἐνώπιον βαρβάτων) царь никогда не надѣваетъ стеммы, такъ повелось хранимое доселѣ преданіе (τῆς παραδόσεως) съ самаго начала, но по какому случаю, нигдѣ не указано.

[4]) I, 18, 108—114.

[5]) I, 22, 125.

[6]) I, 23, 128.

[7]) I, 26, 143; 27, 148; 28, 157.

[8]) [Здѣсь идетъ рѣчь, повидимому, о совпаденіи праздниковъ Благовѣщенія и воскресенья Крестопоклонной недѣли, см. I, 29—30, 162—163.]

(являющіеся образцомъ и по сану и по опыту) облачаются въ бѣлыя хламиды съ пурпурными тавліями (ταβλία ἀπὸ ὀξέων), а не золотными (ὑποχρυσοκλάβων), какъ указано въ I, 30 главѣ.[1] Въ Великую Субботу весь синклитъ облачается въ черныя хламиды (ἀτραβατικά), а начальство кувуклія въ хламиды пурпурныя (τύρεα), а препозиты въ хламиды со львами и золотыми тавліями (λεοντάρια χρυσόταβλα подразумѣвается χλανίδια).[2]

Облаченіе препозитовъ.

Вотъ единственное указаніе того, какъ костюмируются препозиты, которые представляютъ своимъ чиномъ весь царскій дворецъ, и какъ въ древности его стѣны украшались львами, идущими торжественнымъ дозоромъ около стѣнъ ими охраняемаго дворца, такъ здѣсь именно тѣ же львы, идущіе дозоромъ, на одеждахъ главныхъ дворцовыхъ чиновъ.[3] Теперь мы можемъ прямо назвать придворнаго въ свѣтлозеленой одеждѣ съ львами въ кругахъ въ рукописи Іоанна Златоуста Парижской библіотеки, стоящаго справа отъ царя первымъ и умиленно сложившаго руки, препозитомъ (см. выше стр. 268). Далѣе, мы можемъ къ подобнымъ придворнымъ облаченіямъ отнести и тѣ полуперсидскія, но изъ византійскихъ фабрикъ, шелковыя ткани съ идущими ширингою слонами — одна изъ византійской фабрики термъ Зевксиппа была найдена въ могилѣ Карла Великаго и была въ нее положена при императорѣ Оттонѣ III.[4]

Облаченія новелиссима и магистра.

Изъ наблюдаемаго нами въ сборникѣ Константина правила, понятно, имѣются исключенія, такъ напримѣръ, въ обрядѣ рукоположнія новелиссима сообщено, что его хламида зеленая, имѣетъ (на ткани или вышитыя) золотыя розы (ῥόδα χρυσᾶ) и золотые тавліи.[5] При этомъ очень характерно, что сказано нарочно о томъ, что царь самъ или оба владыки περιβάλλουσιν αὐτῷ мантію, исполняя этимъ по завѣту магическую формулу инвеституры, сохранившуюся во внѣшности обряда; жалуемый, со своей стороны, принимаетъ одежду, раскрывая руки ἁπλοῖ τὰς χεῖρας.[6] Напротивъ того, получившій стихарь и валтидій новый магистръ одѣвается препозитомъ въ зимнемъ консисторіи.[7]

Записи даримыхъ облаченій.

Наконецъ, мы имѣемъ все же въ сборникѣ Константина двѣ замѣтки о дворцовыхъ облаченіяхъ, въ ихъ особомъ примѣненіи, какъ подарковъ (λόγῳ ξενίων) во время предпринятаго похода чужеземцамъ (т. е. такъ называемымъ варварамъ) всякаго рода.[8] Записки очень краткія и могутъ быть переданы здѣсь приблизительно цѣликомъ.

---

¹) [Какъ указывается самымъ заглавіемъ этой главы, идетъ рѣчь о совпаденіи праздниковъ (см. пред. прим.); хламиды съ пурп. тавліями одѣвались въ такомъ случаѣ, вмѣсто полагавшихся на Благовѣщеніе хламидъ съ золотн. тавліями; см. стр. 162.]

²) I, 35, 181.

³) Сообщаемъ кстати по атласу Фальке таблицы шелковыхъ тканей со львами: рис. 11, 239—40, относящіяся именно къ X—XI вѣкамъ. [Также J. Ebersolt, Les arts somptuaires, p. p. 78, 80, 82; fig. 37, 39.]

⁴) [Ebersolt, o. c., p. 78, fig. 38; о мастерскихъ — p. 4. Указанія на литературу Ch. Diehl. Manuel, II, p. 647, note 2.]

⁵) I, 44, 227.

⁶) I, 47, 238.

⁷) I, 46, 233.

⁸) App. ad l. I, 469—470.

Первая трактуетъ о кускахъ матерій, подобранныхъ для одеждъ извѣстнаго типа. 1. Скарамангіи разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ (ἐξεμπλίων); скарамангіи бѣлые, лимонные, голубые; колобіи μεγαλόζηλα изъ тѣхъ, что для дому (ἐκ τῶν κατ᾽ οἴκους); одежды (ἐσωφόρια) для дома, подобныя же λεπτόζηλα разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ для дома, бѣлыя съ чернымъ (ἀσπρομύναια), διυγαντάρια (?) бѣлыя и темныя καὶ ἰαστὰ; лоратныя тритканныя и оловиры ἰαστὰ и покровы (ἀναλεκτὰ) разныхъ цвѣтовъ. 2. Сшитыя одежды (Διὰ τῶν ἐρραμμένων). Одежды (ἱμάτια) вышитыя, разрѣзныя, съ оплечьями (μανιακάτα) изъ скарамангіевъ различныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, окаймленные (ἀμφιεσμένα) пурпуромъ (ἀπο διβλαττίων). Иные колобіи изъ домашнихъ средняго достоинства, разрѣзные, съ „маніаками простыми.“ Далѣе слѣдуютъ указанія, въ чемъ должно ихъ уложить, и вновь перечисляются: „тувіи“ (панталоны, покрывавшія ноги отъ пояса до пятъ)[1] отъ вышеуказанныхъ одеждъ, какъ высшаго достоинства, съ пурпурными орлами и царскими эмблемами, „такъ и второстепенныя,“ съ мушками; сфинктуріи, талассы и авдіи(?) съ широкими и узкими полосками, иныя съ пурпурными коймами, другія простыя; исподники различной работы; наплечки пурпурныя перваго, второго и третьяго разряда; пояса пурпурные разные и поддѣльнаго пурпура по 1 м. и 4 мил., и другіе поддѣльнаго по 1 ном. и еще по 8 мил.; сапоги сафьянные съ ремнями разные.“

Свидѣтельство Прокопія.

Такимъ перечнемъ совершенно удостовѣрена точность общаго свидѣтельства Прокопія въ его Anecdota, что его современники греки приняли отъ гунновъ и нравы и самое одѣяніе: αἱ ἐπωμίδες καὶ ἀναξυρίδες καὶ τῶν ὑποδημάτων τὰ πλεῖστα εἷς τῶν οὔννων τὸ τε ὄνομα καὶ τὸν τρόπον ἀποκέκριτο σφίσιν.[2] Прокопій, правда, указываетъ только на армелавсіи (назвалъ ихъ по гречески: ἐπωμίδες), хозы — штаны (ἀναξυρίδες — какъ у Персовъ) и обувь (повидимому чаги — τζάγγαι). Точнымъ памятникомъ служитъ также мозаическій образъ св. Севастьяна въ ц. S. Pietro in Vincoli въ Римѣ отъ 680 года. Но самое важное свидѣтельство и притомъ общаго историческаго характера, которое изъ перечня этихъ подарковъ варварамъ мы получаемъ, говоритъ о той роскоши въ одеждахъ и бытѣ, что варвары съ VI вѣка принесли въ Европу, и что они требовали взамѣнъ, какъ выкупъ или постоянную аренду, отъ Византіи, въ этомъ отношеніи рано варваризованной.

---

[1]) Ради неясности текста и неизвѣстности иныхъ терминовъ выписываемъ текстъ (App. ad l. I, 470): τουβία ἐκ τούτων πάντων, τὰ μεν προκριτώτερα ἀπο διβλαττίων ἀετῶν και βασιλικίων ἀμφιεσμένα, τὰ δὲ δεύτερα τούτων ἀπὸ βδελλίων; σφ.γκτούρια, θάλασσαι καὶ ἀβδία π/ατύλωρα καὶ ἀβδία μασουρωτὰ τὰ μὲν ἀμφιεσμένα ἀπὸ διβλαττίων τὰ δὲ καὶ λιτά. ὑποκαμισοβράκια διαφόρων ποιοτήτων; ἐπιῤῥιπτάρια ὀξέα πρῶτα καὶ δεύτερα καὶ τρίτα; ζωστρία ὀξέα διάφορα καὶ ψευδοξέα ἀνὰ νομίσματος ἑνὸς καὶ μιλιαρηίων δ′. καὶ ἕτερα ψευδοξέα ἀνὰ νομ. α′, καὶ ἕτερα ἀνὰ μιλ. η′; ὑποδήματα ἀδήμινα ζυγαὶ διάφοροι.

[2]) Proc. Caes. Anecdota (= Hist. arc.), VII 3. Ср. свидѣтельство Прокопія о роскоши гуннскаго офицерства, въ Bellum Got, книга IV.

Свидѣтельства Свят. Іоанна Златоуста о роскоши.

Пользуюсь представившимся случаемъ, чтобы сказать кратко о роскоши въ эту эпоху передѣлки греко-римскаго міра, не съ тѣмъ, однако, чтобы ограничиваться общими мѣстами о пышности пріемовъ византійскихъ царей и роскоши ихъ двора. Чтобы получить настоящую характеристику, слѣдуетъ обратиться къ рѣчамъ св. Іоанна Златоуста, который въ своихъ словахъ и проповѣдяхъ съумѣлъ соединить съ высокимъ религіознымъ краснорѣчіемъ и сатирическіе выпады противъ нравовъ распущенныхъ богачей своего времени, которыхъ онъ громилъ въ лицо въ самой церкви, повидимому, непосредственно къ нимъ обращаясь, ихъ опрашивая и самъ за нихъ отвѣчая. Проповѣдникъ кратко рисуетъ картины современной ему столичной жизни: царскій выходъ, свита въ драгоцѣнномъ пурпурѣ, въ золотѣ, царская корона сверкаетъ золотомъ и рѣдкими камнями, на шелковыхъ одеждахъ виднѣются вышитые золотомъ драконы (по взглядамъ отцовъ Церкви — это демонская эмблема), у царской гвардіи на золотыхъ щитахъ сдѣланы два глаза — магическій символъ, идутъ бѣлые мулы подъ золотымъ ярмомъ, вельможи въ шелковыхъ, златотканныхъ одеждахъ, пахнутъ издалека восточными ароматами, пояса на нихъ съ золотомъ и камнями.[1] Дома богатыхъ людей тоже отличаются роскошью — съ позолоченными крышами, дверьми изъ слоновой кости, золочеными плафонами, мозаическими полами, коврами, золочеными капителями колоннъ, расписанными спальнями, постелями изъ слоновой кости, сосудами изъ золота и серебра.[2] И это все богатсто, вся пышность и роскошь у вчерашнихъ бѣдняковъ, которые тщеславятся расточеніемъ всюду золота, рядятъ своихъ евнуховъ золотыми гривнами и браслетами. Говорятъ, философъ Аристиппъ, будучи въ гостяхъ у такого богача со вчерашняго дня, долго осматривался, гдѣ бы ему плюнуть, и не найдя пригоднаго мѣста, плюнулъ хозяину въ лицо, съ извиненіемъ, что свободнаго уголка не видитъ. Какіе пиры даютъ эти богачи, тоже дивится ораторъ: дивные столы сигмою, тяжелые, блестятъ золотою отдѣлкою, слуги въ анаксиридахъ, шароварахъ; толпы музыкантовъ, драгоцѣнныя блюда и чаши, гости щеголяютъ золотомъ на рукахъ, пальцахъ, башмакахъ и т. д. Богатый матеріалъ даетъ оратору циркъ, игры и потѣхи, и публика, развращенная подъ стать гистріонамъ, также напѣвающая непристойныя пѣсни, пляшущая непотребные танцы.[3] Эти люди не знаютъ Христа, живутъ авгуріями, прорицаніями, заклинаніями, магическими формулами.

Варварскій характеръ роскоши.

Несомнѣнно, эта тяжелая, не художественная, матеріальная роскошь, какъ началась вмѣстѣ съ появленіемъ варваровъ, въ средѣ греко-римскаго міра, такъ и осталась въ варваризованной Византіи IX—X вѣковъ,

---

[1]) S. Joannis Chrysostomi. De perfecta caritate, 6; Migne, P. G., t. 56, 286—287. [О царской діадемѣ ср.: Reprehensio, IV; Migne, P. G., t. 51, 150; о шелковыхъ одеждахъ: In psalmum XLVIII, 2, 6, 8; M. P. G., t. 55, 502, 508, 511, 512; In Matthaeum Hom. XX (al. XXI); M. P. G., t. 57, 290—291. О золотыхъ уздахъ муловъ, златоносящихъ коняхъ и т. п.: In ps. XLVIII, 6; M. P. G., t. 55, 508; In Matth. XX; M. P. G., t. 57, 289].

[2]) S. Joann. Chr. In psalm. XLVIII, 8; Migne, P. G., t. 55, 510.

[3]) См.: S. Joann. Chr. Contra ludos et theatra, Migne, P. G., t. 56, 264—270.

и никакія усилія иконоборцевъ обуздать это явленіе, какъ и попытки Македонской династіи возстановить на христіанской почвѣ образованное общество, создать для него болѣе благородныя развлеченія, напомнить литературу, искусство и обстановку древней Греціи и стараго Рима не привели къ особенно замѣтнымъ результатамъ.

Намъ думается, что эти двѣ вышеприведенныя краткія замѣтки являются яснымъ доказательствомъ того варварскаго всеобщаго влеченія къ роскоши, которое охватило съ V вѣка Византію и ея дворъ, и ея „друзей варваровъ".[1] Дѣло въ томъ, что всѣ перечисленныя одежды или были заимствованы даже отъ варваровъ, или обрѣтались у ихъ знати и владыкъ въ обиходѣ, и греческіе цари считали эти дары лучшимъ средствомъ утвержденія мира въ ихъ странахъ или отысканія живой помощи для Имперіи. Легко можемъ догадаться, что скарамангіи всевозможныхъ цвѣтовъ изготовлялись тоже не даромъ: варварскіе владыки желали, стало быть, имѣть у себя почти копію греческаго двора; далѣе даже и въ домашнемъ быту новые короли и князья желали имѣть домашніе костюмы разнообразныхъ цвѣтовъ и рисунковъ и тѣ же соединенія цвѣтовъ: бѣлаго и темнаго, одежды съ пурпурными лорами и пр. Готовыя одежды, для варваровъ изготовленныя, имѣли оплечья, какъ у высшихъ дворцовыхъ чиновъ Византіи, съ разными рисунками; самые отборные панталоны съ орлами и царскими знаками были при этихъ облаченіяхъ. Рядъ плащей, правда, не упоминаемыхъ вовсе въ сборникѣ Константина, внѣ этихъ замѣтокъ, но извѣстныхъ, однако, византійцамъ, показываетъ большое вниманіе къ задачѣ уловленія „друзей". Таковъ узкій плащъ, носящій даже названіе „стянутой хламиды" (χλαῖνα) и напоминающій всего болѣе извѣстную въ Россіи черкеску, подобіе скарамангія, т. е. одежду для верховой ѣзды, но изъ толстаго сукна или драпа, разрѣзную и спереди, и даже нѣсколько по бокамъ, а сзади тоже собранную въ складки. Контрастъ представляетъ θάλασσα, плащъ столь широкій, что онъ и назывался „моремъ или орломъ" — ἀετός, какъ говоритъ прод. Өеофана,[2] особенно обширный воинскій плащъ, а также ἀβδία, если только вѣрна догадка, что эта верхняя одежда заимствована отъ арабской абы.

Смыслъ и значеніе даренія одеждъ варварамъ.

Доказательствомъ того, что всѣ выше перебранныя одежды и принадлежности назначались именно для варваровъ, доставлено самимъ царемъ Константиномъ въ слѣдующей припискѣ: „все надо уложить въ ящики или въ мѣшки и все это назначается для высокородныхъ перебѣжчиковъ, какіе случатся, и для отсылки высокорожденнымъ и важнымъ язычникамъ" (μεγάλους ἐθνικούς).[3]

Поясъ.

Варварамъ посылались также пояса, пурпурные и поддѣльнаго пур-

---

[1]) Chron. Alex., Iustin. regn., IV anno, разсказъ о царѣ Лазовъ въ хламидѣ съ золотымъ тавліемъ и портретомъ царя Іустина. [См. о томъ же событіи Recueil-Kondakov, 218 (и прим. 1) и Theophanis, Chronographia, A. M. 6015 in Migne, P. G., t. 108, col. 393.] Ср. разсказъ у Өеофана о царькѣ Ареөѣ, [A. M. 6064, ibidem, c. 532—533].

[2]) Reiske. Comm. p. 547.

[3]) App. ad. l. I, 470.

пура, при чемъ точно указывается даже рыночная цѣна этимъ послѣднимъ; пояса, видимо, воинскіе, т. е. пояса съ портупеями, но безъ металлическихъ уборовъ, и цѣнность ихъ заключалась кажется въ цвѣтѣ и въ царскомъ происхожденіи, такъ какъ пурпуры всякаго рода были запретнымъ экспортомъ. Въ данномъ мѣстѣ пояса названы только ζωστρία, тогда какъ портупеи и у Константина и Кодина именуются βαλτίδια (отъ balteus), однако, и ζωστρίον не то, что ζώνη, и σπάθια ζωστίκια суть мечи, висящіе на воинскихъ поясахъ. Послѣ перемѣны IV вѣка поясъ съ золотымъ или золоченнымъ наборомъ сталъ знакомъ государственной службы въ Византіи, по образцу Персіи,[1] гдѣ пехлеваны и князья представляются у Фирдоуси съ драгоцѣнными поясами (X, 180; XII, 35, 105), и при Багдадскомъ дворѣ стало за обычай отличать людей поясами съ перевязью, съ драгоцѣнными камнями. Тѣмъ менѣе, понятна, однако, цѣнность поясовъ только пурпурныхъ, и, возможно, что терминъ ζωστρία отмѣчаетъ особенно сложныя портупеи съ аграфами и фаларами...[2]

Значки. Византійскій дворъ явился иниціаторомъ всякаго рода эмблематическихъ знаменъ и значковъ, хоругвей и фламуловъ, жезловъ и диканикіевъ, почетныхъ ожерелій, маніаковъ и гривнъ, наручей (βραχιάλια) и поручей (ψελλία), цѣпей, всякаго рода бахромы или украшающихъ коймъ и спекій (въ др. Руси — образцовъ или зерцалъ) на латахъ, кольчугахъ и восточныхъ куякахъ. Именно изъ Византіи пошли въ качествѣ почетныхъ и женскихъ украшеній шейныя цѣпи съ медальонами, столь развившіяся затѣмъ въ средневѣковомъ обиходѣ. Во всемъ этомъ матеріалѣ мы остановимся, однако, только на наиболѣе характерныхъ формахъ и притомъ преображающихъ грекоримскія формы.

Коймы. Таковы, прежде всего, разныя коймы, по общему термину книги „О церемоніяхъ" — μαργέλλια: какъ латинское слово (французское — marge), мелькающее при перечнѣ облаченій, но, къ сожалѣнію, безъ опредѣленныхъ эпитетовъ, которые бы дали намъ дальнѣйшія указанія, кромѣ этого основного. Между тѣмъ это не остановило Рейске, который попробовалъ приложить и здѣсь свое остроуміе и филологическую игру.[3] Найдя у Вальсамона текстъ, объясняющій, какъ глосса, вышитыя золотомъ эмблемы (τὰ πολυτελῆ χρυσοΰφαντα ἐμβλήματα) тремя простонародными (δημοτικῶς λεγόμενα) словами: μαργέλλια, γράμματα καὶ ἀντίπανα, онъ предположилъ, что будто бы всѣ три значатъ одно и то же. Но и Вальсамонъ здѣсь злоупотребилъ эрудиціею и смѣшалъ вмѣстѣ: коймы, вышивныя мѣтки буквами и обычно „гаммою"

[1]) [Ср. свидѣтельство Прокопія, Bell. Pers., I, 17, о томъ, что въ Персіи нельзя носить пояса, если онъ не пожалованъ царемъ (ed. Bonn., p. 86).]

[2]) [См. у Іоанна Лидійца описаніе пояса эпарха преторія, — пурпурной кожи, украшеннаго съ одной стороны золотой лунницей (σεληνίσκον), а съ другой язычкомъ въ формѣ виноградной грозди (εἰς βότρυος σχῆμα); золотая пряжка (περόνη) соединяла эти два украшенія и прокалывала ремень. Поясъ этотъ назывался ζωστήρ. Ioann. Lydi, De magistratibus P. R., II, 13, p. 179 (ed. Bonn.).]

[3]) Reiske, Comm. ad de cer., p. 536 sqq.

(русскій орнаментъ — глаголи) или грамотою, и наконецъ, — накладки-оплечья, наплечники, наручи-антипаны (antepanni). Рейске затѣмъ, вмѣсто латинскаго слова, увидалъ въ margellia арабское и опредѣлилъ, что это — racama, то же, что итальнское ricamato — вышитое, а это близко отъ morgom и было ранѣе margemium и т. д. Между тѣмъ, самъ же Рейске приводитъ текстъ Гезихія, что τρίβων — плащъ со значками (σημεῖα) на подобіе буквъ (ὡς γράμματα), и, въ доказательство своихъ сближеній, что царскіе покровы нагробные имѣютъ по краямъ вышитыя жемчугомъ надписи. Пока всѣ эти разсужденія будутъ безплодною игрою, такъ какъ мы не имѣемъ никакой почвы для нихъ. То-же самое надо сказать о пресловутыхъ парагаудахъ, хотя имѣется болѣе матеріала. Такъ Іоаннъ Лидянинъ въ сочиненіи De magistratibus Populi Romani[1] говоритъ о παραγῶδαι αὐριγάμμοι, которыя, подобно хитонамъ, также украшаются у ногъ съ обѣихъ сторонъ золотою вышивкою на подобіе гаммъ (εἰς γάμμα στοιχεῖον). Стало быть парагауды были верхнею одеждой.[2] У Константина сообщается о чинѣ кувикуларія, что его облаченіемъ служитъ камисій, обшитый пурпуромъ, καὶ ἡ τοῦ λεγομένου παραγαβδίου στολή.[3]

Парагауда.

Въ описаніи производства кувикуларія сообщаемый текстъ подходитъ еще ближе къ вопросу. Главные чины придворной службы, препозитъ и примикирій (или нѣсколько ихъ), при производствѣ кувикуларія вѣшаютъ въ часовнѣ Св. Θеодора на баллюстраду алтаря (εἰς τὰς κιγκλίδας τοῦ βήματος) τὸ χρυσοῦν παραγαύδιον, затѣмъ приводятъ назначаемаго, надѣваютъ ему камисій и, указывая на парагавдій, напоминаютъ о значеніи одежды, принимаемой отъ святыхъ вратъ; онъ трижды преклоняется и облачается.[4] Слово στολή къ этому времени стало именемъ священныхъ облаченій и ихъ частей, какъ напримѣръ, епитрахили, омофора, ораря и пр., и потому, когда мы постоянно затѣмъ въ текстахъ встрѣчаемъ выраженіе μετὰ τῶν π., не знаемъ, идетъ ли рѣчь о накидкѣ, или оплечьи, или даже особой одеждѣ. Такъ напримѣръ, по поводу блестящаго пріема Сарацынскихъ пословъ при Константинѣ VII Порфирородномъ, для заключенія міра и обмѣна плѣнныхъ, когда даже „бородатымъ“ были выданы не въ примѣръ и противъ обычая жемчужные маніаки (оплечья) „ради показа“, то даже привратники (остіаріи), отдергивающіе завѣсы у дверей, поверхъ камисіевъ надѣли золотые парагавдии и держали золотые съ камнями жезлы.[5]

Но при этомъ случаѣ надо вновь повторить, что мы не можемъ теперь, безъ новыхъ работъ по греческому словарю и археологическихъ изслѣдованій ближняго Востока, понять весьма многихъ облаченій и еще болѣе различныхъ деталей. Мы не знаемъ точно, что собственно такое именуется

Положеніе изученія вопроса. Σήμεντα.

---

[1]) Вотъ это мѣсто (II, 4): παραγῶδαις αὐριγάμμοις, ἀντὶ τοῦ χιτῶσι χρυσοῖς γαμματίσκοις ἀναλελογχωμένοις, ἀπὸ τῆς περὶ τοὺς πόδας ὤας καὶ τελευτῆς τοῦ εσθήματος ἐξ ἑκατέρων τῶν πλαγίων εἰς γάμμα στοιχεῖον διαζωγραφοῦσι χρυσῷ τὸν χιτῶνα. Ed. Bonn., p. 169.

[2]) [См. о нихъ Recueil-Kondakov, p. p. 215—222].

[3]) II, 52, 721.

[4]) II, 25, 624—625.

[5]) II, 15, 574.

въ облаченіяхъ (σήμεντα) σημεῖα?, и соотвѣтствуетъ ли оно, дѣйствительно, латинскому segmenta, и когда къ нему дополняется еще διακοπτὰ κοντομάνικα то должны ли мы добавить ἱμάτια, или должны считать σήμεντα въ другихъ случаяхъ только нашивками одеждъ? Только подозрѣваемъ, что значитъ σπέκια, русское зерцала на кольчугахъ, но находимъ эти спекіи у паракимумена, у логоѳетовъ (p. 585). Что за одежды или, вѣрнѣе, плащи — σαβάνια у спаѳаріевъ и что такое затѣмъ безъ объясненій указываемыя въ книгѣ στρατωρίκια (у начальника конюшенъ), στρατηλατίκια, κανδιδατίκια и пр., что упоминаются часто на большихъ пріемахъ? Но вотъ, около колесничниковъ димотовъ на ипподромѣ стоящіе четыре и к а с т а и е р г а т ы — всѣ, по случаю пышнаго пріема, надѣли τὰ ὁλοσήμεντα κοντομάνικα,[1] значитъ ли это τὰ ἱμάτια — расшитыя золотомъ и съ короткими рукавами (въ родѣ скарамангіевъ?), и что значитъ названіе и к а с т о в ъ? Нельзя же принять догадку Рейске — живописцы.

Σειρομάστης чауша. Такъ нельзя тоже принять догадку Рейске, что привѣшивавшійся къ поясу великаго чауша σειρομάστης Кодина,[2] ὃν κοινῶς καλοῦσι σαλίβαν, былъ „длинное копье“, о чемъ Рейске, какъ арабистъ, производя σαλίβα отъ арабскаго с а л и б — цѣпь, разсматриваетъ этотъ предметъ вмѣстѣ съ царскими подвѣсками (v. κατασειστά).[3] Но вполнѣ можно принять догадку Гоара[4] и Меурсія, которые оба занялись однимъ обычно темнымъ текстомъ Цецеса: с а л а в а или с а л и в а р и называли деревянную палочку съ желѣзнымъ острымъ концомъ, которую употребляли греческіе таможенные при своихъ тщательныхъ обыскахъ выходившихъ изъ Византіи, протыкая мѣшки и чемоданы. Понятна сама по себѣ характерность такой эмблемы у чауша, призывавшагося обычно при таможенныхъ поискахъ и казусахъ.

Χειρόρτιον. Далѣе, Кодинъ пропускаетъ безъ всякаго комментарія, какъ неизвѣстное, слово χ ε ι ρ ό ρ τ ι ο ν, обозначающее предметъ,[5] носимый на поясѣ п р о т о і е р а к а р і е м ъ, чиномъ, впервые появляющимся у Кодина, какъ и п р о т о к и н и г ъ. Между тѣмъ оба чина относятся къ начальнику царскихъ охотниковъ: первый — с о к о л ь н и к о в ъ, второй — псарей, т. е. онъ высшій ловчій. У протоіеракарія оказалось о т л и ч і е или своего рода з н а к ъ (вравій): л ѣ в а я п е р ч а т к а (χειρόρτιον — χειροθήκη), имѣющая около верхняго входа (руки) нашитую кайму, съ пурпурно-вышитыми орлами...

Отличія и ихъ число. Видимо, не мало можно было бы найти подобныхъ отличій, т. е. отличительныхъ знаковъ, которыми начальники частей сами себя отмѣчали, или ихъ представители - препозиты, чтобы узнать въ толпѣ, съ кѣмъ именно имѣемъ дѣло. Ибо, надо прибавить, число чиновъ византійскаго двора, по счету того же Филоѳея восходило: начальниковъ частей, начиная съ высшихъ, ἀξίαι числомъ $18 + 60 = 78$, и подчиненныхъ имъ въ каждой части

---

[1]) II, 15, 590.
[2]) De off. IV, 24.
[3]) Коммент., стр. 689.
[4]) G r e t s e r i et G o a r i, Comm. in Cod. c. IV, p. 243.
[5]) C o d i n u s p. 24—25: Τὸ τοῦ πρωτοϊερακαρίου σκιάδιον...; φέρει δὲ ἐπὶ ζώνης χειρόρτιον ἀριστερὸν ἔχον περὶ τὴν τῆς εἰσόδου ἄκραν ἐρραμμένον μαργέλλιον ὑφαντὸν, ἔχον ἀετοὺς ὀξέας.

(кромѣ офицеровъ и чиновъ флота) около 250, а всего въ главномъ составѣ двора отъ 300 до 500 человѣкъ.[1] Поэтому, немудрено, что и такому опытному знатоку не удавалось часто различить кого именно, даже изъ придворной части, онъ передъ собою видитъ, какъ можно заключить изъ одной брошенной замѣтки. Именно, перечисляя евнуховъ дворцовыхъ по чинамъ: мыльщиковъ, кувикуларіевъ, спаѳарокувикуларіевъ, остіаріевъ, примикиріевъ, протоспаѳаріевъ, препозитовъ, патриціевъ и т. д., Филоѳей говоритъ, что всѣ эти чины, вводимые, видимо, къ царю препозитами, по слову царскому признаются въ должности, а младшіе изъ нихъ, очевидно, „по присутствіи препозита“ и узнаются впослѣдствіи (καὶ διὰ τῆς τῶν πραιποσίτων παρουσίας γνωρίζεται)...[2]

Головные уборы.

Еще болѣе чувствительно для нашей задачи — общее изученіе матеріала книги „О церемоніяхъ“ пока невозможно — что мы не можемъ изъ нея извлечь ничего, для сколько-нибудь яснаго понятія о головоломныхъ головныхъ уборахъ Византіи. Думаемъ, что оно будетъ исполнено изъ западныхъ источниковъ, когда займутся разнообразными беретами Италіи сѣверной и южной по памятникамъ и записямъ XV—XVI вѣковъ. Пока же не знаемъ, что собственно σκίαδιον представлялъ у византійцевъ и какой видъ имѣли факіоліи. Въ древней Руси, получившей, подобно Византіи, свои головные покровы съ Востока, иные тоже изъ Византіи, сохранились до насъ названія и, помимо того, частью самые типы шапокъ и шляпъ. Византія приняла для головныхъ покрововъ или отвлеченные термины: калиптра, перикалимма — покрышки, или скіадии — дающія тѣнь, или факіоліи, которыя производятся отъ faciale, и что собственно значило бы: вуаль, платъ, откуда итальянское fazzoletto — платокъ. Но также просматривая русскія названія, убѣждаемся, что византійцы не принимали восточныхъ шапокъ и по климатическимъ условіямъ, какъ напримѣръ, горлатную шапку (персидская кула, высокая мѣховая шапка изъ ґорлъ звѣрьковыхъ) или треухъ. Но на мѣсто русской мурмолки или тюбетейки — шапокъ мѣховыхъ, суконныхъ и пр. — у грековъ была скуфья, носившая даже имя „скиѳское“. Одинъ видъ остроконечнаго колпака съ мѣховымъ или войлочнымъ околышемъ, но стоячаго (русскій столбунецъ), привился у грековъ и на всемъ пространствѣ восточной Европы даже подъ названіемъ гречаника, „шляпы земли греческой“,[3] а въ Италіи съ XII рѣка — alla grecanica, у русскаго простонародья — гречневикъ; извѣстны славянскія названія шляпъ — клобукъ, происходящія отъ колпака кочев-

---

[1]) II, 52, 716—720. Счетъ подчиненныхъ сдѣланъ Филоѳеемъ во множественномъ числѣ именъ: войсковому логоѳету подчинены: хартуларіи секрета, хартуларіи ѳемъ, хартуларіи тагмъ и т. д.

[2]) II, 52, 721.

[3]) [См. о шляпѣ земли греческой по былинамъ. М. Р. Фасмеръ: Шапка земли греческой. Сборникъ въ честь 70-лѣтія Г. Н. Потапина. Записки И. Р. Географ. О-ва, т. XXXIV, СПб. 1909, стр. 45—64.]

Клобукъ Θеодора Метохита.

никовъ. Но, въ то время, какъ славянская шапка представлена съ достаточною точностью рисунками и можетъ быть опредѣлена, греческія скіадіи и факіоліи останутся надолго неизвѣстными. Между тѣмъ мы слышимъ изъ той же книги Константина и записки Кодина, а также отъ разныхъ историковъ о тіарѣ, туфѣ и тогѣ. Съ другой стороны, изображеній этихъ предметовъ имѣемъ мало, кромѣ бѣлыхъ колпаковъ и красныхъ береговъ, да еще причудливаго клобука Θеодора Метохита въ мозаикѣ Кахріе-джами въ Константинополѣ.[1] На узкомъ матерчатомъ окольи, охватывающемъ голову, укрѣпленъ большой шелковый шаръ или пузырь полосатой тафты, натянутый на проволоку и слегка придавленный — явно, подобіе тюрбана, но безъ колпачка надъ нимъ (фески) и таша. Какъ можно понять изъ ямбическаго переложенія монаха Матвѣя „О чинахъ Константинопольскаго двора",[2] жившаго при Θеодорѣ Метохитѣ, послѣдній, какъ заслуженный „великій логоθетъ" — т. е. министръ иностранныхъ дѣлъ, получилъ отъ царя Андроника старшаго (умр. 1328) красную калиптру съ золотомъ, т. е. то отличіе, которымъ удостаивался санъ севастократора, великаго доместика и пр.[3] Какъ видимъ у чиновъ по сторонамъ Никифора Вотаніата на указанной миніатюрѣ Парижской рукописи Іоанна Златоуста, этотъ скіадій имѣлъ форму мягкаго колпака, но съ околомъ вокругъ головы болѣе крѣпкимъ, надъ которымъ мягкій верхъ колпака спадалъ концомъ и образовывалъ, по указаніямъ, своего рода ἀήρ — воздухъ, какъ бы покрывающій голову, какъ алтарный воздухъ покрываетъ дискъ.[4] Такого рода колпакъ, нѣсколько видоизмѣненный и чернаго цвѣта, получилъ въ церковномъ чинѣ, спеціально у архимандритовъ, названіе камилавкія, и этимъ именемъ зовется такой скіадій у историковъ.[5] Вообще же надо сказать, что XIV и XV вѣка особенно разработали многочисленныя формы головныхъ уборовъ мужскихъ и женскихъ, пока остающихся неизвѣстными.

Но, что касается клобука у Θеодора Метохита, то можно для него предполагать два названія: общее φακεώλιον (φακεωλίς) — подражательная форма восточныхъ тюрбановъ изъ шелка, натягиваемаго на проволочный каркасъ, или спеціальное названіе πῶλος — шаръ, небесный сводъ, дававшійся уже въ X вѣкѣ примикиріямъ, какъ знакъ отличія...[6]

---

1) [См. его изображеніе: Θ. И. Шмитъ. Кахріе джами (Изв. Русск. Арх. Инстит. въ К-лѣ, т. XI), альбомъ, табл. LVIII. Также J. Ebersolt. Les arts somptuaires, fig. 53, p. 126.]

2) Изд. при Боннскомъ изд. Codini, De officiis p. 218: ἔγνωμεν... τὸν καλὸν Μετοχίτην λογοθέτην μέγιστον, σοφίας λῆξιν, φοροῦντα χρυσῆν ἐρυθρὰν τὴν καλύπτραν, ἣν δῶρον αὐτῷ... ἄναξ ὁ λαμπρὸς παρέσχεν Ἀνδρόνικος.

3) Codini, off. III, 15; IV, 17 etc. [Ср. ibidem, p. 20: Τὸ τοῦ λογοθέτου τοῦ γενικοῦ (а имъ и былъ Метохитъ) σκιάδιον λευκὸν βλάτιον μετὰ μαργελλίων.]

4) [О скіадіяхъ см.: Н. П. Кондаковъ, Изображенія русской княжеской семьи, стр. 74 и слѣд. J. Ebersolt, Les arts somptuaires, 125.]

5) [О камилавкіи см.: J. Ebersolt, o. c., p. 96, 98.]

6) Текстъ Филоθея, II, 52, 721 ἡ τῶν πριμικηρίων ἀξία ἧς βραβεῖον χιτὼν λευκὸς σὺν ἐπομίοις (короткій плащъ или оплечье) καὶ πώλοις χρυσοϋφάντοις λαμπρῶς ἀμφιάζεται. Рейске, (Комм.

Скипетры, жезлы и т. д.

Мы не пытаемся представлять азіатскую пышность всякихъ скипетровъ, жезловъ и маніаковъ, какъ воинскихъ изъ золота съ камнями драгоцѣнными, такъ и маніакіевъ-оплечій, тоже усаженныхъ дорогими камнями въ гнѣздахъ, такъ какъ извлечь изъ книги Константина сколько-нибудь точныя указанія по этому предмету трудно и для нашей задачи дѣло излишнее. Кодинъ по этому пункту говоритъ болѣе и даже, въ качествѣ куропалата, выдаетъ разныя темныя стороны константинопольскаго двора, описывая красные жезлы чиновъ. Но и Клитορологій Филоѳея записываетъ, напримѣръ,[1] что значкомъ спаѳарокандидатовъ — офицеровъ личной гвардіи (9-ый чинъ изъ 12 высшихъ) является золотой маніакъ висячій (т. е. съ подвѣсными камнями), украшенный перилевкіемъ (κεκοσμημένον ἐκ περιλεύκιος), получается онъ изъ рукъ царя. Рейске, по справкѣ Сальмазія изъ книги Епифанія „О камняхъ“, указываетъ, что такъ назывался пятый низшій видъ яхонта,[2] почти лишенный цвѣта: первый — пурпурный (θαλασσίτης), затѣмъ розовый, синеватый, (какъ теперь и принимаютъ цвѣтъ гіацинта).[3] Въ древней Руси и на Западѣ перелефть относилась къ халцедонамъ, на ней рѣзали образки и печати, ею украшали иконы, оклады: „ножъ, черенъ бѣлой перелевтъ, цѣна два рубля“.[4]

Перилевкій. Яхонтъ.

7.

Конская сбруя. Кареты.

Несомнѣнно пышною являлась въ Византіи IX—X вѣковъ и конская сбруя, какъ для каррухъ-каретъ (ὄχημα), которыми пользовались не только цари и высшіе чины, особенно префекты города, высшіе магистры, убирая ихъ золотыми пластинками (ἠμφιεσμένον χρυσέοις πετάλοις), или серебряными (ἀργυροῦν ὄχημα), иногда и съ драгоцѣнными камнями (λιθοκόλλητον).[5] Мы уже упоминали о сѣдлахъ, покрытыхъ по дереву золотыми листами съ драго-

---

стр. 858), найдя единственное значеніе слова πῶλος — жеребенокъ, а въ новомъ греческомъ — оселъ, рѣшилъ считать, что на плащѣ были вышиты ихъ фигуры и перевелъ — cum figuris equorum.

¹) II, 52, 709.

²) Кстати о яхонтѣ. Въ замѣчательномъ сочиненіи Марка Розенберга Geschichte der Goldschmiedekunst auf technischen Grundlagen. Granulation. 1918, на стр. 132 имѣется клише записи X вѣка на оборотѣ выходного листа извѣстнаго Codex aureus Мюнхенской библіотеки — записи, говорящей о дополнительныхъ украшеніяхъ оклада. Запись начинается: de una parie lagontii X, prasini XXIII de altera parte lagontii IIII... Тамъ же замѣчено, что мѣсто хорошо читается, но издается, по неизвѣстности слова, которое прочтено lagontii и считается сафирами. Между тѣмъ яхонтъ есть точное произношеніе слова ὑάκινθος, но даже и у насъ въ Россіи забываютъ, что такое „яхонтъ“, а гіацинтъ считаютъ лилово-синяго цвѣта исключительно.

³) Reiske, Comm., p. 829.

⁴) Савваитовъ. Описаніе, подъ соотвѣтствующимъ словомъ.

⁵) I, 85, 388 и Reiske, Comm., p. p. 367—368 [Cp. S. Joann. Chrysost. De perf. carit., 6; Migne, P. G., t. 56, c. 286—287.]

цѣнною перегородчатою эмалью,[1] и великолѣпныхъ чепракахъ (χαιώματα), осыпанныхъ жемчугомъ по дорогой парчѣ или бархату.[2]

Воркадіи.[3] Остановимся на одной характерной детали царскихъ выѣздовъ верхомъ въ походъ. Въ приложеніи къ І-й книгѣ Константинъ Порфиродный написалъ собственноручно большую и подробную инструкцію, что надо царю, задумывающему войну, наблюсти самому лично.[4] Но позднѣе, вначалѣ, вставили разсказъ[5] о томъ, какъ царь (Константинъ Великій) приготовлялся къ войнѣ, самъ обо всемъ заботясь и во все входя, заранѣе распредѣлялъ свой выѣздъ и движеніе тагмъ и ѳемъ, т. е. отрядовъ гвардіи и войскъ столицы и войскъ провинціальныхъ. Выѣздъ совершался такъ: впереди императора, въ разстояніи отъ него какъ бы на милю (римскую), шли кони μετὰ ἀληθινῶν βορκαδίων по парамъ, съ лѣвой и правой стороны, и съ ними царскіе чины (βασιλικοὶ ἄρχοντες), затѣмъ (ѣхали) страторы (начальники конюшенъ царскаго конвоя) съ конюхами и прочій чинъ собственно царской службы, затѣмъ царь.[6] Итакъ, впереди всего поѣзда ведутъ коней самого царя, отмѣченныхъ кратко пурпурными воркадіями. Рейске не понялъ слова, перевелъ воркадіи лат. stragula, т. е. чепраками, но узналъ затѣмъ, что borcadium значитъ шапка, покрышка головы и происходитъ отъ арабскаго борка, имѣющаго это значеніе.[7] Дѣйствительно, другое мѣсто Константина приводитъ такое распоряженіе императора: купить грубой шерсти и покрасить въ пурпуръ, и сдѣлать чепраки и воркадіи числомъ 150; 100 для царскаго отряда, тридцать для конюшихъ и двадцать для ξεναλίων διδομένων ἱππαρίων — для раздачи при подаркахъ коней съ уборами.[8] Затѣмъ въ особой главѣ о ночныхъ объѣздахъ (περί τῶν κερκέτων) записка Константина даетъ подробную роспись войска и чиновъ по ихъ отдѣламъ на походѣ и вновь повторяетъ о томъ, что впереди придворныхъ чиновъ (τῶν βασιλικῶν) идутъ (περιπατοῦσιν), въ двухъ перелетахъ стрѣлы разстоянія, кони царскіе въ поводу (παρασυρτά) числомъ сто, съ пурпурными чепраками и воркадіями, по правой и лѣвой сторонѣ.[9] Невольно припоминается тщеславіе персидскихъ сатраповъ и воеводъ, имѣвшихъ тысячи верховыхъ коней, будто бы на готовѣ, стоящихъ въ сбруѣ, и затѣмъ яркая точка битвы —

---

1) I, 17, 99, 105: σελοχαλίνου χρυσοῦ διαλίθου χειμευτοῦ.

2) Codini, De off. XVII, 97. [Объясненіе слова см. Reiske, Comm., p. 285—286. Подробный разборъ выраженія ἱππεύειν τὰ χιώματα въ статьѣ Д. Ѳ. Бѣляева, Облаченіе Императора на Керченскомъ щитѣ, (Отд. отпеч. Ж. М. Н. П. 1893, окт.) стр. 20—24.]

3) [Эту часть см. также на французскомъ языкѣ: N. P. Kondakov. Un détail des harnachements byzantins. Mélanges—Schlumberger, II, p. p. 399—407.]

4) Appendix od l. I, 444—508.

5) Разсказъ отзывается и по слогу позднѣйшимъ временемъ и явно отнесенъ, однако, къ обычаямъ того же Константина VII Порфиророднаго, но, ради превознесенія греческихъ традицій, упомянуто имя Константина Великаго такъ же, какъ относили многія постройки дѣла Константина VII къ первому.

6) Id., 452.

7) Коммент., 491.

8) App. od. l. I, 462.

9) Id., 485.

красная челка княжескаго коня, свѣтящаяся воинамъ впереди. Стало быть воркадія — древне-русская красная челка. И, дѣйствительно, Кодинъ даже называетъ челку — κεφαλαρέα = челка и сообщаетъ, что налицо челка въ уздѣ (у деспота), двуцвѣтная, имѣетъ туфу съ пурпурною кистью, какъ и на царскомъ конѣ.[1] Пурпурная кисть названа коротко μετὰ φοινικίων, но она безъ „крышечки" (κόμπωσιν), а бѣлое сѣдло украшено красными орлами, и палатка бѣлая съ орлами красными же. О той же детали — о пурпурной челкѣ говоритъ и Никита Хоніатъ, и Маврикій въ Стратегиконѣ, (II, 2): μικρὰ τουφία κατὰ τῶν ὀπισθελίνων καὶ ἀντελίνων τῶν ἵππων.[2]

Конскія кисти на археологическихъ памятникахъ.

Обратившись къ восточнымъ памятникамъ, мы находимъ на ассирійскихъ царскихъ коняхъ двѣ кисти такого рода, одна надъ головою — челка и другая подъ шеею, гораздо больше размѣромъ.[3] Очевидно, въ Месопотаміи необходимость подобныхъ кистей конскихъ, качающихся на ходу и отгоняющихъ мухъ отъ конской головы и шеи ощущалась сильно, и вторая изъ этихъ кистей играла большую, очевидно, роль для кавалеристовъ, особенно на парадныхъ выѣздахъ. Такъ, индо-персидская миніатюра XVI вѣка,[4] представляющая выступленіе въ походъ Великаго Могола Джахира Мохаммеда Бабера (умр. 1530 г.) противъ Мазандерана (бывшей Парѳіи), хана, родомъ изъ Ферганы и основателя имперіи, даетъ слѣдующія детали поѣзда, являющіяся важными и для пониманія византійскихъ обычаевъ. Дорога идетъ среди высокихъ горъ, и часть передового отряда уже завернула справа налѣво по верхней дорогѣ, чтобы обогнуть, тогда какъ слѣдующая партія пѣшихъ и конныхъ еще идетъ по нижней слѣва направо. И вотъ именно впереди видимъ царскаго бѣлаго коня, покрытаго великолѣпнымъ чепракомъ и сѣдломъ въ золотѣ и серебрѣ, тогда какъ шея покрыта панцыремъ, тоже изъ серебра и золоченой бронзы. У коня челка въ видѣ большого пера во втулкѣ на особомъ ошейникѣ, къ которому подвѣшена большая и густая красная кисть. Около коня хлопочутъ и идутъ рядомъ два конвойныхъ, въ шишакахъ. Слѣдующая группа изъ идушихъ и почти бѣгущихъ мечниковъ съ обнаженными мечами, кричащихъ герольдовъ или царскихъ тѣлохранителей съ топориками въ рукахъ. Рядомъ ѣдетъ воевода, съ булавою въ рукѣ, окованною въ золото и съ „яблокомъ", на конѣ также съ челкою — перомъ и кистью подъ шеею и тоже съ панцыремъ на шеѣ коня и бархатнымъ чепракомъ. Затѣмъ ѣдетъ ханъ Баберъ, надъ которымъ, какъ надъ падишахомъ, гвардеецъ держитъ широкій зонтикъ. Конь у хана весь покрытъ панцыремъ, на шеѣ изъ пластинокъ створчатыхъ, на головѣ изъ сплошной доски, и всеже на особомъ ошейникѣ утверждена челка —

---

[1]) Codini, De off. III, 14.

[2]) Gretseri et Goari. Comm. in Cod., p. 227.

[3]) Perrot et Chipiez, Hist. de l'art, II. рис. 5, 115, 211. Ср. кисти коня сассанидскаго царя спереди у груди коня и сзади, Рус. Древн., III, рис. 83.

[4]) Издана у Racinet, Costume historique, III, pl. flèche, Inde. [Также Mélanges-Schlumberger t. II, pl. XVIII.]

перо и виситъ большая красная, колыхающаяся кисть подъ шеею. Самъ Баберъ имѣетъ доспѣхъ съ зерцаломъ — матерчатый, подбитый бѣличьимъ или горностаевымъ мѣхомъ к у я к ъ, въ родѣ скарамангія, съ широкою и короткою юбкою внизу, покрытый снаружи металлическими обоймами, но внутри, подъ краснымъ сукномъ, имѣющій, вѣроятно, кольчугу, а снаружи ряды металлическихъ бляхъ; на шишакѣ черная (султанская) кисть (aigrette). За царемъ слѣдующіе вплотную гвардейскіе офицеры держатъ: одинъ палицу, массивную, большую, красную и нарѣзанную желобами наверху; другой, на высокомъ красномъ шестѣ, черный бычачій хвостъ — значекъ воеводы или хана (какъ знамя, принятое у турокъ). Любопытныя поножи хана и его офицеровъ представляютъ цвѣтное матерчатое покрытіе бедеръ, также въ родѣ куяка, съ металлическимъ щиткомъ, закрывающимъ колѣна. Наше извлеченіе изъ этой замѣчательной миніатюры, конечно, страдаетъ неполнотою — полное было бы излишнимъ — и особенно недостаткомъ восточныхъ терминовъ, но достаточно, чтобы показать связи бытовыя и культурныя древняго Востока съ позднѣйшимъ и преемницею Востока — Византіею.

Втулки для кистей у кочевниковъ.

Но мы могли бы имѣть документальныя археологическія доказательства, того, что это преемство Византіи прошло также черезъ кочевниковъ, нахлынувшихъ въ средневѣковую Европу и принесшихъ съ собою персидскіе и среднеазіатскіе обычаи. Между скиѳо-сарматскими древностями имѣются нѣсколько зототыхъ, всегда ажурныхъ, трубочекъ, коротенькихъ и очень узкихъ, которыя ни для чего иного, видимо, не могли бы годиться, развѣ для волосъ, матеріи или кистей, которыя просовывались бы въ эти втулки, а затѣмъ шапочка кисти должна была бы покрываться особою золотою шапочкою съ колечкомъ наверху для подвѣшиванія. А такъ какъ на лошади кочевника навѣшивались кисти, по приведенному тексту, и спереди и сзади (сѣдла), то, понятно, мы могли бы имѣть въ нихъ то посредствующее звено, о которомъ идетъ рѣчь. Но доселѣ опубликовано только двѣ такихъ трубочки для охватыванія ими верха мужскаго или женскаго колпака, или же женской косы и цѣлой верхушки причесанныхъ волосъ,[1] и только одна изъ кургана Карагодеуашха[2] могла бы годиться для большой кисти или даже прямо конскаго хвоста, зажатаго въ такой втулкѣ: кстати на этой трубочкѣ и выбиты крылатые коньки по сторонамъ пальметки.

Самое замѣчательное изображеніе на сосудѣ С. М и к л о ш с к а г о к л а д а (рис. 82) какъ разъ дополняетъ описанную выше миніатюру, но такъ какъ мы должны будемъ говорить о немъ въ особомъ очеркѣ подробно, то здѣсь ограничимся лишь указаніемъ. Ѣдущій на конѣ ханъ побѣдитель самолично тащитъ, держа за чубъ, плѣннаго. Конь хана имѣетъ челку — перо и кисть

---

[1]) Рисунки въ соч. E. H. M i n n s, Scythians and Greeks, рис. 11, 96.

[2]) Ib. рис. 122. Должно замѣтить, что большинство скиѳо-сарматскихъ древностей еще не опубликовано, и, напримѣръ, изданіе находокъ одной Луговой могилы потребовало бы атласъ рисунковъ, и, въ частности, особенно мало были использованы находки конскихъ могилъ.

подъ шеею.[1] Самъ ханъ держитъ на плечѣ копье со значкомъ и сассанидскія „тороки“ ленты на шишакѣ и значкѣ.

Мы имѣемъ восточное продолженіе того же обычая дѣлать челку и шейную кисть даже въ Китаѣ. Между рисунками чудной работы и великолѣпной репродукціи изъ коллекціи Дусэ въ Парижѣ[2] опубликованъ одинъ, представляющій бѣлую верховую лошадь, приготовленную для выѣзда, съ большой кистью подъ шеею и малыми сзади, обдѣланными въ золотыя ажурныя или проволочныя трубочки съ жемчужными обнизями. Издатели видятъ въ этомъ рисункѣ работу XIV вѣка.

Конскій уборъ въ Россіи.

Но требуемое тождество между Востокомъ и Византіею можетъ дать русская древность и даже русская старина, конечно, потому что конскіе уборы были на Руси, понятно, приняты отъ кочевниковъ, Аланъ, Аваровъ, Гунновъ, Болгаръ и даже Татаръ. Недаромъ, оправа, остовъ сѣдла или его лукъ носитъ у насъ татарское названіе — арчакъ (ангыръ-чакъ, йегьер), и „арчакъ, оправа серебряная, сканная, съ финифтью“ напоминаетъ византійское сѣдло съ эмалью по золоту.[3] Чапракъ — нарядная попона изъ бархата или сукна, украшеннаго шитьемъ и бахромою, или чандаръ, уборъ изъ металлическихъ бляхъ, прикрѣпленныхъ къ сукну, закрывающему, подобно панцырю, спину и бока коня, вполнѣ отвѣчаютъ восточному обычаю кочевниковъ, защищавшихъ лошадь отъ стрѣлъ и ударовъ.[4] Но въ рускихъ старинныхъ описяхъ[5] недаромъ значатся сѣдла крымскія, бухарскія, арабскія, черкасскія, турскія, кизылбашскія и пр. И при этомъ описываются такъ: „сѣдло полное, ковано въ серебрѣ, дѣло чеканено — люди на конѣхъ, золочено все; тебенки серебряны, кованы, дѣло чеканное; на тебенкѣ по два человѣка на конѣхъ, тебенки и люди золочены всѣ, а кони бѣлы; стремяна серебряны; около ихъ рѣзаны слова — имя Бориса Ѳеодоровича.“ Должно сказать, что традиціонное изображеніе двухъ всадниковъ, одинъ противъ другого — идетъ еще отъ древне-восточныхъ темъ встрѣчи владыкъ на бѣлыхъ коняхъ, а затѣмъ у насъ отъ образцовъ, принадлежавшихъ кочевникамъ, отъ первыхъ вѣковъ до Р. Х. Что же касается тебенька,

Рис. 82. Изображеніе на сосудѣ Миклошскаго клада.

---

[1]) J. Hampel, Der Gotdfund v. N. S. Miklós 1885. рис. 3. Alois Riegl, Die spät-römisch. Kunst-Industrie, II, 1923, рис. XXXII—XXXIII.

[2]) V. Goloubew, Ars Asiatica, La peinture chinoise au Musée Cernuschi 1914, pl. XXIII.

[3]) П. Савваитовъ. Описаніе, арчакъ.

[4]) Тамъ же, чапракъ.

[5]) Тамъ же, сѣдла.

четыреугольнаго куска кожи у сѣдла, поверхъ стремянного ремня подвѣшеннаго для защиты ноги отъ тренія о ремень, то, какъ указываетъ Савваитовъ, также эта кожа именуется, не только у киргизовъ и въ Средней Азіи, но и у крымскихъ татаръ — тэпиньги.

Ворворка. Болѣе характерна роль такъ называемой ворворки[1] въ конскихъ и женскихъ уборахъ среднеазіатскаго Востока и древней Руси. Ворворкою называлась металлическая чашечка или даже шарикъ, прилаженный продѣтымъ внутрь шнуромъ къ втулкѣ (по старому — вотолкѣ) кисти. Такого рода шарики или колпачки дѣлались изъ листового золота, серебра или плетеныя изъ крѣпкаго шелку, съ жемчужными низками, смотря по тому, какъ дѣлалась втулка, металлическая, чеканная или же потальная (изъ тонкихъ плющенныхъ листовъ), или же, наконецъ, плетеная. При этомъ, если вотолки и ворворки плелись, то дѣлались для бѣлаго коня тоже διβολέα, то есть двухъ цвѣтовъ: бѣлаго и краснаго, какъ и въ Византіи въ IX—X вѣкахъ (см. выше), а именно: въ описи наузовъ Бориса Годунова упоминаются кромѣ „вотолокъ и ворворокъ серебряныхъ" также „ворворки шелкъ червчатъ да бѣлъ." Ворворки мы увидимъ затѣмъ во множествѣ на уборахъ женскихъ и иконныхъ изъ серебра со сканью, и сопоставлять ихъ придется не только со средней Азіей, но и съ народными уборами сѣверной Африки, такъ какъ эти формы разнесены были сиро-арабскимъ промысломъ по всему мусульманскому міру. Но особенно поразительно тождество конскихъ и женскихъ уборовъ въ Эрмитажномъ собраніи вещей Хивинскаго ханства, забранныхъ Черняевымъ при завоеваніи Хивы. Восточныя привычки къ бахромѣ и кистямъ всякаго вида и назначенія: по сторонамъ головы и ушей, на петляхъ и поясахъ, шапкахъ, головныхъ платкахъ, на сапогахъ и пр. Любопытно и то, что кисть съ ворворкою на шеѣ коня именовалась въ русской старинѣ наузомъ,[2] такъ какъ это же имя придавалось и разнымъ символическимъ завязямъ, узламъ и просто подвѣскамъ, съ качествомъ оберега или амулета. Наконецъ та же конская кисть подъ шеею называлась въ старой Руси боболевъ кутазъ или боболевъ хвостъ[3] и, по указанію Висковатова, дѣлалась изъ двойной шерсти: бѣлой и красной. Сенковскій сообщилъ, что кутазомъ называется рѣдкая порода быковъ въ Тибетѣ съ пушистымъ хвостомъ, и что Оттоманы на своихъ штандартахъ стали носить такіе воинскіе хвосты, называя также кутасомъ... У Донскихъ казаковъ боболевъ хвостъ доселѣ состоитъ въ числѣ знаковъ атаманскаго достоинства: на древкѣ золотой шаръ съ двуглавымъ орломъ и бѣлымъ конскимъ хвостомъ.

Въ легкой и тяжелой кавалеріи XV—XVI ст. въ Италіи, какъ представляетъ рисунокъ въ извѣстномъ собраніи костюмовъ Ч. Вечелліо,[4] также было въ употребленіи украшать не только каску всадника, но и голову лошади большимъ свѣшивающимся перомъ.

---

1) Тамъ же: ворворка.

2) Тамъ же, наузъ.

3) Тамъ же, боболевъ кутазъ.

4) C. Vecellio, Habiti antichi, 1598, p. 132, 133

8.

Цвѣтъ одеждъ

Скудость свѣдѣній, извлекаемыхъ изъ сборника царя Константина, о византійскихъ одеждахъ еще болѣе чувствуется по поводу цвѣта одеждъ: лишь изрѣдка мелькаютъ отрывочные, брошенные какъ бы на лету, разсказы о торжественномъ выходѣ или пріемѣ, или процессіи, замѣчанія о томъ, какого цвѣта были скарамангій царя или хламида патриціевъ, и всѣ эти слова относятся обычно лишь къ исключительному, чрезвычайному случаю. Между тѣмъ Византія придавала цвѣту одеждъ первостепенное значеніе, несравненно болѣе, чѣмъ рисункамъ тканей, и это отлично увидимъ въ книгѣ Кодина, гдѣ прямо цвѣта являются своего рода отличіемъ сановъ и чиновъ. Очевидно, составители сборника считали излишнимъ говорить о томъ, что всѣмъ, кому надо знать, извѣстно, а о прочихъ не требовалось и думать. Правда, историку искусства должно при этомъ принимать въ соображеніе, что греки и въ древности, и даже въ лучшія времена своего искусства были или, вѣрнѣе, оставались наиболѣе пластиками, рисовальщиками, чѣмъ живописцами, и отсюда ихъ склонность къ одноцвѣтному (вазовые рисунки), ихъ слабое расположеніе къ колориту (напримѣръ, сравнительно съ египетскимъ искусствомъ), и довольство свѣтлою иллюминаціею. Античная живопись, повидимому, поддерживалась болѣе Іоніею силами Востока и въ эпоху такъ называемаго эллинистическаго стиля.

Значеніе яркости красокъ.

Однако, значеніе красокъ въ одеждахъ было оцѣнено древностью высоко и характерно выражено, такъ, какъ, напримѣръ, и русская старина требовала отъ праздничнаго наряда, чтобы онъ былъ цвѣтной, не темный и тусклый, сѣрый или безцвѣтный, но яркихъ красокъ. Греческая древность выразила то же самое въ терминѣ ὀξύς, что значитъ собственно острый или яркій, но прилагалось собственно къ драгоцѣнному и священному пурпуру. Но и полная безцвѣтность ткани бѣлой была оцѣнена за ея свѣтъ, яркость, блескъ (λαμπρός). Въ томъ же смыслѣ и всѣ записи книги „О церемоніяхъ“ обычно расцвѣчиваютъ монотонность своихъ перечней красочными эпитетами одеждъ, тканей и завѣсъ, выставлявшихся на показъ въ праздничные пріемы и на торжественныхъ царскихъ выходахъ.

Бѣлыя одежды.

Традиція бѣлаго цвѣта, привычка и даже пристрастіе къ нему грековъ извѣстны, какъ своего рода канонъ античной культуры, установившійся вмѣстѣ съ произрастаніемъ льна въ Египтѣ и Передней Азіи и выработкою полотна. Уже Геродотъ (II, 37) съ особымъ почтеніемъ сообщаетъ, что египтяне носятъ предпочтительно полотняныя одежды, всегда свѣже вымытыя, и чистота одеждъ составляетъ для нихъ предметъ большой заботы, а равно и жрецы не носятъ иныхъ одеждъ, кромѣ полотняныхъ, ради той же причины. Лишь поверхъ полотняной одежды египтяне надѣваютъ въ накидку бѣлую шерстяную одежду, причемъ, однако, эту одежду нельзя имѣть на себѣ въ храмѣ или на похоронахъ. Пиѳагорейцы также

воспрещали хоронить покойниковъ въ шерстяныхъ одеждахъ. Уже эти краткія замѣчанія возвращаютъ насъ къ тому примитивному быту, когда самая чистота, какъ культурное начало, внѣдрялось путемъ религіи. Естественно, что шерстяныя издѣлія, обычно окрашенныя и недостаточно вымытыя при обработкѣ, считались нечистыми. Извѣстно затѣмъ послѣдовательное наростаніе, вмѣстѣ съ культурою, торговли египетскою мануфактурою въ эллинистическую эпоху, и потому появленіе натѣльныхъ одеждъ изъ полотна во II или III вѣкѣ по Р. Х. можно принять уже какъ большое завоеваніе культуры. Извѣстно затѣмъ значеніе бѣлыхъ одеждъ въ раннемъ христіанствѣ, какъ облаченія обязательнаго для крещаемаго, и объясняется оно именно тѣмъ, что всеже весь Востокъ носилъ чаще всего одежды шерстяныя и крашеныя, и цвѣта такъ называемыхъ апостольскихъ одеждъ установлены еще греческою древностью: синій хитонъ и темно-лиловый гиматій, какъ и для самого Спасителя. Со времени завоеванія Египта Арабы установили у себя предпочтеніе, правда, въ высшихъ классахъ и никакъ не у Бедуиновъ, бѣлыхъ одеждъ съ коричневыми или даже черными полосами (μασουρωτά), и потому на пріемахъ упоминаются „друзья Сарацыны“ въ бѣлыхъ одеждахъ (λευκοφόροι). Императорская гвардія, набираемая изъ молодежи, для почетной, прямо показной, охраны, даже получила съ самого начала имя кандидатовъ, позднѣе по ихъ оружію — обнаженнымъ мечамъ — спаѳарокандидатовъ, составлявшихъ схолы. Но, заключать изъ этого наряда кандидатовъ, что „вообще въ Византіи одежды воинскія были бѣлыя“, и что „бѣлыя камисіи кандидатовъ надѣвались поверхъ всякой прочей ихъ одежды“, какъ то дѣлаетъ Рейске въ своемъ комментаріи,[1] основанномъ исключительно на западныхъ отрывочныхъ и излишне обобщенныхъ замѣткахъ, не слѣдуетъ по многимъ соображеніямъ. Равно и сообщеніе, сдѣланное Дюканжемъ и приводимое у Рейске, что бѣлый и красный суть царскіе цвѣта, вѣрно лишь въ опредѣленномъ ограниченіи. Бѣлые колеты (остатки древнихъ скарамангіевъ), а также и бѣлые плащи (не бѣлыя хламиды) извѣстны, какъ отличія избранныхъ, преимущественно конныхъ отрядовъ гвардіи и равно тѣлохранителей, какъ-то гусаръ (венгерскаго происхожденія), кавалергардовъ, конногренадеръ при дворахъ Австріи, Англіи, Россіи, какъ и рындъ въ древней Руси. Равно и сборникъ Константина и книга Кодина одинаково отличаютъ бѣлый цвѣтъ, какъ праздничный и какъ обязательный цвѣтъ царскихъ облаченій на праздникахъ. Однако, если греческое краснорѣчіе ограничивается общимъ мѣстомъ: были блестящія (λαμπρά) облаченія, или вельможи блистаютъ своими одеждами λαμπροφοροῦσι, и праздникъ Пасхи называется ἡ λαμπροφόρος ἑορτή, то нельзя обобщать и считать, что λαμπρός значитъ: бѣлый, такъ какъ столь же часто этимъ словомъ обозначаются и пурпурныя одежды и самыя „порфиры“. По гл. 37, I кн. деспоты въ праздники и на выходахъ

[1]) Стр. 77—78 и слѣдующія.

являются изъ своихъ покоевъ въ пурпурныхъ скарамангіяхъ и златотканныхъ сагіяхъ (περικλείστων — окаймленныхъ), облачаются въ панцыри (θωράκια) и цицакіи, снимаютъ ихъ, затѣмъ надѣваютъ лоры и стеммы, выходя же къ причастію надѣваютъ хламиды — и какъ мѣняютъ стеммы — бѣлыя или красныя, такъ, вѣроятно, и хламиды или сагіи. На день Обновленія — бѣлые скарамангіи, бѣлые дивитисіи и хламиды, или же цицакіи, но, „если прикажутъ", облачаются и въ пурпурныя, тоже на Вознесеніе (τριβλαττίων), и только въ Пигійскомъ храмѣ появляются въ бѣлыхъ дивитисіяхъ, тоже на праздникъ Новой Церкви пурпурные дивитисіи и „ихнія" хламиды, на Пятидесятницу бѣлыя, стеммы бѣлыя и красныя. И такъ мѣняется то и другое облаченіе на Преображеніе, Успеніе, Рождество Богоматери, Воздвиженіе, при чемъ чаще бываетъ пурпурное облаченіе. Въ ипподромѣ царь появляется въ пурпурномъ облаченіи, и на Благовѣщеніе указаны даже пурпурные дивитисіи и ихъ хламиды, тогда какъ обычно, повидимому, дивитисіи бывали или голубые, или бѣлые. Глава же 37, I-й книги даже называется „замѣткою о томъ, какъ облачаются деспоты на праздникахъ и выходахъ". Иной оборотъ получила церемонія царскихъ облаченій у Кодина, вѣроятно, въ силу позднѣйшей реакціи противъ либеральныхъ уступокъ времени, а именно, когда онъ трактуетъ тотъ же вопросъ въ гл. 21 „о траурныхъ царскихъ облаченіяхъ". Если у царя умретъ отецъ, мать, жена, сынъ и были они владыками, царь (продолжаетъ) носить бѣлыя облаченія до того времени, какъ онъ пожелаетъ, затѣмъ надѣваетъ лимоннаго цвѣта (κίτρινα) безъ коемъ, затѣмъ и съ коймами, а послѣ того и бѣлыя (λαμπροφορεῖ); если дядя или братъ, к и т р и н ы, потомъ становится б ѣ л о р и з ц е м ъ (λευχειμονεῖ) и т. д.; по смыслу замѣтки всѣ ходятъ въ черномъ, царь же ходитъ въ свѣтломъ платьѣ, и даже устанавливается обычай, что кто ходитъ въ траурѣ, тотъ на время до 9-го дня ходитъ въ черномъ и приходитъ разъ поклониться царю ночью (ἔρχεται νυκτός) въ черномъ, послѣ же того является къ царю въ зеленомъ (ἠεράνεα).[1] Итакъ, царь почти постоянно ходилъ въ бѣломъ въ позднѣйшее время, и потому, находя во фрескахъ изображенія владыкъ, по преимуществу, въ красныхъ одѣяніяхъ, мы должны относить это или къ незнанію и рутинѣ иконописцевъ, или же къ тому, что эти короли или великіе князья довольствовались саномъ севастократора и даже чиномъ магистра арміи. Помимо царя, на великіе праздники въ бѣлое рядились патриціи и члены синклита, высшіе чины секрета, при чемъ одежды были какъ хламиды, скарамангіи, но даже и дивитисіи.

Такъ какъ высшіе чины рядились лишь по праздникамъ въ бѣлыя облаченія, то можно думать, что облаченія получались на это время изъ царскихъ складовъ, и потому эти облаченія не были знакомъ отличія этихъ чиновъ (βραβεῖον). Напротивъ того санъ магистра давалъ знакъ отличія бѣлымъ хитономъ златотканнымъ и мантіею (ἐπωμίς) съ золотымъ тавліемъ,

¹) Codini De off. XXI, 106—107.

и поясъ кожаный красный — портупею (βαλτίδιν).[1] Но даже мыльщики (νιψιστιάριοι) имѣютъ вравій — льняной, стало-быть, бѣлый камисій съ пурпуромъ (ὑποβλαττωμένον),[2] далѣе кувикуларіи подобный же камисій съ парагавдіемъ, а примикирій (всякой части дворцовой начальникъ) имѣетъ своимъ отличіемъ бѣлый хитонъ съ наплечниками или оплечьемъ золотными,[3] далѣе протоспаѳаріи — хитонъ бѣлый „покроя дивитисія" и мантію (διπλόης — sic) красную съ тавліемъ.[4] О санѣ патриціевъ и протоспаѳаріевъ сказано, что ихъ облаченія общія — характерное указаніе, какую роль при византійскомъ дворѣ стали играть патриціи и особенно патриціи изъ евнуховъ, упомянутыхъ отдѣльно.

Но, повидимому, въ позднѣйшую эпоху было настойчивое возвращеніе къ бѣлому, какъ бы священному цвѣту царства, и если, какъ мы увидимъ, высшіе государственные чины по Кодину имѣли своимъ отличіемъ красныя облаченія,[5] то логоѳетъ казны и затѣмъ придворные чины: протовестіарій, доместикъ стола, стольникъ, великій папій и епархъ имѣли бѣлый скіадій и скараникъ бѣлый съ золотомъ, парчевой, съ портретами царя.[6] Въ заключеніе должно прибавить, что если одежды бѣлаго цвѣта византійцы называли — λευκά и ἄσπρα, а также λαμπρά, то это послѣднее названіе ясно указываетъ на шелковую парчу, которая при этомъ употреблялась и именно блестѣла, сверкала отливами или рефлексами и въ рядахъ патриціевъ производила этимъ блескомъ впечатлѣніе праздника. При этомъ ткань, точно говоря, не была бѣлой, но, вѣрнѣе, палевой, съ голубоватыми или розоватыми отливами. Не выходя изъ нашей задачи, прибавимъ, что бѣлые скарамангіи въ иконахъ Беноццо Гоццали и Джентиле-да-Фабріано представляются именно палевыми. По бѣлой парчѣ затѣмъ исполнялись пурпуровые лиственные разводы и цвѣты или также розовые, что тоже гармонируетъ съ палевымъ тономъ парчи, и это гармоническое соединеніе указываетъ на опредѣленное вліяніе Египта. Представительная, но лишенная роли, фигура проедра синклита (I, 97) имѣла такое отличіе — розовый хитонъ съ золотыми коймами (χρυσόθετον) и пурпурный поясъ съ камнями, хламида бѣлая, въ золотѣ, съ двумя золотными тавліями и вытканная мелкими листиками плюща (κισσοφύλλων), и ради его бѣлаго облаченія его привѣтствуютъ „части" (партіи) титуломъ „свѣтлѣйшаго" — λαμπρότατε πρόεδρε.[7] Правда, онъ же въ обычное время ходитъ въ пурпурномъ скарамангіи съ зелеными его частями и въ плащѣ красномъ (ῥοήσιον), и лишь на выходахъ идетъ впереди царя въ главныхъ своихъ облаченіяхъ.

Кратко укажемъ, въ дополненіе къ греческому типу бѣлыхъ хитоновъ, на льняныя издѣлія Александріи, имѣвшія, между прочимъ, этотъ покрой хитоновъ, т. е. одеждъ, съ разрѣзомъ, лишь малымъ, посреди воротника, по груди и до живота — т. е. покрой того, что называютъ нынѣ русскіе —

¹) II, 52, 710.
²) II, 52, 721.
³) Ibidem.
⁴) II, 52, 722.
⁵) Cod. De off. III, 13—17; IV, 17—19.
⁶) Ibidem, IV, 20—21.
⁷) I, 97, 440, 443,

сорочка. И иныя уменьшительныя имена для короткихъ хитоновъ образовались изъ греческаго — σάρκα, σαρκίνα = тѣльникъ, натѣльная одежда, какъ chemise отъ camisia и производныхъ ὑποκάμισα, ἐπενδύτας, ἐσώτατα ἱμάτια, ἐχέσαρκα, ἐνδοτάτους, χιτωνίσκους, interulas и пр. у Свиды и Симона Порція.[1] Эти александрійскія издѣлія пришли къ славянамъ, повидимому, какъ разъ послѣ завоеванія Египта Исламомъ, когда эти мануфактуристы, потерявъ западные рынки, направились въ Восточную Европу.

Привилегіи бѣлаго цвѣта составляютъ римскую традицію — недаромъ въ эпоху Возрожденія онъ былъ особеннно облюбованъ дворами Запада, тогда какъ красный цвѣтъ былъ излюбленъ Сассанидскою Персіею и средними вѣками Европы и переданъ народнымъ одеждамъ и уборамъ во всей Восточной Европѣ. Однако, и въ этомъ общемъ положеніи требуется точное опредѣленіе и, прежде всего, что разумѣлось подъ краснымъ цвѣтомъ, такъ какъ извѣстно нѣсколько его оттѣнковъ, а затѣмъ размѣры его употребленія. Что же касается практики краснаго цвѣта въ тканяхъ и одеждахъ, то связанные съ нею вопросы даже и не поставлены доселѣ на очередь. Съ одной стороны область матеріальныхъ красокъ за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ перешла, какъ извѣстно, къ фабрикаціи искусственныхъ анилиновыхъ красокъ (изъ смолы каменнаго угля). Съ другой стороны историческое изученіе красокъ ограничивалось донынѣ лишь филологическою разработкою названій въ древности.[2] Въ частности византійскіе историческіе источники знаютъ слѣдующіе оттѣнки краснаго цвѣта: 1) κόκκινος, coccinus = minium — наиболѣе частый терминъ означаетъ и наиболѣе живой и яркій, а потому опредѣленный цвѣтъ, именно алый, въ русской старинѣ червленый, écarlate; 2) ῥοήσιον — цвѣтъ внутренности граната — (ῥοιά), упоминаемый обязательно въ плащахъ (σάγιον ῥωῆς) и соотвѣтствущюій rubrus и rouge; 3) ἐρυθρόν, примѣняемый къ сафьяну царскихъ походныхъ сапогъ — ἐρυθρὰ πέδιλα, повидимому, малиноваго оттѣнка, такъ какъ обычное выраженіе: ἐρυθρὰ ἱμάτια для церковныхъ одеждъ разумѣетъ именно этотъ оттѣнокъ, а не алый, къ нимъ непригодный; 4) διρόδινον — собственно розовый, отличаемый отъ краснаго точно также какъ и 5) пурпурный πορφυρᾶ ἱμάτια, который нигдѣ не смѣшивается ни съ самымъ краснымъ, ни же съ малиновымъ, такъ какъ имѣетъ въ себѣ коричневую основу, о чемъ говорится ниже. Ввиду такого чувства разницы въ тонахъ краснаго цвѣта, мы предпочитаемъ думать, что оно само было собственно достиженіемъ сиро-египетскаго Востока, воспиталось на тканяхъ Тира и Александріи и только усвоено Византіею, вмѣстѣ съ восточною мануфактурою. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ Сборникѣ Константина такія детальныя опредѣленія тканей, какъ напримѣръ, въ первой книгѣ,

Красный цвѣтъ.

Его оттѣнки.

---

¹) Gretseri et Goari Comm. in Cod., p. 318.

²) Замѣчательная работа проф. Θ. Петрушевскаго, и также статьи художника Аггѣева, изданныя въ журналѣ Искусство и художественная промышленность. СПБ. 1886—7 гг. Его же руководящая статья въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Ефрона.

въ главѣ 23 о выходѣ въ день Рождества Христова, когда патриціи и придворные въ хламидахъ пурпурныхъ (τύρεα) и вмѣстѣ цвѣта яблочнаго (μηλινοκάθρυπτα),[1] хотя и не можемъ вполнѣ понять этихъ тонкостей. Или у Кодина приммикирій, при красномъ скіадіи, пурпурномъ каввадіи, имѣетъ скараникъ изъ парчи цвѣта абрикоса (βερικοκκόχροον), при чемъ самъ Кодинъ уже поясняетъ, что какъ цвѣтъ темный φαιόν есть среднее между бѣлымъ и чернымъ, такъ и данный цвѣтъ соединяетъ бѣлый и красный, сталобыть, оранжевый, по нынѣшнему.[2] Стало быть именно ткани давали много оттѣнковъ при окраскѣ и требовали новыхъ частныхъ терминовъ. Тѣмъ не менѣе общій терминъ объединялъ отчасти всѣ эти тона, конечно, потому, что кліенты имъ довольствовались. Такъ, и во времена Константина патриціи и равно димархи ходили обычно въ красныхъ сагіяхъ (σαγία ῥοῆς), а изъ придворныхъ уже куропалатъ имѣлъ вравій — хитонъ красный, испещренный золотыми разводами (χρυσοποίκιλος) и, вѣроятно, такую же хламиду и поясъ[3]; у протоспаѳаріевъ, при бѣломъ дивитисіи, мантія (διπλόης) красная съ золотыми тавліями.[4] Но и только всего по красному цвѣту и, какъ было говорено выше, если что упоминается, то бѣлыя облаченія. Напротивъ того, у Кодина, даже у перваго сана — деспота τὸ κόκκινον ῥοῦχον съ золотыми (ῥιζῶν) украшеніями, но безъ воинскихъ (στρατηλατίκιων), и равно плащъ, но сапоги бѣлые съ пурпуромъ[5]; у севастократора шапка — скіадій красный съ золотомъ, плащъ (ταμπάριον)[6] красный; у кесаря — скіадій красный съ золотомъ и рухъ такой же, штаны и сапоги зеленые.[7] Далѣе у великаго доместика — скіадій красный съ золотомъ, съ краснымъ колпакомъ (μετὰ ἀέρος χρυσοκοκκίνου), и къ нему (σεῖα) подвѣски красныя съ золотомъ (кораллы вмѣсто жемчуга?) и скараникъ красный съ золотомъ; на немъ портретное изображеніе (εἰκονικῶς) и н о к о п ь ю (насѣчкою) царя стоящаго и увѣнчаннаго.[8] То же облаченіе имѣли, по Кодину, паниперсевастъ, протовестіарій и др., только сапоги у перваго желтые (κίτρινα) или лимонные, а у второго (πράσινα) — зеленые и плащъ зеленый.[9] У великаго дуки также красныя облаченія и красный скараникъ имѣетъ два царскихъ портрета: спереди царь стоя, а на спинѣ царь сидитъ на тронѣ, очевидно, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, стоитъ или сидитъ дука передъ своими подчиненными.[10] Затѣмъ тѣ же красныя облаченія у протостратора, великаго логоѳета, стратопедарха; но при этомъ почему то каввадій можетъ быть пурпурнымъ или даже цвѣта, какой кому любъ, вѣроятно, одежда перестала быть придворною, какъ напримѣръ, въ старой Руси кафтаны.[11] У великаго приммикирія скараникъ изъ парчи абрикосоваго цвѣта (βερικοκκόχροον) и также имѣетъ

---

[1]) I, 23, 128.
[2]) Cod. De off; IV, 19.
[3]) II, 52, 711.
[4]) II, 52, 721.
[5]) Cod. De off. III, 13.
[6]) Ibidem, 15.
[7]) Ibidem, 15—16.
[8]) Idem, IV, 17.
[9]) Ibidem, 18.
[10]) Ibidem.
[11]) Ibidem, 18—19.

два царскихъ портрета; затѣмъ облаченія приммикирія отличаютъ также контославла и другихъ придворныхъ чиновъ: виночерпія, паракимомена печати и спальника.[1] Мы уже указывали на рядъ придворныхъ чиновъ, у которыхъ бѣлыя облаченія, до папія включительно. Скараникъ друнгарія стражи (виглы) парчевой, лимоннаго цвѣта, съ золотомъ, съ двумя портретами царя на тронѣ и верхомъ[2]: какъ узнаемъ изъ Приложенія къ книгѣ о церемоніяхъ, именно на обязанности этого чина полагалось объѣзжать ночью лагерь на походѣ.[3] Кодинъ описываетъ далѣе скіадій протоасикрита, парчевой пурпурный и бѣлый съ широкими полосами (μαργέλλια), которыя, однако, расположены не крестообразно (какъ обычно видимъ на русскихъ княжескихъ шапкахъ XIV—XV столѣтій, и о которыхъ доселѣ не знаемъ, какъ ихъ называли въ старой Руси, тогда какъ въ Византіи называли по старому — μαργέλλια), а вкругъ, по верхушкѣ скіадія (τὸ ἄκρον) и по кругу тульи (τὸν γῦρον τῆς τρούλης), которая имѣетъ наверху трилистникъ (τριφύλλου — собственно же кринъ — лилію) изъ матеріи (διὰμαργελλίου), какъ сказано. Этотъ чинъ носитъ факеолиду и епилорикъ, но не носитъ скараника (какъ не воинскій чинъ).[4]

Приведенное мѣсто, пока единственное, какое знаемъ о древней русской шапкѣ, и обычное названіе у Кодина этой шапки съ крестообразными маргелліями: σκιάδιον κλαπωτόν, т. е. почетная шапка съ клавами.[5] Дальнѣйшій рядъ чиновъ имѣетъ тѣ же каввадіи и скараники, за исключеніемъ мистика, логоѳета по дому (τῶν οἰκειακῶν), чина по прошеніямъ, логоѳета пѣхоты, логоѳета царской казны, которые вмѣсто скіадія носятъ на головѣ факеолиду, тотъ большой сферическій клобукъ изъ шелка, свѣтлыхъ цвѣтовъ, что изображается у Ѳедора Метохита, и вмѣсто скараника — кавалерійскаго облаченія — эпилорикъ или фаросъ (м. б. — ферязь).[6] Любопытны, но въ концѣ концовъ все же непонятны такія детали, какъ салива-сиромаста — на поясѣ великаго чауша (не можетъ быть дротикомъ или копьемъ, какъ думаетъ Гоаръ).[7] Болѣе понятна мацука (ματζοῦκαν), серебромъ золоченымъ покрытый жезлъ, частью же парчей, а наверху позолоченный шаръ — восточная булава или бунчукъ (βουτίον).[8]

---

[1]) Ibidem. 19—20.

[2]) Ibidem, 21.

[3]) App. ad l. I C. P. de Cer., 481, 599.

[4]) Ibidem, 22.

[5]) Ради „русскихъ древностей" приведемъ справку объ этомъ скіадіи у Кодина: σκίαδιον κλαπωτόν значится (гл. IV, p. 17) у великаго доместика, но χρυσοκόκκινον, тогда какъ шапки у русскихъ князей на миніатюрахъ и древнихъ иконахъ не красныя, и вполнѣ сходятся шапки свв. Бориса и Глѣба со скіадіями логоѳета τοῦ γενικοῦ, протовестіарія и другихъ: парчевыя, бѣлыя, съ маргелліями крестообразными, или двуцвѣтныя: пурпурныя и бѣлыя. Ясно, однако, что эти шапки не представляютъ какого-либо собственнаго русскаго изобрѣтенія, но византійскую передѣлку варварскихъ, бывшихъ восточныхъ, образцовъ, возвратившихся къ „народамъ" какъ чиновный или сановный знакъ.

[6]) Ibidem, 23—25.

[7]) Ibidem, 23—24; Comm. 242—243. [Ср. выше, стр. 280].

[8]) Ibidem, 25—26; Comm., 245—246.

Но, что особенно останавливаетъ вниманіе у Кодина въ его однообразномъ перечнѣ, это необычайное разнообразіе диканикіевъ или жезловъ, какъ воинскихъ, такъ и церемоніальныхъ, у высшихъ чиновъ, начиная съ великаго доместика, у котораго жезлъ съ разными комбами — шариками, у протовестіарія съ изумрудною эмалью (χρυσοπράσινον, ὑποϋέλιον), витой жезлъ у великаго дуки, или серебряные, или позолоченые жезлы, или со многими комбами золотыми и т. д.[1] Приходится спросить, къ чему служило подобное разнообразіе и вообще такое обиліе жезловъ, видимо, вовсе не составлявшихъ необходимое орудіе для церемоніймейстерской функціи. Правда, по поводу многихъ чиновъ прибавляется: ἄνευ δὲ δικανικίου.

Переходъ къ красному въ поздней Византіи.

Возвращаясь къ прерванной задачѣ, мы естественно получаемъ выводъ, что въ XV вѣкѣ и византійскій дворъ, имѣвшій ранѣе такое разнообразіе цвѣтовъ въ тканяхъ одеждъ, равно блиставшій своими бѣлыми одеждами и пурпурными украшеніями, перешелъ къ красному цвѣту, прямо злоупотребляя его излишествомъ. Красный цвѣтъ самъ по себѣ арокъ и рѣжетъ глазъ, если покрываетъ большія поверхности. Стоитъ только представить себѣ ряды чиновъ въ красныхъ кафтанахъ и мантіяхъ, чтобы оцѣнить такую перемѣну. Мы наблюдаемъ то же злоупотребленіе краснымъ въ позднѣйшихъ миніатюрахъ греческихъ рукописей, начиная съ XIV вѣка, но эти рукописи уже лишены и византійскаго стиля и работаны въ грубой манерѣ простонародныхъ списковъ „Александріи" и подобныхъ легендарныхъ хроникъ. Повидимому, въ Византіи возобладало персидское вліяніе, которое рѣзко выразилось въ рисункахъ и краскахъ орнаментовъ въ рукописяхъ IX—XI ст.[2]

Пурпуръ.

Несравненно сложнѣе и исторически важнѣе дѣло съ византійскимъ пурпуромъ. Казалось бы, съ перваго раза, дѣло, напротивъ, простое и ясное. „Въ греческомъ языкѣ, говоритъ Гиббонъ (ed. by Bury, V, 208), пурпуръ и порфира одно и то же слово, и такъ какъ цвѣта въ природѣ не мѣняются, мы узнаемъ точно, что темный, глубокій цвѣтъ былъ тирскою краскою, которая окрашивала пурпуръ древнихъ". Гиббонъ напоминаетъ, что одинъ аппартаментъ византійскаго дворца[3] былъ облицованъ порфиромъ и отводимъ для беременныхъ императрицъ, а потому рождавшіяся въ немъ дѣти получали прозвище „порфирородныхъ", и оно впервые было придано Константину VII. Затѣмъ, хорошо извѣстный цвѣтъ королевскихъ и царскихъ „порфиръ" — точнѣе, порфировыхъ мантій, обычнаго темно-малиноваго цвѣта достаточно, казалось бы, удостовѣряетъ донынѣ въ древней византійской традиціи.

Между тѣмъ, дѣло такъ называемаго пурпура далеко не такъ просто

---

[1]) Ibidem, 17, 18 etc.

[2]) Racinet, Ornement polychrome, I, табл. XX, XXIII, XXV; XXXII и XI.

[3]) Тексты: Ліутпранда, Antapodosis, I, 6, p. 276 [ср. III, 15, p. 309]; и Анны Комниной Алексіада, VI, 8: πορφύραν τοῦτο (οἴκημα)... ὀνομάζουσιν, ἐξ οὗ καὶ τὸ τῶν πορφυρογεννήτων ὄνομα εἰς τὴν οἰκουμένην διέδραμε. Ed. Teubneri, t. I, p. 202. [Ср. idem, VII. 2, p. 229—230.]

и ясно и представляетъ рядъ недоразумѣній. Прежде всего, мы, именно на почвѣ самой Византіи и затѣмъ отчасти современныхъ ей культуръ, не находимъ малиноваго пурпура и не только въ мантіяхъ царскихъ, но равно и вельможъ и придворныхъ чиновъ. Вездѣ, гдѣ только мы должны, по указаніямъ археологіи, найти пурпуръ, мы видимъ темно-фіолетовый цвѣтъ и привыкли называть этотъ цвѣтъ, столь ясно отличающійся отъ египетскаго порфира, пурпуромъ, или по крайней мѣрѣ, изъ естественной осторожности, византійскимъ пурпуромъ. Спрашивается, какъ объяснить такое рѣзкое отступленіе?

Извѣстно еще изъ греко-римской древности, что пурпуръ получается изъ морской раковины murex, ловившейся нѣкогда въ обиліи на берегахъ Финикіи или Сиріи, почему и получилъ названіе тирской (τύρεα), ἁλουργής „морского издѣлія". Краска эта отличалась не только красотою, но, повидимому, и прочностью и уже въ глубокой древности цѣнилась, равно какъ и ткани, ею окрашенныя, дорого. Съ теченіемъ времени, повидимому, уже въ первыхъ вѣкахъ по Р. Хр. раковина стала рѣдкою, затѣмъ исчезла, но пурпурныя ткани отъ этого, однако, не уменьшались въ числѣ. Большинство украшеній на одеждахъ, вышивокъ, галуновъ и особенно коемъ и бахромы дѣлалось именно изъ пурпура и называлось въ общемъ τὰ φοινίκια — purpura — бахромы (бахрома или махрома, отъ багра, откуда морхи, мохры). Ясно, что организовалась поддѣлка пурпура, и стали даже иные виды тканей этого цвѣта называться ἀληθινά — настоящія, неподдѣльныя или истинный, подлинный пурпуръ, въ отличіе отъ другихъ. Что именно Византія сама торговала и такъ называемымъ „настоящимъ" пурпуромъ и также поддѣльнымъ, показываетъ спеціально византійскій терминъ ὀξύς, что собственно значитъ острый, яркій цвѣтъ, тогда какъ поддѣльныя пурпурныя ткани назывались прямо ψευδοξεά (см. выше).

Археологическій матеріалъ по данному вопросу недостаточенъ пока и неясенъ; въ общемъ замѣчается, однако, слѣдующее: чѣмъ древнѣе, тѣмъ менѣе встрѣчается въ миніатюрахъ цвѣтъ малиновый и замѣняется красно-коричневымъ или, проще говоря, шеколаднымъ тономъ. Энтомологи восьмидесятыхъ годовъ добыли, наконецъ, подлинную раковину murex и также были удивлены, что ея красящее вещество вовсе не имѣетъ цвѣта порфироваго, но коричневый съ красниною. Археологическія данныя, только подтвердятъ догадку того же рода, которая пока доказывается логическимъ путемъ, но не опредѣленными памятниками. Чѣмъ древнѣе разрядъ миніатюръ, тѣмъ болѣе цвѣтъ (предполагаемаго) пурпура переходитъ именно къ красно-коричневому, особенно, когда рисовальщикъ представляетъ царя, Спаса, Богоматерь.[1] Къ тому же, повидимому, именно на

---

[1]) Περιβόλαια, φίβλας καὶ μαντεῖα πορφυραῖα ἤ ῥουσσαία. (Алекс. Хрон.) Τζαγγία (чаги = сапоги) ῥούσαια περσικῷ σχήματι Du Cange. Gl. gr. s. v. Ῥουσαῖος. Ῥούσεος — красно-кирпичная краска рѣзко отличается отъ порфира, и равно на миніатюрахъ цвѣтъ царскихъ сапогъ (не кампагій) обычно красный, даже алый.

Востокѣ, т. е. болѣе въ Сиріи, Каппадокіи и Египтѣ, пурпуръ въ миніатюрахъ греческихъ рукописей приближается къ темно-красному, и, какъ мы уже не разъ имѣли случай о томъ говорить по поводу иконъ Богоматери итало-критскаго письма и русскихъ XIV—XVI вѣка, въ нихъ также возобновляется какъ-бы эта восточная, чрезвычайно глубокая и теплая краска маѳорія Богоматери съ шеколаднымъ оттѣнкомъ. Напротивъ того, тонъ пурпура въ византійскомъ искусствѣ быстро, уже въ V вѣкѣ, начинаетъ приближаться къ лиловому тону. Отсюда, естественно, получается догадка, что именно тамъ на почвѣ Византіи и народилась та поддѣлка пурпура, которую, однако, хорошо должны были знать сами фабриканты, когда говорили о „тирскихъ“ издѣліяхъ ὀξέα — ἀληθινά — оба термина въ значеніи „настоящаго пурпура“ и затѣмъ ψευδοξέα, поддѣльной окраски, которая, какъ видимъ изъ книги Константина, и цѣнилась совершенно иначе. Затѣмъ, трудно сказать съ точностью, когда установилась для пурпура вся его терминологія, но, по многимъ соображеніямъ, уже между III и V вѣками, ибо purpura въ латинскихъ текстахъ прилагается къ константинопольскимъ тканямъ съ VI вѣка, какъ общеупотребительное названіе. Очевидно при этомъ, что, зная тождество „пурпура“ съ „порфиромъ“ и зная самый порфиръ по множеству скульптуръ изъ египетскаго порфира, должны бы были замѣчать поддѣльный лиловый цвѣтъ, если бы византійскія ткани, получавшіяся всюду, были этого лиловаго тона. И потому, прежде всего, должно принять съ ограниченіемъ въ этомъ дѣлѣ даже самое свидѣтельство памятниковъ: именно возможно думать, что иконописцы, исполнявшіе миніатюры, рано перешли къ темнолиловому пурпуру, не передавая реальнаго тона, въ силу привычки во-первыхъ, и легкости исполненія лиловаго тона сравнительнаго съ темнымъ красно-каштановымъ оттѣнкомъ, который по сложности требовалъ и болѣе работы, тогда какъ миніатюра была работою быстрой, а не копоткой.[1]

Въ самой исторіи пурпура есть много данныхъ, болѣе анекдотическихъ и сказочныхъ, чѣмъ точныхъ, но все же ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду, ради удостовѣренія въ дѣйствительности издревле начавшихся уже поддѣлокъ настоящаго пурпура. Такъ, помимо раковины тирской, имѣвшей подлинно коричневый оттѣнокъ, началась уже въ древности ловля раковинъ вокругъ острова Чериго и на берегахъ Лаконіи, а эта раковина имѣла свой особый оттѣнокъ, и ткани, ею окрашенныя, различались отъ тирскихъ, однако, только на первыхъ порахъ, пока, очевидно, ловля раковинъ была обильною. Затѣмъ, извѣстно, что железа раковины образуетъ свой красочный оттѣнокъ уже подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей и притомъ съ большою постепенностью, переходя отъ первоначальнаго лимоннаго оттѣнка къ желтому, зелено-коричневому, и, наконецъ, фіолетовому въ результатѣ долгой выдержки. Ясно,

---

[1]) [См. о пурпурѣ, его оттѣнкахъ, рецептахъ приготовленія и т. п. Н. П. Толль. Коптскія ткани. Прага 1928, стр. 10 и слѣд. Тамъ же, прим. 3 — библіографію.]

затѣмъ, что когда въ IV вѣкѣ пурпуръ былъ воспрещенъ къ употребленію всѣмъ жителямъ Имперіи и ношеніе пурпурныхъ тканей было ограничено царскими особами и ихъ приближенными, торговля пурпуромъ стала тайною, и потребности царскаго двора въ пурпурѣ выросли до громадныхъ размѣровъ. Амміанъ Марцеллинъ сообщаетъ,[1] что, когда нѣкто Сильванъ, вождь имперскихъ войскъ въ Галліи, былъ вынужденъ доносами объявить себя императоромъ, то потребный для его мантіи пурпуръ получился только срываніемъ со знаменъ и войсковыхъ значковъ и „драконовъ". Ясно, затѣмъ, что законъ былъ сметенъ почти тотчасъ съ появленіемъ столькихъ тоновъ пурпура, что стало невозможно отыскать среди нихъ настоящій, и именно тогда появилось въ оффиціозныхъ мастерскихъ слово ἀληθινά, для тканей условленнаго оттѣнка, который, можетъ быть, и соблюдался еще въ IV—V вѣкахъ. Но, было бы вполнѣ празднымъ занятіемъ искать этотъ оттѣнокъ не въ самихъ тканяхъ, а въ изображеніяхъ, напримѣръ, мозаикахъ, миніатюрахъ. Равно всѣ историческія извѣстія о драгоцѣнномъ пурпурѣ, по которому узнаютъ званіе плѣнника, о строгости храненія за печатями пурпурныхъ тканей въ Византіи, о ихъ недоступности даже для итальянцевъ, не только Саксовъ, Франковъ, Баварцевъ и пр. и пр., не даютъ намъ все же свѣдѣній сколько-нибудь точныхъ объ этомъ „истинномъ пурпурѣ". Однако, почти тотъ же отрицательный результатъ получается и при обозрѣніи подлинныхъ тканей, даже въ такихъ обширныхъ собраніяхъ, какъ Берлинскій Художественно-Промышленный Музей и его капитальное изданіе,[2] пополненное замѣчательными тканями соборныхъ ризницъ Германіи. Общее впечатлѣніе при этомъ обозрѣніи складывается исключительно для древнѣйшей эпохи, кончая почти V вѣкомъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ пестрѣе и разнообразнѣе по цвѣтамъ становятся ткани, но тѣмъ рѣже и незамѣтнѣе пурпуръ, появляющійся въ оттѣнкахъ коричневой краски, или же въ темнолиловомъ фонѣ. Сообразно, сокращаются, уже съ V вѣка и историческія извѣстія о пурпурныхъ одеждахъ и тавліяхъ, а затѣмъ во время возстановленія древне-византійскихъ традицій въ IX—XI вѣкахъ роль пурпура ограничена высшимъ магистратомъ.

Но, повидимому, этотъ пурпуръ, времени македонскихъ царей Византіи былъ исключительно темнолиловаго цвѣта, хотя и назывался „настоящимъ". О томъ можно догадываться уже потому, что рядомъ съ такимъ пурпуромъ появляется въ то же время его оттѣнокъ — черный цвѣтъ.

Черный цвѣтъ.

Имѣется рядъ доказательствъ прямыхъ и косвенныхъ исторической связи чернаго цвѣта съ темнолиловымъ, т. е. историческаго образованія перваго изъ второго, или на его почвѣ. Темнолиловый цвѣтъ въ природѣ представленъ цвѣтомъ фіалки — viola, а это названіе „темнаго" цвѣта основалось на темномъ видѣ цвѣтка, который назывался у грековъ ἴον или

---

[1]) Ammiani Marcellini, Rer. gest l. XV, 5, 16; p. 45 (Berolini 1871).

[2]) Iulius. Lessing, Gewebesammlung d. Kön. Kunstgewerbe-Museums zu Berlin 1900—9.

же ἰοειδής, ἰόεις, въ отличіе отъ свѣтлыхъ красокъ левкоя, цвѣтка тождественнаго вида. Но фіолетоваго цвѣта, а, быть можетъ, и фіалки не знали ни египтяне въ древвости, ни Ассирія, сочиняя темный цвѣтъ кубовою, синею, зеленою и коричневою красками. Отсюда можно легко заключить, что выработка темнофіолетоваго оттѣнка появилась именно на почвѣ подражанія древнему пурпуру, и, вѣроятно, въ самой Сиріи. Дальнѣйшая разработка или даже поддѣлка пурпура привела къ полученію сѣраго оттѣнка въ фіолетовомъ тонѣ, и одежды подобнаго тона получили названіе мышиныхъ — μύϊνα, и ихъ въ случаѣ траура, а также въ будни, стали носить въ началѣ VI вѣка. Такъ свидѣтельствуетъ о томъ текстъ записки о возведеніи на царство Іустина, когда, по случаю смерти имп. Анастасія, собрались во дворцѣ иные архонты въ „смирныхъ" одеждахъ мышинаго цвѣта, а другіе въ „разноцвѣтныхъ", и начался извѣстный безпорядокъ переговоровъ о выборѣ новаго царя, прикрывавшій тонко расчитанную интригу.[1] По свидѣтельству патриція Петра выходитъ, что сановники, какъ напримѣръ, анѳипатъ-проконсулъ, обычно носятъ на себѣ одежды ἀτραβατικά[2] — дымчатыя, черныя, или темносѣрыя (отъ ater, какъ atramentarium — чернильница), при чемъ, однако, Кодинъ въ сочиненіи De Signis сообщаетъ, что византійскіе цари его времени въ чрезвычайныхъ собраніяхъ и на выходахъ надѣвали мантіи разноцвѣтныя (χλαμ. ποικίλας) изъ золотной матеріи или пурпура, а при обычныхъ собраніяхъ — хламиды цвѣта сухого винограда, которыя назывались атраватиками по цвѣту ихъ, ибо черное называютъ ἄτρον.[3] Рядъ мѣстъ указываетъ, что такія черныя мантіи надѣвалъ весь синклитъ въ дни Страстной Недѣли, вмѣстѣ съ патриціями.[4] Вѣроятно, отсюда сложился и эпитетъ: blattifer senatus, какъ почетное прозваніе сана, облачаемаго въ темный пурпуръ, а двойное названіе одежды sericoblattea ясно означаетъ матерію шелковую и пурпурнаго цвѣта; еще яснѣе, что periclysin de blattea означаетъ попросту пурпурную кайму, также какъ и разница между византійскимъ пурпуромъ (blattea byzantea) и южноиталійскимъ (neapolitano) относилась тоже къ оттѣнку пурпура. Но почему именно этотъ оттѣнокъ, называвшійся чернымъ, а не темнолиловый, который именовался тирскимъ, сталъ достояніемъ высшихъ чиновъ Византійской Имперіи, мы не можемъ въ настоящее время даже и догадываться, ибо для этого нѣтъ пока почвы. Такъ, когда въ книгѣ Константина говорится, что въ день Вота царь, идя въ ипподромъ на торжественныя игры, надѣваетъ, вмѣстѣ съ соправителемъ τὰ παγανὰ χλανίδια, а архонты τὰ ἀτραβατικά,[5] можно высказать догадку, что день Вота былъ отголоскомъ старины и даже древняго Рима, и какъ бы напоминалъ царю о народномъ избраніи, и требовалъ какъ бы дальнѣйшаго народнаго признанія, но подкрѣпить эту мысль оттѣнкомъ

[1]) I, 93, 426.
[2]) I, 85, 388.
[3]) Ed. Bonn. p. p. 27—28... ξηραμπελίνας τῷ χρώματι, ἃς ἐκάλουν ἀτραβατικὰς ἀπὸ τοῦ χρώματος· τὸ γὰρ μέλαν ἄτρον καλοῦσι...
[4]) I, 35, 181.
[5]) I, 37, 190.

одеждъ синклита, повидимому, почетныхъ, но болѣе строгихъ и скромныхъ, не имѣемъ точныхъ основаній. Возможно, что уже въ IX вѣкѣ былъ осуществленъ, такъ сказать, тотъ черный цвѣтъ, который затѣмъ мы находимъ въ XV—XVI стол. въ черныхъ бархатахъ Венеціи, черныхъ сукнахъ Фландріи.

Двуцвѣтныя одежды.

Значительно проще рѣшается нынѣ сложный вопросъ о двуцвѣтныхъ одеждахъ византійскаго двора. Опредѣленный терминъ для двуцвѣтныхъ одеждъ или предметовъ личнаго убора появляется впервые, однако, у Кодина въ формѣ διβολέος,[1] при чемъ часто сопровождается объясненіемъ или указаніемъ, о какихъ цвѣтахъ идетъ дѣло. Въ книгѣ Константина иной терминъ взятъ для шелковыхъ полосатыхъ, обычно двухъ цвѣтовъ, матерій: μεταξωτά.[2] Но книга Константина пестритъ красочными эпитетами одеждъ: πρασινορόδινος, ἀσπροκόκκινος, πρασινοτρίβλαττον, ἀσπρομύναια, и нѣкоторыя записки о торжественныхъ пріемахъ останавливаются особенно на перечнѣ рядовъ или группъ сановниковъ и чиновниковъ, устанавливавшихся по костюмамъ въ разныхъ дворцовыхъ залахъ. Такъ, уже ранѣе указанная глава 15-я 2-ой книги Константина, перечисляя разныя группы чиновъ, одѣтыхъ въ скарамангіи, въ заключеніе обобщаетъ, что въ день пріема пословъ изъ Тарса „всѣ вышереченные чины, отъ протоспаѳаріевъ до послѣдняго человѣка, носящаго скарамангій, становились каждый по цвѣту и рисунку своей одежды, а именно тѣ, которые были одѣты въ скарамангіи (οἱ τοὺς πρασινοροδίνους ἀετούς), зеленорозовые съ орлами тамъ и сямъ", особо тѣ, у которыхъ быки или орлы во многихъ кругахъ (παλυγύρους ἀετοὺς, ὁμοίως οἱ τὰς θαλάσσας, καὶ τοὺς λευκολέοντας ὁμοίως); словомъ сказать, каждый становился по своему скарамангію".[3] Мы имѣемъ уже ткани съ краснымъ фономъ и бѣлыми львами, равно образцы красно-зеленыхъ тканей со львами же и ткани съ орлами во многихъ мелкихъ кругахъ,[4] и, благодаря этимъ образцамъ, можемъ принять, что въ указанныхъ терминахъ не требуется уже видѣть оригинальное соединеніе двухъ разноцвѣтныхъ матерій въ одной одеждѣ, и при томъ даже не въ разныхъ ея частяхъ, и не въ подкладкѣ ея, и не въ разныхъ половинкахъ одежды, какъ у жонглеровъ и шутовъ. Дѣло идетъ, коротко говоря, о фонѣ матеріи одного цвѣта и рисунка на ней другого. Узнаемъ, далѣе, что соединеніе въ ткани зеленаго цвѣта съ краснымъ принадлежитъ, между прочимъ, египетскимъ тканямъ Ахмима VII—VIII стол. въ общемъ ихъ стилѣ двуцвѣтныхъ тканей, и, возможно, также византійскимъ IX—X вѣка. Затѣмъ, восточныя одежды привычно соединяли фереджи и бурнусы именно этихъ двухъ цвѣтовъ, и мода XV—XVI вѣковъ примѣняла тоже соединеніе на Западѣ.

---

1) Codini. De off. III, p. 13.

2) App. ad. l. I, 473. Рейске, Комментаріи, p. p. 563, 791, гдѣ критикъ, послѣ общихъ и историческихъ указаній о шелкѣ, остановился на полосатыхъ тканяхъ.

3) II, 15, 578.

4) См. O. Falke, Kunstgeschichte der Seidenweberei, Abb. 139, 154, 239, 240. На ткани собора въ Ксантенѣ, изданной въ атласѣ Лессинга, на красномъ фонѣ львы зеленые.

VI

ВИЗАНТІЙСКІЯ И ВОСТОЧНЫЯ ТКАНИ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ

1.

Значеніе тканей для изученія исторіи ср. вѣк. искусства.

Византійскія и средневѣковыя восточныя ткани, уже издавна оцѣненныя археологическою наукою, какъ замѣчательныя рѣдкости, хранимыя въ кускахъ по ризницамъ древнихъ соборовъ и музеямъ Европы,[1] пріобрѣтаютъ нынѣ, видимо значеніе столь же важнаго отдѣла въ археологіи средневѣковой Европы, какъ вазовая живопись древности. Этому значенію соотвѣтствуютъ, прежде всего, фигурные рисунки этихъ тканей, дающіе или бытовое содержаніе или типичныя формы орнамента геометрическаго, растительнаго и звѣринаго. Все это почти отсутствуетъ въ искусствѣ европейскаго средневѣковья, ограничивавшимся христіанскою иконографіею по преимуществу. Отсюда тѣ и другія ткани составляютъ важнѣйшіе памятники средневѣкового народнаго быта и должны въ будущемъ занимать первое мѣсто въ исторіи европейской культуры. Не меньшее значеніе получаютъ эти памятники, какъ историческая основа для научнаго анализа живущаго доселѣ въ быту европейскихъ народовъ кустарнаго, иначе народнаго, орнамента, который представляетъ по существу переживаніе старыхъ и нерѣдко древнѣйшихъ культурныхъ вліяній и заносовъ. Современная наука занята пока лишь статистическимъ подсчетомъ любопытныхъ сюжетовъ звѣринаго стиля и орнаментальныхъ мотивовъ александрійской мануфактуры, персидскихъ шелковыхъ матерій, разнохарактерныхъ и специфическихъ издѣлій царскихъ мастерскихъ Византіи, копій, подражаній мелкой промышленности въ Сиріи

---

[1]) Franz Bock, Liturgische Gewänder, 1871. Cahier et Martin, Mélanges d'archéologie, 2—3, 1847, 1856. Migeon, Les arts du tissu, 1909. J. Lessing Die Gewebesammlung des K. K. Kunstgewerbemuseums, 1900—11. Forrer, Römische und byzantische Seiden Textilien u. s. w., 1891. Errera, Collection d'anciennes étoffes etc., 1907. O. v. Falke, Kunstgeschichte der Seidenweberei. Textwerk zu: Julius Lessing: Gewebesammlung d. K. g. Museums. 2 B-de, 1913, 613 Abbildungen. Dreger, Künstlerische Entwicklung der Weberei u. Stickerei 1904. Статьи и экскурсы Гайэ и проф. Стржиговскаго по коптскимъ и восточнымъ тканямъ и пр. см. у Вёрмана, Исторія искусства, т. II. [См. болѣе подробную библіографію у Н. П. Толля, Коптскія ткани Художественно-промышленнаго Музея въ Прагѣ. Прага 1928, стр. 41—43. Также: Ch. Diehl, Manuel, I, 84—86, 264—277; II, 642—649, 885—894.]

и Средней Азіи и пр. и пр. Такого рода подсчеты приводятъ къ излишне мелкимъ дробленіямъ матеріала на отдѣльные стили и подотдѣлы и лишаются сами всякой внутренней связи и смысла общаго историческаго процесса. Видимо, мы наблюдаемъ здѣсь хаотическую борьбу греко-римской культуры съ наплывомъ продуктовъ восточной художественной промышленности Сиріи и Персіи и варварскими модами, наростающими въ Византіи и Восточной Европѣ, заполненной разноплеменными варварскими нашествіями. Отсюда становится ясною необходимость, напротивъ, связать весь матеріалъ общими характеристиками орнамента, какъ принадлежащаго греко-римскому міру, такъ и внесеннаго Персіею или вообще Востокомъ, и указать въ той и другой средѣ типичныя историческія группы. Лишь тогда возможно будетъ различить оригиналы и копіи и предложить объясненіе сюжетовъ. Наконецъ, и это обстоятельство едва ли не окажется важнѣйшимъ, современныя коллекціи восточныхъ и византійскихъ тканей представляютъ, быть можетъ, только починъ будущихъ. Конечно, византійская группа едва ли выростетъ особенно въ матеріалѣ, но восточныя ткани, которыя были уже находимы въ значительномъ числѣ въ Египтѣ, обѣщаютъ приростъ, благодаря почвѣ этой страны, по своей сухости, сохраняющей самые нѣжные предметы и даже краски, и также потому, что александрійскія мануфактуры продолжали и при Сарацынахъ развивать свою дѣятельность.

Настоящій очеркъ будетъ посвященъ почти исключительно фигурнымъ тканямъ и только мимоходомъ коснется вышивокъ, какъ древнѣйшей египетской группы, которая относится къ IV—VI вѣкамъ, такъ и позднѣйшей, временъ Сарацынъ. Значеніе вышивочныхъ группъ является особо важнымъ, въ виду тѣхъ отложеній, какія онѣ образовали въ быту большинства народовъ Европы, но научный анализъ ихъ орнаментики былъ бы половинчатымъ, внѣ образцовъ народнаго искусства этихъ народовъ.

Назначеніе тканей.

Затѣмъ, мы знаемъ, что фигурныя ткани средневѣковья служили для одеждъ, или же завѣсъ и занавѣсокъ, пологовъ и покрововъ церковныхъ, въ иконостасѣ, киворіи, на стѣнахъ и между колоннъ, словомъ, для всякаго рода драпировокъ, и свѣдѣнія объ этомъ употребленіи тканей получаемъ уже изъ вторыхъ рукъ, изъ записей Папской книги о дарахъ и присылкахъ папамъ.[1] Но большинство кусковъ, до насъ дошедшихъ, относится именно къ этому второму виду драпировокъ, а не одеждъ, судя потому, что ихъ рисунки столь велики, а круги, въ которыхъ помѣщаются часто звѣри, птицы и сцены, имѣютъ отъ 0.30 до 0.55[2] въ поперечникѣ, и невозможны для фигурныхъ тканей, исполняемыхъ для одежды. Все это завѣсы для дверей или дворцовыхъ вратъ, монументальныхъ балдахиновъ, арокъ, и пр. На изображеніяхъ фигурныхъ тканей въ византійскихъ одеждахъ приходится

---

¹) O. Dalton, Byzantine art and archaeology, 1911, p. 577. [Cp. East Christian art, 1925, 349 sqq.]

²) Lessing. Atlas, Taf. 34, 43 u. 77.

обычно или по одному крупному кругу, напримѣръ, съ парою грифовъ, съ поперечникомъ въ 0.25 м., такъ чтобы этотъ кругъ вполнѣ захватывалъ ширину груди, или же по нѣсколько мелкихъ кружковъ. Такимъ образомъ, большинство кусковъ шелковыхъ матерій является спеціально декоративными драпировками, и этого ихъ характера нельзя упускать изъ виду при всякомъ обсужденіи. Правда, египетскіе некрополи Антинои,[1] Ахмима (Панополя) и Фаюма даютъ для древнѣйшаго періода, III—VI вѣковъ по Р. Хр. именно ткани одеждъ или же погребальныхъ покрововъ, но этотъ матеріалъ пока не опубликованъ и требуетъ, понятно, времени для его опознанія.

Принципіальные вопросы классификаціи тканей.

Помимо такихъ общихъ наблюденій, византійскія и восточныя ткани подняли рядъ принципіальныхъ вопросовъ по исторической характеристикѣ художественныхъ формъ и по дѣленію тканей на историческія группы. Первоначальныя наблюденія, утвердивъ общее вліяніе Востока, быть можетъ, дѣйствительно перешли предѣлъ въ этомъ обобщеніи. Возникла полемика, исходившая отъ знатоковъ и приверженцевъ классической археологіи, но она, справедливо отрицая научность этихъ обобщеній, въ то же время сама, вмѣсто историческихъ доказательствъ, пыталась утверждать путемъ эстетическихъ гипотезъ и догматовъ художественнаго творчества. Между тѣмъ споръ завязывался въ области наиболѣе сложной и трудной, какова исторія орнамента, еще вовсе не начатая научною разработкою. Опыты, предпринятые Риглемъ[2] по исторіи аканѳа и проф. Стржиговскимъ[3] по орнаментикѣ усика виноградной лозы, любопытны по историческому сближенію разнообразнаго матеріала, но не могутъ дать полнаго научнаго его построенія, разъ онъ оторванъ отъ тѣхъ группъ, въ связи съ которыми онъ сталъ историческимъ типомъ. Эти опыты мало чѣмъ отличаются отъ предшествующихъ опытовъ, выработанныхъ скандинавскими археологами,[4] въ принципѣ принявшими полную самобытность своей орнаментики и изложившими ея историческое образованіе изъ основной, почти отвлеченной, схемы въ характерный звѣриный стиль, т. е. обратно противъ дѣйствительнаго историческаго хода, который всѣми другими усматривается въ общемъ процессѣ развитія звѣринаго стиля въ европейскомъ орнаментѣ.

Сущность художественной эволюціи въ тканяхъ.

Сущность этого историческаго явленія восточныхъ тканей на почвѣ греко-римскаго міра и его декоративнаго или орнаментальнаго типа можетъ быть опредѣлена, съ одной стороны, помпеянскою декораціею, съ другой персидскою тканью съ изображеніемъ царской охоты на львовъ. Какъ извѣстно, помпеянская декорація выродилась быстро въ древне-христіанскихъ росписяхъ катакомбъ и въ коптскихъ тканяхъ и вышивкахъ, а затѣмъ але-

---

[1]) См. Краткій отчетъ о раскопкахъ Al. Gayet, Annales du musée Guimet, Bibl. d'art t. V. E. Guimet, Les portraits d'Antinoé, 1912, p. 4—18.

[2]) Al. Riegl, Stilfragen. Grundlage zu einer Geschichte der Ornamentik. 1893.

[3]) Jos. Strzygowski, Altai, Iran und Völkerwanderung. 1917.

[4]) Sophus Müller. Tierornamentik im Norden. 1881. B. Salin. Altgermanische Tierornamentik. 1904.

ксандрійская и византійская мануфактура усвоила восточно-персидскіе типы и уже въ арабской схематизаціи передала ихъ сицилійскимъ и итальянскимъ мастерскимъ средневѣковья. Нынѣ вполнѣ ясна зависимость такъ называемаго „романскаго“ періода скульптуры отъ восточной базы, и требуется только научнымъ анализомъ точно опредѣлить исторію сложенія этой базы въ послѣдовательныхъ группахъ памятниковъ и открыть въ памятникахъ средневѣковой восточной и западной Европы элементы переноса и силы, имъ руководившія.

Характеръ римско-эллинистическаго орнамента.

Орнаментъ греко-римскаго міра въ эпоху Римской Имперіи представлялъ вполнѣ завершенное художественное явленіе, хотя, въ дѣйствительности, былъ наиболѣе блѣдною и скудною стороною греко-римскаго искусства. Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить собственно помпеянскую стѣнную декорацію съ украшающими ее миѳологическими картинами, или орнаментику расписныхъ вазъ съ ихъ фигурными рисунками, будетъ достаточно ясна преобладающая сторона греко-римскаго искусства въ исключительномъ господствѣ художественнаго типа человѣческой фигуры. Лишь утонченное любительство римско-имперской эпохи могло породить кратковременный интересъ къ звѣриной пластикѣ. Между тѣмъ, продолжительный періодъ, такъ называемой эллинистической эпохи, тянувшійся отъ Александра Великаго до Юстиніана, былъ собственно временемъ растворенія греческой культуры въ Италіи и на эллинизованномъ Востокѣ, начиная съ Египта, Сиріи и кончая Малой Азіею.

Какъ извѣстно, это раствореніе быстро принесло съ собою особый плодъ въ видѣ такъ называемаго эллинистическаго стиля, который, сохранивъ достигнутое искусствомъ совершенство формы, долженъ былъ бы, однако, напитаться въ извѣстной мѣрѣ новымъ содержаніемъ, полученнымъ изъ культуры и жизни восточныхъ областей. Но, повидимому, ходъ художественнаго дѣла лишь изрѣдка и ненадолго принималъ эту восточную окраску, а само эллинистическое искусство было усвоено Востокомъ въ видѣ чуждой и совершенно внѣшней формы, годной для миѳологическихъ шаблоновъ, а не для новаго реальнаго содержанія и характерныхъ восточныхъ типовъ. Уже то простое обстоятельство, что тотъ же Египетъ, какъ только оторвался отъ греко-римскаго руководства, быстро утратилъ художественный греческій шаблонъ, и если не могъ уже вернуться къ своему древнему искусству, которое, какъ родилось съ египетской религіей, такъ одновременно съ нею и умерло, то, какъ увидимъ ниже, отошелъ отъ греко-римскаго искусства въ сторону своего собственнаго содержані яи образовалъ любопытный отдѣлъ христіанскаго искусства, носящій названіе „коптскаго“ — т. е. „поздне-египетскаго“. Присутствіе въ его орнаментальныхъ формахъ лотоса, въ его, правда, усложненныхъ признакахъ, а также изображеній, явно заимствованныхъ отъ персидскихъ образцовъ, и чертъ, болѣе свойственныхъ міровоззрѣнію восточному, а не греческому, — требуетъ отъ анализа александрійскихъ мануфактуръ особаго вниманія къ мелочамъ орнамен-

тики. Въ процессѣ такого анализа станетъ вопросомъ, должны ли мы представлять Египетъ эллинистической эпохи цѣликомъ вошедшимъ въ грекоримскій міръ, или же считать его все же существовавшимъ особо, своею жизнью, что́ доказывается, между прочимъ, его христіанскимъ сектантствомъ, а потому видѣть въ Египтѣ такъ же, какъ и въ Сиріи, своего рода проводникъ восточнаго культурно-художественаго вліянія на греко-римскій міръ и, въ частности, на Византію, вплоть до средины VII вѣка, когда она лишилась Египта.

Орнаментъ есть созданіе художественной и бытовой культуры, нарождающееся въ нѣдрахъ національнаго искусства, а потому за нимъ, по преимуществу, остается значеніе народной стихіи, элемента наиболѣе устойчиваго и неотъемлемаго. Легко мѣняется, берется заимствованіемъ и исчезаетъ безслѣдно миѳологическій, романическій сюжетъ или сказочная тема, но упорно живетъ въ народѣ однажды имъ созданная, разомъ или выработанная сложнымъ процессомъ, орнаментальная форма. Эта форма, воспринятая отъ александрійской мануфактуры VI—VII вѣковъ, продолжаетъ жить въ народномъ орнаментѣ славянъ доселѣ и остается памятникомъ ихъ начальной культуры. Растенія, цвѣты, плоды, животныя и птицы народныхъ вышивокъ Восточной Европы образуютъ сложное цѣлое документовъ по исторіи быта, политическихъ и культурныхъ связей, религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ. Но разборъ этихъ документовъ невозможенъ безъ пособія и анализа тѣхъ образцовъ, которые легли въ основаніе этого разновременнаго и разнороднаго комплекса переживаній культурной старины народовъ.

Роль тканей при изученіи орнамента.

Византійскія и восточныя ткани охватываютъ почти все начальное средневѣковье — отъ V-го по XII вѣкъ включительно — и, слѣдовательно, представляютъ орнаментъ окончательно сложившагося греко-римскаго міра и равно періодъ образованія и сложенія культуры новыхъ европейскихъ народовъ и ихъ государствъ. Итакъ, первымъ пунктомъ значится орнаментальная сторона греко-римскаго, а въ его послѣднемъ періодѣ — условно именуемаго эллинистическимъ, искусства. Орнаментъ, какъ продуктъ художественнаго впечатлѣнія и творчества, личнаго и народнаго, мѣстнаго и временнаго, создается столько же на основѣ реальной природы, жизни и культуры, сколько въ силу художественнаго развитія и въ результатѣ специфическаго процесса, состоящаго въ отвлеченіи формы отъ ея реальнаго тѣла. Легчайшая и обычная орнаментальная форма даетъ такъ называемый *геометрическій* орнаментъ, который обнимаетъ собою

Геометрическій орнаментъ.

какъ всю сферу линій: прямыхъ, ломаныхъ, круговыхъ, горизонтальныхъ и вертикальныхъ и пр., наблюдаемыхъ въ природѣ и въ издѣліяхъ человѣка, такъ и обширную область механики,[1] въ которой конструктивныя формы, становясь быстро шаблонами, образуютъ орнаментальныя формы,

[1]) G. Semper, Der Stil in d. technischen u. tektonischen Künsten, 2. B-de 1878—79.

пригодныя уже не для строительства, но для украшенія подобозначущимъ рисункомъ. Геометрическая орнаментика является простѣйшею общечеловѣческою формою орнамента и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе обычною формою орнамента для вышивокъ, и затѣмъ, и древнѣйшаго тканья, валяльныхъ издѣлій изъ шерсти или разныхъ видовъ войлока, а также и рѣзьбы на деревѣ, металлѣ и кости, и потому, при обѣднѣніи искусства, ремесла и быта, и при замѣнѣ ручного мастерства фабрикаціею для дешеваго, варварскаго рынка. Но даже и геометрическій орнаментъ не есть продуктъ одного механизма и даетъ въ разныхъ формахъ продукты чисто художественнаго творчества и артистическаго вкуса, надолго уживающіеся въ народномъ искусствѣ, какъ напримѣръ, плетенія египетскихъ тканей первыхъ вѣковъ христіанской эры, исполнявшіяся льняными и шелковыми нитями по пурпурной шерсти на льняныхъ одеждахъ и покровахъ, ирландская и карловингская каллиграфія рукописей и т. под.

Рис. 83. Ткань изъ Антинои. Музей тканей въ Ліонѣ.

2.

Растительный орнаментъ

Въ иномъ, даже прямо противоположномъ положеніи обрѣтался въ исторіи искусства орнаментъ растительный и именно въ тканяхъ. Господство растительнаго орнамента въ малорусскихъ народныхъ вышивкахъ трактовалось „украинствовавшими“ этнографами, сравнительно съ русскимъ народнымъ орнаментомъ, преимущественно геометрическимъ или звѣринымъ, какъ черта высшей культуры или художественности (на самомъ дѣлѣ, это зависѣло отъ полученныхъ Малороссіею образцовъ). Равнымъ образомъ, еще и доселѣ артистическій реализмъ растительныхъ орнаментовъ на тканяхъ Франціи XVII—XVIII столѣтій приписывается именно только роскошеству и пышности дамскихъ и мужскихъ костюмовъ этихъ эпохъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, и эта черта была вызвана подражаніемъ китайскимъ и японскимъ образцамъ и ими вызванной модой. Но, конечно, рисунки растительности въ тканяхъ играютъ главную роль лишь въ эпоху господства показной роскоши, какъ то: въ эллинистическую эпоху, въ періодъ блестящихъ дворовъ XV—XVI вѣка въ Италіи, при дворахъ Персіи, Индіи и Китая и т. п. Прежде всего, эти рисунки, дабы производить впечатлѣніе, должны быть особенно сложными, исполнены на лучшихъ или наиболѣе плотныхъ и дорогихъ шелковыхъ матеріяхъ, и только наиболѣе

утонченный вкусъ будетъ довольствоваться скромными рисунками вѣточекъ, травъ и мелкихъ цвѣтовъ. Мало того, лишь очень немногіе виды флоры производятъ такое впечатлѣніе — неотразимое — на художника или рисовальщика своею высокою пользою или своимъ характернымъ типомъ, что, такъ сказать, сами просятся на картину. Еще болѣе: лишь исключительные типы растеній являются настолько своеобразными, что рисовальщикъ сразу усваиваетъ себѣ ихъ черты и даже, воспроизводя растеніе реально, достигаетъ его образа, типа или схемы, и въ силу этой типичности, причисляетъ его форму къ средѣ орнаментовъ. Наконецъ, если область орнамента представляется тканями, выборъ растительныхъ орнаментовъ будетъ опредѣляться также техническими условіями.

Флора эллинистическаго міра.

Культурная часть греко-римскаго міра охватывала почти исключительно побережья Средиземнаго моря и въ эллинистическую эпоху эта территорія представляла собою искуственный садъ, вѣковыми усиліями народовъ южной Европы и Западной Азіи насажденный изъ всѣхъ почти извѣстныхъ въ то время растительныхъ видовъ плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ и кустовъ. Простой обзоръ этихъ видовъ, помѣченный ихъ исконною родиною или территоріею Азіи, откуда принесенъ былъ культурный образецъ растенія, можетъ быть достаточенъ для этой любопытной задачи историческаго опознанія бытового и умственнаго развитія народовъ средиземнаго побережья. Мы узнаемъ изъ этого перечня, что нерѣдко растенію предшествовало появленіе торговымъ путемъ его плодовъ, и только черезъ нѣсколько вѣковъ — о переносѣ и культурѣ самого растенія въ Греціи и Италіи. Нерѣдко также плодовое дерево переносилось и культивировалось только при семитическихъ колоніяхъ и факторіяхъ на этомъ побережьи, и лишь спустя долгое время распространялось по всему побережью; бывало и обратно, какъ случилось съ финиковою пальмою, что ей предшествовало въ греческомъ мірѣ громкая иноземная слава, побуждавшая къ вывозу немногихъ исключительныхъ, сажавшихся въ высшихъ религіозныхъ святилищахъ Греціи, какъ священная эмблема солнечнаго бога. Подобно культурѣ домашнихъ животныхъ многія деревья и растенія прошли предварительно долгій религіозный искусъ, прежде нежели стали садовою утѣхою или предметомъ садоваго хозяйства и торговли. Наконецъ, многіе виды плодовыхъ деревьевъ и растеній долго мѣняли свои мѣста на этой территоріи, пока находили себѣ пристанище и для ихъ распространенія вырубались лѣса, для устройства плантацій. Но, что въ данномъ случаѣ болѣе важно, то необыкновенное вниманіе и глубокій интересъ къ появленію новаго культурнаго вида, съ которымъ встрѣчали греческое и римское общество новые дары далекой Азіи, ихъ благословенной родины. Несомнѣнно, въ этомъ интересѣ центромъ тяжести являлись экономическія соображенія, по поводу знакомаго уже процесса использованія этого новаго дара. Историческій выводъ изъ этого вѣкового процесса ясно свидѣтельствуетъ о необыкновенной силѣ культурнаго движенія

народовъ древняго міра, успѣвшаго въ короткій, тысячелѣтній срокъ почти истощить флору всей передней Азіи, до Инда включительно, и привить съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ ее у себя, нѣкоторые виды развить на колоссальныхъ пространствахъ, какъ напримѣръ, виноградъ. Въ результатѣ этого процесса, флора Средиземнаго побережья перемѣнила свой прежній типъ растительности умѣреннаго климата на типъ вѣчно-зеленаго декоративнаго сада, съ рѣдкостными плодовыми деревьями и растеніями, исключительно свойственными теплому югу. Тотъ же самый историческій процессъ показываетъ намъ, благодаря постоянству литературныхъ источниковъ, неуклонно сопровождающихъ появленіе въ предѣлахъ греко-римскаго міра этихъ даровъ природы и азіатской древней культуры, то что давало наиболѣе сильныя впечатлѣнія мыслямъ и чувствамъ древности, и потому должно было наиболѣе вліять и на художественное чувство. Недаромъ, явленія природы оцѣнивались умами древнихъ, прежде всего, по ихъ дарамъ человѣку и ихъ связямъ съ мыслью о благахъ, посылаемыхъ богами.

Ея отраженіе въ искусствѣ.

Полезно замѣтить, сколь многія деревья и растенія, возбудивъ къ себѣ всеобщее вниманіе, почти избѣжали взгляда художниковъ и всякаго участія въ орнаментѣ. Извѣстный лавръ, рано перенесенный въ Грецію и ставшій посвященнымъ богу Аполлону и его поклонникамъ, изображался въ гирляндахъ и вѣнкахъ, и вѣтви съ его суховатыми, заостренными, какъ стрѣлка, листьями являются характерными для сухой растительности Греціи. Магическая очистительная сила ароматическихъ вѣтвей лавра явилась, такимъ образомъ, подобно мелко-листной миртѣ специфическимъ художественнымъ типомъ антика, но ни лавра, ни мирты мы не встрѣтимъ уже въ тканяхъ. Понятно, если мы не можемъ увидать на нихъ высокаго темно-зеленаго кипариса, котораго соединеніе съ таинственными силами хтоническихъ божествъ породило посвященіе его кладбищамъ и некрополямъ, но отдалило навсегда отъ человѣческаго жилья. Лишь много позднѣе, въ пору появленія монашества и установленія аскетическаго христіанства на сиро-египетскомъ Востокѣ, пара кипарисовъ у подножья высокаго портика или купольной церкви становятся обычною эмблемою смерти и воскресенія, а потому и христіанской церкви. Бьющій водою фонтанъ наверху такого церковнаго портика бываетъ окруженъ всегда, какъ источникъ жизни, прилетѣвшими къ нему голубями, душами вѣрующихъ, и является соединеніемъ церкви земной съ небесною. Гораздо меньшимъ явилось участіе въ растительномъ орнаментѣ цѣлаго ряда плодовыхъ растеній и деревьевъ, обогатившихъ европейскую культуру самыми драгоцѣнными видами услаждающихъ плодовъ благодатнаго юга. Правда, мелкая сѣрая листва оливковаго дерева или маслины, какъ ни велика была ея польза для всей Греціи, явилась, понятно, крайне неблагопріятнымъ условіемъ для воспроизеденія ея въ орнаментѣ, но, почти, та же судьба выпала на долю извѣстной смоковницы, или фиговаго дерева, плантаціи которой въ Іоніи продолжаютъ поставлять съ незапамятныхъ временъ и

Лавръ и миртъ.

Кипарисъ.

досел сухія смоквы на древніе и новые рынки. Въ противность этимъ деревьямъ и плодамъ гранатовый плодъ является любимцемъ орнамента всякаго рода, и стѣнныя фрески древнихъ столовыхъ залъ, и миніатюры рукописей, и самыя ткани, отъ ихъ начальной поры до всевозможныхъ народныхъ вышивокъ, представляютъ гранатовый плодъ висящимъ подъ густою листвою или же въ разводахъ вѣтвей, пущенныхъ шпалерою на стѣнахъ, и, притомъ, то на сводахъ высокихъ арокъ, то въ гирляндѣ, вѣнкомъ окружающей священный сюжетъ, то внутри растительнаго побѣга. Какъ извѣстно, ранѣе, еще на почвѣ Востока состоявшееся посвященіе гранатоваго плода верховному женскому божеству — Матери боговъ — и культура самого дерева во всей Центральной Азіи явились причинами особаго къ нему вниманія со стороны всего греко-восточнаго міра и его искусства. Его плодъ, никогда не появлявшійся на рынкахъ древней Руси, неизмѣнно красуется во всѣхъ плодовыхъ разводахъ въ рѣзьбѣ на деревѣ, въ финифти, наряду со всѣми мотивами восточнаго искусства, утративъ свою реальную красно-оранжевую окраску и замѣнивъ ее блѣдно-голубою съ синими лепестками и желтою сердцевиною. Квитовое яблоко, или айва, хотя и удостоилась временно славы золотого яблока Гесперидъ и эмблематическаго значенія въ видѣ дара любви, а затѣмъ породила въ культурѣ нѣсколько специфическихъ хозяйственныхъ производствъ (мармелада), почти не встрѣчается въ изображеніяхъ, за исключеніемъ гирляндъ столовыхъ залъ. То же самое приходится сказать о сливѣ, принесенной изъ Азіи, культурной вишнѣ, привезенной Лукулломъ съ Понта. Не болѣе посчастливилось и шелковицѣ, или тутовому дереву, перенесенному изъ Персіи, хотя даже Горацій восхищался, нѣкогда, благодѣтельными послѣдствіями ея спѣлыхъ и свѣжихъ утреннихъ ягодъ (уже древніе замѣтили, что спѣлая ягода портится къ вечеру). Однако, и на ея сторонѣ нашлось въ свое время вниманіе, и, что очень любопытно, непосредственно послѣ того, какъ европейскіе садоводы узнали ея чудодѣйственныя свойства по кормленію древесными листами шелковичныхъ червей. Любопытная ткань [1] средне-азіатскаго содержанія, персидскаго типа и, повидимому, однако, китайскаго шелка и работы, со всадниками монголами (ханами), охотящимися на львовъ (рис. 66), представляетъ, взамѣнъ обычной пальмы, посреди двухъ паръ всадниковъ шелковицу, на тонкомъ высокомъ стволѣ съ семью купами ягодъ посреди темной листвы. И не узнать бы шелковицу не спеціалисту по ботаникѣ въ данномъ случаѣ, если бы на помощь не пришла любопытная миніатюра манихейской рукописи,[2] происходящей изъ Тур-

Гранатовый плодъ.

Шелковица.

[1]) Храмовая завѣса — знамя, съ кругами (0,43 въ діаметрѣ), перешедшая въ собственность храма, а нынѣ въ музей Токіо. Лессингъ, табл. 30, Фальке, рис. 110. Вкладъ микадо Шому (724—748).

[2]) Манихейская рукопись найдена въ развалинахъ Иди-кут-шехри близъ Турфана. Миніатюра воспроизведена на 17-й красочной таблицѣ у K. Woermann, Gesch. d. Kunst. II. Färbige Völker und Islam.

фана. Миніатюра представляетъ реальную сцену письма, очевидно, подъ диктовку самого Мани въ неизвѣстномъ средне-азіатскомъ монастырѣ: два ряда монаховъ, сидящихъ передъ столами съ разложенной на нихъ бумагой, въ ожиданіи диктовки покойно сложили руки. Они одѣты во все бѣлое, и головы ихъ покрываетъ высокая, бѣлая шляпа, въ видѣ трубы, безъ полей. Они сидятъ у темно-зеленой стѣны, у которой, какъ бы шпалерами, насажены молодыя шелковичныя деревья, съ ярко-красными купами ягодъ внутри темно-листыхъ букетовъ; по деревьямъ пущенъ виноградъ, съ висящими уже гроздями. Миніатюра уже относится находчикомъ рукописи Лекокомъ къ VII вѣку и подтверждаетъ намъ, что теперешній обычай итальянскихъ фермеровъ пускать лозы на шелковичныя деревья также не свой, а заимствованъ черезъ десятокъ рукъ отъ азіатскихъ садоводовъ, какъ и самый виноградъ. Что въ данномъ случаѣ любопытно, это одновременность обоихъ изображеній и то, что шпалерныя украшенія стѣнъ и, равно, садовъ или даже внутреннихъ дворовъ послѣ VII вѣка получили извѣстное распространеніе, повидимому, въ Средней Азіи въ пору ея сношеній въ IX—X в.в. съ Босфоромъ, такъ какъ именно къ этому времени долженъ былъ бы относиться оригиналъ рисунковъ Константинопольскаго ипподрома, воспроизеденный на хорахъ стѣнъ Софійскаго собора въ Кіевѣ, гдѣ именно изображены опять плантаціи шелковицы.[1] Ни каштаны, ни фисташковое дерево, ни-же грецкій орѣхъ, ни даже миндаль не были избраны для орнамента и ткацкой орнаментики, и только гораздо позднѣе въ коптскихъ рукописяхъ X-го и слѣдующихъ вѣковъ встрѣчаемъ въ заглавныхъ буквахъ разнообразные орѣхи на вѣтвяхъ. Въ противность тому, тыквенное растеніе и особенно дыни, культивированныя персами и доселѣ составляющія славу персидскихъ садоводовъ, а у себя дома даже персидскихъ деревень, повидимому, представили довольно обширное поле для занавѣсей и пологовъ, видимо, въ столовыхъ залахъ. Правда, собственно персидскихъ оригиналовъ подобныхъ занавѣсей пока не имѣется, но за то есть египетскія копіи, отмѣченныя восточными деталями. Въ самомъ дѣлѣ, повидимому, на одной такой завѣсѣ, найденной въ некрополѣ въ Антиноѣ (рис. 84), въ двухъ полосахъ, сверху и внизу, представлены гранатовые яблоки, а въ серединѣ въ преувеличенномъ размѣрѣ вырощены двѣ тыквы или дыни на растительной подставкѣ, нарѣзанныя садоводомъ, какъ будто бы это былъ бумажный фонарь, а снизу съ аканѳоваго побѣга висятъ два малыхъ плода, нарѣзанныхъ такъ, что они представляютъ, какъ бы гроздь винограда. Снизу на нихъ съ вожделѣніемъ смотрятъ пары индійскихъ бычковъ, въ игрушечныхъ размѣрахъ (рис. 84). Пусть объяснитъ кто-либо эту загадочную игрушку садовода или рисовальщика. Правда, извѣстенъ фактъ подобныхъ затѣйныхъ

Тыква.

[1]) Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ. Русскія Древности, вып. IV, рис. 135—136. Зап. Русск. Археол. Общ., т. III, 1888 г. Н. П. Кондаковъ „О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора“.

выращиваній у персидскихъ садоводовъ, послужившихъ, стало быть, образцами для голландцевъ, превращавшихъ такіе податливые плоды растеній въ разнообразныя причудливыя формы. Если эта догадка вѣрна, то она подтверждаетъ общій фактъ воспроизведенія орнаментомъ наиболѣе поразительныхъ явленій древней культуры.

Растенія избранныя для орнамента.

Орнаментальными избранниками греко-римскаго міра явились: финиковая пальма, виноградная лоза, аканѳъ, плющъ и роза, и надо думать, что, даже безъ особой нужды разсмотрѣнія, причины такого выбора были бы понятны сами по себѣ, но, какъ увидимъ, извѣстныя перемѣны реальнаго типа этихъ растеній при ихъ переходѣ въ орнаментъ требуютъ такого, именно болѣе подробнаго разбора.

3.

Пальма.

Начнемъ съ вѣнца растительнаго творенія, дѣйствительнаго древа жизни семитическихъ племенъ — съ финиковой пальмы. Принадлежа къ разряду высоко-полезныхъ для человѣчества растеній, финиковая пальма уже въ отдаленной древности стала извѣстна греко-римскому міру, но, правда, лишь своей декоративной стороной. Извѣстно, что Гомеръ вкладаетъ въ уста своего героя Уллиса въ Одиссеѣ тонкій и, повидимому, излюбленный ранѣе того комплиментъ по адресу принцессы Навзикаи: „я нигдѣ не видалъ иную смертную или смертнаго, который бы былъ подобенъ тебѣ, и дивлюсь, видя тебя, но такъ на Делосѣ я созерцалъ когда-то стремящійся вверхъ стволъ юной пальмы у алтаря Феба-Аполлона. Видя ее, дивился я долго въ душѣ, ибо нигдѣ въ иномъ мѣстѣ земля неноситъ на себѣ подобнаго дерева“. Итакъ, финиковая пальма уже рано была принесена и посвящена богу солнца въ Греціи, какъ затѣмъ и впослѣдствіи украшала она собою иныя

Рис. 84. Ткань изъ Антинои.
Рисунокъ въ Музеѣ Guimet въ Парижѣ.

святилища свѣтлыхъ боговъ въ Дельфахъ, на Критѣ, въ Эвбеѣ, въ Аргосѣ и проч. Но, какъ должно было оказаться, уже рано этотъ мощный видъ плодоваго дерева явился безплоднымъ на почвѣ Греціи и Италіи. Пальма, какъ извѣстно, нуждается столько же въ постоянно влажной почвѣ, сколько въ теплѣ, со средней температурой не ниже 23 гр. Цельсія, и въ солнечномъ жарѣ для созрѣванія своихъ, кроющихся въ пышной кронѣ дерева, плодовыхъ побѣговъ. И хотя имя этого вида пальмы выводитъ ее изъ Финикіи и по ней названа была Пальмира, однако, ея истинною родиною была Мессопотамія и оазисы равнинъ, тянущихся до Сиріи и Египта. Именно, въ долинѣ Вавилона совершилась ея древняя культура, достигнуто было высшее облагороженіе ея съѣдобныхъ плодовъ и, именно, тамъ разработана была всесторонне экономическая сторона использованія всѣхъ частей дерева на потребу человѣка. По преувеличенному гимну, сообщенному Страбономъ, насчитывали 360 видовъ способа извлекать изъ нея пользу: конечно, въ этомъ дѣлѣ не причемъ кочевое племя Набатеевъ, которому легенда приписываетъ культуру этого „древа жизни“ Арабовъ, лишь потому, что они, спустившись до Египта, принесли ее съ собою къ Красному морю. Религіозныя вѣрованія придали финиковой пальмѣ рано значеніе „священнаго дерева“, и она стала символомъ великихъ и благодѣтельныхъ боговъ побѣды и счастья, и ея вѣтви, сплетенныя для удобства перевозки, рано стали священными эмблемами въ древней Греціи, чему свидѣтельствомъ является легенда о Тезеѣ, принесшемъ въ Аѳины вѣтку пальмы. Но, какъ тоже извѣстно, плантаціи финиковой пальмы оказались невозможными ни въ Италіи ни въ Испаніи и даже въ защитныхъ мѣстахъ европейскаго юга, и вмѣсто нея любители садоводства принуждены были ограничиться разновидностью „низменнаго хамеропса“. Древняя же Греція принуждена была гордиться бронзовымъ изображеніемъ пальмы или декоративными образчиками молодого растенія на извѣстное число лѣтъ. Характерно, поэтому, что уже въ восточной древности пальма была эмблемой человѣческой стройности, а въ греко-римскомъ мірѣ своего рода канономъ пропорцій. На Востокѣ именемъ Тамары (имя это происходитъ отъ Тадморъ — восточнаго названія пальмы) стали почетно именоваться царскія дочери ради дѣвической стройности. Дѣйствительно, въ строеніи пальмы человѣка поражаетъ столько же ея 50-ти метровый стволъ, сколько граціозный куполъ ея нѣжныхъ и въ то же время изумительно крѣпкихъ вѣтвей, покрывающихъ густою тѣнью источникъ или лугъ у ея корней. Эта могучая крона столь же пышна, сколько всесильна противъ всякой бури и всякаго самума. Таковы тѣ поразительныя черты строенія пальмы, которыми могла воспользоваться орнаментика. Образъ финиковой пальмы уже съ V-го вѣка украшаетъ мозаическія изображенія ново-завѣтныхъ лицъ и событій, одновременно, какъ образъ Палестины и райскаго дерева, съ сидящимъ наверху пальмы фениксомъ, и въ то же время служитъ орнаментаціею ландшафта на рельефѣ саркофаговъ Равенны.

Но при этихъ мотивахъ орнаментаціи, явное дѣло, извѣстную службу выполнила и сама культура финиковой пальмы. Вполнѣ естественная догадка[1] приводитъ насъ къ тому, чтобы усмотрѣть извѣстную гіератическую, ритуальную форму этой культуры финиковой пальмы въ такъ называемомъ „священномъ древѣ“, или, что тоже, въ „древѣ жизни“ на многочисленныхъ изображеніяхъ его въ Ассиріи, и памятникахъ Вавилона. Не входя, однако, въ спеціальное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ памятниковъ, изъ которыхъ многіе бы потребовали излишнихъ при данной задачѣ разсужденій о деталяхъ подобныхъ изображеній, напримѣръ, еловыхъ шишкахъ, мы должны остановиться на общемъ ихъ построеніи. Очевидно, и рисунки и рельефы передаютъ въ данномъ случаѣ образчикъ шпалерной культуры или пальмоваго растенія вообще, или по нашему финиковой пальмы, при которой достигается столько же конструкція подручнаго растенія на стѣнѣ, сколько, очевидно, садовая обработка ея плодовъ въ искусственной формѣ. Намъ важно только отмѣтить, что вся листва растенія въ данномъ случаѣ сводится, почти, къ одной искусственно устроенной кронѣ, которая по своей формѣ и составляетъ такъ называемую греческую пальметку.[2] Затѣмъ ближайшимъ доказательствомъ того, что въ ассирійскомъ изображеніи древа жизни стволъ и крона представляютъ, именно, специфическую культуру финиковой пальмы, можетъ служить столько же видъ этой кроны, послужившей образцомъ для греческой пальметки, сколько рисунокъ подобной пальметки на поливныхъ изразцахъ самой Ниневіи.[3] На двухъ рисункахъ кроны „древа жизни“ и орнаментальной пальметки фриза мы находимъ очередныя формы переплетенныхъ вѣтвей финиковой пальмы. Извѣстно, что для удобства переноса и перевозки пальмовыхъ вѣтвей, ихъ листья сплетаются другъ съ другомъ и со слѣдующими парами также такъ, что получается, сравнительно съ самой вѣтвью, узкая полоса. Извѣстно далѣе, что съ цѣлью приготовленія къ празднику Ваій или пальмъ, а нашему Вербному Воскресенью, въ средніе вѣка на пальмахъ, росшихъ на югѣ, заранѣе подвязкой атрофировали нижнюю часть вѣтвей, чтобы получить ихъ палевыми. Упоминаемъ это обстоятельство потому, что въ той-же Ниневіи въ орнаментальныхъ пальметкахъ одинъ рядъ зеленыхъ листьевъ чередуется съ рядомъ пестрыхъ, или точнѣе полосатыхъ, на которыхъ бѣлая полоска смѣняется темною такъ, какъ если бы она представляла переплетеніе двухъ разноцвѣтныхъ

---

[1]) Такая же догадка пришла въ голову В. Г. Уорду, американскому изслѣдователю печатей-цилиндровъ Месопотаміи и Западной Азіи (W. H. Ward, The Seal cylinders of Western Asia, Washington, 1910) при видѣ одного цилиндра (рис. 665), съ изображеніемъ крылатаго дракона и быка по сторонамъ древа въ видѣ пальмы (см. рис.) Уордъ говоритъ: here the tree is evidently the date palm, par exellence the fruit tree of the Euphrates valley. On some of these early cylinders we have low palmtrees or palmettes.

[2]) См. типъ этой пальметки въ изданіи Racinet, L'ornement polychrome, pl. 5.

[3]) Ib., табл. IV, 5.

листьевъ. Любопытно, между прочимъ, что такого рода пальметки съ пестрыми рядами перешли и въ народный европейскій орнаментъ и встрѣчаются доселѣ на средневѣковой посудѣ.

Переходя къ самымъ тканямъ, мы должны имѣть въ виду, что въ эллинистическомъ стилѣ сама пальма уже представляется лишь двумя своими

Рис. 85. Ткань изъ Латеранской сокровищницы. Ватиканъ.

частями, а именно тонкимъ высокимъ стволомъ, который, притомъ, нерѣдко имѣетъ видъ или тонкаго стебля и стержня, снабженнаго наверху кроною или также внизу двумя растянутыми искусственно въ стороны вѣтвями, причемъ, по сторонамъ такого стержня помѣщаются или два животныхъ, или двѣ птицы, или же сцена охоты на звѣрей двухъ всадниковъ, или двухъ охотниковъ пѣшихъ. Къ концу VI-го или къ началу VII вѣка относится Александрійская ткань,[1] сохранившаяся въ изѣстномъ кладѣ въ Ла-

[1]) Фальке, рис. 90.

теранѣ, нынѣ въ Ватиканѣ, (рис. 85); въ ней по сторонамъ пальмы, изображенной въ видѣ хамеропса, два охотника копьями убиваютъ львовъ. Слѣдующее затѣмъ изображеніе пальмы, уже съ признаками финиковой,[1] находится на ткани персидской съ изображеніемъ павлиновъ, причемъ стволъ или стебель дерева представленъ въ размѣрахъ низкой настѣнной шпалеры, такъ какъ павлины тянутся къ смѣшивающимся плодамъ деревца. Поверхъ низкаго ствола представлена расходящаяся крона пальмы въ декоративной формѣ острыхъ листьевъ, свисающихъ съ дерева, и плодовыхъ вѣтокъ, причемъ тѣ и другіе чередуются по три съ каждой стороны другъ съ другомъ. Въ этомъ рисункѣ мы имѣемъ безусловное свидѣтельство упомянутой выше культуры садовой финиковой пальмы. Средина кроны образуетъ какой-то многоугольникъ, въ которомъ рядъ непонятныхъ греческихъ буквъ и знаковъ создаетъ подобіе надписи. Въ заключеніе этого очерка мы должны сказать, что появленіе на тканяхъ такого раздѣляющаго сцену ствола или стебля, или даже декорированнаго стержня, начинается не ранѣе установившагося наплыва восточныхъ, преимущественно персидскихъ, тканей въ концѣ VII-го или началѣ VIII-го столѣтія, и, потому, достаточно подтверждаетъ спеціальный персидскій ихъ типъ, такъ какъ такого рода стебли или стволы являются въ то же время опредѣленною деталью такъ называемаго „священнаго древа", котораго мы не знаемъ въ Египтѣ и не можемъ предполагать въ Византіи. Вмѣстѣ съ другими неотъемлемыми персидскими темами (какова охота царскихъ всадниковъ на льва) „священное древо" явилось, по всей вѣроятности, не какъ реальный сюжетъ, а какъ, своего рода, восточный талисманъ. Характерно вмѣстѣ съ тѣмъ и то обстоятельство, что чисто греческой пальметки мы уже не встрѣтимъ нигдѣ на тканяхъ, а то, что будемъ этимъ именемъ называть, за отсутствіемъ пока другого термина, будетъ имѣть совершенно иную, хотя похожую форму. Наконецъ, болѣе подробное разслѣдованіе декоративныхъ формъ такого „священнаго древа" въ восточныхъ и византійскихъ тканяхъ несомнѣнно покажетъ извѣстный смыслъ въ разнообразныхъ типахъ его листвы и плодовъ и, зачастую, египетскихъ и персидскихъ пальметокъ, принятыхъ въ эту листву, наряду съ другими формами плюща, аканөа, лиліи, лотоса и проч., что, однако, при рѣдкости даннаго матеріала въ настоящее время только повело бы къ напраснымъ догадкамъ.

4.

Виноградная лоза.

Виноградная лоза, относящаяся къ виду вьющихся растеній и становящаяся, при благопріятныхъ условіяхъ, деревцомъ, толщиною даже въ два-три фута, представляетъ въ исторіи греко-римской культуры наиболѣе видное и распространенное явленіе, которымъ, такъ сказать, окрасилась

[1]) Ib., рис. 155.

именно эта культура, какъ нарожденіемъ общаго народнаго любимца, предмета радости и источника веселія. Происходя изъ Закавказья и будучи принесена уже болѣе чѣмъ за полторы тысячи лѣтъ до Р. Хр. въ Грецію и на Балканскій полуостровъ, она распространилась затѣмъ въ Италію, въ южную Францію, Испанію уже въ древности, тогда какъ только въ позднѣйшее время она проникла въ Персію, а, затѣмъ, и на крайній Востокъ. Намъ собственно нѣтъ надобности говорить объ успѣхахъ этого культурнаго растенія внѣ предѣловъ греко-римскаго міра, но важно отмѣтить тотъ культъ винограднаго вина во всѣхъ видахъ этого сока и разновидностяхъ его обработки, чтобы, до извѣстной степени, понять соотношеніе между этой культурой и художественнымъ ея использованіемъ. Плодъ виноградной лозы уже въ глубокой древности получилъ у грековъ важнѣйшее значеніе въ ихъ жертвоприношеніяхъ; жертвы, ранѣе обрызгивавшіяся молокомъ, стали спрыскивать виномъ, и по употребленію вина сформировалось немало сосудовъ спеціальной формы и назначенія. Понятно, что самый типъ растенія, образующій длинный побѣгъ, съ сочными почками и специфическими усиками, которыми этотъ побѣгъ, цѣпляясь за всякій предметъ на его пути оказавшійся, помогаетъ живой лозѣ подниматься наверхъ, развивать боковыя вѣтви изъ почекъ и выращивать на нихъ тяжелыя гроздья, [долженъ былъ отразиться въ искусствѣ]. Весьма возможно, что форма, такъ называемой, спирали, а равно и волнистой линіи, идущей въ горизонтальномъ направленіи, образовались, помимо виноградной лозы, путемъ наблюденія геометрическаго орнамента. Съ другой стороны, несомнѣнно, что именно греческое искусство спеціально разработало форму такъ называемаго побѣга или развода виноградной лозы, съ формирующимися на ней усиками въ опредѣленныхъ узлахъ побѣга и образующихъ упругія и жиз-

Рис. 86. Ткань Художественно-промышленнаго Музея въ Прагѣ.

ненныя формы растительной спирали. Такого рода орнаментальный побѣгъ, захватывающій сначала большіе круги и какъ-бы слабѣющій затѣмъ въ кругахъ, уменьшающихся постепенно, и затѣмъ ложащійся въ опредѣленномъ отпрыскѣ, образуетъ такъ называемую акротеріальную форму орнамента. Но обычная форма винограднаго побѣга образуетъ или правильный кругъ, или даже четыреугольникъ, но помѣщается чаще всего внутри каймы и идетъ по опредѣленной полосѣ, играя такимъ образомъ роль исключительно орнаментальную, при этомъ уже греко-римское искусство научилось разнообразить реальную форму лозы аканѳовыми листьями и побѣгами, листьями плюща, разными плодами внутри завивающагося усика или даже звѣрьками, птицами, мелкими животными. Все это составляетъ шаблонъ эллинистическаго орнамента, и характерно, что этотъ самый шаблонъ перешелъ затѣмъ въ Персію, хорошо ознакомившуюся съ виноградною лозою, и далѣе въ восточную Азію, гдѣ разводы или побѣги винограда съ гроздями, висящими внутри спиралей, извѣстны уже отъ V и VII—VIII вѣка.[1] Приблизительно въ ту же эпоху появился въ орнаментѣ характерный типъ толстаго побѣга виноградной лозы[2] и послужилъ для орнаментальнаго оживленія круговъ, многоугольниковъ и геометрическаго орнамента въ варварскихъ древностяхъ VII—IX-го столѣтій. Здѣсь самыя пальметки были замѣнены какъ бы нарубленными кусками лозы, соединенной въ типѣ пальметокъ, образующихъ иногда сѣтку плетеній, изъ которой затѣмъ дѣлается красивая накладка на опредѣленной поверхности, какъ бы замѣняющая прежнюю филигрань. Этого рода характерная стилистически орнаментика украшаетъ большинство золотыхъ сосудовъ, чашъ и ковшей Миклошскаго клада, о которомъ придется говорить въ одномъ изъ будущихъ очерковъ.

Рис. 87. Ткань въ Музеѣ Cluny въ Парижѣ.

Плющъ. По типу виноградной лозы развились и орнаментальныя формы побѣ-

---

1) Фальке, рис. 12—18.

2) Ib., рис. 38, 39, 40, 75, 116—119.

говъ плюща, но есть и особая форма, созданная спеціально Востокомъ, а именно Персіею, для плющевого побѣга или вѣтки. Орнаментика использовала въ данномъ случаѣ свойство плюща растить свои вѣтки вверхъ, присасываясь своими мочками къ древесной корѣ или даже камню; въ натуральномъ рисункѣ получается линія восходящей вѣтки, обозначенная шеренгою листиковъ, спадающихъ острымъ концомъ, а такъ какъ листъ плюща наиболѣе походитъ на контуръ сердца, то въ орнаментикѣ образовался типъ такого побѣга, въ особенности на металлическихъ вещахъ для украшенія кружковъ, столбиковъ, поясковъ и т. п. Какъ извѣстно, наконецъ, листъ плюща изъ темно-зеленаго превращается въ коричнево-красный, и на этомъ основана орнаментальная форма „керовъ" и „пикъ".

Рис. 88. Ткань въ Музеѣ Cluny въ Парижѣ.

Въ близкомъ содружествѣ съ перечисленными растеніями находился съ начала средневѣковой эпохи такъ называемый аканѳъ[1] котораго главная роль въ орнаментикѣ, какъ извѣстно, восходитъ къ эпохѣ процвѣтанія греческаго искусства и заключается въ созданіи формъ коринѳской капители. Его, можно сказать, міровое распространеніе вызвало талантливаго Алоиса Ригля[2] на попытку построить на историческомъ очеркѣ аканѳа темную доселѣ исторію средневѣковой орнаментики вообще. Риглемъ было, конечно, доказано распространеніе греко-римскаго аканѳа въ предѣлы искусства Индіи и Китая, что, однако, можно было легко констатировать по всякому поводу. Но построить на этомъ обстоятельствѣ исторію разнообразныхъ типовъ и группъ историческаго орнамента оказалось, конечно, невозможнымъ, такъ какъ заходъ иного шаблона въ Аканѳъ.

¹) Аканѳъ — чертополохъ, репейникъ, волчецъ, будякъ, видъ сорной травы, разростающейся въ кустарникъ и колючей, съ длинными остроконечными листьями, отвѣчаетъ по типу лат. carduus, франц. chardon, и зовется также общимъ именемъ Dornstrauch, épine, но растетъ повсюду лишь въ южной Европѣ. Бываетъ — asper — колючимъ и mollis — съ развернувшимися въ мелкую листву колючками. Первый видъ былъ орнаментомъ греческаго искусства, второй видъ — римскаго, средневѣковаго и отчасти ближнеазіатскаго.

²) Alois Riegl, Stilfragen.

чужое искусство, разъ совершившійся, образуетъ тамъ тоже художественную традицію, а между тѣмъ это самое искусство въ свою очередь начинаетъ производить вліяніе и на другія, отъ которыхъ оно получило эту частичную форму. Скажемъ кратко: греко-римскій міръ излюбилъ аканѳъ, какъ наиболѣе ясную, подвижную и всѣмъ понятную растительную форму, и черезъ посредство христіанскаго искусства, сложившагося на почвѣ греко-римскаго міра, листокъ аканѳа сталъ въ иконописи шаблономъ растенія, древесной вѣтки, листа, наконецъ, даже травы, и держится доселѣ настойчиво и повсюду, гдѣ существуетъ иконопись или ея традиціонныя формы.

Бетель. Уже въ египетскихъ тканяхъ, быть можетъ, даже происходящихъ изъ Антинои, если судить по одному замѣчанію Е. Гимэ[1], во всякомъ случаѣ въ тканяхъ александрійскихъ, а затѣмъ и въ персидскихъ встрѣчается пресловутый листъ или плодъ, спеціально относимый къ Индіи и получающій названіе или индускаго фикуса, или, даже, листа пальмы, или, наконецъ, ficus religiosa. По установившемуся преданію, дерево, которому принадлежатъ эти листы, было любимымъ „древомъ самого Сакья-Муни“, который, подъ нимъ сидя, сталъ „Буддою“. Какъ извѣстно, этотъ стилизованный листъ сталъ почти необходимою деталью персидскихъ ковровъ и индійскихъ шалей, въ маломъ или наоборотъ въ преувеличенно большомъ размѣрѣ, на всѣ лады разубранный внутри растительными орнаментами и формами. Какъ видно, однако, всѣ эти сопоставленія не дали опредѣленнаго указанія на реальную основу такого орнаментальнаго листа. Въ безплодныхъ поискахъ какого-либо вида пальмы, на которомъ могли бы быть подобныя листья, я обратился за справкой къ индусу, доктору Оксфордскаго увиверситета, Гасанъ-Шахидъ Сухраварди, который указалъ мнѣ на тождество этого листа съ извѣстнымъ растеніемъ вида перцовыхъ — бетелемъ.[2] Ниже будутъ представлены въ самихъ тканяхъ доказательства точности этого указанія, въ виду которыхъ необходимо припомнить здѣсь общеизвѣстныя свѣдѣнія объ этомъ характерномъ видѣ перца.

Бетель составляетъ видъ ліаны или остъ-индскаго кустарника, съ бороздчатыми вѣтвями, яйцевидными или даже серцевидными листьями, длиною въ шесть дюймовъ, расширенными въ основаніи и сильно заостренными на верхушкѣ, темно-зеленаго цвѣта сверху, переходящаго въ желтый при сухости. Туземцы всей южной и центральной Азіи, Индіи и Индокитая жуютъ эти пряныя, немного горькія, но ароматичныя листья, завернувши въ нихъ кусочекъ плода арековой пальмы или, вообще, чего-либо вяжущаго. Кто можетъ, тотъ имѣетъ всегда при себѣ небольшой ящичекъ, съ отдѣленіями, въ которыхъ вложены запасы нарѣзанныхъ

[1]) E. Guimet, Les portraits d'Antinoé au Musée Guimet, p. 17.

[2]) [Листья этого растенія были выписаны для Никодима Павловича изъ Индіи, но прибыли уже послѣ его кончины.]

плодовъ, листья, насыпана известка, для того, чтобы отнять при первомъ раскусываніи ощущеніе кислоты. Бетель жуютъ послѣ пріема пищи, и внутренность рта покрывается красно-коричневою размельченною замазкою или мастикою, которая имѣетъ характеръ сильно тоническій и при началѣ слегка опьяняетъ. Мастика считается полезной для зубовъ, пищеваренія, подъема энергіи и т. п., и соблазняетъ не только китайцевъ, индусовъ и малайцевъ, но и европейцевъ тѣхъ мѣстностей.

Обращаясь къ свидѣтельству самихъ тканей, мы находимъ этотъ листъ, именно, на тканяхъ изъ Ахмима (рис. 89, 90), принадлежащихъ къ рязряду александрійскихъ тканей имени Захаріи и представляющихъ подобное огородное растеніе: въ Индіи почти у каждаго селянина имѣется особая небольшая плантація для его разведенія у себя при домѣ, почему и поставка на базаръ громаднаго количества листовъ бетеля составляетъ явленіе вполнѣ обычное. Ткань Ахмима (рис. 89), представляетъ подобный вьющійся стебель, цѣпляющійся усиками, съ немногими крупными листьями, затѣмъ украшенный пальметкою, а верхъ кроною изъ пяти листьевъ или тоже пальметкою. Иногда на этомъ стеблѣ имѣется только два большихъ, выращенныхъ листа съ обѣихъ сторонъ, одна пальметка и двѣ вѣточки съ мелкими плодами (рис. 90).[1] Затѣмь, уже этотъ листъ будетъ являться въ средѣ орнамента чисто египетскаго, причемъ имѣетъ форму обычную, но расцвѣченъ по сердцевиднымъ нервюрамъ листа, то зеленою то красною, то желтою краской.[2] На барельефѣ Так-и-Бостана[3] листъ воспроизводится совершенно во всѣхъ этихъ деталяхъ въ скульптурѣ и

Рис. 89. Ткань изъ Ахмима. Берлинъ. Худ. Пром. Музей. (По Лессингу.)

---

[1]) Фальке, рис. 40, 44.
[2]) Ib. рис. 59, 60, 68.
[3]) Ib. рис. 95, 98, 116.

расположенъ рядомъ со схемою персидской розы. Въ византійскихъ тканяхъ этотъ листъ остается неизвѣстнымъ или со временемъ исчезаетъ и забывается, и появляется уже въ тканяхъ сарацынскихъ, Индіи, почти повсемѣстно, а также Китая. Но одно изображеніе заставляетъ обратить на себя особое вниманіе, оно находится на такъ называемой ткани Діоскуровъ[1] (рис. 91), находящейся въ Маастрихтѣ, VI или, вѣрнѣе, VII вѣка.

Рис. 90. Ткань изъ Ахмима. Берлинъ. Худ. Пром. Музей. (По Лессингу.)

„Деревцо, помѣщенное между круговъ, говоритъ Фальке, выходитъ изъ предѣловъ александрійской традиціи; только нижніе, загнутые листы у подножья дерева происходятъ еще изъ стараго запаса формъ". При этомъ, однако, не отмѣчена вовсе слѣдующая подробность: у подножья деревца, образующаго три крупныхъ листа съ зубчатыми краями, поставлены двѣ металлическія банки, закрытыя сверху осмоленной крышкой, и сбоку изъ нихъ поднимаются двѣ вѣтки, каждая съ подобнымъ листомъ бетеля. Припоминая указываемое историками, на основаніи греческихъ и римскихъ писателей, распространенное во времена Имперіи восточное искусство прививки, колированія и соединенія различныхъ растеній, мы могли бы здѣсь увидать образчикъ такого рода огородной культуры, избраннаго вида перцовыхъ растеній. Въ византійскихъ тканяхъ такіе листья исчезаютъ, повидимому, уже съ VIII—IX вѣковъ (если и были) и только разъ встрѣчается въ изданныхъ доселѣ памятникахъ VIII вѣка, какъ перенятая форма растенія,[2] и далѣе уже какъ орнаментальный листъ.[3] Но листья и формы предполагаемаго бетеля заполняютъ орнаментальныя ткани Персіи и странъ Ислама въ IX—X стол., а затѣмъ въ подражательныхъ тканяхъ Китая, Египта и Италіи XIV стол.[4]

---

[1]) Ib. рис. 77. Лессингъ, табл. 12 — представляетъ ясно упомянутые сосуды, которыхъ вовсе не видно на переснимкѣ въ книгѣ Фальке.

[2]) Ib. рис. 219. [3]) Ib. рис. 257.

[4]) Фальке, рис. 283, 322, 324, 366.

5.

Обозрѣніе растительнаго орнамента слѣдуетъ закончить розою и лиліею; на долю ихъ выпало вниманіе культурнаго греко-римскаго міра, а характерная форма вызвала рано опыты ихъ художественнаго воспроизведенія, если не въ реальномъ видѣ, то въ условной схемѣ. Начинать надо со стороны впечатлѣнія, которое произвели эти растенія, принесенныя въ Европу изъ Мидіи или Персіи. Первый терминъ „роза персика", затѣмъ „роза галлика" и „роза центуфолія", т. е. болѣе чѣмъ махровая. „Роза" и „лилія" — слова иранскія: лилія — получилось изъ аллитераціи „лиріум", а въ розѣ пропала дигамма, ибо древнѣйшее названіе было „вродон". Любопытно, что имя „розы", различныя выраженія, съ нею связанныя, извѣстны съ Гомеровской древности, но этотъ древнѣйшій міръ самой розы, повидимому, не зналъ, какъ не зналъ древній Египетъ, Греція, и возможна догадка, что роза была извѣстна лишь по слухамъ и по поставкѣ розоваго масла. Раньше это масло имѣло религіозное и обрядовое значеніе — боги мазали имъ трупы дорогихъ людей. Равнымъ образомъ, и медицина рано имъ воспользовалась — благоуханіе связано съ асептикой. Иное дѣло, знакомство греко-римскаго міра съ розой, какъ съ растеніемъ: миѳъ о Корѣ и Деметрѣ разсказываетъ, что Кора на лугу рвала розы. Однако, въ Библіи часто упоминаются розы, если только вѣренъ переводъ Библіи. Геродотъ видѣлъ въ Вавилонѣ на различныхъ жезлахъ фигурки орла, яблока и изображеніе розы. Когда роза распространилась въ садахъ Греціи и Рима, то извѣстно, какія крайности роскоши были ею Роза.

Рис. 91. Ткань Діоскуровъ.
Маастрихтъ.

порождены. Во время имперіи полы устилались лепестками розъ, набивали ими матрацы, подушки. Извѣстный своею изнѣженностью Геліогабалъ приказывалъ посыпать полъ на 1 футъ розами, также подобнымъ образомъ убирались пиршественныя залы. Въ это же время и поэзія обратила вниманіе на розы, и стала пользоваться ею при сравненіяхъ и поэтическихъ образахъ. Это распространеніе розы породило особый праздникъ „розарій" (весеннее время его устанавливалось въ зависимости отъ времени цвѣтенія). Изъ „розалій" произошли „русаліи", откуда, работая по старымъ шаблонамъ, воображеніе разработало типъ „русалокъ", какъ доказалъ Миклошичъ. О русалкѣ, какъ образѣ дѣвушки, скрывшейся и открывающейся, блаженной и несчастной, разработаны и легенды.

Важны и связанныя съ розою понятія, идущія съ дѣтства о связи цвѣтовъ съ жизнью и со смертью, причемъ и то и другое постоянно соединено. Въ Германіи[1] сохранилась даже пословица: heute rot, morgen todt. Цвѣтъ черный служитъ образомъ смерти, а красный — образомъ жизни, но также и смерти, а равно и образомъ пролитой крови. Роза была посвящена Адонису — умирающему и воскресающему. Въ этомъ соединеніи и заключается формація особаго вида чувствъ и мыслей, которыя характеризуютъ розу и которыя открыли въ ней магическую силу, благодаря чему съ цвѣткомъ и связанъ цѣлый рядъ формъ.

Лилія. Существенное обстоятельство — противуположеніе розы и лиліи. Лилія характеризуется терминомъ „бѣлая", и въ отличіе отъ розы, какъ образа плотскаго, кроваваго, лилія становится образомъ невиннаго, неплотскаго, небеснаго, такъ сказать, противополагается розѣ въ художественныхъ и поэтическихъ образахъ. Одно — дитя зари, другое — неземное созданіе. Католическая церковь облюбовала розу еще въ древности, и монастырскіе сады взращивали ее предпочтительно. Правда, отъ магической силы церковь перенесла розу, какъ „розу мистическую", и создала даже особый обрядъ на 4-ое воскресенье поста, когда папа освящаетъ „священную розу", сдѣланную изъ золота, для подарка тому, кто наиболѣе послужилъ христіанской церкви.

Точно также, очень рано лилія стала образомъ религіознымъ, но съ тою разницею, что существуетъ два вида лилій: одна съ бѣлымъ цвѣткомъ, а другая съ краснымъ; первая и есть собственно лилія, а вторая „кринъ" — сельская полевая лилія, растущая въ Сиріи повсюду и при сильномъ дождѣ плодящая красную почку среди двухъ листьевъ, опускающихся внизъ. Эта полевая лилія была очень облюбована въ греческой литературѣ, и именно она стала основаніемъ лиліи геральдической. которая въ средніе вѣка называлась „флёръ-де-лисъ".

[1]) F. Duhn, Rot und Todt. Archiv für Religionwiss., IX, 1906. Припомнимъ магическую силу, приписывавшуюся красной подстилкѣ въ могилахъ кочевниковъ, краснымъ саркофагамъ и доскамъ Іоніи и Греціи, уподобленіе крови Адониса умирающаго и пр. Красныя похоронныя мантіи и покровы и т. д.

Розетка.

Въ орнаментѣ роза и лилія были приняты издревле, и даже была создана особая фигура для обозначенія розы, но, правда, безъ реальнаго сходства съ нею. Это розетка, которая, однако, вовсе не отвѣчаетъ характеру построенія розы; роза состоитъ изъ многихъ рядовъ лепестковъ, а въ розеткѣ рисунокъ передаетъ условную форму звѣзды, передѣланную въ растительную форму съ центральнымъ кругомъ внутри. Близкое къ реальности изображеніе розы на одеждѣ Хозроя — рельефъ Так-и-Бостана — это махровая роза, но отступающая отъ реальности тѣмъ, что лепестки ея не протянуты вглубь до конца. Любопытна китайская ткань, воспроизводящая схему розы, переданную довольно реально, только лепестки исполнены раздѣльно. Наконецъ „мистическая роза" въ колоссальномъ кругломъ окнѣ фасада романскихъ и готическихъ церквей, освѣщающая среднiй нефъ, заполнялась преимущественно подборомъ золотистыхъ, розовыхъ и красныхъ цвѣтовъ.

Обычно о розѣ выражаются такъ, что она относится къ красному цвѣту, что является грубой ошибкой — роза никогда не имѣетъ чистаго, алаго цвѣта. Розѣ свойственны три цвѣта: бѣлый, розовый и желтый, и всѣ эти три цвѣта достигнуты и воспитаны въ Персіи. И доселѣ ей принадлежитъ первенство по воспитанію розъ, и тамъ до сихъ поръ плодятся новыя формы. Розовый оттѣнокъ, очевидно, имѣлъ большое значеніе изъ-за его легкости для глаза, и въ этомъ смыслѣ господство розоваго и темно-краснаго въ стеклахъ романскихъ и готическихъ церквей, по любопытной догадкѣ Эмиля Маля,[1] является подражаніемъ восточнымъ тканямъ, которыми эти церкви завѣшивались и разубирались.

6.

„Звѣриные" сюжеты.

Переходимъ къ послѣднему отдѣлу темъ разбираемыхъ тканей — „звѣриному" отдѣлу, который неправильно принято называть „звѣринымъ стилемъ"; стиля въ данномъ случаѣ нѣтъ. Выраженіе „звѣриный стиль" можетъ быть прилагаемо только, когда звѣри образуютъ орнаментальную форму, оживляютъ орнаментъ, сливаются съ орнаментомъ геометрическимъ или растительнымъ. Въ тканяхъ звѣри, животныя и птицы составляютъ только сюжетъ и получаютъ характеръ сцены, темы. Зачастую встрѣчаются изображенія охоты на звѣрей, но представлены они попарно, какъ бы въ орнаментальной формѣ — пара животныхъ, звѣрей, птицъ по сторонамъ „священнаго древа" составляютъ сакральную тему, но тоже не составляютъ стиля, хотя указываютъ, что звѣри, животныя и птицы имѣютъ сакральный характеръ въ тканяхъ. Въ послѣднее время развилась полемика противъ установившагося издавна символическаго толкованія звѣриныхъ и птичьихъ темъ въ тканяхъ, причемъ раньше въ этомъ отдѣлѣ работали любители, по преимуществу, изъ духовныхъ лицъ Запада, и установилось общее понятіе о господствѣ символическаго элемента въ этихъ условно понимаемыхъ изо-

---

[1]) E. Mâle L'art religieux du XIIe s. en France. 1922. p. 345.

браженіяхъ. Отчасти раньше считали, что все древне-христіанское искусство было создано на почвѣ символизаціи — на сокрытомъ смыслѣ темъ, въ родѣ двухъ голубей по сторонамъ вазы съ водой и т. п. Въ древне-христіанскомъ искусствѣ былъ подборъ символизованныхъ, но образныхъ и иносказательныхъ или аллегорическихъ темъ, и эти символы шли съ Сирійскаго Востока, гдѣ была почва для мышленія, привычнаго къ діалектической игрѣ. Въ настоящее время мы, однако, знаемъ, что нельзя распространять это явленіе на всю область древне-христіанскаго искусства. Тѣмъ менѣе можно обобщать его въ тканяхъ, но такъ какъ они считались долгое время единственно достойной оболочкой для храненія мощей и святынь, приносимыхъ изъ Святой Земли, то имъ стали придавать символическое значеніе. Къ тому же былъ и наклоненъ Физіологъ, который на почвѣ легендъ и басенъ, и сказочныхъ описаній неизвѣстныхъ древнему міру звѣрей и животныхъ выработалъ на этой основѣ особыя символическія толкованія такого рода изображеній, причемъ чуть не каждое животное или звѣрь получало черезъ христіанскіе образы символическую окраску. Но толкованія Физіологовъ и позднѣе Бестіаріевъ къ данному отдѣлу тканей никакого отношенія не имѣютъ. Духовные ученые увлеклись и занимались много надъ этимъ вопросомъ съ половины XIX вѣка (Кайэ и Мартэнъ издали сочиненіе ради объясненія подъ внѣшней оболочкой скрытаго смысла). Капитальное сочиненіе Эмиля Маля — „Религіозное искусство въ XII вѣкѣ во Франціи“ въ противность этому направленію изслѣдованій указываетъ принципъ, исключающій изъ тканей символическій смыслъ, а равно всякій сокрытый смыслъ изъ всѣхъ послѣдующихъ изображеній птицъ, звѣрей, монстровъ на барельефахъ, въ рукописяхъ и позднѣйшихъ тканяхъ, начиная съ XI—XII—XIII, а въ Восточной Европѣ и въ XIV в. в. Правда, основаніе для такого утвержденія опредѣленно есть, и вѣрно, что ткани имѣли исключительное значеніе декоративныхъ предметовъ, но нельзя принять и того, что всѣ темы декоративнаго рода, и считать, что все, доселѣ писанное въ символическомъ смыслѣ, не имѣетъ научнаго значенія. На самомъ дѣлѣ, въ тканяхъ еще имѣется понятный для той эпохи магическій смыслъ нѣкоторыхъ изображеній. Объ этомъ придется говорить въ звѣриномъ отдѣлѣ. Изображенія звѣрей и животныхъ, какъ темы и сюжеты, появляются не сразу, но вмѣстѣ съ восточными тканями, прибывшими на почву греко-римскаго міра. Въ раннихъ египетскихъ тканяхъ есть изображенія животныхъ и звѣрей, но они даны въ игрушечномъ эллинистическомъ стилѣ и имѣютъ исключительно декоративное значеніе. Мы видимъ тамъ разводы лозы, окаймляющей цирковыя темы, а внутри спиралей фигурки звѣрей, птицъ, зайцевъ, оленей, маленькихъ львовъ и гиппокамповъ (передняя половина льва и рыбій закрученный хвостъ). Всѣ эти изображенія помѣщены вмѣсто плодовъ, гроздей, и не составляютъ сюжета (рис. 88).

Но въ тканяхъ, приходящихъ съ Востока, появляются большія фигуры звѣрей — львовъ, слоновъ, коней, быковъ, каменныхъ козловъ. Восточныя

ткани вызывали въ мастерскихъ Египта, особенно Александрiи, имитацiи за болѣе дешевую цѣну съ туземною орнаментикою. Изображена охота сассанидскаго царя, но кругъ, ее обходящiй, орнаментированъ египетскою флорою, лотосами, розеткою формы эллиптической, а не круглой.

Общая постановка вопроса.

Въ настоящее время въ археологiи столкнулись два взгляда: одинъ исходитъ отъ классической археологiи, а другой отъ средневѣковой археологiи общаго европейскаго искусства. Первый принимаетъ какъ фактъ объединенiе искусства, совершившееся въ греко-римскомъ мiрѣ, благодаря римской имперiи. Другой взглядъ отстаиваетъ для среднихъ вѣковъ, какъ основы новаго времени, значенiе Востока, какъ центра, изъ котораго исходило крупное и систематическое влiянiе на Европу, начиная съ эпохи переселенiя народовъ. На разборѣ тканей сталкиваются эти два взгляда и сосредотачиваются на научномъ анализѣ темъ звѣринаго отдѣла тканей. И установить точку зрѣнiя требуется раньше, нежели начать объ этомъ разсужденiе.

Въ обобщенiяхъ классической археологiи есть слабый пунктъ, который не разрѣшается ни „классиками", ни борящимися съ ними защитниками восточнаго вопроса. Восточному вопросу всюду несчастливится въ Европѣ, и ея историческая наука мало заботится о томъ, чтобы оцѣнить и понять отношенiе и значенiе сосѣдняго съ Европой Востока. Но также вѣрно и то, что значенiе восточнаго вопроса колоссально для Европы, и нельзя забывать, что одна часть древняго греко-римскаго мiра доселѣ живетъ подъ давленiемъ Востока. Слабое мѣсто въ археологiи въ трудности вопроса: насколько Египетъ и Сирiя принадлежали къ греко-римскому мiру? Египетъ оставался всегда греко-римскому мiру мало извѣстенъ. Между тѣмъ Египетъ и Сирiя въ настоящее время введены въ классическую археологiю; миѳологическiй матерiалъ нынѣ научно строится на общемъ сводѣ Египта, Сирiи, Месопотамiи. Египетъ эллинистической эпохи какъ будто живетъ въ связи съ греко-римскимъ мiромъ, и если разсматривать ткани, то IV вѣкъ будетъ въ нихъ представленъ чисто эллинистическимъ стилемъ. Но въ V вѣкѣ появляются элементы, чуждые эллинизму и занесенные персидскими или китайскими тканями. Египетъ въ народной массѣ рѣшился, при вторженiи Ислама, встать на его сторону и отдѣлиться отъ Византiи. Подобное внутреннее рѣшенiе имѣло различныя причины экономическiя и религiозныя: Копты удержали монофизитство, когда страна ихъ была совершенно отдѣлена. Наконецъ, въ Египтѣ обнаружилось особое туземное искусство съ возвращенiемъ къ старымъ темамъ. Такой отрѣзанный кустарный характеръ искусства показываетъ, что Египетъ никогда не примыкалъ цѣликомъ къ греко-римскому мiру, и самостоятельность его культуры выступаетъ весьма ярко сама по себѣ и по ея распространенiю на Западъ.

Слѣдуетъ остановиться на общемъ вопросѣ вторженiя тканей въ среду эллинистическаго искусства, вторженiя, обусловленнаго отчасти начавшимся

ясно разложеніемъ эллинистическаго стиля, а вмѣстѣ съ нимъ и эллинистической культуры. Отчасти это явленіе, какъ вполнѣ послѣдовательное, вовсе не можетъ называться вторженіемъ; сначала, повидимому, это было скорѣе медленное просачиваніе въ эллинистическую высоко образцовую среду, сопровождавшееся движеніемъ на Западъ, варварской среды азіатскаго Востока, представленной кочевниками. Движеніе кочевниковъ не было одиноко; оно сопровождалось восточной діаспорой, притомъ не только сирійской, но и средне-азіатской — торговцевъ и всякаго рода купцовъ, приносившихъ съ собою неизвѣстные еще плоды восточной культуры. Таковы были ткани, притомъ исключительно шелковыя, которыя слѣдуетъ разсматривать, какъ новый элементъ роскоши, введенный уже въ слабую и начавшую разлагаться греко-римскую среду.

Рис. 92. Ткань изъ Египта. Берлинъ. Худ. Пром. Музей.

На тканяхъ сначала идутъ ряды вышивокъ тончайшими шелковыми нитями, привезенными изъ Китая, по пурпурной шерсти, нашитой въ опредѣленномъ орнаментѣ на льняныхъ одеждахъ. Эти вышивки исключительно геометрической формаціи и важны, какъ основа всѣхъ вышивокъ, „вошвъ“ народнаго орнамента Европы. За ними слѣдуютъ шелковыя ткани безъ вышивокъ, того же геометрическаго стиля — эллинистической формаціи, но въ новомъ по́шибѣ крупныхъ мануфактуръ Александріи и Антіохіи. Эти образчики вновь будутъ повторяться черезъ извѣстные промежутки, когда обычныя мастерскія будутъ переходить къ крупной фабрикаціи, причемъ производства александрійской мануфактуры составятъ вторую полосу съ константинопольскими, византійскими издѣліями, которыя образуютъ изъ себя третью полосу.

Геометрическій стиль смѣнится растительнымъ орнаментомъ, на тканяхъ дастъ исключительно мелкую листву, и она обычно располагается въ разныхъ трельяжахъ, въ косыхъ рѣщеткахъ, причемъ внутри образующихся четыреугольниковъ или ромбовъ помѣщается одинъ листокъ или цвѣтокъ.

Форма очень скромная, но получившая въ орнаментикѣ наиболѣе обильное распространеніе; это то самое, что у насъ принято было называть въ старину „травы“, и мелкіе ситцы усвоили себѣ этотъ травный орнаментъ шелковыхъ матерій. Онъ будетъ появляться въ исторіи орнамента періодически, въ зависимости отъ культурныхъ образчиковъ. Далѣе слѣдуетъ полоса тканей съ изображеніями звѣрьковъ, малыхъ животныхъ и птицъ наряду съ травными рисунками. Птица появляется такъ часто, что становится Павлины. ясно ея соотношеніе съ самими тканями, и, дѣйствительно, подобныя ткани служатъ исключительно для одеждъ. Растительный орнаментъ окружаетъ фигуры птицъ, и ткани, сохранившіяся, по преимуществу, на почвѣ Египта, воспроизводятъ его туземную фауну; попадаются ибисы, маленькія зебры въ кругахъ, но будутъ, однако, и павлины, какъ заносный восточный элементъ. Павлинъ былъ культивированъ въ древне-греко-римскомъ мірѣ въ изобиліи, какого теперь міръ Европы совсѣмъ не знаетъ. Мода имѣть павлина къ обѣду стала страстью; Цицеронъ, будучи состоятельнымъ человѣкомъ, но не богатымъ, объявилъ, задавая обѣдъ, что рѣшилъ устроить пиръ безъ павлина. Надо замѣтить, что его

Рис. 93. Ткань въ Музеѣ Cluny. Парижъ.

подавали жаренымъ на блюдѣ, но украшеннаго хвостомъ. Чтобы удовлетворить модѣ, павлиновъ держали на мелкихъ и пустынныхъ островахъ, гдѣ ихъ разводили особые промышленники, которые ими и торговали. Затѣмъ въ этой средѣ появляется, какъ подражаніе, и восточная фауна — горные козлы, аргалы, горбатые быки Индіи, но важно констатировать, что первое время не будетъ хищныхъ звѣрей, на которыхъ придется остановиться послѣ. За этой полосой еще эллинистическаго искусства, принадлежащаго греко-римскому міру, появится новая полоса, а именно въ началѣ VI вѣка, когда будетъ оканчиваться культура греко-римскаго міра. Въ VI вѣкѣ появляется рядъ одеждъ и тканей иного строенія, въ которыхъ животнымъ и птицамъ будетъ отведено уже главное мѣсто — эти

изображенія будутъ сюжетомъ, а листва заключена въ орнаментальныхъ кругахъ или рамкахъ, которыя будутъ окружать повторяющихся животныхъ, причемъ животное будетъ взято съ Востока, а кругъ или листва туземная, что и будетъ служить доказательствомъ того, что это издѣлія египетской мануфактуры, такъ какъ нельзя предположить, чтобы въ Персіи стали работать съ чуждой имъ египетской орнаментаціей. Интересно установить какія темы будутъ преобладать? Сначала, соотвѣтственно установившимся вкусамъ греко-римскаго міра, будетъ преобладать „охота на звѣрей“: львовъ, пантеръ, и они будутъ представлены въ цирковой по-

Рис. 94. Фреска, передающая рисунокъ ткани, изъ Кизила (ок. Кучи). Этнографическій Музей въ Берлинѣ.

казной манерѣ, хотя бы дѣятелями показного типа были цари настоящіе или иные, предъидущей эпохи — сказочные, о которыхъ шли легенды. Но, наряду, съ VI вѣка появляются ткани чисто персидскія; онѣ представляютъ расположеніе сюжета по полосамъ или въ кругахъ (употреблялись такого рода ткани на завѣсы, на кафтаны или мантіи), причемъ въ рисункѣ будутъ преобладать утки, по преимуществу, идущія, плывущія, стоящія съ вѣткою во рту. Особаго вида пристрастіе персидскаго быта къ уткамъ сказывалось именно въ этомъ, и, возможно, поэтому утки рано стали домашнею птицею у славянъ, у которыхъ имя утки повторяется во всѣхъ языкахъ. Пѣтухи также становятся обычнымъ изображеніемъ на тканяхъ, причемъ самой разнообразной фактуры, временъ и мѣстъ. Львы появляются впервые въ геральдической позѣ, покойно стоящаго льва, съ головою обернутою на подходящаго человѣка. Прототипомъ для нихъ были изображенія львовъ на всѣхъ восточныхъ дворцахъ, начиная съ древняго Вавилона, новаго Вавилона, Ассиріи, Сузъ, Персіи,

Утки.

Львы.

въ видѣ львовъ, идущихъ церемоніально вокругъ стѣнъ главнаго портика, или даже всей дворцовой стѣны. Это будетъ усвоено въ свое время, не ранѣе IX вѣка въ Византіи. Всѣ ткани со львами чисто восточной работы, напримѣръ, ткань VIII вѣка: на красномъ фонѣ зеленый левъ (ради чисто декоративнаго эффекта были примѣнены дополнительные цвѣта). Здѣсь же начнутся и церемоніальныя и геральдическія изображенія царской охоты на льва и появленіе, пока одиночнаго, экземпляра изображе-

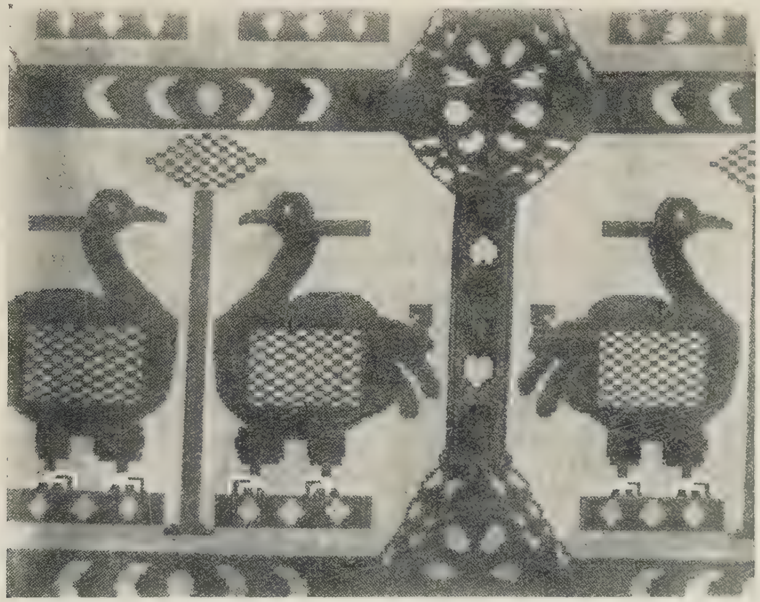


Рис. 95. Персидская ткань (библіотека въ Wolfenbüttel).

нія тигра, и считать, какъ это дѣлаетъ Фальке, эту ткань византійской нельзя, но персидскою, исполненною по особому заказу. Тогда же появляется и привиллегированный сюжетъ — слоны. Эти ткани не могли служить для одеждъ — это были исключительно завѣсы, декоративные пологи, покровы, которые, затѣмъ, стали разнообразиться до чрезвычайности по своему назначенію. Разно начали эти завѣсы приготовлять, но преимущественно изъ крѣпкихъ, тяжелыхъ и плотныхъ тканей, такъ какъ такія ткани даютъ показныя складки, и онѣ служили завѣсами для дворцовыхъ залъ, для украшенія пространства между колоннъ, для пиршественныхъ залъ, а также и храмовъ. Начиная съ IX столѣтія, такого рода производство устанавливается въ Византіи, причемъ сюжеты настойчиво набираются изъ всѣхъ видовъ восточныхъ тканей; все, что дѣлалось по этой части въ Персіи, переходитъ въ Византію, а оттуда распростра-

няется на Западъ. На Западѣ очень цѣнили подарки изъ византійскихъ тканей, что явствуетъ изъ старыхъ записей „Книги папъ“ — Liber Pontificalis; ткани начали получать въ VI вѣкѣ, присылки уменьшились во время иконоборства, но возобновляются въ IX вѣкѣ, что и оказало рѣшающее вліяніе на первые художественные вкусы Европы, такъ какъ это была своего рода пересылочная галлерея картинъ.

Объ изобиліи подобныхъ тканей въ византійскомъ дворцѣ засвидѣтельствовалъ въ своей книгѣ Константинъ Порфирородный, повѣствуя, что они вѣшались сотнями во всѣхъ дворцахъ при пріемахъ, и вмѣстѣ съ серебромъ и эмалевой посудой составляли главное зрѣлище, и чтобы увеличить ихъ ассортиментъ, подбирались изъ разныхъ церквей завѣсы, причемъ различія между сюжетами церковными и свѣтскими не было, ибо брали ткани изъ наиболѣе чтимыхъ церквей, затканныя грифами и львами. Очень важно по существу отмѣтить, какое значеніе получили всѣ эти изображенія на тканяхъ. Явно, что прежнія усилія символизировать ткани, дабы связать ихъ съ обстоятельствомъ, что на ракахъ отрывали пологи съ изображеніями грифовъ, львовъ, слоновъ, и пользованіе указаніями физіолога, по которому, напримѣръ, левъ или слонъ имѣетъ моральныя черты и обычаи и можетъ быть сближенъ по нимъ съ міромъ духовнымъ и съ христіанствомъ, являются въ данной средѣ неумѣстными и должны быть считаемы ошибочными. Физіологи имѣли значеніе въ искусствѣ конца XI—XII—XIII вѣковъ, а у насъ и въ XIV вѣкѣ, гдѣ темы имѣютъ свой особый смыслъ и должны быть толкуемы иначе, чѣмъ изображенія IX вѣка, каковыя слѣдуетъ считать изображеніями бытовыми, политическими въ общемъ смыслѣ. Первая тема государственнаго толкованія были львы — образъ силы и могущества. Персы побѣждали львовъ и побѣду надъ ними выбрали эмблемою государства, умиротвореннаго, успокоеннаго, выше кочевниковъ. Тема со слонами интересна не только по исключительной рѣдкости, но имѣетъ значеніе овладѣнія сѣверной Индіи Исламомъ, чему служитъ доказательствомъ ткань, гдѣ грифъ терзаетъ слоненка, небольшого слона. Претензіи на всеміpное владычество не покидали ни одного вида имперіи, а Персія была азіатскою имперіею, какъ, равнымъ образомъ, и Византія.

Геральдическое значеніе сюжетовъ.

Въ этомъ геральдическомъ смыслѣ и должно толковать сюжеты. Но ткани имѣли особое общерелигіозное значеніе, тогда какъ представляемые сюжеты были вовсе не церковные, но сохраняли значеніе искусства, данное еще древнимъ міромъ — м а г и ч е с к о е.

Магическое значеніе сюжетовъ.

Существенный вопросъ, который поднимается при художественномъ явленіи, исходящемъ съ Востока, какъ въ данномъ случаѣ ткани, религіозный смыслъ и назначеніе этого произведенія художества, и недаромъ уже въ XIII вѣкѣ придворные пѣвцы, видя во дворцахъ и церквахъ, какъ главное украшеніе, восточныя, пышныя, шелковыя фигурныя ткани, въ своихъ пѣсняхъ оставили упоминаніе, что ткани эти держатъ въ себѣ

магическую силу. Такъ просто выражались въ средніе вѣка, но эти слова были ближе исторической реальности, чѣмъ опредѣленія темъ учеными. Такъ, напримѣръ, издатель тканей Фальке, занятый популяризаціею этого рода художественнаго мастерства, совершенно отрицаетъ религіозный смыслъ въ изображеніяхъ, и принимаетъ съ древности повторяющееся изображеніе крылатаго коня (обозначенъ персидскимъ мастеромъ намѣренно царственными лентами, которыми онъ охваченъ или отмѣченъ)[1] за изображеніе эллинистическаго Пегаса, и мы должны видѣть въ ткани съ Пегасомъ эмблему, тему для любителей поэзіи и литературы. Между тѣмъ, волшебный конь встрѣчается въ нагробныхъ памятникахъ среднеазіатскаго Востока и затѣмъ воспроизводится въ религіозныхъ листкахъ и магическихъ записяхъ въ Тибетѣ, Центральной Азіи и въ Китаѣ. Правда, характеристику крылатаго коня намъ пришлось бы черпать изъ позднихъ восточныхъ источниковъ, но и поздніе образы ведутъ свое начало изъ древности. Крылатый конь.

Изображеніе пѣтуха на восточныхъ тканяхъ разсѣяно отъ Египта, начиная, приблизительно, съ V-го вѣка, въ средѣ эллинистическаго орнамента, черезъ Персію до Китая, причемъ въ китайскихъ тканяхъ соединена византійская орнаментика съ крайне-восточною, что, какъ будто, указываетъ, что изображеніе пѣтуха имѣло и тамъ свое мѣсто. На дѣлѣ, въ византійскихъ тканяхъ IX—X вѣка пока это изображеніе отсутствуетъ. Пѣтухъ.

Исторія пѣтуха и куръ имѣетъ существенное значеніе въ исторіи европейской культуры по разнообразнымъ сторонамъ. Пѣтухъ происходитъ изъ Индіи, принадлежитъ къ обширной породѣ куринаго семейства и близокъ къ видамъ — куропатки, цесарки, фазана. Фазанъ — одна изъ самыхъ красивыхъ породъ, по длинѣ и красотѣ оперенія длиннаго хвоста. Фазанъ имѣетъ родину на рѣкѣ Фазисъ, въ Колхидѣ и побережьи Каспійскаго моря. Его изображеніе встрѣтимъ на александрійскихъ тканяхъ и въ византійскихъ миніатюрахъ. Принимая во вниманіе неоспоримую пользу куриной породы, удивительны медленность ея распространенія и рядъ препятствій, встрѣченный при домашнемъ использованіи. Семейство „галинацей“ пришло въ Европу черезъ Персію, и первая его культура сформировалась на религіозной почвѣ, какъ, можетъ быть, и прочихъ домашнихъ птицъ. Сперва было усмотрѣно отношеніе пѣтуха къ народнымъ вѣрованіямъ и на этой почвѣ послѣдовало его прирученіе черезъ посредство храма. Пѣтухъ именно въ Персіи сталъ священной птицей солнечнаго божества. До сихъ поръ извѣстно существованіе бѣлаго пѣтуха, весьма распространеннаго въ древности, какъ предмета почитанія, сначала, какъ воплощеніе солнечнаго божества,

---

[1]) На сассанидской ткани, найденной въ Антиноѣ, по рис. въ изд. E. Guimet, Les portraits d'Antinoé табл. V, кромѣ лентъ, на головѣ коня челка, составленная изъ рога луны и въ срединѣ его — розетки солнечнаго диска (Фальке, ib. рис. 49). Въ изданіи Фальке то же повторяется на ткани рис. 48.

а затѣмъ, какъ слуги и земного его представителя.[1] Онъ одновременно священенъ солнцу и миѳическому стражу, при этомъ поминаются два имени „Сраоша“ и „Хорса“. Такого рода миѳическое, смутное представленіе зависитъ отъ чрезвычайно сложной системы миѳическаго представленія солнца.

Рис. 96. Ткань Латеранской сокровищницы.

Существовало въ этомъ представленіи два солнца: дневное и подземное. Солнце при восхожденіи встрѣчается утреннею зарею огнемъ и провожается зарею вечернею, также огнемъ, при чемъ оно умираетъ и становится темнымъ, невидимымъ. Отсюда происходитъ почитаніе бѣлаго и

[1]) Въ основу всего обзора символики пѣтуха взято, кромѣ извѣстнаго сочиненія V. Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere 1870, p. 225, 238, также: Th. Hopfner. Griechisch. Ägyptische Offenbarungs-Zauber, I, 1921, литогр. изд. въ Studien Zur. Paläographie und Papyrus-Kunde v. C. Wessely, Bd. 21.

чернаго пѣтуха, съ красновато-оранжевымъ опереніемъ на крыльяхъ и хвостѣ. Двойное отношеніе — солнца къ свѣтлымъ божествамъ, а съ другой стороны къ хтоническимъ божествамъ, но благодѣтельнымъ, а не демоническимъ. Персія сама представляла собою тоже двойное формированіе по отношенію къ Индіи; она была военной дружиной, которая формировала государство военнаго характера, но и принимала въ себя культурное содержаніе, которое было выработано Индіей. Въ двоякомъ значеніи появился пѣтухъ, какъ священная птица, и въ Греціи, во времена персидскихъ войнъ или незадолго до нихъ, когда уже Персія задумала завоеваніе Запада и распространяла свои связи съ Іоніей. Въ Греціи пѣтухъ получилъ имя — ἠλέκτρυων, а позднѣе ἀλέκτωρ, какъ названъ былъ „блестящій“, сверкающій бѣлый пѣтухъ, и который именно былъ посвященъ небесному солнечному божеству. Гера Самосская имѣла своимъ аттрибутомъ пѣтуха. Ничего не слышно о появленіи куръ, и между тѣмъ пѣтухъ проносится блуждающими народностями Кельтовъ и появляется во Франціи и въ Бретани, гдѣ и становится священной птицей, но не употребляется въ пищу — становится т а б у, но вмѣстѣ съ тѣмъ и т о т е м о м ъ — покровителемъ Галловъ (coq gaulois). Наряду со священнымъ значеніемъ проникали куры, какъ домашняя птица, которая предпочтительно выбиралась изъ всего этого семейства „галинацеевъ“, хотя, напримѣръ, въ Византіи знали и держали куропатокъ и цесарокъ, и цесарки изображались наряду съ излюбленными птицами, какъ голуби.

Славяне получили семейство куръ, какъ домашнюю птицу, и различили двумя словами: пѣтухъ — пѣтелъ, эпитетъ по его утреннему крику, и куры — персидское названіе — „хурош“. Германцы имѣютъ для ихъ обозначенія — Hahn и Henne; французы — coq, который существуетъ у финновъ „кукко“. Другіе народы дали имъ названіе отъ иного корня — „коркаш“, „карк“. Крикъ пѣтушій и сталъ главнымъ признакомъ птицы, въ силу глубоко заложеннаго народнаго вѣрованія въ магическую силу пѣтушьяго крика. Раньше о немъ говорилось, какъ объ опредѣленномъ вѣрованіи, а позднѣе, какъ о суевѣріи. Епископъ Вормскій въ XIII столѣтіи опубликовалъ воззваніе, приглашая наблюдать порядокъ, не появляться на улицахъ вплоть до того времени, когда состоится крикъ пѣтуха, ибо въ остальное время и улицы городскія и жилища наполнены „нечистыми духами“. Пѣтушиный крикъ прогоняетъ злыхъ духовъ и демоновъ въ ихъ трущобы, ибо это есть крикъ сильнаго слуги солнечнаго, свѣтлаго божества. Это вѣрованіе прошло по всей Европѣ, но связано тѣснѣйшимъ образомъ съ Востокомъ. Далѣе, любопытно, что всѣмъ славянскимъ и германскимъ народамъ извѣстно водруженіе краснаго пѣтуха на крышѣ, изъ-за чего, по рефлексу, и возникла пословица — „пустить краснаго пѣтуха“, т. е. пожаръ. Отсюда стали пѣтуховъ дѣлать на высокихъ башняхъ и поясняли, что оно имѣетъ значеніе магическаго громоотвода.

Это вѣрованіе поясняетъ и то, что пѣтухъ сталъ священнымъ при цѣ-

ломъ рядѣ обрядовъ — при погребеніи и рожденіи, и свадьбѣ. Въ 971 году при Доростолѣ Руссы приносили въ жертву пѣтуховъ, бросая ихъ въ Дунай. Извѣстный путешественникъ Ибрагимъ-ибн-Фодланъ разсказываетъ, что у Руссовъ видѣлъ обрядъ принесенія въ жертву пѣтуховъ при погребеніи витязя.

Интересно установить, какое значеніе имѣли изображенія ихъ на завѣсахъ — одна изъ нихъ представляетъ только головки пѣтуховъ, выглядывающія изъ особыхъ консолей, реально воспроизводящихъ уборъ стѣны (рис. 97). Это ткань столовыхъ залъ съ темою для ночныхъ пировъ, назначенною напомнить и путемъ изображеній оказывать силу на успокоеніе пирующихъ крикомъ вѣщей птицы, тѣмъ крикомъ, который раздается вдругъ, когда еще бываетъ мракъ, и призываетъ зарю и гонитъ мракъ и его страхи. Пѣтухъ-вѣщунъ, и въ этомъ смыслѣ вѣщуна и появляется новая формація на основѣ мантики — науки предвѣщаній. Въ силу этого въ концѣ римской республики установился обычай, перенятый отъ варварскихъ народовъ, возить за собою пѣтуховъ, взятыхъ изъ храмовыхъ птичниковъ, на войну и испытывать передъ битвою силу ихъ предвѣщанія по веселому крику, или клеванію, угадывая, начинать ли битву — объ этомъ говорятъ какъ объ обычаѣ или обрядѣ, который покрывалъ всѣ, самые рачительные расчеты военачальниковъ.

Рис. 97. Ткань изъ Антинои.
Музей Guimet въ Парижѣ.

Даже на изображенія львовъ нельзя смотрѣть, какъ только на декоративные образы — силы, мощи, памятуя, что левъ былъ священное животное Митры, и самъ левъ есть Митра, поражающій быка, и что, слѣдовательно, левъ, какъ и пѣтухъ, есть солнечное животное.

Общій характеръ сюжетовъ.

Кратко говоря, можно согласиться и съ тѣмъ общимъ выводомъ въ исторіи фигурныхъ тканей средневѣковой древности, что ими руководила въ темахъ и художественныхъ формахъ Персія и Средняя Азія. Правда,[1]

[1]) Фальке, ib. т. I., 30.

однако, что это руководство и давленіе Востока происходило вовсе не отъ того только обстоятельства, что Персія руководила торговлею шелковыми матеріями и даже китайскою пряжею, но прежде всего отъ того, что главными покупателями восточныхъ фигурныхъ тканей были не Греки, но варвары. Именно они настолько сроднились съ древне-восточными темами охотъ, борьбы звѣрей и со звѣрями, монстрами и фантастическими формами животнаго и растительнаго міра, эмблематическою симметріею построеній, религіозными талисманами и оберегами азіатской старины, что нуждались въ нихъ и даже въ нѣдрахъ Европы продолжали нуждаться въ восточныхъ тканяхъ. Конечно, сассанидская Персія стояла по искусству и художественной промышленности ниже современной Византіи, но эта Византія копировала невѣроятныя формы персидскихъ львовъ, драконовъ, и грифовъ также ради сохраненія варварскаго рынка и поэтому варваризовала свою промышленность.

Важнѣйшее обстоятельство, которое мы должны имѣть въ виду по вопросу о звѣриномъ стилѣ, сила подражанія въ дѣлѣ культуры и вмѣстѣ обязательность этого подражанія. Мы слышимъ рядъ всякихъ историческихъ свидѣтельствъ о враждебномъ отношеніи народовъ и владыкъ къ особеннымъ одеждамъ и уборамъ чужеземцевъ; потомъ, что владыки нерѣдко не принимали къ себѣ пословъ или пріѣзжихъ купцовъ, пока они, купивъ одежды и даже уборы туземцевъ, не являлись уже въ нихъ къ пріему. Далѣе, при начавшихся дружескихъ сношеніяхъ, было въ обычаѣ, со стороны новыхъ народовъ и ихъ владыкъ по отношенію къ древнимъ царствамъ, какъ, напримѣръ, у Монголовъ по отношенію къ Китаю, самимъ владыкамъ рядиться и украшаться по китайски. Такъ, напримѣръ, на пріемѣ у монгольскаго хана китайскихъ пословъ въ XIV вѣкѣ персидская миніатюра XVI вѣка изображаетъ тронъ хана, украшеннымъ плетеніями китайскаго дракона, головной уборъ хана — шапкою съ купою перьевъ и среди нихъ тремя перьями филина — оберегъ монгольскій. Онъ же представленъ и на головахъ пословъ и вельможъ и почти всѣхъ его приближенныхъ, тогда какъ китайскіе узкіе кафтаны своеобразнаго покроя рѣзко отличаются отъ монгольскихъ халатовъ, къ тому же на ихъ кафтанахъ вышиты драконы и шапочки ихъ низкія, съ завернутымъ околышемъ и шарикомъ наверху. Любопытно, что ни у кого изъ военныхъ нѣтъ при себѣ оружія, — по этикету византійскаго и восточнаго дворовъ.

7.

Ткани найденныя въ Россіи.

Переходя отъ общеисторическаго вопроса о древнихъ тканяхъ къ памятникамъ этого искусства, находимымъ въ Россіи, замѣтимъ кратко, что, несмотря на ихъ рѣдкость и новость въ русской археологіи уже давно было сознано и ихъ историческое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, ткани являлись у насъ, наряду съ русско-византійскими эмалями, золотыми и серебряными предметами личнаго убора и древней утвари, важнѣйшими показа-

телями культурныхъ сношеній Руси съ Византіей, Востоками и центрами цивилизаціи. На первомъ мѣстѣ, конечно, ставились между такими памятниками ткани, извлеченныя при различныхъ случаяхъ изъ княжескихъ и великокняжескихъ могилъ,[1] а также епископскія фелони, саккосы и наручи церковныхъ облаченій, хранимыя въ различныхъ ризницахъ Москвы, Новгорода.[2] Но, помимо этихъ рѣдкостей историческаго быта, сохраненныхъ какъ русская святыня, въ послѣднее время археологическія раскопки на Кавказѣ стали доставлять изъ нѣдръ его кургановъ въ предгорьяхъ и могилъ его некрополей не менѣе драгоцѣнныя находки древнѣйшихъ тканей. Многочисленны также, какъ увидимъ, находки тканей и въ курганахъ и могильникахъ Крыма, а затѣмъ и собственной Россіи на всемъ ея протяженіи.

Кавказъ. Начнемъ съ древнѣйшихъ тканей, которыя даны находками предгорій Кавказа. Здѣсь, въ некрополяхъ и частью даже въ отдѣльныхъ пещерныхъ, могилахъ на берегахъ рѣки Подкумка, сдѣланъ былъ въ теченіе небольшой, но ученой экскурсіи, рядъ замѣчательныхъ находокъ древнѣйшаго времени, притомъ наиболѣе въ некрополяхъ аула Хосаута, находящагося по пути отъ Кисловодска къ склонамъ Эльборуса. Нынѣ эти находки, въ одной части, сосредоточены въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ.

Остановимся прежде всего на одномъ большомъ кускѣ покрова (дл. 1,01 м., шир. 0,59) льняной основы, тканой разноцвѣтною шерстью и вполнѣ тождественной поэтому съ техникою такъ называемыхъ гобеленовъ, т. е. собственно ковровыхъ тканей (tapisseries), наиболѣе употребительныхъ въ древности для завѣсъ, покрывалъ, покрововъ и пр. Извѣстно, что Александрія и Византія по преимуществу разработали типъ легкихъ завѣсъ не только между колоннами и столбами, но и взамѣнъ дверей въ залахъ особенно проходныхъ, церемоніальныхъ и т. д. Египетъ выработалъ при этомъ и общую декорацію, слѣдуя типу циновочныхъ плетеній, геометрическаго типа, а также въ александрійскій періодъ эллинистической культуры и болѣе живыя украшенія растеніями, цвѣтами, птицами. И чтобы убѣдиться въ томъ, что эта ткань является александрійскою мануфактурою, стоитъ только сравнить рисунокъ этой птицы съ птицею Коптскаго Евангелія VIII вѣка, изданнаго, среди восточныхъ орнаментовъ по рукописямъ, покойнымъ В. В.

---

[1]) См. В. А. Прохорова „Христіанскія“ и „Русскія Древности.“ „Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ“ СПб. 1881. „Отчеты по реставраціи Успенскаго собора во Владимірѣ“ въ „Древностяхъ“ — Труды Моск. Археол. Общ. т. IX—XIII и XV. И. И. Горностаева Лекціи (литогр.) по исторіи иск. и костюма. 1861—3. Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія Древности VI.

[2]) Еп. Савва. Указатель Патріаршей Ризницы. Арх. Макарій. Арх. опись церковн. др. Новгорода 1860. См. о любопытномъ терминѣ — извѣстномъ съ XIII в. — годавабельныхъ тканей, отъ гот. gudawabi, godweb, годоваблъ, hedvabije, чешс. hedvábí = gottgewebe, церковныя облаченія у Срезневскаго и L. Niederle, Slovanské Starožitnosti I, 2, Život St. Slov., 1913, 412—3. Въ Старой Русѣ, въ ц. Иліи доселѣ показываютъ стихарь съ поручами, шитыми густо по шелку, съ орлецами, наз. готлапъ.

Стасовымъ,[1] чтобы признать тождество характерныхъ формъ. На вопросъ же о томъ, какъ попали александрійскія мануфактуры на Кавказъ, мнѣ уже пришлось отвѣчать[2] рядомъ фактическихъ указаній и сравненій соотвѣтственныхъ памятниковъ Сиріи, Египта съ одной стороны, Херсонеса и Кіева съ другой. Повторимъ общій доводъ, что уже въ первой половинѣ VII вѣка, а затѣмъ въ VIII—X вѣкахъ, заторъ александрійскихъ товаровъ, образовавшійся послѣ завоеваній Ислама, долженъ былъ искать путей и сбыта, какъ на Кавказѣ, въ Средней Азіи, на Волгѣ, такъ и вообще въ южной Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ въ Болгаріи. Отсюда и произошло то, что пришедшая въ тѣ поры на Русь Мордва получила сполна костюмировку по коптскимъ образцамъ, а Средняя Азія всѣ рисунки своихъ вышивокъ темно-лилово-коричневою шерстью по льняной основѣ. Итакъ, наша ткань тоже относится скорѣе къ VIII, чѣмъ къ IX или X вѣку, и это доказывается общею своеобразною, какъ бы „кустарною“ неправильностью ея круговъ и оваловъ, подборомъ ея красокъ. Не описываемъ ткани, такъ какъ превосходный по точности акварельный рисунокъ говоритъ самъ за себя (рис. 98). Замѣтимъ только, что здѣсь блѣдная охра замѣнила палевые тона египетскаго льна, и что рисунокъ орнаментальной пальметки по четыремъ сторонамъ средняго овала можетъ также самъ свидѣтельствовать объ эпохѣ и мѣстѣ происхожденія: эта пальметка есть собственно развитой орнаментально сиро-египетскій кринъ (полевая лилія).[3]

Далѣе въ собраніи Историческаго Музея имѣется (подъ №№ 15, 17—20, 24—25, 55—56, 59—62) рядъ кусковъ шелковыхъ тканей съ характерными рисунками (ковроваго характера) геометрическихъ и растительныхъ формъ въ томъ сочетаніи, которое отличаетъ арабо-сарацинское искусство Египта и которое было усвоено именно александрійскою и сирійскою мануфактурами въ періодъ египетскаго халифата Фатимидовъ (910—1171).[4] Только одинъ рисунокъ (рис. 99) представляетъ подобіе штучнаго набора, прочіе даютъ геометрическія фигуры уже оживленными, на подобіе растительныхъ завязей, побѣговъ, или же въ ихъ кругахъ и овалахъ изображаются (по правиламъ ковроваго тканья) птицы, декоративная пальметка (рис. 100). Первый видъ тканей желтоватаго шелка протканъ зеленою шерстью, во второмъ фонъ темносиній съ зелеными и желтоватыми рисунками. Далѣе, по желтовато-золотистому шелку уже зеленымъ шелкомъ шита арабская надпись или ея орнаментальное подобіе. Особо выдѣляется большой ку-

[1]) В. В. Стасовъ. Славянскій и восточный орнаментъ, 1887, табл. 126 и 133.

[2]) Н. П. Кондаковъ, Русскіе Клады, т. I. Предисловіе.

[3]) Все же рисунокъ настолько декоративенъ, что можно только угадывать въ птицѣ, здѣсь изображенной, павлина, съ его хохолкомъ на головѣ, пышнымъ и поднятымъ хвостомъ, синимъ и золотистымъ опереніемъ, короткими и большими ножками, большими размѣрами и пр. Но возможенъ и золотой фазанъ. O. Keller, Antike Tierwelt, II, 145—154.

[4]) Снимки исполнены, по необходимости, съ рисунковъ Е. Н. Барсуковой для Археологической Комиссіи СПБ. съ замѣчательною точностью.

Рис. 98. Ткань съ Кавказа. Историческій Музей въ Москвѣ.

сокъ (рис. 101), около 40 сант., шелковой желто-золотной ткани, съ полосатымъ исподомъ и зеленымъ рисункомъ на лицевой, на которомъ въ кругахъ представлены пары барановъ съ длинными загнутыми рогами — арабская имитація, повидимому, персидскаго оригинала, требующаго сличенія такихъ тканей и замѣчательно характернаго.

Рис. 99. Ткань съ Кавказа. Историческій Музей въ Москвѣ.

Наконецъ, три куска шелковой „косой" ткани (подобіе шерстяной матеріи — serge), изъ которыхъ на одномъ малиновый рисунокъ крылатаго грифа въ золотистомъ кругу среди сложнаго орнамента, уже шитаго чернымъ шелкомъ.

Всѣ эти остатки отъ цвѣтныхъ одеждъ, дополняемые шерстяными поясами, находили себѣ въ Эрмитажномъ собраніи египетскихъ тканей, приве-

зенномъ въ 1890 году В. Г. Бокомъ,[1] опредѣленные и даже болѣе полные и сохранные оригиналы: свѣтлозеленыя шелковыя рубашки съ галунами и косымъ „вóротомъ,“ съ птичками, пальметками; куски погребальныхъ покрововъ съ растеніями и птицами по красному фону, съ арабскими флеронами, съ куфическими надписями или ихъ подобіями. Весь этотъ драгоцѣнный матеріалъ остался пока неизданнымъ.

Рис. 100. Ткань съ Кавказа.
Историческій Музей въ Москвѣ.

Некрополи Кавказа даютъ, однако, кромѣ этого рядъ древнѣйшихъ тканей и образцы болѣе позднихъ, но за то и болѣе совершенныхъ въ техническомъ и художественномъ отношеніи тканей сарацинскихъ XI—XII стол., а затѣмъ раннихъ итальянскихъ XIII—XV вѣковъ. Между первыми можно представить чудный образецъ ткани, съ разводами, внутри которыхъ движутся фантастическія фигуры звѣрей, повсюду разсѣлись чудныя птицы, на подобіе попугаевъ, съ высокими хохолками и разноцвѣтнымъ опереніемъ. На сохранившемся кускѣ чудный звѣрь съ львинымъ тѣломъ, юною женскою головою въ вѣнцѣ, крылатый, какъ „дивъ“ „сидитъ верху древа“ среди птицъ; по верху идетъ куфическая надпись, великолѣпно исполненная шитьемъ. Повидимому, этотъ кусокъ принадлежалъ покрову, но онъ до-

[1]) Покойнымъ авторомъ обозрѣнія христіанскихъ некрополей большого египетскаго оазиса (посмертное изд. также нынѣ покойнаго акад. Я. И. Смирнова) и б. хранителемъ Средневѣковаго отд. Эрмитажа. [См. В. Г. Бокъ. О коптскомъ искусствѣ. Коптскія узорчатыя ткани. Труды VIII Археологическаго съѣзда, т. III.]

стоинъ былъ бы служить и мантiей.[1] Обычный образецъ итальянскихъ тканей — съ флеронами и птицами — воспроизводитъ съ крайней сухостью рисунка и красокъ сарацынские оригиналы. Въ Бѣлорѣченской станицѣ въ 1896 г. найденъ кусокъ чудной ткани итальянскихъ мастерскихъ съ хитрыми пальметками и орнаментально разсыпанными вокругъ нихъ цвѣтками гвоздики.

Находки гр. Уваровой въ Сванетiи

Три великолѣпныхъ образца древнѣйшихъ фигурныхъ тканей,[2] издаваемыхъ ниже, найдены были графинею П. С. Уваровою въ княжеской Сванетiи при слѣдующихъ обстоятельствахъ, о которыхъ разсказываетъ она сама въ письмѣ ко мнѣ (отъ 22 iюня 1921 г. изъ Новаго Сада въ Сербiи).

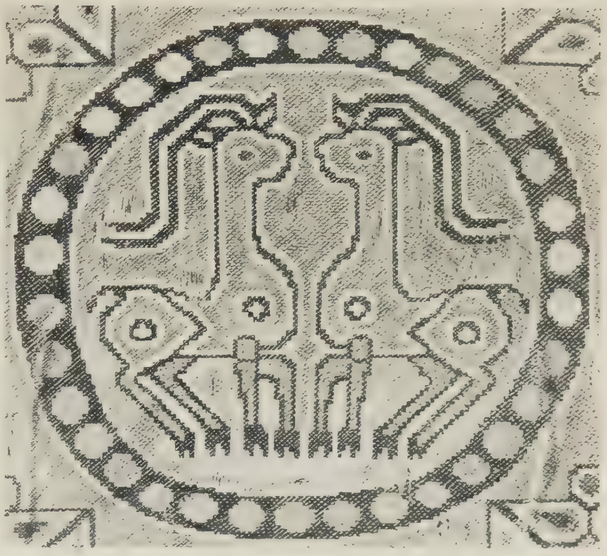


Рис. 101. Ткань съ Кавказа.
Историческiй Музей въ Москвѣ.

„Матерiи происходятъ изъ заброшенной церкви въ княжеской Сванетiи. Храмикъ пустой и запущенный, темный, казалось, не представлялъ особаго интереса; мѣстный владѣтель князь Татарханъ Додешкелiанъ вынесъ на свѣтъ одинъ изъ многихъ описанныхъ мною громадныхъ деревянныхъ крестовъ, обитыхъ серебряными пластинками; иконъ оказалось мало и совершенно грубаго дѣла. Но, выходя изъ храма, мы натолкнулись на кучу въ одномъ углу. Я пошарила въ кучѣ и вытащила изъ нея комки грязныхъ тряпокъ, которыя на ощупь показались мнѣ парчею. Вышли на свѣтъ Божiй, стали разсматривать мою находку, но кромѣ грязи и паутины ничего не разобрали, и всѣ присутствующiе, даже мои дочери, осмѣяли меня, когда я, послѣ всего видѣннаго, все таки завернула комки въ бумагу и унесла домой. Много труда понадобилось ихъ отмочить, вымыть и расправить“.

Итакъ, происхожденiе этихъ тканей можетъ быть или церковное, или погребальное. Въ первомъ случаѣ, это были куски цѣнныхъ тканей, употребленныхъ для обертыванiя особо чтимыхъ предметовъ, какъ частицъ

[1]) Рядъ прекрасныхъ кусковъ подобныхъ же тканей, но сицилiйскихъ мастерскихъ IX—XII стол. собранъ въ Музеѣ Штиглица въ СПБ. за №№ 16, 55, 61, 69, 93—4, 97 и др.

[2]) Изданы въ Матерiалахъ по Археологiи Кавказа, т. X, 1904 г. Meisterwerke d. muchammed. Kunst, III, T. 179. O. v. Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei Abb. 154.

мощей, полагаемыхъ подъ престоломъ или внутри полыхъ крестовъ и т. п. Во второмъ, это могли быть куски, извлеченные изъ древнихъ могилъ и

Рис. 102. Ткань съ Кавказа (изъ Сванетіи). Историческій Музей въ Москвѣ.

хранившіеся, по обычаю кавказскихъ горцевъ, въ особыхъ складахъ въ храмахъ или же зарываемыхъ вновь въ землю.

Ткани со слонами. На первомъ мѣстѣ полагается поставить, по времени и по рѣдкости, (рис. 102) ткань съ изображеніемъ слоновъ внутри круговъ кресто-

образной формы). Живописная простота рисунка, орнаментальные кружки среди большихъ круговъ, вольно-неправильной формы, наконецъ, краски и схемы куфическихъ надписей въ промежуточныхъ кругахъ, — все это указываетъ на Египетъ, какъ мѣсто происхожденія ткани. Краски здѣсь тождественны съ мозаиками вѣковъ VII—VIII, какъ найденными на о. Кипрѣ, такъ и находящимися въ Римѣ, но исполненными по сиро-епипетскимъ образцамъ, а также съ миніатюрами и орнаментами коптскихъ рукописей и ихъ вѣтвей на Балканскомъ полуостровѣ. На темно-лиловомъ, почти темно-коричневомъ фонѣ палевыя внѣшнія коймы круговъ (не затканная полоска льняной основы), внутреннія коймы темно-красныя (коричневаго, кирпичнаго) цвѣта. Подобная же выработка свѣтлыхъ частей слона — палевою, или блѣдною охрою, тѣла коричневою, съ бликами по краямъ, раздѣлка черною подпругъ, сѣдла, ремней и пр. придаютъ этой, почти монохромной и строгой ткани — вѣроятно, пологу, или покрову — большую стильность и строгость.

Рис. 103. Ткань изъ одной испанской церкви въ Берлинѣ. (Музей худ. пром.)

Данная ткань, по сравненію съ двумя тканями той-же темы, изданными у Лессинга и повторенными въ книгѣ О. Фальке[1] (рис. 103), представляется болѣе ранней, ибо — болѣе близка, по сравнительной натуральности изображенія слона, къ природѣ, и лишена тѣхъ орнаментальныхъ прикрасъ, которыми отличаются обѣ вышеуказанныя ткани. Достаточно посмотрѣть въ какіе причудливые рисунки превратились ковровые пологи на обоихъ слонахъ, съ жемчугами и обнизями, какую декоративную форму получили уши, клыки и хоботы слоновъ (рис. 103 и 104). Между тѣмъ, О. Фальке относитъ эти ткани къ группѣ тканей Восточнаго Ислама, къ отдѣлу персидскихъ. Правда, что по типамъ круговъ и орнаментики ткани подходятъ къ сассанидскимъ, но уже въ ихъ переработкѣ. Здѣсь есть явно декоративное использованіе бликовъ на мускулахъ, складокъ нѣжной кожи на хоботѣ и пр.

Вотъ почему, относя нашу ткань къ VII вѣку и разряду коптскихъ тканей, мы находимъ еще античную и натуральную простоту въ ней, и, наоборотъ, видимъ въ двухъ изданныхъ Лессингомъ — орнаментальныя передѣлки звѣ-

[1]) J. Lessing, Gewebesammlung d. K. Kunstgewerbe M. zu Berlin. O. v. Falke, Kunstgeschiche der Seidenweberei, 1913, Abb. 128, 130. Первая въ Берлинѣ (рис. 103), вторая въ Зигбургѣ. Лессингъ относитъ первую къ византійскимъ.

риныхъ типовъ въ искусствѣ Ислама, начиная съ VIII вѣка, къ которому и считали-бы возможнымъ ихъ отнести.

Сравнить-же эту ткань придется еще и съ извѣстною тканью со слонами, извлеченною нѣкогда изъ раки — гробницы Карла Великаго и сохраняющейся въ ризницѣ Ахенскаго собора, какъ рѣдкость „ткацкаго мастерства“. Правда, эта ткань исполнена уже въ Византіи и съ большимъ мастерствомъ, что видно и по надписи, такъ какъ ткань вышла изъ императорской мануфактуры, помѣщавшейся въ Константинополѣ, на мѣстѣ (или возлѣ) термъ Зевксиппа, близъ Ипподрома,[1] но будучи роскошною, эта ткань имѣетъ въ нашихъ глазахъ, много недостатковъ по схематизму своего рисунка: здѣсь всякая деталь, какъ напримѣръ, мускулы ногъ слона, глаза его, хоботъ въ видѣ позвоночнаго столба, ремни, сѣдло и подпруги, орнаментальное древо сзади слона, всѣ формы цвѣтовъ, пальметокъ и пр. и пр., все превратилось въ схемы, округлыя, раздѣланныя правильными кружками, архитектурнымъ построеніемъ въ полной симметріи частей. Правда, сквозь эту схематическую паутину можно еще провидѣть персидскую, натуралистическую основу, и, конечно, оригиналъ нѣкогда вѣрнѣе изображалъ индійскаго слона, тогда какъ Уваровская ткань воспроизводитъ реалистически, но грубо, африканскаго слона. Считая излишнимъ разбирать тѣ и другія формы тѣла слоновъ, скажемъ только, что выгибъ ногъ на византійской ткани соотвѣтствуетъ болѣе хищнымъ животнымъ, тогда какъ на александрійской ткани ближе къ конскимъ ногамъ. Наконецъ, сравненіе обѣихъ тканей помогаетъ понять и ихъ назначеніе: обѣ, явно, имѣли только декоративное значеніе, т. е. византійская была сначала завѣсою, а стала покровомъ, александрійская же — покровомъ съ самаго начала. Обѣ попали въ чуждую среду, но сравнительно одинаковую, т. е. къ такъ называемымъ „варварамъ“, какъ бы сказали мастера ихъ работавшіе. Конечно, „завѣса“ попала въ гробницу Карла случайно, когда не оказалось покрова лучшаго для такого великаго короля. Александрійскій покровъ мастерская украсила слонами, по-

Рис. 104. Ткань въ Берлинѣ. (Музей художественной промышленности).

[1]) Fr. Bock, Byzantin. Purpurstoffen mit neugriechischen Inschriften. Zeits. d. bayer. Kunstver. 1894. Ch. Diehl, Manuel d'art byzantin, fig. 299. [2me éd., t. I, f. 312 и библіографія p. 647, n. 2.] Какъ извѣстно, въ Дрезденской галлереѣ имѣется историческая картина этого сюжета.

тому что слонъ былъ эмблемою Александріи, по преимуществу, въ римскую эпоху — вѣдь именно оттуда вывозили всю слоновую кость для мастерства и самыя издѣлія изъ нея, а затѣмъ и самихъ слоновъ, и слоны на дверной завѣсѣ, какъ львы и грифоны, напоминали древнихъ эмблематическихъ стражей восточнаго дворца. Но, что особенно интересно для насъ — это явное пристрастіе варвара, выбравшаго именно такую ткань, которая бы и красою формы и содержаніемъ ея напоминала сказочную сферу царскихъ палатъ на Востокѣ. Въ заключеніе мы должны сказать, что по мнѣнію большинства ученыхъ, состоявшемуся по вызову покойнаго знатока тканей Франца Бока, ткань, извлеченная изъ могилы Карла Великаго (умр. 814 г.), должна быть отнесена не ранѣе, какъ къ X вѣку, и, слѣдовательно, положена въ его раку уже при имп. Оттонѣ III, какъ извѣстно, переложившемъ останки Карла въ раку, въ то время, когда императрица Ѳеофано, гречанка и вдова Оттона II, была регентшею въ Германіи.[1]

Вторая Уваровская ткань въ небольшомъ кускѣ, сильно потлѣвшемъ, даетъ пары птицъ по сторонамъ орнаментальнаго растенія и съ крестиками среди нихъ. Является, вѣроятно, остаткомъ такого же погребальнаго покрова, какъ и предъидущія. Пары шли фризами во всю ширину покрова и могутъ свидѣтельствовать сами по себѣ о художественныхъ вкусахъ тѣхъ мастерскихъ Византіи, которыя могли поставлять подобные декоративные предметы.

Ткань съ грифами.

Но, конечно, всѣхъ драгоцѣннѣе кусокъ дивной ткани (дл. 0.38 м.) отъ былой парадной мантіи, украшенной широкими кругами съ пышными, въ двѣ полосы, куфическими надписями, и внутри ихъ парами крылатыхъ грифовъ (рис. 105), поднимающихся по вѣтвямъ орнаментальнаго древа на дыбы. Подобную мантію знаемъ только въ средѣ императорскихъ регалій Римско-Германской Имперіи, которая, судя по куфической надписи и украшающимъ ее львамъ, была ранѣе королевской мантіею Норманнскихъ королей Сициліи и была, слѣдовательно, исполнена въ тѣхъ же мастерскихъ Палермо, но, повидимому, вышиваніемъ, а не тканьемъ рисунка. Должно сказать, далѣе, что всѣ древніе тексты, имѣющіеся въ упомянутомъ сочиненіи Константина Порфиророднаго и Кодина и относящіеся къ мантіи, по гречески хламидѣ, сводятся къ тому, что уже съ IX вѣка она стала видною частью торжественнаго облаченія византійскаго царя и его соправителей (деспотовъ), кесаря, но затѣмъ и главныхъ чиновъ сената, магистровъ, патриціевъ, шести стратиговъ, „болгарскихъ друзей“ и пр.

---

[1]) Кавказская ткань скорѣе идетъ изъ Египта, греческая скорѣе копія персидскаго оригинала. Трудно опредѣлить ткани по формамъ слоновъ, руководясь Бремомъ (Жизнь животныхъ, I, 395—6): тѣло слона африканскаго короче, чѣмъ азіатскаго, хоботъ тоньше. Но оба одинаково убраны, только въ разномъ вкусѣ. Цвѣтъ африканскаго подходитъ къ буро-коричневому, индійскаго — къ сѣрому. Главной примѣты — большихъ ушей африканскаго вида на Кавказской ткани не различается. O. Keller, Die antike Tierwelt I, 372 383.

Рис. 105. Ткань съ Кавказа (изъ Сванетіи). Историческій Музей въ Москвѣ.

Однако, и по причинамъ удобства и этикета хламида снималась по общему оклику. Съ другой стороны, вообще на пріемахъ чины снимали хламиды, но оставался въ хламидѣ только царь[1] и, стало быть, хламида оставалась все же царскимъ облаченіемъ, царя и его соправителей, между прочимъ и кесаря, ибо хламида съ застежками (фибулами) была особымъ знакомъ кесарства (среди такъ назыв. кесарикій — вѣнца и хламиды) и возлагалась при „рукоположеніи" на избраннаго кесаря. Мантія, понятно, была зимнимъ плащемъ военныхъ чиновъ, затѣмъ облаченіемъ стратиговъ, дуковъ, вождей вообще, отсюда королей, князей и архонтовъ и у русскихъ стала называться западно-европейскимъ терминомъ — корзна.[2] Мантіи королевскія и княжескія, видимо, различались въ XI—XII вѣкахъ тѣмъ, что первыя были шире, имѣли форму большого полукруга, съ вырѣзомъ посреди для шеи, застегивались поэтому спереди особою круглою фибулою, тогда какъ корзна великокняжескія продолжали сохранять типъ воинскаго плаща и застегивались на правомъ плечѣ, оставляя правую руку свободною, хотя бы для военныхъ салютовъ на пріемѣ. Затѣмъ, хламиды или полукруглыя мантіи украшались изображеніями большого размѣра, но немногими въ серединѣ и по концамъ, иначе говоря тамъ, гдѣ фигуры не закрывались густыми складками, какъ

[1]) Хламида снималась царями въ церкви, и потому въ изображеніяхъ царя передъ Спасителемъ, или вѣнчаемаго Имъ, или не на пріемѣ, царь является безъ мантіи.

[2]) Подробное изслѣдованіе формы и украшенія мятля имѣетъ появиться въ изданіи „Русская Икона" при разборѣ снимковъ древнѣйшей иконы Бориса и Глѣба Рус. Муз. въ СПб.

въ норманской мантіи. Хламиды княжескія украшались рядами мелкихъ круговъ и изображеній или же разводами. Что касается Византіи, то царская хламида и мантіи чиновъ оставались въ древнемъ типѣ четыреугольнаго плаща, застегиваемаго на правомъ плечѣ, въ X—XII вѣкахъ.[1] Вотъ почему, и въ нашемъ кускѣ, явно происходящемъ отъ мантіи неизвѣстнаго „владыки“, кругъ, въ которомъ заключается пара грифовъ по сторонамъ стержня древа, необычно большой (если вычертить по уцѣлѣвшему ободу, онъ долженъ былъ имѣть 0.35—0.40 м. въ діаметрѣ, а вмѣстѣ съ окружавшею его полосою достигать даже 0.45—0.50 м.) и долженъ былъ принадлежать къ орнаментальнымъ кругамъ — одиночнымъ назади или на обѣихъ полахъ спереди. Мы видимъ здѣсь густой синій (съ зеленью) фонъ, который съ XI—XII вѣка сталъ обычнымъ фономъ въ облаченіяхъ церковныхъ, епископскихъ и пр.

Характеръ культурнаго импорта съ Востока.

Кавказъ, населенный издревле уходившими въ горы остатками какъ осѣдлыхъ народовъ, жившихъ въ его предгоріяхъ, такъ и кочевыми племенами, тѣснимыми сзади сильнѣйшею ордою, всегда былъ и оставался Востокомъ, жилъ связями съ культурными странами Азіи и Африки. И потому, въ некрополяхъ Кавказа естественно встрѣчать, особенно въ предгорьяхъ, издѣлія древнѣйшихъ культуръ Месопотаміи и Египта, Персіи и Византіи. Равно понятно и усиленное пристрастіе къ нимъ варварскихъ племенъ Кавказа, принесшихъ съ собою на высоты Дагестана и свои разнообразныя мастерства ковки оружія и кольчугъ, выдѣлку кожъ и пр., но остается поразительнымъ появленіе „арабскихъ“ издѣлій и вліяніе александрійскихъ мануфактуръ въ Кіевѣ и Черниговѣ и замѣчательная преемственность сиро-египетскихъ образцовъ въ древнемъ русскомъ искусствѣ.[2] Кажется доселѣ страннымъ появленіе въ числѣ предметовъ старины Сарая (въ Эрмитажномъ собраніи) рѣзной пластинки изъ кости, съ фигурою слона, крутящаго колесо, съ вожакомъ на спинѣ, наряду съ кусками нефрита изъ глубины Сибири съ изображеніемъ сѣвернаго оленя. И только тогда, когда наука оріенталистовъ отъ языка и письменности обратится наконецъ къ изученію реальныхъ древностей передне-азіатскаго Востока, удастся, наконецъ, продолжить археологическую науку древняго Египта и Греціи на то средневѣковье VII—XII вѣка, которое остается еще хаотическимъ складомъ, передъ которымъ изслѣдователь пока играетъ роль любителя, избирающаго какъ предметы собиранія, такъ и взгляды на нихъ.

Въ дѣйствительности, и теперь уже можно утвердительно говорить о господствѣ въ эту эпоху той же сиро-египетской культуры и торговли на всемъ европейскомъ востокѣ. Правда, въ этомъ періодѣ торговля знала перерывы, образованіе стоковъ, періоды полныхъ катастрофъ, переходы мастерскихъ въ другія, болѣе покойныя страны и постоянно страдала отъ войнъ, гос-

---

1) См. изображенія царей въ миніатюрахъ: Ch. Diehl, Manuel, рис. 182—3.

2) См. мое сочиненіе Русскіе Клады, I, 1896 г., Введеніе.

подства на морѣ пиратовъ, набѣговъ Сарацынъ и Норманновъ, безсилія Византіи и пр. Останавливаясь на тканяхъ, узнаемъ, что Арабы торговали

Рис. 106. Ткань въ соборѣ Тулузы.

хлопкомъ и шелкомъ, сирійскимъ бархатомъ и персидскими тканями изъ шелка, тканями льняными и бумажными, крашеными или набивными, вышивками, коврами, тонкою кисеею, камкою и тафтою, шелковыми и парчевыми тканями. Очевидно, скопленіе товаровъ этого рода въ фабрикахъ Александріи и Сиріи было именно причиною поисковъ рынка для сбыта, поѣздокъ

арабовъ и евреевъ по Волгѣ, Средней Азіи и къ берегамъ Африки, изъ Испаніи въ Германію и, минуя враждебную Византію, на Балканскій полуостровъ и Адріатическое побережье. Подлинныя, но краткія описи имущества халифа Мустанзера,[1] которое халифъ вынужденъ былъ распродавать въ 1068 году по одной десятой стоимости или прямо раздавать турецкимъ наемникамъ въ уплату, подтверждаемыя извѣстіями Макризи и другихъ арабскихъ хроникъ, свидѣтельствуютъ о колоссальныхъ скопленіяхъ драгоцѣнныхъ тканей, которыя въ тѣ времена заступали, вмѣстѣ съ драгоцѣнными камнями, сосудами золотыми и серебряными, дорогими личными уборами, художественною утварью съ украшеніями золотомъ, жемчугомъ и камнями, разными дивами и раритетами и пр., мѣсто современныхъ акцій и рентъ. Какъ въ сокровищницѣ халифа были ряды сундуковъ съ изумрудами, перлами, драгоцѣнными зеркалами, десятки тысячъ сосудовъ и предметовъ изъ хрусталя, подобная же коллекція оружія съ золотою насѣчкою, такъ же много было и тканей, хранимыхъ вѣками. Было 3000 штукъ дамасскаго краснаго шелку, чудодѣйственное количество ковровъ, завѣсъ, тканей Калмуна, Дабика, шелковыхъ пологовъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ, съ фигурами слоновъ, птицъ; ковровъ и завѣсъ шелковыхъ съ золотомъ, между ними одна тысяча представляла портреты царей и славныхъ мужей съ подписями, массы палатокъ съ софами, коврами, одна краснаго сатина съ золотымъ шитьемъ — неоцѣнимая; поразительное число палатокъ и павильоновъ, матерчатыхъ замковъ изъ золотныхъ тканей, бархата, покрытыхъ живописью, фигурами слоновъ, львовъ, павлиновъ, все снабжено утварью, серебряными колоннами. Была палатка круглая, на столбѣ въ 65 локтей, 6 локтей въ діаметрѣ, имѣвшая 550 локтей въ окружности, переносимая на 100 верблюдахъ, была другая, которую прозвали „убійственная“, такъ какъ при ея постановкѣ гибли всегда люди. Было насчитано болѣе 50.000 штукъ дамасскаго (хазрованъ) шелку, украшеннаго золотомъ и т. д. Затѣмъ, когда умерла въ 1050 г. (442 г. гиджры) одна дочь халифа, то ея имущество состояло изъ 12 тысячъ платьевъ различныхъ цвѣтовъ; ея сестра оставила послѣ себя 30.000 штукъ сицилійскихъ матерій и пр. Всѣ эти чудеса восточной культуры были разобраны и разодраны на части солдатами, забраны турецкими генералами и проданы наскоро съ аукціоновъ и оставили по себѣ память только въ этихъ краткихъ запискахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хроники упоминаютъ и объ уничтоженіи библіотеки халифовъ, которая была размѣщена въ 40 залахъ и содержала въ себѣ такую массу рукописей, для которой потребовалось бы болѣе 500 верблюдовъ для ея переноса, а между ними было до 2.400 экземпляровъ Корана, украшенныхъ золотомъ и красками и 18.000 томовъ по наукѣ древнихъ. Многое было въ этомъ имуществѣ дѣломъ празднаго

Богатства халифовъ.

---

[1]) Et. Quatremère, Mémoires histor. et géogr. sur l'Égypte, rec. des mss. de la Bibl. Impér. II, P. 311, sq. Kramer, Culturgeschichte d. or. u. d. Chalifen. [Также: G. Schlumberger. Le trésor du palais des khalifes au Caire au XIe s. sous les khalifes fatimites. Récits de Byzance et des croisades. I^e serie, VII. Paris. 1923.]

любопытства халифовъ, искавшихъ въ своемъ вынужденномъ покоѣ развлеченій, въ родѣ игрушечныхъ автоматовъ, въ искусственныхъ садахъ, съ плодами карликовой пальмы, полученными особыми прививками, и рѣдкими птицами, звѣринцахъ со львами, слонами, жираффами, павильонахъ и палаткахъ, бассейнахъ изъ ртути и т. п.; многое было только любительствомъ, но также многое было просвѣщеннымъ собираніемъ художествъ и старины и давало образцы средневѣковому міру.

Древности Россіи представляютъ, помимо своего опредѣленнаго типа, правда, выработавшагося позже другихъ, такое соединеніе на громадномъ протяженіи всякихъ культурныхъ вліяній, что этотъ типъ долженъ вообще разсматриваться черезъ посредство цѣлаго ряда сосѣднихъ культуръ и свойственныхъ имъ художественныхъ типовъ. Но особенное разнообразіе предстанетъ со временемъ изслѣдователю русскихъ тканей и одеждъ даже въ древнѣйшую эпоху, о которой здѣсь идетъ рѣчь: говоримъ — со временемъ, когда наберется сколько-нибудь значительное число памятниковъ этой эпохи. Уже одинъ пересмотръ древнихъ именъ тканей даетъ понятіе объ этомъ разнообразіи вліяній. Адамашка, видъ камки изъ Дамаска, особенно тонкой и пестрыхъ цвѣтовъ, но линючей, по свидѣтельству старыхъ текстовъ. Аксамитъ шелковый бархатъ, шестинитный (ἑξάμιτος, samitum) и болѣе, золотный, котораго нити стриглись и давали или полный бархатъ, или только „травы аксамичены", т. е. повышенную и нѣжно-густую сѣть нитей. Алтабасъ (отъ тюрскаго и арабскаго имени золота, откуда и горы Алтая) — шелковая парча. Зарбафъ (по Карабачеку, zer bafte) золотная ткань. Зендень шелковая ткань σενδές, зуфь (отъ араб.) — шерстяная, которая въ Россіи часто бывала „лимонная", какъ у византійцевъ κίτρινα — (у Константина любимые царскіе скарамангіи, шапки Вардаріотовъ, носившихъ персидское одѣяніе и особыя палки на поясѣ, по которымъ назывались манклавитами), камка (греч. καμουχᾶς) въ древней Руси часто, зовется Кизылбашской и Бурской, — тонкая шелковая, узорчатая ткань часто съ особымъ цвѣтнымъ подбоемъ, вѣрнѣе, на иной основѣ, орничѣ (неизвѣстнаго происхожденія и производства слова, въ „Словѣ о Полку Игоревѣ" — орь тъмами, б. м. одежда), объярь — плотная шелковая ткань, покрытая узорами ткаными изъ золота и серебра (отъ персидскаго абдар — волнистый?), тафта — шелковая, персид. „тафта", фофудія — златнотканная шелковая матерія, восточная парча (греч. начиная съ IX вѣка, парча, употреблявшаяся для царскихъ облаченій и высшихъ чиновъ). Наконецъ, сама парча, ясно восточнаго происхожденія, но позднѣйшаго времени (тур. парче, оно же въ болгар. — кусокъ матеріи и часть).[1]

Названія тканей.

Что поражаетъ въ этомъ спискѣ тканей, это отсутствіе, прежде всего,

[1]) [См. Савваитовъ, Описаніе, подъ соотв. слов. В. Клейн. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века и их терминология. Сборник оружейной палаты. Москва 1925, стр. 11—72. Объ алтабасѣ: К. А. Иностранцевъ. Изъ исторіи старинныхъ тканей. Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. О-ва, т. XII, в. IV. Также Laufer. Sino-Iranica.]

простѣйшихъ родовъ, какъ то льняныхъ, шерстяныхъ, бумажныхъ и пр., которые, конечно, были наряду съ шелками, и объясняется это, понятно, нашими извѣстіями, идущими отъ историковъ. Лишь рѣдко упоминается рядомъ съ шелками бѣль, послѣ кунъ, воска, очевидно, для обозначенія льняныхъ тканей, бѣлья, или основы льняной, подбоя — „отласъ бурской на бѣли“ и т. д. Но, характерно и то реальное обиліе шелку въ древности, которое мы уже указали у Гунновъ, и это явно зависѣло въ Руси отъ ея сосѣдства, отъ торговли Средней Азіи, Персіи и Византіи. Въ самомъ дѣлѣ, шелкъ цѣнился въ старину, когда одежду, притомъ всякую, до нижней включительно, носили подолгу, иногда всю жизнь, и оставляли дѣтямъ, по своей прочности, которую можно наблюдать во многомъ. Но, обратимся прежде къ извѣстіямъ русскихъ лѣтописей. Въ 944 г. дружина убѣждала Игоря принять отъ греческаго царя имъ предложенную дань: чего, молъ, лучше, „не бившись имати злато и серебро, и паволокы“. Въ договорѣ Игоря съ Греками въ 945 г., Русь въ Константинополѣ „не имѣють власти купити паволокъ лише по 50 золотникъ“, которыя отпускалисъ запечатанными царскою печатью (шелка были регіею); мы знаемъ, что христіане выкупались въ Византіи шелковыми тканями, и по договору Игоря за челядина платили по 2 паволоки. Въ налегшую толпу, въ 1115 г. метали „рѣжючи паволокы, орници, бѣль“... Въ пожарѣ 1185 г. изъ терема царскаго во Владимірѣ вытаскивали куны, книги, паволоки, „укси церковныѣ, иже вѣшаху на праздникъ“. Словомъ, даже точные филологи, какъ И. И. Срезневскій рѣшались принимать паволоку за драгоцѣнную шелковую ткань, тогда какъ по своему происхожденію слово это явно означаетъ лишь покровъ, завѣсу, пелену, накидку, и, конечно, въ древности обозначало большой кусокъ особенно прочнаго и широкаго полотна, исполнявшійся, какъ основа для тканья шелками или вышиванія (прострьтѣ паволоцѣ, налои съ паволоками) и пр. Итакъ, если царь Левъ въ 912 г. дарилъ „злато и паволокы“ русскимъ, или индитія (покровъ престола), была „паволока бѣлчатая“, а другая золотомъ шитая, или завѣса „паволочитая“, то это были образцы дорогихъ тканей. Это не былъ собственно шелкъ, но дорогая ткань и по окраскѣ и по добавленію къ основѣ шелку или шелковаго шитья. Въ Лаврент. лѣт. за 907 г. отмѣчено, что Олегъ сшилъ „парусы паволочиты Руси, а Словеномъ кропинныа“ въ Константинополѣ, и ясно, что Варяги и ранѣе любили паруса не только прочные, но и окрашенные, напримѣръ, въ пурпуръ, древній обычай и доселѣ имѣющій мѣсто.[1] Наконецъ, и самыя уськи (или укси, въ силу перестановки) церковныя находятъ себѣ объясненіе въ посланіи Василія Македонина къ папѣ Адріану II, перечисляющемъ почетные дары папѣ: usin rubeum,

[1]) См. чешское pawlaka, что значило paludamentum, или польское powłoka порфира и штука матеріи — namost był z powłok И. И. Срезневскаго, Матеріалы церковно-славянскаго словаря (см. это слово).

usin album, которыми названы епископскія одежды,[1] очевидно наиболѣе драгоцѣнныя по своему узорочью. Вообще же древній міръ, близкій къ эпохѣ переселенія народовъ и основанія европейскихъ государствъ, зналъ узорочье не только въ высшихъ классахъ и въ культурныхъ странахъ, но и въ народѣ и у Половцевъ, какъ видно изъ „Слова о Полку Игоревѣ".[2]

Ткани въ древней Руси.

Итакъ, распространеніе шелка и дорогихъ тканей въ древней Руси не оставляетъ сомнѣній и легко объясняется ея близостью къ Востоку, Средней Азіи, Персіи и Византіи, иначе говоря, колоссальнымъ размахомъ торговли между Восточною Европою и Передней Азіею въ VIII—XII стол. Временное господство кочевниковъ въ Южной Россіи, какъ и ихъ смѣна, появленіе культурныхъ центровъ на Днѣпрѣ и Волгѣ — Кіевской Руси и Великихъ Болгаръ, — Хазарскаго царства и Тмутаракани, связи Крыма съ Византіею и торговыми пунктами Малой Азіи, все это создало въ предѣлахъ Россіи ту высокую культуру, которую знаемъ въ Кіевской Руси, а затѣмъ въ Суздальской.[3] Является особенно поучительнымъ, что въ могильникахъ Россіи мы встрѣчаемъ тѣ же орнаментальныя формы, что на шелковыхъ кускахъ изъ могильниковъ Кавказа и Семирѣчья,[4] какъ напримѣръ, въ раскопкахъ Самоквасова кургановъ Стародубскаго уѣзда Черниговской губ., Кіевской губ. Каневскаго уѣзда, группы Россавскихъ кургановъ (№№ 3664—3670, 3940, 3974—86 въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ).[5] Не входя въ подробности, которыя бы потребовали невозможнаго нынѣ изданія снимковъ съ многочисленныхъ тканей, скажемъ только, что мы видимъ здѣсь куски полотняныхъ и шерстяныхъ набоекъ съ кругами и внутри ихъ „крины" полевые, египетскихъ цвѣтовъ арабскаго періода, шелковыхъ галуновъ, тканыхъ съ золотомъ и серебромъ (sergé), великолѣпныхъ матерій съ орнаментами и даже фигурами (къ сожалѣнію, пока невымытыхъ и съ трудомъ различаемыхъ), часто персидскихъ рисунковъ, кусковъ камки коричневаго цвѣта съ темнолиловымъ рисункомъ круговъ, зигзаговъ, арабскихъ флероновъ. Все это

---

¹) Du Cange, v. Usis. Возможно происхожденіе отъ греческ. οὐσία = произведеніе, твореніе, особенно, если обратить вниманіе на выраженіе οἱ τῆς βασιλικῆς οὐσίας — царской фамиліи, Const. Porphyr. De Cerim. II, 21, p. 614 и славянскій переводъ: облаченъ во тварь цесарьскую.

²) Менѣе понятны, и пока необъяснены названія: бязь, дороги (во множ. ч.), но считаются также восточнаго происхожденія. Однако, возможно, что дороги (употр. въ XVI—XVIII в.) тоже самое, что дара — доровыя ткани, какъ называютъ ихъ въ Нижнемъ Новгородѣ старьевщики, отъ drap. d'or, подобно барышевой, какъ зовутъ другія ткани, вмѣсто broché, и т. п. См. у Марко-Поло drappi d'oro въ Персіи.

³) Н. П. Кондаковъ, Русскіе клады, I, 1896 г. Русскія Древности вып. V и VI. Проф. М. И. Ростовцевъ. Происхожденіе Кіевской Руси въ Современныхъ Зап. III, 1921.

⁴) Рисунки художника Н. Суслова для Археологической Комиссіи.

⁵) Изданы въ Русскихъ древностяхъ В. А. Прохорова: Находки Самоквасова въ курганахъ Стародубск. у. — 4 узорочья; его же, близъ Кіева — 2 узора; тканнаго покрова Андрея Боголюбскаго во Владимірск. Успенскомъ соб. — 5 узоровъ; изъ находокъ графа Уварова и Савельева въ Юрьев. иUžd. у. — 13 узоровъ, и такъ наз. Владимірскаго клада (съ вещами личнаго убора) — нѣсколько кусковъ.

требуетъ изданія оригиналовъ. Но, подобные куски найдены и въ Екатеринославской губерніи (№ 4996—7 тамъ же), Волынской, Коломенскаго у. Московской губ. (Ист. Муз. № 279), Калужской, Масальскаго уѣзда; особенно замѣчательны куски галуновъ и шелковой палевой ткани съ шитьемъ, Владимірской губ. (раскопки Нефедова), Ярославской губ. (Ист. Муз. №№ 1947, 2082, 2090 и пр.), Смоленской, Ельнинскаго у. съ геометрическими рисунками арабскаго стиля.

Одежды древней Руси.

На такой почвѣ понятно появленіе болѣе роскошныхъ въ художественномъ отношеніи тканей въ гробницахъ князей и великихъ князей Кіевской и Суздальской Руси въ періодъ IX—XIII столѣтій. Лѣтописи, Слова и Поученія говорятъ намъ о драгоцѣнныхъ одеждахъ, церковныхъ ризахъ и запонахъ, погребальныхъ покровахъ изъ бархата съ „золотымъ кружевомъ", „якоже достоитъ царемъ", о драгоцѣнныхъ „портахъ", т. е. штукахъ цвѣтной шелковой матеріи, которыми увѣшивали храмы въ праздникъ и, по византійскому церемоніалу, самыя улицы, до Золотыхъ воротъ, какъ въ Кіевѣ, такъ и во Владимірѣ. Правда, мы пока знаемъ только куски такихъ матерій, и рѣшительно не знаемъ въ точности церемоніальныхъ одеждъ и личныхъ уборовъ великихъ князей, князей и придворныхъ чиновъ до-монгольской Руси. Только по иконнымъ изображеніямъ можемъ мысленно возстанавливать такія одежды, какъ корзно, коцъ, кабатъ (виз. καββάδιον) луда, ортьма, перегъбъ, паволока (какъ накидка), византійскія тавліи, сустуги, временъ Ольги, япончи и пр., и если знаемъ, что такое армяки и кафтаны, плахты и поневы, сарафаны, то не можемъ, по прежнему, ограничиваться этнографическими сопоставленіями съ одеждами греко-римской древности въ Малой Азіи, но должны искать болѣе точныхъ историческихъ понятій. Ясно вполнѣ лишь то печальное обстоятельство для русской археологической науки, что въ настоящее время научныя соображенія по этому ея отдѣлу собственно не начаты, и врядъ ли возможно, на основаніи этнографическаго матеріала, строить наши представленія объ одеждахъ древней до-московской Руси: настолько часты и рѣзки были смѣны въ ней бытовыхъ формъ.[1] Такъ, ни мы, ни западные ученые не знаемъ точно, какую форму имѣло корзно, раннее средневѣковое crosna, crusina, и венеціанское crosina, и насколько вѣрно,[2] что это была верхняя одежда со множествомъ параллельныхъ складокъ и потому сверкавшая своими протканными золотыми нитями, причемъ эта одежда была подкладываема и мѣхомъ, какъ соболья кошуля. Изъ былинъ узнаемъ „снарядную одежицу" Чурилы Пленковича: „у рубашечки малешечки шелковеньки строчки строчены, одна чистымъ серебромъ, другая краснымъ золотомъ";

Одежды въ былинахъ.

[1]) Лучшій обзоръ извѣстнаго пока историческаго и археологическаго матеріала данъ въ изв. соч. Любора Генриховича Нидерле: Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život Starých Slovanů I, 2, 1913, Kap. IV., 405—528.

[2]) Такъ опредѣляетъ Рейске, комментаторъ Константина Порфиророднаго (стр. 186-188). [См. также Н. П. Кондаковъ. Изображенія русской княжеской семьи, стр. 43—45, 97.]

кунью шубу — „шуба струйчатой камки, ожерелье на шубѣ черна соболя“. Кафтанцы на дружинникахъ Чурилы „камчатые, однорядочки (т. е. тѣ же кафтаны) голубъ скурлатъ“ (смѣшеніе: скарлатъ — алый цвѣтъ) или „рудожелтой тафты тоненькой“. Но помнитъ былина и то, что въ древности носили платье цвѣтное (прибавляется: все русское): „У ней (Дюковой матушки) надѣто платье цвѣтное, на платьѣ подведена луна поднебесная, пекетъ красное солнышко, и свѣтитъ свѣтелъ мѣсяцъ, разсыпаются частыя, мелкія звѣздочки“. Но былина разсказываетъ больше о пуговкахъ на кафтанѣ Чурилы и Дюка, о шапкахъ мурманкахъ, колпакахъ или шляпахъ „земли греческой“ (итал. alla grecanica) — извѣстныя шляпы войлочныя съ большими козырями, высокія и остроконечныя, русскій мужицкій гречневикъ) —, сапожкахъ „зеленъ сафьянъ“ и т. п. Однако, представляется особо любопытнымъ такое двустишіе о кафтанѣ, который, въ шутку (въ былинахъ для усиленія впечатлѣнія) названъ „сермяжнымъ“, но въ которомъ „на правой на полынкѣ знамя царское, а на лѣвой полынкѣ персонушка“. Деталь, которая, по условіямъ русской исторіи, идетъ еще отъ древнѣйшей Руси, когда она была въ тѣсной культурной и политической связи съ Византіей, т. е. когда у князей и высшихъ придворныхъ чиновъ Кіевской дружины по византійскому придворному обычаю, на мятляхъ были такъ называемые тавліи, драгоцѣнные куски золотыхъ тканей, какъ разъ на обѣихъ половинкахъ, и въ знакъ особой пріязни „друзьями“ царя жаловались вышитыя эмблемы, а на передней полѣ, на мѣстѣ груди „царскій портретъ“, иногда исполнявшійся тончайшею перегородчатою эмалью.

„Регаліи“. Естественно, что къ „регаліямъ“ разнаго рода — вѣнцамъ царскимъ, облаченіямъ великокняжескимъ и княжескимъ и вообще „твари цесарьской“, какъ выражались въ древней Руси, было и у насъ нѣкогда большое вниманіе при дворахъ Владиміра, Ярослава и Владиміра Мономаха. Правда, что это вниманіе было ограничено тѣснымъ политическимъ кругомъ, появлялось, наростало и исчезало, и если переходило въ народъ, то лишь въ видѣ неясныхъ понятій и смутныхъ легендъ. Затѣмъ, трудности полученія высшихъ отличій при византійскомъ дворѣ IX—XI вѣковъ, засвидѣтельствованныя текстами сборника Константина Багрянороднаго, понятно, росли при тѣхъ условіяхъ отдаленія Кіева и Суздальской Руси, вызываемаго печенѣжскою или половецкою преградою для сношеній. Мудрая Ольга, хотя и была удостоена аудіенціи у Константина, какъ архонтисса, но долго „постояла въ Судѣ“ (т. е. въ Золотомъ Рогѣ = съ судѣ), въ ожиданіи пріема, и хотя получила разныя драгоцѣнныя, украшенныя эмалью блюда и золото въ даръ ей и свитѣ, но не была отличена титуломъ, а равно и ея приближенныя, какъ то дѣлалось для царей Болгаріи, Грузіи и пр. Между тѣмъ царская честь была Византіею столь искусно связана съ извѣстными регаліями и облаченіями, что полученіе ихъ отъ греческихъ царей недаромъ составило историческій терминъ (инвеститура) и стало на два,

три вѣка причиною и предметомъ жаркихъ происковъ, имитацій у себя дома и пр.[1]

Ткани изъ гробницъ князей.

Понятно, что археологическій интересъ къ находкамъ тканей въ гробницахъ князей древнѣйшей Руси, существовалъ еще во времена первыхъ кіевскихъ находокъ и рязанскихъ кладовъ въ началѣ прошлаго вѣка. Но ткани, оказавшіяся въ этихъ кладахъ въ видѣ истлѣвшихъ лоскутьевъ, не обратили на себя вниманія любителей древности, какъ драгоцѣнныя золотыя украшенія, причисленныя къ регаліямъ (бармы рязянскія) и остались безъ изданія. Уже болѣе вниманія оказала археологическая комиссія, наблюдавшая за реставраціею Владимірскаго Успенскаго собора (И. Е. Забѣлинъ) и найденныя въ немъ, въ гробницѣ Глѣба Владиміровича ткани, были даже срисованы (поверхностно и безъ пониманія стиля) для украшенія столбовъ на хорахъ собора. Куски этихъ тканей нынѣ хранятся въ соборной ризницѣ въ стекольныхъ рамахъ.

На первомъ мѣстѣ изъ этихъ тканей мы ставимъ куски съ изображеніемъ грифовъ[2] внутри большихъ круговъ, съ птицами по ободу ихъ и малыми львами по сторонамъ, при чемъ круги имѣютъ съ ободомъ въ діаметрѣ почти 0.33 м., а фигуры грифовъ до 0.21 вышины. Стало-быть, возможно, что мы имѣемъ въ этихъ кускахъ не одежду, но накидку или мятль, или даже покровъ. Цвѣта, сильно истлѣвшей отъ сырости, ткани поблекли, части потлѣли и осыпались, но легко различать красно-коричневую основу, мѣстами съ кирпичнымъ или вишневымъ оттѣнкомъ и затѣмъ мѣстами же синюю окраску головъ и ногъ. Повидимому это куски камки и исполнены только тканьемъ, что также идетъ скорѣе къ покрову. Болѣе сохранные остатки совершенно тождественной ткани, найденной въ Западной Европѣ позволяютъ установить полный рисунокъ нашей ткани, который выполненъ, явно, тѣми же красками. Тѣ же синія головы и ноги грифовъ, тѣ же синія коймы круговъ, тѣ же условности въ рисункѣ пальметки и птицъ по ея сторонамъ, тѣ же формы маленькихъ львовъ, лапъ и пр. Но, что для насъ особенно важно, тотъ же орнаментальный схематизмъ формъ въ крыльяхъ, въ переднихъ лапахъ грифовъ, почти одинаковой формы съ волосистою шишкою ихъ львиныхъ хвостовъ. Мы полагаемъ, затѣмъ, что коричневый цвѣтъ (даже бурый) и фона ткани и самыхъ грифовъ въ русской ткани происходитъ, отчасти, отъ грязи не вполнѣ смытой. Ткань русская имѣетъ восточное происхожденіе, но и другая, будучи тождественною, идетъ также изъ Египта: что доказы-

---

¹) См. о коронахъ Германской Имперіи и Венгріи разсужденіе въ моемъ соч. „О византійскихъ эмаляхъ“ и собраніи А. В. Звенигородскаго, 1890 г. По вопросу о передѣлкѣ „кесарскаго“ вѣнца Владиміра Мономаха въ царскій при Іоаннѣ Васильевичѣ см. въ соч. „Русскіе Клады“ т. I и „Русскія древности“, вып. V.

²) Куски были пересланы изъ Владиміра въ Спб., въ Имп. Археол. Комиссію и тамъ изготовленъ съ нихъ точный рисунокъ Е. Барсуковой. Вмѣстѣ эти куски въ ширину 22 верш., въ вышину, въ двухъ рамкахъ 12 и 9 верш.

вается грубыми красными кружками на тѣлѣ грифовъ съ желтою точкою внутри, какъ бы вспоминающими еще образцы древне-восточные. Сравнительно съ рисункомъ грифа на арабской ткани собр. графини Уваровой, нашъ рисунокъ грубъ, небреженъ, но болѣе характеренъ и живописенъ, тогда какъ арабскій, похожъ на тонкую гравюру и придаетъ совершенно иную могучую тяжесть львиному тѣлу грифа. Между тѣмъ, по времени и та и другая относятся явно къ XI—XII вѣкамъ, при чемъ весьма возможно, что покровъ для князя Глѣба былъ взятъ изъ дѣдовскаго наслѣдія. Но откуда такая разница въ сиро-египетскихъ мануфактурахъ времени — вопросъ большой и пока не разрѣшенный. Суть же дѣла въ томъ, что русская ткань и ей подобныя должны пока носить общій этикетъ „греко-восточнаго" дѣла, не константинопольскаго и не сарацынскаго (съ его сицилійскою вѣтвью).[1]

Изображенія грифа на тканяхъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ также и самая идея изображенія грифовъ на покровѣ. Грифъ (γρύψ)[2] — фантастическій образъ миѳическаго животнаго съ тѣломъ льва, но съ широкими крыльями и головою орла, затѣмъ уже въ древности съ птичьимъ гребнемъ, малою гривою льва, и ногами разныхъ типовъ, то львиными, то орлиными, при чемъ переднія лапы отличаются отъ заднихъ. Такое разнообразіе, видимо, соотвѣствуетъ разнымъ типамъ: египетскому, месопотамскому и персидскому, но смѣшиваются въ греческомъ искусствѣ и его вѣтвяхъ. Однако, даже въ средневѣковыхъ типахъ можно отличать чисто греческую фигуру грифа отъ персидскаго съ его выгнутыми крыльями и рогомъ, или двумя задними ногами орла, хотя и въ персидское искусство въ свое время была перенесена стройная фигура античнаго типа. Еще въ Месопотаміи миѳическій образъ сталъ чисто декоративнымъ съ характеромъ бодраго и неусыпнаго стража. Средневѣковый типъ столь же разнобразенъ, и въ немъ нужно также различать фигуру стража-грифа отъ фантастическаго чудовища, терзающаго животныхъ, бьющагося даже со львомъ и страшнаго для охотниковъ. Уже въ древности представляли себѣ грифовъ могучими стражами отдаленнаго сѣвера и охранителями его золотыхъ розсыпей, а потому грифъ сталъ, какъ извѣстно, главною эмблемою Пантикапеи, видной греческой факторіи, черезъ которую шло алтайское золото на югъ Европы, и изящный типъ пантикапейскаго грифа на монетахъ и утвари цѣликомъ перешелъ затѣмъ въ византійское искусство, тогда, какъ типъ персидскій сталъ арабо-египетскимъ. Напротивъ того, какъ сибирскія древности, такъ и венгерскія изображаютъ грифовъ персидскихъ съ рогами, терзающихъ

[1]) Кусокъ шелка съ головою грифа въ Кенсигтонскомъ Музеѣ (764), купленный за 30 фунтовъ стер., вполнѣ подобенъ нашей ткани. [Воспроизведеніе см.: Victoria & Albert Museum. A picture book of byzantine art, London 1926, 8.]

[2]) Точное изложеніе данныхъ по типамъ восточнымъ и греко-римскимъ см. въ ст. Фуртвенглера въ миѳологическомъ лексиконѣ Рошера. Имя вѣрнѣе отождествлять съ Kerûb. См. ст. Дюрбаха въ Dictionnaire des antiquites gr. et rom. Daremberg et Saglio.

сѣвернаго оленя или сохатую лань и пр. Уже въ средніе вѣка грифа связали, какъ имя особой орлиной породы, тѣсно съ понятіемъ могучей птицы, на Востокѣ съ „ногомъ“ (ногуемъ, перс. нухуд, лит. vanagas, чеш. noh), въ древней Россіи различали орла, нога и „морьского орла“, каковымъ сталъ грифъ. Повидимому, именно грифъ разумѣлся въ Россіи подъ именемъ дива, который „кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ и по морію, и по Сулію, и Сурожу и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскый блъванъ“ („Слово о Полку Игоревѣ“). Отъ книжниковъ идетъ гарафитъ, имя громадной и хищной птицы, уносящей животныхъ и звѣрей, и какъ птица ногуй, вьющей гнѣздо на 15 дубахъ.

Рис. 107. Ткань въ ризницѣ собора въ Сансѣ.

Именно въ этомъ смыслѣ охранителей сѣвера и его народовъ грифъ сталъ эмблемою его владыкъ-архонтовъ, а отсюда и великокняжескою геральдическою эмблемою. Пара грифовъ, какъ пара львовъ, является также эмблемою стражи; такъ, по сторонамъ колонны изображены во фронтонѣ, надъ входомъ въ акрополь Микенъ пара львовъ, при чемъ колонна означаетъ подпорку крыши при входѣ въ домъ. Львы и грифы, по необузданности, подымаются на дыбы, какъ потревоженная приходомъ стража, а мѣсто колонны занялъ впослѣдствіи стержень древа („древа жизни“).

Въ заключеніе разбора этой ткани скажемъ, что кромѣ различныхъ кусковъ въ европейскихъ собраніяхъ, ризницахъ и пр., неизвѣстнаго происхожденія, мы знаемъ остатки шелковаго покрова, или, какъ принято называть на западѣ, сударя (т. е. погребальнаго плата, въ который завертывался покойникъ ранѣе) еп. Бернара Кальво (1233—43 гг.) съ изображеніемъ богатыря, душащаго львовъ, въ Музеѣ г. Вича въ Испаніи; куски тканей съ двуглавыми орлами, на красномъ фонѣ (въ Ліонѣ), или же на свѣтло желтомъ (въ Берлинѣ, рис. 108). Кусокъ ткани съ птицами и газелями былъ найденъ въ гробницѣ Генриха VI въ Палермскомъ соборѣ. Извѣстны многочисленные куски со львами[1] и въ самой Ви-

[1]) O. von Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei, I, Abb. 133, 153, 161, 162, 193, 204; II, Abb. 238, 239, 240, 257, 261, 262, 269, 270, 271 и. т. д. J. Ebersolt. Les arts somptuaires de Byzance, fig. 37, 39; p. 78.

зантіи темы грифовъ, орловъ, павлиновъ были столь обычны, что имѣли свои термины: γρυπάρια, ἀετάρια, ταγηνάρια и, какъ узнаемъ изъ текстовъ Константина, были по преимуществу рисунками одеждъ царскихъ, кесарскихъ и пр. Вотъ почему грифъ сталъ явно геральдическою регаліею перваго чина византійскаго двора, а именно кесаря (которыми бывали братья царя и родственники, а за ними и приближеные сотрудники царя) и пр.

Ткань съ изображеніемъ гепардовъ.

Вторая ткань изъ гробницы кн. Глѣба Владиміровича драгоцѣнна, какъ образецъ, сохранилась въ такомъ маломъ кускѣ съ обрывками (0.15 шир., 0.16 выш.), что, повидимому, и въ гробницу она попала уже, какъ старый кусокъ, цѣнимый по его рѣдкости и древности, въ который была завернута святая или освященная частица. И, дѣйствительно, ткань представляетъ оригинальную персидскую шелковую и золотую камку (техники sergé), изъ золотистаго шелка, съ атласнымъ рисункомъ, въ видѣ шашечнаго фона, на которомъ полосами идутъ пары гепардовъ, по сторонамъ священнаго древа, а между ними у ихъ головъ пары птицъ (рис. 109). Судя по тому, что на шеяхъ гепардовъ и птицъ изображены обручики, можно видѣть ручныхъ гепардовъ и соколовъ. Тѣло гепардовъ покрыто кружками пятенъ, головы ихъ и птицы были раздѣланы золотыми нитями; фигуры гепардовъ, и особенно ихъ головы, отличаются полнымъ и еще живымъ натурализмомъ. Священное древо имѣетъ стволъ въ видѣ суставчатой пальмы въ томъ ея типѣ, который явился въ Византіи уже въ VI—VII вѣкахъ, а верхушка даетъ обычную пальметку. Представляетъ ли затѣмъ этотъ кусокъ персидскую ткань, или только ея арабское или византійское подражаніе, врядъ ли можно рѣшить, хотя оригинальность выдается здѣсь необыкновенною стильностью, а затѣмъ и тема рисунка, близкая пе-

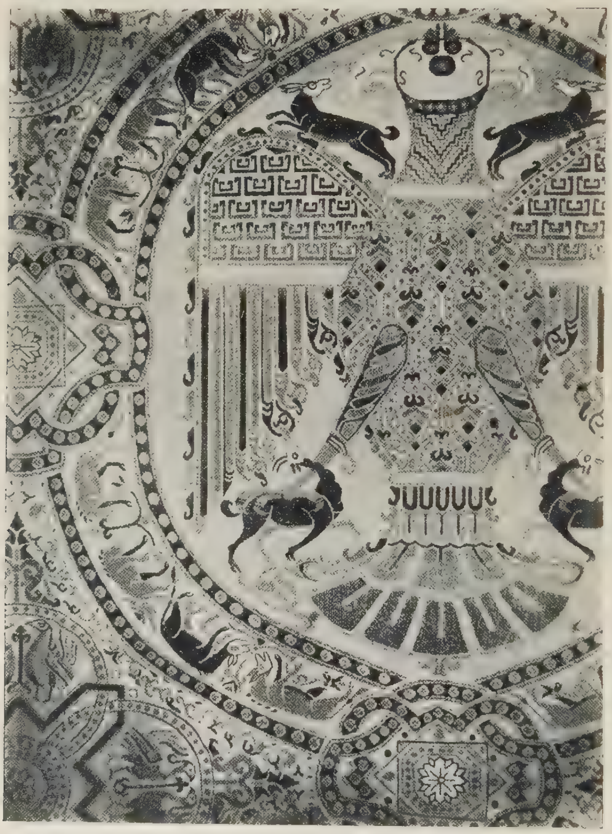


Рис. 108. Ткань изъ Кедлинбурга въ Берлинѣ (Худ. Пром. Музей).

Рис. 109. Ткань изъ Успенскаго собора
во Владимірѣ.

редне-азіатскому Востоку, съ его пристрастіемъ къ охотѣ, была уже чужда Византіи, но не была чужда Кавказу и Россіи.

Какъ въ сассанидскихъ рисункахъ, такъ и въ ихъ имитаціяхъ у арабовъ

извѣстенъ опредѣленный типъ такъ называемой „гонки животныхъ“[1]: ткани этого рода, или даже готовые изъ нихъ кафтаны назначались въ награду ловчимъ и сокольничимъ, и на нихъ поэтому изображались эти самые гепарды, гонющіеся за газелью (ср. рис. фрески въ Кіевской Софіи или византійскія миніатюры[2]), или охотникъ съ соколомъ (во множествѣ предметовъ убора на Востокѣ и на Кавказѣ).

Столь же любопытна, при всей своей простотѣ, третья ткань — шелковая тонкая тафта, съ разноцвѣтными полосками (по 0.6 м. шир.), на исподѣ пурпурно коричневая, на лицо желтая (охра), красноватая и зеленая, съ красными цвѣточками или розетками, или зелеными на красномъ фонѣ. Ткань сохранилась въ большомъ кускѣ въ шир. 0.53, въ дл. 0.20 и 0.27 и затѣмъ еще въ пяти кускахъ по 0.20 и 0.25. Трудно сказать для чего служилъ этотъ легкій пологъ.

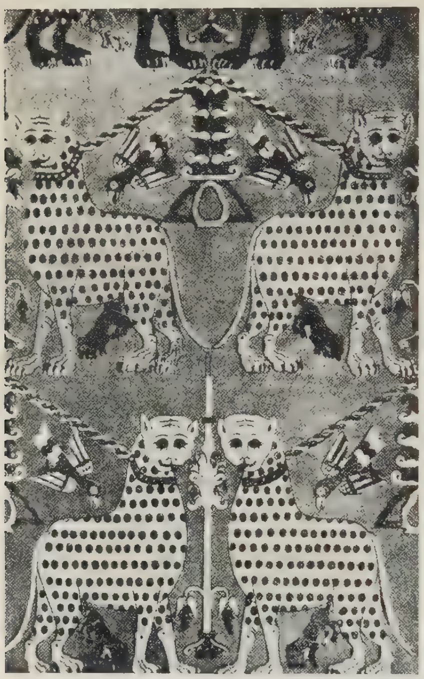


Рис. 110. Ткань въ Шинонѣ.

Наконецъ, изъ той же гробницы сохранены (не знаемъ, что было вынуто) нѣсколько пурпурныхъ (красно-коричневыхъ) и золотныхъ галуновъ и коемъ, видимо, отъ истлѣвшихъ рубашекъ или кафтановъ, коймы кафтановъ по 0.15 м. шир., другіе по 0.8 м. шир., и узкіе галуны золотной ткани съ парами птичекъ въ 0.3 м. шир., причемъ подобныя этимъ коймы и галуны встрѣчаются также въ кладахъ Черниговскихъ и Владимірскихъ. Коймы украшены по пурпурно-коричневой ткани шитьемъ съ рисункомъ зигзаговъ и разводами побѣговъ.

Ткани изъ старой Рязани.

Высоко любопытныя находки на мѣстѣ Старой Рязани дали рядъ остатковъ древнихъ тканей, вмѣстѣ съ прочими драгоцѣнными предметами личныхъ уборовъ княжескихъ и иныхъ, мужскихъ и женскихъ. Но, отчасти по винѣ времени находки, отчасти въ силу опредѣленныхъ провинціальныхъ задержекъ, лишь тѣ предметы княжескихъ уборовъ и замѣчательныхъ предметовъ иконнаго украшенія (такъ называемыя бармы), которые были пересланы въ Москву и помѣщены въ Оружейную Палату, были изданы и

[1]) Fischbach, Die Geschichte der Textilkunst, 1883, S. 52.

[2]) Н. П. Кондаковъ. О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора Зап. И. Р. Арх. О. III, 1888 г., 287—306.

стали извѣстны. Все прочее извѣстно только по краткимъ замѣткамъ,[1] которыя къ тому же почти не поясняются какими-либо снимками или рисунками. Тихоміровъ былъ, однако, замѣчательный для того времени археологъ и присяжный труженикъ, а равно и опытный знатокъ мѣстной исторіи и самъ открывалъ двѣ каменныя гробницы, оказавшіяся на землѣ Стерлигова въ развалинахъ, разрушенной еще при Монголахъ церкви. Но, такъ какъ въ этихъ двухъ гробницахъ было найдено шестнадцать человѣческихъ останковъ, то, хотя бы церковь и была соборомъ (во имя Бориса и Глѣба), а гробницы именно князей рязанскихъ, все же, очевидно, что найденъ былъ складъ останковъ, перенесенныхъ изъ разныхъ мѣстъ, и потому понятно, что изслѣдователь нашелъ здѣсь ткани уже въ видѣ „истлѣвшихъ лоскутьевъ“.

Рис. 111. Ткань въ Зигбургѣ.

Передаемъ списокъ тканей, повторяя описаніе самого изслѣдователя, и только подчеркивая найболѣе замѣчательные и характерные предметы, и черты:

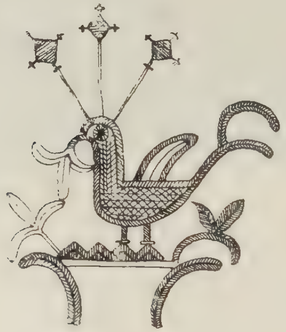
1. Сквозная шелковая матерія, съ шахматнымъ узоромъ, свѣтло-коричневая. 2. Золотая парча съ зелеными узорами. 3. Парча сквозная темно-желтая. 4. Шелковая вязаная матерія. 5. Шелковая плетеница, обшитая золотымъ позументомъ. 6. Тканая шелковая дымка, обвитая золотомъ. 7. Шелковая дымчатая, сквозная ткань съ узорами. 8. Золотая узорчатая камка. 9. Остатки шелковаго чулка. 10. Шелковая матерія темно-желтая. 11. Шелковая матерія темно-розовая. 12. Матерія шелковая съ мелкими складками. 13. Лоскутъ, похожій на атласъ. 14. Куски позументовъ.

Въ другихъ гробницахъ, по указаніямъ того же изслѣдователя найдено: 1. Золотая узкая повязка, перевитая, съ мелкими выпуклостями (аксамитная?).

[1]) Димитрій Тихоміровъ. Историческія свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Старой Рязани, съ рисунками открытыхъ ими древностей въ 1836 г. Москва. 1844. 48 стр. 5 литогр. табл.

2. Золотой позументъ, кажется, бывшій окладомъ (коймою?) покрова усопшаго. 3. Золотая сѣтка искусной работы, съ золотыми выпуклостями въ видѣ малыхъ пуговицъ. 4. Сквозная золотая ткань по дымчатой матеріи, изображающей грифоновъ. 5. Такая же матерія, представляющая золотомъ вышитыхъ или вытканныхъ сплетшихся змѣй. 6. Золотая ткань, представляющая драконовъ. 7. Такая же ткань, изображающая страусовъ. 8. Золотая ткань съ изображеніемъ крокодила. 9. Такая же золотая ткань, изображающая четвероногое животное въ родѣ грифона. 10. Изъ такой же золотой ткани двѣ птицы, неизвѣстно, къ какому виду принадлежащія. 11. Сверхъ того лоскутъ золотной парчи съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Спасова Образа.

Надо ожидать изданія этихъ удивительныхъ „лоскутьевъ", чтобы судить о замѣчательныхъ чертахъ древне-русской культуры, которыя имѣютъ въ этихъ тканяхъ обнаружиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, припоминая, сколько было у насъ за удѣльный періодъ князей и великихъ князей, и сколько сохранилось еще драгоцѣнныхъ лоскутовъ, надо ждать, что придетъ то время, когда русская археологія, а черезъ нее и обще-европейская средневѣковая, будутъ поставлены вполнѣ научно въ этомъ ихъ замѣчательномъ отдѣлѣ.



УКАЗАТЕЛЬ

Составилъ Н. В. Кузьминскій

А

Аахенъ, соборъ 78. Ризница с-а 346.
Аба 229, 265, 277.
Абаканская степь 15.
Абоба-Плиска 86, 90, 120, 121, 129, 132.
Абрикосовый цвѣтъ 238, 394.
Авары 9, 44, 61, 65, 119, 202, 227, 230, 245, 257.
Аввы 202.
Авгуріи 276.
Августа 206, 207, 213; А-а дарила пурпуръ, благовонія 206.
Августея портикъ (Золотая Рука) 200, 213; триклинъ 195.
Августинъ Блаженный 98, 109.
Августъ 181, 185, 192. Римскіе а-ы 192.
Авдіи 275.
Авессаломъ 262.
Авіи 6.
Авлистъ. Авлиты 216.
Авраамъ 8, 96.
Авраамъ авва (икона а-ы А-а) 125.
Авсень (припѣвъ) 69.
Австріи дворъ 290.
Автократоръ 192, 265.
Агапа 196.
Агаряне 202, 204, 229.
Агасѳеръ 138.
Агатъ 203.
Агаѳій 206.
Аггѣевъ, художникъ 293.
Агнецъ 153. А-ъ съ престоломъ 96.
Аграріи 207.
Аграфъ 266, 278. А-ы металлическіе 230.
Адамашка (камка изъ Дамаска) 352.
Адамъ и Ева 137.
Аджямъ (иноземщина, Персы) 242.
Аднуміастъ великій 191.
Аднуміасты 191.
Адонисъ 324.
Адріанъ II папа 353.
Адріатическое побережье 351.
Азбуковники (русскіе) 162.
Азербейджанъ 247.
Азіатскій Востокъ 125, А-ая культура 309; переносъ формъ а-ой к-ы 227. А-ій (старо) міръ 150. 151. А-іе народы.
Азія 5, 6, 8, 9, 10, 15, 17, 18, 22, 23, 27, 28, 30, 42, 61, 62, 66, 74, 77, 103, 110, 116, 123, 151, 163, 308, 310, 349. А-я Восточная 318. А-я Западная 111, 308, 314. А-я Малая 54, 65, 102, 122, 134, 169, 183, 305, 354, 355. А-я Передняя 3, 25, 61, 101, 127, 143, 170, 289, 309; Пер. А-и государства 116. А-я Средняя 7, 14, 35, 41, 61, 64, 75, 89, 136, 170, 175, 241, 246, 288, 336, 339, 351, 353, 354; діаспора Ср. А-и. 328; промышленность Ср. А-и. 303, 311. А-я Сѣверная 102. А-и страны 110. А-я Центральная 52, 74, 161, 310, 320, 333. А-я Южная 52.
Азовское море 69, 122.
Азямскій (персидскій) 242.

Азямъ 241, 242.
Айва (квитовое яблоко) 310.
Аиръ (тулья) 219, 220.
Аистъ 157; а-а голова 134.
Айналовъ Д. В. 185.
Академія Художествъ 175.
Акакія 204, 221.
Аканѳъ 127, 304, 311, 312, 316, 318, 319, 320. Листва, листокъ, листья а-а 81, 113, 127. Побѣги (орнаментальные) а-го листа 94. Цвѣтокъ а-а 81.
Акваманиле 141.
Аквилея 112.
Акинакъ 18, 35.
Аккувитовъ 19-и вечеръ 68; залъ 190, 202, 204, 212, 271; триклинъ или столовая 190.
Аккувиторы 190.
Акмечетскій курганъ 41.
Аколуѳъ(ы) 188; 268.
Акривологія 180.
Акробатъ(ы) 78, 213, 216.
Акрополь Микенъ 359.
Акростихи 68.
Акротеріальная форма орнамента 318.
Аксамитъ 352, 363.
Актеръ 248.
Актологіи(й, я) 194, 196, 251, 271. А-я дима(овъ) 183, 195, 197.
Актриса 248.
Актуаріи 191.
Аланія 71.
Аланы 5, 9, 44, 63, 65, 66, 70, 71, 119, 202, 227, 287.
Албанія 71.
Алебарды 272.
Александрія 62, 149, 327, 338. Издѣлія А-и 243. Фабрики А-и 350. Эмблема А-и 347.
„Александрія“ (романъ) 92, 136, 137, 138, 156, 296.
Александрійская литература 152. А-я мануфактура 302, 303, 304—5, 306, 328, 338, 339, 349. А-я традиція въ тканяхъ 322. А-ія льняныя издѣлія 292. А-ія ткани 321, 333, 346.
Александропольскій курганъ 21, 24, 31, 32, 33, 36, 53, 54, 161.
Александръ, императоръ византійскій 205.
Александръ Македонскій (Великій) 13, 58, 59, 92, 103, 105, 136, 137, 138, 139, 147, 151, 305. Походъ(ы) А-а 147, 172.
Алексѣй Комнинъ, имп. виз. 181, 191, 194.
Алжиръ 123.
Алконостъ 156.
Аллегорическія темы 123.
Аллеи декоративнаго характера 121.
Алпатовъ М. В. 125.
Алтабасъ 352.
Алтай 6, 7, 8, 16, 20, 22, 24, 44, 45, 52, 241, 352.
Алтай-ханъ (духъ, демонъ) 16.
Алтарная преграда 196.
Алтарь 107, 119, 196, 225. А-ь Феба-Аполлона 312.
Алціонъ 157.
Амазонки 254. А-окъ фигуры 253.
Амастріаны 198.
Амвонъ 226.
Аметисты 73.
Амида 118, 119, 144.
Амміанъ Марцеллинъ (Ammianus Marcellinus) 9, 12, 100, 185, 194, 299.
Аму-Дарья 26.
Аму-Дарьинскій кладъ 21, 53, 161.
Амулетъ(ы) 22, 23, 30, 57, 58, 71, 141, 145, 146, 288. А-ы ритуальные (драконы) 145.
Амурчиковъ типъ 253.
Амфибіи 144.
Амфора 18.

Анагита (культъ А-ы) 14—15.
Аназъ (видъ носорога) 164.
Анаилъ архангелъ 99.
Анаксириды 130, 276.
Ананьинскій могильникъ 53, 60, 69.
Анастасій бібліотекарь 85.
Анастасій, византійскій императоръ 66, 179, 232, 300.
Ангелъ(ы) 97, 99, 100, 238; а-а образъ 97; а-овъ культъ, почитаніе 97, 98, 101.
Ангелы-архонты, вожди эоновъ 100.
Англія 165. Дворъ А-іи 290.
Андалузія 118.
Андреева М. А. 179, 181, 190, 191, 213.
Андроникъ II Палеологъ (старшій), виз. императоръ 282.
Андроникъ III Палеологъ (младшій), виз. императоръ 119.
Анексикакія 269.
Анимизмъ 10, 11.
Анна Комнина 219, 296.
Антаблеманъ великій, Золотого триклина 201.
Антикъ 86, 130, 135, 152. А-ъ греко-римскій 123, греческій 72, 201, римскій позднѣйшій 129.
Антилопа(ы) 93, 154, 155, 170.
Антиноя 304, 311, 320, 331. Ткань изъ А-и 307, 312, 333, 336.
Антипасха 208.
Античная традиція 88. А-ые памятники 159, сюжеты, темы 86, типы 70, 161, 239.
Антіохія 328.
Анучинъ Д. Н. 57, 58, 59.
Анѳипатъ(ы) 179, 183, 195, 197, 204, 205, 207, 236, 300.
Аорсы 70.
Апокалипсисъ Іоанна Богослова 97. Толкованія А-а 92.
Апокомбій 196, 197, 205, 207, 217.
Апокрифическія сказанія 159.
Аполлинарія Новаго Св., церковь въ Равеннѣ 113.
Аполлонъ 2, 34, 84, 309. Статуя А-а 2. Феба-А. алтарь 312.
Апостолы 111, 152, 202.
Апостоловъ, храмъ Свв. 205, 220, 236, 276; праздникъ 270.
Апотропей 23, 30, 31, 57, 71, 161.
Арабески 77, 165, 174, 175, 177; звѣриныя 167.
Арабо-византійскія стеклянныя издѣлія (въ Истор. Муз. въ Москвѣ) 162. Арабо-сарацинское искусство Египта. 339.
Арабскія издѣлія 349. А-я имитація персидскаго оригинала 351; А-я культура 174. А-я схематизація персидскихъ типовъ (въ тканяхъ) 305.
Арабы 116, 175, 176, 290, 313, 350, 351, 361. А-ы Сициліи 176. А-ы Суданскіе 164.
Аравія 110, 111.
Араксъ 42, 43.
Аргалы, монгольскіе 73; (на тканяхъ) 329.
Аргамакъ 54, 88, 241.
Аргиръ 196.
Аргосъ 313.
Ареѳа, царь эфіоповъ (у Ѳеофана) 277.
Ариманъ 12, 147, 148; слуга А-а 147.
Аримаспы 29, 102, 103.
Аристиппъ философъ 276.
Аристотель 151, 157, 160.
Аркады 218.
Арки, завѣсы а-окъ 303.
Армелавсіи 275.
Арменія 7.
Армякъ 355. А-ъ русскій 264.
Армяне 65.
Арсакиды 10.
Артемида Персидская 19, 23.
Артисты 202, 213, цирковые 215.

Арфа 216.
Архангелы 96, 99, 100, 101. А-овъ фигуры 95. А-ъ четырехъ изображенія 14.
Археологическая Комиссія 4, 70, 339, 354, 357.
Археологія (археологическая наука) 2, 3, 61, 115, 163, 302. А-я доисторическая 25. А-я древняго искусства и культуры 3. А-я классическая 2, 3, 304, 327. А-я русская 337. А-я средневѣковая 327, с-ой Европы 302.
Архимандриты 282.
Архистратигъ Михаилъ (день А-а М-а) 270.
Архитриклинъ 180.
Архіепископъ Константинополя 202.
Архонтисса (Ольга) 213, 214, 356. А-ы (Ольги) племянникъ 213—214.
Архонтиссы 213.
Архонтъ великій 191.
Архонты 68, 192, 193, 199, 265, 267, 270, 272, 300, 359. Облаченія а-овъ 348.
Архонты-ангелы 100.
Архонты арміи 203. А-ы кувуклія 220.
Арчакъ 287.
Аскетъ-схимникъ египетскій 125. Аскетическій овалъ схимника 125.
Асока 75.
Аспарухъ, ханъ Болгарскій 129.
Аспидохелъ 158.
Аспидъ 138, 149, 158, 159, 168.
Ассирійская имперія 267. А-ій типъ крылатаго быка 161.
Ассиріологія 2.
Ассирія 2, 3, 18, 19, 21, 25, 28, 30, 36, 50, 64, 101, 125, 134, 160, 300, 314, 330.
Ассиріяне 26.
Ассурбанипалъ 20.
Ассуръ, Ашуръ 28, 117.
Астарта 117.
Астрологія 12.
Атергатисъ 26.
Атласъ 353, 360. А-ъ багровый 268, бурской 353.
Атлеты 196, 208.
Атраватика 300.
Аттила 9, 11, 14, 44, 65, 231. А-ы сынъ 85.
Аттическая ваза 239.
Аулъ 71.
Аусфельдъ 138.
Афрасіабъ 8, 12, 147.
Африка 62, 151, 163, 288, 349, 351. А-а Сѣверная 288.
Афродита 117.
Ахмимъ 301, 304. Ткань изъ А-а 321, 322.
Аэролитъ 151.
Аѳина 32, 34.
Аѳины 34, 108, 313.

Б

Баберъ, Джахиръ-Мохаммедъ, монгольскій ханъ, Великій Монголъ 247, 285, 286.
Бабы каменныя 15. Половецкія могильныя б-ы 62.
Баварцы 299.
Багдадъ 108, 119, 144.
Багдадскій дворъ 278.
Багоръ 297.
Базилевскаго коллекція въ Эрмитажѣ 78.
Базилика(и) Св. Марка въ Венеціи 114. Св. Зенона въ Веронѣ 162. Сиріи, Египта 123.
Бактрія 7, 44.
Балаганы 94.
Балдахинъ(ы) 195, 303. Надгробный б-ъ Майкопскаго кургана 22.
Балдуинъ, латинскій императоръ 225.
Балканы, Балканскій полуостровъ 62, 66, 85, 89, 90, 92, 101, 122, 124, 125, 131, 317, 339, 345, 351. Б-ы средніе 85.

Баллюстрада(ы) 107, 198, 217; украшенія б-дъ 121.
Бамбергъ 173. Соборъ въ Б-ѣ 220.
Бандура 68.
Бандуристы 68.
Банки металлическія (для культивированія растеній) на тканяхъ 322.
Баньщики 188.
Баптистерій Равеннскій 154.
Барабанъ, металлическій 92. Б-ъ шамановъ 15, 16.
Баранчики 34.
Баранъ 25, 31, 75, 76, 168; коловіи съ б-ами 270; б-ъ (ы) на тканяхъ 270, 341. Б-ы съ человѣческой головой 134.
Барельефъ, ы 87, 90, 107, 112, 121, 122, 153;
ассирійскіе 115, 136;
базилики Св. Марка въ Венеціи 114;
въ Богазъ-Кёй 116;
египетскіе (временъ халифата) 122;
мавританскіе 122;
персидскіе 136;
романскіе 165, 168;
въ Софіи (съ цирковыми играми) 90—94;
изъ Старой Загоры: съ грифомъ 106—107, 119;
съ двуглавымъ орломъ 119;
со львомъ 107—108, 119;
съ павлинами 108, 112—115, 119;
въ Сузахъ на дворцѣ 102.
Бармы 185, 362. Рязанскія б-ы 357.
Баронъ венеціанскій, съ соколомъ 261, 266.
Барсукова Е. Н. 339, 357.
Барсомъ, баресманъ (магическій жезлъ) 12.
Барсъ(ы) 31, 42, 53, 71, 74, 153. Б-ъ(ы) ручной(ые) 88, 148. Б-ъ грызущій козла 42. Б-ъ схватившійся съ дракономъ 42.
Бартоло, Таддео ди 255.
Бартольдъ В. В. 229.
Бархатъ 231, 265, 268, 284, 351, 355; золотой 265, рытый (брокатъ) 225, сирійскій 350; черный 301; шелковый 352, 363.
Баскакъ 171.
Басни 160; о крокодилахъ 149; о правахъ звѣрей и т. п. 154.
Бассейны 75.
Бастаръ, графъ де (Comte de Bastard) 268.
Баусень (припѣвъ) 69.
Бахрамъ 44.
Бахрома 73, 228, 278, 287, 288; б-ы пурпурныя 297.
Башлыкъ 18, 222, 233, 240, 259; кавказскій 52; пристяжной къ кафтану 262; накидки съ б-ами 264; б-ъ проэдра синклита 251.
Башня, надъ воротами усыпальницы китайскихъ императоровъ 120.
Бегемоты 159.
Бедуины 6, 290.
Безрукавка 228.
Безсмертіе души (у гностиковъ) 100.
Бенешевичъ В. Н. 181, 195.
Беренштамъ Ѳ. Г. 175.
Береты Италіи 281, красные 282.
Берлинъ 125, 345, 359.
Хухожественно-Промышленный музей 299. Ткани Х. П. М-я 321, 322, 328, 345, 346, 360.
Этнографическій Музей. Фреска изъ Кизила 330.
Бернаръ Святой 167.
Бернаръ Кальво, епископъ 359.
Бесленеевская станица (Куб. обл.) 140.
Бестіарій 92, 107, 152, 156, 157, 165, 326.
Бестіаріи, содержатели звѣрей 91.
Бесѣды на Дѣянія Апостольскія Іоанна Златоуста 149.

Бетель 320—322.

Бешметъ 247.

Библія 8, 108, 137, 148, 149, 158, 159, 163, 323.

Библейскія сказанія 149.

Бивень 161.

Бирюза 50.

Бирюзовый свѣтъ шапокъ 219.

Бирюзовыя вставки 74.

Бисеръ 80.

Битва грифа съ носорогомъ 85; дракона съ фениксомъ (на коврахъ) 170. Б-а со змѣемъ (на монетахъ) 172. Б-ы съ медвѣдями (на плитѣ въ Софіи) 91.

Благовонія 198.

Благовѣщеніе 271, 273, 291; на ткани Латеранскаго клада 253.

Благопожеланія царю 202, 291.

Блохи величиною съ жабъ 137.

Блюда: драгоцѣнныя 276; поливныя съ изображеніемъ льва 108; сассанидскія 49, 88, 90, 143, 241, 242, 243; серебряныя въ курганахъ 19; чеканныя большія изъ складовъ вестіарія дворца Каріана 201, малыя 201; съ эмалью 356.

Блюдо поливное изъ Херсонеса 172.

Бляха 22, 53; б-и бронзовыя 41; золотыя 33; круглая 53; б-и инкрустированныя круглыя 215; ряды металлическихъ б-хъ 286. Бляшка(и) 21, 74, 77, 85; съ головой Аполлона 84; выпуклыя греко-римскія 84; въ видѣ головы барана 69; золотыя 26, 32; круглыя 80; наушныя 134; одеждъ 83; орнаментальныя 30; покрова 161; символико-орнаментальныя сарматскихъ могилъ Кубани 30; скиѳскія 30. Александропольскаго кургана 139; бронзовая съ 2-мя драконами изъ могильника бл. Уфы въ Истор. Муз. 141; золотая Геремесовскихъ кургановъ 240.

Боболевъ кутазъ, хвостъ 288.

Бобринской графъ А. А. 26, 155, 217, 230, 241.

Бовеша о пяти ногахъ 136, 137.

Богавъ-Кёй 116.

Богатства Востока 177.

Богатырь 148, старшій 41.

Боги 98, 99, 173, 174.

Богиня(и) земли 22; плодородія, смерти 117; солнца и луны 59.

Богоматерь на миніатюрахъ 297.

Богословіе 159.

Богослуженіе 272.

Богъ 92, 98, 99, 100, 115, 174; верховный 99; высшій владыка всѣхъ б-ъ 14; образъ Б-га Слова 111; б-гъ солнца 59, 111.

Бодэ, Вильгельмъ (Wilhelm v. Bode) 169, 170.

Божескія, вѣстники, слуги, существа 116.

Божества: второстепенныя 99; египетскія 134; женскія 116.

Божественная сила 98.

Божественнаго героя культъ 88.

Божество 98, 111; солнечное 117.

Бокъ В. Г. 342.

Бокъ, Францъ (Franz Bock) 78, 302, 346, 347.

Болгарія 21, 62, 82, 87, 94, 119, 120, 122, 124, 129, 135, 139. Цари Б-и 119, 356.

Болгаринъ палачъ (на миніатюрѣ) 230.

Болгарская Народная Библіотека 136.

Болгарская держава 129; научная литература 91; орда 106.

Болгарскіе друзья (= друзья болгары) 202, 347.

Болгарскіе жупаны, ханы 130. Б-ій царь 219.

Болгарское царство 118, 121. Первое б-ое ц-о 101, 130.

Болгары 11, 61, 76, 90, 93, 119, 125, 131, 204, 229, 287; кочевые 230.
Болгары Великіе 69, 80, 81, 146, 354; развалины В. Б. 80.
Болеславъ, князь Польскій 173.
Большая Шурань 75.
Бориса и Глѣба, свв. князей икона 348.
Борисъ Александровичъ князь Тверской 150.
Борисъ Ѳеодоровичъ (имя на сѣдлѣ) 287.
Борка 284.
Борнео 164.
Боровка Г. И. 18, 48, 55.
Бородатые 273, 279.
Бороды день появленія 207.
Борцы 78, 92, 93; со звѣрями 91.
Борьба 51, 92, 93; со звѣрями, съ медвѣдями 91.
Боспоръ, Босфоръ 48, 83; Киммерійскій 3, 34; Б-ское царство 33, 89.
Босфоръ (Ѳракійскій) 183, 311.
Браманы, брахманы 12, 15, 137, 139; ученіе б-овъ 12.
Брандтъ А. Ф. 137.
Браслетъ(ы) 18, 67, 73, 74, 80, 134, 276; бронзовые 79; золотые 267; Чулекской находки (латинская надпись на немъ) 216.
Братаніе воинское 172.
Бремъ, А. 163, 164, 347.
Бретань 335.
Брокатъ 225, 266.
Бронза 53, 57, 71, 142; арабская 162; Б-а Музея Чернуски (ваза) 145, 147; Б-ы Кавказскія начала средневѣковья 245; пермскія 59.
Бронзовая культура 24.
Брошь — фибула овальная 79.
Брѣзово 82, 84, 85; Б-ская могила 84.
Брюссель 79.
Бубенцы 71. Бубны 216.
Будда 10, 320; Б. Гаутама 75.
Будякъ (= аканѳъ) 319.
Букетъ сакральный 253.
Буколки серебряныя 79.
Булава 116, 285, 295; оправа б-ы 140.
Булла золотая Балдуина 225.
Бумъ-Эрдени, богатырь 13.
Бунтъ „Ника“ 89, 112.
Бунчукъ 19, 20, 26, 295; оправа б-ка 140; б-ъ съ хвостомъ конскимъ 248.
Бургундія 263.
Бургундскіе художники миніатюристы 255.
Бурка, и 266; кавказская 240.
Бурнусы 301.
Бурская камка, 352; б-ой атласъ 353.
Буслаевъ Ѳ. И. 103, 133, 165, 167.
Бусы 33, 57.
Бутонъ пальметки 121; цвѣтка 127.
Буффонады 91,
Бухара 19, 169.
Быкъ(и) 22, 23, 25, 31, 32, 33, 50, 51, 52, 58, 70, 71, 92, 151, 152. 153, 163, 170, 336; античный типъ б-а 70; головы б-овъ 23, 33; индійскіе б-и 160, (бычки) 311, горбатые 329; крылатый 22, 161; рисунки б-въ 252; б-и на скарамангіяхъ 252, 301; на тканяхъ 252, 326, 329; на цилиндрѣ вавилонскомъ 314.
Бытія книга 8, 137.
Бытъ 73, 91; Византіи 61; восточный 177; древнеславянскій 62; древній 172; кочевниковъ 121; кочевыхъ народовъ 119; ордынскій 121.
Бѣга 210; въ ипподромѣ 205, 206.
Бѣгуны 212.
Бѣдные 203; 12 б-хъ, приглашаемые на пиры 236.
Бѣдняково, курганъ у с. 85.
Бѣлорѣченская станица 343.
Бѣлоризецъ 291.

Бѣлый цвѣтъ 294; б-я облаченія, одежды 203, 204, 275, 289—293, 294, 295, 296.
Бѣль 353.
Бѣляевъ Д. Ѳ. 178, 183, 188, 196, 197, 198, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 218, 220, 221, 222, 223, 225, 226, 232, 234, 265, 267, 269, 272, 284.
Бѣляевъ Н. М. 223, 224.
Бэръ, академикъ 69.
Бюстъ римской императрицы, рѣзной въ халцедонѣ на діадемѣ новочеркасскаго клада 72.
Бязь 354.

В

Ваагенъ 263.
Вавилонъ 50, 125, 151, 158, 313, 314, 323, 330; в-іе жезлы 323; в-ій плѣнъ; вавилоняне 26.
Ваза(ы) бронзовая Музея Чернуски, Парижъ 145.
Собранія Е. Мейеръ, Нью-Іоркъ 145.
съ водой и двумя голубями по сторонамъ 326.
Куль-обскія 34.
на рельефахъ 113, 114.
росписныя 305.
серебряная, Чертомлыцкаго кургана 19, 34.
эллинистическія 75.
Энтемены 117.
Ваій, праздникъ 314.
Валентъ, императоръ 61, 227.
Валеріанъ, императоръ 87.
Валтидій 271, 274.
Валье, о. С. 46.
Вальсамонъ 278.
Вандалъ 66.
Варваризація облаченій византійскаго двора 264, 231—264.
Варваръ(ы) 29, 30, 65, 67, 83, 86, 89, 91, 93, 147, 184, 192, 198, 245, 253, 264, 274, 275, 276, 277, 336, 337, 346, 347, 349; варварство 91; в-ій бытъ 215; в-ія вещи 67, 82; в-ій вкусъ 74; в-ство вкусовъ 90; в-іе вожди 106; в-ая Германія 86; в-а голова на бляшкахъ 33; в-ія древности 51, 53, 73, 74, 83, 86, 104, 135; в-о европейское 63; в-ы кочевые 79; в-овъ міровоззрѣніе 150; в-ій міръ 61, 134, 152; в-ія моды 61, 303; в-ія народности 85; в-іе народы 64, 250; в-ія нашествія 303; в-іе образцы искусства 145; в-ъ плѣнный; в-ія поселенія 83; в-е роды 66; в-ій рынокъ 307; в-о-скиѳскій типъ 145; в-ы союзники 230; в-ы средневѣковые 135; в-ія темы 86; в-іе(й) типы(ъ) 75, 142; в-ія фамиліи 66; в-ая форма 140; в-ій характеръ 34; в-ій художественный вкусъ 61; в-ства черты 194; в-ія шапки 295; в-ы южно-русскихъ степей 85.
Вардаріоты 192; в-овъ шапки 352.
Вардаръ, рѣка 192.
Варны, музей 130.
Варронъ 15.
Варяги 29, 202, 229, 353.
Василевсъ 181, 193.
Василеопаторъ 181, 187.
Василики 236.
Василискъ(и) 135, 149, 151, 158, 159,
Василій Великій Святой 157.
Василій I Македонянинъ, императоръ византійскій 180, 189, 190, 194, 205, 265, 353.
Василій II Болгаробойца, императ. визант. 194.
Василій Комненъ, Трапезундскій 118.
Василій, незаконный сынъ Романа Лекапина 190.
Василій I Димитріевичъ, вел. князь русскій 172.
Васильевъ, А. А. 66, 71.
Ватиканъ, ткань Латеранской сокровищницы 315, 316.

Векша 215.
Великая Суббота 274.
Великая Церковь 269, 273.
Великіе князья 106, 181.
Великій Моголъ 21 (см. Баберъ); В-го М-а имперія 247.
Великій триклинъ 19 столовъ 68 (см. аккувитъ).
Величанія 191.
Велковъ И. 91.
Вельможи изъ Руссовъ 229; русскій 231.
Вельможа 205, 206, 218, 261.
Венаторъ, ы (venatores) 91, 93.
Венгрія 43, 48, 53, 62, 64, 67, 75, 77, 83, 104, 135, 142, древности В-и, венгерскія, венгровъ 62, 75—77, 358; клады В-іи 62.
Венгерская корона 219.
Венгры 53, 61, 65, 76.
Венера (богиня) 91; (планета) 99.
Венеты 68, 89, 196, 210, 211, 212.
Венеціанская область 266.
Венеціанцы 260.
Венеція 104, 105, 112, 113, 114, 122, 301.
Вепрь(и) 52, 152, 153, 161, 200.
Верблюдъ(ы) 120, 143, 176; в-ы колмолые 136.
Вербная недѣля 236.
Веретена 18.
Верещагинъ В. В. 46.
Верманъ, К. (K. Woermann) 55, 61, 62, 63, 86, 302, 310.
Вернадскій Г. В. 193.
Верхній Рогачикъ, бляшка изъ кургана 83.
Веселовскій, А. Н. 69, 206.
Веселовскій, Н. И 140.
Вестготы 66, 67; в-ія (в-хъ) царей короны 62, 220.
Веститоры 194, 195, 271.
Вестіаріи 191.
Веттерсфельдъ, кладъ изъ 25.
Ветхій Завѣтъ 97.
Вечелліо Чезаре, альбомъ 245, 246, 258, 261, 266, 288.
Вещи: греческаго, греко-римскаго стиля 54;
золотыя: со вставными гранатами изъ Керчи 80; изъ могилы въ Панагюрище 84; вѣшавшіяся для украшенія дворца 200;
Кіевской области 67;
Кобанскія 71;
металлическія съ костища бл. Перми 57;
Пермскія 60;
Сибирскія 52, 53, 54;
Черниговской области 67;
эмалевыя: вѣшавш. для украшенія дворца 200; IX—X в. 201.
Виварини Антоніо 263.
Византія 9, 23, 25, 29, 43, 44, 52, 61, 62, 65, 66, 71, 72, 88, 90, 91, 93, 103, 106, 116, 118, 119, 121, 122, 129, 144, 149, 163, 177, 180, 181, 185, 187, 189, 190, 193, 194, 198, 201, 208, 212, 213, 214, 216, 219, 223, 227, 233, 236, 248, 250, 252, 253, 255, 259, 264, 265, 268, 269, 275, 276, 277, 278, 280, 281, 283, 286, 287, 288, 293, 295—299, 306, 316, 327, 331, 332, 335, 337, 338, 346, 349, 350, 351, 353, 354, 356, 360, 361. В-ій дворецъ 179, 332 (см. это слово); дворъ 65, 178, 181, 192, 208, 227, 230, 250, 265, 278, 356; в-ая держава 90; имперія 53, 64, 89, 94; в-ое искусство 49, 103, 131, 132, 162, 250, 255; в-ая кавалерія 242; в-ій костюмъ 248; в-ая мануфактура 305, 330; в-ія монеты 71, 77; миніатюры 223, 333; мастерскія 89, 302, 347 (см. это слово); моды 303, в-ое общество 65; в-ія одежды 178, 301, 303; в-ій

орнаментъ 321, 330, 333; в-ія реаліи 251; в-іе типы украшеній 77; в-ія ткани 302, 303, 304, 322, 326, 328, 329; в-ій фаръ (одежда) 266; в-ія формы бытовыя 251. Византійцы 65, 66, 79, 176, 233, 277, 281.

Викаріи 209.

Викингъ 41; в-овъ эпоха 61.

Вилъ(ы), 182, 195, 197, 218.

Вильгельмъ, мастеръ 262.

Вильсонъ 30.

Виноградъ 113, 215; в-ная лоза 312; 316—318; побѣги в-й л-ы 123; усикъ в-й л-ы 304; „виноградья" пиръ 68.

Виночерпій 191, 239, 295.

Вирши 68, 69.

Висковатовъ 266, 288.

Витсенъ, Ник. 52.

Витязь 41.

Вишня 310.

Виѳлеемъ 255.

Владикавказъ 70.

Владимирцовъ Б. Я. 6.

Владиміръ I Святой, в. к. Кіевскій 356.

Владиміръ II Мономахъ, в. к. Кіевскій 356, 357.

Владиміръ (на Клязьмѣ) 353, 357; В-ая губернія 355.

Дмитровскій соборъ 149, 162, 172.

Успенскій соборъ 357.

Владыка (и) 68, 130, 138, 148, 177, 178, 195, 199, 204, 206, 207, 261, 265, 267, 269, 271, 274, 277, 287; в-а азіатскій 248; в-и варварскіе 277, в-ихъ ордъ, племенъ 178; в-и Востока 257; в-а демоновъ 147; в-и европейскіе 223; кочевые 121; в-а рода или орды 56; сассанидскій 243; хеттитовъ 116.

Владѣтели ленные 262.

Властители сельджукскіе 118.

Влахерны 180, 200, 218, 270, 273.

Вліянія, восточныя 125; Фландріи 260.

Водопроводъ 198.

Воевода(ы) 106, 268, 285; персидскіе 284.

Военные 184; в-ое сословіе 65.

Вожди варвар. ордъ, племенъ 178.

Воздвиженіе Креста Господня 270, 273, 291; канунъ В-я 150.

Воздухи 196.

Вознесеніе 205, 220, 270, 273, 291.

Вознесеніе Александра Македонскаго 58, 59.

Возницы 211.

Возрожденія эпоха 3, 253.

Войлокъ 307; в-чный колпакъ, плащъ 240.

Войско 186.

Волга 41, 43, 61, 62, 64, 69, 77, 339, 351, 354.

Волкъ(и) 151, 153, 215.

Волхвы 255, 257—259.

Волхвовъ поклоненіе:

картина Антоніо Виварини 263,

картина Джентиле де Фабріано 255, 256,

фреска Беноццо Гоццоли 257—259.

Волховцы, курганъ около села 26.

Волчецъ (= аканѳъ) 319.

Волшебникъ 148; в-ные образы 75; в-ство 31.

Вольфъ-Гвельфъ 11.

Волы 153.

Волынская губернія 355.

Ворворка 19, 20, 288.

Воркадія(и) 20, 284, 285; пурпурныя в-и 284.

Вормскій епископъ 335.

Вóроны 176.

Ворота, гробницы китайскихъ императоровъ 120.

Воротъ, воротникъ 185, косой, рубашки 343, отложной 267.

Воскресенье (Пасха) 269; Крестопоклонное 273; Недѣли Православія 203, 270; первое на Пасхѣ (Антипасха) 208; воскресные дни 236.
Воскъ 353.
Востокъ 8, 29, 49, 50, 52, 64, 65, 72, 74, 76, 87, 92, 94, 102, 103, 108, 109, 115, 119, 131, 136, 141, 144, 158, 159, 169, 175, 177, 250, 255, 269, 279, 281, 286, 287, 303, 304, 305, 317; азіатскій 119, 139, 248; древній, 98, 158; европейскій 94; крайній 145; сирійскій 326; сироегипетскій 309; среднеазіатскій 288, 333; средневѣковый 52, 135; эллинистическій 305; в-ые Балканы 125; в-ый владыка 56; в-ая военная монархія 64; в-ые ковры 169, 251; в-ый людъ 64, 65; в-ая редакція Физіолога 103; в-ыя темы 58, 260; в-ый типъ одежды 267, 269.
Восточно-римская имперія 194.
Вотолка(и) 19, 288.
Вотъ 212; в-а день 277, 300; в-ъ пѣшій 205.
Вошвы 328.
Вравій(и) 181, 223, 250, 280, 292, 294; в-и мандатора, остіарія, силенціарія 186; в-й проэдра синклита 251.
Врата: Амиды, Багдада 144; бронзовыя 196; великія 195; дворцовыя 303; святыя 223; Халки 196; царскія 226.
Вратная башня 120.
Врачи Святые 111.
Вродон (= роза) 323.
Врумаліи 206, 207.
Всадникъ 52, 58, 87, 88, 129, 130, 171, 172, 240, 242; в-къ на драконѣ или ящерѣ 58; в-а Св. образъ (типъ) 125; в-ки на тканяхъ 248, 249, 310; в-а статуэтка съ Алтая 52, 240; в-а рельефъ въ с. Мадара 86—90, 129—131.
Всеволодъ, князь 150.
Вставки изъ пиленаго граната или стекла 67.
Всѣхъ Святыхъ, праздникъ 270.
Вторникъ на Ѳоминой 208.
Второзаконіе 96, 157, 158.
Втулка(и) 21, 285, 286, 288; в-и металлическія 254; в-и наконечника 22.
Вуаль 281.
Вуколеонъ 207.
Вульфъ О. Ѳ. (O. Wulff) 125.
Вундтъ 8.
Въѣздъ тріумфальный 130, 265; царя Василія I 265; царя Ѳеофила 265.
Выдачи (= апокомвій) 196.
Высоцкаго собраніе, въ Казани 142.
Выходъ(ы) 181, 193, 197, 205, 206, 223, 224, 269, 271, 273, 290; дворцовый 205; ежедневные 194, 236; праздничные 194; царскіе 178, 180, 194, 276; церковные 194; во Влахерны 205; въ Евдомъ 205; въ Консисторій 195; въ храмъ Св. Апостоловъ 204; въ церковь 238; въ ц. Св. Мокія 204; въ ц. Св. Софіи (Великую) 194, 203, 205; на Благовѣщеніе 197; въ Великую Субботу 197, 203; въ Великій Четвергъ 203; на Вознесеніе 197; въ Воскресенье Ѳоминой недѣли 204; на Крещеніе 197; на Пасху 192, 2-й день Пасхи 204, 272, 7-й день П-и 204; въ день Преполовенія 204; на Пятидесятницу 197; на Рождество Христово 197, 273, 294.
Вышгородъ 150.
Вышивка(и) 114, 303, 307; золотая 279; малорусскія 307; народныя 110, 307, 310; изъ пурпура 297; славянскія 110; на тканяхъ 328.
Выѣздъ(ы): богомольный 197; парадные 285; царскіе 284; царя верхомъ 250; на Вознесеніе въ храмъ Б. М. Источника 197, 220, 273.

Вѣнецъ(ы) 73, 183, 196, 204, 211, 219, 220, 222; в-ы вотивные 220; в-ъ державный 73; женскій 72; золотой 220; кесарскій 182, 218, 219, 357; легкій, въ видѣ шапочки 241; в-ы почетные 223; в-ъ царскій 219, 259, 356; в-ъ Юстиніановъ 221.
Вѣнецъ Владиміра Мономаха 357.
Вѣнечный обручъ 127.
Вѣнокъ золотой 72, изъ лавровыхъ листьевъ 94.
Вѣнчаніе лангобардскаго короля 268; в-ія царскія 179.
Вѣнчики иконъ 212.
Вѣра христіанская 98.
Вѣроученія 99, 100.
Вѣтви, вѣтки 140; винограда 113; древесныя въ иконописи 320; лавра въ видѣ вѣнковъ, крестовъ 198; пальмовыя 113, 123; на тканяхъ 308, 322.

Г

Гавріилъ, архангелъ 96, 99. 101.
Гагары 153.
Гадательныя таблицы 28.
Гадъ (ы) 149, 156, 158, 159; извивающіеся 60; летающіе 158; сказочные 158; г-овъ фигуры 145; чудовищные 158.
Газель (и) 75, 154, 170, 176, 177; на тканяхъ 359, 362.
Гайэ (Al. Gayet) 302, 304.
Галактофаги 6.
Галатія 198.
Галинацеевъ (куръ) семейство 333, 335.
Галиче, село въ Болгаріи 85.
Галіосъ Геронъ 25.
Галлегусъ въ Шлезвигѣ 77.
Галлія 43, 299.
Галлы 335.
Гальштатская культура 70; эпоха 63.
Галунъ (ы) 223, 228, 355, 362; золотые 251; легкій 235; пурпурные 297; на рубашкѣ 342; на тканяхъ, шелковые 354.
Галгошъ, ок. Нитры 77.
Гальба, Г-ы монеты 52.
Гамма (ы) 278, 279.
Гангъ 27, 138.
Гандара стиль 75.
Ганнонъ 164.
Гарафитъ 29, 359.
Гаркави А. Я. 229, 267.
Гарпія 134, 135, 151.
Гаруда (ы) 29, 58, 116, 149, 159.
Гатилузіо, властитель Метелина 118.
Гаутама Будда 75 (см. Будда).
Гвардеецъ 285.
Гвардія 218, 271; императорская (византійская) 290; конная 247; наемная виз. двора 65; царская 276.
Гвельфъ-Вольфъ 11.
Гвоздики цвѣты, на тканяхъ 343.
Гезихій 265, 279.
Гелеополь 111.
Геліогабалъ, императоръ 212, 324.
Геммы, античнаго міра 152; печатка съ г-ъ 71.
Геніи, крылатые 170; типы г-въ съ головой льва, орла, тѣломъ льва и человѣческой головой 134.
Геніохъ (и) 21, 210, 211, 215.
Генрихъ II, императоръ 220.
Генрихъ VI, императоръ, его гробница въ Палермскомъ соборѣ 359.
Геометрическій орнаментъ 302, 306, 307, 317, 318, 325; г-й рисунокъ 174; г-й р-ъ арабскаго стиля 355; г-я схемы 122; формы 31, 67, 122; г-я ф-ы на тканяхъ 328, 339.
Георгій Святой 254.
Георгій Тертеръ, царь болгарскій 118, 119.
Гепардъ (ы) 75, 85, 88, 89, 253, 255; ручной 214—215; на тканяхъ 360, 362.

Гера 108; Самосская 335.
Гераклея 122.
Гераклій, императоръ византійскій 233 (см. Ираклій).
Геракла подвиги 152.
Геральдика крайняго Востока 141.
Геральдическія эмблемы Пантикапеи 102.
Геральдическіе знаки 170; г-ое значеніе сюжетовъ 332; г-й орелъ 78; г-я изображенія на тканяхъ 331.
Герасимъ Святой 177.
Гератъ 123.
Гербордъ 173.
Гербъ (ы) 172; Византіи 116; г-ъ В-и державный 119; восточные 119; двуглаваго орла 116, 119; династіи Мингъ 170; Ласкариса 119; русскаго царства 116; славянскихъ державъ 116; султановъ, эмировъ 119.
Геркулесъ 84, 85, 86.
Германія 61, 70, 83, 165, 299, 324, 347, 351; варварской Г-и древности 86; средневѣковая 261.
Германскіе народы 61; г-іе осѣдлые народы 43; г-ія племена 62; г-ая раса 61.
Германцы 61, 335.
Геремесовскіе курганы 33, 240.
Гермесъ Кріофоръ 42.
Геродотъ 5, 11, 12, 14, 42, 43, 52, 79, 289, 323.
Герой 148.
Герольды 247, 285.
Гесперидъ золотое яблоко 310.
Гетеріархъ (и) 186, 236.
Гетерія (и) (= дружины) 192, 195, 218; варварскія 65.
Гетеріоты 195.
Гефнеръ фонъ Альтенекъ (Heffner von Alteneck), его альбомъ 118, 220, 222, 261, 262, 263.
Гиббонъ 296.
Гиганты 136.
Гидра 151, 152.
Гизелеръ (Hieseler) 144.
Гильгамешъ 138.
Гильдесгеймъ 78.
Гильошированіе фона 86; г-ый ф-ъ 77.
Гиматій 96, 224, 226, 228; темно-лиловый 126; темно-пурпурный 298.
Гимназія 150.
Гимны 182; священные 203.
Гимэ (E. Guimet) 304, 320, 333. Музей Гимэ въ Парижѣ 270, 312, 336. Ткани м-я Г-э 270, 312, 336.
Гинекей 214.
Гинь де (De Guigne) 8.
Гипархъ (см. епархъ) 179.
Гиппокампъ (ы) 151; г-а голова 151; г-ы на тканяхъ 326.
Гиппопотамъ 51, 75, 151.
Гирлянда цвѣточная 123.
Гирокомы 236.
Гистаспъ, царь 12.
Гистріоны 216, 276.
Гіацинтъ 283.
Главкъ 138.
Гладіаторъ римскій 93.
Глазъ (какъ апотропей) 31.
Гликонъ 151.
Глоссы 185.
Глѣбъ Владиміровичъ, князь 357, 358; его гробница 360.
Гносисъ 98.
Гностики 100.
Гоаръ (Goar), комментаторъ Кодина 228, 233, 260, 265, 280, 285, 295.
Гобелены 338.
Гоби 6.
Гогъ и Магогъ 92, 149.
Годавабельныя ткани 338.
Годуновъ Борисъ 288.
Гокчайское озеро 169.

Голова (ы): аиста 134; баранья (и) 23, 151; быка (овъ) 33, 151; варвара 33; волчьи 92; драконьи 33, 34; звѣриныя 34; змѣиная 144, 158; кабаньи 23; козья 217; конская (ія) 33, 34, 71, 143; копчика 134, 151; коровы 151; кошки, крокодила 134, 151; львиная (ыя) 23, 79, 117, 143, 151; льв. съ рогами 102; медвѣжьи 24; орлиная 102; птичья (и) 19, 34, 57, 59, 69, 114, 151; пёсья 93; свиная 217; собачьи 92, 151; человѣческая (ія) 58, 59, 151; шакала 134, 151.

Головные покровы волхвовъ 259.

Головные уборы 281—282; царскіе 221; чиновъ 222; сассанидскаго царя 260.

Голубевъ В. 21, 287.

Голубь (и) 94, 153, 157, 309, 335; два г-я 94, 123; изображенія г-й 154; символъ въ хр. и-вѣ 123, 326.

Голубиная книга 161.

Голубые (Венеты) 89, 179, 202, 208, 209.

Гомеровская древность 323.

Гомеръ 312.

Гомиліи сирійскія 139.

Гонка шаровъ 68.

Гонорій, императоръ 66, 101.

Горацій 310.

Горгона 151.

Горгонейонъ 42.

Горельефъ (ы) 42, 129, 168, 173; г-ъ оленихи съ дѣтенышемъ изъ Семибратн. кургана 42.

Гориллы 164.

Горлица (ы) 153, 157.

Гормиздъ, царь персидскій 44.

Горностаевъ И. И. 338.

Городки 240.

Города древніе (развалины) Алжира и Туниса 123.

Горцы кавказскіе 240.

Горшки костища у Перми 57.

Господь 101, 139.

Гости чужеземные 190.

Государственный символъ Византіи 118.

Готлапъ 338.

Готы (готѳы) 11, 53, 61, 62, 65, 66, 67, 68, 70, 71, 72, 83, 85, 202, 297; г-овъ переправа черезъ Дунай 227.

Готовъ древности 67—68.

Готскія инкрустаціи 216.

Готѳиконъ 68, 69, 203, 213.

Гоццоли Беноццо 257, 292.

Грабаръ А. Н. 124, 136.

Гравюрки 175.

Грамота, вышитый орнаментъ 279.

Гранатовый плодъ 310; г-ое яблоко на тканяхъ 311.

Гранатовыя инкрустаціи 216; г-ое (ыя) стекло (а) 67, 216.

Гранатъ (ы) 72, 73; вставные 79.

Гранаца 267.

Гребешокъ 145.

Грекъ (и) 20, 29, 34, 65, 71, 79, 89, 103, 123, 130, 135, 136, 151, 243, 275, 281, 289, 337, 353; древніе 97, 125; Италіи 176.

Греко-восточный пошибъ 168.

Греко-римская древность 91, 110; г. р-е искусство 73; г. р-я культура 180, 303, 316; г. р-й міръ 2, 3, 23, 52, 61, 62, 63, 65, 67, 134, 150, 194, 276, 303, 304, 306, 308, 312, 323, 326, 327, 329; г. р-е наслѣдіе 269; г. р-я преданія 187; г. р-й типъ 91, 123; г. р-я формы 278.

Греція 3, 7, 12, 18, 23, 49, 54, 102, 124, 253, 308, 309, 313, 323, 324, 335, 349; вліяніе Г-и 49; древняя Г-я 277.

Гречаникъ, гречневикъ (головной уборъ) 281.

Греческое государство 65; г-й дворъ 264; г-я колоніи 15; г-я копія персидскаго оригинала (ткань) 347; г-я надпись (Мад. конн.) 129; г-я работа 70; г-я редакція Физіолога 103; г-ій словарь 279) г-я философія 97; г-й шаблонъ 126.
Грива 243.
Гривна (ы) 73, 74, 184, 185, 278; золотая (ыя) 18, 184, 185, 276; изъ золотыхъ прутьевъ 225; русская 184.
Григорій Богословъ, Святой 207.
Григорій I Великій, папа 153.
Григорій, священникъ Ольги 214.
Григорьевъ, В. В. 9, 28.
Гриммъ, братья 165.
Грипарій 200.
Грифонъ 55, 84, 101, 102, 103, 131; г-въ головы 84; г-ы на тканяхъ 347; 364. Грифонесъ 137.
Грифъ (ы) 19, 21, 22, 29, 30, 31—32, 50, 59, 71, 74, 75, 76, 78, 85, 101—108, 115, 131, 134, 135, 136, 138, 151, 152, 158, 159, 170, 172, 341; г-а (овъ) голова (ы) 103, 145; г-ъ на плитѣ изъ Ст. Загоры 106, 107; на рельефахъ Прѣслава 104; г-а схватка со змѣей 172; тема нападенія г-а 107; г-ъ, терзающій лань на сосудѣ Миклошскаго клада 104; г-ъ, терзающій слона на капители изъ Прѣслава 101; типъ персидскій г-а 102; г-ъ на тканяхъ 304, 332, 337, 347, 349, 357, 358—360. Грифо-левъ, ы 103, 200. Грифо-онагры 103. Грифъ-орелъ съ рогами 104.
Гробницы: Брѣзова и Панагюрище, въ Болгаріи 82.
Генриха VI въ Палермскомъ соборѣ 359.
древне-христіанская въ Софіи (ул. Гурко) 94—101.
Карла Великаго въ Ахенскомъ соборѣ 346, 347.
Маріи, дочери Стилихона, жены имп. Гонорія 101.
Грозди винограда, виноградной лозы 112, 113; на тканяхъ 326.
Гротески 152, 168.
Грузины 240.
Грузіи цари 356.
Грѣхопаденіе 137.
Грюнведель 74.
Гумай, гумаюнъ 29.
Гундустанци 164.
Гуннъ (ы) 5, 8, 9, 14, 43, 44, 53, 61, 63, 64, 65, 66, 70, 71, 72, 79, 89, 92. 104, 119, 129, 130, 202, 227, 230, 275, 287, 353.
Гуннскій видъ головы 89; г-ая вѣтвь 106; г-ій обычай 89; г-ія ополченія 44; г-ая орда 106; г-іе отряды 66; г-ое офицерство 275; г-іе перебѣжчики 65; г-ое племя 106.
Гусары 290.
Гусли 216.
Гусляръ 78.
Гусь 151.

Д

Дабика ткани 351.
Давидъ 154, 156.
Дагестанъ 7, 70, 169, 349.
Дагонъ (= Еа, Оаннесъ) 26.
Далматика 223, 232; мода на д-у 226.
Далматинцы 261.
Дамаскинъ Студитъ 136.
Дамаскъ 352; дамасскій шелкъ 351.
Даміанъ и Косма Свв. врачи 111, 124.
Даніилъ пророкъ 149.
Данія 21.
Дара—доровыя ткани 354.
Дарій 10.
Дары Свв. 196; д-ы царю 199.
Да-ту-усень (припѣвъ) 69.

Двери Свв. 196, 226; серебряныя Золотого триклина 200; слоновой кости 276; царскія 196.

Дворецъ (ы) 195, 199, 208, 210, 224, 225, 236, 332; византійскій 296, 332; персидскіе 108; царскій (е) 107, 120 д-ы Ассиріи, Вавилона 125.
д-ъ Гонзаговъ въ Мантуѣ 261.
д-ъ Медичисовъ во Флоренціи 257.
д-ы Персеполя 137; древней Персіи (Сузы) 125.
д-ы Прѣслава 121.

Дворцовыя врата 203; д-ый комендантъ, начальникъ 179.

Дворъ (ы, дворикъ) 120, 121; Св. Кладезя 196.

Дворъ (ы): Австріи, Англіи 291; варварскихъ царей 208; византійскій, Византіи 65, 175, 181, 192. 208, 227, 230, 250, 265, 278, 280, 356; греческій 277; Европы 178; Константинопольскій 252; персидскій 208; Россіи 290; русскій, 190, 266.

Двуглавый орелъ 115—129;
гербы д-о о-а 119;
д-ый о-ъ на монетахъ 118;
на плитѣ въ Марковомъ монастырѣ 119;
на п-ѣ изъ Ст. Загоры 115;
на рельефѣ въ Богазъ-Кёй 116;
на тканяхъ 118, 359, 360.

Девтеръ 189.

Декоративныя драпировки тканей 304; д-ые завитки 149; д-ая тема 118; д-ый типъ тканей 303; д-ое украшеніе 121; д-ые художественные мотивы 123.

Декорація: арабская 124; византійская 124; геометрическаго типа 338.

Делматикій 183.

Делосъ о-въ 312.

Дельфинъ 25.

Дельфы 313.

Деметра и Кора 323.

Демонъ (ы) 12, 13, 14, 15, 16, 27, 28, 31, 69, 97, 99, 109, 116, 147, 335; верховный владыка д-въ 147; д-ъ злой 149; д-ы Мазандерана 148; миѳологическіе 151; д-ъ морской 138; д-ическіе образы 75.

Демонологія восточная, древняго Востока 98, матеріальная 99.

Деньга (и): 206;
Бориса Александровича, кн. Тверского 150.
Василія Дмитріевича, в. кн. Московскаго 172.
Михаила Борисовича, кн. Тверского 171.
Суздальская 172.

День: нареченія имени 207; основанія города (К-ля = 11 мая) 216; поселенія въ домѣ, появленія бороды, рожденія 207.

Дерево (вья) 198; однодневныя 139; орнаментальное 347; райское 313; сакральное 123; схематическія 131; на ткани 322.

Деспотъ (ы) 182, 183, 192, 195, 196, 219, 222, 226, 230, 233, 238, 271, 285, 290, 291, 294, 347; д-ъ Эпира 119.

Джемшидъ, царь 12.

Джеуровъ Яръ 150.

Джигитовка 254; джигиты 215.

Дибаджъ, дибеджъ 229, 232.

Диверсій 210.

Дивитисій (и) 199, 218, 226, 230, 232, 235, 267, 268, 271, 273, 292; бѣлый (е) 223, 270, 291, 294; голубой 223, 268, 291; красный 182, 271; порфировые 270; пурпурный (е), пурпуровый (с) 182, 270, 271, 291.

Дивіи человѣци 137; дивьи люди 92, 135, 136; д-ый ч-къ бьющійся съ дракономъ 171.

Дивъ (ы) 136, 147, 359.

Дизовулъ 44, 45.
Диканикіи 250, 278, 296.
Дикари 137, 164.
Димархъ (и) 179, 198, 208, 209, 230, 236, 294; Венетовъ 186, 187, 196; Прасиновъ 186, 187, 196; д-овъ двое Голубыхъ и Зеленыхъ 202.
Димитрія Св. день, праздникъ 270.
Димократы 186, 198; д-ъ Венетовъ 195, 196; д-ъ Прасиновъ 195.
Димотъ (ы) 21, 22, 68, 182, 211, 216, 236, 280; д-въ фигуры на фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійск. собора 22.
Димъ (ы) 68, 182, 183, 196, 198, 209, 215, 218; д-ы главные 208; д-ъ г-й Голубыхъ, Зеленыхъ 208; д-ъ красныхъ 196; д-овъ славословія 194.
Династія (богъ покровитель д-іи) 99; Ханъ 110, 145, Мингъ 170.
Дипаниты 195.
Диптихъ (и) 184, 224; консульскіе, патриціанскіе 188; изъ слоновой кости 183.
Дискосы 196.
Діаграмма неба (у Оригена) 100.
Діадема 18, 73, 74, 185, 219, 222, 265. женская Новочеркас. клада 72, 73. эмалевая Константина Мономаха въ Венг. Нац. Музеѣ 222, 223.
Діадема (= лоръ) 221, 225.
Діаспора сирійская 328.
Дієрминевтъ великій 191.
Діоклетіанъ 64, 194.
Діомида Св. церковь 205.
Діониса статуя 2.
Длинноволосые 94.
Днѣпръ 28, 31, 33, 43, 354.
Добруджа 90, 129.
Догъ аланскій 129.
Додешкеліанъ, князь Татарханъ 343.
Додэ Альфонсъ 94.
Дожъ венеціанскій 238.
Докладчикъ по ѳемамъ 187.
Должности 186; дворцовыя военныя 184; судейскія 186; по царскому слову 181.
Дома 169; д-а убогіе (богадѣльни) 236.
Доместикъ (и) 184, 186, 195, 236, 239; великій 230, 238, 265, 267, 282, 294, 296; василиковъ 187; иканатовъ, нумеровъ, оптиматовъ 186, 187; стола 292; стѣнъ 186; схолъ 186, 195; трапезы 189, 191; церкви 202; числа 186; экскувитовъ 186.
Домры 216.
Донского войска земля 67; д-е казаки 288; д-ая область 71, 72.
Донъ 15, 43, 61, 70.
Дороги (на одеждахъ, тканяхъ) 231, 354.
Доростолъ 336.
Доспѣхъ (и) 26; воинскіе 262; съ зерцаломъ 286.
Достоинства 192.
Драгоцѣнности 204.
Драгоцѣнные камни 103, 112, 152, 185, 272, 273, 283.
Драконъ (ы) 14, 33, 42, 51, 58, 59, 135, 139—150, 151, 158, 159, 170, 299, 337, 364; бронзовый на мосту черезъ Золотой Рогъ 144; — владыка 147; — волшебникъ 148; волшебные 75; вышитые золотомъ 276; д-а дальне-восточный типъ 147; д-ы—змѣи 58; китайскій 144, 148, 337; к-аго д-а цвѣта 148; крылатый (е) 58, 140, 149, 150, 314; к-й д-ъ — левъ 202; летящій 149; морского д-а восточный типъ 142; огнедышащій 148; огненные 165; д-овъ пара 33, 140, 141, 142, 144, 148; д-а поздне-персидскій типъ 151; свившійся 146; сказочный 149; на тканяхъ 337, 364; фантастическіе 170; д-а ф-ія формы 149; д-а цвѣта 145;—чародѣи 150;

съ человѣческой головой 158;—чудище съ орлиной головой на хвостѣ 42; д-а эмблематическое значеніе 144.

Акваманилъ бронзовый въ видѣ д-а, Румянц. Музея въ Москвѣ 141–142.

Бляха б-ая съ парой д-въ изъ могильника бл. Уфы, Ист. Музей 141.

Ваза въ видѣ д-а бронзовая, китайск., собр. Е. Мейера въ Нью-Іоркѣ 145—146.

То же, въ муз. Чернуски въ Парижѣ 145, 147.

Голова д-а, бронза, собр. Высоцкаго въ Казани 142—143.

Пластинка ажурная съ изображеніемъ пары д-въ изъ Александропольск. кургана, Эрмитажъ 33, 139.

Пластинка золотая съ и-мъ д-а изъ Семибратняго кург., Эрмитажъ 42.

П-и з-я съ и-мъ пары д-въ Сибирской колл. Эрмитажа 55, 139, 140.

Рельефъ съ и-мъ дракона на Дмитровск. соборѣ въ Владимірѣ 149.

Р-ъ съ и-мъ д-а, сельджукскій въ музеѣ Коніи 144.

Р-ъ съ и-мъ д-а на церкви Михаила Архангела въ Павіи 144.

Рогъ Черниговскій съ и-мъ п-ы д-ъ 146—147.

Серьги изъ Вел. Болгаръ съ и-мъ п-ы д-ъ 146.

Трубка золотая ажурная съ и-мъ п-ы д-въ изъ кургана Бесленеевской стан. 140.

Чашка Миклош. клада съ и-мъ д-а 147.

Драпировки 303; декоративныя 304.

Древне-восточный міръ 52.

Древній міръ 108.

Древность: бытовая 165; византійская 178; греческая 206; поэтическая 165; римская 91, 206; русская 257.

Древности: Аваровъ 119; Аланскія, Аланъ 31, 70, 119; Аорсовъ 70; балканскія 72; Болгаріи, болгаръ 62, 76, 82—132, 135; Великихъ Болгаръ 80—81; Босфора Киммерійскаго 3, 89; варварскія: 51, 53, 73, 74, 83, Болгаріи 135, Венгріи 83, 135, 142, Германіи 83, 86, Зап. Европы 53, Зап. Славянъ 135, Кавказа 53, Россіи 53, 135; Румыніи, Сербіи, Сибири, Средней Азіи 135; Венгріи, венгерскія 62, 75—77, 104; Вестготовъ 67; Востока 175; Германіи, герм. племенъ 62; Г-іи варварской 86; Готовъ, готскія 31, 67—68, 70; Гунновъ, 70, 119; Донской области 70, 72—74; Европы, европейскія 62, 69, Е-ы восточной 3, 63, 135, западной 53, 135; Египта 125; Енисея 57; закаспійскія 69; Кавказа, кавказскія 53, 69—72, 79; Китая 147; Кобани 70; кочевниковъ 74, 240; кочевыхъ народовъ 119, племенъ 52; Крыма 79—80, крымскія Керченскаго музея 79; Минусинска 57; могилы Тут-анх-Аммона 125; общеславянскія 72; Остготовъ 67; Пермскаго края, П-ой Чуди 57—60; персидскія 184; Персіи сассанидской 70; Прѣслава 108; Россіи 54, Р-и юга, южной 53, 62, 63; Румыніи 62, 135; русскія 62, 72, 162, 264; сассанидскія 48, 70; Семибратскихъ кургановъ 42; Сибири, сибирскія 25, 26, 44—45, 48, 40—56, 60, 63, 64, 69, 71, 75, 139, 177; Скандинавскія 62, 133; скиѳо-сарматскія 1—60, 184, 286; скиѳскія 23, 25, 53, 54, 63, 67, 83, 84; славянскія 62; средне-азіатскія 51; средневѣковыя 3; Томской губ. 57; ѳракійскія 82.

Древо (а): декоративное могилъ 123; жизни 22, 33, 73, 140, 154, 243, 314,

316, 325, 359, 360; Ливанскія 156; орнаментальное 346; познанія 137; священное 140, 141; хтоническихъ божествъ 123; на тканяхъ 346, 349.
Древохранительница 188.
Дрезденская галлерея 346.
Дрексель 86.
Дремедары 136.
Дреново, рельефы изъ 82, 131.
Дроздъ 168.
Дротикъ 54, 130, 295.
Дроты, толстые 80.
Дружина (ы) 41, 66, 195, 216; варварскія 65; Варяжскія 192; д-ы охраны 237; родовая 19.
Друзья, союзной Болгаріи, царскіе 236; друзей двѣнадцать 203.
Друнгарій виглы 236, 265; великій д-ій в-ы 191, д-ій (и) стражи 68, 186, 187, 230.
Друнгарій (и) флота 68, 186, 187, 195.
Друэнъ 8.
Дуванлій, курганъ у с. 85.
Дука великій 191, 230, 238, 294, 296, 348.
Дунай 43, 44, 61, 64, 66, 90, 120, 121, 129, 227, 336.
Дусэ, коллекція въ Парижѣ 287.
Духовенство 167, 204.
Духовные стихи, русскіе 156.
Духъ зла 147, д-и злые 149, 335.
Духъ Святой 157.
Дыни 311.
Дьяконы 196.
Дѣянія Апостольскія 149.
Дэвъ, ы 13; д-ъ Сипедъ 13, 148.
Дюбуа де Монпэрё 69.
Дюканжъ (Du Cange) 29, 119, 185, 233, 239, 258, 267, 268, 290, 297, 354.
Дюкъ, богатырь 356; Д-ва матушка 356.
Дюрбахъ 358.
Дюреръ Альбрехтъ 164.

Е

Еа (= Дагонъ, Оаннесъ) 26.
Ева 137.
Евангеліе 127, 154, 196; коптское VIII в. 338.
Евдомъ 205.
Евнапій 227.
Евнухъ (и) 184, 188, 190, 217, 268, 276, 292; дворцовые 281; протоспаѳаріи 205.
Евреи 158, 351.
Европа 4, 11, 17, 23, 55, 61, 63, 64, 69, 74, 92, 103, 106, 118, 119, 124, 127, 128, 133, 149, 159, 161, 178, 323; варварская 264; восточная 3, 4, 5, 29, 43, 51, 63, 64, 77, 91, 108, 135, 159, 161, 173, 253, 261, 281, 303, 326; Е-ы дворы 178; западная 3, 43, 108; 135, 172, 253, 263; средневѣковая 162, 191, 261. 269, 286; средняя 63, 254; сѣверная 63, 167, 254; юго-восточная 127; южная 28, 62, 246, 275, 308, 309.
Евсевій 96.
Евхологіи 260.
Египетъ 2, 56, 62, 65, 98, 110, 111, 122, 123, 125, 128, 134, 149, 151, 158, 164, 175, 223, 228, 253, 289, 290, 292, 293, 303, 305, 306, 313, 316, 323, 333, 338, 339, 345, 347, 349, 357; живопись древняго Е-а 125; мастерскія Е-а 327; некрополи Е-а 304; религія Е-а 305; ткани Е-а 303, 307, 322, 327.
Египтологія 2, 3.
Египтяне 9, 289, 300.
Егермейстеръ 176.
Егерь (я) 176.
Единеніе церквей 257.
Единорогъ (и) 22, 25, 151, 153, 156, 159—164; баснословный 163; е-а восточный типъ 261; китайскій 162; крылатый 25; миѳическій 159.
Е-ъ бронзовый собранія Г. В. Филимонова 161.

Бронзовая фигура е-а въ Музеѣ Чернуски въ Парижѣ 160.
Изображеніе е-а на ложкѣ съ Кипра 164.
Курильница въ видѣ е-а 262.
Екатеринославская губернія 355.
Елабуга 69.
Елена, Св. равноапостольная царица 184.
Ельнинскій уѣздъ Смоленской губ. 355.
Емурлукъ (= ягмурлукъ) 266.
Енисей 44, 45, 57.
Епархъ (= эпархъ) 186, 239, 292.
Епилорикъ 239, 265, 295; греческій 262.
Епитрахиль 279.
Епифаній Кипрскій 136, 152, 153.
Епифанія книга о камняхъ 283.
Ергаты 280.
Ересь 96, 101.
Ерликъ, богъ зла 16.
Ефратъ 155.
Ехидна 158, 159.
Ешевскій А. А. 46, 120.

Ж **Жаба** 159.
Жадъ 145.
Жаровня 18.
Жвачное 131, 163.
Жезлъ (ы) 182, 186, 192. 211, 250, 269, 278, 283, 296, 320; золотой 184, 186, 188; з-ые съ камнями 279; съ золотыми шариками 189; красный (е) 186, 283; Моисеевъ 194.
Желуди золотые 80.
Жемчугъ 79, 185, 219, 220, 221, 222, 230, 241, 260, 284, 294, 345, 351; имитированный 77; ж-я (ж-а) низки 220, 262; нить крупнаго ж-а 241; обнизки изъ к-го ж-а 225.
Жемчужины 73, 272; крупныя 265; золотыя ж-ки 80.
Жены: мастеровъ 213; протоспаѳаріевъ 213.
Жеребенокъ 137, 153, 283.
Жертвенное мѣсто (= костище) 57.
Жетоны хитроумные 145.
Живописцы 173, 280; бургундскіе, ломбардскіе, фламандскіе, французскіе XV—XVI вв. 260.
Живопись 1, 110; античная 95; вазовая древности 302; венеціанская 260; византійская 177; восточная 177; европейская 170; иконъ 125; эллинистическая 95; эмалевая древняго Египта 125; энкаустическая 95, 125.
Животное (ыя) 56, 87, 88, 116, 117, 131, 161, 163, 170, 177; волшебное 164; жвачное 131; миѳическія 147; сказочныя 110, 151; фантастическое (ія) 22, 161, 163; хищное 92; четвероногое 101; въ греко-римской орнаментикѣ 318; въ народныхъ вышивкахъ Вост. Европы 306; на тканяхъ 315, 325, 326, 329, 330, 337, 346; разсказы о ж-хъ 152; ж-хъ статуи 121, фигуры 145.
Животный міръ 136, 151, 152.
Животный эпосъ 165.
Жилье кочевника 71.
Жирафы 159, 352.
Житія 157; ж-ійныя повѣствованія 124.
Жонглеръ (ы) 208, 263, 301.
Жрецы 10, 289.
Жукъ 151.
Жупанъ (ы) 106, 230.

З **Забѣлинъ И. Е.** 33, 190, 357.
Завитки декоративные 149.
Завѣса (ы) 103, 135, 183, 199, 220, 289, 303, 330, 331, 336, 338, 346, 351, 353; дверныя 347; дворцовыхъ залъ 331; домовыя 270; съ орлами 200; съ павлинами 200; храмовыя — знамя 310; церковныя 170, 332; шитыя 200.
Завязи символическія 288.
Загибъ губы (у звѣря) 51.

Загробныя представленія 73.
Задокъ сѣдла 50.
Закавказье 317.
Заклинанія 276.
Закопники 195.
Залъ (ы) 338; з-ъ 19-и аккувитовъ 190, 202, 204, 212, 271; дворцовыя 331; купольный 195; пиршественныя 150, 331.
Замокъ 78.
Занавѣски 303, 311.
Западъ 11, 52, 64, 65, 72, 92, 94, 108, 115, 152, 243, 250, 251, 255, 264, 283.
Запоны 266, 355.
Заставки 166, 176.
Засѣданія 194.
Захаровъ А. А. 241.
Захарія, ткани его имени 321.
Заяцъ (ы) 34, 41, 42, 54, 55, 74, 130, 168, 170; на тканяхъ 326: з-ы, пьющіе изъ чаши, плита изъ Коніи въ оттоманскомъ Музеѣ 112.
Званія Константинопольскаго двора 252.
Званый пиръ 205; столъ 203, 204.
Звѣзда (ы) 31, 100, 122; формы з-ы въ розеткѣ 325; з-очки на платьѣ 356.
Звѣздица 219.
Звѣрь (и) 34, 36, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 60, 71, 73, 74, 75, 76, 79, 85, 88, 89, 91, 92, 93, 133, 134, 136, 137, 151, 152, 160, 161, 162, 164, 168, 170, 172, 173; баснословные 78—79; восточные 131; дивные 174; извернувшіеся въ схваткѣ 152; легендарный 162; З-й міръ 152; з-и въ монументальныхъ постановкахъ 152; неизвѣстный 50, 51; несущіеся за добычей 152; охотящіеся 86; поднявшіеся на дыбы 152; пожирающіе добычу 152; покойно идущіе 152; прыгающіе 152; з-ь-птица 101; о з-хъ разсказы 152; сказочные 151; з-й статуи 121; терзающіе добычу 152; на тканяхъ 303, 325, 326, 329, 330, 337, 342; фантастическіе 170; хищный, е 87, 88, 116, 135, 143; человѣкообразные 136; звѣрьки 131; въ греко-римскомъ орнаментѣ 318; на тканяхъ 329.
Звѣриный міръ 52; з-ая орнаментація 74, орнаментика 121, з-й орнаментъ 302, 307, 325; з-й отдѣлъ тканей 325; 327; З-ая пластика 305; з-й стиль 70, 74, 76, 77, 83, 84, 133—177, 302, 304, 325, 337, собственно з-й с-ь Европы 74; з-е типы 136; з-я фигуры 86; з-я формы 67, 135, 168, въ украшеніяхъ домашней утвари, колесницъ, мечей 134; з-й циклъ 175, росписи Палатинской Капеллы 176.
Зебры на тканяхъ 329.
Зевксиппа термы 346, фабрика т-ъ З-а 274.
Зевсъ 2, 107.
Зеленые, 208, 209; з-хъ партія 179.
Зелье 137.
Земледѣліе 66; з-ческій бытъ 71.
Земля запретная 139; мѣдная 137, священная 139.
Зендень, шелковая ткань 352.
Зенонъ, византійскій императоръ 66.
Зеркало (а) 92; драгоцѣнныя 351; китайскія древнія 145; магическое 31;
Зерно 80.
Зернь 81,
Зерцало 215, съ з-мъ доспѣхъ 286; з-а на кольчугахъ 280; круглое 247; з-о Веттерсфельдскаго клада 25.
Зигбургъ 345.
Зигзагъ 243; молніи 31; з-и на тканяхъ 354, 362.
Зимархъ, византійскій посолъ 45.
Златарскій В. Н. 129.

Змѣя (и) 49, 57, 71, 103, 117, 135, 137, 138, 140, 143, 145, 147, 150, 152, 155, 158, 159; живущая на днѣ Нила 149; з-и на тканяхъ 364; з-й царица 150; змѣиная голова 144.

Змій 150; Александріи 149; демонъ 149; крылатый вѣнчанный 92; з-и многоглавые 165; огненный великій 150; у пророка Даніила 149; семиглавый 149, 150; въ толкованіяхъ Апокалипсиса 92.

Змѣй въ образѣ царя 136; огненный 148.

Знакъ (и) 145; з-ъ государственной службы въ Византіи 278; Овна 110; орденскій 68; римскаго императора 264; символическіе 360; тайные 111.

Знаменосцы 236; з-а цѣпь 185.

Знамя (ена) 195, 278, 286, 299; драконаріевъ 195; царскія 208; черное 148.

Знать 277; византійская 66.

Значки 22, 195, 205, 278; з-екъ воеводы 286; войсковые 299; лагерные 195; з-ъ хана 286.

Зогакъ, драконій царь 12.

Золото 72, 73, 102, 103, 111, 139, 207, 276, 288; з-хъ дѣлъ мастерство 67; з-ыя звѣзды (на кафтанѣ) 247; з-ная матерія 300; з-ые предметы личнаго убора 337; з-ыя розсыпи 102.

Золотая гора (= Алтай) 45.

Золотой Рогъ 144.

Золотой триклинъ 200.

Золотыя ворота 197, 235, 265, 270, 273; Владиміра, Кіева 355.

Зонтъ Падишаха 248; раковинный 114; цвѣточный 114; зонтикъ широкій 285.

Зооморфическіе типы божества 151.

Зороастръ 10, 12, 15, 148.

Зрѣлища 206; цирковыя 91.

Зуботомитель 138.

Зубы 31; кита 158.

Зуфь, шерстяная ткань 352.

И

Ибексъ (ы) 23, 24, 117.

Ибисъ 151, 157; на тканяхъ 329.

Иванъ Оливеръ, деспотъ 118.

Игорь, русскій князь 353.

Игрецы съ медвѣдями 92.

Игрища 217.

Игры 68, 91, 92; готѳскія 68; въ ипподромѣ 193, 205, 208; общественныя 194; поздравительныхъ группъ 92; потѣшная (ыя) и-а (ы) 91, 93, 208, 217; цирковыя 90, 91.

Игумны 202.

Идикъ 237; и-а начальникъ 186, 187.

Иди-кут-шехри развал. близъ Турфана 310.

Идолы 173.

Иждивеніе царское 230.

Изборникъ Святослава 230.

Издѣлія: арабо-византійскія стеклянныя XIV—XV вв. Истор. Муз. въ Москвѣ 162; бронзовыя 70; Бухары 169; Востока, ввозныя 162; греко-восточныя 132; деревянныя рѣзныя 162; золотыя 70; Кавказа 169; кожаныя у Лезгинъ 70; кожевенныя 190; кустарныя 57; Малой Азіи 169; Персіи 169; сассанидскія 89; серебряныя 201; сибирскія восточнаго типа 131; сиро-египетскія 349; ткацкія 190; Туркестана 169; Хивы 169; шерстяныя 170; эмалевыя 200; южно-русскія восточнаго типа 131.

Изображеніе (я): архангеловъ 94; вотивныя 130; греко-восточнаго происхожденія 171; двухъ всадниковъ традиціонное 287; звѣрей 71, 173; исполненное насѣчкой 238; людей 173, 175; маговъ на др. христ. и ранне-виз. памятн. 255; на надгробн. плитахъ 262; охотника на монетахъ 172; охоты 78, о-ы персидск. вла-

дыки или легенд. героя 243; птицъ 173; рѣзныя 77; сассанидскія 239; символическія 170; на скараникахъ 238, 239, 294; на тканяхъ 118; царя 238,239, 252, 264, 294; ц-ей Персіи на охотѣ 242; ц-я сассанидскаго 87; царствъ древнихъ 137; на цилиндрахъ 117; чеканныя 77.

Изопсефическое толкованіе Трисвятого 96.

Изразецъ (ы) 124, 126; восточнаго типа 125; поливные 125; Нинѳвіи 314; цвѣтные на дворцѣ Сузъ 102.

Изумруды 220, 351.

Икасты 280.

Икона древняя энкаустическая 126; и-ъ живопись 125;
- и-а аввы Авраама въ Берлинѣ (Kaiser-Friedrich-Museum) 125;
- и-а (ы) Богоматери: 183; Голубицкая 157, итало-критскаго письма 298, русскія XIV—XVI в. 298;
- и-а Бориса и Глѣба въ Русскомъ Музеѣ 348;
- и-а (ы) Поклоненія волхвовъ: венеціанская, прип. Антоніо Виварини 263, Джентиле де Фабріано 255; итальянскія XV—XVI вв. 260, сіенской школы на деревѣ 255;
- и-а свв. Сергія и Вакха 185;
- и-а Спаса 195;
- и-а Ѳеодора Тирона 150.

Иконники фламандскіе 260.

Иконоборство 180, 332.

Иконоборческая эпоха 183.

Иконоборцы 176, 277.

Иконографія 96; восточныхъ цилиндровъ Западной Азіи 111; греческая 126; двуглаваго орла 118; египетская 126; западная 255; христіанская 302.

Иконописецъ 291, 298.

Иконопись 250, 320.

Иконостасъ 303; и-сная преграда 112.

Иліополь градъ 156.

Илія пророкъ 205, И-и пророка день 205.

Иллюстраціи Библіи 137.

Имгигъ 116.

Имена святыхъ 206.

Имитаціи: и-я арабская персидскаго оригинала въ рисункахъ на тканяхъ 341; варварскія серебр. монетъ о. Ѳазоса въ Нар. Муз. Софіи 85; греческой редакціи вознесенія Александра двумя грифами 59; древностей сибирскихъ 75; золотыя — прядей 73; металлическія 72.

Императоръ: византійскій 68, 89, 181, 182, 220, 284; китайскій 29; римскій 64, 192, 224; и-ы трапезундскіе 118; и-кія регаліи Римско-Германской имперіи 347.

Императрицы византійскія 296; и-цы римской бюстъ 72.

Имперія: византійская 53, 64, 89, 94; восточная 118; западная 118.

Имя Божіе 14.

Инвеститура 274, 356.

Индикіи чудесная птица 156.

Индитія 196, 353.

Индія 7, 10, 43, 56, 74, 75, 105, 106, 108, 109, 111, 136, 149, 158, 160, 164, 224, 229, 247, 307, 320, 321, 333, 335; верхняя 12; И-и искусство 319; сѣверная 332; И-и ткани 322, туземцы 320; и-скія копіи персидскаго оригинала (сассанид. блюда) 241.

Индокитая туземцы 320.

Индо-Скиѳія 11, 74; Индо-Скиѳское царство 43.

Индрикъ 156, 161.

Индусы 321; и-овъ разсказы 164.

Индъ рѣка 309; И-а хребты 309.

Иниціалы средневѣковыхъ рукописей 63; и-овъ орнаментація 159.

Инкрустація 50; и-и готскія гранатовыя 216; и-и по золоту 253; стеклянная 72; стеклянныя блестящія Египта 125; стекольныя перегородчатыя 201; эмалевыя 125.
Иноземцы 195; и-ы дружинники 204.
Инокопь 294.
Иностранцевъ К. А. 352.
Инрогъ 161.
Ипархъ 200; и-хъ городской 194.
Ипаты 182; и-ты консулы 183.
Ипотамъ 136.
Ипподромъ 193, 200, 208, 209, 211, 212, 218, 223, 270, 280, 291, 300; византійскій 78, 217; дворцовый 208; Константинопольскій 69, 214, 311; овощной 211.
Ираклій виз. имп. 194.
Иракъ 118, 123.
Иранскія расы 69.
Иранцы 14.
Иранъ 12.
Ирина, виз. имератрица 189.
Ирландская каллиграфія 307.
Иртышъ 28, 44, 45.
Исаврія 66.
Исавры 64, 65, 66; И-овъ династія 66.
Исаія пророкъ 149.
Искусство 75, 91, 119, 130, 133, 135, 151, 170; азіатское 127; азіатскихъ странъ 63; Азіи 139; античное 103, 131, 152; арабовъ 176; арабское 30, 175; арабо-персидское 103; варварское (Сибири) 177; варварскаго міра Европы 61; Византіи 61; византійское 49, 103, 131, 132, 162, 250, 255; Востока азіатскаго 101; Востока древняго 135; восточное (ыя) 115, 125; восточно-варварское 74; восточно-европейское 124; грековосточное 36; греко-римское 4, 125, 127, 134, 135, 150, 305; греческое 35, 36, 54, 125, 319; греческое древнѣйшее 70; древнее Востока 49; декоративное 170; древне-восточное 35, 134; древне-персидское 170; древне-русское 163; древне-славянское 62; древне-христіанское 326; и-а древняго исторія 2; Европы средней 63, сѣверной 63; Европы христіанское 127; египетское 134; западное 162; Индіи 74, 319; Индо-Скаѳіи 74; Ислама 346; китайское 75, 319; Китая 74, 110; классическое 135; и-а классическаго памятники 3; кочевниковъ азіатскихъ 55; мало-азійское 35; міровое 134; народное 62, 303; народное современное 114; народное средневѣковья 114; и-а памятники 70, 154; романское 165; русское 162; русское древнее 349; сарацынское 172; сассанидское 30, 62, 90; сирохалдейское 134; средневѣковое 63, 103, 126, 135, 138, 153, 168, 178; средневѣковое Востока 115; средневѣковое восточное 103; и-а средневѣковаго исторія 3; средневѣковья европейскаго 302; христіанское 305, 320; и-а христіанскаго исторія 3, памятники 63; христіанское германской области 62; христіанской древности 62; эллинистическое 74, 95, 154; Японіи 74.
Исламъ 31, 62, 122, 123, 124, 136, 143, 158, 176, 246, 293, 322, 327, 339; и-а Восточнаго ткани 345, 346; и-а завоеванія 228; и-а искусство 346; и-а некрополи 123; и-а страны 322.
Испанія 62, 67, 118, 313, 317, 351.
Исперихъ (Аспарухъ) ханъ 129.
Исподники 275.
Исполины 139.
Исседоны 43.
Историческій Музей въ Москвѣ 59, 80, 141, 162, 241; ткани И-аго М-я 338—349, 354.

Исторія искусства 1, 2; древняго 2; средневѣковаго 3.
Исторія политическая 3; русская 185; формы 1; церкви христіанской 94.
Истраилъ архангелъ 101.
Истринъ В. В. 137.
Истръ 43.
Италія 67, 113, 124, 162, 167, 176, 198, 261, 281, 288, 305, 307, 308, 313, 317; средняя 259; сѣверная 62, 259, 281; южная 62, 136, 281; и-и ткани 305; и-скія мастерскія 305.
Итальянцы 136, 263, 299.
Ихневмона 158.
Иштаръ, богиня 117.

I **Іаковъ** 8.
Іереи 203.
Іеремія 9.
Іеромонахи 202.
Іеронимъ бл. 159.
Іирковъ охота у Геродота 52.
Іисусъ Христосъ 96, 97, 153.
Іоаннъ Богословъ 97, 205; І-ъ любимый благовѣстникъ Христа 153.
Іоаннъ Асѣнь 223.
Іоаннъ IV Васильевичъ, царь московскій 357. [282.
Іоаннъ Златоустъ 149, 197, 274, 276,
Іоаннъ Лидіецъ (янинъ) (Ioannes Lydus) 278, 279.
Іоаннъ I Цимисхій имп. виз. 194.
Іоаннъ VI Кантакузенъ имп. визант. 189, 194. 219, 223.
Іоаннъ VIII Палеологъ имп. визант. 257.
Іоаннъ экзархъ Болгарскій 149.
Іовъ 156; І-а книга 163.
Іонія 7, 18, 23, 24, 134, 289, 309. 324, 335; І-іи древ. культура 134.
Іокяне 15.
Іудеи 110.
Іудейство древнее 97.
Іудея 153, 158.

К **Кабалистика** 98.
Кабалларій (и) 191, 200; к-ій кесарикій 200.
Кабанъ (ы) 23, 25, 31, 33, 42, 49, 50, 52, 58, 88, 164, 170, 215; крылатый 85; к-а голова 69.
Кабарда 71.
Кабардинецъ 240.
Кабатъ 221, 229, 230, 232, 256, 264, 355; к-ъ изъ дибаджа 229; к-ы земледѣльческой средней Европы 247; короткіе 93; к-ъ при русскомъ дворѣ 231; узкорукавый пурпурный 256.
Кабулъ 123.
Кабульта 70.
Кавалергарды 290.
Кавалеристъ 68; китайскій XIV в. 21.
Кавалерія 235; варварская 66.
Кав(в)адій (и), (кабадій) 185, 202, 204, 229, 264, 294, 295; парчевой 230; пурпурный 189, 294; шелковый 230.
Кавказъ 7, 21, 24, 35, 43, 61, 62, 69, 70, 79, 132, 169, 170, 240, 241, 247, 338, 339, 340—344, 349, 354, 361, 362; К-ія горы 344; к-іе могильники 71; к-іе некрополи 342; К-ое предгорье 71; К-ій хребетъ 69.
Каганъ 18; к-а кругъ 178.
Каганцы 19.
Кадило 196.
Казакинъ 54; два августѣйшихъ к-а—корсажа 201.
Казбекъ 24. [237.
Казначей имущества и царской казны
Каиръ 118.
Кайма (коймы) 223, 228, 230, 235, 362; золотая (ыя) 234, 235, на хитонѣ 292, чагъ 268; к-ы круговъ на тк. 345, кружковъ, вмѣщающихъ сюжеты на тк. 253; к-а пластины (золотой) изъ Сиб. колл. Эрмитажа 140; пурпурная (ыя) 297, 300; к-а съ пурп. вышитыми орлами 280.

Кайманъ 158.
Каламандры 137.
Калансува 229, 230.
Календы январскія 194.
Калиптра 281; красная съ золотомъ 292.
Калитинскій А. П. 69, 224, 245.
Каллиграфія: ирландская 307; карловингская 307.
Калмыки 44.
Калужская губ. 67.
Кама рѣка 57, 69.
Камара 219; к-а вѣнца 223; к-ы гробничныя 94, 95; к-ы Золотого Триклина 220.
Камзолъ 257; к-ъ съ оттопыренными козырями оплечій 248.
Камилавкій 282.
Камилолеопарды 159.
Камисій (и, я) 188, 202, 271, 273, 292; бѣлыя, кандидатовъ 290; казенные 236; камчатная узкорукавная 259; обшитый пурпуромъ 279.
Камка 231, 266, 350, 352, 354, 356, 357, 360, 363; бурская 352; кизылбашская 352.
Камни: драгоцѣнные 351; драгоцѣнные въ гнѣздахъ на лорѣ 225; рѣдкіе 276, черные 137.
Кампагіи 203, 205, 223, 259, 271, 297.
Камперъ 138.
Камунта 24, 25, 70, 71.
Кандидаты 185, 236, 252, 290; к-въ чинъ 185.
Канишка 11.
Канонъ 35 Лаодикейскаго собора [101.
Канты царскіе 207.
Канунъ большихъ праздниковъ 236.
Канцелярія квестора 195.
Капелла: Палатинская 175; Хризолога въ Равеннѣ 149.
Капитель: съ изображ. грифа, терзающаго слона, 104; к-и колоннъ и столбовъ главнаго нефа церкви 139; корзиночнаго типа 131; коринѳская 319; кубическая церкви или дворца изъ развалинъ Прѣслава 101; кубовая 122.
Каппадокія 66, 116, 118, 198, 298.
Капторга 81.
Капутца (капуца) 233, 251.
Карабачекъ 175, 176.
Карагодеуашхъ, курганъ 21, 286.
Кардизи 229.
Каркъ 335.
Карлъ Великій 3, 77; К. В. гробница 346, 347, рогъ 78.
Карлъ V 194.
Карнизъ (ы) 127, 175; к-въ декоративное украшеніе 121; орнаментальные 126.
Карнѣевъ А. 154.
Карпини Плано 92.
Каррухи 283.
Картазонъ 161.
Картины: венеціанской школы 169; голландской ш-ы 169; итальянскихъ мастеровъ XV в. 251; фламандской ш-ы 169.
Каршипта 116.
Каспійское море 43, 69; К. м-я побережье 333, южное 12.
Катакойлiонъ 256, 257.
Катакомбы: керченскія 95; римскія 95.
Каталогъ конямъ и геніохамъ 210.
Катепанъ гвардіи 199.
Кафріилъ арханг. 99.
Кафтанъ (ы) 52, 85, 231, 232, 256, 266, 330, 362; к-ъ на актерѣ сіамской труппы 248; бархатный, аварской женщины 246; безрукавные съ большими разрѣзами на бокахъ 262; верхній 263; выѣздной 242; к-ъ голубого цвѣта съ золотымъ шитьемъ 262; грузинскій женскій

247; длиннополые к-ы, становой и турскій 266; длинный: у калмыковъ, ногайцевъ 247; въ типѣ черкески 242; к-ъ изъ золотой парчи 261; к-ы кавалерійскихъ чиновъ 264; китайскіе 337; короткій (іе) 242, 246, 261, узкій 243, воинскаго типа 261, изъ овчины мѣхомъ внутрь 244, поколѣнные 262, флорентинскаго покроя 257; кочевничій 246; красный (ые): 247, 249, 264, 296, к-ъ маркграфа 262; нижніе 228; парадновыѣдной 241; парчевой, украшен. гранатовыми яблоками на вѣткахъ 256; парчевые со сборками 260; персидскій 262, съ вырѣзами на бокахъ 255, ѣздовой 242, 247; плотно прилегающій къ тѣлу 241; подоткнутые 217; пурпурный съ золотыми разводами 261; разрѣзной 255, на груди 243; к-ы Руси древней (старой) 294, 355, 356; к-ъ туркмена молодого 246; к-ъ туркменской женщины 247; турской к-ъ 231; узкій: до бедеръ 255, плотноприлегающій изъ верблюж. шерсти 247, шитый въ талію 254, к-ъ хана 243, 247; шелковый 241; ѣздовой (ые): 241, 244, 254, 255, 256, 257, 260, 261, 262, 264, восточный 255, типа скараниковъ 261, на Карлѣ Великомъ 261, на ткани въ Маастрихтѣ 254.

Кафтанцы (въ былинахъ) 356.

Кацаровъ, Г. И. 87, 88, 95, 130.

Кашгаръ 74.

Каштаны 311.

Каѳизма (каѳисма) 209, 211, 214, 217, 232; к-ы изображеніе 217.

Квадратъ (ы) 121, 122; к-ое (ыя) поле (я) 121, 122.

Квесторъ 179, 186; к-а канцеляріи 195.

Квитовое яблоко 310.

Кедренъ Георгій 205.

Кей-Каусъ шахъ 148.

Кекропъ 25.

Кельты 335; к-ы бронзовые 69.

Кенсингстонскій Музей 78, 79.

Кентавръ (ы) 14, 78, 134, 135, 151, 152, 158, 159.

Кентинарій 197.

Кенургій 213.

Керамика Патлейнская 124; Керамиченъ образъ св. Ѳеодора 125, 126.

Керберъ 151, 152.

Керченскій полуостровъ 79; к-іе курганы 54; к-ія катакомбы 54.

Керчь 18, 33, 41, 54, 80, 102.

Кёръ (= плющъ) 319.

Кесарь (и) 179, 181, 182, 193, 219, 222, 271, 294, 347, 348, 360; к-скія одежды 360.

Кесарикій (и) 200, 220, 221, 222, 265, 271, 348.

Кессоны 175.

Кибела (Кубеба, Рея) 15; К-ы культъ [15.

Киворіи 303.

Кизилъ городъ 75, 330.

Кизилбаши 242.

Киль 86.

Кимвалы 216.

Киммерійская земля 42.

Кинжалъ (ы) 18, 24, 25, 174, 241, 246, 266, желѣзные съ бронзовой рукоятью 69.

Киннамъ Іоаннъ 213.

Кинокефалъ (ы) 92, 135, 136, 151, 164.

Кипарисъ (ы) 123, 124, 309.

Кипръ 123, 164, 345.

Кираса 262.

Киргизы 288.

Кирилла Лексиконъ 239.

Кирки бронзовыя 69.

Киръ авва 125.

Киръ перс. царь 42, 43, 232.

Кисея 350.
Кисловодскъ 338.
Кисти 19, 20, 21, 285, 286, 288; к-ь большая 286, 287; к-ь (и) конская (ія) 285, 288; к-и коня сассанидскаго царя 285; к-ь красная 285, 286; к-и подвѣсныя 140, 243; к-ь пурпурная 285, черная султанская 286, шейная 287.
Китай 7, 8, 10, 43, 56, 64, 74, 110, 144, 145, 147, 148, 158, 161, 223, 287, 307, 328, 333, 337.
Китайскія вещи 145; к-ій императоръ 223; к-іе кафтаны 337; к-іе образцы 142; к-ая пряжа 337; к-ій словарь 148; к-ая стѣна 44; к-ая (ія) ткань (и) 242, 307, 322, 325, 327, [333.
Китайцы 11, 321.
Китрины 291.
Китоврасъ 172.
Китъ (ы) 149, 158.
Кіевъ 311, 339, 349, 356.
Кіево-Софійскій соборъ (фрески лѣстницы), 22, 68, 211, 214, 215, 311.
Кіевская область 67; к-ая (ія) фреска (и) 21, 267.
Кіотцы 222.
Клавы: золотые 235; парчевые 250.
Кладка „въ рустику“ 218.
Кладезь Святой 196.
Кладъ (ы) 62, 72, 80; Аму-Дарьинскій 21, 26, 52, 53, 70, 161; к-ы Болгаріи 62; к-ъ Веттерсфельда (скій) 21, 25, 83; к-ъ Владимірскій 354; к-ъ Гварразара 220; к-ъ с. Косякова (близъ м. Вел. Болгаръ) 80, 81; к-ъ Латеранскій 253; к-ъ С-Миклоша (скій) 48, 76, 77, 104, 128, 147, 286, 318; к-ъ Новочеркасскій 53, 70, 72, 73; к-ъ Петроссы (скій) 29, 48, 53, 62; к-ы Россіи Южной 62; к-ы Румыніи 48, 62; к-ъ Силяги Шомльо 142; к-ъ Чулекскій 21, 67.
Кланъ 19.
Клапротъ акад. 69.
Классическая школа 3.
Клейнъ В. 352.
Клики 182.
Клинцы 31.
Клиръ 195, 196, 208.
Клиторій 203, 205; к-й длинноволосыхъ 202.
Клиторологій 201; к-й Филоѳея 283.
Клобукъ 231, 281; к-ъ безъ бортовъ 272; к-ъ сибирскаго охотника 240; к-ъ Ѳеодора Метохита 282.
Клувій 212.
Клыкъ (и) 31, 160.
Клюни (музей) 62; ткани м-я К-и 318, 319, 329.
Ключъ 153.
Книга Царствъ 108.
Книга папская 303.
Книжники еврейскіе 97.
Князь (я) 106, 171, 193, 243, 268, 277, 278; великіе к-я 106; к-ей облаченіе (хламида) 348.
Князьки болгарскіе 124.
Кобань 24, 70, 71.
Ковка оружія (на Кавказѣ) 349.
Ковры 103, 135, 170, 176, 195, 200. 276, 350, 351; арабскіе 175; болгарскіе 170; к-ъ (ы) восточный (ые) 149, 169, 170, 175, 177; геометрическіе типы древнихъ к-въ 170; к-овъ изображенія 169; к-ы кавказскіе 169, 170; к-ы мечетные 174; к-ы съ охотничьими сценами 170; к-ы персидскіе 169, 198, 200, 320; к-а рисунки: съ легендой о единорогѣ и дѣвѣ 263, со множествомъ фигуръ высшаго общества 263; к-ы средне-азіатскіе 170; к-ы шелковые 170.
Ковровое мастерство 75; к-ыя ткани 338.

Когти 31, 33.
Кодикеллій (іи, а, ы) 271; пурпурныя 183.
Кодинъ 144, 176, 181, 189, 190, 191, 192, 197, 208, 214, 216, 219, 220, 221, 222, 225, 228, 230, 231, 260, 265, 267, 269, 278, 280, 282, 283, 284, 285; К-а книга (сочиненіе о должностяхъ) 190, 265, 289, 290, 291, 292, 294, 295, 296, 301, 347; К-а сочин. De Signis 144, 300.
Кожа плотная 93, пурпурная 278, чешуйчатая единорога 162; кожъ выдѣлка (на Кавказѣ) 349; к-ая куртка 245.
Кожухъ болгарскій 230, короткій 244.
Коза (ы) 75, 88, 92; к-ья голова 217.
Козелъ (ы) 19, 25, 31, 34, 42, 75, 92, 153; горные на тканяхъ 329; дикій (іе) 35, 176; каменный 117; каменные на тканяхъ 326; крылатый 42.
Козловъ П. К. 48.
Козуля 215.
Козыри оплечій 248.
Койтониты 189, 218.
Кокошникъ 54, 184.
Кока, микадо 242.
Колдовство 12.
Колесница (ы) 18, 33, 211, 215; к-цъ выѣзды на олифантѣ (соб. св. Вита въ Прагѣ) 78.
Колесничники 78; к-и димотовъ 280.
Колеты бѣлые 290.
Колечки 74; к-и бронзовыя, серебряныя витыя Крымскихъ древностей Керченск. Муз. 79.
Коллекція древн. сибирскихъ Алтая 240; к-ія рисунковъ восточныхъ одеждъ М. Тильке 244; к-я сибирская Эрмитажа 45, 49—56.
Коловій и **Колобіи** 185, 218, 272, 275; к-іи т. наз. барановъ 270; к-ій пурпурный 264.
Колокола 80.
Колокольцы бронзовые (изъ бронзы) 24, 71, 80.
Колокольчики 21.
Коломенскій уѣздъ, Моск. губ. 355.
Колоніи греческія 33, милетскія 26.
Колонны 107, 198, 331, 338; к-ы зеленаго мрамора 218; к-а порфировая на форумѣ 197; к-ы серебряныя 351; к-ы серебряныя зала аккувитовъ 204; шесть к-ъ 198.
Колпакъ (и) 217, 281; к-и бѣлые 268, 282; к-ъ (и) высокій (іе) 93, 192; к-ъ высокій коническій, конусообразный 93, 248; к-ъ жены хана 18; к-ъ земли греческой 356; к-ъ красный 263, съ заломами 266; к-и лимоннаго цвѣта 215; к-и матерчатые 140; к-ъ мягкій 282; к-ъ (и) остроконечный (ые) 116, 264, 281; к-ъ сибирскаго охотника 240; к-ъ фригійскій 216; к-ъ чернаго цвѣта 282.
Колхида 333.
Колчанъ 18, 26, 42.
Кольцо 31; к-а височныя 134; к-а желѣзныя рабовъ 184.
Кольчуга 247, 262, 286; к-ъ ковка на Кавказѣ 349.
Коляды 68, 69, 92, 217; (= Календы январьскія) 206; к-никъ 217; к-ная пѣсня 69.
Комаровъ А. В. 46.
Кома́ры 137.
Комбы (на жезлахъ) 296.
Комендантъ дворцовый 179.
Комитъ (ы) 182, 186, 189, 193, 209; к-ъ (ы) конюшни (енъ) 186, 187, 189; к-ъ (ы) крѣпостей 186, 187; к-ъ ставла 186; к-ы схолъ 236.
Комическія сцены 91.
Комнины 119.
Конвой 235.

Кондаковъ Н. П. 4, 20, 43, 77, 96, 103, 118, 119, 128, 133, 150, 157, 168, 175, 183, 184, 185, 198, 212, 217, 222, 226, 230, 232, 245, 282, 284, 311, 339, 349, 354, 355, 357, 362.

Кöне бар. 118.

Конія 112, 118, 119, 144.

Конникъ (и) 21, 83, 84, 125, 170; к-ъ Мадарскій 82, 89, 90, 129, 130, 131; к-въ почитаніе 125; к-ъ Ѳракійскій 88, 130, 131, 239.

Конногренадеры 290.

Конрадинъ Гогенштауфенъ 222.

Консисторій (іи) 194, 195, 199; большой 198, зимній 274, малый 198.

Конскій хвостъ 21.

Консоли 174.

Константинъ Великій 64, 211, 194, 284; К-а крестъ 196.

Константинъ Багрянородный (Порфирородный) 20, 68, 93, 103, 153, 178, 180, 190, 194, 206, 207, 208, 211, 213, 220, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 232, 233, 250, 251, 254, 265, 268, 269, 271, 274, 277, 278, 279, 282, 283, 284, 289, 290, 293, 294, 296, 298, 300, 301, 332, 347, 352, 354, 355, 356, 360. К-а П. книга о церемоніяхъ 178—180.

Константина Мономаха эмалевая діадема 222, 223.

Константинъ, старшій сынъ Василія Македон. 205, 265.

Константина храмъ 272.

Константинополь 121, 144, 197, 205, 220, 235, 328, 346, 353.

Констанцій имп. 12.

Консулы 224; к-ое достоинство 183.

Контина 173, 174.

Контоставлъ 186, 199, 230, 272, 295; к-ъ великій 191, 238.

Конь (и) 18, 19, 20, 21, 22, 32, 33, 34, 54, 71, 84, 88, 90, 120, 129, 143, 145, 152, 153, 162, 163, 173, 199, 206, 243, 247, 272, 284, 287; бѣлый 288; верховой 71; водяной 151; съ воловьею головою на стегнѣ 136; дикій 215; крылатый 115, 243, 333; к-и на тканяхъ 326; к-и тріумфаторовъ 88; к-и съ уборами 284; к-ь хана 285; конь (и) царскій (іе) 249, 284, 285; к-и ц-іе ассирійскіе 285; к-ь царя 272.

Коньки крылатые 286.

Конюхи 284.

Конюшій бояринъ 189.

Конюшни 200, 236; к-и цирка 209.

Копенгагенъ Корол. кунсткамера 77; К-ій музей 79.

Копты 327.

Коптскія вышивки 304; к-ій отдѣлъ христіанскаго искусства 305; к-ій рисунокъ на ткани VII в. 89; к-ія рукописи 311; к-я ткани 304.

Копчикъ 134, 151.

Копыта 162; к-а раздвоенныя 131.

Копье 26, 130, 172, 295; к-е длинное 280; к-е со значкомъ 287.

Кора и **Деметра** 323.

Кора индійская благовонная 206.

Кораллы 294.

Корезій Георгій, греч. ученый съ Хіоса 233, 239, 248, 260.

Корзно 266, 272, 348, 355; к-а великокняжескія (русск.) 348.

Коричневая краска 299, 300; к-ая основа пурпурнаго цвѣта 293; к-ыя полосы на одеждахъ 290.

Коркашъ 335.

Корова 151.

Короли 181, 193, 218, 277, 348; к-ь Италіи 237; к-и лангобардскіе 220; к-я лангобардскаго вѣнчаніе (мраморн. рельефъ) 268; королей облаченія 348.

Корона (ы) 209, 218, 226; к-а венгерская, Венгріи 219, 357; к-ы вестготскія въ Клюни и Мадридѣ 62; к-ы вестготскихъ царей 220; к-а Германской Имперіи 357; к-а желѣзная 220; к-ы Ирода у иконописцевъ 260; к-а лангобард. королевы Теодолинды въ Монцѣ 62; к-а съ лилейными зубцами 256; корона малая на ткани изъ Мозака 249; к-а окрыленная персидскихъ царей 256; к-а персидская 243; к-ы сассанид. царей 103, 240; к-а царская 276.

Коронація 226.

Коронка павлина священная 113, изъ трехъ лучей съ шариками на головѣ феникса и павлина 110.

Коршунъ (ы) 57, 104, 153, 200, 255.

Косма и **Даміанъ** свв. 111, 124.

Косма Медичисъ 257.

Космогоніи 99.

Костище 57.

Костницы монастырскія 124.

Кость 349; к-ь рыбья 246.

Костюмъ (ы): азіатскій 248; венеціанскаго барона 266; домашніе 277; парчевый 257; турецкіе 245; шелковый 257.

Косы длинныя 93.

Косяково, село 80.

Котелъ (ы) 18, 19, 34; к-ы кочевническіе 34; к-ъ для сожженій 120.

Котелки мелкіе 80.

Котляревскій А. А. 173.

Котовъ Г. И. 175.

Котовъ, московскій гость 241.

Кочевникъ (и) 28, 51, 52, 54, 55, 56, 62, 66, 69, 75, 76, 83, 88, 89, 93, 119, 129, 139, 145, 176, 202, 241, 244, 247, 281, 286, 287, 328, 332, 354; к-овъ вкусы 75; к-и Волги 77; к-и восточные 230; к-овъ могилы 324; к-ъ молодой съ широкимъ лицомъ — бронзов. стат. Сарат. губ. 245; к-овъ области 147; к-овъ религіозныя вѣрованія 10—17; к-и Сибири 77; к-ъ скачущій, барельефа цирк. игръ, найден. въ Софіи 93; к-и средневѣковья 227; к-а статуэтка 240; к-овъ эмблема 104; к-и Урала 77.

Кочевой бытъ 71; к-ые народы 92, 103; к-ыя орды 170; к-ыя племена 92; к-ыя формы 125.

Кочевье 28, 66, 121, 129, 148; к-е пріазовское 129; к-е сарматское 30; к-е южно-русское 73.

Кочетъ 136.

Коцъ 355.

Кошели 77; к-и шелковые 197.

Кошка 134, 151.

Кошъ 19.

Кракты 182.

Краска (и) живая 175, зеленая 300, коричневая 299, 300, кубовая 300, к-а левкоя 300, синяя 306.

Красное море 313.

Краснокутскъ 33; К-ій курганъ 19.

Краснорѣчіе византійское 191.

Красный цвѣтъ 290, 293—294, 296, 324; к-ый ц-ъ скарамангія на тк. изъ Мозака 249; красно-коричневый цвѣтъ 297.

Кремль Московскіи 162.

Кресло золотое 218, 268.

Кресоны византійскіе 77.

Крестики 94; к-и меровингскихъ могилъ 62; к-и серебряные 205; к-и на тканяхъ 347.

Крестные ходы 197; въ храмъ Апостоловъ 197; к-ый х. отъ Божьей Матери Фарской до Троицы во дворцѣ Дафны 203; въ мон. Б. М. Перивлепты 197; во Влахерны 197; въ мон. Лазаря 197; въ мон. Лива

197; въ Манганы 197; въ мон. Палеологовъ 197; въ мон. Петріона 197; къ порфировой колоннѣ 197; въ св. Софію 197; въ св. Софіи на службахъ 197; въ ц. Спаса Вседержителя 197;
въ день свв. Апостоловъ 197; въ д. Василія Великаго 197; въ д. Введенія во храмъ 197; въ д. Георгія 197; на пам. вмч. Димитрія 197; въ д. Іоанна Златоуста 197; въ д. св. Константина 197; на Лазарево Воскресеніе 197; въ д. Православія 197; на Преображеніе 197; въ д. Рождества Предтечи 197; на пр. Рождества Богородицы 197; к-ый х. на Срѣтеніе 197; на Успеніе 197; въ д. Усѣкновенія гл. Предтечи Іоанна 197.

Крестъ (ы) 96, 113, 131, 195, 204; к-ъ византійской формы 94; деревянный изъ Сербіи 343; Константина 196; Константина великій 195; округлый съ пальметками 121; орнаментально раздѣланный на плитѣ ц. Маріи на Космединѣ въ Римѣ 113; к-ы полые 344; к-овъ растительныя формы 132; изъ розъ 211; к-а рукава 113; к-ъ серебряный 195; четвероконечный и равноконечный 122.

Кречетъ 29, 104.

Крещальня 195.

Крещеніе 270, 273.

Кринонія визант. царей 256.

Кринъ 127, 324; греческій 127; к-ъ лилія на скіадіи 295; к-ъ сиро-египетскій 339; к-ъ на тканяхъ 354.

Критъ 313.

Крокодилъ 58, 134, 137, 143, 145, 151, 158, 168; басни о к-хъ Египта и Индіи 149; к-ъ на тканяхъ 364; к-а чучело 93.

Крона пальмы 314, 316.

Кропинныя (паруса) 353.

Кругъ 86; к-и вытканные крупные 268; к-и крестообразной формы 344—345; к-и магическіе 31; к-и орнаментальные на тканяхъ 330; к-ъ въ орнаментѣ 318; к-ъ въ розеткѣ 325; к-ъ (и) на тканяхъ 301, 327, 329, 330, 339, 341, 347, 354, 357; к-ги на хламидахъ 349.

Кругъ хана 178.

Кружокъ 31; к-и мелкіе съ крестиками 94.

Крымскія горы 80.

Крымъ 54, 66, 71, 79, 80, 132, 338, 354; К-а курганы 54.

Крыши позолоченныя 276.

Крѣпости Прѣслава 121.

Ксантенъ, ткань собора 301.

Ксенодохи 236.

Ксиролофъ 198.

Ктезій 151.

Кубанская область 70.

Кубань 9, 15, 19, 22, 28, 30, 41, 71.

Кубечи село въ Дагестанѣ 7, 70.

Кубе А. Н. 78, 79.

Кубеба 15.

Кубовая капитель 122.

Кубъ мраморный 122.

Кувикуларій и Кубикулярій (и) 188, 189, 236, 279, 281, 292; к-я производство 223.

Кувуклій 213, 220; к-ія архонты 220; начальство 274; чины 213, 226.

Кудесникъ (и) 94, 263, 264.

Кудесничество 12.

Кукко 335.

„Кукува могила", курганъ около с. Дуванлій 85.

Кула персидская 281.

Куль-Оба, курганъ 11, 18, 33, 34, 36, 41, 54, 83; К.-О. могила 18.

Культура 61, 63; Азіи Центральной

74; варварская заносная 82; к-ы Востока 74; к-а (ы) восточная (ыя) 61, 62, 69, 74; к-а древнѣйшаго Египта 125; земледѣльческая 145; кочевая 61; переднеазіатская 3; Туркестана Восточнаго 74.

Культъ ангеловъ 97, 98; лошади 173; предковъ 145.

Куманы или Половцы 9, 227; к-нскіе князья 119.

Кунсткамера: Королевская въ Копенгагенѣ 77. Петра Великаго 45.

Куны 353.

Кунья шуба 356.

Куполъ 94.

Кураторы 188; к-ъ великій 186, 187; к-ъ манганъ 186.

Курганъ (ы) 17, 34, 41, 77, 86; к-ъ Акмечетскій близъ Керчи 36, 41; к-ъ Александропольскій 21, 24, 31, 32, 33, 36, 53, 54, 161; к-ъ Бесленеевской станицы 140; к-ъ Брѣзова 85; к-ъ Бѣднякова 85; к-ъ с. Волховцы 26; к-ы Геремесовскіе 33; к-ъ Карагодеуашхъ 21, 286; к-ы Керченскіе 54; к-ъ Краснокутскій 19; к-ы Крыма 54; к-ъ „Кукува могила“ около с. Дуванлій 85; к-ъ Куль-Оба 11, 18, 33, 34, 36, 41, 54, 83; к-ъ Майкопскій 22; к-ъ Панагюрище 85; к-ъ Радювене 85; к-ы (ъ) „Семи братьевъ“ (Семибратскіе) 19, 41, 42, 141; к-ы Стародубскаго уѣзда Черниговской губ. 354; к-ъ Чертомлыцкій 18, 19, 33, 34, 35, 36, 83.

Курды 118.

Курильница 188; к-а бронзовая въ видѣ единорога 162.

Курица 333, 335.

Куронолатъ 179, 181, 182, 239, 283, [294.

Куропатка (и) 153, 333, 335.

Куртка кожаная 245; к-и короткія 246; к-а короткая изъ овчины мѣхомъ внутрь 244; к-а короткая татарской женщины изъ Шемахи 246; к-а узкая 244.

Куртумъ-тай 15.

Курцій 160.

Куры 153.

Куски блюдъ: вида китайскихъ селадоновъ Истор. Муз. 163, персидскаго фаянса И. М. 162, 163; сосудовъ: сарайскаго типа Истор. Муз. 163; средне-азіатскаго типа И. М. 163; чашъ: въ И. М. 163; чашъ п-го ф-а И. М. 162, 163.

Кустарныя мастерства 169, 170.

Кутазъ, кутасъ 21, 248, 288; боболевъ к-ъ 21.

Куфическая (ія) надпись (и) на тканяхъ 342, 345, 347; к-ія письмена на груди орла на ткани 118.

Куча 330.

Кушакъ 266.

Кушка 46.

Куякъ 286; к-и восточные 278; к-и в-ые воинскіе 247; к-ъ, подбитый бѣличьимъ или горностаевымъ мѣхомъ 286.

Л

Лабартъ 208.

Лабаръ (ы) 195, 250.

Лавзіака триклинъ 207.

Лаврентія образъ 154.

Лаврентьевская лѣтопись 151.

Лавръ 194, 200, 309; л-а вѣтви 272.

Лавуа 175.

Лагашъ 117.

Ладья загробная нильская 27.

Лаконія 298.

Лалы 220.

Ламаизмъ 30.

Лампады 196.

Лангобардія 237; л-ій періодъ Италіи 113; л-ы 62.

Лань 78, 79, 104, 153; л-ь сохатая 359.

Лаодикейскій соборъ 100, 101.

Лапаца 267.

Лаппо-Данилевскій А. 4.

Ласкарисъ 119.

Ластовица 157.

Ласточка 151.

Латеранъ 315—316; ткани Л-скаго клада (сокровищницы) 253, 315, 316, 334.

Латинская надпись на браслетѣ Чулекской находки 216; л-ій языкъ 94, 95.

Латы 204, 205, 265, 269; золотыя 206.

Латышевъ В. В. 4.

Лебеди 77.

Левіаѳанъ, змій великій 149; л-ы 159.

Левъ I, имп. виз. 179, 185.

Левъ II, имп. виз. 179.

Левъ III Исаврянинъ, имп. виз. 194.

Левъ IV Хазаръ, имп. виз. 189, 226.

Левъ V Армянинъ, имп. виз. 189.

Левъ VI Мудрый, имп. виз. 180, 203, 204, 205, 207, 272, 353.

Левъ (ы) 18, 25, 31, 34, 41, 50, 55, 70, 71, 74 78, 84, 85, 86, 88, 89, 101, 103, 104, 106, 107, 108, 118, 129, 130, 131, 132, 136, 137, 143, 149, 151, 152, 153, 155, 164, 168, 170, 172, 177, 242, 243, 249, 253, 268, 274, 330; л-овъ геральдическая поза на тк. 330; л-ы въ звѣринцахъ калифовъ 352; л-а изображ. въ притчѣ Спасъ Недреманное око 156; л-ъ крылатый 25, 115; л-ы, охотящіеся за антилопами, изображ. на александрійск. тк. 243; л-въ рисунки, схватившихся съ змѣями 177; л-ъ, терзающій лань 168; л-ъ (ы) на ткани (хъ) 249, 252, 301, 310, 316, 326, 330, 331, 332, 336, 347, 351, 357, персидскій 337; на фронтонѣ Акрополя Микенъ 359; л-ы съ человѣческой головой 134; л-ъ четырехкрылатый 27; л-ыя масочки 84; львенокъ 153; львица 156.

Легатъ (ы) 198, 199.

Легенды 164, буддійскія 75; о Мадоннѣ 167; поэтическія 165.

Легіоны 65.

Легранъ 231.

Левгинъ (ы) 7, 70, 240.

Лейденъ 86.

Лекокъ (A. v. Le Coq) 74, 215, 311.

Ленты 243; л-ы на головѣ коня на тканяхъ 333; л-ы перисдскія 243, на ткани изъ Мозака 249, у коня на шелк. тавл. Бамб. собора 250; л-ы царственныя на крылат. конѣ на тканяхъ 333.

Ленъ 289, александрійскій 228.

Леонардо да Винчи 157.

Леопарды 164, 170.

Лесбосъ 43.

Либасъ, одежда персо-арабск. 267.

Ливанъ 123.

Лидія 134.

Лилія (и), 127, 221, 295, 316, 323, 324, 325, 339; бляшки въ видѣ л-ій 30; л-іи копейныя 268; л-ія красная 127; полевая 127.

Лимоннаго цвѣта облаченія 291, шапки 219.

Линасъ де (Ch. de Linas) 52.

Линія волнистая орнамента 317.

Лисицы 170.

Лиріумъ 323.

Листва мелкая на тк. 328, обросшая живая 122, на тканяхъ 330.

Листокъ на тканяхъ 328.

Листъ (я, ы) 113; л-я аканѳа 113, 127; л-ы золотые 283; л-ъ въ иконописи 320; л-я лавра 198; л-ъ орнаментальный на тк. 322; л-я остроконечные 140; л-я пальмы 126; л-я плюща 198, 254, византійскіе 257, золотые 268; л-а сердцевидные нервюры на тк. 321; л-ы на тк-хъ 322;

л-ъ широкій съ пятью широкими лопастями 127.
Литература: Востока 136, древняго міра 102, европейская 136, западная 167, средневѣковая 103.
Литія 197.
Литтре 165.
Литургія 205.
Лихачевъ А. Ф. 81.
Лихны залъ 195.
Лицевая Толковая Псалтирь 149.
Личины 68.
Ліана 320.
Ліонъ 248, 359.
Ліутпрандъ (Liutprandus) 216, 296.
Ловчій (іе) 78, 176, 217, 362; л-ій высшій 280, королевскій 222.
Ловцы 177.
Логаріасты 191.
Логоѳетъ (ы) 179, 194, 195, 227, 280; л-ъ великій 194, 230, 238, 282, 294; л-ъ (ы) военный (ые) 186, 189; л-а в-го дѣла приказъ 202; л-ъ войсковый 281; л-ъ по дому 295; дрома 186, 187, 195, 199; дружины 195, казны 230, 239, 292, государственной 186, царской 295; путей 186; пѣхоты 295; стадъ 186, 187.
Ложе царицы 214.
Лоза 243, 257; л-ы винограда 113; л-а виноградная на тканяхъ 316—318, 326.
Локотницы (скорпіи) 138.
Лоратная патриціанка 217.
Лоренцо Великолѣпный 257, 259.
Лоръ (ы) (лоронъ) 184, 197, 204, 221, 224, 225, 226, 227, 228, 232, 235, 264, 269, 291.
Лось 53.
Лотосъ 253, 305, 316; л-ъ на тканяхъ 327.
Лошадь (и) 49, 51, 52, 54, 69, 88, 140, 161, 243, 287; л-ь бѣлая 173, верховая 287; л-и Парѳенона 54; л-и сибирскихъ древностей 54; л-ь хана 243.
Лувръ 78.
Луговая могила (= Александропольскій курганъ) 31, 286.
Луда 28.
Лукоморье Днѣпра 28.
Лукуллъ 310.
Лукъ 52, 55, 172, 243; персидскій или кочевническій 243; выточенный изъ кости 254.
Луна 100; л-а на головѣ коня на сасс. тк. найд. въ Антиноѣ 333; л-а на платьѣ въ былинахъ 356.
Лунница (ы) 30, 31, 33, 211; золотая 278; сережныя большія изъ Великихъ Болгаръ 146.
Луперкаліи 212.
Лыско конь был. 13.
Льняныя нити тканей 307, ткани 228.
Лѣкаря 196.
Лѣсовики 164.
Лѣстница витая 209; л-ъ декоративное украшеніе 121.
Лѣтописи 190.
Лѣчебникъ 103.
Люди 57; л-ей головы 145; л-и дивьи 135; съ звѣрин. головами 58; родовитые 261; служилые 261; царскіе 195, 205; чудовищные 135.
Люнетъ 94.

М

Маастрихтъ 253, 322.
Маврикій, имп. виз. 66, 285; М-ія Стратегиконъ 285.
Мавританія 175.
Мавръ 260.
Магизмъ 10, 99.
Магистръ (ы) 179, 182, 189, 195, 196, 199, 202, 205, 207, 209, 218, 227, 236, 251, 271, 272, 347; м-ъ арміи 236, 291; м-ы высшіе 283; м-ъ новый 274.
Магическое заклятіе 28; м-ія записи

333; м-ое значенiе изображенiя на тк-хъ 332; м-ая практика 30; м-ая сила т-й 333; м-iй смыслъ въ изображ. на тк-хъ 326; м-iя формулы

Магiя 12—14, 22, 30, 148. [145.

Магнавра 199; М-ы Триклинъ 199,

Магометъ 10. [200.

Магъ (и) 10, 11, 14, 23, 94, 99, 257, 264; м-и волхвы 255; младшiй м-ъ 256, 260, 263; среднiй м-ъ 256; старшiй м-ъ 256.

Мадара с. 86, 129.

Мадарскiй всадникъ 86, 87, 88, 89, конникъ 82, 89, 90, 129, 130, 131.

Мадонна 167, итальянская 157.

Мадридъ 62.

Мазандеранъ 12, 147, 148, 149, 247,

Майкопскiй курганъ 22. [285.

Макарiй арх. 338.

Македонская династiя 277.

Македонцы 65.

Макризи 29, 175, 351.

Малайцы 321.

Малиновый оттѣнокъ краснаго цвѣта 293, цвѣтъ 293, 297.

Малицкiй Н. В. 96.

Малкина К. 55.

Малороссiя 307.

Малхъ (= экзегетъ Порфирiй) 98.

Маль Э. (Mâle Em.) 325, 326.

Манглавиты 195, 236.

Манглавiй 195.

Мангусъ (ы) демонъ 13.

Мандаторъ 29.

Манджуры 29.

Мани 215, 311.

Манилiй сенаторъ 110.

Манихоры (Мантихора) 151; волшебныя 159.

Манихейская рукопись, найд. въ разв. Иди-кут-шехри 310.

Манiакъ (и) манiакiй (iи) 185, 215, 228, 232, 238, 278, 283; м-и жемчужные 279; м-ъ золотой 185, висячiй 283, съ камнями 188; м-и простые 275.

Манiолуй островъ 137.

Манклавиты 352.

Манклавiи 192.

Мантiя (iи) 182, 202, 203, 204, 209, 212, 217, 221, 225, 232, 264, 265, 266, 269, 271, 291, 292, 299, 330, 343, 348; бѣлыя 197, 203, 208; м-iи на волхвахъ 255, 260; м-iи византiйскаго двора 296; горностаевая 256; м-iя греческая 224; м-iя съ золотымъ (и) тавлiемъ (и) 183, 208, 294; м-iя императорская 118; м-iя кесаря 200; м-iи княжескiя 348; м-iя (iи) королевская (iя) 296, 347, 348; м-iи красныя 268, 292, 294, 296, 324; народная 347; норманская 349; парчевыя 268; полукруглыя 348; порфировыя 296; похоронныя 324; протоспаѳарiевъ 292; пурпурная(ыя) 208, 221; м-iи разноцвѣтныя 300; м-iя разрѣзная 255; м-iи царскiя 296, 297; м-iи черныя 300; м-iи чиновъ 349.

Мантэнья Андрей 261. [213.

Мануилъ Комнинъ, имп. визант. 194,

Мануилъ III Комнинъ Трапезундскiй

Мануилъ Асѣнь 223. [118.

Мануфактура: александрiйская 89, 253, византiйская 305, 330, 346, императорская 346, Сирiи 339; сироегипетская 358; м-ы Средней Азiи 89.

Марiя, дочь Стилихона 101.

Марка св. гербъ 238, площадь 260.

Марко Поло 354.

Марковъ монастырь въ окр. Скопльe

Мармеладъ 310. [119.

Марсъ - планета 99.

Мартэнъ (Martin) 302, 326.

Масальскiй уѣздъ Калужск. губ. 355

Масочки львиныя 84.

Масперо 2.
Массагеты 42, 43, 44, 64, 89.
Массуди 175.
Мастерскія 70, 72, 169, 176, Андалузіи 118, варварскія 36, 54, византійскія 89, VI и VII вѣковъ 243, городскія 237, государственныя 190, готскія 67, греческія 33, Греціи 54, иконописныя 190, кочевниковъ 51, Малой Азіи 54, перегородчатой эмали 190, персидскія 176, сиро-арабскія 163, сицилійскія 305, 343; Финикіи-промышленныя 134, форума 228, царскія 228, 302; шелковыхъ тканей 190, юга Россіи 54.
Мастерство 77, восточное 169, Гокчайскаго озера 169, Дагестана 169, Кабарды 71, Осетіи 71, преемственное у варваровъ 64, промышленное 1, сканное 84, собственно персидское 169, филигранное 84, Хевсуріи 71, Чечни 71.
Мастеръ (а) 71, 72, 74, 88; м-а греческіе 33, 34; персидскіе м-а тканей 333.
Масхары или скамрахи 208.
Матвѣй монахъ 282.
Матеріализмъ 98.
Матеріи: бѣлыя 237, 238, голубыя 238, китайскія 149, лимонныя 238, пурпурныя 228, 237, разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ 237, 238; сицилійскія 351, для скарамангіевъ 237, 238, шелковыя (ыя) 228, 266, 300, 304, 307, 329; м-я легкая шелковая 268, плотная шелковая 185; м-и ш-ыя полосатыя 301.
Матрицы для литья и чекана 35, 36.
Мать боговъ, женск. божество 310.
Махрома 297.
Мацука 295.
Мацулевичъ, Л. А. 91.
Мафорій Богоматери 298.
Медальонъ (ы) 21, 86, 100; м-ы круглые 59, м-ъ округлый 94; м-ы Чулекскаго клада 67; м-ъ Юстиніана 63, 237.
Медвѣдь (и) 23, 51, 75, 78, 88, 89, 91, 92, 93, 153, 162, 168, 215.
Мейеръ Э. 145.
Мелитонъ Сардійскій 152, 153, 154.
Мелхиседекъ 138.
Менандръ, виз. историкъ 44, 45, 46.
Менискъ 31.
Менологій Ватиканскій 230.
Меотида 79.
Меоты 28.
Меркурій планета 99.
Меровингскій періодъ 61.
Меса, Средняя улица К-я 272.
Месопотамія, 9, 12, 26, 28, 29, 56, 116, 117, 123, 125, 285, 313, 314, 327, 349, 358.
Мессершмитъ 15.
Метаголынаріи 136.
Метаніе 218.
Метастазимъ 209.
Метелинъ 118.
Меурсій 280.
Мечети 169.
Мечъ (и) 35, 78, 92, 161, 184, 272, 278, 290, короткій (іе) 91, 241; м-у поклоненіе 11; м-ъ на поясѣ 265.
Мечники 285.
Мидія 323.
Микадо 29.
Микенъ Акрополь 359.
Миклоша (скій) кладъ 48, 76, 77, 104, 128, 147, 286, 318.
Миклошичъ 324.
Милій 198.
Миллеръ, акад. 45.
Миллеръ Вс. 69.
Миллеръ К. 138.
Мимъ (ы) 91, 93, 208, 213; главный [м-ъ 93.
Минаевъ, И. П. 164.

Мингъ-эй 75.
Мингъ династія 170.
Миндаль 311.
Минералы 152; о м-хъ разсказы 152.
Министръ 183.
Миніатюры 63, 170, 175, 184, 297, 298, 299; м-ы византійскія 223, 333, 362; м-а выходная подносной греческой рукоп. Словъ Іоанна Злат. 268; м-а X в. 262; м-ы греческихъ рукописей 296, 298; м-ы древнія 137; м-а индо-персидская XVI в. 21, 247, 285, 286; м-а индо-персидская старая 246; м-ы коптскія 345; м-ы манихейской рукописи изъ Турфана 215, 310; м-а персидская старая 246; м-ы Персіи 170, 337; м-ы Псалтыри 162; м-ы рукописей 251; м-ы XII—XVI стол. 176; м-ы Толковой Псалтыри 153.
Миннсъ, И. Е. (Minns E. H.) 4, 8, 11, 17, 21, 22, 24, 25, 26, 83, 102, 140, 146, 150, 157, 212, 240, 286.
Минотавръ 151.
Минусинскъ 57.
Мирковић Л. 119.
Миро 196.
Миртъ 200, 309.
Мистеріи 100.
Мистикъ, чинъ 191, 295.
Мистическія представленія 75; м-скія гаданія раскола 167.
Мистра 118.
Митра, богъ 336; культъ М-ы 14.
Митрополиты 203, 205.
Михаилъ, архангелъ 96, 99, 101.
Михаилъ III Пьяница, имп. визант. 189, 190, 207. [119.
Михаилъ Шишманъ, болг. царь 118,
Михаилъ Борисовичъ, Тверск. вел. князь 118, 171.
Миятевъ К. 95.
Миѳологія восточная 147, египетская 2, звѣриная 151; м-іи различныя 116; м-ія языческая 111.
Миѳологическія картины въ помпеянской живописи 305.
Миѳы 98, астрологическіе 144, астрономическіе 144.
Миѳологическія существа 159; м-іе сюжеты колоссальной птицы 116; м-скій шаблонъ 305.
Младенецъ Божественный 257; М-ъ Святой 157.
Многая лѣта 196.
Многобожіе 98, 99.
Многоголовыя фигуры съ рогами 173.
Могила 17, 18, 19, 67, 101; м-ы Алтая 24; м-а Брѣзова (вская) 82, 83, 84; древнехристіанская въ Софіи 94; Карла Великаго 274; на рѣкѣ Катанда 146, 241; м-ы Керченскія 54; м-а китайскаго императора 121; конская (ія) 41, 286; м-а кочевника 104; м-ы сарматскія Кубани 30; Кубанскія 30; м-а Куль-Оба 18; императорская близъ Мукдена 46; Луговая 31, 286; при Панагюрище 82, 83, 84; скиѳскія 25; Толстая близъ Краснокутска 33.
Могильникъ (и) 23, 69, 77; Ананьинскій 53, 69; м-и: по близости Владикавказа 70; Кабульты 70; Казбека 24; Камунты 24, 25, 70; Кобани (скій) 24, 70; близъ Смѣлы 41; близъ Уфы 141.
Могильные памятники 132.
Мода 65, 90, 108; м-а Аваровъ 245; м-а (ы) варварская (ія) 89, 213, 264; м-а на варварскую прическу (длинныя косы) 93; м-ы XV и XVI в. в. 261; м-а на Готовъ 66; м-ы женскія 263; м-а кавалерійская 264; персидская 213, 272; м-а Сарматовъ 245.
Мозаика (и) 90, 100, 123, 299, 345; м-и алтарныя съ изображ. феникса

111; м-а древнехристіанская Аквилеи 112; м-а Кахріе-джами въ Константинополѣ 282; м-и Палатинской капеллы 175; м-а римской ц. свв. Космы и Даміана 111; м-а св. Софіи въ Софіи 122; м-ческій образъ св. Севастьяна въ ц. S. Pietro in Vincoli; м-ческая роспись усыпальницы Галлы Плациды 154.

Мозакъ 248.

Мокія св. храмъ 273.

Молельни расписанныя 75.

Молитва надъ хламидой 226.

Монархія восточная 64.

Монашество 309.

Монголія 6, 7, Великая 170, Сѣверная 48.

Монголы 5, 337, 363; м-льскіе владыки 148; м-льскій типъ 243; м-льскіе халаты 337; сцена пріема пословъ Китая у м-льскаго хана 148.

Монеты 52, 59, 89, 118, 151, 152; м-ы Босфорскаго царства 89; великокняжескія 172; византійскія 71, в-скія золотыя 77; куфическая клада с. Косякова 80; малоазійскія 85; золотыя Пантикапеи 102; русскія XIV—XV в.в. 171; сассанидскія 71; тверскихъ князей 172.

Монисто 96.

Монограммы имени Іисуса Христа 96; м-ма Христа 113; м-ма ХМГ 96.

Монофизитство коптовъ 327.

Монстръ (ы) 57, 134, 326; м-ы на тк-хъ 326, 337.

Монцъ 62.

Мордва 339.

Море — широкій плащъ 277.

Морхи 297.

Москва 190.

Мохры 297.

Мощи 344; ткани для храненія м-й 326.

Мраморъ пестрый, цвѣтной 95; м-ная облицовка 125; подобіе м-ныхъ и пестро м-ныхъ облицовоч. плитъ 94; м-ные рельефы 143.

Музаки Андрей 119.

Музей: въ Анжерѣ 78; Берлинскій (Kaiser-Friedrich M.) 78, 263; Б-й Худож. пром. 299, 321, 322, 328, 345, 346, 360; Б-й Этнографическій 330; Британскій 117, 237; г. Вича въ Испаніи 359; Вѣнскій Историческій 78; Гиме въ Парижѣ 270, 304, 312, 320, 333, 336; Историческій въ Москвѣ 59, 80, 141, 162, 241, 338—349, 354; Кенсингтонскій 78, 79, 358; Керченскій 79; въ Килѣ 86; Коніи 144; Клюни (Cluny) въ Парижѣ 62, 318, 319, 329; Копенгагена 79, 86; Лейдена 78, 79, 86; въ Ліонѣ, тканей 246, 307; Пештскій 222—223; Равенны 201; Румянцевскій въ М-ѣ 141; Софіи (скій) Народный 82, 85, 101; Токіо 242, 310; Чернуски въ Парижѣ 141, 145, 147, 160; Штиглица въ С. П. Б. 343.

Музыка 92.

Музыкальные инструменты 208.

Музыканты 196, 208, 216, 217, 276.

Мукденъ 46, 120.

Мулы бѣлые 276.

Мундиръ 227; кавалерійскій (іе) 236, 252, 264; м-въ формы 254.

Мурмолка 281.

Мусатъ 18.

Мустанзеръ, халифъ 351.

Мусульмане 136; м-скій міръ 288; м-скія страны Азіи 77.

Мутаторій 196, 220, 226.

Мученики 225.

Мушмовъ, Н. А. 118.

Мцхетъ 71.

Мыльщики 281, 292.

Мѣдь 57, листовая 57.

Мѣхъ 245, 247.

Мюнстербергъ (Münsterberg) 110, 145.
Мятль 348, 357.
Н **Набатеевъ племя** 313.
Набедренникъ (и) 240, 247, 254.
Набивка 57.
Набойки полотняныя и шерстяныя на тк-хъ 354.
Наборъ 68, н-ъ скараманг. 237; н-ъ чешуйчатый 247, н-ыя цѣпочки 30.
Набрюшникъ 251; н-ъ катакойлiонъ [256.
Навзикая 312.
Нагайка 18.
Нагрудникъ (и) 211, 241, 243, 244; брачный царскiй 201; золотой остготскiй VI в. 201; сибирскiе боевые 29; царскiй изъ складовъ 201; темно-синiй 254; царскiе 201.
Надпись (и) 86, 87, 95; арабскiя 169; древнѣйшiя болгарскiя Абобы 86; н-ь краля Влкашина 119; вышитыя жемчугомъ 279; куски керамическихъ н-ей съ именемъ св. Ѳеодора 126, куфическiя 174; н-ь на Мадарскомъ вс. 130, 131; н-ь Омортага 120; н-ь на рис. изъ альбома Ч. Вечеллiо, изобр. Пеика тѣлохранит. турецк. султана 246; н-ь, найд. во Фригiи 101.
Наемникъ 65.
Накидка 279, 353, 357; н-ъ античные типы 239; н-и безрукавныя 266; н-и выходныя съ башлыками 264; н-а поверхъ панцыря 231.
Накладка налучья изъ мог. близъ Смѣлы 41; золотая н-а н-iя изъ Куль-Оба 37, 41; н-и оплечья 279; н-и ремня 33; золотыя изъ Венгрiи [78.
Наколы орнаментовъ 86.
Наколѣнники 247, 249.
Наконечники ремней изъ Венгрiи [76—77.
Накры 216.
Накш-и-Рустам, персидскiе барельефы 87.
Наличникъ мраморный 131.
Налобникъ 19, 42; конскiй 85.
Налокотники 223.
Налучье 54.
Намордникъ 93.
Наплечки пурпурныя 275.
Наплечники 205, 223, 228, 279; металлическiе 247; хитона 292.
Нара буд. монастырь 242.
Нарамники 231; золотые 268.
Народъ (ы) 92, 182.
Народная поэзiя религiозн. содержанiя 167.
Наручи 228, 232, 278; н-и антипаны 279; золотыя 268; панцырныя 247; церковыя 338.
Наряды 180; воинскiе кавалерiйскiе 254; н-ъ кочевника 241; н-ъ маркграфа 262; н-ъ охотника 241; н-а погребальнаго вещи 67; н-ъ проэдра сената въ IX в. 254; н-ъ торжественный царскiй 266; н-ъ ѣздовой [263.
Нарѳикъ 196.
Насѣкомыя 185.
Насѣчка въ Дагестанѣ 70; н-а орнаментовъ 86.
Натуральная Исторiя Плинiя Младшаго 110.
Наузъ 20, 288; н-ы Бориса Годунова [288.
Наумовъ 172.
Наушники 260.
Находка (и) 4, 70, 81, 84, 85; варварскiя Вост. Россiи 70; н-и Донской области (на Дону) 70, 72; Камунты, Кобани 71; курганныя 69, 86; могильныя 69; въ Московскомъ Кремлѣ 1895 г. 162; Новочеркасскiя 70; въ Патлейнѣ 124; въ Хевсурiи 71; въ Чми 71; Чулекскаго клада 67.
Нацiональная библiотека Парижа 86.
Начальники строевыхъ войскъ 236; гвардiи 182; н-ъ дима 195; игръ 68; идика 186, 187; канцелярiи по про-

шеніямъ 186, 187; конницы 104; конюшенъ 280; Манганъ 187; мастеровъ цирковыхъ 93; охоты 176; охотниковъ царскихъ 280; псарей 280; сиротскихъ пріютовъ 187; сокольниковъ 280; н-и частей 280.
Начелье 72.
Начетчики книжные 109. [280.
Нашивки византійскія 215; одеждъ
Нащечникъ 19; н-ъ Краснокутскаго кургана 19.
Неаполь 211.
Недвиговка слоб. 71.
Некрополь 28, 69; н-и варварскіе юго-вост. Россіи 60; н-и Keszthely 75; н-и Кубанской области 70; лангобардскіе 75; меровингскіе 75; н-ь Орда 75; н-ь Софійскій 95; н-и Турфана 74; христіанскіе 123.
Неоплатоническая философія 98.
Нерей 25.
Нерона монеты 52. [364.
Нерукотворенный Спасовъ образъ
Нессъ, битва Геракла съ Н-мъ 152.
Нефедовъ 355.
Нефритъ, изъ Сибири.
Нефъ 139; н-ы Палатинск. кап. 175; н-ъ средній въ готическихъ и романскихъ соборахъ 325.
Неясыть 157.
Нидерле Л. Г. (Niederle L.) 216, 228, 229, 230, 231, 245, 338, 355.
Нижній Новгородъ 354.
Низки жемчужныя 288; къ покрываламъ 30.
Ника бунтъ 89, 212.
Никита Хоніатъ 285.
Никитинъ Афанасій 164.
Никифоръ II Фока имп. виз. 179, 194, 216, 226, 235.
Никифоръ III Вотаніатъ имп. виз. 268, 282.
Николай Дамасскій 28.
Никомидія 190.
Никополь 33.
Нилъ 149.
Нимбъ (ы) 59, 111, 126, 177.
Ниневія, Н-іи изразцы 314.
Нити тканей шелковыя 307.
Нитра 77.
Ниши алтарныя развал. въ Патлейна 124; н-а Золотого Триклина 195; н-и пятибашеннаго шкапа 201.
Нищіе 196.
Новая Базилика 200.
Новая Церковь 205.
Новгородъ 172.
Новелиссимъ, нобилиссимъ 179, 181, 182, 193, 222, 271, 274.
Новозагорско 101.
Новопоставленные 271.
Новочеркасскъ 72.
Новый Базаръ 90.
Новый Садъ 343.
Нога, Ногуй, Ногъ, Ногои (перс. нухуд) птица (ы) 29, 58, 136, 359.
Ногавицы 231.
Ножны золотыя 265.
Ножъ (и) 18, 174.
Номики 195.
Норманнъ (ы) 72, 175, 176; 350.
Носорогъ (и) 51, 58, 85, 105, 131, 151, 156, 159, 160, 161, 163, 164; н-ъ двурогій 163; индійскій 159, 161; одно-
Нотаріи 197, 272. [рогій 163.

О

Оазисы 74.
Оаннесъ, Дагонъ (Еа) 26.
Обезьяна (ы) 108, 164, 171.
Обелискъ: Салманассара II 160, на черепахѣ 120, Өеодосія 210.
Оберегъ (и) 23, 25, 30, 31, 33, 71, 161, 288.
Обиходъ царскій Византіи 190.
Облаченіе (я) 180, 185, 186, 191, 203, 227, 264, 273, 277, 278, 280; архонтовъ 224; бѣлыя 294 295; визан-

тійск. двора 265, 295; высшихъ чиновъ визант. 352; дворцовыя 252, 274; епископскія 349; кавалерійскія 264; о-е кесаря 271; красныя 292; патриціанское 224; поздневизантійскій арсеналъ о-ій 269; полуперсидскія 274; придворныя 274; приммикирія 295; простое 270; пурпурное (ыя) 206, 291; сакральный и магическій характеръ о-ій 224; сенаторское 224; траурныя царскія 291; священныя 279; собственныя 252: стратига 348; царское (ія) 184, 194, 219, 223, 271, 348, 352; церковныя 349; чиновъ 271; шелковыя 199; широкія 264.

Обликъ условный греческій 54.

Облицовка 90; о-и мраморныя 124.

Обнизи 77; жемчужная (ыя) 85, 287; о-и на слонахъ на тк. 345.

Обновленія день 270, 291.

Обоймы металлическія 286.

Оборотень (и) 148, 164.

Образки слоновой кости X—XII ст. 131, 132.

Образъ безсмертія 111; зла 159; о-ы зла и мудрости 158, о-ъ Спаса (какъ онагръ) 156.

Образъ возносящагося Спасителя въ мозаикахъ 100; керамичный святого Θеодора 126; Нерукотворен. Спасовъ 364; царя, обнизанный жемчугомъ 238.

Образцы или зерцала 278.

Обручъ 219; о-а вѣнечнаго декорація 127.

Обряды погребальные 145.

Обувь 275; царская красная 222.

Общины христіанскія 97; въ Болгаріи 124.

Общество высшее византійское 65.

Объярь шелк. тк. 231, 352.

Обычаи 109; о-й варварскій носить длинные волосы 202; византійскіе 285; воинскіе 268; греческій о-й ношенія волосъ 89; древніе 267; персидскіе 254, 286; персидскій кочевой 255; римскій о-й раздачи тессеръ 211; среднеазіатскіе 286.

Объявленіе о новомъ императорѣ Запада 198.

Обь 45.

Обѣдъ (ы) 205, 271; званный для духовныхъ лицъ въ воскрес. Θоминой недѣли 204; о-ъ въ Триклинѣ на 6-й день св. Пасхи; о-ъ въ Юстиніановомъ Триклинѣ 205.

Овалы въ тканяхъ 339.

Овенъ знакъ зод. 110; звѣрь 153.

Овощи 211.

Овцы 270.

Овы 127.

Огонь 111.

Ограды 120.

Одежда (ы) 18, 26, 49, 89, 96, 134, 135, 177, 182, 185, 200, 204, 206, 207, 241, 245, 251, 303, 329, 331, 353; бѣлыя 203, 204, 275, 289—293; бѣлыя съ чернымъ 275; верхняя 262, 265, 266, 279; византійская (ія) 178—301, 303; в-го двора 296, 300; о-ъ виз. цвѣта 289, 301; внутреннія 227, 260; восточныхъ дворовъ 264; вышитыя разрѣзныя 275; выѣздныя сассанидскихъ царей 241; греко-римскія 226; дворцовыхъ чиновъ главныхъ 274; двуцвѣтныя 301; о-ы для дома, домашняя 207, 227, 228, 267, 275; драгоцѣнныя Руси 355; дѣтская 228; дымчатыя 300; египетскія 354; о-ы епископовъ 221; женская 183; женскія, воспроизвод. древній мужской образецъ 246; о-ъ зеленый цвѣтъ 291; коронаціонныя 227; короткая 116; о-а кочевниковъ знатныхъ

242; красный цв. о-ъ 290; лагерная 228; лоратныя триткaнныя 275; льняныя 307, 328; мышиные цвѣта о-ъ 300; народныя 204, 293; начальниковъ варварскихъ и варяжскихъ дружинъ 106; нижняя 185; обще-персидская 215; переломъ въ исторіи европейской о-ы 226; о-ы съ павлиньими перьями изъ желтаго шелка 266; палевая ткань о-ъ 292; о-ы съ парчевыми лорами 207; полотняныя 289; почетныя 267; придворныя изъ шелковыхъ матерій 263; пурпурныя 182, 290; о-ы съ пурпурными лорами 277; съ пурпурными орлами и царскими эмблемами 275; о-ъ пурпурный цвѣтъ 296—300; пурпурные лиственные разводы и цвѣты на о-хъ 292; разноцвѣтныя о-ы 300; о-ы разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ 275; розовые лиственные разводы и цвѣты на о-хъ 292; о-ы рукавныя 266; съ длинными рукавами 267; о-ы русскій типъ XV—XVI 269; свѣтлозеленая съ львами въ кругахъ 274; о-ы синклита 301; смирныя 300; солдатская 228; сшитыя 275; темносѣрыя 300; темныя 275; узкія трудовыя; о-а Хозроя 325; царскія 227, 267, 360; царскихъ мастерскихъ 228; цвѣтныя 341; цвѣтной ткани 267; церковныя 227, 293; черная (ыя) 148, 291, 300—301; о-ы изъ шелка или дамашки съ рисунками 246; шелковыя 276; ш-ыя съ драконами виз. царей 149; шерстяныя 289, 290; широкая 266, 267.

Одеръ 25.

Одиссея 312.

Однорядки 266.

Одонтотуринъ, звѣрь 138.

Одѣяніе верхнее 265, 266; красныя 291; персидское 352.

Ожерелье (я) 18, 30, 57, 74, 278; золотое 267; о-я съ подвѣсками 134; о-е на шубѣ въ былинахъ 356.

Ойраты 13.

Оковка 139.

Оксъ 26, 147.

Октагонъ 195.

Олегъ, кн. 353.

Олень (и) 11, 18, 22, 25, 33, 34, 41, 42, 51, 52, 53, 54, 70, 71, 74, 78, 104, 136, 153, 154, 155, 170, 243; о-и бронзовые изъ Сибири 47; золотой, найд. въ Венгріи 39; з-ой изъ Костромской ст. 38; з-ой изъ Куль-Оба 37; лежащаго о-я рельефъ 54; о-ей пары 154; о-ей стада 154; о-я статуэтка 240; сѣверный (ые) 73, 359; с-ый изображ. на нефритѣ 349; о-и на тканяхъ 326.

Оливковое дерево 309.

Олимпіада мать Александра В. 139.

Олифантъ 77, 78.

Оловиры 275.

Ольга, в. кн. русск. 180, 214, 355, 356.

Ольденбургъ, С. Ѳ. 74.

Омаръ 231.

Омортагъ, ханъ 86, 120, 121; О-а надпись 120; О-а усыпальница 120, 121.

Омфалъ 209; порфировый 196; п-ый круглый 199.

Омофоръ 203, 224, 279.

Онагръ 153, 156.

Онгонъ гора въ монг.-эпосѣ 13.

Оноподій 195, 200.

Опахала 108.

Опашни 266.

Описи восточныхъ сокровищъ у Макризи, Массуди 175.

Оплечье (я) 185, 188, 215, 223, 228, 241, 243, 244, 275, 277, 279; золотое 234, 292; изъ золотой ткани 249; о-е (я) маніакій (іи) 232, 236, 238, 241, 283; царское 250.

Опоясаніе 210; брачныя 201.
Опоясанная патриціанка 179, 183, 184, 213.
Оправа серебряная, сканная 287; о-а сѣдла 287; о-а съ финифтью 287.
Оптиматы 198.
Опушка мѣховая 262.
Орангутанги 164.
Оранжевый цвѣтъ 294.
Орарь 279.
Органъ 209; золотой 199; серебряные димовъ 213.
Орда некрополь 75.
Орда (ы) 74, 90, 129; Болгарская 106; гуннская 106; кочевая (ыя) 86, 88, 104, 120, 129.
Орелъ (ы) 29, 42, 57, 78, 101, 103, 104, 111, 117, 118, 145, 153, 156, 172, 176, 359; геральдическіе 57; гигантскій 136; о-ва голова 101, 103; двуглавый 115, 116, 117, 118, 119; дв-ый на тк-хъ 359; о-а крылья 103; о-ъ „Лагаша" 117; маленькіе 73; о-ъ „морьской" 359; одноглавый (ые) 118; распластанный 117; на тканяхъ 301, 360; о-ъ какъ эмблема солнечнаго божества Ашура 117; о-ый клювъ 67; о-ыя лапы 145.
Оригенъ 100.
Орлецы 338.
Ормувдъ 148.
Орнаментація (іи) 145, 244; о-ія боковыхъ вырѣзовъ 246, коймъ 246; о-ія тѣлами звѣрей 74.
Орнаментика 63, 76, 77, 122, 167, 303; византійская 333; восточная 75; звѣриная 62, 63, 133; крайневосточная 333; росписныхъ вазъ 305; сиро-халдейская 134; средневѣковая 319.
Орнаментъ(ы) 63, 77, 81, 84, 123, 253; византійскій 321, 330; геометрическій 34, 306—307; греко-римскаго міра 305, 306; греческаго искусства 319; европейскій 304; египетскій лиственный 253; звѣриный 134; изъ звѣрей 325; золоченые 162; исторія о-а 304, 306; коптскихъ рукописей 345; кустарный 302; народный 302; о-а общій типъ 121; о-ъ плетенія 62; растительный 34, 175, 248, 302, 307—325, 328, 329; о-ъ римскаго искусства 319; римско-эллинистическій 305—306; о-ъ рукописей Византіи 296; русскій 279; р-ій народный 307; рѣзные и наведенные черню 81; скандинавскій 84; средневѣковый 134; с-аго искусства 319; травный 329; о-а формы 63; эллинистическій 318; эмалевые 162; о-альныя плетенія иниціаловъ 133; о-альные разводы 75; о-альное растеніе на тк-хъ 347; о-альная схема 113, 122; о-альный типъ тк-ей 304.
Орници, орничѣ 352, 353.
Ортакиды 118.
Ортьма 355.
Орудія каменныя 69.
Оружейная Палата 362.
Оружіе 18, 70, 93, 185, 349, 351; аланское 71; бронзовое 24; греко-римскіе предметы о-ія 71; о-ія ковка 349; царское 195.
Орфанотрофъ 186.
Орфей 136.
Орѣхъ грецкій 311; о-и въ виньеткахъ рукописей 311.
Орѣшниковъ А. В. 150, 171.
Оселъ 51, 283; дивій 156; индійскій 160; ослица 137.
Осетеръ (ы) 26, 103, 145.
Осетія 71.
Остготы 67.
Остъ-Индія 164.

Остіарій (іи) 186, 188, 217, 279, 281; о-я вравій 186.
Остовъ сѣдла 287.
Оттоманы 288.
Оттонъ еписк. Бамбергскій 173, 174.
Оттонъ II имп. 347.
Оттонъ III имп. 274, 347.
Отцы Церкви 96, 98, 100, 101, 152, 158, 159, 276.
Офицеры 247, 281; гвардейскіе виз. 286; личной гвардіи имп. виз. 283; о-ство кочевое 242.
Оффикіалы 236.
Оффиціи 186, 191.
Охабень (и) 266, 267, 268; охабе- [некъ 267.
Охота 35, 52, 56, 78, 88, 89, 130, 136, 170, 255, 266; на гиппопотамовъ 75; на звѣрей на тк-хъ 315, 325, 330; за звѣрьками мелкими 176; на кабана 172; охота двухъ паръ князей варварской орды 242; за козулями 176; съ лукомъ 253; на льва (овъ) 78, 129, 242, 243; на л-въ съ гепардами 253; на медвѣдя 78; на оленя 78; въ парадизахъ 253; за птицей 176; сассанидскаго царя на тк-хъ 327; на тк-хъ 337; царская 89, 129, 175, 248, 304; царскихъ всадниковъ на льва на тк-хъ 316; двухъ паръ хановъ варварской орды 242; ханская 87; цирковая 215; о-ы сцены 52.
Охотникъ (и) 52, 55, 78, 93, 154, 172, 241; о-и верхомъ 170; о-въ группы 93; о-и на коняхъ 72; о-ъ скиѳъ 54; о-ъ съ соколомъ на тк-хъ 362; о-ъ сѣверный 244; о-и на тк-хъ [316.
Охрида 118.
Очелье 103, 219, 243.
Ошейникъ 92, 285.

П

Паво 108.
Павелъ апост. 97, 111.
Павелъ Силенціарій 272.
Павловскій А. А. 59, 175, 176.
Павильоны 351, 352.
Павіанъ(ы) 151, 164.
Павлинъ(ы) 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 131, 176, 329; п-ьи перья 108, 109; п-ы на тк-и(хъ) 316, 329, 339, 351, 360;
древнехрист. мозаика Аквилеи съ изображ. п-въ 112; плита церкви Маріи въ Космединѣ съ изобр. п-въ 113; рельефы плитъ ц. св. Марка въ Венеціи съ изобр. п-въ 113, 114, 115; рельефы Равенны съ изображ. п-въ 113;
шиферная плита изъ Старой Загоры съ изобр. п-въ 112, 113, 115.
Паволока 355; паволоки 353; парусы паволочиты Руси 353.
Падишахъ 285.
Падфея 20, 21.
Пайгніоты 208.
Паласы 7, 170.
Палатинская капелла 174, 176, 177; П-ой к-ы плафонъ 58, 177, потолокъ 174.
Палатки 351, 352; п-а бѣлая съ красными орлами 285; п-и съ софами 351.
Палермо мастерскія; П-скій соборъ [359.
Палестина 127, 313.
Палица 85; деревянная 140; большая, красная, массивная 286; к-ая ханская 247.
Палка(и) 68, 93; большая 93.
Палладіи потѣшные 94.
Палласъ акад. (Pallas) 29, 45, 69.
Палачи 262.
Пальма 111, 320, 360; арековая 320; карликовая 352; п-ы листъ 320; п-а на ткани 310; финиковая 123, 308, 312—316.
Пальметка(и) 33, 121, 122, 126, 127, 286, 318, 339, 342, 360; большія 121; греческая 314, 316; египет-

ская 127; малыя 121; орнаментальныя 21; палеваго цвѣта 127; сложная 77; схематичная 121; на тк-и(хъ) 321, 342, 343, 346, 357.
Пальметта вписанная въ квадратъ 121; рядъ и фризъ п-ъ аканфоваго типа 140.
Пальмира 27, 313; пластинка рѣзной бронзы изъ П-ы 26, 27.
Памфлетъ истор. Прокопія на имп. Юстиніана 89.
Памятники древней Болгаріи, древнѣйшіе болгарскіе 129, 132; др-шіе Вавилона 125; Византіи 252; византійскаго костюма 248; восточные 168, 285; древности средневѣковья 108; древней живописи 261; др-шіе восточнаго типа 131; Запада 115, 251; д-шіе Месопотаміи 125; могильные 96; скульптуры Ассиріи и Хеттитовъ 101; средневѣковаго искусства 164; стоянокъ иранскихъ, уралоалтайскихъ народовъ 69; художественные Ассиріи, Египта, Персіи 2.
Панагюрище 82, 84, 85; могила при П-е 82, 83, 84; курганъ 85.
Панегирики обоихъ императоровъ на пріемѣ 198.
Панели 175; облицовочныя 95.
Паникадила фрагменты въ Марковомъ м-рѣ около Скопле 119.
Паниперсевастъ 181, 191, 294.
Панополь (Ахмимъ) 304.
Панталоны съ орлами и царскими знаками 277.
Пантелеймонъ св., П-а св. монастырь (Пантелейнъ) 124. [пантиры 136.
Пантера(ы) 25, 58; п-а на тк-хъ 330;
Пантикапея 33, 102, 358.
Панхая 110.
Панцырь(и) 204, 235, 269, 285, 287, 291; золотой 265; чешуйчатый 259.
Панѳиръ 156.
Папъ, Папи (араб. врата, вратарь) 188.
Папа Римскій 303, 324.
Папій(іи) 188, 189, 218, 236, 295; великій 189, 191, 239, 292; домовый [189.
Параванъ 93.
Парагауда(ы), парагавдій 188, 223, 279, 292; п-іи золотые 279.
Парадизъ(ы) 14, 56, 75, 88, 148, 170, 174, 177, 243.
Парады 193.
Паракимоменъ(ы) 179, 190, 239, 280; койтонитъ 191; печати 191, 239, 295.
Парапетъ залы царскаго дворца 107.
Пардоваллъ 214.
Парижъ 21, 86.
Парки лѣсные 121; п-ъ охотничій 120.
Партія бѣлыхъ 196; п-іи („части“) Визант. двора 292; п-ій люди 211; славословія 194; п-іи цирковыя 93.
Парча 200, 225, 228, 232, 268, 272, 284, 363; золотая 263; з-ой п-и полосы 254; золотная 235; итальянскія п-и 259; плотная 247, 268; „тройной п-и“ скарамангій 235; шелковая 247, 292; п-ые пологи 207.
Парѳія 7, 12, 43, 44, 147, 149, 285.
Парѳяне 12; П-ъ изображенія 52.
Пасхи 1-ый день 226; П-и праздникъ 269; П-льной недѣли второй день (Обновленія) 270; П-льные праздники 194.
Патлейнъ (мон. св. Пантелеймона) 124; П-ская керамика 124.
Патриціанки 213; лоратная(ыя) 217, 225; опоясанныя 213, 225.
Патрицій(іи) патрикій(іи) 108, 179, 182, 183, 186, 193, 195, 197, 199, 202, 204, 205, 207, 208, 210, 212, 218, 224, 236, 251, 269, 272, 273, 281, 291, 292, 294, 300, 347; евнухи 188; п-евъ сословіе 183; стратигъ 271.

Патріархъ 196, 197, 203, 204, 205, 226, 251, 272, 273.
Паули-Виссова (Pauly-Wissowa) 101.
Пафлагонія 119.
Паяцы 216.
Певки, островъ 129.
Пегасъ 25, 151, 158, 333; п-ы 151.
Пеикъ тѣлохранит. тур. султ., его изображ. въ альб. Чезаре Вечелліо 245.
Пейголянь старѣйшина кашгарскій 28.
Пелена 353; св. п-ы 196; св. п-ы Христовы поргебальныя 225.
Пеликанъ 153.
Пелліо 74.
Пелопоннесъ 118.
Пентакувуклій св. Павла 214.
Пентапиргій 201, 204, 214.
Переводчикъ великій = толмачъ 239.
Перевязь 18.
Перегородки 67.
Перегородчатая эмаль 284.
Перегъбъ 355.
Передникъ длинный полосатый 248.
Передокъ сѣдла 50.
Перелефть, Перилевкій 283.
Переодѣванія 218.
Перепелка 168.
Переселеніе души 27.
Переселеніе народовъ 52, 61; п-ія н-въ эпоха 220.
Перикалимма 281.
Периклъ 108.
Перлы 351.
Пермь 57, 130.
Пермскій край 49.
Перо(я) 103, 110, 112, 113, 261, 266, 285; загнутыя 241; з-ыя подъ очелье золотого вѣнца 256.
Перышки 110.
Перро Жоржъ (Perrot G.) 2, 20, 26, 27, 30, 116, 134, 136, 160, 161, 285.
Персеполь, -исъ 87, 161.
Персидскіе мастера тк. 333; п-ая миніатюра XVI в. 337; миѳологія 147; п-іе монументальные памятники 87; п-ій образецъ изображенія на китайской тк. м-ря Нара въ Японіи 243, походы п-ихъ армій 147; п-ое производство 163; п-іе рисунки на тк. 354; п-ая роза въ скульптурѣ 321—322; п-іе садоводы 311, 312; восточно-персидскіе декоративные и орнаментальные типы на тк-хъ 304, 305; п-ія ткани 302, 305, 322, 327, 330, 331, 346, 350; п-скій характеръ орнаментаціи 244.
Персія 2, 3, 7, 14, 18, 29, 55, 62, 66, 70, 88, 92, 115, 116, 125, 128, 135, 143, 148, 151, 169, 170, 175, 176, 190, 220, 229, 233, 241, 261, 264, 268, 269, 278, 310, 317, 318, 319, 323, 330, 331, 333, 335—337, 349, 353, 354; П-іи дворы 307; культура розы въ П-іи 325; промышленность П-іи 303; сасанидская П-ія 293, 337.
Персы 8, 10, 12, 89, 102, 116, 148, 198, 241, 246, 247, 275, 311, 332.
Перстень(и) 18, 67, 248; золотой съ изображ. женщины 83; серебряные [81.
Перцовыя растенія 322.
Перчатка лѣвая 280.
Песье-главые люди 92.
Петербургъ 175.
Петросса 48.
Петрушевскій Ѳ. 293.
Петръ апостолъ 111, 174.
Петръ Великій 45.
Петръ магистръ (патрицій) 179, 182, [232, 300.
Пехлеваны 148, 278.
Печатки съ геммъ, найд. въ Камунтѣ и Кобани 71; п-а шестиугольная 81.
Печать царская въ Визант. 353; рядъ п-ей — цилиндровъ Месопотаміи и Сиро-хеттитскихъ 116.
Печенѣги 9, 246, 356; п-жская преграда 356.

Пешта комитатъ 75.
Пигійскій храмъ 291.
Пигмей(и) 135, 136, 172.
Пикадоръ 93.
Пики 319.
Пилястры 91.
Пиршество „длинноволосыхъ“ 230; п-венная пляска 205.
Пиръ(ы) 18, 108, 193, 194, 202, 206, 208, 271, 276; п-ъ 19 аккувитовъ 202; во дворцѣ 201; званый(ые) 194, 204, 205; именные 206; императорскіе 181; кошевые 18; святочный 217; союзническій 84; традиціонные осенніе 206; царскіе 93; п-ъ въ золотомъ Триклинѣ 204; въ триклинѣ при церкви 204; въ тр-ѣ Юстиніана (-новомъ) 203, 205; п-ъ на 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й д. Пасхи 204; въ день Преполовенія 204.
Писатели арабскіе 164; древніе 163; [духовные 167.
Писидія 101.
Писки заморскіе, пискове 216.
Питра (J. B. Pitra) 152.
Пиѳагоръ 100.
Пиѳагорейцы 289.
Пиѳики 164.
Планеты 99, 100.
Планы Абобы 121; п-ъ усыпальницы китайск. императора 121.
Пластинки 42, 139; ажурныя 22, 33; длинныя 71; п-а съ драгоцѣнными камнями на шапкѣ 246; п-а древне-египетская 253; золотыя 261, 283, массивныя 56, накладныя 42; круглыя 85; плоскія 84; прорѣзныя 32, 139; рельефныя 50; серебряныя 261, 283; створчатыя 285; тонкія 84; фантастическая 55;
п-ка изъ Брѣзова 84;
п-ка морскихъ козликовъ въ Килѣ [86;
п-ка бронзовая изъ Минусинскаго окр. 57;
п-ка рѣзной бронзы магическаго содерж. изъ Пальмиры 26, 27, 28;
п-ка золотая Александропольскаго кургана 161;
п-ка з-ая Аму-Дарьинскаго клада [161;
п-ка з-ая клада Веттерсфельда 25;
п-ка з-ая гробницы Маріи, дочери Стилихона въ ц. св. Петрониллы въ Римѣ 101;
п-ки з-ыя Сибирской коллекціи Эрмитажа 49—56, 140;
п-ка з-ая отъ колчана кург. группы Семи братьевъ 141;
п-ка рѣзная изъ кости собранія Эрмитажа 349;
п-ки серебра съ изображ. Геркулеса могилы при Панагюрище 84;
п-ки серебра съ головой Аполлона м-ы при П-ще 84.
Пластины 49; прорѣзныя 55.
Платаній (-ніонъ) золотой парчи съ жемчугомъ изъ ц. ап. Петра 200; пурпурной п-и изъ Пантеона 200.
Платно(а) 200, 266; широкое рукавное блѣдно-зеленой парчи 268.
Платокъ 281.
Платонъ 100.
Платъ 281.
Платья дочери халифа 351; п-е русское въ былинахъ 356; черное 221.
Плафонъ Палатинской капеллы 58, 177; п-ы золоченые 276.
Плахты 355.
Плащъ(и) 118, 235, 243, 258, 262, 277, 280, 293, 294; блѣдно-голубой 262; бѣлые 290; верхніе 228; военный(ые) 264, 265; воинскій 277, 348; зеленый у протовестіарія 294; п-ъ со значками на подобіе буквъ 279; короткій(іе) 89, 90, 93, 241, 254, 264, 265, 269; красный(ые) 192, 204, 251, 292, 294; пурпурные 271; п-ъ римскаго императора 224; п-ъ севасто-

кратора 294; узкій 277; четыреугольный 349; широкій 277.

Племена восточныя 62; германскія 62; средневѣковыя европейскія 165.

Плешенія циновочныя 338.

Плиній Младшій (C. Plinius) 51, 110, 151, 160, 164.

Плита(ы): декоративныя съ изображеніемъ двуглаваго орла 119; отдѣльныя среднихъ вѣк. съ изображ. льва 107;
п-а мозаики древнехрист. періода въ Музеѣ Аквилеи 112;
п-а декоративная съ крестомъ въ ц. Маріи въ Космединѣ въ Римѣ IX в. 113;
п-а съ вырѣзан. двуглавымъ орломъ въ Марковомъ монастырѣ около Скопльe 119;
п-а собора св. Марка въ Венеціи съ изображ. двухъ грифовъ 105;
п-ы двѣ ц. св. Марка въ Венеціи съ изображ. павлиновъ 112, 113, 114, 115;
п-ы мраморныя развалинъ Патлейна 124;
п-ы орнаментальныя происх. изъ г. Прѣслава. Соф. Нар. Муз. 119, 120;
п-а саркофага съ изобараж. чаши, виноград. лозы, моногр. Христа и двухъ павлиновъ, въ Равненѣ VI в. 113;
п-а съ цирковыми играми, найден. въ Софіи 90;
п-а шиферная изъ Старой Загоры: съ изображеніемъ грифа 104, 106, 107, съ и-мъ двуглаваго орла 115, съ и-мъ льва 107, 108; съ и-мъ двухъ павлиновъ 108, 109, 111, 112.

Пловдивско, Пловдивско поле 85.

Плодъ 112; п-ы на тк-хъ 321, 322, 326.

Плоская могила холмъ 124.

Площадь св. Недѣли 90; п-ь Тавра [272.

Плѣнъ Вавилонскій 99.

Плюмажъ высокій 221; головной или хохолокъ 109.

Плясанье 216.

Пляска 206, 207; готѳская воинская 68; п-и димовъ 208; п-и чиновъ 208.

Плющъ 194, 312, 316, 318—319; п-а листики; п-а рисунки на тк. 292.

Побѣда(ы) 92, 210.

Повода 20.

Повозка 33.

Повязка(и) золотая(ыя) 18, 72; широкія 272.

Погребеніе(ія) 33, 34, 72, 94; варварскія 83; п-іе владыки, вождя 83; конское п-іе могилы при Панагюрищѣ 84; п-іе хана 83; царское п-іе Чертомлыцкаго кург. 33.

Подвѣски 33, 72, 222, 288; бронзовыя 71; п-и конской сбруи на тавл. Бамб. соб. 250; красныя съ золотомъ 294; п-и на тк. изъ Мозака 249; царскія 201, 280.

Подгрудникъ 20, 21, 251.

Подкумокъ рѣка 338.

Поднесеніе царю крестовъ изъ розъ [198.

Подпушка 268.

Позументъ(ы) 228, 246; серебряный 247.

Позы церемоніальныя на тк. изъ Мозака 249.

Покой Дафны 195.

Покровская башня большая Новгородскаго кремля 172.

Покровъ(ы) 74, 200, 307, 331, 338, 346, 353, 357, 358, 364; п-ъ Андрея Боголюбскаго во Влад. Усп. соб. 354; головные 281; красные 324; погребальный(ые) 304, 342, 347, 355; п-ы разныхъ цвѣтовъ 275; царскіе надгробные 279; церковные 303.

Покрывало 338.

Покрытіе бедеръ цвѣтное, матерчатое 286.
Полива цвѣтная 124.
Поликандило изъ Влахернъ 200; 12 п-ъ изъ Новой Базилики 200; п-а серебряныя большія 199; среднее п-о Золотого триклина 201.
Полканъ 41.
Половцы или Куманы 9, 354, 356.
Пологи 200, 311, 332; декоративные 331; п-ъ царскій изъ ниши трапезной 200; церковные 303; шелковые 200, 351.
Полоски орнаментальныя 78.
Полосы 247; металлическія золоченныя 247; пурпурныя 228.
Полукафтанья короткія 262.
Полушубокъ русскій 230.
Полъ 124; п-ы мозаическіе 123, 276.
Польша 267.
Померанцевъ А. Н. 175.
Помпей 163.
Помпеянская декорація 304, стѣнная 305; живопись 305.
Поморье 173.
Поморяне, поморскіе славяне 173.
Помощникъ примикирія 185.
Понева 355.
Поножи 240, 367; п-и хана, х-скихъ офицеровъ 286.
Понтъ 310.
Попойки именинныя 206.
Попоны 211.
Попугаевъ подобіе на тк-хъ 342.
Порталы романскіе 165.
Портикъ 195; церковный 309.
Портреты погребальные 96; п-ъ царя (-скій) на стеклѣ 238, на тронѣ 238; эмалевые царя 239.
Португалія 164.
Портупея(и) 68, 225, 241, 278; п-я сассанидскихъ царей 216; сложныя [278.
Поручи 278.
Порфирій экзегетъ (Малхъ) 98, 99.
Порфирородныя дѣти виз. импер. 296.
Порфиры (порфировыя мантіи) 290, 296.
Порфиръ, п-а цвѣтъ 296, 298; египетскій 297, 298.
Порядокъ: актовъ геніоховъ, званыхъ пировъ во дворцѣ, игръ ипподрома; пріемовъ: во дворцѣ, въ ипподромѣ на площади городской, христосованія царя съ чинами на Пасахальн. Воскресеніе 197.
Поселенія готскія въ Юж. Россіи 67.
Посланіе ап. Павла къ Колоссянамъ [97.
Посолъ 199.
Посольство Византіи къ Дизовулу хагану 569 г. 44, 45.
Постели изъ слоновой кости 276.
Посуда 69; поливная 63, 132; серебряная 206; средневѣковая (ея орнаментъ) 315.
Потанинъ Г. Н. 281.
Потиры 196.
Потникъ 20.
Потѣшники 208.
Похороны скиѳскія 34.
Почитаніе конниковъ 125.
Поэмы эпическія 78.
Пояса орнаментальные 78, 126.
Поясокъ(и) орнаментальный(ые) 78; орнаментація чешуйчатыми п-ми 257.
Поясъ (а) 18, 104, 182, 183, 192, 202, 221, 225, 241, 246, 263, 276, 278, 292, 294; воинскіе 278; драгоцѣнные 278; п-а съ драгоцѣнными камнями 278; золотой на тк. изъ Мозака 249; съ золотымъ или золоченнымъ наборомъ 278; красный 292; парчевые длинные 224; п-а съ перевязью 278; п-а съ портупеями 278; п-а пурпура поддѣльнаго 275; пурпурный (ые) 251, 275, 278, 292; п-ъ съ ремнемъ 241; цвѣтные 224; п-ъ чауша вели-

каго 280; шерстяные 341; широкій 183, 244; п-ъ эпарха преторія 278.
Прага 77.
Православія празднество 273.
Праздникъ (и) 269, 290; п-ъ обновленія Новой церкви (базилики) 205, 270, 291; п-ъ сбора винограда 218.
Прасины 68, 196, 209, 210, 211, 212.
Прасипскій градъ 138.
Преданія 73, 172; грековосточныя 254; народныя 108; п-ія Новгорода 172; языческія 165, сѣверныхъ племенъ 165.
Предметы золотыхъ дѣлъ мастерства 67; римскіе 63.
Представители схолъ 186.
Предсѣдатель синклита 238.
Преклоненіе 218.
Прображеніе, 270, 291.
Препозитъ (ы) 179, 188, 194, 195, 196, 199, 202, 205, 209, 213, 220, 268, 271, 274, 279, 280, 281; п-ъ увѣнчиваетъ царя стеммою 273.
Пресвитеріумъ римско-кат. церквей. [107.
Пресвитеры 204; п-ы городскихъ церквей 203; п-ы дворцовыхъ ц-ей [203.
Престолъ (царскій) 209.
Престолъ (церковный) 196, 344; п-ъ развал. храма въ Патлейна 124.
Преторій 198.
Префекты города 283.
Приборъ воинскій 19; п-ы кавалерійскіе 264.
Приволока 266.
Привратники 279; п-ъ дворцовый 188.
Придворный (ые) 196, 274; п-ые пѣвцы 332.
Приднѣпровье 30.
Придунайская территорія 129.
Придѣлъ 196.
Приказные 186.
Приказы 182, 194.
Прикладъ 228.
Прилѣпы Дмитровскаго собора 172; п-ы средневѣков. скульптуры 118.
Прим(м)икирій (іи) 185, 188, 205, 218, 227, 230, 279, 281, 282, 292, 294; великій 191, 238, 294; п-ій дворца (дворцовый) 191, 192, 239; п-ія облаченія 295.
Принцъ Г. 101.
Прискъ 11, 44.
Притворъ 196.
Прическа 93; п-и варварскія 93; гуннскія 52, 93.
Причудливые образы 133.
Пріемъ (ы) 193, 206, 209, 226; п-ы съ актологіями 194; большіе 280; большой п-ъ пословъ 220; п-ъ Венетовъ 196; п-ы на празд. Вознесенія 198; п-ъ на Врумаліи 207; п-ы въ городѣ 194; п-ы во дворцѣ 194; п-ы димовъ Венетовъ и Прасиновъ 272; п-ы императорскіе 181; п-ъ Испанскаго посольства 200; п-ъ у Карла В. венеціанск. моряковъ 266; п-ы народные 198; п-ъ кн. Ольги 213; п-ъ съ плясками 203; п-ъ (ы) пословъ 179, 198, 227, 271; п-ы персидскихъ п-ъ 198; п-ъ п-въ халифа и эмира Тарса при ц-ѣ Константинѣ и Романѣ 199; праздничные 289; п-ъ Прасиновъ 196; п-ъ Сарацыновъ (Сарацынскихъ пословъ) при Константинѣ VII Порфирородномъ 279; п-ъ союзниковъ Болгаръ на 6-й д. Пасхи 204; п-ъ съ танцами 205; торжественный п-ъ безъ танцевъ въ понед. Ѳоминой нед. 204; п-ъ на форумѣ у колонны Константина 197; п-ы царскіе, византійскихъ царей 276; п-ъ у царя въ д. св. Крещенія 203; п-ъ царемъ посла 199; п-ы церемоніальные у царя 198.
Пріюты сиротскіе 236.
Провозглашеніе визант. царей 185.

Проволока 80.
Производство 179, 182, 194.
Прокаѳимены великаго дворца 191; п-ы Влахернскаго д-ца 191.
Проконсулъ (ы) 179, 202; п-ъ (ы) — анѳипатъ (ы) 183, 300.
Прокопій 52, 71, 89, 93, 130, 229, 265, 275, 278.
Прометей 117.
Промыслъ сиро-арабскій 288.
Промышленность Сиріи 302, 303; художественная 110, 169; п-ь х-ая Египта 125; п-ь х-ая средневѣковая 86; п-ь х-ая Финикіи 125.
Пропилей нарѳика 196.
Прополома 265.
Прорицанія 276.
Прорѣзная работа 57.
Просвѣщеніе христіанское 71.
Просфоры 196.
Протекторы 184.
Протичъ А. 88.
Протоасикритъ 186, 187, 239.
Протовестіарій 191, 230, 239, 292, 294, 295, 296.
Протоіеракій 176, 191, 239, 280.
Протокинигъ 191, 239, 280.
Протонотарій 187.
Протопроэдръ 187.
Протосевастъ 239.
Протоспаѳарій (іи) 179, 184, 188, 197, 204, 207, 215, 234, 236, 239, 252, 281, 292, 294, 301; п-іи бородатые 184; п-ій василиковъ 186; п-іи евнухи 184; п-ій имперскихъ войскъ 187; п-іевъ скарамангіи 234.
Протостраторъ 187, 238, 294.
Прохоровъ В. А. 338, 354.
Процессія (іи) 176, 178, 188 194, 197, 200, 205, 265; п-ія святыхъ дѣвъ и женъ въ равеннской ц. св. Аполлинарія Новаго 183; п-ія въ хр. Божіей Матери 205.
Проэдръ 179, 251, 269; п-ъ синклита 251, 292.
Пруссія 21.
Прѣславъ 101, 102, 104, 108, 120, 121, 124, 129; П-а древности 108; П-а рельефы 102, 104—106, 121, 160.
Пряжки 67, 71, 75, 77; бронзовыя 79; золотая 278; маленькія съ гвоздиками для ремней 79; одиночныя 104; парныя 104; п-и серебряныя 79.
п-а Александропольскаго кургана 31;
п-а Большой Шурани 75;
п-и изъ Кобанскихъ вещей 71;
п-и изъ некрополя Орда 75.
Псаліи 19, 21, 42.
Псалты 203.
Псалтырь (и) Лицевая (ыя) Толковая (ыя) 159.
Псевдо-Калисѳенъ 138, 160.
Псы 137.
Птеріумъ 116.
Птица (ы) 22, 25, 29, 34, 42, 57, 58, 71, 79, 80, 101, 104, 111, 112, 113, 114, 131, 136, 153, 156, 157, 159, 160, 168, 172, 176, 243; п-а Аравіи (фениксъ) 110; большая (ія) 57, 58, 141, 151, 153, 172; волшебныя 109, 116; п-ы вышивокъ народныхъ Восточн. Европы 306; гигантская (ія) 58, 59; п-ы голова орнаментальная 141; п-ы греко-восточныя сказочныя 116; п-ы въ греко-римск. орнаментѣ 318; домашнія 333; п-ы-звѣри 138; исполинская 170; п-а коптскаго типа 171; п-ы куринной породы 113; летящія 60; миѳологическія 111; невѣдомыя сказочныя и волшебныя 116; п-а (ы) Нога, Ногуй, Ногъ, Ногои (персид. Нухуд) 29, 58, 136, 359; райская (ія) 109, 111, 113, 114, 137, Сиринъ 156; п-а съ распущенными крыльями 57; рѣдкія 75; сказочныя 116; слетающая 42; солнечная (фениксъ)

110; п-ы на тк-хъ 303, 315, 325, 326, 329, 339, 342, 343, 347, 351, 357, 359, 360; триглавая (трехглавая) 58; фантастическая 42; хватающія добычу въ присутствіи божествъ 117; хищная 29, 104, 245; п-а съ человѣческой головою на груди 58; п-а съ челов. головами двумя 58; п-а (ы) съ человѣческими лицами 58, 139; п-ы имущія обличье человѣческое 136, 137; чудесная 103; чудная 174; п-ья голова на хвостѣ дракона 145.

Птичка (и) 74, 157; п-и на тк-хъ 342.

Пуговицы 185, 266; бронзовыя позолоченыя Крымск. др. Ист. Муз. 79; гранатовыя Кр. др. И. М. 79; золотыя 229; топазовыя Кр. др. И. М. 79.

Пуговки гранатовыя Кр. др. И. М. 79; п-и на кафтанахъ 356; топазовыя Кр. др. И. М. 79.

Пурпуръ (ы) 195, 200, 227, 275, 278, 289, 293, 299, 353; византійскій 300; драгоцѣнный 276; п-а коричневая краска 299; малиновый 297; п-а оттѣнки 298, 300; темнолиловый 298; тирскій 298, 300; п-а тонъ лиловый 298; п-а фонъ темнолиловый 299; темношеколадный 127; п-ъ южноиталійскій 300.

Пурпуровая мантія 212.

Пышность азіатская 192; варварская [192.

Пѣвцы 217.

Пѣвчіе хр. св. Апостоловъ 213; хр. св. Софіи 213.

Пѣсни 208; п-и бѣсовскія 216.

Пѣснопѣній исполнители 207.

Пѣтелъ 335.

Пѣтухъ (и) 78, 153, 159; бѣлый 333, 334, 335; красный на крышѣ 335; на тк-хъ 330, 333—336; черный 335.

Р

Равенна 67, 113; Р-скій баптистерій 154; Р-ы саркофаги 313.

Раджпута 224.

Радловъ В. В. (Radloff W.) 9, 15, 16, 24, 146, 241.

Радювене 85.

Развлеченія потѣшныя 207.

Разводы 78, 122; р-ы винограда, виноградной лозы 95, 112; р-ы лилій 95; округлые, крестообразной формы 122; р-ы съ палемтками 122; р-ы побѣговъ на тк-хъ 362; р-ы различныхъ растеній, растительные 75, 77, 95, 168; р-ы тростниковъ 95; р-ы по фону 81; цвѣтовъ 95.

Раздача 207; р-а скарамангіевъ 237.

Раздѣвальня 196.

Разселеніе Готовъ 66.

Райская птица 109, 111, 113, 114, [137, 156.

Рай земной 139.

Рака(и) 332, 346.

Раковина 123; р-а тирская 298.

Раса 63.

Раскола мистическія гаданія 167.

Раскопки 4, 69.

Распятаго человѣка фигура 117.

Распятіе золоте 196.

Растенія 74, 151, 198; р-іе въ иконописи 320; р-ія въ народныхъ вышивкахъ Вост. Евр. 306; р-іе(ія), растительность, растительный міръ, растит. формы на тк-хъ 307, 337, 338, 339, 347; р-ый уборъ 170; растительный фонъ 168.

Рать Христова 225.

Рафаилъ архангелъ 96, 99, 101.

Реализмъ 49, 54.

Регаліи русскія 356—357.

Регія 353.

Рейнеггсъ и **Ганъ** 69.

Ректоръ 187.

Религія 119; р-іи Азіи (азіатскія) 116;

р-іи Востока (восточныя) 99, 177; р-іи древнія языческія 97; р-іи славянскія языческія 173; христіанская 97.
Религіозныя вѣрованія кочевниковъ 10—17; р-ый смыслъ изображеній на тк-хъ 333; р-ая старина 173.
Рельефъ(ы) 50, 51, 90, 92, 93, 121, 129, 130, 131, 135, 144, 149, 168; р-ы въ камнѣ 63; выпуклый 121, 122; грубые 50; декоративные 51; западные 153; мелкіе и ремесленные 130; плоскій 131; прорѣзной 49; р-ы церемоніальнаго содержанія 183; ряды р-ныхъ изображеній 133;
р-ы Ассиріи съ изображеніемъ большого быка съ прямымъ рогомъ
р-ъ въ Богаз-Кёй 116; [160;
р-ы на Владимірскихъ соборахъ 172;
р-ы изъ Дренова 131;
р-ъ всадника у с. Мадара 82, 86—90, 129—131;
р-ъ лежащаго оленя (изъ Куль Обы)
р-ъ Персеполя 161; [37, 54;
р-ъ плитъ ц. св. Марка въ Венеціи 113, 114;
р-ъ помпеянскій, изображеніе единорога 160;
р-ы Прѣслава декоративные 121,
р-ъ П-а съ грифомъ терзающимъ голову слона 102, 104—106, 160;
р-ы Раввены и Рима 113;
р-ы сассанидскіе побѣдные 129, 130;
р-ъ Юрьева Польскаго 107; [132.
р-ы Старой Загоры 106—120, 131,
Ремень(и) 32, 59, 243, 278; р-ь набранный золотыми бляшками 241; толстый 93.
Ремесло въ Кабардѣ, Осетіи, Хевсуріи и Чечнѣ 71; р-енныя скульптуры лангобардскаго періода Италіи 113.
Ремъ, носорогъ-единорогъ Библіи 163.
Ренанъ Эрн. 165.
Ренессансъ 133 (см. Возрожденіе).
Репейки 80; Репейникъ 319; Репья 50.
Референдарій 184.
Рея 15.
Ризница Ахенскаго собора 346; р-ы Москвы 338; р-ы Новгорода 338; соборная (Усп. соб.) во Владимірѣ 357; собора св. Вита въ Прагѣ 77.
Ризничій 195.
Ризы церковныя 355.
Римъ 3, 12, 89, 102, 105, 110, 113, 219, 275, 300, 323, 345; средневѣковый 3, 112; старый 277.
Римляне 11, 34, 79, 108, 151, 160, 161, 163, 184.
Римская Имперія 64, 90, 305, 327.
Римско-германская Имперія 347.
Римскія вещи 67; р-ій народъ 111; р-ая церковь 111; р-ая эпоха 87; р-ско-имперская эпоха 305.
Ринокеросъ 164.
Рисунки вавилонскіе 177; р-и игръ 214; орнаментальные 124; персидскіе 177; растительныхъ формъ 122; р-ъ травный 329; фигурные на вазахъ 305. [(-ые) 19, 42.
Ритонъ 42, 83, 84, 147; серебряный
Риттеръ, К. 9, 28.
Ритуалъ 30, 207; р-ый символъ 145.
Рогатина 129, 217.
Рогъ(а) 31, 33; витой р-гъ или бивень 161; р-а барана. козла, оленя (форма бронзовыхъ подвѣсокъ) 71; р-а дикихъ быковъ позолоченные и съ драгоц. камнями, устр. для питья 174; р-а единорога 162; р-а — загибы головного убора сассанидскаго царя 260; р-а приспособл. для музыки 174; р-а нанизанные на полки съ идольчикомъ наверху — обереги 71; р-гъ нарвала или роизуба 161, 162;

р-ъ Карла Великаго въ соборѣ Аахена 78;
два р-га изъ слоновой кости или олифанта собора св. Вита въ Прагѣ 77;
два золотые рога изъ Галлегуса въ Шлезвинѣ 77;
р-ъ изъ сл. к. или о-ъ изъ Jász Berény 77;
р-ъ Черниговскій 77, 146;
р-ъ лосиный Эрмитажа 79.

Родъ 19.

Родэ 138.

Рождество Богоматери, Богородицы 270, 290.

Рождество Христово 92, 202, 208, 270, 271; „Р-о Х-о“ — фресковая роспись Беноццо Гоццоли 257.

Рожеръ норм. король 174.

Розенбергъ Маркъ 283.

Роза(ы) 198, 200, 274, 312, 323—325; р-вое масло 323; р-вый цвѣтъ 293.

Розарій (= розаліи, русск. русаліи, праздн. розъ) 324.

Розетка(и) 113, 174, 325; р-и звѣздообразныя 174; р-а на тканяхъ 327; р-а солнечнаго диска на сассанидск. ткани 333.

Рокъ 100.

Романскія земли 264; р-ій періодъ искусства 134, 164; р-ій п-ъ скульптуры 305; р-іе соборы 133, 144; р-ій стиль 167.

Романъ I Лекапенъ имп. виз. 180, 190, 207, 237.

Романъ II Порфирородный 190, 214.

Романы эѳіопскіе 103.

Ромбъ 77, 122; р-ы на тк-хъ 328.

Ромулъ 206.

Роспашницы женскія 266.

Роспись 95; р-и Востока 177; р-и декоративныя 63; стѣнныя 150; р-ь др.-христіанская катакомбъ 304;
р-ь др.-христіанской гробницы въ Софіи 100;
р-ь Керченскихъ катакомбъ 54;
р-ь мозаическая усыпальницы Галлы Плацидіи V в. 154; р-ь плафона Палатинской капеллы 175.

Роспись войска и чиновъ у Константина Порфир. 284.

Россавскіе курганы Каневск. у. Кіевской губ. 354:

Россія 62, 67, 135, 175, 337, 338, 339, 352, 354, 361; восточная 69, 70; древняя 359; Европейская Р-я 9; западная 66; юго-восточная 41, 53; югъ Р-ій 54; южная 4, 6, 7, 11, 15, 18, 23, 24, 26, 29, 31, 41, 43, 53, 62, 63, 66, 67, 72, 83, 84, 102, 119, 354.

Рошеръ 29, 101, 358.

Рубашка 228, 229; кумачевая русская 228; льняная 228; р-и шелковыя 342.

Руины Великихъ Болгаръ 69.

Рукава длинные 247; короткіе 256, 280; р-а на подобіе мѣшковъ 262; спущенные 267; узкіе шелковые 248; широкіе 262, 266, 268; широчайшіе 263.

Рукавица кожаная 245.

Рукомойники 195.

Рукопись Іоанна Златоуста Парижской библіотеки 274;
р-ь пергаментная „Сказанія о Карлѣ Великомъ“ XII в. 261;
р-ь подносная Евангелія въ Воронцѣ 261;
р-и славяно-русскія XII—XIV в. в. 133.

Рукоположеніе(ія) 179, 274.

Рукоять бронзовая 69; золотая 35.

Румынія 135.

Русалка (и) 324.

Русаліи 324.

Русалье 216.

Русскіе 214, 217, 230, 336, 353.

Русскіе великіе князья 222; князья

214; р-ая народность 167; р-ій типъ одежды XV—XVI вв. 269; р-ая старина 265; р-іе цари 222; р-ій царскій дворъ 264.
Руссы 11, 69, 229, 336.
Рустемъ 8, 13, 147, 148.
Русь 262, 287, 294, 338, 353, 356, 257; древняя 189, 190, 267, 278, 281, 283, 288, 310, 339, 352 354, 355; Кіевская 354, 355; Московская 162; старая 185; Суздальская 354, 355, 356; Тмутараканская 41.
Рухъ 294.
Рыба (ы) 25—29, 71, 137, 145, 151, 211; р-а золотая Аму-Дарьинскаго клада 26; соленая 138; сушеная 139; р-ья кость 246.
Рыболовство 66.
Рынды древней Руси 290.
Рыцарство 167; древнее 78; западное 264; р-я среда 108.
Рѣзьба 77, 81, 90, 175; византійская 131; р-а на деревѣ 307, 310; деревянная кустарная 132; р-а на кости 307; р-а на металлѣ 307; р-а меровингскаго типа 79; р-а по металламъ 132.
Рѣзчикъ 87, 112.
Рѣзы 142.
Рѣшетки 198; р-а на тк-хъ 328.
Рюгенъ островъ 173.
Рюшъ сборчатый 243.
Рязанская губернія 161.
Рязанскія бармы 357; князья 363.
Рязань старая 362.
Ряженіе 92; ряженый (ые) 216, 217.

С

Савва еписк. 338.
Саввы св. церковь 125.
Савваитовъ П. 20, 21, 215, 231, 241, 265, 266, 268, 283, 287, 288, 352.
Савельевъ В. К. 81, 354.
Савроматовъ царь 31.
Сагиттаріи 136.
Сагій (іи) 199, 209, 222, 226; бѣлый (ые) 257, 273; варварскіе 224; златоокаймленные 271; златотканный (ые) 269, 291; золотный 272; золотой (ые) 195, 200; красные 236, 271, 294; парчевой 257; пурпурный (ые) 183, 272, 273.
Садакіилъ арханг. 99.
Садъ триклинія 200.
Сакелларій 186.
Сакелліонъ 233.
Саккосъ (ы) 221, 338; греческій 266.
Саксагалъ 73.
Саксимы 209, 211; с-ъ тактическій 207.
Саксы 299.
Сакья Муни 320.
Салава или саливари 280.
Саладинъ 118.
Саламандра 136, 158.
Салибъ (арабск. цѣпь) 280.
Салива-сиромаста 295.
Салманассаръ II 160.
Салтыкова кн. собраніе 79.
Сальмазій 283.
Самаилъ арханг. 99.
Самаркандъ 45.
Самоквасовъ Д. Я. 147, 354.
Самсонъ 41, 86, 177.
Саны 187, 192; высшій (іе) 181, 191, 264; царскій 185.
Сансъ, ткань въ ризницѣ собора 359.
Сапоги 229, бѣлые съ пурпуромъ 294; высокіе съ голенищами 93; желтые 294; зеленые 294; лимонные 294; сафьянные 275; царскіе 297; ц-іе походные 293.
Сапожки „зеленъ сафьянъ“ въ былинахъ 356.
Сапоръ перс. царь 12.
Сарай 121, 239.
Сарафанъ 355.
Сарацыны 9, 202, 290, 303, 350; с-ская мода 237.
Сарка 228.

Саркофагъ (и) 94, 113; красные 324; христіанскіе 111.
Сарматія Европейская 6.
Сарматы 5, 83, 89, 93, 119, 130, 245; с-ы длинноволосые 89, с-кія могилы 131.
Сассанидскія блюда 88, 143, 241, 242, серебряное (ыя) 48, 49, 90, 242, 243; с-ій владыка 243; с-іе всадники, изображ. на тк. изъ Мозака 248, 249; с-ія древности 48; с-ія издѣлія 89; с-ія изображенія (конника) 239; с-ое искусство 30, 62, 90; с-ія короны 240; с-ія монеты 71; с-ая Персія 43, 293, 337; с-іе сосуды 143, 150; с-ій типъ царской охоты 248; с-ія ткани 89, 143 345; с-ая ткань съ изображен. барана 270; с-ій (іе) царь (и) 87, 89, 130, 170, 233, 241, 243, 285; с-хъ царей выѣздная одежда 241; с-аго царя головной уборъ на охотѣ 260; с-го царя конь 285; с-ихъ ц-ей короны 103, 240; с-го ц-я охота на тк. 327.
Сассаниды 10, 62, 272; С-въ царство [62.
Сатинъ 351.
Сатиръ (ы) 136, 151.
Сатрапы 269; персидскіе 284.
Сатурналіи 206.
Сатурнъ планета 99.
Сафиры 260, 283.
Сафьянъ 293.
Сахаровъ 164.
Саччи 75.
Сбруя 284; конская 21, 67, 90, 225, 283.
Сванетія 343, 344.
Свида 229, 293.
Свинья 153; с-ная голова 217.
Свирѣльщики 208.
Свита 273, 276.
Свѣгильникъ 18.
Святилища 174.
Святая Земля 326.
Святовитъ 173.
Святогоръ богатырь 14.
Святославъ вел. кн. 230; С-а люди [214.
Святослава Изборникъ 230.
Священная Исторія 165.
Севастократоръ 171, 191, 219, 222, 282, 291.
Сегменты золотые 211.
Секретарь архонтовъ Россіи 213.
Секреты 195, 197; с-а высшіе чины [291.
Сектантство христіанское 306.
Сельджукскій рельефъ XIII в. Музея въ Коніи 144.
Семибратскіе курганы 19, 41, 42, 141.
Семирамидины палаты 138.
Семирѣчье 354.
Семитическія колоніи 308.
Сенатъ 194, 202, 204, 209, 218; с-а чины 182; с-а члены 182.
Сенковскій 288.
Сераписъ 91.
Сербія 135, 343.
Сербы 261.
Сергій и Вакхъ свв. 185.
Сердика 90.
Сердоликъ 80.
Серебро 42, 84, 85, 103, 147, 195, 252, 288, 332; с-о чеканное 200, 252.
Сермяга 247.
Серна (ы) 154, 155.
Серьги 18, 67, 71, 77, 134; с-и золотыя 245; с-и з-ыя клада села Косякова 80; с-и серебрянныя 245.
Сибирь 5, 6, 9, 18, 22, 30, 43, 44, 45, 48, 54, 56, 64, 69, 77, 102, 135, 177, 349; Западная 7, 241; с-ія вещи 142; с-ія древности 139, 358; с-ихъ д-ей Алтая коллекція 240; с-ая коллекція Эрмитажа 45, 49—56, 140.
Сиглъ 96.
Сигма 194, 207.
Силентій (іи) 182, 194. [271, 282.
Силенціарій (іи) 182, 184, 186, 209,

Силенъ 151.
Силистрія 90.
Сильванъ вождь 299.
Символъ (ы) 22, 29, 30, 58, 103; с-ъ безсмертія 113; с-ъ души 154; с-ы луны и солнца 243; с-ъ магическій 276; с-ъ народный 104; с-ы Страстей Господнихъ 196; с-ы христіанскіе 96, 131.
Символизмъ 58, 113.
Символика 167, 168; общевосточная 152; с-а цвѣтовъ 223.
Символическій (іе) знакъ (и) 30, 260; с-ія фигуры Месопотаміи и Персіи [116.
Симонъ Порцій 229, 293.
Симургъ 29.
Синды 28, 79.
Синкеллъ 187, 203.
Синклитъ 179, 183, 186, 196, 199, 212, 271, 272, 274; с-а чины 181; с-а члены 182, 236, 291.
Синклитики 182, 186, 199.
Синопъ 122.
Синявка на Россавѣ Кіевск. губ. 17.
Сипедъ, дэвъ, драконъ волшебникъ 13, 147, 148.
Сирена(ы) 134, 135, 151, 156, 159.
Сиренъ, О. 141.
Сиринъ(ы) (райская птица) 136, 156.
Сирія 7, 9, 26, 27, 62, 65, 96, 98, 99, 108, 123, 124, 128, 175, 297, 298, 300, 305, 306, 313, 324, 327, 339; Сиро-Финикія 151; С-іи мануфактура 339; С-іи промышленность 302, 303; С-іи фабрики 350; с-ій бархатъ 350; с-ая діаспора 328; с-ій типъ 243; сиро-египетскія издѣлія 349.
Ситецъ 329.
Сицилія 62, 118, 136, 174, 176, 186, 347; С-іи нормандскіе короли 347; с-ія мастерскія тканей 305, 343.
Сказанія арабскія о единорогѣ 163; восточныя 156, о единорогѣ 163; древнія 111; западныя о е-ѣ 163; с-іе миѳическое о переходѣ гунновъ черезъ Меотиду; народныя 165; русскія 157; средневѣковыя 136.
Сказки Востока 177; персидскія 158.
Сказочники арабскіе 164.
Скакунъ персидскій 243.
Скандинавскіе археологии 304.
Скань 80.
Скарамангій(іи) 195, 200, 202, 203, 204, 218, 226, 232—240, 242, 247, 250, 251, 252, 254, 259, 260, 264, 265, 271, 272, 275, 277, 280, 286, 290, 292, 301; бѣлый(ые) (б-о цвѣта) 235, 238, 270, 273, 275; византійскій императорскій 247; голубые (г-о цвѣта) 237, 275; зелено-розовые 252, съ орлами 301; золотный 206, 235; золотые 270; с-ій съ золот. шитьемъ 235; с-ій кафтанъ изъ золотой парчи 266; с-ій конца XII и начала XIII в. 261; лимонные (л-о цвѣта) 237, 275; с-іи съ львами бѣлыми 252; многоцвѣтные 252; с-ій на мѣху бобровомъ 226; наборъ для с-ія 237; обычные 204; с-ій съ оплечьемъ и нагрудникомъ 251; парчевой 251; с-іи изъ парчи золотной 235; пурпурный(ые) 235, 251, 269, 270, 271, 291, 292; с-іевъ раздача 237; с-іи разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ 275; разрѣзной(ые) 237, 238, 261; с-ій розоваго цвѣта 237; с-ій-скараникъ 250; „собственные“ домашніе 236; сшитые 238; царскіе 352.
Скараникъ(и) 230, 233, 238, 239, 258, 260, 263, 292; абрикосоваго цвѣта 238, 294; бѣлый съ золот. 189, 239, и пурпур. 189; бѣлый парчевой съ пурпурнымъ шитьемъ 259; с-и греческаго двора 257; с-ъ друнгарія стражи 295; золотомъ прошитый 139; с-ъ золот. клавами 239; с-и

короткіе 261; красный 294, золотный 238; с-ъ лимоннаго цвѣта 239, 295; с-ъ парчи цв. абрикоса 294; с-ъ п-и золотной 238; с-ъ п-и красной тканой золотомъ 238; с-ъ съ рукавами короткими 259; с-ъ украшенный драгоцѣнными камнями и обнизан. жемчугомъ 238; шелковый 239.
Скарлатъ 356.
Скилла 151.
Скилы 213.
Скипетръ(ы) 250, 269, 283; магическіе 212; римскіе 195.
Скипетроносцы 236.
Скиѳія 5, 23, 83, 84, 103; С-ія Геродотова 5.
Скиѳскія племена 5; с-ій стиль 23, 24; с-ая эпоха 86.
Скиѳы 10, 11, 12, 14, 24, 42, 79, 89, 119, 130, 172; с-ы длинноволосые 89; с-ы припонтійскіе 42; с-ы Южной Россіи 119, 130.
Скіадій(іи) 219, 222, 281, 282, 292, 295; былы 295; греческіе 282; золотный 189; красный(ые) 268, 294, съ золотомъ 294; с-іи протоасикрита 295; пурпурный 295.
Склепъ 18.
Скоморохъ(и) 91, 216, 263, 264; скомрахъ(и) 216, 263.
Скоплье 119.
Скотоводы 92.
Скотъ 71.
Скриній варваровъ 198.
Скульптура(ы) 1, 173; с-ы рѣзаныя на мягкомъ извѣстнякѣ 168.
Скурры 208.
Скуфья 222, 281; войлочная 217.
Славословіе (ія) 209, 213, 271; с-ія димовъ 272, царскія 208; с-ія царскія чиновъ 208.
Славяне 8, 61, 62, 129, 217, 228, 229, 230, 293, 330, 335; Западные 135; Лужицкіе 26; Поморскіе 173; Русскіе 229; с-кія земли 173; с-ое коренное населеніе Болгаріи 124; с-нъ народный орнаментъ 306; с-ое населеніе Поморья 173; с-іе осѣдлые народы 43; с-ія языческія религіи 173; с-но-германскія племена 227.
Сладкое 214.
Слива 310.
Словены 353.
Слитки серебряные клада с. Косякова [80.
Слово на Крещеніе Григорія Богослова 207.
Слово о полку Игоревѣ 20, 354.
Слонъ (ы) 75, 104, 106, 131, 138, 155, 159, 160, 161; азіатскій 347; африканскій 105, 346; боевой 105; с-ы въ звѣринцахъ халифа 352; индійскій 105, 346; с-ъ на кости 349; с-ы Палатинской кап. 176; с-ъ (ы) на ткани (яхъ) 326, 331, 332, 344—347, 351; с-ъ — эмблема Александріи 347; слонёнокъ на тк-хъ 332; с-ая кость 346, 347; слоновья 136.
Слуги царскіе 202; цирковые 91.
Служащіе въ кувикулѣ 273; въ умывальнѣ 195.
Службы или оффиціи 186; с-ы пріютовъ 203; с-ы странопріимныхъ домовъ 203.
Смирновъ Я. И. 49, 96, 128, 143, 342.
Смоковница 309.
Смѣла 41.
Собака (и) 41, 55, 130, 153, 168, 215, [243.
Соболья кошуля 355.
Соборъ: Аахена 78; Бамбергскій 250; св. Вита въ Прагѣ 77; св. Марка въ Венеціи 104, 105, 113, 114, 122; с-ъ въ Сансѣ 359; Софійскій Кіевскій (Кіева) 22, 68, 211, 311, 362; Софійскій гор. Софіи 94; с-ъ Тулузы 112.

Соборъ Лаодикейскій 100, 101.
Совы 153.
Согдіана 7, 44.
Созвѣздія 145.
Соколъ 153, 176, 177, 245, 255, 266; съ на тк-хъ 360.
Сокольничій 362.
Сокровища сарацынскихъ халифовъ [175.
Солея 196.
Солнце 100, 111, 117, 139, 334; с-а (с-ый) богъ Греціи 308, 312; с-ышко красное на платьѣ по былинѣ 356; с-ое божество 243, 333, 335.
Солнцевъ Ѳ. Г. 214.
Соломонъ 108; С-овъ тронъ 199.
Солунь 168.
Соправители императора 181.
Сопѣли 216.
Сороки 153.
Сороча 229.
Сорочка 228, 293; с-и натѣльныя 229.
Состязанія колесничныя 91; с-іе конное 203; с-ія конскія во вторн. Ѳоминой нед. 204.
Сосуды 80, 86, 150; с-ъ бронзовый помпеянской техники 84; золотые (изъ золота) 174, 276, 351; с-ъ низкій съ ручками на сводѣ древнехристіанской гробн. въ Софіи 94; римскіе бронзовые 82; серебряные (изъ серебра) 174, 276, 351.
Софійскій Народный Музей 120, 130.
Софійскій соборъ Кіевскій 22, 68, 211, 311, 362; С-ій с-ъ гор. Софіи 94.
Софія св. (Великая церк.) 182, 194, 195, 196, 202, 205, 206, 218, 226, 271.
Софія св. въ Охридѣ 118.
Софія гор. 85, 90, 94, 95, 122, 130, 136.
Софоклесъ 233.
Союзники 203, 204; с-и или друзья [264.
Спальни расписныя 276.
Спальникъ (и) 189, 239, 295.
Спаситель 100, 111, 127.
Спасскій у. Казанской губ. 80.
Спасъ (Спаситель) 156, 157; С-ъ на миніатюрѣ 297.
Спаѳаріи 184, 195, 217, 236, 237, 264, 272, 280; с-іи бородатые 272; с-іи изъ варваровъ 273; с-іи евнухи 272.
Спаѳарокандидаты 184, 236, 283, 290.
Спаѳарокувикуларіи 184, 188, 281.
Спаѳовакліи 272.
Спекіи 278.
Спираль на тканяхъ 326; с-и усиковъ виноградной лозы мозаики Аквилеи 112; с-ь — форма орнамента 317.
Спицынъ А. А. 21, 57.
Сраошъ 334.
Сраца 229.
Срачица 228.
Средиземное море 308.
Средневѣковая старина 165.
Средневѣковье 3, 25, 61, 63, 94, 97, 106, 119, 135, 158, 159, 194, 202; восточное 134, 135, раннее 74; европейское 119, 167; западное 62, 135; позднѣйшее 62; раннее 62, 92; центральное 136.
Средніе вѣка 69, 107, 108, 158, 168, 178, 261.
Срезневскій И. И. 338, 353.
Срѣтеніе 197, 203, 270, 273.
Сталактиты пещерные 174.
Стама 209, 210, 215, 217.
Старая Загора 82, 85, 104, 106, 107, 109, 115, 131, 132.
Старая Русса 338.
Стасовъ В. В. 148, 230, 339.
Статуэтка бронзовая, найд. въ Саратовской губ. 245, 246; золотая Эрота 72; с-а кочевника на конѣ въ коллекціи сибирскихъ др-ей Алтая 240.
Стаціонаріи конные, пѣшіе 192.
Стекло 67; с-а красныя 80; с-а цвѣтного искусство 125.
Стемма (ы) 199, 209, 218, 219, 220,

221, 222, 231, 235, 250, 273; бѣлая (ыя) 269, 270, 272, 291; голубыя 270; зеленыя 270; золотая съ камнями и жемчугомъ 268; золотыя 270; красныя 269, 270, 291; с-ы изъ хр. Божьей Матери Фароса 200; царскія 195.
Степановъ П. К. 83.
Стерлиговъ 363.
Стефани Л. 3, 134.
Стефана 257.
Стефанъ Великій, молдав. влад. 261.
Стефанъ (вѣнецъ) 219, 249, 260; с-ы деспотовъ 223.
Стилихонъ 66, 101.
Стиль (и) 49, 50, 52, 55, 63, 67, 70, 72, 88, 134, 135, 163, 169, 257; ассирійскій 27; восточно-персидскій 35; готическій; греко-римскій 54; греческій 54; декоративный 134; египетскій 125; звѣриный 25, 31, 33, 35, 55, 57, 63, 70, 74, 76, 77, 83, 84, 133—177, 302, 304, 325, 337; с-ь зооморфическаго типа 167; индо-скиѳскій 75; іонійскій 23; орнаментальный 134; романскій 153, 165, 166; сибирскій 21; с-ь сибирскихъ древностей 33; средневѣковый ранній 165; тератологическій 167; туркестанскій 75; чудовищный 167; эллинистическій 253, 254.
Стихарь (и, стихаріонъ, ріи) 227, 230, 232, 271, 274; с-ь съ поручами 338; с-и синіе крапленые бѣлыми точками 268; шитый золотомъ 183.
Стихи готскіе 68; латинскіе 68.
Стола царская 195.
Столбунецъ (колпакъ) 281.
Столовая 19 аккувиторовъ 190.
Столъ 207; с-ъ во дворцѣ въ Вербное воскресеніе 203; с-ъ званый въ 7 день Пасхи 204; с-ъ з-ый въ патріаршемъ секретѣ 203; с-ъ з-ый въ Триклинѣ Юстиніановомъ на Благовѣщеніе 203; с-ы сигмою 276; с-ъ въ Триклинѣ Юстиніана 204; царскій 202; с-ъ царя съ близкими чинами 207; с-ъ ц-я великаго съ чинами 207; с-ъ ц-я малаго съ ч-ми 207.
Стольникъ 68, 189, 239, 267, 292.
Ступы буддійскія 75; с-а въ Саччи 75.
Страбонъ 313.
Стражи Востока — драконы 144; эмблема с-а восточн. дворца 347.
Страстная Недѣля 300.
Стратархи 186.
Стратегиконъ Маврикія 285.
Стратигъ (и) 183, 186, 193, 195, 202, 204, 218, 232, 236, 271, 272, 347; с-и ѳемъ 186.
Стратилаты 185.
Стратопедархъ (и) 191, 238, 294.
Страторы 185, 252, 272, 284.
Страусъ 157, 172; с-ы на тк. 364.
Строевъ 266.
Струфимъ — Страусъ 157. Струфій 153.
Струфокамилы 159.
Стрѣла (ы) 18, 55, 103, 524; костяныя 57; стрѣлки желѣзныя 57.
Стрѣлокъ 241.
Сударь, погребальн. платъ 359.
Судьи 272.
Суздальскій уѣздъ 354.
Сузы 102, 125, 330; дворецъ С-ъ 102, 125.
Сукно 231, 268; красное 286.
Сулей восточныхъ украшеній 175.
Султанъ (ы) 29, 170, 245, 246.
Султанъ (хохолокъ птицы) 112; с-ы или эгретки голов. уборовъ владыки 112.
Сундуки старинные нѣмецкіе и русскіе 175.
Сунки имѣніе 150.
Сурулисты (суравлисты) 208.
Сусловъ В. В. 175.
Сусловъ Н. худож. 354.
Сустуги 355.
Сухманъ богат. 41.

Сухраварди Гассанъ-Шахидъ 320.
Сфинксъ 25, 134, 135, 151.
Сфинктуріи 275.
Сфрагидіи 212.
Схимника типъ 125, 126.
Сходъ чиновъ двора 208.
Схолы 200, 290; дворцовыя 237.
Сцены битвъ 176; бытовыя 175; с-ы восточныхъ увеселеній 174; звѣриныя 36; миѳологическія 175; охотничья (и) 78, 170; религіозныя 75; с-ы изъ Свящ. Исторіи 165; символическія 175; цирковыя 90.
Сынъ Неба 9.
Сѣверъ 7, 9.
Сѣдло (а) 20, 50, 173, 241, 273, 283, 287; арабскія 287; бухарскія 287; бѣлое съ красными орлами 285; византійское съ эмалью по золоту 287; с-о въ золотѣ и серебрѣ 285; камышевыя 54; кизылбашскія 287; конское 139; крымскія 287; священное золотое 173; турскія 287.
Сѣкира (ы) 42, 217, 272.
Сюжеты восточные 172; с-ъ восточный, или точнѣе, восточно-варварскій 253; гладіаторскія эллинистич. стиля 253; свѣтскіе въ тк. 332; церковные въ тк. 332; цирковые эллинист. с-я 253.

Т

Табу 26, 158.
Табари 44; Т-и хроника 138.
Тавлій (іи) 217, 291, 299, 355; златотканные 188; золотые 274, 292; золотой (ые) 223, 268, 274; т-ій св. индитіи 196; т-іи на мятляхъ 356; пурпурные 274; т-ій шелковый съ портретомъ царя на конѣ, Бамбергскаго собора 249, 250.
Тавра 243.
Тавръ 198.
Таганрогъ 67, 216.
Тагматики 186.
Тагмы 284.
Тадморъ 313.
Тазики 195.
Тай-Цу 46.
Так-и-Бостан 321, 325.
Талассы 275.
Талисманъ(ы) 22, 23, 81, 141; рѣзной [146.
Таманскій полуостровъ 79.
Тамара 313.
Танецъ воинскій 78; круговой 205; хороводный 207; хоровой 211.
Танцовщицы 176.
Таос 108.
Тапробанъ о. 137.
Тарандръ 51, 151.
Тараска, эмбл. Тараскона 94.
Тарасконъ 94.
Тарелки мѣдныя 91.
Тарсисъ 108.
Тарсъ 180, 301.
Татары 5, 9, 15, 287; крымскіе 288.
Татић Ж. 119.
Тафта 231, 350, 352, 356, 362.
Тачевъ — худож. 95.
Тварь цесарьская 354.
Тебенекъ 287.
Тезоро Брунетто Латини 157.
Телецъ (ы) 34, 153.
Темрюкскій уѣздъ 41.
Теодолинда лангоб. королева 62; Т-ы корона въ Монцѣ 62.
Теплоуховъ О. А. 57.
Тератологическій стиль 167; элементъ 133.
Термы 150; т-ы Зевксиппа 274, 346.
Терликъ 266.
Терская область 67, 70, 216.
Тессеры 205, 211.
Тесьма золотая 72.
Тибетъ 10, 14, 28, 115, 288, 333.
Тиверій Константинъ имп. виз. 66, 194.
Тигрисъ 137.
Тигръ (ы) 23, 25, 49, 50, 51, 74, 153, 243; на тк. 331.

Тильке 246.
Тимпаны 216; т-ъ Кибелы 15.
Тимуръ 9.
Тинсириты 136.
Тираны др. христіанъ 225.
Тира ткани 293.
Тирскій пурпуръ 298, 300; т-ая краска [296.
Титанъ 117.
Тихоміровъ Д. 363.
Тіара (ы) 140, 221, 270, 272, 282; т-а персидская 219; т-а или туфа 221, 222.
Ткань(и) 89, 90, 110, 111, 118, 119, 134, 206, 207, 243, 248, 257, 260, 262, 289, 301, 302, 303, 326, 327, 330, 332, 341; т-ь (и) Александріи (александрійская, ія) 243, 252, 253, 293, 315, 316, 320, 321; т-и съ изобр. амазонокъ 254, 255; т-и изъ Антинои 307, 311, 312, 336; арабская (ія) 63, 358; бархатная 251; барышевая 354; бумажныя 350, 353; бѣлая 289; византійскаго двора 178; византійскія 63, 106, 108, 178, 302, 303, 304, 322, 326, 328, 329; в-ія VII, IX в. 270; восточныя 63, 135, 143, 178, 303, 304; т-и Восточнаго Ислама 345; т-ей восточныхъ декоративный типъ 304; греко-египетская 243; т-ь Діоскуровъ 322, 323; древнія 169; т-и Египта (египетскія) 252, 301, 303, 307, 320, 328, 341; т-и для завѣсъ 331; т-и залы столовой 336; золотая 223; т-и Индіи 322; т-и Италіи (итальянскія), 322, 342, 343; и-ая цвѣтная тк. шелковой парчи 256; т-и Калмуна 351; китайскія 307, 310, 322, 325, 327, 333; ковровыя 63; Константинопольскія 298, 328; коптскія 345; красно-зеленыя 301; т-и съ краснымъ фономъ и бѣлыми львами 301; т-ь Латеранскаго кл. 253; льняныя 350, 353; т-и одеждъ 304; т-и съ орлами въ кругахъ 301; парчевая (ыя) 251, 350; т-ь (и) Персіи (персидская, ія) 302, 304, 305, 316, 320, 322, 327, 330, 331, 346, 350, 360; п-ія VI в. 270; полосатыя 301; т-ей рисунки 90; русскія 352; сарацынскія 322, 342; сассанидская (ія) 89, 143, 274, 333, 345; сироегипетскія 345; средневѣковыя восточныя 302; с-ыя раннія 63; т-и Тира 293; фигурныя 303; ф-ые рисунки т-ей 302; французскія 307; шелковая (ыя) 86, 118, 206, 225, 252, 328, 339, 353, 355, съ идущими шириною слонами 274, съ изобр. барановъ 270, фигурныя 332; шерстяныя 353; т-ь собора въ Бамбергѣ 249, 250; т-и Берл. Худож. Пром. Муз. 321, 322, 328, 345, 346, 359, 360; т-ь изъ Успенскаго Собора во Владимірѣ 360, 361; т-ь библ. въ Wolfenbüttel 331; т-и Муз. Guimet въ Парижѣ 274, 311, 312, 333, 336; т-ь въ Зигбургѣ 363; т-ь въ Муз. Cluny въ Парижѣ 318, 319, 329; т-и Латеранской сокровищницы 253, 315, 316, 334; т-ь въ Ліонскомъ Муз. т-ей 307; т-и въ Маастрихтѣ 253, 254, 322, 323; т-ь изъ Мозака 248, 249; т-и Московскаго Историч. Муз. 339—348; т-ь Худож. Пром. Муз. въ Прагѣ 317; т-ь буддійскаго м-ря Нара 242, 243, 244, 310; т-ь въ ризницѣ собора въ Сансѣ 359; т-ь въ соборѣ Тулузы 112, 350.
Ткацкое дѣло 75.
Тканье 307.
Тмутаракань 354.
Тога (и) 224, 226, 272, 282.
Тойма р. 69.
Толковники древніе 149.
Толкованія Апокалипсиса 92.
Толль Н. П. 298, 302.
Толстой И. И. гр. 4, 43, 77, 311.
Томская губ. 57.

Топорики 71; топоры сибирскіе 69.
Торговля александрійская 122; восточная 161; европейская 169; сирійская 122; фламандская 255.
Торговцы 213.
Тороки сассанидскія 287.
Тотемъ 11, 18, 22, 26, 104.
Трабея 224, 225.
Трапезундъ 118, 122.
Травы 329; т-а въ иконописи 320; т-ы на тк-хъ 308; т-ый орнаментъ, рисунокъ 329.
Трапеза 204, 212; т-а въ Золотомъ Триклинѣ 204; т-а въ патріархіи 203; т-а званая во Влахернахъ 203; т-а з-ая въ триклинѣ Океанѣ 203; т-а въ Мясопустъ въ Воскресеніе 203; въ третій день Сырной недѣли 203; т-а царя съ патріархомъ 272
Трезубецъ (ы) 22, 92.
Трельяжи на тк-хъ 328.
Трепястци человѣческіе 136.
Треугольникъ 30; т-и золотые 80.
Треухъ 281.
Трещетки 78.
Трибоны 239; т-ъ античный 265; три-
Трибуналъ 195, 200. [вонъ 265.
Трибуны 209; т-ы дима 215.
Триглавъ богъ 173.
Тризна 17, 34.
Триклинъ 199, 204, 210; т-ъ Августея 195; т-ъ гвардіи экскувитовъ 200; Золотой 195, 201, 204, 213, 218; т-ъ ипподрома 232; т-ъ кандидатовъ 195, 200, 252; т-ъ Лавзіака 207; т-ъ Магнавры 199, 200; т-ъ Океанъ 203; т-ъ схолъ 195, 200; т-ъ экскувитовъ 195; т-ъ Юстиніана (Юстиніановъ) 203, 204, 205, 207, 208, 213, 268.
Трилистникъ на тульѣ скіадія протоасикрита 295.
Три отрока Вавилона 158. [ніе 96.
Трисвятого изопсефическое толкова-
Тріумфальный въѣздъ 130; т-ый в-ъ царя 265.
Троица 96.
Троичность 58.
Тронъ византійскій 64; т-ъ царя Өеофила 213; т-ъ хана монгольскаго 337; т-ное возвышеніе 209.
Трубадуры 167.
Трубачи 208.
Трубка золотая ажурная или прорѣзная кург. Бесленеевской стан. 140; т-чки золотыя 74, ажурныя 286.
Трубы 216.
Туас 108.
Тувіи 275.
Тукким 108.
Тул, тул 68.
Тулуза 79, 112; Т-ы соборъ 112.
Тулья 219, 220, 221.
Тунецъ 26.
Туника 215, 226, 228; античная 262; бѣлая 259; рабочая 228; т-и царскихъ спаөаріевъ 223.
Тунисъ 123.
Туранцы 148.
Туранъ 8, 12, 147, 148.
Турецкіе наемники халифата 351.
Туркестанъ 169; Т-ъ Восточный 28, 74; т-скій стиль 75.
Турки 5, 8, 9, 11, 45, 79, 148, 176, 204, 217, 286.
Туркмены 8, 118.
Турмархи 186.
Турфанъ 74, 75, 215, 310, 311.
Туръ 162.
Тут-Анх-Аммона могилы древности
Тутовое дерево 243. [125.
Туфа (ы) 270, 282; т-а съ пурпурною кистью 285.
Тыква, т-енное растеніе 311.
Тѣлохранители 246; царскіе 285.
Тѣльникъ (и) 57, 293; александрій-
Тэнъ Ипполитъ 165. [скіе 229.

Тэпиньги 288.
Тюбетейка 244, 281.
Тюлень 151.
Тюрбанъ (ы) 217, 267, 282; восточные 263, 282.
Тюркскія племена 44; расы 69.

У

Уборъ (ы) 18, 19, 34, 43, 72, 80, 83, 84, 86, 140, 177, 247; головные 58, Византіи 281, женскіе 282, мужскіе 282; г-ой хана 243; у-а греко-римск. предметы 71; женскій (іе) 72, 80, 288; кавалерійскіе 264; конскій (іе): 19—21, 34, 61, 67, 82, 134, 135, 288, могилъ Брѣзова и Панагюрища 83, 84, 85, Калужской губ. 67, на Руси 287; личный (ые): 30, 31, 61, 63, 67, 69, 72, 134, 135, 145, 351, мог. Брѣз. и Панаг. 83, 84, съ бусами 32, 33, варварск. 57, съ оберегами 32, 33, сибирскіе 53; у-ъ лошадей (по персидскому образцу) 243; мужской 80; у-ы персидскіе коней, одеждъ 170; у-ы погребальный (ые) 31, 33, 43, 82, изъ кург. близъ Новочеркасска 72, изъ мог. при Панагюр. 85; скиѳскій художественный 35; царскій или ханскій 72.
Уварова П. С. гр. 353; гр. У-ой находки 354.
Угры 202, 227.
Удавъ 49, 50, 177.
Удила 19, 21, 42.
Удостоенія царскія 181.
Ужины 207, 271; у-ъ званый для чиновъ въ хр. Фара въ В. Субботу 203.
Узда (ы) 33, 67, 173; у-а съ накладкою Керченскаго Музея 79; у-ы (ъ) украшеніе (ія) 53, 84; уздечка 20, 71.
Узлы 288.
Уворочье 354.
Украшеніе (ія) 67, 69, 77, 176, 185, 278; бронзовыя 80, Кобанскаго могильника 70; воинскія 294; женскія 278; у-ія изъ золота 67; у-ія колесницъ 22; у-ія лампъ восточныхъ 175; у-ія изъ листового золота и серебра по бронзѣ 67; у-ія мраморами 124; у-ія на одеждахъ 297; перегородчатыя стекольчатыя 125; перистыя вѣнцовъ, коронъ 110; у-ія повозокъ 22; почетныя 278; пурпурныя 296; у-ія скиѳскихъ утварей 23; у-ія стеклами гранатовыми 67; стекольчатыя 31, 125; фигурныя 42.
Улитка 141.
Уллисъ 312.
Умбонъ 85.
Умовеніе ногъ на Пасху 228.
Уордъ В. Г. (Ward W. H.) 111, 116, 117, 123, 314.
Уподропъ 155.
Упражненія атлетическія 213.
Упряжь конская изобр. на тк. изъ Мозака 249.
Уралъ 8, 69, 77.
Уріилъ арханг. 95, 96, 99, 101.
Урны съ шарами 210.
Уродливыя существа 165.
Усень (авсень, баусень, таусень и пр...) 69.
Успеніе 270, 291.
Успенскій Ѳ. И. 181, 196, 209.
Успенское село 69.
Усыпальницы 94; азіатскія 120; восточныя кочевниковъ 120; императорская у-а близъ Мукдена 120; у-а Омортага 120, 121.
Утварь 18, 55, 78, 83, 337, 351; бронзовая мог. Брѣзова и Панагюрища 83, мѣст. Кубечи; бытовая 63; деревянная 57; драгоцѣнная 174; погребальная древнѣйшей эпохи Кавказскихъ памятниковъ 70; у-и скиѳскія 23; художественная 351.
Утки на тк-хъ 330.
Уфа 141.
Уффицій галлерея 255.

Ф

Фабрики византійскія 274; в-ая ф-а термъ Зевксиппа 274; ф-и Сиріи 350.

Фабріано Джентиле да 255, 257, 292.
Фавны четырерукіе 136.
Фадланъ ибн (Фодланъ, Фоцланъ) 69, 229, 231, 336.
Фазанъ 110, 333; ф-ъ на тк-хъ 339.
Фазисъ рѣка въ Колхидѣ 333.
Фай (палевый цв.) 238.
Факелы 207.
Факеолида 221, 231, 295.
Факіолій (іи) 265, 281, 282.
Фактура 86, 95.
Фаларъ (ы) 21—22, 23, 26, 67, 82, 85, 90, 215, 278; ф-ы Александропольскаго кургана 21, 24, 32; Аму-Дарьинскаго клада 21; болгарскіе 21; Веттерсфельдскаго клада 21; мог. при Панагюрищѣ 85; Музеевъ Парижа, Даніи и Болгаріи 21; римскіе 21; серебрян.: въ Музеѣ Лейдена, въ Нац. Библ. Парижа 86; ф-ъ Старобѣльскаго клада 41; ф-ъ (ы) мѣстечка Чми на Кавказѣ 21; ф-ы Чулекскаго клада 21; ф-ъ Янчокракскаго к-а 35.
Фалбала 89, 260.
Фалды 262.
Фальке (O. v. Falke) 89, 112, 118, 122, 127, 143, 240, 248, 250, 253, 270, 274, 301, 302, 310, 315, 318, 321, 322, 331, 333, 336, 343, 345, 359.
Фанагорія 28.
Фарганы 93, 202, 229.
Фармаковскій Б. В. 4, 15, 23, 70.
Фарская церковь Б. М., Фара 203, 205.
Фаросъ, фаръ (одежда) 266, 295; фаръ виз. 266.
Фасмеръ М. Р. 247, 281.
Фатимидовъ египетскій халифатъ 339.
Фауна 151, 163.
Фаюмъ 304; Ф-а некрополи 304.
Фебъ-Аполлонъ 312.
Фелони 204; египетскія 338.
Фенгій (іи) 31, 211, 215.
Фениксъ (ы) 109, 110, 111, 113, 131, 135, 136, 145, 151, 156, 313.
Ферганъ 285.
Фередже 265, 301.
Фертидъ 164.
Ферязь 265, 266, 295; ф-и женскія 265; ф-и зимнія 265; ф-и лѣтнія 265; ф-и ѣздовыя 265.
Фетишъ 145.
Фибула (ы) 67, 134, 182, 224, 269, 271, 348; ф-ы въ формѣ арбалета Керч. Муз. 79; ф-а брошь Керч. Муз. 79; варварскія 80; золотая 142; з-ыя перегородчатыя 216; круглыя 268; ф-ы меровингскаго типа 80; перстатыя Эрмитажа 80; плечевыя 67; плечевая орлиная Петросск. кл. 29; рѣзныя Керч. Муз. 79; ф-ы украш. птичьими голов. съ вставками изъ красн. стекла и камней, въ Эрмитажѣ 80; ф-ки фигурныя съ эмалью 67.
Фигурки 74; бронзовыя 57.
Физіологъ (и) 92, 103, 107, 152, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 165, 326, 332; греческій 154; ф-ъ Мелитона 153; позднегреческій 156; позднѣйшій 157; русскій (іе) 152, 154, 156; ф-ъ Смирнской библіотеки 162.
Фикусъ индусскій 320.
Филадельфія 198.
Филакъ 200.
Филигрань 318; серебряная 70.
Филимоновъ Г. Д. 80, 161.
Филина перья 337.
Филиппополь 85.
Филовъ Б. Д. 82, 84, 85, 86, 122, 129, 131.
Филоѳей архитриклинъ 180, 181, 183, 186, 188, 191, 194, 201, 203, 225, 280, 281, 282.
Финикія 117, 125, 134, 297, 313.
Финифть 310.
Финны 335.
Фирдоуси 8, 12, 116, 147, 148, 149, 278.
Фисташковое дерево 311.

Фіала (ы) 207, 211; ф-а мистическая триконха 207.
Фіала или же фіалина 260.
Фіолетовый цвѣтъ 299—300.
Флагъ 242.
Флакончикъ изъ гробницы царицы въ золот. маскѣ, въ Эрмитажѣ 80.
Флаконы 73.
Фламандскіе художники миніатюристы 255.
Фламулы 278.
Фландрія 260.
Флейта 216.
Флейтисты 208.
Флемалль 260.
Флероны 77; арабскіе на тк-хъ 342, 354; ф-ы на скараникѣ 259.
Флёр-де-лисъ 324.
Флора 151; ф-а египетская на тк-хъ 327; ф-а Средиземнаго побережья 309; ф-а эллинистическаго міра 308—309.
Флоренція 257.
Фока имп. виз. 77.
Фокусникъ (и) 94, 263.
Фольклоръ 69.
Фонтанъ (ы) 75, 112, 114, 309.
Формы декоративныя 55; звѣриныя 56, 70, 152; змѣиныя 152; птичьи 152; птицы сказочной 104; символ. соединенія ф-ъ человѣческихъ и звѣриныхъ 134; сложныя гадовъ, звѣрей хищныхъ, насѣкомыхъ, птицъ 158; художественныя 165.
Фоппъ 260.
Форумъ 198, 218, 226; ф-ъ Быка 198.
Фофудія 352.
Франки (Франги) 93, 202, 229, 299.
Франція 64, 165, 307, 317, 335; Ф-іи ткани 307.
Фреска (и) 90, 259, 330; ф-и лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора 21, 22, 211, 215, 259, 330, 362; ф-а съ рисункомъ ткани изъ Кизила Этногр. Муз. въ Берлинѣ 330.
Фризъ (ы) 35, 54, 136, 176; ф-ъ декоративный съ рядомъ звѣрей церкви св. Мины въ Солуни 168; ф-ы д-е охоты 134; звѣриные 159; ф-ъ рельефный изъ Дренова 131—132; скульптурные надвратные буддійскихъ ступъ 75; ф-ы сосудовъ 175; средневѣковые мелкіе 86.
Фронтонъ Эгинскій 229.
Фурики П. А. 231, 233, 234.
Фустанелла 239, 258.
Фурбу (магическій знакъ) 30, 31.
Футляры 73.

Х

Хадгиръ, визирь Двурогій (Александръ М.) 138.
Хазарская принцесса 226; Х-ое царство 354; х-ое происхожденіе цицакія 226.
Хазары 11, 65, 202, 204, 229.
Хакасовъ племя 241.
Хала 267.
Халатъ 267, 231; х-ы безрукавные 264; восточный (ые) 78, 266; х-ы монгольскіе 337; х-ы съ очень короткими рукавами 264; х-ы рукавные 264.
Халдея 12, 28.
Халифатъ міровой 175.
Халка, дворецъ 196, 200; Х-и врата 196.
Халкокондилъ, виз. пис. XV в. 71.
Халкопратій, Халкопратійскій храмъ 203, 206, 270, 271.
Халцедоны 283.
Хамелеонъ 145, 151.
Хамеропсъ 313, 316.
Хангай 6, 7.
Хануманъ 164.
Ханъ (ы) 18, 29, 88, 89, 106, 130, 242, 243, 247, 285, 287; болгарскій (іе) 87, 90, 119, 124; варварскіе 218; кочевые 121; ордынскій 87; ѣдущій на конѣ 286.
Ханъ, династія 110; эпоха д-іи Х-ъ 145.
Харадръ 157.

Хартіи 185.
Хартуларій великій 191; х-ій (іи) вестіарія 186, 187; х-ій казны 187; х-ій сакеллія 186; х-іи секрета 281; х-іи тагмъ 281; х-ій царской чернильницы 187; х-іи ѳемъ 281.
Хаукаль-ибн 229.
Хвостъ бычачій черный — значекъ воеводы или хана 286; х-ы воинскіе 288; конскій 286.
Хевсурія 71.
Херсонесъ 103, 339; Х-ъ Таврическій 172.
Херсонъ 72.
Хеттиты, Хетты 23, 101, 116.
Хива 19, 169, 288.
Химера 151.
Хиротоніи 179.
Хирортій 176, 280.
Хитонискъ 228.
Хитонъ (ы) 96, 188, 226, 228, 234, 235, 279; бѣлый 188, 292; златотканный 265; красный 182, 188; пурпуровый 182; розовый 292, съ золотыми галунами 251; синій 290; х-ъ — стихаріонъ 185.
Хищникъ (и) 57, 60, 74, 88, 172.
Хламида (ы) 182, 184, 195, 199, 204, 209, 222, 224, 225, 226, 235, 269, 270, 271, 273, 291, 292, 294, 347, 348, 349; бѣлая (ыя) 183, 251, 272, 273, 274, златотканная 272; древняя 264; зеленая 274; х-а съ золотымъ тавліемъ и портретомъ царя Юстина 277; х-ы съ з-ми тавліями 272; княжеская 349; х-ны со львами 274; простыя 273; пурпурная (ыя) 223, 224, 273, 274, 294; х-ы съ пурпурными павлинами 273; стянутая 277; тирскія 273; фіолетовая 268; царская (ія) 200, 349; х-а цвѣта сухого винограда 300; черныя 270, 274; х-ы яблочнаго цвѣта (розово-палеваго) 273.
Хланида Христова червленая 157.
Хлопокъ 350.
ХМГ, моногр. 96.
Ховы 275.
Хозроя изображеніе 231; Х-я одежда 325.
Холин-сурис 104.
Хорваты 261.
Хороводъ 216.
Хоросанхорій 200.
Хорсабадъ 160.
Хорсъ 334.
Хоругвеносцы 236.
Хоругви 250, 278.
Хорутанъ кн. 231.
Хосаутъ 338.
Хотчо 215.
Храмъ (ы) 107, 148, 173, 174, 331, 333; х-ъ (церковь) св. Апостоловъ 204, 205, 213, 220, 236, 270, 272; х-ъ Бога-Солнца 111; х-ъ Божьей Матери Діакониссы 272; х-ъ Б. М. „первозданный“ 195; х-ъ (церковь) Б. М. Источника-Пиги (Пигійской) 205, 220, 270, 273; х-ъ (церковь) Б. М. Фароса 183, 200, 203, 205, 220; Влахернскій 270; х-ъ Константина 272; х-ъ св. Мокія 273; х-а Патлейнскаго развалины 124; х-ъ Халкопратій (Халкопратійскій) 206, 270, 271.
Христіане 93, 124, 125.
Христіанство 3, 23, 96, 97, 121, 124, 149, 165; аскетическое 309.
Христіанскія воззрѣнія 165; х-ая вѣра 123; х-іе народы 149; х-ая община 153; х-ая эпоха 149.
Христосъ 113, 149, 153, 276, Х-а монограмма (ы) 96, 113; Іисусъ Х-ъ 96, 97; Х-съ Путникъ (изображ.) 149; Х-съ распятый 264.
Христосованіе 269.
Хрисотриклиниты 195.
Хроники 139; арабскія 158; х-а

С. Галльскаго м-ря 266; средневѣковыя 173; швейцарскія 263.
Хрусталь 351.
Хун-ли 11.
Хурош 335.

Ц **Цаконы** 192.
Цапля 153, 157.
Царица (ы) (визант.) 206, 213, 217, 231; вдовствующая 221.
Царь (и) ассирійскій 64, 115; болгарскіе 119; ц-ь (и) Византіи (византійскій, іе) 65, 68, 178, 181, 182, 183, 184, 185, 187, 188, 189, 190, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 199, 202, 204, 206, 207, 208, 209—214, 217—222, 223, 224, 230, 231, 232, 233, 235, 236, 237, 238, 249, 251, 265, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 277 (греческіе), 281, 283, 284, 286, 291, 292, 300, 347, 348; ц-ь в-скій великій 196; в-скаго ц-я представленіе въ искусствѣ 225; ц-ь в-скій малый 226; ц-ь в-скій на скараникѣ 294; ц-и в-скіе на ткани изъ Мозака 248, 249; ц-скіе выходы (въ Визант.) 178, 180, 194, 272, 276, 289; ц-ь Лазовъ 277; персидскій 88; на рельефѣ Персеполя 161; русскій 190; сассанидскій (іе) царь (и) 49, 87, 89, 130, 170, 233, 241, 243.
Цаты 212.
Цвѣты 194, 198, 324; ц-ы въ народн. вышивкахъ В. Европы 306; ц-окъ (-ты) на тк-и (хъ) 308, 328, 338, 346.
Цейлонъ 137.
Центуріонъ 193.
Церемоніальности 268.
Церемоніальныя изображ. на тк-хъ [331.
Церемоніалъ выходовъ 194.
Церемоніи 179.
Церемонимейстеръ (ы) 188, 192, 271, 272.
Церемонія двора виз. 182, 269.
Церковь (и) 96, 124, 139, 167, 208, 332; ц. св. Амвросія въ Миланѣ 153; ц. свят. Аполлинарія Новаго 113; ц. Богородицы 226; ц. св. вмч. Димитрія 201; ц. Иліи въ Старой Русѣ 338; ц. Маріи Антиквы въ Римѣ 125; ц. Маріи въ Космединѣ 113; ц. св. Марка въ Венеціи 113, 114; ц. св. Мины въ Салоникахъ 168; ц. Михаила Архангела въ Павіи 144; ц. св. Мокія 198; ц. св. Николая въ Охридѣ 118; ц. Николая Чудотворца 150; ц. di Paganico въ Сіенѣ 255; ц. S. Pietro in Vincoli 275; ц. св. Саввы 125; ц. св. Сергія и Вакха 199; ц-и виз, IX—X столѣтій 124; греческія 132; готическія 325; католическая 324; купольная 309; первыя ц-и Прѣслава 121; романскія 325; христіанская ц-ь 309, [324.
Цесарка (и) 333, 335.
Цецесъ 265, 280.
Циканистрій 213.
Циклопы 136.
Цилиндръ вавилонскій съ изображ. быка съ больш. клыкомъ 160; ц-ы древнѣйшіе Месопотаміи 123; ц-ы др-шіе съ темою орла 117.
Цимбалистъ (ы) 208, 216.
Цимбалы 216.
Циркъ (и) 91, 92, 93, 163; провинціальный 91; римскій 91; ц-ая манера на тк. 330; ц-ыя партіи 89; ц-ыя представленія 91, 253; ц-ыя сцены 90; ц-ыя темы на тк. 326; ц-ыя фигуры 90.
Цицакій (іи) 225, 226, 235, 269, 291.
Цицеронъ 329.
Цьсарь 181.
Цѣпи 19, 278; бронзовыя посеребр. в ц. св. Сергія и Вакха 199; ц-ь знаменосца 185; серебряныя изъ

Новой Базилики 200; шейныя съ медальонами 278.
Цѣпочка (и) 19, 72, 81, 220.

Ч **Чаги** 275, 297; красныя 268.
Чагинъ Ѳ. И. 175.
Чандаръ 287.
Чапракъ 287.
Чаровникъ 263.
Чародѣй 148; ч-ство враждебное 148.
Часовни 99; ч-я св. Стефана 195, 209, 251; ч-я Троицы 195; ч-я св. Ѳеодора 194, 279.
Чаушъ 280; великій 191, 295.
Чаша (и) 112, 113, 114, 123, 127; декоративная ложбленная 123, цвѣточная 127; ч-а изъ Керчи 234; большія чеканныя изъ складовъ вестіарія дворца Каріана 201; драгоцѣнныя 276; ч-а съ двумя голубями 123; чаша-фонтанъ на плитѣ изъ Коніи 112; ч-ка съ изобр. льва 108; ч-чка металлическая 288; ч-чка цвѣточная [127.
Чевяки 241.
Чеканъ 35, 77, 85.
Чекко д'Асколи 157.
Челка 20, 285, 287; двуцвѣтная 285; др.-русская красная 285; красная княжескаго коня 285; перистая 110; пурпурная 285; ч-а ханскаго коня 286.
Чепракъ (и) 272, 273, 284, 285; бархатный 285; золотые 272; панцырный 247; пурпурные 284.
Червленый цвѣтъ 293.
Черевики 231.
Черепицы глиняныя съ изобр. льва [107.
Чериго остр. 298.
Черкасскій уѣздъ 150.
Черкеска (и) 240, 247, 265, 277.
Черниговъ 349; ч-ая область 67; ч-й рогъ 77, 146.
Черное море 69, 122, 132, ч-ое побережье 29; черноморье 22.
Черный цвѣтъ 299—301, 324; ч-ая (ыя) одежды 148, 291, 300—301; ч-ыя полосы на одеждахъ 290; ч-ое сукно Фландріи 301; ч-ыя хламиды 270, 274.
Черняевъ 288.
Чертомлыкъ, Чертомлыцкій кург. 18, 19, 33, 34, 35, 36, 83.
Чертополохъ 319.
Четверолистникъ 221.
Четыреугольникъ въ орнаментѣ 318; ч-и на тк-хъ 328.
Чехи 230.
Чехлы 248.
Чечня 71; чеченецъ 240.
Чингисъ 9.
Чиновники городского управленія 195; ч-и коллегій 195.
Чинъ (ы) 65, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 187, 191, 192, 194, 195, 202, 204, 205, 207, 208, 230, 269, 271, 272, 273, 274, 280, 282, 283, 348, 360; военные 185, 186, 189, 203, 209, 227, 348; воинскіе 196, 232, 265, 266; высшіе 235, герцогскаго двора 261; войсковые 252; высшій (іе) 181, 184, 186, 203, 206, 230, 267, 268, 283; 12 в-ихъ ч-въ 203, 271; главные 191, придворной службы 279; гражданскіе 186, 189, 227, 232, 269; ч-ы двора (дворцовые) 189, 191, высшіе 208, 277; довѣренные 267; ч-ы должностныхъ (оффикіаловъ) 205; духовные 203; ч-въ жены 206; ч-ы идика 186; и-а первый чинъ 269; ч-ы имперіи высшіе 232; ч-ы кувуклія 199, 272, 273; ч-ы магистровъ 204; низшіе 186; ч-ы, облеченные въ лоры 197; ч-въ и сановъ перечень 235; придворные 186, 187, 188, 230, 268, 269, 271, 284; ч-ъ по прошеніямъ 295; ч-ъ пріютовъ 205; ч-ы секрета 205; ч-ы сената 347; ч-ы собственно-царской службы 284; ч-ы спальни 272; старшіе 197; ч-ъ страннопріим-

ныхъ домовъ 205; ч-ы флота (флотскіе) 207, 281; царскіе 284; ч-ный строй Византіи 180.
Чифте-минаре-медресе въ Эрзерумѣ [118.
Чми мѣст. на Кавказѣ 21, 71.
Чоха 247.
Чувяки 240.
Чудище 42; ч-а земныя 159; ч-а отвратительныя 139.
Чудовище (а) 28, 92, 139, 145, 166; декоративныя 161; морскія 149; огнедышащее 148; рѣчныя 149; фантастическое 139; ч-щный стиль 167.
Чулекскій кладъ (находка) 21, 67, 215.
Чулокъ шелковый 363.
Чурила Пленковичъ 355, 356.

Ш

Шавъ тур. князь 44.
Шакалъ (ы) 134, 170.
Шакъ 175.
Шали индійск. 320.
Шальвары сассанидск. 130.
Шаманизмъ 30.
Шаманство 11, 12, 14—17.
Шаманъ (ы) 10, 11, 14, 15, 16, 58, 94.
Шантръ 69.
Шапка (и) 260, 261, 266, 269, 284; ш-и свв. Бориса и Глѣба 295; ш-ъ варварскіе образцы 295; восточныя 281; высокія коническія съ широкими полями 260; горлатная 281; шапка мурманка 356; остроконечная 243; ш-а, покрытая тонкимъ листкомъ золоченаго серебра 246; почетная съ клавами 295; русскія княжескія 295; ш-а севастократора 294; славянская 282; ш-ъ типы 281; ш-а хана монгольскаго 337; шапочка восточная 244.
Шарлатаны 264.
Шаровары 89, 229, 276; ш-ы персидскаго покроя 241.
Шахи 170, 269.
Шахъ-Наме 8, 148.
Шеколадный тонъ пурпура 297.
Шелкъ (а) 195, 200, 229, 247, 265, 288, 301, 350, 353, 354; дамасскій (іе) 217, 351; ш-я галуны на тк. 354; ш-ая (ыя) матерія (іи) 300, 304, 307, 329, 337, 363, полосатыя 301; ш-ыя нити тк-ей 307; ш-ыя одежды 149, 246, 276; ш-ая(ыя) ткань(и) 88, 118, 206, 225, 252, 270, 274, 328, 332, 339, [353, 355.
Шелковица 310—311.
Шемаха 246.
Шерсть 229, 328.
Шестоперъ русскій 248.
Шиферъ красный 104.
Шишакъ (и) 285, 286; золоченый съ кистью 247.
Шкапъ пятибашенный 201.
Шкатулки 177; византійскія 132; восточныя 175.
Шкорпилъ К. 120.
Шкуры 57; ш-а мѣхомъ вверхъ 217.
Шлемы 92.
Шляпы 108; ш-а земли греческой 281; ш-ы русскихъ кучеровъ 109; ш-ы татаръ 109; ш-ъ типы 281; ш-ы турокъ 109.
Шмидтъ А. В. 58.
Шмитъ Ѳ. И. 282.
Шнаазе (C. Schnaase) 167, 168.
Шому микадо 242, 310.
Шпейеръ 173.
Шпрингеръ (A. Springer) 157, 168.
Штандартъ 22, 208, 242, 288.
Штаны 230; ш-ы кесаря 294; пурпурные, шоколадн. цв. 259; розовые хана 247; узкіе 93; ш-ы шелку [тонкаго 246.
Штейнъ 74.
Штеттинъ 173.
Штетцеръ-Шенгрей 79.
Шубы 68; ш-а кунья въ был. 356; ш-ы почетное значенье 231; шубей-266; шубка широкая и короткая 262.
Шуменъ 90; Ш-скій округъ 129.

Шурань Большая (Nagy-Surány) 75.
Шутки 212.
Шутъ (ы) 202, 208, 263, 301.

Щ

Щегленокъ 157.
Щеголъ 157.
Щитки 78, 115, 122; круглые 68; металлическій 286; полукруглый 115; щ-въ орнаментальн. форма 84; щ-и съ рѣдкими птицами 170; щ-ъ съ чешуйчатой внутренностью 115.

Ѣ

Ѣздвой (ые) кафтанъ (ы) 231, 235, 238, 239, 240, 241, 244, 254, 255, 256, 257, 260, 261, 262, 264.

Э

Эвбея 313.
Эгретки 112.
Эдиктъ царскій 181.
Эдикулъ 120.
Экзегеты 98.
Экскувитъ (екскувитъ) 196; э-въ доместикъ 186; э-оры 189.
Экспедиціи англійскія Штейна 74; германскія Грюнведеля, Ле Кока 74; э-ія критская 237; э-ія Монголо-Тибетская П. К. Козлова 48; э-ія русская Ольденбурга 74; французскія Пелліо 74.
Элементы варварскіе въ романскомъ искусствѣ 165; германскіе и греколат. въ искусствѣ 62.
Эліанъ 161.
Эллинистическое искусство 154, 305, 306, 329; э-ій міръ 151; э-ій орнаментъ 333; э-ій стиль 253, 254, 305, 315, 327, 328; игрушечный 326; э-ая эпоха 152, 305, 308.
Эльбрусъ 338.
Эмаль (и) 220; 273; э-ь по золоту на визант. сѣдлѣ 287; изумрудная на диканикіяхъ 296; перегородчатыя 250, 252; русско-византійскія 337; э-ю украшенныя блюда 356; э-ыя блюда 214; э-я вещи филака 200; э-ая діадема Константина Мономаха 222; э-ая паста цвѣтная 140; э-ая посуда въ виз. дворцѣ 332; э-ыя украшенія царскихъ принадлежностей 223.
Эмблема (ы) 29, 73, 103, 106, 115, 116, 118, 148, 171, 280; э-а воинской преданности 185; э-а восточныхъ державъ 105; государственная 116; э-ы городовъ 152; демоническія 149; демонская 276; э-а жилья кочевника 71; э-а зла 158; золотыя вышитыя 278; зооморфическія Мсопотаміи и Персіи 116; историческая 115; э-а богини Иштаръ 117; э-а княженія 29; политическая 116; э-а рыболововъ 29; э-а скиѳскаго кочевья 29; э-а солнечнаго божества (Ашура) 117; э-а сѣвера 29; э-ы странъ 152; э-а французская королевская 127; христіанскія 123; э-а царства 223; языческія 149.
Эмволъ 198.
Энкаустическая живопись 95, 125.
Энтемена 117.
Энциклопедіи александрійскія 152; реальныя 91.
Эоны ангелы 100.
Эпархъ (епархъ) 186, 239, 292.
Эпиръ 119.
Эпическія сказанія 78.
Эпосъ монгольскій 20.
Эрверумъ 118.
Эрмитажъ 15, 45, 49, 52, 55, 80, 91, 341, 349; э-а древности 49, 52; э-ное собраніе вещей Хивинскаго ханства 288.
Эрота статуэтка 72.
Эстрада 217, 224.
Этеріархъ великій 191.
Этикетъ 194; царскій 193.
Этнографія 69.
Эѳіопляне 110.

Ю **Юбка** 257; ю-а, состоящ. изъ рядовъ полосокъ 266; сборчатая 242, 243, 245, 256; ю-а со множествомъ мелкихъ складокъ 263; широкая короткая 244, 286; ш-ая въ сборкахъ 255.
Юліанъ Отступникъ 12, 100, 185; Ю-а изображеніе 130.
Юпитеръ план. 99.
Юрта 120.
Юрьсвскій уѣздъ 354.
Юрьевъ-Польскій 107.
Ютландія 86.
Юстініанъ I имп. виз. 64, 66, 89, 179, 182, 183, 192, 194, 219, 220, 305; Ю-а конная статуя 221—222.
Юстинъ I имп. виз. 66, 179, 300.
Юстинъ II имп. виз. 45, 182.
Я **Яблоко** на жезлахъ въ Вавилонѣ 323.
Яблочный цвѣтъ 294.
Ягмурлукъ 266.
Ягодки золотыя 74.
Язычество 23, 91, 100; греческое 97.
Язычники 93, 109, 153, 218, 229; „царскіе слуги“ я-и 230; я-въ верхняя одежда 229; я-ій нарядъ 229.
Яикъ-Ханъ 16.
Якутье-медресе въ Эрзерумѣ 118.
Якъ 51, 52.
Ямбы 272.
Ямвлихъ 99.
Янычары, 268.
Япанчи, япончи, япончицы, япондже 266, 355.
Японіи искусство 74.
Ярмо золотое 276.
Ярославская губ. 355.
Ярославъ Мудрый в. кн. кіевск. 356.
Ястребъ (а) 104, 136, 148.
Яхонтъ 220, 283.
Яшвиль Н. Г. кн. 128, 150.
Ящеръ 58, 60, 141, 143, 145, 158; змѣевидный 147; змѣинообразный 159; я-ъ крокодилъ 158; я-а типъ съ четырьмя ногами и удлиненнымъ тѣломъ 139; ящеровидные 144.
Ѳ **Ѳавосъ** остр. 85.
Ѳематики 186.
Ѳемы 186, 284.
Ѳеодора имп. виз. 183.
Ѳеодоръ Метохитъ 295.
Ѳеодоръ Стратилатъ св. 125, 126; изображ. головы св. Ѳ-а С-а (керамиченъ образъ) 125, 126.
Ѳеодоръ Тиронъ св. 125, 150.
Ѳеодосій Великій имп. 65, 66, 194.
Ѳеодосія 80.
Ѳеофано имп. виз. 347.
Ѳеофилъ имп. виз. 207, 222; опис. въѣзда царя Ѳеофила 265.
Ѳессалія 118.
Ѳиміамъ 111.
Ѳоракій 183; Ѳ-іи золотые 204.
Ѳракія 66, 83, 85, 130.

A **Aba** 251.
Accubitor 179.
Aigrette 286.
Alcedo hispida 157.
Alexandri Magni iter ad paradisum [139.
Ammianus Marcellinus 9, 12, 100, 185, 194, 299.
Amoretti 253.
Andrian 14.
Anecdota (Прокопія) 275.
Antepanni 279.
Apex 110.
Ater 300.
Atramentarium 300.
B **Bals G.** 261.
Balteus 278.
Bastard, comte de 268.
Beciach 246.

Berchem v. M. 144.
Berette rosse *261*.
Blattea byzantea *300*; b-a interula *228*.
Blattifer senatus *300*.
Bock Franz 78, *302*, *346*, *347*.
Bode, Wilhelm v. 169, 170.
Bona ora 69.
Bonas vigilias 69.
Boor de *233*.
Borca *20*, *229*, *265*.
Borcadium *20*, *284*.
Bréhier L. 193.
Bullae regiae *227*.
Bury J. B. 178, 179, 181, 186, 205, 296.
C **Caba,** capa *265*; c-a tachtani 231.
Cahier *302*, *326*.
Calandrini, cardellino 157.
Calyptra capitis *20*.
Camisia *228*, *293*.
Campestre subtile *228*.
Cancellieri Fr. 101.
Capa, cappa, capote, kabát *229*.
Caputium 258, 259.
Carduus, chardon 319.
Chardonneret 157.
Chemise 188, *228*, *293*.
Chochiach 246.
Clermont-Ganneau Ch. 27.
Coccinus = minium *293*.
Colasanti A. 113.
Colores imaginum extrinsecorum 173.
Comes stabuli 186.
Connetable 186.
Coq, coq galois 335.
Cotte 258.
Crateres 174.
Crosna (ae), crusina (ae) *272*, 355.
Cumont F. *245*.
D **Dalton O. M.** 113, 123, 303.
Didymus Alexandrinus 99.
Diehl Ch. 113, 179, 184, 268, 274, 302, [346, 349.
Dieulafoy 102, *267*.
Diez E. 144.
Digitées 80.
Dio Cassius Cocceianus 160.
Divitensis *223*, *232*.
Dornstrauch 319.
Dracones indici 149.
Drap d'or, drappi d'oro 354.
Dreger 302.
Du Cange *29*, 119, 185, *233*, *239*, 258, *267*, *268*, *290*, *297*, 354.
Duhn F. *324*.
E **Ebersolt J.** 179, 184, 190, 195, 198, 199, 218, 219, *220*, *221*, *225*, *226*, *229*, *232*, *233*, *234*, *252*, *268*, *272*, *274*, *282*, 359.
É **Écarlat** *263*, *293*.
Épine 319.
Episcopi 118.
Errera *302*.
F **Faciale** 281.
Falke, O. v. 89, 112, 118, 122, 127, 143, 240, 248, 250, 253, 270, 274, 301, 302, 310, 315, 318, 321, 322, 331, 333, 336, 343, 345, 359.
Fazzoletto 281.
Ficus religiosa *320*.
G **Galea** caesaricia *222*.
Gardacorsium muliebre 258.
Gaudeo, gaudentes, gausas 69.
Gayet Al. 302, 304.
Georgius Monachus 205.
Giornea 258, 261.
Goar *228*, *233*, *260*, *265*, *280*, *285*, *293*, [295.
Gretser *233*, *293*.
Grifaucon, grifalque, gerfaut *29*.
Gomda 164.
Grégoire H. *232*.
Gudawabi, godveb, gottgewebe 338.
Guigne de 8.
Guimet E. 304, 320, 333.
H **Hahn** 335.
Hampel Jos. 75, 77, 104, 142, 147, 287.
Hedvábí, hedvabije 338.

Heffner v. Alteneck, J. 118, 220, 222, 261, 262, 263.
Hehn V. 334.
Henne 335.
Herbelot 9, 11.
Heuzey L. 117, 224, 228, 265.
Hieseler 144.
Hodgson 30.
Hopfner Th. 98, 334.
Hünter 151.

I

Industria 173.
Insignia regia 227.
Interulas 229, 293.
Ioannes Chrysostomus S. 276, 283.
Ioannes Lydus 278, 279.

J

Jász-Bereny 77.
Jorga N. 261.

K

Kabát 229.
Keller O. 91, 151, 159, 160, 161, 339, 347.
Kerûb 29.
Keszthely 75.
Khilah 267.
Kimberly Mumford J. 170.
Kramer 351.
Krumbacher K. 178, 190.

L

Lacerna 257.
Lagontii 283.
Laminula d'oro 101.
Laufer B. 145, 352.
Liber Pontificalis 332.
Linas de Ch. 52.
Lineum puellare 228.
Liutprandus 216, 296.
Lunulae 211.

M

Mansi 100.
Marge 278.
Margellia, Margenium 279.
Marschall F. H. 101.
Martin 302, 326.
Mendel G. 112, 122, 143.
Migeon G. 302.
Migne 99, 207, 220, 233, 276, 277, 283.
Miklos Szent 104.
Millet G. 138, 179, 211, 223.
Minium 293.
Minns E. H. 4, 8, 11, 17, 21, 22, 24, 25, 26, 83, 102, 140, 146, 150, 157, 212, 240, 286.
Morgom 279.
Müller Sophus 304.
Murex 297.
Museum, Victoria & Albert 358.
Mutatorium 196, 225.
Mütze 263.

N

Nagy Surány 75.
Neapolitano blattea 300.
Niederle L. 216, 228, 229, 230, 231, 245, 338, 355.
Niemann G. 112.
Nöldeke 44.

O

Orfévrerie cloisonnée 67.

P

Paludamentum 353.
Panchaia 110.
Panno d'oro 261, 266.
Pauly-Wissowa 101.
Pawlaka 353.
Peceg 246.
Peich, Peiudur 246.
Pellicanus 153.
Perdrizet P. 96, 97, 100, 101.
Periclysin de blattea 300.
Perrot G. 2, 20, 26, 27, 30, 116, 134, 136, 160, 161, 285.
Phalarae 21.
Phoenix 110.
Piastretto 266.
Plinius C. 51, 110, 151, 160, 164.
Powłoka 353.
Puellare lineum 228.
Purpura 297, 298.
Putti 253.

Q

Quatremère Et. 267, 351.

R

Racama, Ricamato 279.
Regia insignia 227; r-a signa 227.
Retro 69.

Rica 20.
Rossi De G. B. 96, 101.
Rouge 293.
Rubus 293.

S

Sai 257.
Samitum 352.
Sarcina 228.
Scara 263.
Scaramangion 263.
Scaramuccio 263.
Scarlatus 264.
Scharmeyen seidene 263.
Schirmen 263.
Schnaase C. 167, 168.
Segmenta 280.
Serge 341; Sergé 360.
Sericoblattea 300.
Seure 83.
Signa regia 227.
Signore di castello 266.
Siuf 246.
Solutus legibus 193.
Sonkor, schonkon, schongar 29.
Sottana con (tante) falde 258, 261.
Specium, speculum 215.
Springer A. 157, 168.
Stragula 20, 284.
Strzygowski Jos. 144.
Swoboda H. 112.

T

Tabulae 188.
Toga praetexta 224.
Tolle 68, 69.
Toque 272.
Torques 184, 185.
Tou-Kiou 9.
Trabea 224.

U

Usin album 354; rubeum 353.

V

Venatores 93.
Vestes plumatae 261, 266; vestis rugata 272.
Viola 299.
Vipera 158.
Voeu du pân 108.

W

Ward W. H. 111, 116, 117, 123, 314.
Wigand K. 158.
Wildemann 151.
Wilpert Jos. 125, 149.
Woermann K. 55, 61, 62, 63, 86, 302, 310.
Wulff O. 125.

Z

Zer bafte 352.

A

Αβ(β)άδες 202.
Ἄβδιον, ἀβδία 229, 265, 275, 277.
Ἀβόλλα 251.
Ἀγάλματα 45.
Ἀγαρηνοί 230.
Ἀγελῶν τῶν (λογοθέτης) 186, 187.
Ἅγιος 209.
Ἀετάριον (α) 200, 360.
Ἄετοι πολύγυροι 252, 301; ἄ. πρασινορόδινοι 252, 301.
Ἄζωνος 202.
Ἀήρ 219, 282; ἀ. χρυσοκόκκινος 294.
Ἆθλος ἱππικός 203.
Ἀκριβολογία κ. τ. λ. 180.
Ἄκρον 295.
Ἀλειπτά 196.
Ἀλέκτωρ 335.
Ἀληθινά 215, 272, 297, 298, 299.
Ἀλκυών 156.
Ἀλλαξίμα 227; Ἀλλαξίματα ἄσπρα 273.
Ἁλουργής 297.
Ἀνάγλυφα 201.
Ἀναδενδράδιον 200.
Ἀνακαρισταί 208.
Ἀνάκλησις τῆς περιορήσεως 205.
Ἀνάλεκτα 275.
Ἀναξυρίδες 275.
Ἀναχωρητική 157.
Ἀνδρόνικος ὁ Παλαιολόγος 282.
Ἀντίπανα 278.
Ἄντρωποι οἰκεῖοι 207.
Ἀξία ἡ (αι) 183, 184, 186, 192, 280; ἀξίαι διὰ βραβείων 181.

Ἀξιώματα 192.
Ἀπελατικὸν 209.
Ἀπλώματα περσικά 198, 200.
Ἀράφια 252.
Ἀριθμοῦ τοῦ (δομέστικος) 186.
Ἀριστητήριον 207.
Ἀρμελαύσια 264.
Ἄρχοντες βασιλικοί 284; ἄρχ. τῶν ἐργοδοσίων 190; ἄρχ. οἰκειότεροι 207; ἄρχ. τῶν ταγμάτων 236.
Ἄσπρα 292.
Ἀσπασμός 269.
Ἀσπροκόκκινος 301.
Ἀσπρομύναια 275, 301.
Ἀσπρόχαλκα 199.
Ἀτραβατικά 212, 274, 300; τὰ ατρ. χλανίδια 270.
Ἄτρον 300.
Αὐγούστα 207.
Αὐλή 191.
Β **Βαΐα** 210.
Βαλτίδιον (α) 183, 225, 292.
Βαρβάτοι 220.
Βασιλεύς 181; β. ὁ μέγας 207; β. ὁ μικρός [207.
Βασιλικὰ τὰ (ἱμάτια) 228.
Βασιλίκια τὰ τοῦ βρουμαλίου 207.
Βασιλικοὶ (ἄνθρωποι) 207, 284; β. ἄνθρωποι ἐθνικοί 229, 230.
Βασιλικῶν τῶν (πρωτοσπαθάριος) 187.
Βένετα 221.
Βερικοκκόχροον 294.
Βεστιομιλιαρήσια 267.
Βηγάριος 210.
Βῆλα 182, 183.
Βῆμα 279.
Βίγλας τῆς (δρουγγάριος) 187.
Βόνας βηκηδίας 69.
Βορκάδιον (α) 20, 229, 265; βορκάδια ἀληθινά 20, 284.
Βοτοῦ τοῦ (ἡμέρα) 212.
Βότρυς 272.
Βουκκινάτορες 208.
Βουτίον 295.
Βραβεῖον (α) 181, 186, 232, 291.
Βραχιάλια 278.
Βωτὸν παι(ε)ζοδρόμιον 202, 205.
Γ **Γάμμα** 279.
Γαύζας 69.
Γενέθλια 207.
Γενέθλιος ἑορτὴ τοῦ Κυρίου 197.
Γενικοῦ τοῦ (λογοθ.) 186, 295.
Γούνη 68.
Γρανάτζα 267.
Γρυπάριον (α) 29, 360.
Γρυπολέων 29, 200.
Γρυπονάγροι 29.
Γρυψ 29, 358.
Γυγγύβελε 274.
Γῦρος τῆς τρούλης 295.
Δ **Δεήσεως (ων) τοῦ (τῶν) ὁ** 186, 187.
Δέξιμον (α) 193, 198, 201, 204, 205; δ. μετὰ σαξίμου 203; δεξίωσις δεξίμου ἄνευ σαξίμου 204; δ. δ. μετὰ σ. 205.
Δεῖπνον ἑσπέριον 203.
Δεσπόται 181.
Δημοκράται 186.
Δημοτικῶς λεγόμενα 278.
Διάδημα τὸ βασιλικόν 219.
Διακαινήσιμον 270.
Διακοπτὰ κοντομάνικα 280.
Διβητήσιον 232.
Διερμηνευτής 239.
Διπλοῆς 188, 292, 294.
Διρόδινον 293.
Δίσχιστα 233.
Δομέστικοι 186.
Δοχή (αἱ) 195, 198, 201, 272.
Διυγαντάρια 275.
Δωδεκαήμερον 203.
Ε **Ἐθνικοί** 195, 204, 218, 229; οἱ ἐθν. τῆς ἑταιρείας 204; ἐθν. μέγαλοι 277.
Εἰδικαί ἀξίαι 186.
Εἰδικοῦ τοῦ ὁ 187.
Εἰκόνες λαυρεάται 198.
Ἐικονικῶς 294.
Ἔλγας τῆς Ῥωσένης ἑτέρα δοχή 213.

Ἐνδότατοι 229, 293.
Ἐξαβούλις 251.
Ἐξάμιτος 352.
Ἐξέμπλια 275.
Ἐξωμίς 228.
Ἐπικέρνης (πιγκέρνης) 191.
Ἐπιλουρίκιον (α) ἐπιλωρίκιον (α) 221, 231, 264; ἐπιλώρικον 265.
Ἐπιμάνικα 232.
Ἐπιρριπτάρια 264.
Ἐπωμίς (ες) 275, 291.
Ἐρυθρόν 293.
Ἐσωφόρια 227, 237, 275.
Εὐκτήριον 196.
Ἐχέσαρκα 229, 293.
Ζ Ζωνάρια νυμφικά 201.
Ζώνη 251, 278.
Ζωστήρ 278.
Ζωστρίον (α) 275, 278.
Η Ἡεράνεα 291.
Ἡλέκτρυων 335.
Ἡπλησίον 200.
Θ Θάλασσα (αι) 252, 275, 277.
Θαλασσίτης (ὑάκινθος) 283.
Θυμέλη 208.
Θυμελικόν (α) 202, 213.
Θωράκια 205, 269, 291.
Ι Ἰαστά 275.
Ἰατρεῖον 196.
Ἴδιοι 207.
Ἰνοκοπητόν 238.
Ἱμάτιον (α) 185, 228, 251, 265, 275, 280; ἱμ. μανιακάτα 185; ἱμ. σχιστόν 266.
Ἰνδάλματα 46.
Ἰοειδής, ἰόεις, 300.
Ἴον 299.
Ἰουστινιάνειον 221.
Ἱππαλέκτρυων 136.
Ἰσαπόστολος 193.
Κ Καβ(β)άδιον (α) 204, 229, 230, 233, [265, 355.
Καβαλλάριοι 271.
Καθέδρα οἰκεῖα 201.
Καισαρίκιον 182.
Καλύπτρα 260.
Καμάρα (αι) 201, 219, 222.
Καμελαύκιον 195.
Καμίσιον 228.
Καμουχᾶς 352.
Κανικλείου τοῦ (χαρτουλλάριος) 187.
Καπιστράκια 211.
Καστώριον (σκαραμάγγιον) 235.
Κατακόιλιον 251.
Κατασειστά 201, 220, 280.
Κατάστασις 180.
Καταστάσεως τῆς ὁ 187.
Κατασφραγίζειν 195.
Κατοικέσια 207.
Κελεύσατε 195.
Κεφαλαρέον (α) 20, 285.
Κισσόφυλλα 251, 268, 292.
Κιτρίνα 215.
Κλητώρια 180; κλητώριον πολύτριχον [93, 202, 230,
Κλοιός 185; κ. χρυσοῦς 184.
Κλούβιον 212.
Κοιτών 187.
Κόκκινος 188, 293; κόκκινον (σκαρανικον) 239.
Κολόβια 264.
Κομβίνα 209.
Κόμης τοῦ στάβλου 186.
Κόμποσις 285.
Κοντομάνικα 205, 228.
Κουράτορ τῶν μαγγάνων 187.
Κουρόσυνα 207.
Κουρτζουβράκια 205, 228.
Κράκται 182.
Κρεμαστάρια 220.
Κρινωνία 221.
Κρίται 186.
Κυριακὴ τοῦ πάσχα ἡ ἁγία καὶ μεγάλη [197.
Λ Λαμπρός, λαμπρά 289, 290, 292.
Λαμπρότατοι (πραιπόσιτοι) 188; λαμπρότατος πρόεδρος 292.
Λαμπροφορεῖν 225, 290, 291.
Λαμπροφόρος ἑορτή ἡ 290.
Λαός 182, 209.

Λαπατζᾶς 267.
Λεπτόζηλα 275.
Λευκά (одежда) 292; λ. οτέμματα 221.
Λευκολέοντες 252, 301.
Λευκοφόροι 202, 290.
Λευχειμονεῖν 291.
Λιθοκόλλητον (ὄχημα) 283.
Λιτά 273.
Λόγου διὰ (ἀξίαι) 181; λ. διὰ βασιλικοῦ (ἀ.) [190.

M **Μαΐστορ** 68.
Μανδύον, μανδύη 221.
Μανιακάτα (ἱμάτια) 185, 275; μ. (σκαραμάγγια) 238.
Μανιάκια 211; μανιάκης 185.
Μάνικα 228; μάνικος 251.
Μαντεῖα 297.
Μαργαριτάρια (σκαράνικα) 238.
Μαργέλλια 192, 228, 278, 295.
Μασουρωτά 290.
Ματζοῦκα 295.
Μαφόριον 184.
Μεγαλόζηλα 275.
Μεγίστανοι 205.
Μέλος οἰκεῖον τό 68.
Μεσοκάρδια 201.
Μεσοσκούτελλα 201.
Μεταμόρφωσις ἡ ἁγία 197.
Μεταξωτά 301.
Μητατώριον 196, 225.
Μίνσος τῶν δουλκίων 204.
Μινσούρια 201.
Μονόκερως 160.
Μυΐνα 300.
Μυστική 191.
Μυστικός ὁ 191.
Μυστικωτέρα 207.

N **Νιψιστιάριοι** 188.

Ξ **Ξένια** 199, 274.
Ξενοδόχοι 190.
Ξέστα 195.

O **Οἰκειακοί** 295.
Ὀνομαστήρια 207.
Ὀξύ 206; ὀξύς 289, 297; ὀξέα 298; ὀξέον σκαραμάγγ. 235.
Ὀργανάριοι 196.
Ὀρφανοτρόφος 187.
Ὀσφράδια 198.
Οὖννοι 275.
Οὐράνιος 223.
Ὀφφίκια 186.
Ὄχημα 283.

Π **Παγανά** 270.
Παιγνία θυμελικά 213.
Παιγνιῶται 202, 208, 216.
Παλαίστρας τῆς οἱ 196.
Παλάτια τῆς θαλάσσης 205.
Παπούτζια 229.
Παραγάβδιον, παραγώδαι 279.
Παράδοσις 273.
Παρακοιμώμενος 190, 207; π. τοῦ κοιτῶνος 239.
Παρασυρτά 284.
Παστοποιοί 200.
Πατρίκιοι περίβλεπτοι 183.
Πενταπύργιον 201.
Πέπλος 272.
Περιβαλλεῖν 274.
Περίβλεπτοι πατρίκιοι 183.
Περιβλήματα 239.
Περιβόλαια 297.
Περικάλυμμα 219.
Περίκλειστα (σαγία) 291.
Περιλεύκιος 283.
Περίχυτα 238.
Περόνη 278.
Πέταλα χρυσᾶ 283.
Πέτασοι πράνδιοι 250, 272.
Πιγκέρνης (ἐπιγκέρνης) 191.
Πλάκες ἐλεφάντιναι 183; πλ. πατρικιότητ. [188.
Πλατώνια 200.
Πλωΐμων τῶν (δρουγγάριος) 187.
Πνικτάρια 201.
Πολύτριχον (κλητώριον) 93, 202, 230.
Προκαθήμενος τοῦ κοιτῶνος 239.
Πορφύρα 296; πορφυρᾶ χρυσᾶ σκαραμαγγ. 235.

Πορφυρογεννήτοι 207; πορφυρογενή-
των τῶν τὸ ὄνομα 296.
Πραγματευταί 213.
Πραιπόσιτοι 281. [221.
Πράσινα (сапоги) 294; πρ. στέμματα
Πρασινορόδινος, -ον 209, 301; πρασι-
νορόδινοι ἀετοί 252; πρασινορόδινα
σκαραμάγγ. 234, 252.
Προαγωγή 182.
Πρόβλησις 222.
Προέλευσεις 193.
Προπόλωμα 184.
Πρόσωπα 68.
Προσώπου τῶν σχολῶν οἱ ἐκ 186.
Προτοβεστιάριος 207.
Πῶλος 282, 283.
Ρ **Ῥάβδος** ἐρυθροδανωμένη 186; ρ. μω-
σαϊκή 194, ρ. χρυσᾶ 186.
Ῥόδα χρυσᾶ 274.
Ῥοήσιον (плащъ) 251, 292; ῥ. (оттѣ-
нокъ краснаго цвѣта) 293.
Ῥοιά 293.
Ῥουσαῖος, ῥούσεος 297; ῥούσιον (διβη-
τήσιον) 271; ῥούσια (στέμματα) 221.
Ῥοῦχον 221; ῥ. κόκκινον 294.
Ῥόγαι 230.
Ῥῶς 214.
Ῥωσθήλιον 209.
Ῥωσία 213.
Σ **Σαβάνια** 280.
Σαγίον 183; σαγίον (α) ῥοῆς 251, 293, 294.
Σαγίσματα 211.
Σακελλίου τοῦ (χαρτουλλάριος) 187.
Σαλίβα 280.
Σαλπίγκται 208.
Σάξιμον 201, 204, 205, 211; σ. τὸ τακτι-
κὸν 207.
Σάρακας 229.
Σαρακηνοί 237.
Σάρκα 229, 292.
Σαρκίνα 228, 229, 292.
Σάρξ 228.
Σεῖα 220, 294.
Σειρομάστης 280.
Σεκρέτα 194.
Σεκρετικοί 186.
Σελήνη 211.
Σεληνίσκον 278.
Σενδές 200, 352.
Σημεῖα 279, 280.
Σήμεντα 280.
Σκαραμάγγιον (α) 204, 232—240; σκ.
δίασπρον 237; σκ. διβένετον 237; σκ.
αμφιεσμένα ἀπὸ διβλαττίων 235; σκ.
δικίτρινον 237; σκ. διρόδινον 237; σκ.
μεγάλα 252; σκ. ὀξὺν πρασινοτριβλάτ-
τον 251; σκ. μετὰ τριβλαττίων 235; σκ.
χρυσᾶ 235; σκ. χρυσοκέντητα 235.
Σκαράνικον 233, 238; σκ. βερικοκκόχ-
ροον 238; σκ. κόκκινον 239; σκ. συρ-
ματεῖνον 238, 239; σκ. χρυσοκίτρινον
239; σκ. χρυσοκλαβαρικόν 239. σκ. χρυ-
σοκόκκινον 238; σκ. χρυσοχοϊκόν 238.
Σκιάδιον 281; σκ. κλαπωτόν 295; σκ.
ολομάργαρον 219.
Σουρουλίσται 208.
Σπέκια 215, 280.
Σταυρίτζια 205.
Στέμμα 219.
Στεμματογύριον 219, 223.
Στέφανος 219, 222, 223.
Στηθοκαράκαλα 210.
Στρατωρίκια 280.
Στρατηλατίκια 280.
Στιχάριον 232.
Στίχος 232.
Στολίς 272.
Στρατάρχαι 186.
Στρατηγοί 186.
Στρατιώτης 221.
Στρατιωτικοῦ τοῦ (λογοθέτης) 187.
Στρεπτόν 225.
Συρματεῖνον (σκαράν.) 238.
Σφαιροδρόμιον 213.
Σφενδόνη 191.
Σφενδόσθλαβος 214.

Σφιγκτούρια 259, 275.
Σφραγίδια 205.
Σχῆμα ἐθνικόν 202, 229, 230; σχ. οἰκεῖα [204.
Σχολῶν τῶν ἐκ προσώπου οἱ 186.
Σωληνοκέντητος 272.
Σωμάτιον 229.
Τ **Ταβλίον** 251; ταβλία ἀπὸ ὀξέων 274.
Ταγηνάρια 360.
Ταμπάριον 294.
Τάξις 179, 197; ἡ τῶν ἀλλαξίμων τ. 195.
Τατᾶς τῆς αὐλῆς 191.
Τάων 200.
Ταώνιον 200.
Τειχέων τῶν (δομέστικος) 186.
Τετράδιον πορφυροῦν 183.
Τετράφυλλον (φόρεμα) 221.
Τζάγγια, τζάγγαι 268, 275, 297.
Τζιτζάκιον 225.
Τζουκανιστήριον 213.
Τοῦφα μικρὰ κοκκίνη 239; τουφία 285.
Τριβών 265, 279.
Τριβώνιον 265.
Τρίκλινον 205.
Τρίκομβον (μανιάκ.) 185.
Τρίφυλλον 295.
Τροπαιουχία 221.
Τρυγητικόν 68, 203.
Τύρεα (мантіи) 212; τ. χλανίδια 273, 274. 294; τ. — пурпуръ 297.
Τυροφάγος (ἕβδομας) 203.
Υ **Ὑάκινθος** 283.
Ὕδρωψ 155.
Ὑπηρεσία 189.
Ὑποκάμισα 228, 293; ὑποκαμίσιον 228.
Ὑποϋέλιος 296.
Ὑποχιτῶνες 229.
Φ **Φαιόν** 238. 294.
Φακεωλίδα 221.
Φακεώλιον (φακεωλίς) 282.
Φάργανοι 230.
Φεγγία 211.
Φθέγμα 202.
Φιάλη (φυάλη) 260.
Φίβλαι 297.
Φίλοι 93, 194, 203, 230, 236.
Φοινίκια τά 285, 297.
Φόρεμα (— ματα) 191, 221, 267; φ. Περσικόν 192.
Φράγγοι 230.
Φραγέλιον χρυσοῦν 185.
Φυαλίς 221, 231.
Φύλαξ 200.
Φώτων τῶν ἡμέρα 197, 203.
Χ **Χάζαροι** 230.
Χαιώματα 284.
Χαράδριος 157.
Χαρακτήρ 198.
Χειμευτόν 284.
Χειρονομία 202.
Χειρόρτιον — χειροθήκη 280.
Χερνιβόξεστα = χέρνιβα 195.
Χιτών διρόδινος καὶ χρυσόθετος 251.
Χιτωνίσκοι 229, 293.
Χλαῖνα 277.
Χλαμύδα 251.
Χλανίδια 273, 274, 294.
Χόρευσις 205.
Χρυσόθετος (χίτ.) 292.
Χρυσόκλαβα 215.
Χρυσοποίκιλος (χίτων) 294.
Χρυσοπράσινον (δικανίκ.) 296.
Χρυσοσήμεντα 211.
Χρυσοφεγγής (χλ.) 272.
Χώρα τῶν μακάρον 139.
Ψ **Ψελλία** 278.
Ψευδοξέα 297, 298.

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ

		Стр.
I. Рис.	1. Нащечникъ Краснокутскаго кургана	19
„	2. Фалары Александропольскаго кургана	24
„	3. Бронзовая пластинка магическаго содержанія (оборотная сторона)	26
„	4. Бронзовая пластинка магическаго содержанія (лицевая сторона)	27
„	5. Магическій знакъ фурбу (по Schlagentweit'у)	30
„	6. Пряжка Александропольскаго кургана	31
„	7. Фалары Александропольскаго кургана	32
„	8. Золотая бляха (накладка на ремень) изъ Александропольскаго кургана	33
„	9. Фаларъ изъ Янчокракскаго клада	35
„	10. Бляха неизвѣстнаго происхожденія	36
„	11. Золотой олень (накладка налучія) изъ Куль-Оба	37
„	12. Золотой олень изъ Костромской станицы	38
„	13. Золотой олень найденный въ Венгріи (Tápiószentmárton)	39
„	14. Фигуры животныхъ изъ фриза Старобѣльскаго фалара	40
„	15. Фаларъ изъ Старобѣльскаго клада	41
„	16. Бляха изъ Истяцкихъ юртъ на р. Тоболѣ	46
„	17. Бронзовые олени изъ Сибири	47
„	18. Золотая фигурка лани изъ Аму-Дарьинскаго клада	48
„	19. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	49
„	20. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	50
„	21. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	50
„	22. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	51
„	23. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	52
„	24. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	53
„	25. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	54
„	26. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	55
„	27. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	56
„	28. Бронзовая пластинка изъ Минусинскаго округа	57
„	29. Золотая бляха Сиверской станицы (Историческій Музей)	59
II. Рис.	30. Діадема новочеркасскаго клада	73
„	31. Наконечники ремней изъ Венгріи	76
„	32. Наконечникъ ремня изъ Венгріи (Mindszent)	77
„	33. Золотая накладка на ремень изъ Венгріи	78

Стр.
III. Рис. 34. Голова грифона изъ Брѣзова 84
„ 35. Пластинка изъ Брѣзова 84
„ 36. Архангелъ Уріилъ. Живопись гробницы въ Софіи 95
„ 37. Капитель изъ развалинъ Прѣслава 102
„ 38. Поливное блюдо изъ Херсонеса. Схватка грифа со змѣей 103
„ 39. Изображеніе на сосудѣ Миклошскаго клада 104
„ 40. Плита собора Св. Марка въ Венеціи 105
„ 41. Шиферная плита изъ Старой Загоры 106
„ 42. Шиферная плита изъ Старой Загоры 107
„ 43. Шиферная плита изъ Старой Загоры 109
„ 44. Рельефъ на соборѣ Св. Марка въ Венеціи 114
„ 45. Шиферная плита изъ старой Загоры 115
„ 46. Изразцовая икона св. Ѳеодора („Керамиченъ образъ“) изъ Патлейна 126
IV. Рис. 47. Золотая пластинка съ изображеніемъ пары драконовъ Сибирской коллекціи Эрмитажа 140
„ 48. Бронзовый акваманилъ въ видѣ дракона 141
„ 49. Голова дракона изъ бронзы. Собраніе Высоцкаго Казань. (По рисунку Д. В. Айналова) 142
„ 50. Оборотная сторона бронзы собранія Высоцкаго 143
„ 51. Рельефъ съ изображеніемъ дракона въ Коніи 144
„ 52. Китайская бронзовая ваза въ видѣ дракона (Нью-Іоркъ, собр. Е. Мейеръ) 146
„ 53. Китайская бронзовая ваза въ видѣ дракона (Парижъ Музей Чернуски) 147
„ 54. Рельефное изображеніе слона на стѣнѣ собора въ Юрьевѣ-Польскомъ 155
„ 55. Бронзовая фигурка единорога въ музеѣ Чернуски въ Парижѣ 160
„ 56. Бронзовая курильница въ видѣ единорога 162
„ 57. Капитель изъ церкви Св. Евтропія въ Saintes, Charente Inférieure 166
„ 58. Русскія монеты XIV—XV в. в. 171
V. Рис. 59. Сцена ипподрома (раздача царемъ вѣнцовъ). Изображеніе на базѣ обелиска Ѳеодосія 210
„ 60. Изображеніе „каѳисмы“ на фрескѣ лѣстницы Св. Софіи въ Кіевѣ 217
„ 61. Изображеніе Хозроя I (въ „кабатѣ“?) на рѣзномъ камнѣ сассанидскаго блюда въ Луврѣ 231
„ 62. Чаша съ тріумфальнымъ изображеніемъ императора изъ Керчи 234
„ 63. Медальонъ Юстиніана, оборотная сторона (по копіи Британскаго Музея) 237
„ 64. Золотая фигурка всадника 240

			Стр.
V. Рис.	65.	Серебряное „сассанидское“ блюдо	242
„	66.	Китайская ткань монастыря Нара (Японія)	244
„	67.	Греко-египетская ткань. Худ. Пром. Музей въ Берлинѣ	245
„	68.	Бронзовая статуэтка, найденная въ Саратовской губерніи	246
„	69.	Мѣховая куртка. Афганистанъ	таблица между стр. 246 и 277
„	70.	Куртка-кафтанъ татарской женщины. Шемаха	таблица между стр. 246 и 277
„	71.	Кафтанъ-бешметъ туркменской женщины	таблица между стр. 246 и 277
„	72.	Ткань изъ Мозака	248
„	73.	Ткань собора въ Бамбергѣ	249
„	74.	Ткань въ Маастрихтѣ	254
„	75.	Ткань съ изображеніемъ амазонокъ. Худ. Пром. Музей въ Берлинѣ	255
„	76.	Джентиле де Фабріано. Поклоненіе волхвовъ	256
„	77.	Беноццо Гоццоли. Рождество Христово. Средній волхвъ (Императоръ Іоаннъ Палеологъ)	258
„	78.	Беноццо Гоццоли. Рождество Христово. Младшій волхвъ (Лоренцо Медичи)	259
„	79.	Изображеніе палача по альбому Гефнера фонъ-Альтенека	262
„	80.	Младшій волхвъ на картинѣ припис. Антоніо Виварини (по альбому Гефнера фонъ-Альтенека)	263
„	81.	Сассанидская ткань съ изображеніемъ барана (Музей Guimet въ Парижѣ)	270
„	82.	Изображеніе на сосудѣ Миклошскаго клада	287
VI. Рис.	83.	Ткань изъ Антинои. Музей тканей въ Ліонѣ	307
„	84.	Ткань изъ Антинои. Рисунокъ въ Музеѣ Guimet въ Парижѣ	312
„	85.	Ткань изъ Латеранской сокровищницы. Ватиканъ	315
„	86.	Ткань Художественно-Промышленнаго Музея въ Прагѣ	317
„	87.	Ткань въ Музеѣ Cluny въ Парижѣ	318
„	88.	Ткань въ Музеѣ Cluny въ Парижѣ	319
„	89.	Ткань изъ Ахмима. Берлинъ. Худ. Пром. Музей. (По Лессингу)	321
„	90.	Ткань изъ Ахмима. Берлинъ. Худ. Пром. Музей. (По Лессингу)	322
„	91.	Ткань Діоскуровъ. Маастрихтъ	323
„	92.	Ткань изъ Египта	328
„	93.	Ткань въ Музеѣ Cluny. Парижъ	329
„	94.	Фреска, передающая рисунокъ ткани, изъ Кизила (ок. Кучи). Этнографическій Музей въ Берлинѣ	330
„	95.	Персидская ткань (библіотека въ Wolfenbüttel)	331
„	96.	Ткань Латеранской сокровищницы	334
„	97.	Ткань изъ Антинои. Музей Guimet въ Парижѣ	336
„	98.	Ткань съ Кавказа. Историческій Музей въ Москвѣ	340
„	99.	Ткань съ Кавказа. Историческій Музей въ Москвѣ	341
„	100.	Ткань съ Кавказа. Историческій музей въ Москвѣ	342

Стр.

VI. Рис. 101. Ткань съ Кавказа. Историческій Музей въ Москвѣ 343
„ 102. Ткань съ Кавказа (изъ Сванетіи). Историческій Музей въ Москвѣ 344
„ 103. Ткань изъ одной испанской церкви (Берлинъ, Музей Худ. Пром.). 345
„ 104. Ткань въ Берлинѣ. (Музей Худож. Пром.) 346
„ 105. Ткань съ Кавказа (изъ Сванетіи). Истор. Музей въ Москвѣ 348
„ 106. Ткань въ соборѣ Тулузы 350
„ 107. Ткань въ ризницѣ собора въ Сансѣ 359
„ 108. Ткань изъ Кедлинбурга въ Берлинѣ (Худ. Пром. Музей) . 360
„ 109. Ткань изъ Успенскаго собора во Владимірѣ 361
„ 110. Ткань въ Шинонѣ 362
„ 111. Ткань въ Зигбургѣ 363

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

Предисловіе Проф. Л. Г. Нидерле . . . . I—III

I. Древности восточныхъ кочевниковъ и южной Россіи (скиѳо-сарматскія) . . . . 1—60

Введеніе: Общій взглядъ на научную постановку исторіи искусствъ. 1. Древности Восточной Европы. Изученіе скиѳо-сарматскихъ древностей. 3. **1.** Связь кочевниковъ Азіи и Восточной Европы. 5. Бытъ кочевниковъ. 6. Культурный уровень кочевниковъ. 7. Государственность у кочевниковъ. 8. **2.** Религіозныя вѣрованія кочевниковъ. 10. Кудесничество. Магія. 12. Шаманство. 14. **3.** Погребальные обряды. Могильный инвентарь. 17. Конскій уборъ. 19. Фалары. 21. Втулки-наконечники. Характерь орнаментаціи предметовъ. Значеніе отдѣльныхъ формъ. Символы, амулеты, талисманы. 22. Рыба. 25. Грифъ. 29. Символическіе знаки. 30. Композиціи звѣринаго стиля. Южно-русскіе курганы. 31. Типъ витязя-богатыря. Кубанскіе курганы. 41. **4.** Извѣстія Геродота о массагетахъ. 42. Кочевники Сибири и Средней Азіи. 43. Сибирскія древности. 44. Звѣриный стиль у азіатскихъ кочевниковъ. 45. Девности Пермскаго края. 57.

II. Искусство средневѣковыхъ варваровъ въ Европѣ . . . . . . 60—81

Научная постановка исторіи средневѣковаго искусства. 61. Звѣриный стиль въ средневѣковомъ искусствѣ. 63. Византія и варвары. Роль варваровъ въ византійской имперіи. 64. Древности готовъ. 67. Готѳиконъ. 68. Варварскіе некрополи Россіи. Ананьинскій могильникъ. Кавказскія древности. 69. Древности Донской области. Новочеркасскій кладъ. 72. Звѣриный стиль въ Азіи. 74. Древности Венгріи. 75. „Олифанты“. 77.

Приложеніе къ II очерку: Древности Крыма. 79. Древности Великихъ Болгаръ. 80.

III. Древности Болгаріи . . . . 82—132

1. Древности Болгаріи (могильныя). 82. **2.** Рельефъ всадника въ с. Мадара. 86. **3.** Барельефъ съ изображеніемъ цирковыхъ игръ. 90. **4.** Роспись древне-христіанской гробницы въ Софіи. 94. Почитаніе ангеловъ. 97. **5.** Болгарскіе каменные рельефы. Грифъ. 101. Капитель съ изображеніемъ грифа, терзающаго слона. 104. Плита съ изображеніемъ грифа. 106. Плита съ изображеніемъ льва. 107. Павлинъ. 108. Связь павлина съ фениксомъ. 109. Фениксъ. 110. Плита съ изображеніемъ павлиновъ. Памятники съ изображеніемъ того же сюжета. Мозаика Аквилеи. 112. Рельефы Равенны и Рима. Рельефы св. Марка въ Венеціи. 113. Плита съ изображеніемъ двуглаваго орла 115. Двуглавый орелъ какъ эмблема, ея смыслъ и исторія. 116. Общій характеръ болгарскихъ древностей. 119. Вопросъ о ханской усыпальницѣ. 120. Декоративные рельефы Прѣслава. 121. Христіанскіе памятники. Мозаика св. Софіи. 122. Находки въ Патлейнѣ. 124. „Керамиченъ образъ“. 125. Орнаментальные изразцы. 126.

Приложеніе къ III очерку: Варіанты изъ предыдущаго очерка: Мадарскій конникъ. 129. Рельефы Ст. Загоры. Рельефы изъ Дренова. 131. Рельефы Ст. Загоры. 132. Стр.

IV. О звѣриномъ стилѣ въ средневѣковомъ искусствѣ . . . . . 133—177

1. Научная постановка вопроса о звѣриномъ стилѣ и его опредѣленіе. 113. Источники звѣринаго стиля. 134. Смыслъ изображеній звѣринаго стиля. 135. Сказочная литература. „Александрія.“ 136. Версии легенды объ источникѣ жизни. 138. 2. Драконъ. 139. Эмблематическое значеніе дракона въ Китаѣ. 144. Дальне-восточный типъ дракона. 145. Значеніе дракона въ восточной миѳологіи. 147. Персидское и китайское представленія о драконѣ. 148. Библейскій образъ дракона. Представленіе о драконѣ въ христіанскую эпоху. Драконъ въ русскихъ памятникахъ и лѣтописныхъ свидѣтельствахъ. 149. 3. Изображенія звѣрей въ искусствѣ эпохи эллинизма. 150. Физіологи и бестіаріи. 152. Символическія значенія звѣрей. 153. Древность физіолога. Русскій физіологъ. 154. Звѣри. 155. Птицы. 156. Гады. Сложныя формы гадовъ. 158. Чудища. 4. Единорогъ. 159. Восточный типъ единорога. 161. Реальныя черты въ основѣ представленія объ единорогѣ. 163. Обезьяны. 5. Общая характеристика романскаго звѣринаго стиля. 164. Буслаевъ. 165. Шнаазе. 167.
Приложеніе къ IV очерку. 1. Рельефы ц. св. Мины въ Солуни. 168. 2. Восточные ковры. 169. 3. Изображенія на русскихъ монетахъ. 171. 4. Извѣстіе о поморскихъ славянахъ въ житіи Оттона, еп. Бамбергскаго. 173. 5. Фрески потолка Палатинской капеллы. 174.

V. Византійскія одежды . . . . 178—301

Введеніе: Значеніе византійскаго двора. Книга о церемоніяхъ Константина Багрянороднаго. 178. Клиторологій Филоѳея. 180. 1. Чины византійскаго двора. Высшіе чины. Куропалатъ. 181. Кесарь. Новелиссимъ. Магистръ. 182. Стратиги. Патриціи. Анѳипаты. Опоясанная патриціанка. 183. Доместики. Спаѳаріи. 184. Гривна. Маніакъ. 185. Дѣленіе чиновъ. Военые чины. 186. Придворные чины. 187. Препозиты. Евнухи. Папій. 188. Значеніе дворцовыхъ чиновъ. 189. Сочиненіе Кодина. 190. Измѣненія въ спискѣ чиновъ. Измѣненія въ характерѣ чиновъ. 191. 2. Царь. Ихъ отношенія ко двору. 192. Отношеніе царей къ церемоніалу. 193. Церемоніалъ. Царскій выходъ. 194. Выходъ на Вознесеніе. 197. Пріемы у царя. Пріемы пословъ. 198. Пріемъ пословъ халифа и эмира Тарса. Украшенія дворца. 199. „Пентапиргій.“ Царскіе пріемы. Перечень пировъ. 201. Рождественскіе пиры. 202. Пасхальные пиры. 204. Врумаліи. 206. 3. Игры и представленія. 207. Ипподромъ. 209. „Фенгіи“. 211. „Вотъ.“ Луперкаліи. 212. Циканій. Пріемъ Ольги. 213. Фрески лѣстницъ Св. Софіи въ Кіевѣ. 214. Театральный характеръ церемоній. 218. 4. Корона. Стемма. Кесарскій вѣнецъ. 219. Вотивные вѣнцы. 220. Измѣненія въ формѣ стеммы. Иные царскіе головные уборы. Тіара. 221. Головные уборы приближенныхъ чиновъ. Скіадій. 222. Царскія облаченія. 223. Лоръ. 224. Цицакій. 225. 5. Перемѣна въ одеждѣ. 226. Заимствованія отъ „варваровъ“. „Аллаксимы“. 227. „Иматіи.“ Рубашка. Сорочка. Камисій. 228. Кабатъ. Кавадій. 229. Кафтанъ. 231. Стихарій — дивнтисій. Скарамангій. 232. Скараникъ. 238. Ѣздовой кафтанъ по археологическимъ даннымъ. 239. Древности кочевниковъ. 240. Сассанидскія блюда. 241. Восточныя ткани. 242. Восточныя одежды. 244. Восточныя миніатюры. 247. Византійскія ткани. 248. Скарамангій проэдра синклита. 251. Александрійскія ткани. 252. Изображенія волхвовъ въ западной живописи. 255. Мантіи и плащи. 264. „Эпилорикъ.“ Ферязь. 265. Одежды русскаго царскаго двора. 266. „Гранаца.“ „Лапаца.“ 267. Обычай

Стр.

стоять скрестивши руки. 268. „Тампарій.“ **6.** Общій типъ облаченій IX—X в. в. Облаченія царя. 269. Облаченія чиновъ. Характеръ и цѣль записей. 271. Облаченія на праздничныхъ выходахъ. 272. Облаченія препозитовъ. Облаченія новелиссима и магистра. Записи даримыхъ облаченій. 274. Свидѣтельство Прокопія. 275. Свидѣтельства Свят. Іоанна Златоуста о роскоши. Варварскій характеръ роскоши. 276. Смыслъ и значеніе даренія одеждъ варварамъ. Поясъ. 277. Значки. Коймы. 278. Парагауда. Положеніе изученія вопроса. Σήμεντα. 279. Σειρομάστης чауша. Χειρόρτιον. Отличія и ихъ число. 280. Головные уборы. 281. Клобукъ Ѳеодора Метохита. 282. Скипетры, жезлы и т. д. Перилевкій. Яхонтъ. **7.** Конская сбруя. Кареты. 283. Воркадіи. 284. Конскія кисти на археологическихъ памятникахъ. 285. Втулки для кистей у кочевниковъ. 286. Конскій уборъ въ Россіи. 287. Ворворка. 288. **8.** Цвѣтъ одеждъ. Значеніе яркости красокъ. Бѣлыя одежды. 289. Красный цвѣтъ. Его оттѣнки. 293. Переходъ къ красному въ поздней Византіи. Пурпуръ. 296. Черный цвѣтъ. 299. Двуцвѣтныя одежды. 301.

VI. Византійскія и восточныя ткани средневѣковья . . . . 302—364

1. Значеніе тканей для изученія исторіи ср. вѣк. искусства. 302. Назначеніе тканей 303. Принципіальные вопросы классификаціи тканей. Сущность художественной эволюціи въ тканяхъ. 304. Характеръ римско-эллинистическаго орнамента. 305. Роль тканей при изученіи орнамента. Геометрическій орнаментъ. 306. **2.** Растительный орнаментъ. 307. Флора эллинистическаго міра. 308. Ея отраженіе въ искусствѣ. Лавръ и миртъ. Кипарисъ. 309. Гранатовый плодъ. Шелковица. 310. Тыква 311. Растенія избранныя для орнамента. **3.** Пальма. 312. **4.** Виноградная лоза. 316. Плющъ. 318. Аканѳъ 319. Бетель. 320. **5.** Роза. 323. Лилія. 324. Розетка. **6.** Звѣриные сюжеты. 325. Общая постановка вопроса. 327. Павлины. 329. Утки. Львы. 330. Геральдическое значеніе сюжетовъ. Магическое значеніе сюжетовъ. 332. Крылатый конь. Пѣтухъ. 333. Общій характеръ сюжетовъ. 336. **7.** Ткани, найденныя въ Россіи. 337. Кавказъ. 338. Находки гр. Уваровой въ Сванетіи. 343. Ткани со слонами. 344. Ткань съ грифами. 347. Характеръ культурнаго импорта съ Востока. 349. Богатства халифовъ. 351. Названія тканей. 352. Ткани въ древней Руси. 354. Одежды древней Руси. Одежды въ былинахъ. 355. „Регаліи.“ 356. Ткани изъ гробницъ князей. 357. Изображенія грифа на тканяхъ. 358. Ткань съ изображеніемъ гепардовъ. 360. Ткани изъ старой Рязани. 362.

Указатели . . . . 365—445

Русскій 365. Латинскій 437. Греческій 440.

Списокъ рисунковъ 446

Оглавленіе 450

Добавленія и опечатки 453

ДОБАВЛЕНІЯ И ИСПРАВЛЕНІЯ

Стр. 4, прим. 1: Отчеты Имп. Арх. Ком. 1889—1898 и за 1898—1915 г. г. Тамъ же: Записки Имп. Русск. Арх. О-ва.

Стр. 26, прим. 1: Также: M. Rostowzew. Fische als Pferdeschmuck. Opuscula archaeologica Oscari Montelio septuagenario dicata. Holmiae MCMXIII. S. S. 223—231.

Стр. 29, стр. 3 снизу слѣдуетъ читать: японскихъ микадо, то понятна и т. д.

Стр. 31, прим. 1: См. также: П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М-а П-д 1923, рис. на стр. 175.

Стр. 55, прим. 1: Также: G. Borovka. Scythian art. London 1928. M. Rostovtzeff. The Animal Style in S. Russia and China. Princefon 1928 и M. И. Ростовцевъ. Срединная Азія, Россія, Китай и звѣриный стиль. ΣΚΥΘΙΚΑ. 1. Прага 1929.

Стр. 69 къ стр. 16—19 примѣч.: Библіографію объ Ананьинскомъ могильникѣ см.: Tallgren. L'époque dite d'Ananino. Helsingfors. 1919, также M. Ebert. Real-Lexicon der Vorgeschichte, s. v. Anan'ino.

Стр. 86 къ стр. 7 снизу примѣч. см. о Мадарскомъ рельефѣ: Мадарскиятъ конникъ. Изд. на Нар. Муз. въ София. С. 1925. Кр. Миятевъ. Мадарскиятъ конникъ. Изв. на Бълг. Арх. Инст. V 1928/29, стр. 90—126.

Стр. 87, прим. 2; См. также статью Г. Кацарова „Heros" въ III Supplementband Pauly—Wissowa – Kroll, Real-Encyklopädie, Sp. 1132—1148, гдѣ сопоставлены исчерпывающія данныя о ѳракійскомъ конникѣ.

Стр. 91, стр. 19: слово (бестіаріи) слѣдуетъ выпустить. Bestiarii назывались не содержатели звѣрей, а тѣ, кто боролись съ ними.

Стр. 119, прим. 1: Воспроизведеніе плиты въ Марковомъ монастырѣ см.: Dr. Л. Мирковић. Мрњавчевићи. Старинар. III серија. III кн. (1924—25) Београд 1925, стр. 24.

Стр. 129. стр. 14: слова Но такъ какъ слѣдуетъ выпустить и читать: По обѣ стороны и т. д.

Стр. 160, прим. 3: Ib. (Ibidem), рис. 133 относится къ сочиненію O. Keller. Antike Tierwelt.

Стр. 161, къ стр. 14—18 прим.: Воспроизведеніе см.: Н. П. Кондаковъ. О научныхъ задачахъ исторіи древне-русскаго искусства (Памятники древней письменности и искусства CXXXII). 1899, табл. 9 (ср. стр. 41).

Стр. 185, прим. 1, стр. 2: послѣ 91, 411, слѣдуетъ читать: О возложеніи маніака кампидуктора на Анастасія см. тамъ же I, 92, 423, на Юстина — I, 93, 429.

Стр. 201, стр. 1—3: слѣдуетъ читать пятибашенный шкапъ..., по пяти сторонамъ котораго, въ нишахъ, устраивалась выставка... вещей, подвѣшенныхъ и т. д.

Стр. 220, прим. 1: Аналогичный фактъ отмѣченъ тѣмъ же Θеофаномъ и въ отношеніи Юстина (А. М. 6019; ibidem, col. 401).

Стр. 221, прим. 5, стр. 3: слѣдуетъ читать акакія, о которой см.: Н. П. Кондаковъ. Миθическая сума съ земною тягою. Списание на Българската Академия на наукитѣ. XXII, 53—66.

Стр. 224, прим. 2, стр. 2 снизу: послѣ Фибула въ Византіи слѣдуетъ читать Seminarium Kondakovianum III, 1929, стр. 49 и слѣд.

ОПЕЧАТКИ

Страница:	Строка[1]:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
7	2 сн.	Кубечи	Кубачи
8	22 св.	Фирдуси	Фирдоуси
11	11—12 сн.	Аттиллою	Аттилою
14	12 сн.	Аттиллы	Аттилы
23	15 сн.	скиθскихъ утварей	скиθской утвари
42	13 св.	Семибратскіе	Семибратніе
46	1 св.	ἴνδαλματα	ἰνδάλματα
67	16 св.	крайнѣ	крайне
70	2 св.	Новочеркасскими	Новочеркасскимъ
75	1 св.	Идію	Индію
77	4—5 св.	арабесковъ	арабесокъ
80	3 сн.	озображая	изображая
81	1 св.	. Три	; три
81	4 св.	. И наконецъ	; и наконецъ
83	13 св.:	послѣ настоящихъ пропущено слово	предметовъ
83, прим. 1		Veure	Seure
88	22 св.	всдѣдъ	вслѣдъ
94	16 сн.	0,16 см.	0,16 м.
96, прим. 1		Pedrizet	Perdrizet
104	7 св.	двевностямъ	древностямъ
110, прим. 2		ave fabulose	an fabulose
110, прим. 2		circo	circa
110, прим. 2		destinguentibus	distinguentibus

[1]) При счетѣ снизу строки примѣчаній не принимаются во вниманіе.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
111	20 св.	Гелеополя	Геліополя
135, прим. 1		Еврипида, Ἴων,1158—9)61—2	Еврипида Ἴων, 1158—62
136	8 св.	ипотамахъ	ипопотамахъ
136	10 св.	ἱππαλέκτρυων	ἱππαλεκτρυών
138	7 сн.	Калисѳенъ	Каллисѳенъ
138, прим. 1		pertie	partie
138, прим. 2		Калисѳена	Каллисѳена
142, прим. 1		Mittelalter	Mittelalters
143, прим. 1		Inp.	Imp.
150		III.	3.
153, прим.		ἑκαστοῦ	ἑκάστου
155	6 св.	Ефратѣ	Евфратѣ
160	подъ рис. 55	Борнзовая	Бронзовая
161	20 св.	зрѣря	звѣря
165	13 сн.	множество	во множествѣ
180	на поляхъ	Клиторогій	Клитологій
181	на поляхъ	Курополатъ	Куропалатъ
191	12 сн.	(πιγκέρνες)	(πιγκέρνης)
194	11 св.	Константинъ и Тиверій	Тиверій — Константинъ
195, прим. 1		Χερνιβσξέστα	Χερνιβοξέστα
201	8 св.	τα	τὰ
203	8 св.	прилашаютъ	приглашаютъ
238, прим. 2		ἔχσν	ἔχον
239	7 св.	κοιτῶνουσ	κοιτῶνους
243	4 сн.	мелочно-персидскій	мелочно персидскій
251	16 св.	ξώνην	ζώνην
252, прим. 3		θαλασσας	θαλάσσας
265, прим. 6		Савватовъ	Савваитовъ
267	5 св.	браслетъ	браслетовъ
268, прим. 4		comptuaires	somptuaires
270	подъ рис.	Рис. 79	Рис. 81
281	3 сн.	рѣка	вѣка
298	6 св.	маѳорія	мафорія
300	11 св.	Іустина	Юстина
312	21 сн.	Уллисъ	Улиссъ
320	15 св.	индускій	индусскій
353	2 сн.	Македонина	Македонянина
357, прим. 2		Арехол.	Археол.
396	II столб.	Кубечи	Кубачи
421	II столб.	Семибратскіе	Семибратніе

3 9001 01951 2048

BK 4
14692 3

BARCODE
INSIDE